

АЛЬФРЕД
ШКЛЯРСКИЙ

1

АЛЬФРЕД
ШКЛЯРСКИЙ

«TERRA» - «TERRA»

БОЛЬШАЯ
БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

Альфред
Шклярский

СОЧИНЕНИЯ
В ЧЕТЫРЕХ ТОМАХ

Том первый

ТОМЕК
В СТРАНЕ КЕНГУРУ
роман

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ТОМЕКА
НА ЧЕРНОМ КОНТИНЕНТЕ
роман

МОСКВА
«ТЕРРА»-«TERRA»
1995

ББК 84.4П
Ш66

Внешнее оформление
М. ПЕТРОВА

- Шклярский А.
Ш66   Сочинения: В 4 т. Т. 1: Томек в стране кенгуру; Приключения Томека на Черном континенте: Романы / Пер. с польск. — М.: ТЕРРА, 1995. — 560 с. — (Большая библиотека приключений и научной фантастики).
ISBN 5-300-00155-4 (т. 1)
ISBN 5-300-00156-2

Все романы, включенные в четырехтомник, рассказывают о необычных приключениях Томека Вильмовского и его друзей. Читатель узнает много нового о первозданной природе, растительном мире, обычаях жителей тех стран и континентов, куда попадают герои произведений.

В первый том включены романы об экспедициях в Австралию и Африку за дикими животными для зоопарков.

Ш 4804010100-205   Подписное
А30(03)-95

ББК 84.4П

ISBN 5-300-00155-4 (т. 1)
ISBN 5-300-00156-2

© Издательский центр «ТЕРРА», 1995

ТОМЕК
В СТРАНЕ КЕНГУРУ

роман

I

МЕСТЬ

Звонок вот-вот должен был возвестить конец перемены. Школьный коридор медленно пустел, ученики уходили в классы, в стенах школы постепенно устанавливалась тишина. Небольшая кучка четырехклассников вертелась вблизи парадной лестницы и у двери, ведущей в учительскую. По мере того как приближался конец перемены, в сердца сновавших по коридору ребят проникала робкая надежда: не пришел учитель географии Красавцев. Во всяком случае, его не было ни в канцелярии, ни в учительской. Может быть, он заболел и вообще не придет сегодня в школу? А может быть, он хотя бы опоздает, как это часто с ним бывало? Среди ребят, шепотом беседовавших в коридоре, выделялся Томек Вильмовский, хорошо сложенный блондин, оживленно утешавший своих нервничавших друзей:

— А я вам говорю, сегодня «пилы» в школе нет. Я убедился в этом лично и ручаюсь, что это правда. Может быть, его служанка, уходя в город за покупками, нечаянно заперла дверь на ключ? Вот была бы потеха! Вы себе представляете «пилу» с журналом в руке, мечущегося из угла в угол по квартире? Ах, если бы это увидеть!

Лица у ребят засияли при мысли о такой великолепной возможности. Впрочем, трудно удивляться, что домыслы Томека возбуждали у его друзей надежду и радость. До летних каникул оставалось не больше трех недель, а Красавцев, или, как его дразнили ученики, «пила», предупредил, что перед своим ускоренным отъездом в Россию оставит «польским бунтовщикам» такую память, что они не забудут о нем весь следующий год «сидения» в том же классе. Эта угроза

могла означать только лишь ухудшение отношения дирекции гимназии к четырехклассникам.

Опасения были не лишены оснований. Некто Мельников, назначенный несколько месяцев тому назад директором гимназии, очень твердо требовал от своих воспитанников безусловного послушания и привязанности к царской фамилии. Дело в том, что наш необыкновенный рассказ начинается в 1902 году, в то время, когда значительная часть Польши находилась под правлением русских царей. Новый директор, которого ученики возненавидели всеми фибрами своей души, отличался чрезвычайным усердием в деле русификации польской молодежи. Ему было мало того, что все уроки велись на русском языке. Мельников, и под его влиянием некоторые учителя, строго следил за тем, чтобы ученики в школе вообще не говорили по-польски. Новый директор посвящал множество времени изучению семейных отношений своих воспитанников. Он на каждом шагу и в каждом ученике подозревал враждебность к царской России, что, как правило, отражалось в дневниках учеников единицами и двойками по многим предметам.

Сразу же после своего назначения в гимназию Мельников обратил внимание на четвертый класс. По его мнению, в этом классе не было «русского духа». Четырехклассники не очень прилежно учили русскую историю, многие из них плохо знали русский и, как утверждали доносчики, говорили между собой по-польски. Обеспокоенный этим директор обратился за справкой в полицию и узнал, что некоторые из родителей его учеников считались «неблагонадежными». Поэтому, не долго думая, директор решил разорить «осиное гнездо» и выдал соответствующее приказание своему доверенному, учителю географии, шестидесятилетнему Красавцеву.

Мельников вызвал Красавцева в Варшаву и определил его на место учителя, который после несчастного случая заболел и подал в отставку. Красавцев, одинокий, обозленный человек, часто искал забвения в алкоголе. Поэтому в школе он был чрезвычайно рассеян, сосредоточив внимание на выполнении тайных распоряжений Мельникова. Чтобы ничего не забыть, Красавцев вносил в записную книжку важней-

шие приказания своего начальника. В эту книжку он постоянно заглядывал во время урока.

Ученики прекрасно чувствовали отношение директора и его приспешника к ним, поэтому недвусмысленная угроза Красавцева возбудила у них страх перед последним в этом учебном году уроком географии.

В коридорах школы резко задребезжал звонок. Четырехклассники с облегчением вздохнули. Они вошли в класс и через приоткрытую дверь наблюдали за учителями, спешившими на урок. Красавцева не было. Но вот Юрек Тымовский, скрытый за колонной в коридоре у лестничной клетки, стал делать рукой знаки, будто пилил дерево. Томек Вильмовский сразу же понял в чем дело.

— Вот черт возьми! Все же «пила» появился в школе,— обратился он к укрывшимся за ним коллегам.

Юрек Тымовский появился в классе. Разочарованно махнул рукой, говоря:

— «Пила» уже на лестнице. На ходу снимает пальто и милосердным образом сопит... Это же надо, чтобы в такой прекрасный, солнечный день человека ожидала позорная судьба...

— Может, обойдется. Важнее всего не терять присутствия духа,— шепнул Томек, сжимая локоть своего друга.

Взволнованные ребята спешно занимали свои места. Исключение составлял первый ученик Павлюк, известнейший подлиза, который среди своих товарищей слыл ябедником и шпионом. Ему-то бояться нечего. Он сидел прямо и со злобным удовлетворением смотрел на обеспокоенных соседей.

Томек Вильмовский сел на парту рядом с Юреком Тымовским. У него, собственно, не было причин опасаться за себя. Он превосходно учился, а география была его любимым предметом. Если бы среди большинства учителей он не пользовался репутацией «польского бунтовщика», то, по всей вероятности, считался бы первым учеником. Сегодня он боялся только за своего приятеля, которому угрожала явная опасность остаться на второй год. В школе все знали, что у отца Юрека недавно были неприятности с жандармерией. Он был инструктором верховой езды в ма-

неже на Литовской улице, где, как подозревала полиция, происходили тайные собрания поляков, выступавших против царской России. За это Мельников уже не раз вредил Юреку, да и теперь не было сомнения, что он поручил Юрека «опеке» Красавцева. Томек дружил с Юреком и очень любил его отца. Благодаря хорошим отношениям с Тымовскими, он пользовался в манеже некоторыми привилегиями. Старший Тымовский в свободное время обучал мальчиков верховой езде. По уверениям инструктора, Томек держался в седле очень хорошо. Томек чрезвычайно гордился этим. Скромные материальные условия опекунов не позволяли ему слишком много развлекаться. По многим соображениям бесплатное обучение верховой езде было для него огромным удовольствием. Теперь Томек с беспокойством думал о том, сколько хлопот и неприятностей ожидает отца Юрека, если его сын не перейдет в следующий класс.

Со школьным журналом под мышкой Красавцев вошел в класс. Достаточно было одного взгляда, чтобы заметить плохое настроение учителя. Шаркая ногами, он уселся за кафедру, разложил на ней журнал и, что-то бормоча себе под нос, стал нервно копаться в карманах. Не находя того, что ему нужно, гневно морщил лоб. Видя это, Юрек Тымовский обратился к Томеку и тихо сказал:

— Ого, вот будет страшный суд! Наверное, «пила» опять забыл свои очки...

— Ну и хорошо! — тоже шепотом ответил Томек. — А может быть, и записную книжку забыл сегодня...

Надежды ребят исполнились только наполовину. Как раз в этот момент учитель достал из кармана записную книжку, положил ее перед собой и в гневе пожал плечами: очков не было. Некоторое время он что-то искал на страницах записной книжки, после чего начал кривым пальцем водить по журналу, который лежал перед ним на кафедре.

Урок начался. Красавцев то и дело вызывал учеников к доске. Задавал один или два каверзных вопроса и ставил в журнале отметку. Оценки были весьма суровые.

Томек и Юрек сразу же сообразили, что учитель вызывает тех учеников, родители которых считались «неблагонадежными». Юрек сидел с головой опущен-

ной на грудь. Томек беспокойно поглядывал на дверь, ведущую в коридор.

«Может быть, уже скоро звонок и конец урока! — думал он.— Что будет, если Юрек получит двойку по географии?!»

Действительно, положение Юрека Тымовского было незавидное. Ведь и без того он почти по всем предметам получал плохие отметки, так как не мог должным образом усвоить русское ударение. Красавцев, низко склонившись над журналом, продолжал водить пальцем по странице, теперь он задерживался на фамилиях, начинающихся с последних букв алфавита. Вот он вызвал Татаркевича.

— Такой провал и как раз в конце года,— шепнул Юрек.— Чувствую, что следующим буду я...

— Сейчас, верно, будет звонок, может быть, он не успеет...— утешил его Томек, хотя сам не верил в счастливый конец урока.

Невольно он взглянул на учителя. Тот как раз ставил отметку Татаркевичу, носом почти касаясь журнала. Это обстоятельство подсказало Томеку сумасбродную идею. Учитель давно болел глазами, он был очень близорук, а сегодня, к счастью, забыл очки и все его внимание было сосредоточено на журнале, в котором он с таким удовольствием ставил плохие отметки.

«Надо во что бы то ни стало спасти Юрека, хотя бы из благодарности к его отцу,— решил Томек.— Будь что будет! Была не была!»

Красавцев, не отрывая глаз от журнала, вызвал:

— Тымовский!

— Сиди! — шепнул Томек и, скрывая волнение, стремясь сохранить полное спокойствие, вышел вместе Юрека к доске.

Ученики взволнованно зашевелились на партах, но потом замерли без движения, затаив дыхание. В классе воцарилась мертвая тишина.

Все знали, что Красавцев готовится нанести смертельный удар. Несколько секунд он с иронической улыбкой на лице думал, какой вопрос задать, чтобы утопить нелюбимого ученика, и, не поднимая и не поворачивая головы, буркнул:

— Ну-ка, скажи, как называется самая длинная на земле цепь островов!

Всегда решительный и в опасные моменты собранный, Томек сумел овладеть вдруг охватившей его дрожью. Подражая голосу Юрека, он ответил:

— Самый длинный на земле архипелаг островов — это Японские острова. Они тянутся вдоль восточного побережья Азии и вместе с Малайским архипелагом омываются четырьмя большими морями: Охотским, Японским, Желтым и Восточно-Китайским. Японский архипелаг состоит из пяти больших островов и около 600 малых. Четыре больших острова составляют собственно Японию. Японские острова — это последняя суша со стороны Тихого океана, поэтому японцы называют свою родину Страной восходящего солнца.

Учитель вздрогнул, неприятно удивленный ясным и превосходным ответом. Он немедленно задал второй вопрос:

— Перечислите важнейшие вулканы Мексики.

— Важнейшими вулканами Мексики являются: Орисава, высота пять тысяч пятьдесят метров, и Попокатепетль, высота которого достигает пяти тысяч четырехсот пятидесяти метров. Они замыкают низменность Мексики с юга и придают пейзажу страны своеобразную красоту.

От волнения Красавцев громко засопел. Второй ответ был так же хорош, как и первый. Он задумался и наконец задал коварный вопрос:

— Гм, гм, скажи-ка ты мне, что ты считаешь крупнейшим достижением в мире за последние десять лет?

Томек моментально почувствовал расставленную ловушку. Чтобы он ни ответил, Красавцев может ему возразить.

«Надо схитрить, чтобы поразить «пилу», — подумал он. И, вспомнив статью, прочитанную в газете несколько дней тому назад его дядей, спокойно ответил:

— Крупнейшим достижением цивилизованного мира за последнее десятилетие, несомненно, является строительство транссибирской железной дороги в России. Протяженность линии от Москвы до Владивостока составляет свыше восьми тысяч километров. Это одна из длиннейших железных дорог в мире.

Красавцев сидел без движения, будто пораженный молнией. Откуда этот сын «бунтовщика» мог догадаться, о чем он спрашивает? Ведь теперь ни в коем случае нельзя было возразить. И хотя старый пьяни-

ца-учитель не колебался, ставя плохие отметки по приказанию директора, но теперь отличные ответы плохого до сих пор ученика ему понравились. Нет, этого паренька, несмотря на горячее желание, оставить на второй год в классе нельзя.

«Ну и черт с ним! Ведь один такой мальчишка не сможет повредить великому царю»,— подумал он, а громко сказал:

— Счастье твое, что ты подготовился к ответу... даже ударение у тебя стало лучше. Я думаю, что ты мог бы знать географию, как этот плут Вильмовский, ну, иди на место!

Томек едва удержался от смеха. Красавцев быстро поставил в журнале пятерку, а все ученики начали тихонько посмеиваться.

Вдруг произошло нечто ужасное. Павлюк встал и сказал:

— Господин учитель, ведь это не Тымовский!

Томек побледнел и остановился. Правда, в этот момент Юрек, сидевший на парте за Павлюком, крепко потянул ябедника за ухо, но было уже поздно. Учитель поднял голову. Посмотрел на Томека, но не был уверен, не подводит ли его зрение.

— Подойди-ка ближе,— сказал он.

Томек сделал два маленьких шага по направлению к кафедре.

— Еще ближе,— буркнул Красавцев, широко открыв глаза. Томек подошел к самой кафедре.

— Что же это значит, Вильмовский? — грозно спросил учитель, всматриваясь в лицо Томека.— Ведь я вызывал Тымовского!

— Никак нет, господин учитель! Я ясно слышал свою фамилию,— ответил Томек, опасаясь, что громкий стук сердца выдаст его.

— Ерунду городишь! Я вызывал Тымовского,— возмущенно повторил Красавцев.

Павлюк хотел отозваться, но Юрек потянул его за полу мундира, шепча:

— Изобьем тебя как сидорову козу, если скажешь хотя бы одно слово, ты, ябеда!

Красавцев, не уверенный в себе, подозрительно глядел на Томека. Может быть, он действительно ошибочно назвал фамилию? Он раздумывал, не провести ли расследование.

— Извините, господин профессор, если я плохо расслышал,— Томек изменил тактику защиты.— Я так хотел ответить еще раз до конца года... По всей вероятности, я ошибаюсь, потому что вы, господин учитель, ошибаться не можете.

Под влиянием неожиданной лести Красавцев несколько подобрел. Вильмовский был превосходным учеником по географии, поэтому Красавцев всегда вызывал его во время посещения класса инспекторами. Несмотря ни на что, учитель питал слабость к веселому и сметливому пареньку. Посмотрел на часы, лежавшие на кафедре. Урок вот-вот должен кончиться. Он решил еще раз вызвать Тымовского, против фамилии которого в его записной книжке стояла жирная красная точка.

— Ну, Вильмовский! В следующий раз будь внимательнее, а то будет тебе худо,— сурово сказал учитель.

Томек глубоко вздохнул, как человек, выплывший на поверхность после длительного пребывания под водой. У него сейчас же улучшилось настроение. До звонка остались считанные минуты, и Юрек будет спасен. Чтобы выиграть время, он низко поклонился учителю и, притворяясь раскаявшимся, сказал:

— Мне так неприятно, господин учитель, за мою рассеянность. Я вам очень благодарен за то, что вы простили мне ошибку. Еще раз очень извиняюсь, господин учитель.

— Ну ладно, ладно, Вильмовский,— бормотал Красавцев.— Иди уж на место. Тымовский, к доске!

Однако, пока Юрек подошел к кафедре, в коридоре раздался звонок. Красавцев моментально забыл об ученике. Сегодня ему предстояло сделать несколько прощальных визитов перед отъездом на каникулы в Россию. Он быстро спрятал часы и записную книжку в карман и захлопнул журнал. Бормоча что-то под нос, он спешно выбежал из класса.

— Ты меня спас,— шепнул Юрек Томеку.

Они вместе вышли из класса. В коридоре их окружили товарищи. Все они поздравляли Томека, удивляясь его отваге и присутствию духа. Все были возмущены поступком Павлюка. Предлагали сразу же избить ябедника, но Томек прекратил спор, говоря:

— Я не согласен на драку. Нас выбросят из школы перед самым концом года. Павлюк только хотел меня

подвести за то, что я учусь лучше, чем он. Это наш давнишний спор с Павлюком. Будьте спокойны, я ему отомщу, но пока это тайна. Вы увидите, как я ему отплачу!

Прозвучал звонок на следующий урок. Ученики вернулись в класс. К общему удивлению, Томек начал беседу с Павлюком, как будто между ними ничего не произошло. Обманутый добродушием коллеги, испугавшийся было ябедник успокоился.

А Томек был в самом деле в прекрасном настроении. Он спокойно ждал урока истории. На урок должен был прибыть инспектор, что устраняло от него и Юрека всякую опасность быть вызванными. Ведь именно нежелание учеников учить русскую историю возмущало директора школы. Даже такой хороший ученик, как Томек, не раз предпочитал получить двойку, чем, к примеру, перечислить на память членов ненавистной полякам царской фамилии. Ясно, что учитель истории не допустит до компрометации при инспекторе. Поэтому Томек был уверен, что отвечать будет первый ученик класса — Павлюк. Томек задумал план мести и весело беседовал с подлизой, чтобы усыпить его бдительность.

Дверь класса открылась, вошли учитель истории и инспектор. Как только ребята, поприветствовав важного инспектора, уселись, Томек достал из ранца картонную коробочку. Осторожно приподнял крышечку с отверстиями, проделанными шпилькой. На лице Томека появилась хитрая улыбка. Огромный жук-олень¹, пойманный Томеком три дня тому назад во время загородной экскурсии, ничуть не потерял резвости, несмотря на тяжесть жизни в неволе. Едва лишь Томек поднял крышку коробки, как насекомое высунуло свои огромные клещи, стремясь выползти на свободу. Томек посадил жука назад в коробку и спрятал ее в карман.

Урок проходил так же, как в обычный школьный день. Сначала учитель подробно рассказал, не заглядывая даже в книгу, последний изучаемый в этом го-

---

¹ Жук-олень (*Lucanus cervus*) — крупнейший из жуков, обитающих в польских лесах, в большинстве случаев в дубравах. Длина его достигает 6 см, к чему следует прибавить у самцов длинные клещи, доходящие до 2,5 см.

ду раздел из истории Российской империи. Потом, чего он обыкновенно не делал, он напомнил ребятам о пройденных уже периодах истории и закончил только тогда, когда инспектор, посмотрев на часы, заявил, что желал бы выслушать ответы кого-нибудь из учеников.

Для Томека наступило время действовать. Как только учитель заглянул в журнал, как бы выбирая, кого вызвать, Томек быстро достал из кармана коробочку. Приложив ее к спине Павлюка, приоткрыл крышку. Огромный жук немедленно воспользовался случаем и выполз из коробочки. Он очутился на воротнике мундира Павлюка как раз в тот момент, когда учитель вызвал его к доске.

Павлюк остановился у кафедры. Низко поклонился инспектору и учителю. На все вопросы он отвечал без запинки, словно читал по книжке. Теперь он, стоя навытяжку, без ошибки повторял новый урок. Учитель с триумфальной улыбкой поглядывал на совершенно удовлетворенного инспектора.

Наблюдая за успехом своего противника, Томек переживал настоящую бурю беспокойства.

«Что случилось с жуком? — думал он.— Подлиза боится насекомых. Что за великолепная месть, если он испугается жука теперь, во время чтения наизусть образцового урока!»

Жук, по-видимому, ничего не знал о желании Томека и все еще не подавал признаков жизни. В конце концов Томек стал уже жалеть, что совершенно напрасно трудился, собирая пищу для неблагодарного насекомого. Вдруг Павлюк нетерпеливо дернул головой.

В сердце Томека появилась надежда. Павлюк второй раз дернул головой и дотронулся пальцами до шеи. Теперь события, о которых мечтал Томек, начали нарастать с быстротой снежной лавины. Павлюк нервным движением поднес руку к глазам и увидел в ней огромного жука. Он пронзительно закричал и произвольно отбросил насекомое. Жук попал в лицо инспектору, который вскочил, будто на него плеснули кипятком.

Произошел страшный скандал. Учитель, испуганный не меньше инспектора, сурово отчитал Павлюка и дал ему выговор. Он кланялся, принося разобижен-

ному начальнику извинения. Конечно, урок окончился, так как разгневанный инспектор вышел из класса, за ним поспешил расстроенный учитель.

Надуваясь словно павлин, Томек вторично в этот день принимал поздравления от восхищенных друзей. Одним ударом ему удалось отомстить подлому ябеднику и подложить свинью учителю, излишнее усердие которого приносило Томеку дома большие неприятности.

После уроков Томек и Юрек вместе вышли из школы.

II

ТАИНСТВЕННЫЙ ГОСТЬ

Попрощавшись с Юреком, Томек остановился у маленького сквера в центре площади Трех Крестов. Он задумался над тем, как провести остальное время. Ему не хотелось возвращаться из школы прямо домой, после столь интересно начавшегося дня. Солнечный июльский день благоприятствовал прогулке по городу. Искушение было тем больше, что достаточно было пройти через площадь, чтобы попасть в тенистые, осененные буйной зеленью Уяздовские аллеи. Томек думал, что если не воспользуется теперь великолепным случаем, то дома тетя Янина, как всегда, найдет тысячу причин, чтобы никуда больше не пустить.

Томек долго раздумывал о том, как лучше провести время, но никак не мог принять окончательного решения. Обмануть тетку было нелегко. Ежедневно после прихода детей из школы она внимательно расспрашивала их о том, что задано, вызывали ли их и какие отметки поставили учителя; почти всегда такая беседа кончалась словами: «А теперь покажите-ка ваши дневники!»

Если дети пытались обмануть ее и в дневнике стояла другая отметка, чем было сказано, происходил длинный разговор. За опоздание из школы тетка наказывала так же, как и за плохие отметки.

Дети тети Янины — Ирена, Збышек и Витек — с детства привыкли к суровому характеру матери и лег-

че мирились с ее требовательностью. А вот Томек не умел даже притворяться раскаявшимся, как это делали они. Поэтому тетка наказывала его чаще, чем их.

У тети Янины были причины для того, чтобы обращать серьезное внимание на Томека. После смерти матери Томек остался, по сути дела, круглым сиротой, и кто знает, что бы с ним произошло, если бы не Карские, взявшие его на воспитание. Мама Томека умерла через два года после бегства за границу мужа, спасавшегося от царских жандармов. Тетя Янина хорошо помнила трагедию сестры и как огня боялась всякой политики. Ведь за участие в политических заговорах в лучшем случае человек попадал в Сибирь.

К ее неудовольствию, Томек считал отца героем и в мечтах стремился подражать ему во всем. От отца он унаследовал способности и любовь к науке. Подобно отцу, он особенно интересовался географией. Почти все свободное время он посвящал чтению разнообразных книг с описанием чужих стран, их населения, природы, а если ему попадала в руки книга польского путешественника и открывателя, то Томек не мог от нее оторваться, пока не прочитывал ее всю. Он больше, чем его сверстники, знал о трагической истории Польши, которая вот уже почти сто лет находилась под игом враждебных держав¹. Его мама до последнего дня своей жизни учила Томека истории Польши, она часто напоминала ему об отце, который вынужден скрываться от преследований за то, что хотел добиться самостоятельности Польши и счастья для своей родины.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что Томек нередко получал плохие отметки по истории, которую знал в другом варианте, чем ему преподносили в школе. Получая от тетки выговоры за это, он старался скрыть свое нежелание учить официальную историю, но это ему не всегда удавалось. Поскольку по всем другим предметам у Томека были хорошие отметки, классный надзиратель считал, что мальчик может, но не хочет учить историю. После каждой плохой отметки Томек получал от трусливой тети массу упреков. Очень плохо обстояло дело с последней чет-

---

¹ В то время польские земли находились во владении трех империй: Германской, Российской и Австро-Венгерской.

вертью: ему дали выговор. И на этот раз тетя замучила его упреками и в волнении даже вскричала:

— Кончишь так, как твой отец!

Томек обиженно спросил ее:

— Тетя, ты на самом деле считаешь, что мой папа сделал что-нибудь плохое?

— Он вогнал в могилу твою мать, а мою сестру! — гневно воскликнула тетя.

И вот тогда Томек и тетя Янина были поражены неожиданностью. Дядя Антоний, обыкновенно спокойный, корпящий над своими бухгалтерскими книгами, вдруг с треском бросил на стол ручку и, пожалуй, впервые за свою жизнь обратился к жене в повышенном тоне:

— Когда ты наконец перестанешь мучить бедного парня? Почему ты хочешь уничтожить в нем то, что есть у него лучшего?

От неожиданности тетя онемела, а Томек очень удивился. Впрочем, все успокоились быстро, потому что дядя, поправив нервным движением очки на носу, снова взялся за свою работу. С этого времени тетя полностью изменила свое отношение к Томеку. Она перестала требовать от него хороших отметок по истории, но со всей суровостью стремилась ограничить его пребывание вне дома. Вот почему прогулки по городу и уроки верховой езды были для Томека таким большим искушением.

Томек стоял на площади Трех Крестов и думал. Если он вернется домой сейчас, ему придется сразу же сесть за уроки, а потом надо будет помочь двоюродным братьям. Скука ужасная! Как было бы хорошо пойти в Ботанический сад! Что же делать? Во время этих сложных размышлений и борьбы с самим собой ему неожиданно пришла в голову великолепная идея:

— Пусть судьба решит, что делать!

Он направился к ближайшему уличному фонарю, считая шаги и приговаривая:

— Прогулка, дом, прогулка, дом, прогулка, дом,— и, к своей великой радости, остановился около фонаря на слове «прогулка».

Томек вздохнул с облегчением, благодаря судьбу за столь удачное решение сложной проблемы. Он быстрыми шагами пошел вдоль Уяздовских аллей.

Он не заметил, как очутился в Ботаническом саду, и скоро совсем забыл о неприятностях, ожидавших его дома. Томек сел в тихом уголке. Опыняющий запах цветов и веселое щебетание птиц располагали к мечтам. Обыкновенно в такие минуты Томека охватывала тоска по почти незнакомому отцу. Он закрывал глаза... В воображении ему виделся неясный образ высокого мужчины, лица которого он совершенно не помнил. Томек не знал даже, где его отец находится и что сейчас делает. Тетя Янина тщательно скрывала от Томека эту тайну. Письма от отца приходили очень редко, но регулярно; два раза в год почтальон приносил тете повестку на Главный почтамт. После каждой такой повестки тетя покупала детям новые костюмчики. Это был знак, что отец Томека прислал деньги.

Супруги Карские относились к Томеку так же, как к своим детям. Единственное различие было в том, что Томек посещал частные уроки английского языка у англичанки, поселившейся в Варшаве. Плата за обучение иностранному языку была столь велика, что дядя Антоний, конечно, не мог раскошелиться на это свои деньги. Поэтому Томек был убежден, что английский язык он изучает по требованию своего отца. Желая сделать ему приятное, он учился очень прилежно. Упорно зубря английские слова, он думал: пусть знает, как я его люблю.

Теперь, сидя на скамейке в парке, он вел в мечтах беседу с отцом, представив себе, что они встретились. Конечно, беседа должна вестись на английском языке, ведь отцу будет интересно узнать, сумел ли Томек изучить этот язык. Поэтому Томек сам задавал себе вопросы и отвечал на них, выискивая в словаре трудные слова, и совершенно не заметил, как прошло три часа. Тем временем аллеи сада заполнились людьми. В конце концов погруженный в глубокое раздумье Томек очнулся.

«Пожалуй, уже очень поздно,— подумал он.— Тетя Янина опять будет сердиться...»

Томек с неохотой стал думать о возможном наказании. Нечаянно его взгляд задержался на зеленых кустарниках.

«Ах, раз уж судьба предсказала мне прогулку, так пусть предскажет, буду ли я наказан,— решил Томек

и сорвал веточку. Срывая листки, он повторял: — Накажут, не накажут, накажут, не накажут...»

Томек повеселел, бросая на землю последний листок. Получилось, что «наказания не будет». Он подумал: «А почему не будет? Ведь тетя всегда обращает большое внимание на пунктуальное возвращение из школы. Может быть, у тети заболела голова? — рассуждал Томек.— Если она легла и заснула, то, конечно, наказания не будет. А может быть, пошла за покупками и не спросит, вернулся ли я вовремя?»

Томек решил убедиться в правильности предсказания и поспешил домой. Мокотовская улица недалеко, и, вскоре очутившись у дверей дома, он остановился в нерешительности. Что будет, если гадание неверно? Томек не любил, когда тетя волновалась из-за него. Но дольше терпеть неизвестность он не мог. Томек быстро прошел через подъезд и остановился в конце внутреннего двора. Посмотрел на темные обычно окна третьего этажа и почувствовал беспокойство. В зале горел яркий свет. Это был явный признак того, что в квартире тетки происходят необыкновенные события. Значит, наказание не минует его?

«Плохо, а и в самом деле плохо,— испугался Томек.— Значит, гадание ни к чему. Ну конечно, ведь сегодня суббота, а тетя всегда говорила, что всякого рода гадания и сны исполняются только по понедельникам, средам и пятницам. Как же я не вспомнил об этом раньше!»

Томек, готовый к самому худшему, опустив голову, медленно побрел на третий этаж. Нажал на кнопку звонка. Дверь открыла двоюродная сестра, Ирена.

— Где ты был так долго? — спросила она повышенным тоном.

Томек махнул рукой и пробормотал:

— Судьба сыграла со мной плохую шутку. Я совсем забыл, что сегодня суббота...

— Что ты плетешь? — нетерпеливо спросила Ирена.

— Тетя очень сердится? — спросил Томек, не обращая внимания на ее слова.

— Не знаю, она уже три часа сидит запершись в зале вместе с отцом и каким-то таинственным гостем.

Томек облегченно вздохнул всей грудью. У него сразу же улучшилось настроение. Значит, гадание на

листьях оказалось самым верным способом узнать будущее.

— А где Витек и Збышек? — обратился он к девочке, заинтересованный ее возбуждением.

— Подглядывают в замочную скважину, — быстро разъяснила Ирена.

— Они за это получают, если тетя заметит. Что, разве они никогда не видели гостей? Ты тоже, наверное, подглядывала?

— Эге! Ты Томек сегодня что-то очень важничаешь! — ответила с неудовольствием сестра. — За это ты ничего больше от меня не узнаешь!

— Все равно ты не выдержишь, поэтому лучше сразу расскажи о том, что знаешь!

— Сейчас ты нас попросишь, чтобы записали тебя в очередь подглядывать в замочную скважину, как только узнаешь, что это вовсе необыкновенный гость. Едва он вошел в переднюю, как прямо так и запахло настоящими джунглями.

— Может, это у него духи такие? — шутливо сказал Томек.

— Ты дурак! — возмутилась Ирена. — Дело совсем не в запахе. Он выглядит так, как будто только что вернулся из самого центра Африки.

— Что же было дальше? — спросил Томек.

— Гость что-то сказал маме, она чуть не упала в обморок и позвала: «Антось, Антось! Иди скорее сюда, у нас необыкновенный гость!» Потом они втроем заперлись в зале и до сих пор беседуют.

Томек побледнел. Он выронил из рук ранец. Его взволновала неожиданная мысль.

— Ира, ты хорошо знаешь, кто это? — спросил Томек с глубоким волнением.

— Я же тебе сказала, что не знаю. Но вижу, что ты тоже очень заинтересовался нашим гостем!

Томек подавил волнение. Он подумал, что если бы это был его отец, то дядя и тетя не скрыли бы это от детей. Поэтому он посмотрел на Иру с притворным равнодушием и сказал:

— Любопытство — любопытством, но подслушивать и подглядывать в замочную скважину очень некрасиво. Но если вы уже этим занимаетесь, то будет лучше, если гнев тетки обратится на нас всех.

— Лицемер! Давай не терять драгоценного време-

ни,— улыбнулась Ирена.— Отнеси ранец в комнату, и идем на наш наблюдательный пост.

Они на цыпочках вошли в столовую. Збышек, наклонившись, смотрел в замочную скважину. Витек, стоя рядом с ним, сделал вошедшим знак рукой, чтобы они подошли.

— Что там происходит? — тихонько спросила Ирена.

— Мама плачет, а папа ходит по комнате, размахивает руками и говорит. Гость слушает, сидя в кресле! Вот теперь он заговорил! — сообщил Збышек.

Томек тронул его за плечо и знаками дал понять, что хочет посмотреть в замочную скважину. Збышек нетерпеливо отмахнулся, требуя, чтобы ему не мешали. В раздражении Томек схватил его за ухо и оттянул от двери. Наклонился сам и зажмурил левый глаз, чтобы лучше видеть. В кресле сидел высокий мужчина. На загорелом лице блестели большие, светлые глаза. Он что-то говорил плачущей тете. Томек хотел во что бы то ни стало услышать слова гостя. Он прижал ухо к замочной скважине.

— Не лучше ли позволить мальчику самому принять решение? — спрашивал незнакомец.

Вдруг Томек зашипел от боли и ударился головой о дверную ручку. Испугавшись, отскочил от двери, а Збышек, все еще держа в руках шпильку, которой он уколол Томека, сразу же прильнул глазами к скважине. Прежде чем Томек сумел отомстить, Збышек, получив удар по голове створкой двери, растянулся на полу. На пороге стоял дядя Антоний.

— Что здесь происходит? — сказал он.— Ирена, займись ребятами, а ты, Томек, поскольку уже вернулся домой, иди к нам в зал.

Томек робко вошел в комнату. По-видимому, здесь его все же ожидало наказание. На всякий случай он остановился недалеко от двери. Несмотря на опасение, он с интересом взглянул на таинственного гостя и сказал:

— Добрый вечер!

— Пожалуйста, вот наш воспитанник Томаш Вильмовский,— сказал дядя Антоний и, обращаясь к мальчику, добавил: — Томек, это друг твоего отца, Ян Смуга, он приехал к тебе с весточкой от него.

— Друг моего папы! — воскликнул Томек и отвернулся, чтобы скрыть слезы, набежавшие на глаза.

Смута подошел к нему. Не говоря ни слова, обнял и привлек к себе. Долгое время в комнате царил тишина. Потом гость взял Томека за руку, посадил в кресло рядом с собой и сказал:

— Что за приятное разочарование. Твой отец рассказывал о тебе, как о совсем маленьком мальчике. А ты, Томек, уже совсем взрослый парень, притом, по словам тети и дяди, даже герой. Твой отец, безусловно, будет этому рад. Ты догадываешься, почему он прислал меня, вместо того чтобы приехать самому?

Услышав похвалу, Томек просиял. Однако мужественно победил свое волнение и ответил:

— Я догадываюсь. Отцу пришлось бежать, чтобы его не арестовали за участие в заговоре против царя. По всей вероятности, ему грозит такая опасность и теперь.

— Это правда, Томек. Если бы он вернулся в Польшу, то был бы арестован. Поэтому он не может приехать к тебе.

— Я это знаю.

— Ты хотел бы увидеть отца?

Услышав о возможности увидеть отца, по которому он так тосковал, Томек в первый момент прямо-таки остолбенел от волнения. Потом обрадованно вскричал:

— Ах, как бы я хотел увидеть папу! Я даже придумал уже способ, но только...

— Что только? — подхватил Смута, внимательно наблюдая за мальчиком.

— Только я пожалел тетю и дядю, — закончил Томек.

— Я не понимаю, что это за способ, который ты придумал, может быть, ты объяснишь?

Томек поколебался немного, взглянул на тетку, которая, видя его нерешительность, улыбнулась ему и поощрительно сказала:

— Наш гость — друг твоего отца, Томек. Он приехал к тебе от него. Если он спрашивает, надо искренне отвечать.

— Может быть, это и не очень умно, но я хотел совершить что-нибудь такое, после чего мне тоже надо было бы бежать за границу, — быстро ответил Томек, убедившись, что тетя совсем не сердится на него.

— Ого, это очень интересно. Что же ты хотел сделать? — спрашивал заинтересованный Смуга.

— Я решил на классной доске написать: «Долой тирана — царя». Я думал, что меня могут арестовать, у меня была бы причина к бегству.

— И ты бы это сделал, Томек? — с ужасом воскликнула тетя.

Смущенный Томек с трудом овладел собой и, покраснев, ответил:

— Я даже это уже сделал, тетя, когда подлизы Павлюка случайно не было в классе. Правда, когда в класс вошел надзиратель, я быстро стер надпись с доски. Я вдруг вспомнил, что мог бы тебя свести в могилу, как папа свел маму...

Тетка онемела, а Смуга спокойно спросил:

— Кто это тебе сказал, что твой отец свел маму в могилу?

— Тетя Янина, — пробормотал Томек, чувствуя, что сморозил глупость.

Смуга взглянул на Карскую. Та заплакала. И только спустя некоторое время сказала, как бы оправдываясь:

— Я же вам говорила, как я боюсь за мальчика. Он чересчур развит для своих лет и в самом деле слишком много думает о политике. Вот у вас теперь прямое доказательство!

— Вот что, моя дорогая, Андрей очень благодарен вам за воспитание Томека, — ответил Смуга, — все же надо помнить, что жена Андрея сочувствовала политической деятельности мужа. Когда появилась угроза ареста, она поддержала проект его бегства за границу. Ведь ее мужу в самом лучшем случае грозила ссылка в Сибирь... Перед тем как явиться к вам, я беседовал с прежним приятелем Андрея. Он нас утвердил в убеждении, что приезд Андрея в Польшу все еще невозможен. А то, что нам Томек сказал о своих планах, кажется мне, может вас убедить в том, что лучше и даже... безопасней для вас принять предложение отца.

Тетя Янина закрыла лицо руками. Молчавший до сих пор дядя Антоний встал и подошел к мальчику.

— Томек, мы хотим у тебя кое-что спросить, но, прежде чем дать ответ, ты подумай хорошенько. Ты слышал, что твой отец не может приехать сюда из-за опасности ареста, который грозит ему. Но он очень

тоскует по тебе и хотел бы тебя увидеть. Мы, конечно, тебя очень любим, мы тебя воспитывали наравне с собственными детьми... Нам трудно согласиться с мыслью, что ты покинешь нас и уедешь так далеко. Но мы желаем тебе добра. Поэтому, имей в виду, что если ты даже решишь уехать к отцу, то всегда можешь вернуться к нам, как в собственный дом. Ведь ты у нас умница. Мы решили предоставить тебе право выбора. Скажи сам, хочешь ли ты остаться с нами или предпочитаешь поехать к отцу?

Мысль о том, что он вскоре увидит отца, о котором тосковал все эти долгие годы, взволновала Томека и наполнила все его существо радостью. Но он привык считать дядю и тетю своими близкими родными. Ведь они его так любили. Вот тетя непрерывно трет глаза платком, а молчаливый обыкновенно дядя обратился к нему прямо-таки с большой речью, которую произнес с волнением.

Томеку трудно было принять сразу решение. Что им сказать? Он обратился к Смуге:

— Вы уверены, что папа позволит мне приехать к тете и дяде, если я захочу их посетить?

— Я в этом совершенно уверен,— серьезно ответил Смуга.

— Если папа тоскует по мне, то я очень хотел бы к нему поехать, а к тете я буду часто приезжать,— решил Томек.

Тетя Янина вновь расплакалась, потом обняла Томека и, вытирая глаза носовым платком, вышла из комнаты, чтобы распорядиться насчет ужина. Ирка, Витек и Збышек, узнав о скором отъезде Томека к отцу, вбежали в комнату. Поздоровавшись с гостем, старшая из детей и самая бойкая Ирка обратилась к нему:

— Скажите, пожалуйста, где сейчас папа Томека? Ведь мы даже не знаем, куда наш братик поедет.

— По просьбе вашей мамы я не сказал об этом Томеку раньше, во время нашей беседы. Мы предпочитали, чтобы это не повлияло на его решение. Теперь уже нет нужды сохранять тайну.

— В самом деле, я совсем забыл спросить об этом,— воскликнул Томек.— Такое множество необыкновенных и важных новостей сразу. Где теперь папа, скажите, пожалуйста?

— Он ждет нас в Триесте, в порту на берегу Адриатического моря,— пояснил Смута.

— Триест принадлежит Австро-Венгрии¹,— заявила Ирена, довольная, что может похвастаться своими географическими познаниями.

— И мы будем там жить? — удивился Томек.

— Нет, мы в Триесте жить не будем,— ответил Смута.— Чтобы ты все правильно понял, мне необходимо рассказать тебе кое-что о судьбе твоего отца. После бегства за границу он очень тосковал по тебе и твоей матери. Он хотел взять вас к себе, но он не успел собрать достаточную сумму денег, необходимую для вашей поездки, как твоя мама неожиданно умерла. С этого времени отец стал путешествовать, только путешествия давали отцу возможность забыть о своем несчастье. Случайно он познакомился с одним из служащих Гагенбека. Тебе надо знать, что Гагенбек владеет огромной фирмой, занимающейся поставкой диких животных в цирки и зоологические сады всего мира. Новый знакомый твоего отца как раз собирался в длительную экспедицию в Южную Америку. Твой отец, будучи географом, решил принять участие в этой экспедиции. С того времени прошло уже шесть лет. Твой отец стал известным охотником на диких животных. И стал большим другом того служащего фирмы Гагенбека, с которым случайно познакомился. Теперь они собираются на специальном подготовленном для перевозки животных судне идти в Австралию. Гагенбек хочет основать большой зоологический парк в Штеллингене около Гамбурга. Различные животные будут жить там в условиях очень близких к природным. Твой отец вместе со своим другом обязались привезти в этот зоопарк некоторых животных из Австралии.

— Неужели я тоже поеду в Австралию? — недоверчиво спросил Томек.

— Да! Ты вместе с отцом поедешь в Австралию ловить диких кенгуру.

Томек остолбенел от этой удивительной вестн. То, что он услышал, превышало все его самые сокровенные мечты.

---

¹ Австро-Венгерская монархия была образована в 1867 г. по приглашению с Венгрии. Город Триест принадлежал Австрии с 1813 по 1918 г.

Витек и Збышек слушали слова гостя с открытыми от удивления ртами. Только Ира догадалась задать гостю вопрос:

— Скажите, а кто такой этот друг папы Томека?

— Не догадываешься? — вопросом на вопрос ответил Смуга.

— Это, конечно, вы! — с триумфом заявила Ира.— Как только вы вошли в прихожую, я сразу почувствовала запах джунглей. Именно так я воображала себе великих путешественников.

III

ВСТРЕЧА С ОТЦОМ

Несколько дней спустя после визита неожиданного гостя Томек находился словно во сне; ему казалось, что он вот-вот проснется и вернется к повседневной серой жизни. Томек с трудом мог поверить в то, что его ожидают столь разительные перемены. Несмотря, однако, на опасения, Смуга не исчезал. Наоборот, Томек постоянно чувствовал его присутствие и дружеское попечение.

Оказалось, что Смуга принадлежит к числу весьма предприимчивых людей. Благодаря его энергии, Томек уже через три дня получил документы, необходимые для поездки за границу. Правда, это потребовало больших стараний и значительных расходов, но опекун Томека, казалось, с этим совсем не считался. На упреки Карских в излишней расточительности он с улыбкой отвечал, что содержание в Триесте судна, ожидающего их со всем экипажем, обходится значительно дороже, чем дополнительные расходы, связанные с ускорением срока отъезда. По-видимому, путешественник пользовался немалым влиянием, если даже директор гимназии Мельников не только не препятствовал, но даже помогал ему. Еще до окончания учебного года Томеку выдали свидетельство о переводе в следующий класс.

Несмотря на блестящие перспективы, открывшиеся перед Томеком, дядя Антоний и тетя Янина не скрывали своей заботы о будущей судьбе мальчика, которого они привыкли считать своим сыном. Осо-

бенно переживала тетя, она заламывала руки и плакала, когда Смуга по просьбе Томека и его двоюродных братьев рассказывал об условиях жизни в далекой и так мало известной Австралии.

Рассказы путешественника о пятом континенте для горожан, выросших в Варшаве, звучали устрашающе. И правда, как можно сравнить тихие улицы родного города с сожженными испепеляющим солнечным жаром необозримыми австралийскими «скрэбами»¹, густыми чащами колючих кустарников, дубрами дремучих лесов, высохшими руслами рек, после дождей молниеносно заполняющихся ревущими потоками воды, песчаными бурями и резкими колебаниями температуры. А невиданный животный мир: дикие псы динго, кенгуру, эму и множество других, совершенно неизвестных в Европе чудес и опасностей угрожали Томеку во время его путешествия.

Теткины опасения и неприкрытое восхищение рассказами Смуги, появлявшееся в глазах братьев и сестры, приводили к тому, что Томека прямо-таки распирало от гордости. Все же по мере приближения срока отъезда он с тоской и иногда со страхом думал о расставании со всем, что ему до сих пор было дорого.

Прощание с дядей и тетей состоялось на перроне варшавского вокзала. Томек с волнением обнял дядю Антония, который был еще молчаливее, чем всегда, и расплакался, увидев слезы на глазах тети Янины. Он долго прощался с Иреной, Збышеком и Юреком Тымовским, пришедшим проводить его вместе со своим отцом. Заняв место в вагоне, он внезапно почувствовал себя одиноким и всеми оставленным. Он с трудом понимал слова обращававшегося к нему Смуги. В первые часы путешествия он был рассеян и даже не смотрел на других пассажиров, находившихся в вагоне. Оживился Томек только на границе, когда Смуга шепнул ему, что теперь он не скоро увидит ненавистные мундиры царских жандармов. Через два часа они прибыли в Краков, где Смуга решил остановиться на короткий отдых. Здесь Томек избавился от гнетущего чувства тоски. С волнением смотрел издали на Вавельский замок — древнюю резиденцию польских королей, в котором разместились казармы австрийской

---

¹ Английское название австралийских степей.

кавалерии, взошел на величественный курган, насыпанный соотечественниками в память Костюшко, польского национального героя, ознакомился со многими памятниками старины, сохранившимися в городе — колыбели польской культуры.

Отдохнув два дня, Томек со Смугой выехали поездом в Вену. Огромный, чужой город, кипящий жизнью и движением, привел Томека в радостное настроение, он повеселел, к нему вернулась его всегдашняя смелость.

Обрадованный хорошим самочувствием молодого товарища по путешествию, Смуга решил заночевать в Вене. Таким образом, в поезд, направлявшийся в Триест, они сели только утром следующего дня.

Сначала Томек смотрел в окно мчащегося поезда с большим интересом, они ведь ехали по одной из самых живописных в Европе железных дорог. Дорога то извивалась на крутых поворотах горной трассы, то взбиралась на склоны гор, то пропадала в темных туннелях, то повисала на мостах, переброшенных через пропасти, и Томек любовался постоянно меняющимся живописным пейзажем.

Через несколько часов езды Томек, насытившись великолепным ландшафтом, засыпал Смугу бесчисленным множеством вопросов. Во время этой долгой беседы ему удалось получить необыкновенно важные сведения.

Во-первых, он окончательно убедился, что отец ждет его в Триесте и что Смуга послал ему телеграмму с сообщением о времени их приезда. Во-вторых, он узнал, что они пойдут в Австралию на старом углевозном судне, водоизмещением в две тысячи тонн, которое уже изъято из регулярного плавания. Фирма Гагенбека купила это судно за бесценок с аукциона и отремонтировала его на верфях Триеста. Паровое судно приспособили для перевозки диких зверей. И вот теперь прежний углевоз должен двинуться в свой первый рейс в качестве «плавающего зверинца».

Кроме этого, Томек узнал много полезного об австралийской фауне. Например, то, что сумчатые млекопитающие¹, принадлежащие ко второму классу мле-

---

¹ Млекопитающие (Mammalia) в классификации делятся на три подкласса. Из них к первому подклассу принадлежат первозвери (Monotremata или Prototheria), а сумчатые — ко второму подклассу и зших зверей (Marsupalia). Третий класс — высшие звери.

копитающих,— это не только длинноногие прыгуны кенгуру. К этой группе принадлежат животные весьма разнообразные по внешнему виду и образу жизни. Среди сумчатых есть плотоядные, то есть питающиеся мясом позвоночных животных, есть насекомоядные и травоядные. Одни из них передвигаются прыгая, подобно кенгуру, другие бегают, лазают; есть и такие, которые живут в норах, подобно нашим кротам.

Характерная черта всех сумчатых — это сумка на животе у самок, в которой скрыты молочные соски. Все сумчатые относятся к живородящим животным и потомство выкармливают молоком. Таким образом, они принадлежат к классу млекопитающих. Сумчатые¹ уже давно исчезли на всех континентах, но в Австралии еще сохранилось около ста шестидесяти видов этих интересных животных.

Томек очень заинтересовался также живущими в Австралии первозверьями, или как их еще называют, клоачными, которые хотя и принадлежат к млекопитающим, но по строению пищевода и мочеполовых органов весьма похожи на птиц, земноводных и пресмыкающихся. Первый класс млекопитающих делится всего на два семейства: утконосы и ехидны.

Томек без усталости расспрашивал Смугу о диких и хищных псах динго, о рыбах, дышащих одновременно жабрами и легкими, о птицах лирохвостах и о многих других интересных животных.

Рассказы путешественника, хотя были не очень детальными, сильно взволновали Томека. Он стал расспрашивать Смугу о жителях Австралии, о климате и других особенностях континента. Отвечая на град сыпавшихся вопросов, Смуга почувствовал сначала легкую усталость, потом у него запершило в горле, а затем стало клонить ко сну. Вскоре он действительно заснул, прервав речь на полуслове. Смуга сидел напротив Томека и, несмотря на очень неудобное положение, спал уже, по крайней мере, целый час. Томек

---

¹ Кроме Австралии и соседних островов, сумчатые обитают еще в Северной и Южной Америке. Впрочем, там водятся только семейство так называемых сумчатых крыс, ночных животных, ведущих скрытный образ жизни. Наиболее известный представитель сумчатых крыс — североамериканский опоссум (*Didelphys Virginia* na).

сначала смотрел на него с упреком. Он не мог понять, как это можно так, вдруг, ни с того ни с сего, заснуть во время интереснейшей беседы. Потом он успокоился и с любопытством наблюдал за смешными движениями головы и туловища спящего спутника.

«Если папа спит так крепко, как Смуга, то в Австралии мы проживем недолго,— заключил в конце концов Томек,— можно ведь заснуть где-нибудь в лесу или пустыне и проснуться в желудках диких динго. Придется мне дежурить».

Не догадываясь о том, что градом вопросов он нагнал сон на своего опекуна, Томек подобными размышлениями сокращал тянувшееся время. И действительно, охотник, который мог без отдыха и сна целыми неделями гоняться за дикими зверями, заснул от усталости, отвечая на вопросы четырнадцатилетнего мальчика.

Время шло. Смуга спал непробудным сном. А поезд тем временем приближался к Триесту. Пассажиры уже начали готовиться к выходу. Томек стал беспокоиться. Вид крепко спящего спутника вдруг возбудил у Томека ужасное подозрение. С детства Томек интересовался приключениями знаменитых путешественников. Поэтому он много знал о подстерегающих их опасностях. Смуга путешествовал много и как-то сказал Томеку, что длительное время находился в Африке. А как знать, не укусила ли его там злая муха цеце? Может быть, Смуга заболел сонной болезнью? Томек стал вертеться, кашлять, стучать, но ничто не помогало. Смуга спал как убитый. Томек понял ужас своего положения. Если это сонная болезнь, то он не узнает отца на вокзале, ведь у него не было даже его фотографии. Однако через несколько минут лицо у него просветлело.

«Я вызову двух носильщиков и прикажу носить спящего Смугу по перрону,— решил он.— Отец тогда, конечно, узнает нас!»

Успокоив себя этим, Томек ждал дальнейших событий. К счастью, его опасения оказались напрасны-

---

¹ Кровососущая муха цеце является переносчиком возбудителя сонной болезни, которая у людей в большинстве случаев кончается смертью.

ми. Едва поезд уменьшил ход, Смуга открыл глаза и сразу же взглянул на часы.

— Мы уже приехали на место,— сказал он.— Я вздремнул немного. Ты не скучал, Томек?

Томек серьезно взглянул на своего спутника и после некоторого размышления спросил у него:

— Вы совершенно уверены, что во время вашего пребывания в Африке вас не укусила муха цеце?

Смуга воспринял этот вопрос как продолжение беседы, прерванной его сном, и ответил:

— Нет, муха цеце меня не укусила, но мне пришлось видеть жителей Африки, больных сонной болезнью.

— Эта болезнь заразная? — продолжал свои вопросы Томек.

— Да, но она переносится только мухами цеце.

— Вы в этом совершенно уверены?

— Почему ты об этом спрашиваешь? — удивился Смуга.

— Может быть, в Триесте вы все же посоветовались бы с врачом?

Только теперь путешественник догадался об опасностях Томека. Он расхохотался.

— Не бойся,— проговорил он сквозь приступы смеха,— я совершенно здоров. Ночуя в степи или в лесу, я сплю чутко и способен моментально проснуться даже от шелеста травы.

Томек хотел было упомянуть о возможности проснуться в желудках диких динго, но в окнах поезда показались станционные здания Триеста.

Поезд остановился у перрона. Смуга немедленно открыл окно; он внимательно осматривался по сторонам, пытаясь отыскать отца Томека. Вскоре он помахал кому-то рукой, и спустя несколько минут Томек очутился в объятиях высокого широкоплечего мужчины.

— Наконец-то мы встретились, мой дорогой сыночек,— услышал Томек слова отца и сразу же забыл всю уже много месяцев назад подготовленную приветственную речь, которую он намеревался сказать при первой встрече с отцом. Он сумел только шепнуть, как это делал когда-то давно, маленьким мальчиком:

— Мой, мой милый папочка! — и расплакался, как маленький ребенок.

Отец тоже смахнул слезу с увлажненных глаз. Сын помнил ему преждевременно угасшую жену, оставленную им на родине, и тяжелейший в жизни момент сставания с ней. Сжимая сына в объятиях, этот льный, закаленный в борьбе с препятствиями мужа с трудом подавлял волнение. После длительного млчания он сказал:

— Все в порядке, Томек! Теперь, когда мы вместе, е несчастья остались позади.

Присутствовавший при встрече Смуга из деликатнои не произнес ни одного слова. Зная немного об увчениях Томека и желая прервать чувствительную сце, он постарался перевести беседу на другую тему.

— Готово ли наше судно к отплытию? — спросил он.

— Полностью. Завтра снимаемся с якоря, — отве- л старший Вильмовский.

— Мы сейчас пойдем на корабль? — сразу же по- тересовался Томек, стирая со щек следы слез.

— Сегодня мы переночуем в гостинице, — ответил гльмовский. — На «Аллигатор» мы погрузимся за- ра с утра. А теперь приглашаю вас на обед, приго- вленный на террасе гостиницы в честь нашей тречи.

Вдруг в порту, находящемся вблизи вокзала, раз- лся мощный, густой рев корабельного гудка. В гла- х Томека засияла несказанная радость. Он крепко ватил отца за руку. Они вышли из здания вокзала , улицу. В гостиницу поехали на извозчике.

Едва Смуга и Томек успели умыться с дороги, как гльмовский повел их на террасу, сплошь заставлен- ю столиками. Отсюда открывался восхитительный д на лазурные воды Адриатического моря.

Томек с интересом разглядывал виднеющиеся вда- тачты кораблей в порту. Он очень обрадовался, идев, что их столик стоит у края террасы, откуда рошо видна часть порта.

Пока официанты сервировали столик, поставлен- лый под сенью огромного цветного зонта, отец задал ину множество вопросов о том, что делалось в доме сле его бегства.

Томек рассказал, что мама часто бывала печальна плакала. Чтобы прокормить себя и сына, она стала вать уроки. Потом она неожиданно заболела и ерла. Он рассказал также, что мама не скрыла от

него причину отсутствия отца, и похвалился при этом знанием правдивой истории Польши.

Когда Смуга рассказал, что придумал Томек совершить в школе, чтобы получить повод для бегства за границу, Вильмовский обнял сына и заметно повеселел.

Во время обеда друзья обменивались замечаниями насчет подготовки судна к путешествию.

— «Аллигатор» теперь превосходно подготовлен для перевозки животных морем, — говорил Вильмовский. — Весь экипаж уже на борту, мы готовы выйти в море в любой момент.

— Кого вы назначили капитаном корабля? — спросил Смуга.

— Ирландца, капитана Мак-Дугала. Он, пожалуй, плавал уже по всем морям и океанам земного шара. Кроме матросов на борту находится пять человек, присланных нам Гагенбеком для присмотра за животными.

— Все ли формальности, требуемые австрийскими властями, закончены? — продолжал свои вопросы Смуга.

— Этим занялась фирма Гагенбека, воспользовавшаяся услугами директора зоологического парка в Мельбурне, зоолога Карла Бентли. Он поедет с нами в качестве эксперта, — сказал Вильмовский. — Все документы я получил уже четыре дня назад. Нам предложили переправить в Австралию пятьдесят африканских верблюдов, слона и бенгальского тигра, которых мы должны взять на борт на Цейлоне. Поэтому мы не пойдем в Австралию порожняком.

— Где в Африке нам придется погрузить верблюдов?

— В Порт-Судане.

— Это в Восточной Африке на Красном море, — немедленно добавил Томек.

— А где в Австралии их надо выгрузить? — снова спросил Смуга.

— В Порт-Огаста, — ответил Вильмовский.

— И мы там сойдем? — заинтересовался Томек.

— Да, там мы оставим судно. Слона и тигра мы оттуда направим по железной дороге в зоопарк Мельбурна.

— А разве верблюды не предназначены для зоопарка? — удивленно спросил Томек.

— Нет, они едут совсем для других целей. Поселенцы южной и западной частей Австралии намерены использовать этих животных в качестве тягловой силы из-за их способности долго обходиться без воды,— ответил Вильмовский.

— Нельзя ли уже сегодня отправиться на борт корабля? — попросил Томек.

— Нет, нельзя,— ответил отец.— Мы должны сначала купить тебе экипировку в дорогу и еще кое-какую мелочь, необходимую в пути.

Смуга и Вильмовский занялись распределением занятий между отдельными членами экспедиции. Томек в молчании слушал их беседу, обеспокоенный отсутствием на судне соответствующего занятия для него. Смуга вскоре заметил волнение мальчика и, догадавшись о причине, сказал:

— Раз все участники экспедиции получают на судне занятие, следовало бы и на Томека возложить ответственность за какое-либо дело.

— Я уже думал об этом,— ответил Вильмовский и, обращаясь к сыну, спросил: — Ты умеешь стрелять?

Томек покраснел от удовольствия. Ему польстило, что отец готов поручить ему ответственное дело, требующее умения стрелять. Но как же признаться, что в жизни ему ни разу не приходилось стрелять ни из какого оружия, кроме как из игрушечного ружья? Поэтому Томек кашлянул и пробормотал:

— А... из чего?

— Ах да... из штуцера?

— Конечно, могу,— на всякий случай подтвердил Томек, опасаясь, что иначе он будет лишен почетного задания.

— Прекрасно,— сказал Вильмовский, незаметно подмигнув Смуге.— Мы хотим поручить тебе дело снабжения экспедиции свежим мясом.

— Это значит, что я буду заниматься охотой?

— Да! Тебе это не нравится?

— Я думаю, что... сумею,— ответил Томек, стараясь сохранить полнейшее равнодушие, хотя в роли охотника чувствовал себя очень неуверенно.

— Таким образом, дело можно считать решенным,— закончил беседу Смуга.

Они втроем пошли в город за покупками. Еще до наступления темноты Томек оказался обладателем

экипировки, необходимой во время экспедиции. Он собственноручно упаковал в чемодан теплые сорочки из фланели, брюки и прочные ботинки со шнуровкой и с высокими голенищами, которые должны предохранить ноги от возможных укусов ядовитых змей, столь многочисленных в Австралии.

По словам отца, остальные вещи уже находятся в каюте, на корабле.

Желая в последний раз перед длительным морским путешествием хорошенько выспаться на суше, они рано легли. Томек, несмотря на обилие впечатлений, полученных им в течение знаменательного дня встречи с отцом, заснул моментально. Ему всю ночь снилась охота на кенгуру и динго. Во сне он спасал экспедицию от голодной смерти в скрэбах и саваннах Австралии и даже послал в Варшаву тете Янине жареное мясо дикого динго.

Если Томек спал хорошо, переживая во сне множество героических приключений, то его отец, наоборот, долго не мог заснуть. Воспоминания, вызванные приездом сына, лишили его покоя. Слишком много забот и несчастий постигло его в жизни. Ему пришлось покинуть родину, он потерял горячо любимую жену и остался одиноким. Вдруг Томек что-то пробормотал сквозь сон, и Вильмовский вспомнил, что он наконец встретился с сыном, по которому столько лет тосковал. Он сразу почувствовал себя лучше и счастливее, ведь сын теперь с ним, и им больше не грозит разлука! Завтра они поедут в Австралию, а поездка туда, по мнению Вильмовского, не грозит никакими опасностями. Потом Томек закончит школу в Англии. Во время каникул они будут вместе и совершат не одну экспедицию. «Мой сын будет счастливее меня в жизни», — думал Вильмовский.

IV

СЮРПРИЗЫ НА «АЛЛИГАТОРЕ»

Было раннее утро, но на улицах Триеста уже господствовало оживленное движение. Извозчик, который вез Томека с отцом и Смугой, с трудом пробивал себе дорогу среди множества других экипажей.

Томек впервые очутился в портовом городе. Он с интересом смотрел на целый лес корабельных мачт, усеявших большой залив. Скрип кранов, при помощи которых загружались корабли, команды и крики матросов сливались в непрерывный гул. Шум, суета, вид огромных морских кораблей поразили мальчика и наполнили его страхом перед большим, до сих пор неизвестным ему миром. Томеку показалось, что он всего лишь маленькая пылинка среди огромных несущихся великанов, которые готовы безжалостно раздавить его своими большущими лапами. Далекая Варшава, город во много раз больший, чем Триест, теперь казался ему самым безопасным уголком мира. Томек внезапно понял, почему тетя Янина так боялась отпустить его в чужой мир.

«Если уже здесь так страшно, то что же говорить о пребывании в необозримом море и о том, что ждет меня в далекой, незнакомой Австралии?» — думал Томек.

Томек вспомнил учителя географии, который говорил об огромных, но не дающих тени австралийских лесах, о безводных пустынях, о черных людях, охотящихся и воюющих с помощью грозных в их руках бумерангов¹.

Представив, таким образом, все ожидающие его опасности, Томек даже побледнел от страха. Но когда он решил, что нет для него спасения, он внезапно почувствовал на своем плече теплую руку отца и услышал его голос:

— Это только вначале все кажется таким необыкновенным и страшным, Томек. Через несколько недель ты так привыкнешь к новым условиям, что будешь чувствовать себя как рыба в воде.

Томек с удивлением взглянул на отца. Потом взглянул на Смугу. Они ободряюще улыбались, будто знали его скрытые страхи.

«Какой же я глупец! — подумал Томек. — Ведь я не одинок!» — Томек сразу же повеселел.

---

¹ Бумеранг — изогнутая пластина толщиной около 1 см с нижней плоской поверхностью и верхней — выпуклой, употребляется австралийцами в качестве оружия. При некотором навыке бумеранг можно бросить так, что если он не попадет в цель, то возвратится к метателю.

— А как мы найдем «Аллигатора» среди множества стоящих здесь судов? — спросил он.

— «Аллигатор» стоит на якоре в глубине залива, — ответил отец. — Через несколько минут мы подыдем к катеру, ожидающему нас на пристани.

Действительно, вскоре извозчик повернул к набережной.

— Приехали, — сообщил Вильмовский.

Захватив с собой вещи и пройдя буквально несколько шагов, они увидели широкоплечего матроса, который, расталкивая людей, толпившихся на пристани, быстро подошел к ним.

— Здравствуй, Андрей! Приветствую вас, Смуга! — обратился матрос по-польски. — Вижу, что наш варшавянин уже прибыл!

Вильмовский и Смуга поздоровались с матросом, мощным мужчиной с загорелым и обветренным лицом.

— Томек, познакомься с нашим боцманом Тадеушем Новицким, — сказал Вильмовский.

Рука Томека на момент исчезла в широкой, мозолистой ладони боцмана, который, не теряя времени, отобрал у него чемодан. Взяв Томека за руку, он повел его по направлению к пристани.

— Ну, браток, так ты только вчера приехал из Варшавы? — с грубоватой фамильярностью спросил боцман, когда они оказались в той части мола, где толпа была реже.

— Да, совершенно верно, — подтвердил Томек.

— А скажи мне, пожалуйста, когда ты был в последний раз в парке Лазенки?

Томек немного подумал, потом ответил:

— Ровно пять дней назад, перед самым отъездом я ходил в Лазенки полюбоваться лебедями.

— Ты очень любишь Лазенки и лебедей?

— Очень люблю! Я уходил из дому, чтобы в одиночестве побродить по парку и Ботаническому саду. Мне не раз за это попадало от тети!

— Так, брат, мы с тобой два сапога пара! Я охотнее послушаю новости из нашей милой, старой Варшавы. Ведь я не был дома уже несколько лет!

— А вы тоже из Варшавы? — удивленно спросил Томек.

— Прежде я жил в Варшаве на Повислье, братец

Поверь, что, хотя ты увидишь во время шатания по свету множество разных чудес, такой реки, как Висла, и такого города, как Варшава, не встретишь нигде.

Томек, сам не зная почему, почувствовал вдруг огромную симпатию к великану-боцману. Не задумываясь ни на секунду, он сказал:

— Перед отъездом из Варшавы я купил несколько открыток с видами города. Я с удовольствием поделюсь с вами.

— Это замечательно, что мы с тобой встретились,— весело ответил великан-боцман.— Такому подарку я буду рад больше, чем бутылке самого лучшего рома.

Беседуя так, они подошли к краю пристани, где их ожидала большая лодка с четырьмя матросами, державшими весла в руках. Боцман посадил Томека рядом с собой у руля, и они сразу же отчалили.

По дороге Томек внимательно читал названия кораблей, надеясь увидеть «Аллигатор». Не находя своего корабля, он обратился к боцману:

— Скажите, отсюда можно увидеть наш корабль?

— Посмотри-ка на судно, стоящее там на рейде, из его трубы валит дым, словно из кратера Везувия¹,— сказал боцман.— Это и есть наш «Аллигатор».

Томек взглянул в указанном направлении. Он увидел паровое судно, не очень большое, если сравнить его с океанскими кораблями, стоявшими в порту. Лодка быстро приближалась к «Аллигатору». С его борта на таях были спущены канаты, к которым привязали лодку. Потом к лодке спустили веревочную лестницу, или трап, по-морскому.

Поощряемый боцманом, Томек первым поднялся на борт по качающимся ступенькам трапа. Едва он коснулся ногами палубы корабля, как к нему подошел низкий, худой мужчина с дымящейся трубкой в зубах.

— Если не ошибаюсь, то я имею честь видеть молодого охотника на диких зверей. Мы тебя ждали еще вчера,— обратился к Томеку мужчина, вынимая трубку изо рта.— Моя фамилия Мак-Дугал.

— Здравствуйте, капитан! — ответил Томек по-анг-

---

¹ Везувий — действующий вулкан в Южной Италии, на берегу Неаполитанского залива. Высота вулкана — 1277 м.

лийски, с удовольствием отмечая про себя, что он недаром столько мучился, изучая английский язык.— Я — Томаш Вильмовский.

Капитан взял под козырек и подал Томеку руку, говоря:

— Боцман Новицкий приготовил тебе какюту рядом с моей, так что мы будем соседями. Ты очень сильно хранишь во сне?

— Только если сплю навзничь.

— Не беда. Я храплю в любом положении,— ответил с улыбкой капитан, одновременно здороваясь со старшим Вильмовским и Смугой, которые тем временем тоже очутились на палубе.

— Все ли готово к отплытию? — спросил Вильмовский.

— С самого рассвета держим котлы под парами,— ответил Мак-Дугал.

— Если вы готовы, то снимаемся с якоря,— приказал Вильмовский.

По узенькому железному трапу они поднялись на верхнюю палубу, где матросы закрепляли лодку, поднятую с поверхности моря. Мак-Дугал занял свое место на капитанском мостике; из его уст немедленно посыпались команды.

Вскоре заревел гудок. Томеку показалось, что под его ногами задрожала палуба. Он услышал грохот цепей, поднимавших якорь. Протяжный бас корабельного гудка раздался в третий раз. Корабль задрожал, словно ожил, и стал медленно двигаться.

— Ну, Томек, началось наше первое совместное путешествие,— заметил Вильмовский.

— Смотри, папа! Кажется, будто берег отдаляется от нас, а не мы от него,— вскричал Томек.

Легкая дрожь палубы, свидетельствовала о том, что заработали машины корабля. «Аллигатор» ходко пошел вперед и вскоре вышел из залива в открытое море.

Стоя на палубе рядом с отцом, Томек смотрел на удаляющийся берег...

— Капитан Мак-Дугал сказал, что моя каюта находится рядом с его,— сказал Томек, когда дома на берегу превратились в узкую цветную полоску.

— У нас на корабле достаточно свободных кают,— пояснил Вильмовский,— поэтому все мы получили соб-

ственные уголки. Это очень хорошо, ведь мы должны будем провести на «Аллигаторе» несколько месяцев.

— А когда приедем в Австралию, мы тоже будем жить на корабле? — поинтересовался Томек.

— «Аллигатор» будет основной базой нашей экспедиции. По мере надобности судно будет переходить с места на место. Это позволит грузить на судно животных, пойманных в разное время и в разных местах. Большинство животных очень плохо переносит первые дни неволи. Многие из них гибнут только из-за плохих транспортных условий. На «Аллигаторе» они будут чувствовать себя сносно, здесь можно организовать уход за ними.

— Животные, наверное, болеют во время морского путешествия? — снова задал вопрос отцу Томек.

— Некоторые болеют, впрочем, все они раздражены. При случае поговорим об этом подробнее. Теперь ты должен устроиться в своей каюте.

Вильмовский повел сына к надстройке верхней палубы. По обе стороны узкого коридора виднелись двери, обозначенные номерами. Вильмовский остановился на пороге и сообщил сыну:

— Первая дверь с левой стороны ведет в каюту капитана. Следующая дверь за ней — в твою каюту. Третья дверь ведет в мою, а последняя — в каюту Смуги. С противоположной стороны коридора находятся каюты офицеров и боцмана Новицкого. Остальные члены экипажа помещаются этажом ниже. Там же находится кают-компания.

Вильмовский остановился у входа в каюту Томека и с улыбкой предложил:

— Мне кажется, что лучше всего начать ознакомление с судном со своей собственной каюты. Пожалуйста, входи!

Томек отворил дверь. Когда он осмотрел уютную каюту, его охватило изумление. Над узкой, прикрепленной к стене койкой блестел новенький штуцер.

— Папа, неужели все, что находится в этой каюте, принадлежит мне? — спросил Томек, с трудом подавляя охватившее его волнение.

— Конечно, — ответил отец, — здесь ты найдешь все, что нужно человеку в экспедиции.

— Збышек, Витек и Ира лопнут от зависти, когда я им напишу об этом! — вскричал Томек.

— Ты хочешь сразу ознакомиться с кораблем? — спросил Вильмовский, видя, что Томек все время с нетерпением поглядывает на штуцер, висящий над койкой.— А может быть, ты предпочитаешь отдохнуть в каюте?

— Я думаю, что так будет лучше. С кораблем я успею ознакомиться и потом,— заявил Томек, довольный предложением отца.

— Прекрасно, оставайся в своей каюте, а я пойду на совещание с капитаном и Смугой. Мы будем в курительной комнате на нижней палубе. Достаточно сойти по трапу в конце коридора, чтобы попасть к нам.

— Хорошо, папочка. Я приду к вам.

Как только за отцом затворилась дверь, Томек одним прыжком очутился на койке. Принимая все меры предосторожности, он снял штуцер со стены. Томек сосредоточенно рассматривал блестящее оружие. На его лице появилась неуверенная улыбка. Он так был занят, что не услышал, как в каюту вошел боцман.

— Ого-го! Вижу, что ты добыл себе прекрасное оружие, собираясь в экспедицию,— басом произнес боцман Новицкий.

Томек вздрогнул от неожиданности и чуть не уронил штуцер на пол.

— Я не слышал, как вы вошли в каюту,— оправдывался он, смущенный посещением боцмана.

— Нет ничего удивительного, браток,— с улыбкой сказал боцман.— Я могу даже к спящему льву подойти так незаметно, что он и не почувствует. У тебя хороший штуцер. По-видимому, новый!

— Думаю, что... новый,— подтвердил Томек.

— Оружие современное. Ты в Варшаве, наверно, такого и не видел,— продолжал боцман и, словно желая ободрить мальчика, добавил: — А ну-ка покажи, брат, посмотрим, что это за штука.

Томек со вздохом облегчения передал оружие боцману. По-видимому, тот был прекрасно знаком с оружием, потому что штуцер в его руках внезапно ожил, показывая все свои тайны. В несколько минут боцман разобрал почти все ружье, попутно объясняя Томеку назначение каждой его части. Потом собрал штуцер и предложил:

— Ну-ка, браток, попробайся сделать то же, что я.

Я слышал от твоего отца, что ты будешь у нас поставщиком свежего мяса, значит, ты должен великолепно знать свое оружие, чтобы оно тебя не подвело.

К своей величайшей радости, Томек уже после третьей попытки самостоятельно разобрал и собрал штуцер. Боцман будто угадал его скрытую мысль, потому что вдруг сказал:

— Здесь на корабле есть место¹, где мы втайне от любопытных соседей сможем испробовать эту блестящую игрушку. С завтрашнего дня мы начнем обучаться стрельбе.

— И об этом никто не будет знать? — с любопытством и надеждой спросил Томек.

— Разве что какая-нибудь заблудившаяся корабельная крыса, которых много в трюме этой старой калоши. Шум машин заглушит звуки выстрелов, потому что мы устроим полигон недалеко от кочегаров.

— Ах, как хорошо! — обрадовался Томек. Ведь он с тех пор, как узнал о своей будущей обязанности во время экспедиции, ни на одну минуту не мог успокоиться. Поэтому симпатия, которую он почувствовал к боцману в Триесте, теперь усилилась. Он спешно стал рыться в своем чемодане. Достал оттуда большой конверт и вручил его боцману.

— Я вам обещал открытки с видами Варшавы. Пожалуйста, выберите те, которые вам понравятся, — радушно предложил он.

Боцман присел у столика, разложил на нем все открытки и долго в молчании рассматривал их. Наконец, стал откладывать открытки с видами тех районов города, которые расположены вблизи реки.

— Послушай, браток, если не возражаешь, то эти вот открытки я возьму себе, — обратился он к Томеку.

— Пожалуйста, ради бога! Я только удивляюсь, что вы отобрали себе виды Повислья.

— Я вырос в районе Повислья. Там живут мои старики, — пояснил боцман.

— А вы очень тоскуете по Варшаве?

— Очень!

— Почему бы вам не поехать туда, чтобы проведать своих родных?

— А ты знаешь, почему твой отец не может вернуться на родину? — спросил боцман.

— Знаю!

— Значит, поймешь, почему я не могу поехать в Варшаву, если скажу тебе, что мне пришлось удирать вместе с ним за границу. Между нами только та разница, что он оставил жену и тебя, а я — моих стариков.

Томек удивленно посмотрел на боцмана, который после минутного молчания добавил:

— Да, да, после бегства из Варшавы нам не очень-то везло. Пришлось искать работу на чужой стороне. Меня почему-то тянуло на море. Удалось поступить на судно. Через несколько лет я дослужился до боцмана. Что касается твоего отца, то он поступил к Гагенбеку. Мы с ним встретились несколько лет назад в Гамбурге. Тогда-то он мне и предложил перейти на «Аллигатор». Иногда хорошо бывает иметь старого товарища. Он шепнул за меня словечко Гагенбеку, и... вот мы идем в Австралию.

— Ах, это великолепно, — воскликнул Томек. — А скажите, Смуга тоже должен был бежать за границу?

— Смуга? Нет, братец! Он единственный из нашей компании настоящий путешественник по призванию и охотник на диких зверей. Говорят, что еще ребенком он ловил kota за хвост.

— Неужели Смуга так рано выбрал себе профессию? — задумался Томек, хотя прекрасно понимал, что старый матрос шутит.

— По-видимому, да. Как говорится, любовь к охоте он всосал с молоком матери.

— Как так, извините, пожалуйста? — спросил заинтересованный Томек.

— А так говорят, когда хотят подчеркнуть, что кто-нибудь к чему-либо очень способен, то есть обладает такой жилкой или смекалкой в определенной области знаний, понимаешь?

— Понимаю, понимаю, — ответил Томек удовлетворенно. — Это значит, что кто-то обладает призванием или способностями к чему-то.

— Вот-вот. Ты попал теперь в самую точку, браток, — заявил боцман.

Томека взяло ужасное любопытство, не обладает ли случайно и он такой жилкой к охоте на диких зверей, поэтому он спросил у боцмана:

— Интересно, можно ли выработать в себе такую жилку к путешествиям и охоте на диких животных?

Боцман искоса взглянул на мальчика. Подавляя улыбку, он ответил:

— Ведь говорят же, что привычка — вторая натура, значит, наверное, можно. Надо только сильно желать и иметь голову на плечах.

Томек повеселел. Он решил, ничего не говоря боцману, во всем подражать Смуге, чтобы стать таким же смелым и умелым охотником, как он.

Боцман спрятал открытки в карман блузы в тот момент, когда в коридоре раздался громкий удар гонга.

— Что-то, наверное, случилось! — обеспокоенно сказал Томек.

— Ты, браток, угадал! Кок приготовил обед, — серьезно ответил боцман. — Поэтому давай, брат, быстренько шпарить в кают-компанию.

— Гм, всего лишь обед... — пробормотал Томек.

Кают-компания находилась на нижней палубе. Томек и боцман застали там уже нескольких человек.

— Вот и вы наконец, — сказал Вильмовский, увидев входящих. — Ты, Томек, так долго был в своей каюте, что я боялся, сумеет ли звук гонга вытянуть тебя из твоего укрытия на обед?

— Я не знал, что уже так поздно, — оправдывался Томек, не замечая заговорщицких взглядов, которыми обменивались отец с боцманом.

А Вильмовский втайне посмеивался над наивностью сына, который не догадывался, что отец насквозь видит его мальчишескую хитрость. Он прекрасно знал, что Томек не имеет понятия о стрельбе и охоте. Его назначение «великим ловчим» экспедиции было шуткой, которую Томек принял со всей серьезностью. Вильмовский полагал, что напускное равнодушие, с каким сын принял свое «назначение», развеется как дым при виде великолепного штуцера. К его удивлению, Томек сумел ловко скрыть свои опасения и интерес к оружию. Не желая обидеть мальчика, он попросил боцмана Новицкого научить сына обращаться со штуцером. Боцман охотно взялся за это. Ведь Томек для него был частичкой далекой любимой Варшавы. Поэтому он, выполнив успешно задание, пытался взглядом сообщить Вильмовскому, что все обстоит благополучно.

Вильмовский представил сына собравшимся в ка-

ют-компания членам экипажа, после чего все принялись за еду.

Томек ел рассеянно и без аппетита. Ведь он решил во всем подражать Смуте, поэтому время от времени поглядывал на него и думал: «Боцман Новицкий, должно быть, знает множество вещей, ведь недаром он разбирает штуцер так же легко, как я теперь набираю ложкой суп. Это немного смешно, но, пожалуй, Смуга и впрямь, не умея еще ходить, уже ловил kota за хвост, чтобы впоследствии стать звероловом. Жаль, что тетя Янина не любила животных и не позволяла принести в дом даже котенка. Ну что ж, ничего не поделаешь! Буду во всем подражать Смуте. Так я скорее всего стану великим звероловом, а может быть, даже дрессировщиком».

Томек быстро управился с супом, хотя он ему и не очень понравился. Ему удалось даже опередить Смугу на несколько ложек, но радость его быстро исчезла — он заметил, что Смуга взял себе вторую порцию.

Томек с горечью подумал: «В длительности сна я, пожалуй, не уступлю Смуте, но в еде — никак. Во всяком случае, не сразу. Надо будет спросить у Новицкого, был ли у Смуги такой аппетит в детстве или нет?»

Пока не будет разрешено это сомнение, Томек решил есть умеренно. Теперь он обратил внимание на остальных членов экипажа. Это были люди различных рас и национальностей. Ему очень понравились два огромных негра, работавших кочегарами. Это были атлетически сложенные люди. Поэтому Томек решил начать ознакомление с кораблем с машинного отделения.

В свою каюту Томек попал только совсем поздно вечером. Он быстро разделся, залез в постель и погасил свет. Отцу он обещал, что постарается немедленно заснуть, хотя, несмотря на желание исполнить обещание, ему совсем не хотелось спать. Впрочем, как же можно спокойно заснуть, если всего лишь за несколько часов получено столько разнообразнейших впечатлений. Томек закрыл глаза, но сразу же вспомнил полутолых кочегаров, большими лопатами бро-

савших уголь в топку, в которой бушевало адское пламя. Потом он вспомнил рубку штурвального, перед его глазами пронеслись лица офицеров и матросов. Все они трудились, чтобы судно вовремя пришло в далекую Австралию. Потом он вспомнил о цели путешествия и начал мечтать о множестве приключений, ожидающих его в ближайшем будущем.

Томек лежал на узкой корабельной койке и в мечтах переживал большую охоту на быстроногих кенгуру и кровожадных динго. За несколько минут он в мечтах совершил столько выдающихся подвигов, что наконец заснул от усталости.

V

ПРОРИЦАТЕЛЬ ИЗ ПОРТ-САИДА

Стояла прекрасная, безветренная, солнечная погода. «Аллигатор» спокойно шел по гладким как зеркало водам Адриатического моря.

Томек быстро освоился с новым положением и на «Аллигаторе» чувствовал себя так же безопасно, как в доме у тети Янины. Правда, живость характера и врожденное любопытство не давали ему долго усидеть на месте.

Томек целыми днями бегал по всему судну. Он ходил в машинное отделение к кочегарам, заглядывал в вольеры, предназначенные для перевозки животных, подружился с коком, посещал матросов в кубрике, и спустя всего лишь два дня после того, как сделал первый шаг по палубе судна, Томек не хуже самого капитана Мак-Дугала знал наизусть все уголки «морского зверинца».

Боцман Новицкий, верный своему обещанию, стал обучать Томака стрельбе из штуцера. В одном из вольеров они устроили тир, в котором проводили несколько часов в день, стреляя по самодельной мишене.

Ежедневно по утрам Томек приходил в кают-компанию и внимательно штудировал карту, на которой был обозначен путь, пройденный судном за последние сутки. На седьмой день путешествия черная линия, обозначающая курс «Аллигатора», подошла почти

к самым берегам Африки. Томек сразу же побежал на палубу. «Аллигатор» уже подходил к порту. Томек заметил небольшую группу мужчин, стоявших на палубе, в числе которых были его отец и Смуга. Он быстро подбежал к ним.

— Папа, неужели это уже Порт-Саид¹? — спросил Томек.

— Да, мы входим в Порт-Саид, расположенный у ворот Суэцкого канала, — подтвердил Вильмовский.

— А мы сможем сойти на сушу? — нетерпеливо продолжал свои вопросы Томек, которому интересно было побывать в городе, до сих пор знакомом только по урокам географии в школе.

— Мы пополним здесь запас угля. Поэтому стоянка «Аллигатора» будет длиться несколько часов. После обеда мы поедем в город, — ответил Вильмовский.

«Аллигатор» осторожно маневрировал среди бесчисленных лодок и малых суденышек, пробираясь с оглушительным ревом гудка мимо больших кораблей, стоявших на рейде, к отведенному ему месту. Наконец «Аллигатор» бросил якорь вблизи набережной.

Томек с любопытством поглядывал на город, над которым раскинулся шатер голубого, без единой тучки, позолоченного знойными лучами солнца неба.

Над крышами низких домов возвышалась стройная башня высокого маяка, а вдали возносились к небу острые иглы минаретов².

Как только «Аллигатор» очутился на якоре, его окружили лодки. В них сидели оживленно жестикулирующие арабы и чернокожие, зарабатывающие себе на хлеб перевозкой пассажиров с судов на берег. Но они быстро оставили судно, узнав, что это не пассажирский корабль. Их место сейчас же заняли арабские мальчишки на своих маленьких лодчонках. Полуобнаженные гребцы, что-то громко крича, пытались объяснить с матросами «Аллигатора».

— Что им от нас нужно? — спросил Томек, заинтересованный громкими криками арабских мальчигов.

---

¹ Порт-Саид — портовый город в Северо-Восточном Египте, основанный в 1860 г. строителем Суэцкого канала инженером Лессепсом и названный так в честь вице-короля Египта — Саида.

² Минарет — высокая башня мечети, мусульманского храма.

— Сейчас увидишь,— ответил Вильмовский, вынимая кошелек из кармана. Едва в его пальцах блеснула серебряная монета, одна из лодок быстро подошла к самому судну.

— Теперь смотри внимательно,— обратился Вильмовский к сыну.

Брошенная за борт монета, описав дугу, погрузилась в воду. В этот момент маленький араб бросился в море вниз головой, исчез в глубине и вскоре выплыл на поверхность, держа в зубах монету.

— Ах, какой великолепный пловец! — удивился Томек.— Папа, дай мне, пожалуйста, несколько монет, я должен хорошенько присмотреться, как это он делает.

Томек с интересом бросал монеты ловким арабским пловцам и смотрел «магические фокусы», которые показывал старый араб. И только лишь после того, как в отцовских карманах был исчерпан весь запас серебряных монет, Томек заметил, что на противоположном борту судна происходит что-то новое. Выглянув за борт, он увидел пять груженных углем барж, которые должны были поочередно подойти к люку, открытому на борту «Аллигатора». Одна из барж как раз подошла к судну. Бронзовые от загара, полуобнаженные арабы проворно, с присущей им ловкостью носили уголь на судно в больших корзинах. Палуба судна покрылась туманом черной пыли. Пробегая по сходням, арабы переглядывались с матросами, стоявшими на палубе, показывая в улыбке белую кипень зубов. За рабочими присматривал старый араб в грязном бурнусе. Он не жалел кнута, щелкая которым в воздухе погонял грузчиков. К Томеку подошел Смуга.

— Собирайся-ка, мы сойдем на берег! — крикнул он и, когда Томек повернулся к нему лицом, громко захохотал и добавил: — Черт возьми! Ты же стал чернее негра!

Только теперь Томек заметил, что весь он покрыт черной угольной пылью.

Томек побежал в каюту. Вскоре он вернулся чисто вымытый и в новом костюме. Отец, Смуга и боцман Новицкий уже ждали на палубе. По веревочному трапу они сошли в лодку и через несколько минут очутились на суше. Здесь их сразу со всех сторон окру-

жили расшумевшиеся проводники, предлагая свои услуги для ознакомления с городом. Бодман Новицкий бросил им несколько монет и движением руки дал понять, что сам хорошо знаком с городом, в котором прежде уже не раз бывал.

Вскоре наши путешественники очутились на длинной, чрезвычайно оживленной улице, застроенной низкими домами. Витрины магазинов ломились от всевозможных товаров. Томек то и дело останавливался, чтобы посмотреть на страшных золоченых драконов, полюбоваться великолепными изделиями из слоновой кости, нежными и прозрачными сосудами из китайского фарфора, забавными разноцветными фигурками, красивыми шкатулками из сандалового дерева, златоткаными тканями и множеством других предметов, увиденных им впервые в жизни. Арабские лавочники назойливо расхваливали свои товары, приглашали их осмотреть. В конце концов разноязычный говор и шум так оглушили Томека, что он предпочел спрятаться за спину своих спутников. Они вошли в европейскую часть города, застроенную высокими, красивыми зданиями. Здесь расположились гостиницы, банки, торговые предприятия, а среди обширных садов и парков белели дома богатых европейцев.

Вскоре они снова очутились в арабской части города. Среди небольшого числа каменных домов здесь ютились грязные шалаши, кое-как слепленные из глины, полные дыр, заделанных ржавой жестью и досками. Однако на первом плане виднелись словно сросшиеся со стенами шалашей лотки с овощами и аппетитными южными фруктами. По улицам спокойно шествовали ослики; здесь же не обращая внимания на крикливых прохожих, паслись козы. Когда наши путешественники проходили мимо одного из шалашей, к ним обратился старый араб, сидевший прямо на земле:

— Подойдите ко мне, благородные пришельцы!

Они остановились, а старец вонзил в них пронизательный взгляд. Он протянул к ним высохшую руку со сморщенной кожей и хрипло сказал:

— Судьба каждого человека записана в Книге жизни. За несколько жалких серебряных монет я скажу каждому из вас, что ожидает его в будущем.

Смуга бросил прорицателю монету. Подражая его речи, он сказал:

— Возьми, благородный учитель, но тебе нет нужды предсказывать мою судьбу. Я умею читать в Книге жизни не хуже тебя. Поэтому совершенно бесплатно я приоткрою тебе тайну и скажу, что ты не разбогатеешь, занимаясь предсказаниями.

Коричневая рука старца хищно схватила блестящую монету и бросила ее в мешочек, висевший у пояса прорицателя.

— Ты перестанешь смеяться, когда между тобой и смертью встанет маленький мальчик. Может быть, тогда пожалеешь, что не захотел поверить в мое предсказание,— ответил араб с кривой и презрительной улыбкой на устах.

Сморщенное лицо старика и сказанные им странные слова несколько смутили Томека. Он нашел в кармане серебряную монету и положил ее в миску, стоявшую у его ног. Прежде чем Томек успел отойти, старик протянул к нему из-под бурнуса свою костлявую руку. Неожиданно быстрым движением он схватил Томека за плечо и привлек его к себе.

— Послушай старого араба,— сказал он хриплым голосом, не выпуская руки Томека.— Ты еще молод и будешь долго жить. Ты поймешь и, может быть, когда-нибудь вспомнишь мои слова.

Араб правой рукой разгладил песок, которым был наполнен стоявший перед ним плоский сосуд, и, словно читая написанное на нем, произнес:

— В далекой и дикой стране ты найдешь то, что другие будут напрасно искать. Когда это случится, ты найдешь друга, который не скажет ни одного слова...

Вильмовский нетерпеливо пожал плечами. Взяв Томека за руку, он сказал:

— Достаточно этих глупостей! Идем теперь выпьем чего-нибудь холодного.

Они быстро отошли от старого араба, а тот, не переставая злобно улыбаться, смотрел им вслед своими налитыми кровью глазами.

По дороге Смуга и Вильмовский рассказывали забавные случаи, героями которых были арабские прорицатели. Томек и боцман Новицкий слушали их рас-

сказы в молчании. Они заняли столик в большом зале кафе. Томек беспокойно вертелся на своем стуле и в конце концов обратился к своим спутникам с вопросом:

— Папа и вы, дядя, утверждаете, что старый араб нес несусветный вздор. Скажите, а откуда он мог знать, что мы едем в далекую и удивительную страну?

— В таком оживленном порту любому европейцу можно сказать то же самое, без особого риска ошибиться,— ответил Смуга.— Этого рода колдуны и прорицатели обладают чрезвычайной способностью выуживать деньги из карманов наивных слушателей. Не стоит обращать внимания на их болтовню.

— Из нас вы первый вручили ему монету,— с улыбкой сказал боцман Новицкий.— О гадании вы и слышать не желаете, а денег не пожалели. Одним словом, вы придерживаетесь жизненного правила «и богу свечка, и черту кочерга». Но зато гадальщик угостил вас хорошим предсказанием. Я лично не очень люблю, когда такой старец предсказывает мне несчастье. Поэтому, проходя мимо прорицателей, стараюсь держать язык за зубами.

— Я ему подал милостыню. Ведь должен же такой старый человек на что-нибудь жить,— со смехом защищался Смуга.— Я ни в какие гадания не верю с самых малых лет. Если в руках у меня хорошее ружье, я не боюсь никаких опасностей.

— За твои шутки старик предсказал нам страшные, по его мнению, несчастья,— весело вмешался в беседу Вильмовский.

— Мне кажется, пора поднять паруса и подумать о возвращении на корабль,— заметил пунктуальный и практичный боцман Новицкий.— Вечером мы снимемся с якоря.

— И правда, уже пора,— поддержал боцмана Вильмовский.

Они вышли из кафе. По дороге в порт купили по связке сочных южных плодов. На судно они вернулись в самом прекрасном настроении. Лоцман, который должен был провести судно через канал, уже находился на борту.

Едва лишь на небе загорелись первые вечерние звезды, «Аллигатор» вошел в Суэцкий канал. Медленно, со скоростью черепахи, «Аллигатор» прошел мимо

ярко освещенного здания Англо-французской компании¹ и других строений, о назначении которых Томек забыл спросить. Все пассажиры и свободный от вахты экипаж судна собрались на верхней палубе, потому что в каютах стояла такая жара и духота, что оставаться там длительное время не было возможности. Воспользовавшись этим, Томек с любопытством смотрел на длинную, узкую полосу воды, зажатую низкими берегами и насыпными валами.

В школе, учась географии, он совершенно иначе представлял себе знаменитый Суэцкий канал, сыгравший историческую роль, так как сократил и сделал почти безопасным долгий путь из Европы в Индию. Он столько наслушался о трудностях, с которыми встретились строители канала, что ожидал увидеть сложное сооружение, тогда как на самом деле все выглядело крайне просто. Поэтому Томек разочарованно сказал отцу:

— Не понимаю, почему пришлось столько лет копаться такой узенький канал?

— Если говорить точно, то строительство канала было начато в 1859 году, а закончено в 1869-м. Таким образом, строительство продолжалось ровно десять лет,— ответил Вильмовский.— Это была необыкновенно трудная строительная задача. Ныне длина канала составляет сто шестьдесят один километр. Из них сто двадцать километров — это собственно канал, вырытый в земле, а остальное приходится на озера и проливы, соединяющие между собой отдельные участки канала. Чтобы представить себе, какую огромную работу пришлось проделать, достаточно сказать, что тридцать тысяч человек в течение десяти лет работали не покладая рук на строительстве. Кроме того, канал потребовал огромных средств: на его строительство ушло свыше пятисот миллионов золотых франков.

— Никак не думал, что рытье такого канала может потребовать таких трудов и столько денег,— ответил Томек.— И долго нам придется идти по каналу?

— Около двадцати часов, потому что по правилам мы обязаны уступать дорогу почтовым судам.

---

¹ До 1958 г., то есть до национализации Суэцкого канала египетским правительством, эксплуатация канала осуществлялась Международным обществом, от имени которого действовала Англо-французская компания Суэцкого канала.

— Это значит, что я смогу и днем полюбоваться берегами канала, — обрадовался Томек.

В хорошем настроении Томек лег спать. Он чувствовал усталость после длительной прогулки по Порт-Саиду. Проснувшись рано утром, он нашел себе на судне прекрасный наблюдательный пункт. Никем не замеченный, Томек залез в спасательную лодку, прикрепленную к оснастке на верхней палубе корабля, откуда открывался прекрасный вид на оба берега канала.

Насколько хватало глаз, берега канала были покрыты песками, среди которых то тут, то там блестели соленые озера. С правой стороны у самого берега вдоль железнодорожной линии из Порт-Саида в Суэц тянулись два ряда деревьев. Среди них преобладали тамаринды¹ — тропические фруктовые деревья с твердым, желтоватым стволом и листьями, покрытыми как бы пухом. Время от времени судно проходило мимо хороших жилых и станционных зданий, а иногда его обгонял поезд, за которым долго тянулась полоса черного дыма. Томек жадно смотрел вокруг, но вскоре монотонный вид песчаных берегов наскучил ему. Стояла невыносимая жара... Томек снял рубашку, удобно уселся на дне лодки, потом прилег, сунул голову под скамейку, чтобы спрятаться от солнца, и вскоре крепко заснул, убаюканный мерным плеском воды, ударяющей о борта судна.

Прежде чем отец нашел его спящим в лодке, прошло немало времени. Все тело Томека пылало жаром, и по цвету он походил на рака, только что вынутого из кипящей воды. Его быстро внесли в каюту, где ему пришлось лежать с компрессами на всем теле во время всего путешествия по Красному морю. Только лишь благодаря тому, что голова Томека во время сна очутилась в тени скамейки, ему удалось избежать тяжелых последствий солнечного удара. За свою неосторожность ему пришлось понести наказание, назначенное отцом. Томеку было запрещено присутст-

---

¹ Тамаринд (*Tamarindus indica*), или индийский финик, дерево семейства бобовых, подсемейства цезальпиниевых. Плоды — боб длиной до 20 см с твердой оболочкой и кислой бурой мякотью. Плоды тамаринда применяются в медицине в качестве слабительного.

вовать в Порт-Судане при погрузке верблюдов на «Аллигатор».

Впрочем, Томек не очень был опечален этим наказанием. Ведь даже простыни немилосердно раздражали его сожженную солнцем кожу, а что уж говорить — одежда! Кроме того, в таком состоянии нельзя было явиться на палубу судна, обжигаемую лучами южного солнца.

Томек от скуки выглядывал наружу через круглый иллюминатор, которым освещалась каюта. Таким образом, он установил, что вода в Красном море совсем не красная, как это ему представлялось на уроках географии. От отца он узнал, что море получило это название от водорослей красного цвета, растущих на его дне. По вечерам Томек любовался мигающим светом маяков, разбросанных по мысам и малым пустынным островам вдоль берегов. Маяки облегчали путь судам среди опасных мелей и подводных рифов.

Во время краткой стоянки в Порт-Судане Томек прислушивался к скрипу талей, при помощи которых грузили верблюдов с пристани на судно. Рев несчастных животных, крики погонщиков на совершенно незнакомом языке возбуждали его фантазию, заставили припомнить прочитанные не так давно описания экспедиций Ливингстона и Стэнли¹ в Африку.

На следующий день после выхода судна из Порт-Судана неопенимый боцман Новицкий возобновил уроки стрельбы. Томек умел уже безошибочно попасть в самый центр круга, и боцман занялся устройством подвижной мишени. Он прикрепил к деревянному потолку трюма длинную проволоку, к которой привесил жестяную коробку, наполненную песком. При помощи шнурка боцман быстро двигал коробку по проволоке, а Томек в это время целился в нее и стрелял. По мере того как Томек приобретал навык, коробка двигалась все быстрее и быстрее; притом появлялась совершенно неожиданно. Томек, обрадованный похвалами своего учителя, проводил в импровизированном тире много времени. И только известие,

---

¹ Давид Ливингстон, знаменитый исследователь Африки, Генри Мортон Стэнли — журналист и путешественник. Они известны своими открытиями в Африке во второй половине XIX века.

что «Аллигатор» подходит к Адену¹ — самому жаркому месту земного шара, заставило Томека выйти на палубу судна. Он увидел грозную отвесную скалу, которая, казалось, преградила путь кораблю. Вздвигавшаяся, изрезанная цепь скал полуострова была окружена водами голубого, вечно беспокойного моря. Над морем и скалами распростерлось бескрайнее, пышущее солнечным жаром, безоблачное небо.

«Аллигатор» стал на якорь. Немедленно к борту судна подошли тяжелые баржи, груженные углем, преодолевая неприятную короткую волну. Вскоре, подобно тому как это было в Порт-Саиде, появились маленькие лодчонки с пловцами, ловко вылавливающими монеты со дна моря.

Стоянка была очень короткой, поэтому никто из экипажа не был отпущен на берег. Томек, слушая рассказ отца, который не раз бывал в Адене, с интересом смотрел на превосходно видимый с судна порт Стимер-Пойнт, где размещены укрепления, находятся гостиницы, консульские бюро и дома европейцев. Сам город Аден — старинный арабский оазис, называемый Шейк-Осман — находится в шести километрах от Стимер-Пойнта, в кратере погасшего вулкана, среди дикого нагромождения скал, окруженных выжженной солнцем пустыней.

— Судьба Адена напоминает до некоторой степени историю Суэцкого канала, — сказал Вильмовский. — Чтобы сделать существование европейцев сносным в этом самом жарком месте на земле, где отсутствуют вода, тень и растительность, тысячи рабов, покрываясь кровавым потом, строили огромные бассейны. Во время весенних бурь они наполняются водой. Жаль, что ты их не увидишь. Они очень красивы.

У Томека было мало времени для бесед с отцом. Во время стоянки в порту на судне царил оживленное движение, которое вскоре привлекло внимание Томека. Матросы деятельно крепили на палубе все подвижные предметы, прочно привязывая их каната-

---

¹ Город Аден находится в юго-западной части Малоазиатского полуострова. В те времена, к которым относится наш рассказ, Аден входил в состав британской колонии того же наименования, в которую кроме Адена входили порт Стимер-Пойнт, городок Шейк-Осман и часть пустыни, окружающей город Аден.

ми. Несколько членов экипажа в обществе Вильмовского и Токека сошли в трюм, в помещение, где находились верблюды. Животные стояли парами в небольших, отделенных друг от друга стойлах. Вильмовский проверил правильность содержания животных и прочность креплений.

Такая подготовка была необходима, потому что «Аллигатор» должен был скоро войти в зону юго-западного муссона¹ и можно было ожидать ухудшения погоды и даже бурь.

В дальнейший путь судно отправилось еще до захода солнца. Всего лишь через несколько часов, вечером, Томек про себя отметил, что условия путешествия значительно изменились. Правда, боковая ленивая качка поначалу не очень беспокоила, но, несмотря на это, Томек почувствовал тревогу. Под напором огромных волн судно сильно кренилось на левый борт. Все его связи трещали, а время от времени огромный водяной вал заливал судно и откатывался назад, словно стыдясь своей смелости и оставляя на палубе брызги белой пены.

На следующее утро качка стала ощутимее. Пенистые гребни волн то и дело заливали палубу судна. Желая заглушить неприятное чувство, Томек прихватил штуцер и ушел в свой тир. Боцман не мог сопутствовать ему, но Томек был, пожалуй, доволен этим; жестяная коробка, подвешенная к потолку, под влиянием сильной качки самостоятельно двигалась, притом в самые неожиданные моменты. Попастъ в такую подвижную цель было очень трудно. Томек иногда с трудом удерживал равновесие, но это как раз доставляло ему самое большое удовольствие. Он непрерывно стрелял, иногда попадая в цель, иногда нет. За два часа таких упражнений песок высыпался из коробки через отверстия, пробитые пулями.

Как только раздались звуки гонга, возвещавшие обед, Томек обрадованно уселся на свое место в кают-компании. Во время стрельбы по движущейся цели он, находясь в сильном волнении, забыл о том, что его охватывала слабость, и почувствовал сильное желание поесть.

---

¹ Муссон — устойчивый ветер в Южной Азии и на Индийском океане (меняет направление два раза в год).

Матросы смотрели на Томека с восхищением, Смуга сказал:

— Ого-го! Значит, ты явился на обед?!

— А почему бы и нет? — ответил Томек. — Я голоден, как волк.

— Прекрасно. Если качка не лишила тебя аппетита, то из тебя выйдет хороший моряк. Ты знаешь, что три великана-суданца, сопровождающие верблюдов, уже лежат как бревна в своих каютах, — смеясь сообщил Смуга.

Томек прекрасно переносил качку. Несмотря на это, его не пускали на палубу из опасения, что волны, непрерывно омывающие судно, смоют его за борт. Поэтому Томек в своем тире прошивал пулями жестяные коробки все меньшего и меньшего размера, всякий раз точно попадая в цель.

Через несколько дней море немного успокоилось. Новицкий, воспользовавшись свободной минутой, появился на пороге тира. Томек стрелял быстро и хорошо.

Удивленный успехами своего ученика, боцман одобрительно сказал:

— Ну-ну, браток, вижу, что ты уже немногому научишься у меня. Теперь разве что Смуга сможет тебя научить чему-либо новому в стрельбе.

— А что, Смуга так хорошо стреляет? — удивился Томек. — Я думал, что лучше вас никто не стреляет.

— Эге, браток! Смуга — это стрелок отменный! Он может попасть между глаз любому, даже самому маленькому зверьку, — ответил боцман уверенно, хотя все, что он знал о Смуге, было ему известно по рассказам старшего Вильмовского.

Конечно, Вильмовский ничего не говорил боцману об умении Смуги попадать животным «между глаз», но Новицкому казалось, что маленькая неточность не помешает.

Томек уже давно решил во всем подражать Смуге, великому охотнику и зверолову. Он задумался над словами боцмана. Стараясь находить коробки все меньшие по размерам, рисовал на них по два кружка, которые должны были изображать «глаза» животного, и снова и снова стрелял, пытаясь попасть «между глаз». Делал это он втайне от боцмана. Дни проходили быстро. «Аллигатор» все дальше шел на юго-восток.

ЦЕЙЛОНСКИЙ СЛОН И БЕНГАЛЬСКИЙ ТИГР

Томек с нетерпением смотрел на полосу суши, видневшуюся на горизонте, среди колеблющихся волн океана. Это остров Цейлон¹ — страна жемчуга, белых сапфиров, красивых пальм и редких растений.

«Аллигатор» медленно прошел в широкие ворота, образованные двумя волноломами, и очутился у большой, уютной пристани столицы Цейлона Коломбо.

— Я собираюсь на берег со Смугой. Если желаешь, можешь пойти с нами, — объявил Томеку отец, когда с борта судна опустили трап на причал. — Нам необходимо получить разрешение на погрузку животных на судно.

— Слона и тигра? — спросил Томек.

— Да. Отсюда мы должны их взять в Австралию, — подтвердил Вильмовский.

— Ах, как интересно! Мне еще не приходилось видеть живого слона или тигра. А этот слон ручной?

— Полагаю, что он дрессированный слон. Я возьму с собой фотоаппарат. Ты ведь должен послать тете и дяде свою фотографию из далекого путешествия.

— Конечно. Я бы очень хотел...

— Что? Хотел бы покататься на слоне?

— Да!

— Посмотрим, — сказал Вильмовский. — Приготовься к выходу на берег.

Через несколько минут, придевшись, Томек вернулся на палубу, где его уже ждал отец с большим футляром, в котором находился фотоаппарат. По узким, прогибающимся мосткам они сошли на пристань. Вскоре они очутились на обширной городской площади.

Томек поправил пробковый шлем на голове, чтобы заслонить глаза от яркого солнца, и осмотрелся вокруг. Вблизи стояли двухколесные арбы, бока которых и верх были защищены матами. В арбы были впряже-

---

¹ Остров Цейлон (площадь 65 610 кв. км, население 10,2 млн. человек), расположен в Индийском океане вблизи южного побережья Индийского полуострова. В 1972 г. остров получил название Шри-Ланка.

ны рогатые азиатские зебу, происходящие, по-видимому, от степного тура¹. От отца Томек узнал, что степной скот, похожий на зебу, можно также встретить и в Африке у многих негритянских племен. Некоторые виды зебу, называемые в Африке вагума или ватуси, отличаются огромными рогами. Другие породы зебу носят на плечах более или менее крупный горб жировых отложений. Особенно развит этот горб у азиатских зебу. Томек был несказанно удивлен, что в Индии зебу почитают священным животным, держат их в храмах, а за убийство этого животного виновника приговаривают к смерти. Здесь, на Цейлоне, зебу служили в качестве тягловых животных. Они с совершенным равнодушием стояли теперь под палящими лучами солнца. В некотором отдалении Томек заметил ряд рикш, двухколесных повозок с сиденьями между колесами. У повозок стояли сингальцы² с телами, отливающими бронзовым цветом.

Увидев белых путешественников, выходящих из порта, три рикши подбежали к ним, таща за собой свои тележки. Наши путешественники уселись и поехали в город по прямому, широким улицам.

В порту и в самом городе царило оживленное движение. По середине улицы, топая босыми ногами, пробегали услужливые кули, с необыкновенной ловкостью лавируя двуколками среди разноцветной толпы.

Томек с восхищением смотрел на стройных сингальцев, которые носили вместо штанов короткие юбочки, а длинные черные волосы скрепляли на затылке черепашьими гребнями. Их желтое, зеленое и красное одеяние смешивалось с синими и голубыми сари индийцев. Время от времени Томек замечал в толпе браминов, одетых в желтые длинные одежды. Женщины — сингальки и тамилки — были обильно украшены блестящими серьгами и браслетами. Многие прохожие защищали головы от солнечных лучей цветными зонтами.

После короткого, но быстрого бега рикши, везшие наших путешественников, остановились у каменного

---

¹ Тур (*Bos primigenius*) — животное, полностью вымершее несколько сот лет тому назад.

² На острове Цейлон живут сингальцы, тамилы и индийцы.

здания. Здесь находилась транспортная контора. Оказалось, что слона и тигра можно погрузить на борт в любой момент. Поэтому необходимые формальности удалось быстро закончить, и наши путешественники, сопровождаемые высоким, худым англичанином, служащим канторы, вышли, чтобы получить животных. Они находились в пригородном имении английского негодяя. Обширный парк имения был огорожен низким забором. Дом стоял в глубине парка. Кули, не уменьшая скорости, описали полукруг и через широкие, украшенные орнаментом чугунные ворота вбежали в парковую аллею. По обе стороны аллеи высились стройные стволы пальм. Их длинные зеленые листья бросали густую, живительную тень. За пальмами в глубине парка пышно росла всевозможная тропическая зелень. Среди разбросанных кое-где деревьев, хлебных, коричневых, гвоздичных, магнолиевых и великолепных саппановых, виднелись бесчисленные кустарники и молодые деревца: оливковые, лимонные, апельсиновые, банановые с огромными листьями, среди которых висели гроздья зрелых плодов.

Рикши остановились у одноэтажного белокаменного дома, вокруг которого шла глубокая тенистая аллея. Англичанин вышел на крыльцо и пригласил путешественников в дом, предлагая немного отдохнуть. Как только гости расселись в глубоких, удобных бамбуковых креслах, молодой индеец поставил перед ними огромные подносы с восточными сладостями, плодами и холодными, освежающими напитками.

Во время беседы отца и Смути с англичанином Томек съел несколько сочных южных плодов, но то и дело с нетерпением поглядывал в глубину парка. По всей вероятности, там находился слон, которого они собирались взять с собой в Австралию. До сих пор Томеку не приходилось видеть экзотических животных. В то время в Варшаве не было еще зоологического сада, где можно было бы увидеть живые образцы мировой фауны. Поэтому нет ничего удивительного, что наряду с любопытством Томек испытывал легкую тревогу. Ведь настоящий живой слон это совсем не то, что раскрашенная картинка или даже фотография.

После недолгой беседы мужчины встали. Вместе с Томеком они вышли в парк. В самом конце дорожки

находилась лужайка со старательно подстриженной травой. На лужайке в тени столетнего огромного баобаба¹ стоял слон. Он медленно шевелил ушами и длинным хоботом хватал из кормушки охапки сена, отправляя их себе в рот.

Путешественники подошли совсем близко к слону. Томек заметил на одной из задних ног животного железное кольцо, за которое он при помощи длинной цепи был прикован к стволу баобаба. Увидев посетителей, из-за ствола дерева показался индиец и остановился в ожидании.

— Это погонщик слона,— сказал англичанин, показывая на индийца.

Слон медленно повернул голову в сторону Томека, который держал в руке сочный апельсин. Он вытянул хобот, но Томек, не уверенный в своей безопасности, предусмотрительно спрятался за стоявшего рядом Смугу.

— Не бойся, слон хочет только полакомиться чем-нибудь вкусным,— успокоил Томека англичанин.

— А он меня не схватит за руку? — с недоверием спросил Томек.

Слон как бы понял его слова и еще раз вытянул к Томеку хобот, широко раскрыв пасть. Хобот неподвижно застыл в таком положении.

— Видишь, он не хочет тебя укусить,— сказал англичанин.

Осмелев, Томек подошел к слону и подал ему апельсин. Слон медленным движением поднес кончик хобота с апельсином ко рту и проглотил вкусный плод. Индеец подошел к слону и ласково погладил его по хоботу.

— Он очень любит детей,— пояснил он.

Вильмовский, памятуя о беседе с Томеком на борту судна, произнес:

— Мой сын хочет послать фотографию своим родственникам. Мне кажется, что мы могли бы сделать прекрасный снимок.

— Посади мальчика на слона,— приказал англича-

---

¹ Баобаб (*Adansonia digitata*) — дерево семейства бомбаксовых, одно из самых толстых и долголетних деревьев. Живет до 4—5 тысяч лет, ствол достигает 45 м в обхвате. Плоды съедобные, сочные, длинные, по внешнему виду напоминают огромный огурец.

нин погонщику. Томек победил свой страх. Подошел к огромному животному. Рука Томека невольно коснулась длинного хобота. Индеец сказал несколько слов на незнакомом Томеку языке, слон нежно обхватил стан Томека своим хоботом. Еще один момент, и Томек очутился высоко в воздухе, рядом с громадной головой слона. Томек судорожно схватился за большое ухо животного и легко уселся на его шею.

Вильмовский установил фотоаппарат на штатив. Сделал несколько снимков, после чего Томек, по совету англичанина, слез, спустившись по хоботу слона на землю.

— Ты доволен? — спросил Томека отец.

— Очень доволен, папочка. Эту фотографию я pošлю всем моим знакомым в Варшаве, — заявил Томек, скрыто жалея, что у него не было на плечах великолепного штуцера.

Англичанин предложил посмотреть тигра. В тени остроконечной, покрытой матами крыши, поддерживаемой толстыми столбами, стояла бамбуковая клетка. В глубине клетки скрывалось большое, чрезвычайно подвижное полосатое туловище бенгальского тигра. Увидев людей, тигр приблизил голову к бамбуковой решетке клетки и гневно свел веки глаз. Мускулы на морде зверя задрожали, обнажая грозные, острые клыки. Тигр отрывисто и коротко зарычал. Ударяя хвостом по бокам туловища, тигр вытянул передние лапы, прижался к полу клетки, словно готовясь к прыжку.

— С ним надо быть очень осторожным, — предупредил англичанин. — Он пойман всего лишь два месяца назад и очень плохо переносит неволю.

Желтые глаза животного грозно блестели, он обнажил ужасную пасть и диким ревом угрожал назойливым посетителям.

Томек подошел к Смуте, который со всех сторон осматривал тигра, и спросил:

— Скажите, пожалуйста, это правда, что тигр, прежде чем прыгнуть на жертву, пригибается к земле и бьет себя хвостом по бокам?

— Да, это так, Томек. Уж таков у тигров обычай проявлять свои неприязненные чувства. Если бы не толстые прутья клетки, мы, пожалуй, не могли бы здесь стоять в безопасности.

— Вы, наверное, уже охотились на тигров? — продолжал спрашивать Томек.

— Да, охотился в Индии.

— Куда надо целиться, чтобы уложить тигра наповал?

— Тигры выходят на охоту ночью. В темноте лучшая цель — его светящиеся глаза. Если с первого выстрела попадешь между глаз зверя, убьешь его наповал.

— А если не попаду?

— Тогда, несомненно, проснешься в ином, лучшем мире, — с улыбкой ответил Смуга.

«Оказывается, боцман Новицкий прекрасно знает Смугу! — подумал Томек, вспоминая все, что веселый моряк говорил ему об охотничьих способностях великого ловчего. — Он и вправду стреляет только между глаз!»

Они медленно возвращались к рикшам. Вильмовский согласовывал с англичанином подробности погрузки животных на борт «Аллигатора». По дороге Томек, который шел рядом с ними и Смугой, снова обратился к охотнику:

— Скажите, эти слон и тигр пойманы на Цейлоне?

— Нет, родина тигра Бенгалия, это в северо-восточной части Индийского полуострова, а слон — коренной обитатель Цейлона.

— Какие еще животные водятся на Цейлоне?

— Можно с уверенностью сказать, что самый разборчивый охотник найдет здесь животное по своему вкусу. Кроме слонов на Цейлоне есть медведи, леопарды, гиены, дикие кошки, буйволы, олени, индийские дикие свиньи, крокодилы, аллигаторы, огромные очковые змеи, разнообразнейшие виды обезьян и птицы, от самых маленьких до самых больших.

— Откуда вы все это знаете?

— Несколько лет назад я со своими друзьями охотился на Цейлоне, — ответил Смуга.

— А где вы охотились в Индии?

— На родине нашего тигра, в Бенгалии. Мы там ловили бенгальских тигров для Гагенбека.

— У вас есть о чем вспомнить. Хотел бы я быть на вашем месте.

— Не все воспоминания приятны, — ответил Смуга. — Как раз в Бенгалии мне пришлось пережить очень неприятное приключение.

— Ах, расскажите, пожалуйста.

— Это печальная история, Томек. Там, где мы охотились на тигров, один из них очень беспокоил жителей. Не было ночи, чтобы он не зарезал хотя бы одно животное. Крестьяне расставляли всякие ловушки на грозного разбойника. Они выкапывали ямы, на дне которых ставили острые колья, а сверху закрывали дерном и листьями. Все попытки убить хищника кончались трагически для охотников. Наконец, в отчаянии крестьяне обратились ко мне с просьбой убить злого тигра. Однажды ночью я засел в засаду вблизи загородки для скота.

— Почему вы были один и никто больше не принял участия в этой опасной охоте?

— Меня сопровождал проводник, индеец. Тигр, на которого мы охотились, был старым опытным разбойником, а у крестьян не было хороших ружей. Тигр подкрадывался к нам в полной тишине. Если бы не волнение среди скота в загородке, мы бы его совершенно не заметили. Грозный блеск светящихся глаз тигра я увидел, когда он подошел ко мне на расстояние не больше пяти метров. Пораженный неожиданным появлением тигра, я выстрелил слишком поспешно. После выстрела некоторое время царила ужасная тишина. Мой проводник, уверенный в меткости моей стрельбы, стал искать убитого зверя, хотя я предупреждал его, что не уверен, попал ли я в тигра. Однако проводник утверждал, что, если бы я промахнулся, тигр уже бросился бы на нас. По его мнению, тишина свидетельствовала о смерти животного. Он рассуждал вполне логически, но меня убедить не мог. Я советовал терпеливо подождать. К сожалению, индеец меня не послушал и начал поиски.

Через секунду я услышал ужасный крик индийца, от которого у меня мороз пробежал по коже, и еще более ужасный рев хищника. Я бросился на помощь, держа наготове заряженный карабин. Прошло всего лишь несколько секунд, но когда я прибежал к месту трагедии, я увидел, что тигр душит и рвет когтями моего проводника. Я увидел блеск глаз этой ужасной бестии. Я спустил курок, и хотя на этот раз был вполне уверен в меткости выстрела, тигр не выпустил из когтей свою жертву. Увидев, что тигр, ощерив ужасные клыки, склонился над телом бедного проводни-

ка, я всадил приклад ружья в его открытую пасть. Тигр прыгнул в мою сторону. Я упал, и тигр придавил меня всей тяжестью своего тела. Но к счастью, это были последние мгновения его жизни. Лежа на мне, тигр содрогался в предсмертных судорогах. Наконец, он затих навсегда.

— И с вами ничего не случилось? Вы не были ранены? — спросил Томек, с восхищением глядя на Смугу.

— Собственно говоря, ничего, по сравнению с моим бедным проводником.

— Ага! Однако же вы были ранены!

— Тигр когтями нанес мне глубокую рану на предплечье. Я пролежал в горячке почти два месяца, мне угрожало заражение крови. Взгляни! — Смуга закатал короткий рукав рубашки. Томек увидел глубокий, неровный шрам, идущий от плеча почти до самого локтя.

— Но это ужасно! — прошептал Томек.

— Ужасна была только смерть моего проводника. К сожалению, он был неосторожен. Мы знали, что бенгальские тигры очень свирепы и опасны. Оказалось, что моя первая пуля попала ему в череп несколько выше глаз. Если бы мы терпеливо подождали до утра, все обошлось бы прекрасно, без несчастья с проводником.

Томек тяжело вздохнул. Он подумал, что надо обладать большой отвагой, чтобы охотиться за такими кровожадными bestиями.

Через минуту Томек снова обратился к Смуге:

— Мне кажется, в Австралии нет тигров.

— Единственный хищник, который встречается в Австралии,— это дикий пес динго. Только поэтому отец решил взять тебя в экспедицию. Впрочем, не печалься, Томек! Ты великолепно проведешь каникулы.

— Я так рад, так рад! — вскричал Томек.— Я был бы еще больше рад, если бы вы обещали взять меня с собой поохотиться на... тигров.

— Когда вырастешь, я тебя, наверное, возьму.

— Вы в самом деле обещаете мне это?

Смуга ласково погладил Томека по голове и серьезно сказал:

— Обещаю тебе это, Томек!

Путешественники вернулись на борт «Аллигатора». Животных погрузили без всяких приключений. Слона перевязали широкими полосами из полотна, после чего при помощи судового крана погрузили на судно. Его устроили в загородке рядом с верблюдом, а клетку с тигром поставили в отдельное помещение, чтобы он своим присутствием не беспокоил и не раздражал других животных.

После обеда погрузка угля была закончена, но «Аллигатор» снялся с якоря и оставил уютную пристань в порту Коломбо только при ярком свете луны.

VII

МЕЖДУ ЦИКЛОНОМ И ПАСТЬЮ ТИГРА

«Аллигатор» на всех парах шел на юг по направлению к экватору¹. Жара становилась невыносимой, в каютах стояла духота, поэтому наши путешественники охотно проводили вечера на палубе.

Томек внимательно следил за звездами южного полушария. Его внимание привлекли пять ярких звезд, сиявших на небе. Отец сказал ему, что это созвездие носит название Южного Креста и в южном полушарии играет у мореплавателей ту же роль, что Полярная звезда, находящаяся в созвездии Малой Медведицы, — в северном, то есть служит путеводной звездой.

На третий день после ухода из Коломбо хорошая до этого погода стала меняться. На горизонте появилось маленькое, черное как смоль облачко. В воздухе царил странная тишина, а на поверхности океана появились короткие, злые волны.

Капитан Мак-Дугал первый заметил облако, быстро растущее на горизонте. Он немедленно стал давать приказания. Отдана команда: «Всем наверх». Свистки

---

¹ Воображаемые линии на поверхности земного шара, соединяющие его полюса, мы называем меридианами. Экватор же — это круг, проходящий через середину меридианов, который делит землю на два полушария: северное и южное. Считают, что длина экватора составляет 40 070 368 м. Однако по измерениям советского ученого Ф. Н. Красовского истинная длина экватора — 40 075 696 м. Последняя цифра принята в России за исходную при расчете всех географических координат.

офицеров и топот ног бегущих матросов встревожили Томека. Он вышел на палубу и подошел к отцу.

— Что случилось? Почему все так суетятся? — обеспокоенно спросил Томек.

— Капитан считает, что приближается буря, — ответил Вильмовский. — Смуга пошел проверить, как привязаны животные, поэтому мы можем посмотреть начало танцев на море. Мне кажется, нам не удастся избежать циклона.

— Что такое циклон? Если я хорошо помню, это понятие как-то связано с давлением воздуха? — припомнил Томек.

— Мы называем циклоном центр ядра низкого давления, которое возникает под влиянием высокой температуры воздуха, куда со всех сторон дуют ветры. Скорость циклонов необыкновенна. В этих географических широтах они вызывают сильнейшие дожди и очень часто бури, — пояснил Вильмовский.

И правда, вскоре тяжелые, грозовые облака покрыли все небо, вплоть до самого горизонта. Упали первые крупные капли дождя и сразу же превратились в сплошные потоки воды, льющиеся с неба. Резкий порыв ветра ударил и сильно замутил всю поверхность моря. Разразилась гроза. Дождь лил не переставая. Вильмовский с Томеком спрятались в кают-компании и через иллюминатор наблюдали титаническую борьбу стихий. Море бесилось в сумасшедшем танце. Огромные волны, с вершин которых сильный вихрь срывал клочки белой пены, метали судно, как перышко. Волны вздымались спереди, сзади, с левого и правого борта, смешивались в каком-то первозданном хаосе, бешено вертелись, образуя огромные пенистые воронки.

«Аллигатор» дрожал под ударами вихря, иногда погружался в волнах, казалось, по самые верхушки мачт, тяжело боролся с ураганом за свое существование. Он прорезал вырастающие перед ним огромные волны лопастями бешено вращающегося винта, ложился попеременно то на правый, то на левый борт, скрипел всеми снастями, грузно взбираясь на вершину водяного вала, и снова скатывался в раскрывшуюся между волнами пропасть, но не поддавался страшной стихии.

Казалось, что сплошная стена дождя полностью

соединила черные тучи, покрывающие небо, с поверхностью брызжущего пеной океана. Несмотря на то что был полдень, в море царил темнота, и на судне зажгли огонь.

Томек судорожно держался за ручку дивана, привинченного к стене, и со страхом смотрел через иллюминатор на палубу, которую то и дело заливала многометровая толща воды. Вильмовский обнял сына и прижал его к себе, потому что судно переваливалось по волнам, как мячик, принимая самые неожиданные положения в пространстве. Судну грозила гибель.

Вильмовский внимательно наблюдал за поведением сына в минуту опасности. Он видел, что Томек пытается усилием воли преодолеть страх. Резкие прыжки судна и сильная качка вызывали у Томека тошноту. Он сильно побледнел.

— Томек! — обратился к нему Вильмовский, стараясь перекричать рев бури. — Ты должен сейчас же лечь. Ты еще не привык к такой качке. В каюте тебе, несомненно, станет лучше.

— Хорошо. А что случится со мной, если мы вдруг начнем тонуть? — громко ответил Томек, чувствуя, что его охватывает противная слабость.

— Ничего не бойся! Хотя «Аллигатор» не новое судно, такая буря ему ничем не угрожает. Судно уже не раз переживало циклоны, ураганы, тайфуны — это его хорошие знакомые. Можешь спать спокойно, пока кораблем командует такой старый и опытный морской волк, как капитан Мак-Дугал. Опасности нет никакой, а сидя здесь, ты только измучишься от этой сумасшедшей качки.

Они с трудом пробились через узкий коридор. Осторожно спустились по трапу и, наконец, очутились в каюте Томека. Вильмовский заботливо помог Томеку раздеться, уложил его на койку, укрыл одеялом и застегнул пояса безопасности, чтобы во время сна он от качки не свалился на пол.

Вскоре Томек почувствовал облегчение. Бледность постепенно сходила с его лица.

— Ну как, лучше тебе? — спросил отец, заметив румянец на щеках сына.

— Лучше, значительно лучше, — подтвердил Томек.

— Постарайся заснуть. Когда проснешься, бури уже не будет.

Не успел Вильмовский закончить фразу, как в каюту словно бомба влетел боцман Новицкий. Он пытался что-то сказать, но один взгляд на Томека заставил его сдержаться. Только лишь после некоторого размышления он крикнул:

— Ну и качели, вот так качели! Совсем как карусель на Белянах в Варшаве!

— Циклон, ужаснейший циклон! — крикнул ему Томек.

— Эх, какой это циклон, — рассмеялся боцман. — Это киты танцуют на канате, опоясывающем землю вдоль экватора, и раскачали море, вот и все.

Томек сразу повеселел. Он понял, что боцман шутит. Ведь на экваторе нет никакого каната. Томек знал, что у моряков есть обычай «крестить» новичков, впервые проходящих через экватор, то есть устраивать разные шутки, разыгрывать их. Поэтому Томек сразу же забыл о циклоне.

— По-видимому, мы как раз проходим через экватор! — воскликнул Томек, радуясь приходу своего остроумного приятеля.

— Держись, браток, крепко за свою койку, «Аллигатор» вот-вот зароется носом, чтобы пролезть под канатом, растянутом на экваторе. Как бы какой-нибудь разгулявшийся кит не хватил нас хвостом по башке. Вот будет номер! — ответил боцман.

— Насчет кита это только шутка, — улыбнулся Томек.

— Ишь ты, какой хитрый! Так знай же, что такая «шутка» весит около двух тонн!

— Вы, конечно, не видели китов, пляшущих на канате, — смеялся Томек.

— Только потому, что на дворе стало так темно, как у негра в... за пазухой!

— Я знал, что вы шутите, — весело констатировал Томек.

— Смейся, Фома неверный, смейся! А я ведь прибежал за тобой, Андрей, чтобы ты помог нам приподнять канат, а то корабль готов задеть его мачтами, — закончил беседу боцман, шутливо грозя пальцем Томеку.

— Попробуй теперь уснуть, Томек. Я скоро вернусь; — сказал Вильмовский и спокойно вышел из каюты.

Но как только они очутились в коридоре одни, Вильмовский сразу же тревожно обратился к боцману:

— В чем дело, что случилось, боцман?

— В вольере, где у нас тигр, волны повредили иллюминатор,— официальным тоном доложил боцман.— Вода льется внутрь вольера, как из ручья. Тигр бросается как бешеный. Его необходимо как можно скорее перевести в другое место.

Не теряя больше времени на подробности, они побежали к вольерам, перескакивая по несколько ступеней сразу. Положение было довольно грозное. В вольере у тигра было уже довольно много воды, которая при каждом крене судна обливала животное с головы до ног. Два матроса пытались задраить иллюминатор джутовыми мешками. Вильмовский, убедившись в бесплодности усилий, дал команду:

— Отставить иллюминатор! Подвести под клетку колья. Попытаемся сначала перенести клетку с тигром в другое помещение, а потом исправим повреждение.

Смуга и два матроса подвели под клетку тигра прочные бамбуковые жерди, а Вильмовский ножом перерезал крепление, которым клетка была привязана к полу. В этот момент вода с удвоенной силой прорвалась в разбитый иллюминатор. Тигр с гневным рычанием рвал когтями бамбуковые прутья клетки, стремясь выбраться из воды, заливавшей ее. С большими усилиями матросы вынесли клетку с тигром в другое помещение, после чего занялись исправлением поврежденного иллюминатора. Таким образом, с тех пор как Вильмовский вышел из каюты Томека, прошло не менее двух часов. К своему удовольствию, Вильмовский застал Томека сладко спящим на койке.

Буря стала стихать только к утру. Правда, волны еще перекатывались через судно, а ветер время от времени ударял в борта словно тараном, но непосредственная опасность прошла. Только теперь часть экипажа и Вильмовский смогли немного отдохнуть.

Томек проснулся и с удивлением заметил, что уже наступил день. Лучи солнца весело заглядывали в каюту через иллюминатор. Качка уменьшилась, из чего можно было заключить, что буря утихла еще ночью. Томек расстегнул пояс безопасности и сел на койке.

«Буря прошла,— с удовлетворением отметил он,—

пойду-ка я немного постреляю. Скорее пройдет голова, а то трещит...»

Несмотря на то что Томек чувствовал себя еще не совсем в своей тарелке, он тщательно умылся и оделся. Взял в карман горсть патронов и со штуцером под мышкой вышел в коридор. На судне господствовала тишина, нарушаемая только монотонным стуком работающих машин. Томек понял, что еще очень рано.

«Тем лучше,— обрадовался он.— Никто мне не будет мешать, а завтрак... мне все равно не хочется есть».

Он спустился в трюм. Проходя вблизи вольеров, где помещались животные, Томек услышал, или, быть может, это ему показалось, что где-то рядом хлопнула дверь. Он остановился выжидаяще. Однако, кроме мерного стука машин, ничего больше не было слышно.

«Наверное, мне показалось»,— подумал Томек и направился к своему тиру. Подошел к поперечному коридору. Вдруг он заметил, что дверь, ведущая в помещение тигра, открыта. Иногда, при сильном движении судна, створка двери хлопала, ударяясь о косяк.

«Ах, вот откуда слышалось хлопанье дверей»,— пробормотал Томек.

Он с возмущением подумал о небрежности судовой вахты. Как можно оставить открытой дверь в вольер тигра.

«Я должен закрыть дверь или сообщить об этом отцу и Смуге»,— подумал Томек.

Томек в нерешительности остановился. Он боялся заглянуть к бенгальскому тигру, хотя и знал, что зверь находится в запертой клетке. Однако, если Томек пойдет пожаловаться отцу на недосмотр матросов, прежде чем сам исправит их оплошность, его легко могут обвинить в трусости.

«И так плохо, и так не хорошо,— задумался Томек.— В конце концов, можно туда и не заглядывать. Стоит подождать момента, когда дверь сама захлопнется, и запереть засов. Потом можно будет обо всем рассказать папе».

Томек, приняв такое решение, вздохнул с облегчением. Это был правильный выход из положения. Подошел к хлопающей то и дело двери и, улучив момент, хватился за скобу и задвинул засов.

«Вот и все»,— подумал Томек обрадованно. Он сразу же решил, что раз последствия недосмотра устранимы, то отпала необходимость сейчас же будить и беспокоить отца. «Расскажу ему об этом потом, когда кончу стрелять».

Томек решил поиграть в охоту на тигров. План игры он составил моментально: «Он, Томек, стал знаменитым звероловом Яном Смутой. Обитатели бенгальской деревушки умоляют его застрелить тигра, который уже давно не дает им покоя. Конечно, он, Томек, уходя на охоту, никому не позволяет сопутствовать ему, потому что такая охота очень опасна. Загородка для скота находится в тире, а тигра будет изображать жестяная коробка, подвешенная, как всегда, к потолку; кружки, нарисованные на ней мелом,— это глаза кровожадной бестии».

Томек быстро зарядил штуцер и побежал к двери, ведущей в помещение тира. Одним прыжком он очутился в тире, захлопнул за собой дверь и прижался к ней спиной. Взглянул, желая найти цель и выстрелить в нее, как вдруг... у него на лбу выступил холодный пот и волосы зашевелились на голове. Широко открытыми глазами он смотрел на ужасное зрелище, от которого застывала в жилах кровь и крик замирал на устах. В противоположном углу помещения стоял бледный как полотно Смуга, а в двух или трех шагах от него притаился готовый к прыжку самый настоящий бенгальский тигр, грозно обнаживший острые, хищные клыки.

У Томека потемнело в глазах. Ноги подогнулись под ним. Он быстро закрыл глаза, думая, что это кошмарный сон. Только спустя секунду, показавшуюся Томеку вечностью, он услышал голос Смуги, который тихо, но твердо сказал:

— Спокойно, только спокойно, не надо волноваться...

В ответ послышалось глухое рычание тигра.

Вдруг, словно молния, Томека озарила идея. Ведь Смуга не позволит, чтобы с ним, Томеком, случилось что-нибудь плохое. Он открыл глаза... Тигр изменил положение. Он теперь лежал, повернувшись к Смуге боком, и зло смотрел на обоих врагов. На загривке зверя шерсть встала дыбом. Он грозно разевал пасть, обнажая белые как снег клыки.

Томек понял, что случилось что-то непредвиденное, раз тигр находился в помещении его тира, а не там, где раньше стояла клетка! Только теперь он заметил, что бамбуковая клетка находилась здесь, в глубине помещения, но вот что удивительно! Дверь клетки была заперта. Каким образом тигр выбрался из клетки? Томек хотел спросить Смугу, что это все значит, но не мог сказать ни слова. Смуга заметил, что происходит с Томеком, и снова предупредил его:

— Если он будет прыгать на тебя, стреляй и сразу же отскочи в сторону. Потом беги, зови отца, чтобы спасал; только теперь возьми себя в руки и действуй спокойно...

Сказанные Смугой слова: «чтобы спасал» — сразу же отрезвили Томека. К нему возвратилось присутствие духа. Он взглянул на Смугу. Тот был безоружен. Пальцы Томека сильнее жали штуцер.

Тигр нетерпеливо вздрогнул и стал бить хвостом о пол. Его рычание стало грознее и громче.

«Это только коробка, жестяная, большая, очень большая, коробка», — повторял себе Томек, желая полностью овладеть собой в этот грозный момент.

Смуга прижался спиной к стене. Он незаметно подвигался в сторону мальчика, непрерывно успокаивая его тоном своего голоса. Он решил во что бы то ни стало спасти Томека. Как только Томек выстрелит, он прыгнет между тигром и мальчиком. Таким образом, ему удастся хоть на короткий момент задержать разъяренного зверя и облегчить Томеку бегство.

Тигр, по-видимому, заметил маневр Смуги. Он подался назад, будто хотел удлинить себе дорогу для разбега, потом прижался к полу, несколько раз ударил хвостом по нему и с бешеным рычанием стал напрягать мускулы для прыжка.

Даже неопытный в таких делах Томек и тот не имел никакого сомнения, что бестия готовится к прыжку на Смугу. Перед лицом смертельной опасности Томек вдруг успокоился. Он уже знал, что надо делать. Молниеносно вскинул штуцер. И как только мушка его винтовки очутилась между глаз зверя, нажал курок.

Выстрел и грохот тяжелого падения двух тел на пол слились в один звук. Бесстрашный Смуга, как только Томек выстрелил, бросился всем телом на тиг-

ра. Теперь человек и зверь, схватившись в смертельном объятии, представляли ужасное зрелище. Несколько мгновений они с головокружительной быстротой катались по полу, иногда коричневое, полосатое туловище тигра находилось наверху, иногда над ним появлялась светлая сорочка Смуги.

Томек автоматически перезарядил штуцер. Выстрелить вторично он не мог, так как тигр и Смуга метались слишком быстро. Томек очень хотел помочь Смуге, но какая-то непреодолимая сила не давала ему возможности пошевелиться. Широко открытыми глазами смотрел Томек на разыгравшуюся перед ним борьбу не на жизнь, а на смерть.

Вдруг вертевшийся на полу клубок тел остановился. Огромное туловище тигра билось в конвульсиях, распростертое над Смугой, который судорожно, обеими руками сжимал горло зверя у самой пасти. Раздалось еще одно хриплое рычание, после чего тигр совершенно затих. Смуга все еще лежал навзничь, прижатый телом мертвого тигра к полу, на котором вокруг их голов виднелись пятна крови...

Томек не мог сказать ни одного слова. Его охватила какая-то удивительная слабость. Стены каюты закачались. Он упал в обморок.

Когда Томек пришел в себя, он увидел склонившегося над ним Смугу, который, сидя на полу, держал его голову на коленях.

— Уже все в порядке, Томек,— услышал он голос зверолова.— Как ты себя чувствуешь?

Томек взглянул на огромное туловище распростертого на полу тигра и... его стошнило. Он почувствовал себя лучше только спустя некоторое время. Его лицо постепенно стало принимать обыкновенное выражение. Они сидели, опираясь спинами о стену. Смуга крепко обнимал Томака.

— Никак не думал, что ты так хорошо стреляешь,— проговорил Смуга.— Кто научил тебя так метко стрелять?

— Боцман Новицкий,— ответил Томек.— Здесь как раз мы устроили себе тир.

— Я знал, что ты учишься стрелять, но никак не ожидал, что за такой короткий срок станешь мастером в этом деле! Вот папа будет гордиться тобой!

— Я не совсем в этом уверен,— ответил Томек.—

Если бы не вы, я умер бы от страха. Откуда здесь взялся тигр, и зачем вы выпустили его из клетки?

— Буря повредила иллюминатор в вольере, где стояла клетка с тигром, и вода стала заливать помещение. Нам пришлось вынести оттуда клетку.

— Это было тогда, когда боцман приходил ночью к отцу?

— Да. Я послал за ним, потому что самому мне было трудно справиться с положением.

— А боцман ничего мне не сказал,— возмутился Томек.— Рассказывал только анекдоты об экваторе и китах.

— Видимо, он не хотел тебя пугать. Он же твой большой друг.

— Хорошо, что же было потом?

— Мы поместили тигра в другом месте, а потом исправили иллюминатор. Во время переноса клетки кто-то нечаянно отодвинул засов, замыкающий дверь клетки, и никто из нас этого не заметил, из-за чего и произошло это пренеприятное событие. Рано утром я решил проведать тигра. Войдя в вольер, я убедился, что дверь клетки заперта на засов. По всей вероятности, засов защелкнулся автоматически от качки. Поэтому я и попал в ловушку. Я стоял вблизи клетки, как вдруг увидел, что тигр находится на свободе и крадется ко мне. Он был сильно возбужден и чрезвычайно раздражен. Я пытался успокоить зверя словами, как это обыкновенно делают дрессировщики. Одновременно я осторожно стал отступать, пока не очутился в углу, в котором ты меня застал.

— Вы не боялись?! — спросил Томек, с восхищением глядя на зверолова.

— Очень боялся, Томек. Помнишь, что я тебе рассказывал о моем приключении в Бенгалии? С той поры я очень не люблю тигров. Он, видно, чувствовал это, потому что становился все злее и злее. В этот момент ты вбежал в кабину, и я тогда испугался еще больше. Я был уверен, что мы погибнем оба. Но ты оказался молодцом! Спас и себя и меня!

— Почему после выстрела вы бросились на тигра?

— Я не знал, что ты так метко стреляешь. Я опасался за тебя. Это, впрочем, было излишне, ты попал бестии точно между глаз. Когда я бросился к нему, тигр уже находился в агонии.

— Значит, вы хотели меня защитить! — шепнул Томек в глубоком волнении.

— Говоря правду, я за тебя очень боялся. Разве я мог предполагать, что ты такой храбрый и умелый охотник?

— Я стал таким, только благодаря вам. Я прямо-таки умирал от страха,— тихо признался Томек.

— Мы невольно сообща поохотились на тигра,— сказал Смуга улыбаясь.— Этот смешной старичок из Порт-Саида, пожалуй, и не предполагал, что его предсказание исполнится так скоро. Пойдем теперь и уведомим обо всем твоего отца и капитана Мак-Дугала.

VIII

СОВЕТНИК ИЗ МЕЛЬБУРНА

Смерть тигра от пули Томека взбудоражила экипаж «Аллигатора». Ведь только счастливый случай позволил избежать трагического исхода. Если бы вместо Смуги был кто-нибудь другой, не столь опытный в обхождении с дикими животными, то, очутившись в одиночестве, наедине с тигром, наверное, погиб бы. Все единодушно признали, что смертельный выстрел в тигра был единственным средством спасти людей. Был составлен подробный акт, в котором излагались события в их последовательности; дело в том, что перед погрузкой в порту Коломбо на судно животные были застрахованы от несчастных случаев, и надо было позаботиться о страховой премии.

Томек стал героем дня. Капитан Мак-Дугал лично поздравил его с меткой стрельбой. Вильмовский гордился сыном и был совершенно счастлив. Ведь не было сомнения в том, что Томек спас жизнь Смуги, да заодно и свою. Конечно, среди похвал, пришедшихся на долю Томека, тепло упоминалось имя боцмана Новицкого, обучившего мальчика мастерской стрельбе.

Смуга подарил Томеку на память о пережитом опасном приключении новенький барабанный револьвер системы кольт вместе с кобурой, поясом и патронами.

Пока все это происходило, корабль полным ходом приближался к берегам Австралийского континента.

«Аллигатор» должен был прийти в Порт-Огаста, расположенный в южной части Австралии. Там наших звероловов ожидал зоолог Карл Бентли, директор зоологического сада в Мельбурне. По договору с фирмой Гагенбека директор должен был принять участие в экспедиции в глубь материка в качестве советника.

Томек с нетерпением ждал прибытия судна в Австралию. Ему хотелось увидеть этот самый маленький и позднее других открытый материк¹. Томек прекрасно помнил овальную форму этого материка со слабо изрезанными берегами, недаром он целые часы просиживал над картой Австралии, знал он понаслышке и длиннейший на земном шаре Большой Барьерный риф, который на протяжении двух тысяч километров замыкает доступ к берегам Австралии с северо-восточной стороны. Подробно знакомясь с картой Австралии, Томек не раз дивился большому количеству пустынь на этом континенте: Большая песчаная пустыня, пустыня Гибсона, Большая пустыня Виктория² — читал он на карте и видел в воображении необозримые просторы, сплошь покрытые песком, или часть суши, называемой в Австралии по-английски скрэб, заросшую непроходимой чащей карликовых акаций и эвкалиптов, а также огромные пространства, покрытые острой как нож травой спринифекс. Многочисленные территории, пригодные для жизни человека, окружены здесь с востока длинным горным хребтом³, а с запада страшными пустынями. Правда, отец рассказывал Томеку, что европейские поселенцы сумели прекрасно освоиться в этом негостеприимном краю, но все же мальчик стал понимать, почему англичане в свое время избрали Австралию местом ссылки преступников.

---

¹ Австралия занимает площадь 7,7 млн. кв. км, то есть не превышает 4/5 площади Европы.

² Эти пустыни находятся в западной части Австралийского континента.

³ Австралийские горы состоят из Большого Водораздельного хребта, начинающегося на северной оконечности Австралии, полуострове Кейп-Йорк, и кончающегося на юге у города Ньюкасл. Продолжением этого хребта является расположенная южнее Ньюкасла цепь Австралийских Альп с высокой горой Косцюшко. Между ними на севере от Ньюкасла находятся хребты Ливерпул и Инглиз.

Томек уже знал в общих чертах историю пятого континента. Австралия была открыта голландцами только лишь в XVII веке. Но исследования Австралии были начаты гораздо позднее англичанами. Первым европейцем, прибывшим к восточному побережью континента, был Джеймс Кук¹, который открыл залив Ботани² вблизи нынешнего Сиднея. Восемнадцать лет спустя капитан Филлип³ выгрузил там первый транспорт каторжников и основал первую на континенте английскую каторжную тюрьму.

Длительное время Австралия пользовалась худой славой у европейцев. Уже это одно вызывало у Томека неприятное чувство, к тому же он вспомнил, что во время охоты придется так или иначе вступить в опасные отношения с дикарями, аборигенами Австралии. Ведь придется охотиться на территориях, еще не завоеванных европейцами. До сих пор Томек знал представителей коренного населения Австралии только по фотографиям в книгах. Они выглядели не очень дружелюбно. Это были полунагие, с коричневым цветом кожи мужчины, отличавшиеся приплюснутым носом, толстыми губами и буйными, черными, курчавыми волосами на голове. Тела их были покрыты шрамами татуировки и полосами, нарисованными белой краской, в руках они держали копья или бумеранги. Особенно бумеранги возбуждали сомнение. Недаром австралийские дикари принадлежат к самым примитивным племенам в мире.

«Ого! Они, конечно, не любят белых,— размышлял Томек.— Кук не сумел с ними договориться. Они не приняли от него даже блестящих стекляшек, цветного полотна и продовольствия. Разве это не Кук сказал, что, несомненно, дикари желали только одного, чтобы мы поскорее убрались восвояси?»

«Впрочем, я им не удивляюсь! — продолжал думать Томек.— Кому желательно, чтобы его родной край завоевали чужеземцы?»

Рассуждая так, Томек стал сильно сомневаться в

---

¹ Джеймс Кук — английский моряк, один из выдающихся путешественников, имя которого известно в истории географических открытий.

² Ботанический залив.

³ Капитан Артур Филлип.

гостеприимном приеме их экспедиции аборигенами Австралии. Поэтому он воспользовался первым удобным случаем, чтобы поговорить об этом со Смугой и отцом.

— Я несколько опасаясь, захотят ли австралийские дикари помогать нам во время охоты,— сказал Томек однажды.— Ведь они, по всей вероятности, никогда не слышали о фирме Гагенбека, который снарядил нашу экспедицию за дикими животными.

— Я тоже совершенно уверен, что австралийцы не знают Гагенбека,— ответил Смуга,— но я надеюсь, что за хорошее вознаграждение они с удовольствием примут участие в нашей охоте.

— Значит, мы их просто найдем для помощи в охоте,— удивился Томек.

— Вот именно. Так мы и намерены поступить,— пояснил Смуга.— Я думаю, что это обойдется дешевле, чем проезд соответствующего количества людей из Европы. Мы всегда во время экспедиций пользовались услугами местного населения.

— Меня интересует, хорошо ли относятся австралийцы к белым? — спрашивал Томек, пытаясь до конца развеять свои опасения.

— Мне не приходилось слышать о какой-либо серьезной борьбе австралийцев с поселенцами,— вмешался в беседу Вильмовский.— Вообще австралийцы очень добродушны и гостеприимны, хотя у них достаточно причин ненавидеть белых колонизаторов.

— Почему? — удивился Томек.

— Следует помнить, что в первые годы колонизации Австралии на местное население посыпались неисчислимые беды. Их уничтожали, пользуясь любым поводом, угощали даже отравленной едой и водкой. Особенно ужасная судьба постигла бедных тасманийцев, которых убивали с такой жестокостью и беспощадностью, что уничтожили их поголовно. Последняя тасманийка умерла еще в 1876 году.

— Это ужасно,— прошептал возмущенный Томек.

— Европейцы при завоевании новых континентов не останавливались ни перед чем. Во всех случаях местное население вынуждено было отдавать им свои лучшие земли, полностью подчиниться или погибнуть. Тех из аборигенов, которые пытались заявить о своих справедливых правах, безжалостно убивали, об-

виния их в дикости, враждебности и некультурности. Так происходило в Африке, так было в Америке, Австралии и Тасмании.

— Скажи, папа, много ли коренных австралийцев живет теперь в Австралии? — продолжал спрашивать Томек.

— Пожалуй, наберется еще несколько десятков тысяч человек. Они в основном живут в глубине континента и в северо-западной части, наименее пригодной для жизни.

Несколько успокоенный, Томек продолжал рассматривать виднеющиеся вдали обрывистые берега Южной Австралии.

На пятьдесят шестой день после выхода из Триеста «Аллигатор» вошел в глубоко врезавшийся в материк Австралии залив Спенсера. Сразу же после того, как был отдан якорь в Порт-Огаста, Вильмовский привел на корабль зоолога Карла Бентли, уже несколько дней ожидавшего их прибытия. Для участников экспедиции, поляков, появление его было приятным сюрпризом. Здороваясь с Томеком, он неожиданно спросил его на польском языке:

— Как, и вы, молодой человек, принимаете участие в экспедиции?

— Ах, вы говорите по-польски! — обрадовался Томек.

— Мы этого никак не ожидали, — добавил Вильмовский, удивленный не меньше, чем сын.

— Я не только знаю польский язык, но до некоторой степени считаю себя поляком, — весело ответил Бентли. — Вы поймете все, если я скажу, что мой отец англичанин, а мать полька.

— Мы об этом ничего не знали, — заметил Смуга. — Гагенбек говорил о вас, как об англичанине.

— Я не считал нужным подробно объяснять Гагенбеку тайну моего происхождения. Это ведь мое личное дело. Но сразу же обратил внимание на ваши фамилии в списке членов экспедиции. Я попросил, чтобы мне дали более подробные сведения. Получив их, я с удовольствием принял предложение участвовать в экспедиции. С нетерпением ожидал прибытия земляков моей матери. Я ей обещал, что после окончания экспедиции привезу вас всех в Мельбурн.

— Пусть меня съедят акулы, если эта экспедиция в

Австралию не становится приятнее час от часу! — пробормотал про себя боцман Новицкий.

— Теперь разрешите мне повторить вопрос, — сказал Бентли. — Вы в самом деле намерены взять в экспедицию этого молодого человека?

— Конечно! Но почему вы об этом спрашиваете? — с беспокойством спросил Вильмовский.

— Нас ждут труды и, быть может, опасности. Ведь он еще слишком молод, — ответил Бентли.

— Этот молодой человек одним выстрелом из штуцера застрелил тигра и спас меня и себя от жестокой смерти, — вмешался в беседу Смуга.

— Мне уже сообщили об этом, и я не сомневаюсь, что тигра необходимо было застрелить. Но я не знал, что это сделал молодой Вильмовский, — удивленно сказал Бентли, одобрительно разглядывая мальчика. — Если дела обстоят таким образом, я беру назад свои возражения. Я ведь был озабочен только его безопасностью.

— Поляки не так уж заботятся о своей безопасности, уважаемый господин директор, — ответил боцман Новицкий. — Томек, конечно, еще пацан, но можете быть за него совершенно спокойны. Пока у него в руках эта хлопушка, — боцман показал на штуцер в руках Томека, — он не даст себя в обиду.

Томек с благодарностью взглянул на боцмана, потому что после его слов Бентли дружески улыбнулся и перестал возражать против участия Томека в экспедиции.

— Мы сначала должны обсудить способ перевозки слона в Мельбурн, — обратился Вильмовский к зоологу.

— Не предвижу с этим никаких затруднений, — ответил Бентли. — На станции слона ждет специальный вагон и два человека из числа работников зоологического сада.

— Когда вам удобнее взять слона? — продолжал спрашивать Вильмовский.

— Если вы не возражаете, то завтра утром.

— Прекрасно. Завтра утром мы выгрузим также пятьдесят верблюдов, взятых нами из Порт-Саида для здешней транспортной конторы. Таким образом, мы сразу же разгрузим судно.

— Значит, нам остается только обсудить план дей-

ствий на ближайшие дни. В соответствии с договором я уже начал подготовку. Пора вам рассказать об этом,— заявил Бентли.

— Пожалуйста, мы слушаем,— сказал Вильмовский.

— В основном нам следовало выбрать место нашей будущей охоты,— начал свой отчет Бентли.— По сведениям, полученным мною, вы намерены поймать различные виды кенгуру, то есть рыжих, голубых, серых, горных и валлаби. В перечне животных, присланном мне фирмой Гагенбека, кроме того, есть страусы эму, дикие псы динго, медведи коала, ехидны, сумчатые летяги, называемые здесь лисьими кузу, медвежьи вомбаты, а из птиц лирохвосты, черные лебеди, гигантские зимородки и беседковые. Я считаю, что нам следует начать с поимки кенгуру и эму, потому что ловить этих быстроногих животных можно только при помощи большого числа местных охотников. Массу времени у нас займет как раз организация облавы. Я разработал такую программу охоты, что экспедиция, продвигаясь с запада на восток через Новый Южный Уэльс, сможет ловить упомянутых животных в определенном порядке. При этом я принял во внимание необходимость постепенной отправки животных для погрузки на корабль. С этой целью маршрут экспедиции предусматривает подход время от времени к линиям железных дорог.

— Очень хорошо,— сказал Смуга.— Возможность постепенно отгружать животных очень облегчит экспедицию.

— Вот в этом-то и дело,— продолжал Бентли.— Из Порт-Огаста мы по железной дороге поедem в Уилканнию на реке Дарлинг. Оттуда мы на лошадях направимся на северо-запад на животноводческую ферму Джона Кларка, бывшего работника трансконтинентального телеграфа. Вблизи от его фермы мы будем охотиться на рыжих и голубых кенгуру, на эму и динго. Эту часть экспедиции мы должны закончить как можно скорее. Нынешняя зима довольно сухая, поэтому, как только потеплеет, животные разбегутся в поисках воды. С фермы Кларка мы направимся на юго-восток, где в лесах обитают серые кенгуру. На западных склонах Австралийских Альп мы встретим вомбатов, кузу, медведей коала, гигантских зимородков,

или, как их называют, кукаберри, а в Гипсланде — лирохвостов и черных лебедей. Закончить охоту, по моему мнению, лучше всего у подножия Австралийских Альп. В нашем зоологическом саду такое множество птиц, что мы охотно обменяем их на других.

— Вы предупредили Кларка о нашем прибытии? — спросил Вильмовский.

— Само собой разумеется. Не только предупредил, но и обсудил с ним подробности экспедиции. Кроме того, я десять дней назад послал к Кларку известного туземного следопыта Тони. Он уже, наверное, хорошо ознакомился с местом нашей охоты.

— Найдем ли мы там необходимое количество людей для помощи при ловле животных? — продолжал свои вопросы Вильмовский.

— Недалеко от фермы Кларка постоянно кочуют многочисленные племена туземцев. Я приказал Тони договориться с ними об участии в нашей охоте.

Услышав это, Томек обратился к Бентли:

— Скажите, пожалуйста, что мы будем делать, если туземцы откажутся нам помогать?

— Я не хочу и думать о чем-либо подобном. Без помощи туземцев наша экспедиция совершенно бесцельна.

— Если я правильно вас понял, то это значит, что без помощи туземцев мы не можем ловить животных? Неужели они действительно такие превосходные охотники? — с недоверием спросил Томек.

— Ты затронул сразу два вопроса, — дружески ответил Бентли. — Во-первых, как я уже говорил, ловить диких животных лучше всего с помощью большого числа хорошо организованных загонщиков. В этом случае охота проходит значительно быстрее, она не так утомительна для охотников и не так сильно отражается на состоянии пойманных животных, для которых резкая перемена жизненных условий часто равносильна гибели. В Австралии трудно найти рабочих. Здесь мало белых, и потому рабочим приходится дорого платить. Поэтому, если в глубине материка мы не сможем привлечь к охоте туземцев, наша экспедиция будет обречена на неудачу. Во-вторых, ты спросил, хорошие ли охотники австралийцы. Могу тебя уверить, что да, они превосходные охотники и звероловы. Тяжелые жизненные условия выработали у них

дар находить и читать следы животных. Кроме того, они располагают большим опытом охоты с облавой. Туземцы — прекрасные знатоки местной флоры и фауны. Если они не сумеют выследить животное, на которое ты охотишься, то лучше тебе отказаться от охоты вообще. Пожалуй, ты теперь понимаешь, почему я придаю столь большое значение участию туземцев в нашей охоте?

— Да, конечно. Я надеюсь, нам удастся договориться с туземцами о помощи. Господин Смуга мне уже говорил, что мы готовы дать им за это крупное вознаграждение, — с горячностью утверждал Томек.

Бентли кивнул мальчику головой и обратился к Вильмовскому:

— Много ли ваших людей пойдет в экспедицию?

— Прежде всего с нами идет господин Смуга. Как всегда, он будет заботиться о нашей безопасности. Капитан Мак-Дугал согласился отправить с нами четырех матросов с «Аллигатора». Во время путешествия вдоль берегов Австралии они ему не понадобятся. В их числе находится боцман Новицкий. Кроме того, у нас есть пять человек, работников фирмы Гагенбека, прошедших специальное обучение по уходу за дикими животными. Вот и все.

— Вы забыли еще одного участника экспедиции. Ведь с нами идет молодой охотник на тигров, — добавил Бентли.

— Томек и я — это, по сути, одно лицо, о котором я не упоминал.

— Я считаю, что людей у нас вполне достаточно, хотя нам придется много поработать, — продолжал Бентли. — Следует принять во внимание, что с каждой партией животных, отправляемых на судно, уйдет кто-нибудь, знакомый с уходом за животными.

— Да, но это, к сожалению, необходимо, так как в противном случае на капитана Мак-Дугала свалилось бы слишком много хлопот. Ведь мы должны будем поставлять пойманному животному соответствующий корм.

— Первая партия пойманных животных не будет находиться долго на корабле, — пояснил Бентли. — Я приказал построить вблизи Порт-Огаста временные заго-родки. Мы возьмем оттуда животных перед самым уходом судна.

— Очень хорошо. Когда мы можем начать путешествие в глубь страны?

— Чем раньше, тем лучше. Как я уже говорил, существует опасение, что лето будет жарким и сухим. Если реки пересохнут, охота будет затруднена. В Австралии не так уж много воды.

Томек внимательно слушал беседу. Он смотрел на карту, на которой Бентли отмечал упоминаемые во время разговора географические точки. Он отметил про себя, что животноводческая ферма Кларка находится к востоку от больших озер.

— А мы не можем ловить животных вблизи этих озер, виднеющихся на карте? — несмело спросил он. — По-видимому, там достаточно воды.

— Да, если смотреть на карту, то это кажется справедливым, — снисходительно ответил Бентли, — но дело в том, что на берегах этих озер многие славные путешественники и открыватели гибли от жажды. Озера, которые выглядят на карте очень заманчиво: Торренса, Эйр¹, Гэрднер, Амедуус (Эмедейс) и другие, в действительности не что иное, как соленые болота, в значительной части поросшие камышом. Зимой они не пригодны для плавания на лодках, летом совершенно пересыхают и превращаются в низменности, заполненные солончатым илом. То же самое можно сказать о многих реках, виднеющихся на картах, которых нельзя найти в натуре не только во время засухи, но даже обыкновенным жарким летом. Идешь, бывало, по самому руслу такой реки и не чувствуешь даже следа влаги.

— Так когда же мы трогаемся? — коротко спросил Смуга.

— Послезавтра утром, если вы согласны на это, — решил Вильмовский.

— Хорошо, я уж говорил, что чем раньше, тем для нас лучше, — закончил беседу Бентли.

---

¹ Эйр Удард Джон — английский колониальный администратор, исследователь Внутренней Австралии. В 1840 г. открыл там озеро, названное его именем. Эйр — крупнейшее озеро Австралии. Площадь его и очертания берегов непостоянны и зависят от режима рек, питающих озеро. После дождей, когда оживают реки (так называемые крики), площадь озера достигает 15 тыс. кв. км. В период высыхания большая часть дна озера превращается в равнину, покрытую сухой коркой. То же самое относится к озерам Торренсе (5775 кв. км) и Гэрднер (4765 кв. км).

IX

ПЕРВООТКРЫВАТЕЛИ АВСТРАЛИИ

На «Аллигаторе» Томек никак не мог долго усидеть на месте. Он нетерпеливо ждал назначенного срока отъезда. Томека можно было увидеть в разных местах судна, по которому он метался как угорелый. То он высовывался за борт «Аллигатора», пытаясь разглядеть, что происходит на берегу, то бежал к вольерам, чтобы посмотреть на слона, которому торжественно обещал проведать его в зоологическом саду в Мельбурне, то, наконец, летел в камбуз к коку, где с аппетитом уплетал предложенные ему яства, и вновь мчался на палубу посмотреть, как выгружают верблюдов. Томек часто обращался к Бентли с разными вопросами; капитана Мак-Дугала он спросил, не будет ли тот скучать на корабле, когда остальные члены экспедиции уедут на интересную охоту. Он несколько успокоился только тогда, когда пришла пора оставить судно. Но вот последний багаж экспедиции — большие тюки со снаряжением, продуктами и другими предметами, могущими понадобиться во время путешествия — выгружен и отправлен на вокзал, и наши путешественники наконец тронулись в путь.

Томек, идя рядом с отцом через город, делал серьезное лицо. Ему казалось, что веселое настроение неуместно в такой торжественный момент; ведь он, совершенно так же, как и его взрослые спутники, шел со штуцером на плече, а на правом боку ощущал роскошную тяжесть кобуры с револьвером. Томек удовлетворенно смотрел на прохожих, которые, казалось, обращали внимание прежде всего на него. Поэтому он принимал по возможности равнодушный вид и думал: «Как жаль, что меня не видят сейчас тетя Янина и дядя Антоний с ребятами! Ах, что бы сказал Юрек Тымовский, если бы он увидел меня теперь?!»

К удивлению Томека, Порт-Огаста, хотя и находился в самой настоящей Австралии, почти ничем не отличался от виденных столько раз портовых городов. Даже железнодорожный вокзал по внешнему виду и внутреннему устройству напоминал вокзалы, виден-

ные Томеком в Европе. Но обычаи здесь были несколько иные. При входе на перрон не спрашивали билетов. Можно было занимать места в вагоне первого или второго класса без всякого контроля, а весь багаж, в том числе ручную кладь, надо было сдавать кондуктору. Сначала Томек никак не мог с этим примириться. Ведь в Варшаве каждый пассажир сам заботился о своих чемоданах. Рассеянность в этом деле грозила потерей багажа. Как же в такой «дикой» стране можно было забыть об элементарной осторожности? Опасения Томека были развеяны Бентли, который сказал, что в Австралии не возят ручную кладь в пассажирских вагонах. По установившемуся издавна обычаю кондуктор отправляет кладь в специальный багажный вагон, а потом, после приезда на станцию назначения, вручает пассажирам их собственность.

«По-видимому, в каждой стране свои обычаи, а, как известно, «в чужой монастырь со своим уставом лезть нельзя», вспомнил Томек прописную истину, которую не раз повторяла тетка; он со всеми удобствами устроился на диване купе, заняв место напротив Бентли.

Томек нетерпеливо ждал, когда женщина — начальник станции — подаст сигнал к отъезду. И вот наконец долгожданный момент настал. Ритмический стук колес медленно тронувшегося поезда заставил сердце Томека биться учащенно. Наконец-то началась экспедиция в глубину таинственного Австралийского континента. Томек сначала с интересом наблюдал проносящиеся мимо пейзажи Австралии, но вскоре, разочарованный «цивилизованным» видом местности, обратился к своим спутникам. Осмотрелся в купе. Смуга спал как убитый. Он заснул сразу же после того, как поезд отошел от станции Порт-Огаста. Голова великана-боцмана тоже колыхалась во сне из стороны в сторону. Отец и другие члены экспедиции успешно готовились последовать их примеру. Томек с сомнением стал думать об охоте в обществе таких сонливых товарищей, и только посмотрев на Бентли, облегченно вздохнул. Тот один еще не спал, хотя видно было, что общее сонное настроение начинает действовать и на него.

«Если и Бентли заснет, то я умру со скуки», — по-

думал Томек. Чтобы не допустить столь печального конца, он начал вертеться и кашлять и, как только Бентли обратил на него внимание, сказал:

— Может быть, это вам покажется глупым, но я совсем иначе воображал Австралию.

— И что же, ты разочарован? — с любопытством спросил Бентли.

— Должен признаться, что Австралия пока очень напоминает мне родные места. Везде видны возделанные поля, сады или луга. Разве что овец здесь больше, чем у нас, да пастухи ездят верхом.

Бентли улыбнулся, потом ответил:

— Ты говоришь, дружище, что Австралия чересчур напоминает Европу? Если ты ожидал, что встретишь здесь многие вещи, не известные в Европе, то могу тебя успокоить. Конечно, встретишь. Мы пока что находимся в хорошо освоенной прибрежной полосе, но вскоре пейзаж изменится. Мне интересно, как ты воображаешь себе Австралию?

— Я уверен, что почти вся Австралия покрыта бескрайними степями и пустынями, в которых человека подстерегают самые ужасные опасности. Я даже слышал, что здесь легко встретить разбойников!

— Ну, что касается разбойников, то теперь нам с их стороны ничто не угрожает. Несколько десятков лет назад действительно были смельчаки, баловавшиеся здесь разбоем. Это было во время золотой лихорадки, охватившей всю страну. Но ты не ошибаешься насчет того, как выглядит пейзаж огромной части этого континента. Вот подожди, пусть только мы очутимся несколько дальше к северу. На огромных пространствах Австралии есть еще немало мест, куда не ступала нога белого человека. Скажи мне, пожалуйста, кто тебе рассказывал об австралийских разбойниках?

— Я прочел о них в книгах польских путешественников, проводивших в Австралии порядочное число лет!

— Это очень интересно! О каких путешественниках ты говоришь?

— О Сигурде Висневском и Северине Кожелинском.

Бентли некоторое время размышлял, пытаясь вспомнить фамилии, названные Томеком, потом сказал:

— Мне кажется, я никогда не слышал о путешественниках с такими фамилиями¹. Они, по-видимому, не принадлежат к числу первооткрывателей Австралийского континента?

— Я об этом уже спрашивал у папы. Он мне сказал, что Висневский не был ни открывателем новых земель, ни ученым-исследователем. Правда, он принимал участие в одной из экспедиций, направлявшейся в глубину Австралии², но очень быстро ушел оттуда.

— Вот почему я о нем ничего не слышал. По-видимому, Висневский имеет заслуги в истории польских путешествий, хотя особых достижений на научном поприще за ним, видимо, не числится.

— То же самое сказал и папа. Несмотря на это, вы можете пожалеть, что не читали этой книги. Впрочем, она у меня есть на «Аллигаторе», и если вы желаете, я вам дам ее прочесть.

— Спасибо, Томек, я с удовольствием воспользуюсь твоей любезностью. Это Висневский представил Австралию в таких мрачных красках?

— Совсем нет,— возразил Томек,— разве он вы-

---

¹ Сигурд Висневский родился в Паневках на берегу реки Збруч в 1841 г.; умер в Коломые в 1892 г. Путешествовал по Балканам; в 1860 г. принимал участие в сицилийской кампании на стороне Гарибальди, потом длительное время жил в Австралии, где, в частности, работал на золотых приисках. Прошел всю восточную часть Австралийского континента. Посетил Новую Зеландию, часть островов Океании и Антильские острова. Совершил два путешествия по Северо-Американским Соединенным Штатам. В конце жизни вернулся в Польшу и в 1873 г. написал книгу под заглавием «Десять лет в Австралии».

Северин Кожелинский родился в 1804 г., умер в 1876 г. Во время восстания 1831 г. был офицером. Принимал участие в венгерском восстании 1848—1849 гг. под командованием генерала Дембинского, получил звание майора. После поражения восстания скитался во Франции и Англии, чтобы в конце концов вместе с группой других эмигрантов из Польши попасть в Австралию, где работал на золотых приисках. После четырехлетнего пребывания в Австралии вернулся на родину. В 1860 г. был назначен директором Сельскохозяйственного училища в Чернихове близ Кракова. В 1858 г. написал книгу «Описание путешествия в Австралию и пребывания там с 1852 по 1856 г.».

² Это была одна из экспедиций Ландсбору, который в 1861 г., вместе со спасательными отрядами Ховайта, Уолкера и Мак-Кинли, искал заблудившуюся экспедицию Берки и Уиллса.

держал бы здесь целых десять лет, если бы Австралия ему не нравилась?

— Но ты же сам только что сказал, что он пишет о множестве разбойников в Австралии. Правда, первыми поселенцами были здесь ссыльные каторжане, но в Австралии никогда не было анархии.

— Возможно, я не так выразился. Насколько я помню, Висневский писал, что в провинции Виктория законы соблюдались строже, чем в самой Англии, но все же он сам был схвачен шайкой разбойников, промышлявших на берегах реки Муррей.

— Что же, это вполне возможно. Было время, когда в Новом Южном Уэльсе разбойничали бандитские шайки. Но в нашей провинции¹ авантюристов никогда не гладили по головке,— удовлетворенно сообщил Бентли.— А может быть, ты помнишь имена этих разбойников?

— Прекрасно помню. Висневский был схвачен бандой Жильберта и Вен Холла, бывших ранее членами шайки Гардинера.

— Мне знакомы эти имена. Расскажи мне, пожалуйста, при каких обстоятельствах польский путешественник встретился с этими бандитами?

— Это было по дороге в Батерст². До города оставалось всего лишь несколько миль, как вдруг Висневского задержали два всадника. Представившись членами шайки бандитов, они направили на путешественника дула своих пистолетов и повели его в лес, к своему лагерю. Как выяснилось потом, они поджидали здесь дилижанс, который намеревались ограбить. В их притоне уже было несколько человек, задержанных и ограбленных, подобно нашему путешественнику.

— Гм! Это вполне возможно! Австралийские разбойники часто устраивали засады на почтовые дилижансы, везущие золото с приисков, и задерживали всех путешественников, едущих впереди, чтобы они не сообщили властям о засаде и готовящемся нападении,— согласился Бентли.— Ну и что же было дальше?

— Бандиты отобрали у Висневского часы и не-

---

¹ Мельбурн, родной город Бентли, находится в провинции Виктория.

² Батерст — город в Новом Южном Уэльсе.

сколько фунтов денег¹, которые были у него в кармане. Впрочем, они относились к своим пленникам довольно сносно. Их кормили, поили водкой, а некоторым даже не связывали рук. В конце концов они ограбили дилижанс. Бандиты убили вооруженную стражу, а дилижанс вместе с пассажирами притащили в свой лагерь. Поскольку улов золота оказался совсем небольшой, разбойники с горя крепко выпили и заснули. Висневский сумел воспользоваться благоприятным случаем. Он на костре пережег веревки, связывавшие его по рукам и ногам, взял мешок, в котором бандиты держали часть награбленного добра, в том числе его часы и деньги, и бежал из лагеря. Несмотря на снаряженную за ним погоню, ему удалось добраться до города и уведомить полицию. Из захваченного мешка он взял принадлежавшие ему деньги и часы, а остальное оставил в депозите.

— Ого! Я вижу, твой Висневский был смелым и отважным человеком,— со смехом перебил Томека Бентли.— А Кожелинский, книгу которого ты тоже читал, много пережил подобных приключений в Австралии?

— Кожелинский был золотоискателем и хотя не нашел много золота, пережил в Австралии немало! Он даже видел белых людей, которых убили туземцы. Поэтому я думал, что и мы во время нашего путешествия встретим на своем пути различные опасности. А здесь...

Томек умолк на полуслове. Взглянул в окно и красноречиво пожал плечами, показывая обработанные поля. Бентли, развеселившись, весело хохотал. Через минуту он стал серьезным и сказал:

— Не печалься, Томек! Уверяю, что во время охоты у тебя будет больше впечатлений, чем ты думаешь. Правда, благодаря смелым, отважным и неутомимым путешественникам мы теперь хорошо знаем Австралию, ее природу и население. Но все дело в том, что Австралия обжита только на узкой прибрежной полосе. Скоро ты увидишь другую, настоящую, дикую Австралию.

— Это очень хорошо. А то мне казалось, что здесь уже нет первобытных и диких местностей.

---

¹ Фунт стерлингов — английская денежная единица, имевшая хождение в Австралии.

— Это только так кажется, дружище, потому что мы едем удобным поездом и не чувствуем тягот путешествия. А ведь не так уж давно первые путешественники по Австралии вынуждены были, рискуя жизнью, преодолевать невероятные препятствия и переживать трудности, часто превышавшие нормальные человеческие силы. Многие из них заплатили жизнью за свою смелость.

— Может быть, вы были знакомы с кем-либо из таких путешественников? — с любопытством спросил Томек.

— Времена больших открытий прошли еще до моего рождения. Поэтому я не мог лично знать кого-либо из знаменитых австралийских путешественников, а вот мой дед, действительно, принимал участие в экспедиции одного из очень заслуженных первооткрывателей Австралии.

— Он исследовал территорию, по которой мы теперь проезжаем?

— Нет, мой друг! Мы сейчас находимся уже на границе Центральной Австралии. А путешественник, о котором я говорю, вместе с моим дедом исследовал Новый Южный Уэльс и Землю Виктории, находящиеся на юго-востоке материка. Что касается центральной Австралии, то ее исследовали главным образом экспедиции Стёрта и Стюарта. Поверь, что их путешествия изобиловали опасностями, которые редко встречаются на других континентах.

— Вы, наверное, хорошо знакомы с историей открытий, сделанных этими экспедициями? Я отчаянный любитель рассказов о таких путешествиях!

Бентли кивнул головой. Он достал из кармана трубку, набил ее табаком, медленно раскурил и продолжал рассказ:

— Экспедиции Стёрта и Стюарта¹ были предприняты в первой половине и в начале второй половины

---

¹ Чарлз Стёрт организовал несколько экспедиций в глубь Австралии в 1829—1845 гг. Джон Мак-Доуэлл Стюарт принимал участие в экспедициях начиная с 1845 г. (то есть со времени последней экспедиции Стёрта, участником которой он был) до 1862 г. Во время своей последней экспедиции Стюарт, пробираясь через тропические джунгли, тяжело заболел и умер в Лондоне четыре года спустя.

девятнадцатого века. Стёрт стремился проверить рассказы нескольких его предшественников, утверждавших, что в глубине материка находится внутреннее море. Он организовал несколько экспедиций, но ни одной из них не удалось добраться до центра Австралии из-за страшнейшей жары. Во время первой экспедиции солнечные лучи совершенно сожгли траву в степи, а реки пересохли. Огромные территории превратились в выжженную пустыню. Даже страусы эму напрасно бегали, вытянув шеи, вдоль и поперек пустыни в поисках воды. Дикие псы динго, на что уж привычные ко всем и всяческим невзгодам, и те исхудали из-за недостатка пищи и воды. Экспедиция Стёрта была вынуждена вернуться ни с чем, так как он опасался гибели людей от жары и жажды.

— Он, конечно, отказался от мысли снарядить новую экспедицию,— вмешался Томек.— Смерть от жажды ужасна!

— Ну нет, не такой был человек Стёрт, чтобы легко отказаться от задуманного,— продолжал Бентли.— Он отправился в новую экспедицию еще в том же году. На этот раз он поехал на лодках и встретил в пути несколько сот австралийцев, коренных жителей материка. Их тела были разукрашены белыми полосами, означавшими, что они находятся в состоянии войны. Стёрт не мог пройти мимо, так как дикари были настроены явно враждебно к экспедиции. Несмотря на значительный численный перевес нападающих, Стёрт решил разогнать их с помощью огнестрельного оружия. Как вдруг, совершенно неожиданно, в дело вмешались четыре австралийца из числа нападавших. Один из них схватил за горло своего агрессивного земляка, находившегося уже на мушке ружья Стёрта, оттолкнул его изо всех сил и начал горячо что-то объяснять остальным воинам. Тем самым он предотвратил кровавое побоище. Оказалось, что четыре воина принадлежали к племени, находившемуся в дружественных отношениях со Стёртом. С их помощью экспедиция могла продолжать свой путь.

Однако вскоре стали угрожающе быстро уменьшаться запасы продовольствия, взятые экспедицией в дорогу, и Стёрт был вынужден отдать приказ о возвращении. На обратном пути участники экспедиции питались только хлебом и водой, да изредка убитыми

дикими утками. Их постоянно беспокоили отряды австралийских воинов.

Один из участников экспедиции не выдержал тягот путешествия, сошел с ума и потерял дар речи.

Однако вскоре Стёрт снарядил новую экспедицию. В ней приняли участие Джемс Пуль и Мак-Доуэлл Стюарт. Они намеревались дойти до центра континента. В этот год случилось очень жаркое лето. Страдая от недостатка воды, экспедиция с трудом добралась до источника Рокей Глен, где наши путешественники продержались в лагере шесть тяжелых месяцев. Днем, даже в тени, температура воздуха доходила до 45 градусов по Цельсию. От жары земля покрылась трещинами, вся растительность погибла. Стёрт со своими товарищами спасался от жары в землянках. Солнце жгло столь немилосердно, что роговые гребенки плавилась и ломались. Один из участников экспедиции умер, второй, Пуль, заболел цингой. Оставшиеся товарищи пытались отнести больного в ближайший населенный пункт. Несмотря на уход и старания товарищей, Пуль умер, и его похоронили в пустыне.

Экспедиция тронулась в дальнейший путь. Пребравшись через реку Стшелецкого¹, они вскоре очутились на берегу озера Бланч.

— Ах, одну минуточку! Вы упомянули реку, названную именем моего соотечественника, — вскричал Томек. — Насколько я знаю, он сделал в Австралии много открытий. Разве Павел Эдмунд Стшелецкий тоже снаряжал экспедиции во Внутреннюю Австралию?

— Я вижу, что все знаменитые поляки близки твоему сердцу, — ответил Бентли. — Ты уже немало знаешь об их деятельности. Да, ты прав. Одна из рек, протекающих в глубине Австралийского континента, названа по имени знаменитого путешественника Павла Стшелецкого. Но следует помнить, что его открытия относятся в основном к юго-восточной части материка. Заслуги Стшелецкого отмечены, в частности, тем, что одна из рек Австралии, о которой я упомянул, была названа его именем. Я надеюсь при случае рассказать тебе о многих приключениях этого поль-

¹ Стшелецки-крик.

ского путешественника. А пока что вернемся к исследователям Центральной Австралии.

Бентли прервал свой интересный рассказ, вынул из плоского кожаного портфеля карту и разложил ее на диване перед Томеком.

— Посмотри внимательно, где расположены река Стшелецкого и озеро Бланч. Видишь, они находятся вблизи территории, на которой мы намерены охотиться. Теперь ты, надеюсь, лучше поймешь то, что я тебе говорил на «Аллигаторе» об австралийских озерах. Именно вблизи этих озер экспедиция Стёрта невыносимо страдала от жажды.

— Что же было дальше со Стёртом и его экспедицией? — нетерпеливо спросил Томек, заинтересованный необыкновенным рассказом Бентли.

— Идя на север, экспедиция дошла до скалистых холмов. На каменистой почве отсутствовала всякая растительность. Здесь даже лошадиные подковы не оставляли следов. Из-за отсутствия корма и воды начался падеж лошадей. До цели оставалось всего лишь каких-нибудь двести километров, но Стёрт, стремясь сохранить жизнь свою и своих спутников, должен был возвратиться восвояси.

Это была последняя экспедиция с участием Стёрта. Только лишь спустя несколько лет один из участников экспедиций Стёрта, Мак-Доуэлл Стюарт, после шести неудачных попыток прошел всю Австралию с юга на север. Теперь по пути, проложенному Стюартом, проходит телеграфная линия, соединяющая Аделаиду с портом Дарвин.

— Что было со Стюартом потом? — допытывался Томек, пораженный отвагой и упорством путешественника.

— Трудности путешествий значительно ухудшили состояние его здоровья. Ему грозила даже потеря зрения. Стюарт уехал в Англию, где и умер спустя несколько лет, — ответил Бентли.

— Счастье его, что он не погиб в этой страшной пустыне, — облегченно прошептал Томек. — Ведь это ужасно — одинокая смерть в диком краю!

— Не все путешественники были так счастливы, как Стюарт, — подхватил Бентли. — Я ведь уже говорил тебе, что многие из них заплатили жизнью за свою отвагу.

— Кто из путешественников погиб во время экспедиции? — сразу же спросил Томек, заинтересованный словами собеседника.

— Вот, например, Лейххард и Кеннеди. Первый из них погиб при очень таинственных обстоятельствах.

— Пожалуйста, расскажите мне об этих путешественниках,— попросил Томек.

— Людвиг Лейххард¹ совершил путешествие вдоль восточного побережья континента на север. Во время первой экспедиции, преодолевая значительные трудности, он добрался до залива Карпентария. Вечером того же дня австралийцы, возмущенные тем, что путешественники нарушили их охотничьи угодья, напали на экспедицию Лейххарда. Во время боя один из участников экспедиции был убит, двое других — тяжело ранены. Лейххарду пришлось вернуться. Он был болен и истощен, но уже в 1848 году организовал новую экспедицию, надеясь на этот раз дойти до города Перт, расположенного на западе. Лейххард взял с собой пятьсот домашних животных, чтобы обеспечить экспедицию продовольствием. По неизвестной причине он изменил направление пути и, вместо того, чтобы пойти на запад, снова двинулся на север. В дождливое время года на заболоченных территориях животные, взятые Лейххардом в дорогу, скоро погибли. Несмотря на это, путешественник в обществе пяти европейцев и двух местных проводников-австралийцев, преодолевая все препятствия, дошел до реки Когун. Это было последнее известие, полученное от экспедиции Лейххарда. Как только они вошли на территорию, покрытую густой чащей, всякие вестя о судьбе экспедиции прекратились. Двинувшиеся на поиски спасательные экспедиции нашли на деревьях вырезанные буквы Л, что могло означать первую букву фамилии Лейххарда, и несколько седел, которые, вероятно, принадлежали экспедиции. Ничего больше о

---

¹ Людвиг Лейххард, молодой немецкий ученый, совершил путешествие из Брисбена на север вдоль Большого Водораздельного хребта и южнее залива Карпентария дошел до порта Дарвин, а затем до порта Эссингтон на берегу залива Ван Димена. Во время экспедиции на запад он намеревался дойти до города Перт, то есть пересечь континент с востока на запад. С той поры о судьбе экспедиции ничего не известно. Лейххард организовал экспедиции в 1844—1845 гг.

судьбе, постигшей Лейххарда, узнать не удалось. По всей вероятности, путешественники погибли от голода и жажды, а может быть, утонули во время внезапного половодья, случающегося здесь, когда сухое русло реки вдруг переполняется водами дождя, выпавшего в ее верховьях. Возможно также, что их убили местные жители.

— А как обстояло дело с путешествиями Кеннеди? — спросил Томек.

— Он намеревался исследовать полуостров Йорк, — ответил Бентли. — Его экспедиция уперлась в болота, и путешественникам пришлось потерять шесть недель на их обход. Когда они углубились в чащу девственного леса, им пришлось топорами прорубать себе дорогу. Племена австралийских аборигенов, настроенные враждебно против путешественников, не давали им покоя. Кеннеди приказал применить огнестрельное оружие. Хотя в бою были убиты пять австралийцев, остальные непрерывно следовали за экспедицией, ожидая удобного случая для нападения. Тяжелые телеги оказались непригодными для перевозки грузов через болота и трясины, поэтому Кеннеди пришлось их бросить, навьючив грузом лошадей. По этой причине экспедиция подошла к Шарлотт-Бэй, где должна была погрузиться на поджидавшее экспедицию парусное судно, с большим опозданием. Здесь Кеннеди убедился, что судно отчалило, не дождавшись прибытия экспедиции. Кеннеди решил оборудовать стоянку. Оставив людей, потерявших способность к дальнейшему путешествию, Кеннеди в обществе четырех спутников отправился к острову Олбани, который был целью его путешествия. Однако на этом пути Кеннеди постигли несчастья. Один из путешественников случайно погиб, второй был ранен, что вынудило третьего из товарищей Кеннеди остаться, чтобы ухаживать за ним. Кеннеди вместе с верным проводником, туземцем Джеки-Джеки, пошел дальше. Все это время за ним неотступно следили жаждущие мести туземные воины, которые в конце концов в неравном бою тяжело его ранили. Кеннеди погиб, не достигнув цели своего путешествия. Джеки-Джеки

---

¹ Э.В. Кеннеди, английский офицер. В 1848 г. погиб от руки австралийцев, не хотевших признать владычество англичан.

похоронил его и, захватив с собой дневник экспедиции, в одиночестве направился на остров Олбани. Капитан шхуны «Аршель», проходя вблизи берега, заметил сигналы Джеки-Джеки и взял его на борт судна. Немедленно была организована экспедиция для оказания помощи больным и раненым путешественникам, оставленным Кеннеди. К сожалению, помощь опоздала. Ожесточенные австралийцы убили их. Из двенадцати человек вернулись только двое.

Х

СОПРОТИВЛЕНИЕ ТУЗЕМЦЕВ

Несобыкновенно заинтересованный беседой с Бентли и его рассказами об опасных приключениях первых путешественников по Австралии, Томек совершенно не обращал внимания на то, что происходило вокруг. А тем временем солнце стало клониться к западу. Спутники Томека уже давно проснулись и с интересом слушали рассказ Бентли. Томек опомнился только тогда, когда зоолог, уставший от длительной беседы, достал корзинку с провиантом.

Томек тоже почувствовал голод. Он достал было дорожную сумку с едой, как вдруг, взглянув в окно вагона, ахнул от изумления и тотчас же забыл о всякой еде. Широкие долины между пологими склонами холмов были покрыты густым кустарником из вечнозеленых карликовых акаций и эвкалиптов. Такие места получили в Австралии название «скрэб», что по-английски значит чаща колючего кустарника. Пейзаж был столь первозданно прекрасен и столь оригинален, что Томек пришел в совершенный восторг.

— Что ты там увидел, Томек? — спросил Вильмовский, подходя к сыну, выглядывавшему из окна вагона.

— Наконец-то австралийская природа возбудила интерес у нашего молодого спутника, — заметил Бентли. — Всего лишь несколько часов назад он жаловался, что Австралия слишком напоминает Европу!

— Неужели это знаменитый австралийский скрэб? — с восхищением повторял Томек.

— Да. Ты не ошибаешься, Томек, — подтвердил

Бентли.— Но самые интересные и характерные для Австралии пейзажи ты увидишь во время охоты.

— Я так и представлял себе скрэб, когда учился географии в школе,— хвастался Томек.

И только тогда, когда на обширную степь спустился вечер, Томек с большим аппетитом съел ужин и, втиснувшись в угол вагонного дивана, сразу заснул.

Весь следующий день Томек почти не отходил от окна вагона. С волнением он рассматривал широкие полосы саванн с разбросанными здесь и там группами низких деревьев и любовался суровым, сухим, колючим скрэбом, который преобладал на этой лишенной воды территории. Он заметил даже росшее вблизи железнодорожной линии знаменитое бутылочное дерево с расширенным книзу стволом, отчего это дерево действительно напоминает бутылку. Бентли не преминул воспользоваться случаем и рассказал, что вода, накапливающаяся в порах ствола этого дерева, не высыхает во время самой жестокой засухи, и это дерево не раз спасало путешественников от смерти в сухой австралийской пустыне. Томек очень заинтересовался и другим представителем австралийской флоры. Он заметил травяное дерево с толстым, но не слишком высоким стволом и пучком длинных, острых как нож листьев на макушке. Из листьев выглядывала ветвь, усыпанная белыми звездчатыми цветами. Травяные деревья, хорошо приспособленные к засушливому климату, Томек потом не раз встречал даже в каменистой пустыне в глубине континента.

Поезд мчался все дальше и дальше на север. Теперь на западном горизонте иногда можно было рассмотреть синеющие вдали горные хребты. Кое-где скрэб исчезал, и вдоль пути тянулись песчаные барханы дюн. Вокруг царили мертвая тишина и невыносимая жара... К вечеру поезд вырвался на простор широкой степи, поросшей выжженной солнцем травой.

На небе показались звезды. Бентли стал готовиться к концу пути.

Томек немедленно выглянул в окно. Вскоре он крикнул:

— Я вижу вдали светящиеся точки! Это, пожалуй, наша станция?

— Мы подъезжаем к Уилканнии,— подтвердил Бентли, взглянув на карманные часы.

Среди вечерней тишины гулко раздался паровозный гудок. Поезд, скрипя тормозами, остановился вблизи станционных построек. Часть участников экспедиции направилась к грузовому вагону, чтобы проверить выгрузку багажа. Томек с любопытством наблюдал за жизнью маленькой, почти безлюдной станции. На перроне стояло несколько худых, загорелых мужчин в цветных сорочках и брюках, заправленных в сапоги с длинными голенищами. На головах они носили мягкие, фетровые шляпы с широкими полями.

К Бентли подошел худой, среднего роста мужчина. Его небольшую голову покрывали блестящие черные волосы. Низкий лоб, широко расставленные темные глаза, приплюснутый нос с сильно раздутыми ноздрями, выдающиеся скулы и белизна крепких зубов между толстыми мясистыми губами придавали его лицу выражение дикости, несмотря на европейскую одежду, какая была надета на нем.

— А вот и Тони! — воскликнул Бентли, увидев туземца.— Знакомьтесь, Вильмовский, это Тони, наш проводник и превосходный охотник, о котором я вам говорил в Порт-Огаста.

Тони по очереди поздоровался со всеми присутствующими.

— Где ты оставил верблюдов? — спросил Бентли.

— Ждут у подъезда вокзала,— ответил Тони на ломаном английском языке.— Можем ли сейчас уезжать?

— Погрузим багаж на телеги и немедленно едем на ферму Кларка. Мы хотим поскорее очутиться на месте,— подтвердил Бентли.

Члены экспедиции вышли на другую сторону вокзала. В слабом свете ручных фонарей Томек увидел две телеги с высокими осями и большими задними и несколько меньшими передними колесами. В телеги были впряжены одногорбые верблюды, по три пары в каждую.

Как Томек узнал потом, упряжка из восьми верблюдов без особых усилий тащит телегу с грузом в три тонны по очень плохой дороге, даже по пескам пустыни.

Четыре низкорослых туземца, с лицами землистого цвета и шапками курчавых волос на головах, быстро погрузили на телеги весь багаж. Экспедиция тронулась в путь. Немногочисленные постройки пристанционного поселка быстро исчезли с глаз.

Они ехали по степи, поросшей высокими травами. Томек напрасно пытался разглядеть дорогу. Он не мог понять, как можно здесь ехать в нужном направлении. Ночная темнота не позволяла видеть что-либо вокруг. Но верблюды под умелыми руками погонщиков быстро шли вперед, а охотники пытались сократить время пути беседой. Вильмовский расспрашивал Бентли о хозяине фермы, на которой они намеревались остановиться во время первой охоты.

— Вы говорили, что Кларк работал раньше на станции трансконтинентального телеграфа. Почему он уволился оттуда? — спросил Вильмовский.

— Ему просто надоела одинокая и монотонная жизнь на телеграфной станции, — ответил Бентли. — Надо сказать, что отдельные станции разбросаны вдоль линии на расстоянии примерно 250 километров одна от другой. Если принять во внимание, что телеграф проложен через безлюдную пустыню Центральной Австралии, легко понять, почему служащим станции приходилось жить как отшельникам.

— Сколько человек, как правило, обслуживает одну такую станцию? — продолжал спрашивать Вильмовский.

— В большинстве случаев на станции постоянно работают два телеграфиста и четыре механика. Если на линии случится повреждение, механики двух смежных станций, между которыми произошла авария, немедленно берут с собой инструменты и материалы, необходимые для ремонта, и отправляются навстречу друг другу. Они ведут проверку линии до тех пор, пока одна из групп не обнаружит место повреждения и устранил его. Известие, что повреждение исправлено, сообщается второй группе, после чего обе группы механиков немедленно уходят каждая на свою станцию, часто вовсе не встречаясь.

— Откуда вам известны такие подробности? — удивился Томек.

— Кларк — мой близкий друг, — ответил Бентли. — Еще во время службы на телеграфе он пригласил меня к себе на станцию. Я целый месяц провел на Пик оверленд телеграф стейшн (Peak Overland Telegraph Station), расположенной несколько западнее озера Эйр. Это был очень удобный случай ознакомиться с «Мертвым сердцем» Австралии, как многие называют центральную часть нашего континента.

— Почему центральную часть континента называют мертвым сердцем Австралии? — удивленно спросил Томек.

— Центральная Австралия — это пустыня, лишенная воды и весьма негостеприимная как для людей, так и для животных. Вблизи озера Эйр даже птицы встречаются редко. Ведь я тебе уже рассказывал о непреодолимых трудностях, с которыми встретились люди из экспедиций Стёрта и Стюарта.

— Вы упомянули о необходимости частого исправления повреждений на телеграфной линии, — вмешался Смуга. — Каковы причины аварий на линии?

— Основная причина — совершенно дикая и безлюдная пустыня, через которую проложена линия. Строительство телеграфа было делом весьма трудным и хлопотливым. Деревянные столбы, проволоку, изоляторы и даже продовольствие приходилось привозить на вьючных животных. Караваны с материалами путешествовали по пустыне больше двух лет. Вдобавок вскоре после начала постройки оказалось, что деревянные столбы непригодны в пустыне — они быстро уничтожались полчищами термитов. Если бы вовремя не заменили древесину стальными мачтами, вся проделанная работа оказалась бы напрасной. Кроме того, примите во внимание частые песчаные бури, беспрепятственно гуляющие вдоль и поперек пустыни.

— Я теперь вспомнил, что начатое в 1878 году, то есть на шесть лет позже, чем телеграфная линия, строительство железной дороги встретилось с подобными трудностями. Железная дорога тоже должна была пересечь весь континент с юга на север, — добавил Вильмовский.

— Строительство железной дороги не закончено до сегодняшнего дня. Южная часть дороги доведена до

Алис Спрингс, а северная заканчивается в Дейли Уотерс. Между этими станциями простирается участок пустыни шириной в восемьсот километров,— заключил Бентли.— Надо сказать, что дешевле обходится проложить новую линию, чем откопать из-под песчаных заносов прежнюю.

— Нелегкая у вас жизнь! А я думал, что это туземцы перерезают телеграфную линию.

— Нет, они не трогали линию,— возразил Бентли.— Еще во время ее постройки туземцам был преподан поучительный урок. Им предлагали дотронуться до проводов, через которые пропускали электрический ток. Удары тока были столь неприятны и производили на австралийцев столь большое впечатление, что они боялись и близко подходить к телеграфу. Более того, они предупреждали об опасности других своих земляков. С тех пор туземцы называют телеграфную линию «дьявольской выдумкой белых людей». Правда, иногда происходили попытки нападения со стороны туземцев на станции телеграфа, вплоть до убийства служащих. Телеграфных проводов они не трогали.

— А теперь туземцы успокоились или все еще нападают на телеграфные станции? — продолжал свои вопросы Смуга.

— Рассказывали недавно о нападении на станцию в Барроу крик. Туземцы напали на работников станции, когда они шли на берег ручья, чтобы искупаться. Белым пришлось под градом копий отступить к зданию станции. Туземцы убили телеграфиста Степлетона и одного из механиков. Двое других служащих отделались ранами.

— Мне не приходилось до сих пор слышать об особой агрессивности туземцев,— заметил Смуга.— Ведь в Австралии не было большой войны между туземцами и белыми пришельцами?

— Туземцы в основном люди спокойные, но они хорошо помнят зло, причиненное им поселенцами,— признал Бентли.

— Это правда! Об этом прекрасно свидетельствует численность туземцев, оставшихся в живых, и нищета, ставшая их уделом,— добавил Вильмовский.

— Это печально, но правдиво,— ответил Бентли и изменил неприятную для него тему беседы.

Ночное путешествие по степи быстро утомило То-мека. Он заснул, прислонив голову к плечу отца. Проснулся он на рассвете, когда караван остановился, чтобы дать передохнуть уставшим верблюдам. Вокруг насколько хватало глаз простиралась степь, поросшая высокой, пожелтевшей от солнца травой. По степи гулял утренний ветерок, и трава пригибалась к земле, волновалась, делая степь похожей на океан. Только в отдельных местах, словно островки, виднелись небольшие группки тянувшихся вверх деревьев. Вдали на западе можно было заметить контуры невысоких холмов.

Погонщики распрягли верблюдов, а наши охотники разбили палатку и на скорую руку приготовили завтрак. После короткого отдыха караван продолжал свой путь. Только лишь перед самым заходом солнца они увидели на горизонте очертания каких-то строений. Подъехав ближе, они увидели низкий забор, окружающий одноэтажный домик с тенистой верандой и разбросанные вокруг него хозяйственные постройки.

Сразу же за фермой начиналась густая чаща кустарников, широкая полоса которых доходила до подножия холмов.

— Приехали,— сообщил Бентли, когда караван подошел к ферме.

На веранде показался высокий мужчина. Он увидел приближающийся караван и выбежал навстречу гостям.

— А вот и Кларк, собственной персоной! — воскликнул Бентли, увидев хозяина фермы.— Как дела, Джонни?

— А я вас поджидаю уже, по крайней мере, три часа,— ответил Кларк.— Я уже боялся, что суп из хвоста кенгуру, приготовленный к вашему приезду, совсем выкипит. Слезайте с телег и считайте себя дома.

Кларк отвел в распоряжение охотников три самые большие комнаты. Не успели они как следует распаковать вещи и привести себя в порядок, как Кларк пригласил их к столу. Домашним хозяйством Кларка заведовал китаец Ват-Сунг. По мнению Кларка, это

был великолепный повар, но хваленый суп из хвоста кенгуру Томеку не понравился. Однако обед был обильный и состоял из большого количества разнообразных блюд. Быстро утолив голод, мужчины закурили трубки.

— К сожалению, я должен вас уведомить, что в последнее время здесь у нас сложилось не очень благоприятное положение,— начал беседу Кларк.— Среди кочующих в нашем округе туземцев распространился слух о планируемой нами большой охоте. Они об этом узнали от Тони, который предлагал им принять участие в облаве. По моим сведениям, известие об охоте вызвало среди туземцев неожиданное волнение. Они будто бы отказываются помогать. Если учесть, что их сейчас очень много вблизи фермы, мы должны проявить особую осторожность. Я не советую вам по одному выходить в степь. Конечно, надо также помнить об оружии, без которого выходить нельзя, даже целой группой.

— Тони, ты слышал, что сказал господин Кларк? — обратился Бентли к охотнику.

— Да, я слышал! Господин Кларк прав, он хорошо говорит,— ответил Тони.

— В чем же дело? — допытывался Бентли.

— Они не хотят большой охоты белых людей в этом округе.

— Почему? Ведь мы готовы заплатить за помощь!

— Они боятся, что после этой охоты исчезнет дичь.

— А ты объяснял, что мы намерены поймать живьем всего лишь нескольких животных?

— Вот это-то им и не нравится,— ответил Тони.— Они говорят, что ловля живых зверей — это новая хитрость белых людей. Они не согласны на это. Они говорят так: «Сначала белые словят дичь, а потом заберут всю землю и построят город». Они говорят, что белые так поступают всегда.

— Тони, ведь ты принимал участие во многих наших экспедициях и прекрасно знаешь, чего мы хотим,— разочарованно сказал Бентли.

— Знаю. Но они мне не верят, потому что я с вами.

— Что вы скажете по этому поводу, Вильмовский? — обратился Бентли к руководителю экспедиции.

— Мне уже не раз приходилось встречаться с враждебным отношением туземцев к охотничьей экспедиции, — спокойно ответил Вильмовский. — Мы постараемся убедить их в том, что они ошибаются насчет наших намерений.

— Во всяком случае, надо предпринять все необходимые меры предосторожности, — повторил Кларк свой совет. — До несчастья недалеко.

— Я с вами вполне согласен, — подтвердил Вильмовский и, обращаясь к Смуге, добавил: — Послушай, Янек, ты отвечаешь за нашу безопасность. Дай соответствующие указания. А я постараюсь договориться с туземцами.

Смуга немедленно вызвал всех участников экспедиции и потребовал от них особой осторожности. В заключение сказал:

— С этого момента выходить за пределы фермы без моего разрешения запрещается. Если потребуется, мы выставим у дома караулы. Но предупреждаю, что употребить оружие можно только при отражении нападения, грозящего смертью. Я уверен, что Вильмовский, как всегда, овладеет положением и убедит туземцев в необоснованности слухов.

Вскоре все легли спать. На маленькой ферме воцарилась тишина.

Вильмовский долго не мог заснуть. Ответственность за успех экспедиции всецело лежала на нем. Слухи, возникшие среди туземцев, могли значительно усложнить положение. Если они откажутся от участия в охоте, экспедиция будет обречена на полную неудачу. Без помощи туземцев организовать облаву на быстроногих кенгуру и страусов эму и думать нечего. Как вдруг его невеселые мысли были прерваны Томеком, который шепнул:

— Папа, ты еще не спишь?

— Не сплю, — тоже шепотом ответил Вильмовский. — Вижу, что и ты не можешь заснуть. Уже поздно...

— Я думаю о том, что сказал Кларк. Почему туземцы не верят Тони?

— Не верят ему, потому что он служит белым людям. Они считают его предателем.

— Но ведь он не делает ничего плохого,— удивился Томек.

— Это не так просто, Томек. Они считают, что Тони работает у нас во вред туземному населению.

— Как же мы убедим туземцев в наших добрых намерениях?

— Придется по-дружески объясниться с ними и преодолеть недоверие, а теперь спи, уже очень поздно.

— Хорошо, папочка, я постараюсь заснуть. Спокойной ночи!

Томек повернулся к стене.

Вильмовский вскоре тоже уснул, так и не приняв окончательного решения. Это был беспокойный сон. Ему приснилась африканская экспедиция, во время которой у него были тоже неприятности с туземцами. В его подсознании стали возникать тревожные картины. Он слышал во сне предостерегающие и пугающие звуки там-тамов и видел лица дикарей, выглядывавших из густой листвы джунглей. Вильмовский проснулся внезапно от сильного волнения, вызванного сновидением. Успокоился; в комнате было уже совсем светло. Он понял, что его мучил неприятный кошмар. Как вдруг он ясно услышал сухой треск ружейных выстрелов.

«Раз, два, три»,— тихо считал он выстрелы, пытаясь сообразить, что значит эта канонада. Его охватило чувство тревоги. Машинально он взглянул на кровать Томека. Она была пуста. Он не увидел также револьвера и штуцера, уложенных сыном у кровати перед сном. Вдали опять раздались ружейные выстрелы. Вильмовский почувствовал на лбу холодный пот. Он сорвался с постели, выхватил из-под подушки револьвер и крикнул:

— Тревога!

Охотники вскочили с постелей, хватая оружие. Вильмовский в ужасе закричал:

— Томек вышел из дому! Я слышу выстрелы из его штуцера!

Охотники выбежали из комнаты в чем были. Они бросились в том направлении, откуда слышались вы-

стрелы. Но не успели они достичь домика, занимаемого Ват-Сунгом, как к ним вышел полностью одетый Кларк.

— Стойте, черт возьми! — крикнул он повелительно. Кларк схватил Вильмовского за руку и задержал на месте.

— Томек вышел из дому! — задыхаясь от быстрого бега, сказал Вильмовский. — Это он стреляет!

— Я знаю об этом, — ответил Кларк, — но успокойтесь, пожалуйста, мы с Ват-Сунгом наблюдаем за ним в бинокль. Ему ничто не угрожает.

Вильмовский постепенно стал приходить в себя. Он смахнул рукой пот со лба.

— Мы о нем вчера забыли, — тяжело вздохнул он, бросая взгляд в сторону Смуги. — Придется его наказать за самоуправство.

— Возможно, наказать придется кого-то другого... это еще как посмотреть, — пробурчал Кларк. — Войдите в дом. Я вам покажу что-то очень интересное.

Они вошли в маленькую комнатку. Ват-Сунг, стоя у окна, глядел в бинокль. Рядом с ним у стены стояла винтовка.

— Ну как? — коротко спросил Кларк.

— Все по-прежнему, — был ответ.

Кларк подал Вильмовскому бинокль со словами:

— Посмотрите-ка сами, что делает ваш сын.

Вильмовский посмотрел в бинокль и замер пораженный. Он увидел Томека, хвастающегося меткостью стрельбы перед кучкой туземных подростков.

— С ума сошел парень! — гневно пробормотал Вильмовский.

— А что он там делает? — с любопытством спросил Смуга.

— Устроил состязание в стрельбе с молодыми туземцами, — пояснил Кларк. — А до того, в обществе новых знакомых, съел завтрак.

— Что вы говорите? — недоверчиво спросил Вильмовский.

— То, что вы слышали. Учитывая брожение среди туземцев, мы уже несколько дней предпринимаем меры всяческой предосторожности. Бодрствуем посменно. На рассвете пришла моя очередь сторожить. Я

сразу же заметил этих молодых австралийцев. Вполне уверен, что это разведчики одного из кочующих племен. Когда я увидел Томека, направляющегося к ним с коробками консервов и со штуцером на плече, я в первый момент хотел сделать то же, что только что хотели сделать вы. Я уже собирался выбежать с винтовкой в руках, чтобы задержать его, как вдруг мне пришла в голову идея.

— Уже догадываюсь,— сказал Вильмовский.— Вы заинтересовались, удастся ли мальчику завязать дружеские отношения с его австралийскими ровесниками.

— Вот именно! Я позвал Ват-Сунга и, держа винтовку на изготовку, стал наблюдать за мальчиком, скрываясь за занавесками окна. По всей вероятности, ему каким-то образом удалось договориться с австралийцами, потому что они вскоре вместе уселись за завтрак. Потом Томек начал показывать свое умение попадать на лету в пустые консервные коробки и до сих пор развлекает этим своих новых знакомых.

— Вы уверены, что это разведчики? — спросил Смуга.

— Совершенно уверен! — подтвердил Кларк.— Мы с Ват-Сунгом предполагали, что вы услышите выстрелы, и я вышел, чтобы сообщить вам о происходящем и успокоить вас, но вы уже выбежали из дому.

— Интересно, что из этого получится? — задумчиво сказал Смуга.

— В одном можно быть вполне уверенным,— отозвался молчавший до сих пор Бентли,— если Томек и не поможет нам в глупом положении, в каком мы очутились, то, во всяком случае, и не повредит. Но все же надо внимательно следить за ним.

Вильмовский рассказал содержание своей ночной беседы с сыном.

— Я никак не предполагал, что эта беседа будет иметь такие последствия,— заключил он.— Что полагается делать в таком случае?

— Давайте наблюдать за Томеком и терпеливо ждать,— предложил Кларк.— Мне кажется, что их игра кончается. Австралийцы гасят костер.

Через несколько минут он отнял бинокль от глаз.

— Томек возвращается домой. Сделаем ему маленький сюрприз,— предложил Кларк.

Томек медленно шел домой, а его австралийские знакомцы уходили по направлению к видневшимся вдали скалистым холмам. Когда мальчик поравнялся с домиком Ват-Сунга, Кларк выглянул в окно и обратился к нему со словами:

— Здравствуй, Томек! Вижу, ты любишь утренние прогулки на свежем воздухе!

— Здравствуйте! Да, конечно, люблю. Но я не гулял,— ответил Томек.

— Может быть, позавтракаешь с нами? — пригласил Кларк.

— Благодарю вас, но мне надо спешить домой. Я боюсь, что папа проснется и будет обеспокоен моим отсутствием.

— Зайди хотя бы на минутку. Попутно расскажешь мне, о чем ты так долго беседовал с молодыми австралийцами,— настаивал Кларк, с усилием подавляя улыбку.

— Если дело только в этом, я согласен,— ответил Томек.

Они вошли в домик; Томек остановился, удивленный неожиданным зрелищем. Совершенно одетые Кларк и Ват-Сунг стояли в окружении полуголых членов экспедиции. Томек увидел босые стопы и покрытые волосами икры мужчин, посмотрел на оружие, которое они держали в руках. Выражение лиц стоявших в молчании мужчин, серьезное и сосредоточенное, составляло столь разительный контраст с их одеяниями, что Томек не выдержал и расхохотался.

Только теперь охотники стали осматривать друг друга. Они поняли комизм положения. Первым рассмеялся боцман Новицкий, за ним — Бентли и Смуга, так что в конце всех их охватила неудержимая веселость.

Один Вильмовский не поддался общему веселью. Он был недоволен поступком сына, его легкомысленным уходом с фермы. Поэтому он попросил всех успокоиться и обратился к Томеку:

— Что ты с нами делаешь, в конце концов! Объяснись немедленно!

Томек с удивлением посмотрел на отца, после чего обиженным тоном заявил:

— Что я делаю? Ничего! Если вы хотели напугать меня, переодеваясь в одежды местных аборигенов, то это вам не удалось! Честное слово, это очень хорошие люди. Кроме того, вы забыли покрасить себя в черный цвет! — с триумфом закончил свою речь Томек.

Вильмовский в бессилии смотрел на остальных свидетелей этой беседы, с трудом подавляя смех. Он опять принял суровый вид и строго обратился к Томеку:

— Почему ты вышел за ограду фермы, не попросив разрешения у Смути? Ведь ты прекрасно слышал изданное вчера распоряжение на этот счет.

Только теперь Томек понял в чем дело. Он сразу же стал серьезным и ответил:

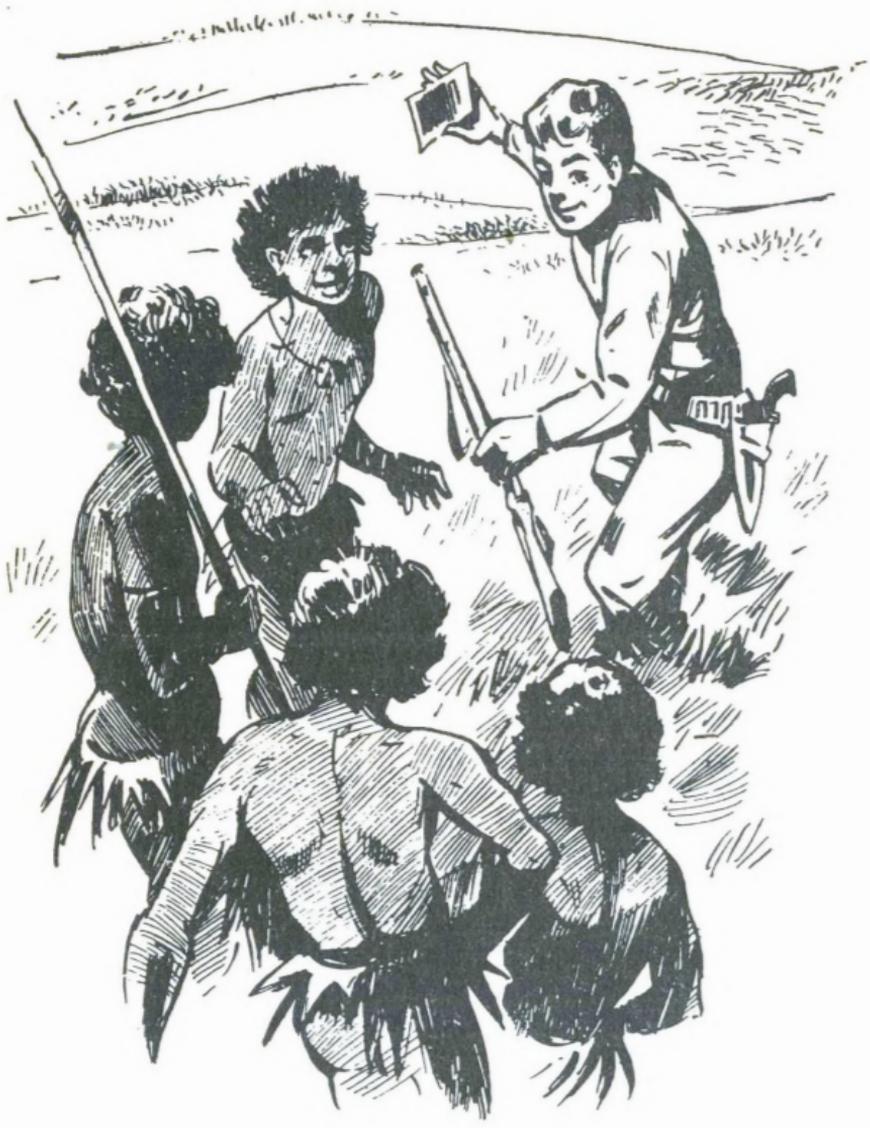
— Распоряжение я слышал, но...

— Но ты считал, что оно тебя не касается? — перебил его Вильмовский.

— Нет, я так не считал!

— Тогда объясни нам свое поведение, — с гневом приказал отец.

— Я должен был выйти на время, — неуверенно начал Томек. — Я оделся и вышел. Возвращаясь домой, я заметил вблизи от фермы нескольких мальчиков. Это были туземцы. Они с любопытством разглядывали меня. Мне сразу же пришла в голову идея поговорить с ними и объяснить им повод нашего приезда в Австралию. Я немедленно возвратился домой, желая получить разрешение, но Смуга и все остальные крепко спали. Я взял с собой немного сухарей и консервов. Мне казалось, что в такую рань австралийские ребята должны быть голодными. Я не забыл об осторожности. Отправляясь к австралийцам, я захватил штуцер. Я не хотел уходить далеко от дома. Поэтому я уселся на землю и открыл коробку консервов. Начал есть. Тогда австралийцы медленно, с опаской подошли ко мне и окружили со всех сторон. Я их пригласил позавтракать со мной. Некоторые из

них знали довольно много английских слов, и вскоре между нами завязалась непринужденная беседа.

— О чем же вы говорили? — спросил Бентли, когда Томек замолчал, чтобы перевести дух.

— Я их сначала спросил, видели ли они слона, — ответил Томек. — Потому что я в самом деле не знал, о чем говорить, и боялся чем-либо обидеть их. Оказалось, что они вообще ничего не знали о существовании слонов. Я им показал мою фотографию на слоне; они очень удивились. Так как мне показалось, что это их заинтересует, я показал им снимок убитого тигра. Они меня спросили, где можно увидеть таких удивительных животных. Я им ответил, что мы привезли слона в зоологический сад в Мельбурн. Потом рассказал им, как мне пришлось застрелить тигра. Это им очень понравилось. Они стали меня спрашивать, почему одних животных мы хотим поймать и увезти, а других — привозим. Я им на это ответил, что европейцы любят смотреть на различных животных, находящихся в зоологических садах, и даже готовы платить за это деньги. Они были несказанно удивлены. Они ответили, что любопытные люди могут приехать сюда в Австралию и бесплатно любоваться кенгуру. Я им объяснил, что многие европейцы не в состоянии приехать в Австралию подобно тому, как большинство австралийцев не может приехать в Европу. Поэтому мы привезли в Мельбурн слона, а здесь намерены поймать несколько живых кенгуру и эму, чтобы показывать их в зоологическом саду.

— Какое впечатление произвели твои слова на австралийцев? — с живым любопытством спросил Кларк.

— Сначала они стали очень смеяться, — ответил Томек. — Они решили, что это очень смешной способ зарабатывать деньги; впрочем, значительно лучший, чем тяжелый труд в городах у белых людей. Я им на это сказал, что они тоже могут заработать много денег за помощь при ловле кенгуру и эму. О чем они говорили между собой, я не понял, но потом один из ребят сообщил, что еще до захода солнца они дадут нам знать, примут ли участие в нашей охоте. В конце концов они спросили, всегда ли я попадаю в цель из моего штуцера. Мы решили попробовать. Они под-

брасывали вверх консервную банку, а я, к их удовольствию, попадал в нее безошибочно. Вот и все. Мы попрощались, и я вернулся домой.

— Ты в самом деле уверен, что они обещали сообщить тебе о своем решении насчет участия в нашей охоте? — допытывался Кларк.

— Да, они так сказали, — утвердительно кивнул Томек.

— Это очень хорошо, — обрадованно сказал Кларк. — А теперь давайте перестанем мучить вопросами нашего молодого товарища и терпеливо подождем захода солнца. Кто знает, может быть, Томек случайно оказал нам неоценимую услугу?

— Что ты скажешь об этом, Тони? — обратился Бентли к местному охотнику.

— Я скажу, что Малая Голова очень умна! — пробурчал довольный Тони.

— Поэтому пригласим теперь Кларка и Ват-Сунга к нам на завтрак, — предложил Вильмовский, — а Малая Голова пусть больше не делает таких скупризов.

Все присутствующие разразились смехом.

Охотники весь день ждали обещанного ответа туземцев. И только лишь перед самым закатом на ферму прибыли представители австралийцев, которые от имени трех племен дали согласие принять участие в охоте. Послов одарили, и они ушли довольные.

— Значит, я хорошо поступил, не мешая Томеку в его беседе с туземными ребятами, — сказал Кларк после отъезда австралийцев. — Я убежден, что идея привозить одних животных и вывозить других показалась им очень забавной; это и убедило их в том, что с нашей стороны нет никакого подвоха.

— Должен признать, что на этот раз Томек действительно оказал нам большую услугу, — решил Вильмовский. — Я очень боялся этих переговоров с туземцами.

— Одно неосторожно сказанное слово могло все испортить. Томек заслуживает похвалы, — признал Кларк.

XI

БОЛЬШАЯ ОХОТА НА КЕНГУРУ

В этот же день вечером на ферму Кларка вернулись два его работника, длительное время совершавшие объезд пастбищ. Овцеводство, которым занимался Кларк, не требует больших затрат труда, кроме стрижки овец. Кларк не щадил средств на ограждение сетчатым забором лучших пастбищ, чтобы защитить своих овец от нападений кровожадных псов динго и, одновременно, предохранить траву от многочисленных стад кроликов. Хищных динго, впрочем, можно держать в страхе, устраивая время от времени охоту на них. А вот кролики стали настоящим бедствием. Они были хуже динго и даже хуже частых здесь засух. Кролики в числе пяти голов были завезены в Австралию в 1788 году. С тех пор они размножились в стада, насчитывающие миллионы голов, которые уничтожали всю траву в степях. Кларк со своими рабочими вынужден был проверять состояние ограждения и немедленно исправлять все повреждения. Кроме того, находчивый овцевод стал скупать у туземцев кроличьи шкурки и перепродавать их европейским купцам с немалой прибылью. Таким образом, он довольно успешно вел борьбу с вредными маленькими грызунами. Устроившись столь практически, Кларк уже не обязательно должен был посвящать много времени своему основному занятию. Теперь после возвращения рабочих из объезда с хорошими вестями Кларк мог принять деятельное участие в подготовке к большой охоте, что было для него большим удовольствием.

Звероловы, прежде чем выехать на охоту, разработали подробный план действий. Вильмовский купил у Кларка несколько пар верховых и упряжных лошадей. Для Томека он купил австралийскую низкорослую лошадку, пони. По уверениям Кларка, этот пони отличался сообразительностью и выносливостью. По разработанному плану охотники должны были сначала ознакомиться с территорией будущей охоты, которую предварительно выбрал Тони.

Поэтому на следующий день утром, едва только солнце показалось над горизонтом, Вильмовский, Смуга, Бентли и Томек уже были готовы выехать на разведку места будущей охоты. Еще во время завтрака они услышали лошадиный топот и ржание. Томек сразу же подбежал к окну. Он увидел Тони, привязывающего лошадей к коновязи, то есть деревянной жерди на двух столбиках, вкопанных около дома.

— Тони уже привел наших лошадей! Можем сейчас же ехать на разведку,— радостно сообщил он старшим.

— Если так, давайте не будем терять времени. Позже будет хуже — станет припекать солнце,— сказал Вильмовский, вставая.

Охотники быстро навьючили на одну из лошадей вьюки с припасами и палаткой, после чего сами вскочили в седла, намереваясь тронуться в путь. Томек во всем подражал взрослым охотникам. Он старался не выдать никому, что сильно волнуется. Сохраняя полную серьезность, он приторочил к седлу штуцер и вскочил на пони.

Серьезность Томека забавляла охотников. Вильмовский и Смуга подмигивали друг другу, показывая глазами на Томека. Как раз в этот момент из дома вышел боцман Новицкий. Увидев деланно-важное выражение лица у мальчика, боцман подхватил пони под уздцы. Он не заметил предостерегающего жеста Вильмовского, который сразу понял, что хочет сделать веселый моряк, потому что боцман со всей серьезностью обратился к мальчику:

— Слышь-ка, браток, ты ведь не для красоты захватил свою хлопушку? Мое боцманское брюхо давно требует хорошего жаркого из молодого кенгуру. Правда, Ват-Сунг болтал что-то на счет мяса кенгуру, будто оно сухое и на вкус напоминает мочалку, но я думаю, что оно будет лучше, чем эти китайские яства, которыми он нас все время кормит. Покажи-ка теперь свою удаль!

— Я постараюсь, боцман,— ответил Томек вполне убедительным тоном.

— Чтоб ты сам превратился в кенгуру, ты... противный тюлень,— пробормотал Вильмовский. Он был

недоволен подначиванием Томека на дела, грозящие ему опасностью.

Наконец охотники тронулись в путь. Хорошо отдохнувшие лошади шли легко и уверенно, и вскоре строения фермы исчезли из глаз за горизонтом. Вдали перед путниками, на западе, виднелась цепь невысоких гор, прорезанных долинами; на востоке — простерлась широкая степь, поросшая желтой травой.

Томек иногда приподнимался на стременах, чтобы увидеть конец бескрайней равнины, но, хотя они ехали уже около трех часов, на горизонте была все та же картина широкой степи без конца и края. Только кое-где им встречались одинокие, почти лишенные листьев, покрытые желтыми цветами акации да эвкалипты с толстыми кожистыми листьями, почти не дающими тени.

Солнце пригревало довольно сильно. Они ехали шагом, чтобы не мучить напрасно коней. Томек не обращал внимания на беседу, которую вели между собой старшие. Он внимательно обследовал взором окрестности. И вот ему вдруг показалось, что среди зеленовато-желтой травы темнеют какие-то подвижные бесформенные силуэты.

— Внимание! Я вижу диких животных! Смотрите, смотрите, вон там! — воскликнул он, приподнимаясь на стременах.

Охотники посмотрели в указанную им сторону. На расстоянии не больше двухсот метров они увидели животных с шерстью желтовато-красного цвета, медленные движения которых создавали впечатление тяжелой неуклюжести, будто они хромали. Эти удивительные создания спокойно паслись — они еще не чувствовали присутствия людей, подъезжавших к ним с подветренной стороны.

Жестом руки Бентли потребовал от охотников молчания. Все по его примеру пришпорили лошадей; поехали рысью. Вскоре они приблизились к пасущемуся стаду животных. Уже можно было ясно заметить характерное их строение. Тонкие у головы и шеи туловища их сильно утолщались к хвосту. Очень заметна была разница в развитии задних конечностей по сравнению с грудью и тонкой головой.

Вдруг одно из животных сделало «стойку» на задних лапах. Оно повернуло мордочку, несколько напоминающую оленью и одновременно заячью, в сторону приближающейся кавалькады и, мелькнув словно молния, бросилось наутек длинными, быстрыми прыжками. Остальные животные, словно это был сигнал, бросились вслед за первым. Теперь яснее были видны другие характерные особенности строения животных и их оригинальный способ передвижения. Во время жировки они поддерживали корпус, опираясь на передние конечности, а потом подтягивали заднюю часть тела, делая нечто вроде короткого прыжка, причем задние лапы они выбрасывали вперед. Во время бега их слабые передние конечности оказывались совершенно непригодными; животные делали прыжки, описывая в воздухе длинные дуги; они двигались с необыкновенной быстротой, ловко пользуясь задними конечностями и длинным, мощным хвостом.

У Томека пропали все сомнения. Ведь он столько читал и слышал об этих животных, что узнать их по столь оригинальным отличительным признакам не составляло никакого труда.

— Кенгуру! Это кенгуру! — в величайшем волнении закричал он. — Вперед, за ними!

— Ах, мы их совершенно напрасно напугали, ведь мы теперь вовсе еще не готовы к охоте, — возразил Бентли.

Охотники замедлили ход лошадей. Томек опечалился. Бентли сразу же утешил его:

— Не жалей, мой друг, упущенной okazji. В будущем тебе не раз представится случай близко познакомиться с разными видами кенгуру.

Томек сразу оживился и ответил:

— Еще на «Аллигаторе» вы мне говорили, что мы будем охотиться на рыжих, серых и каменных кенгуру. Разве есть еще и другие их виды?

Бентли всегда с большой охотой беседовал со способным и любознательным мальчиком, и кроме того, зоология была излюбленной темой всех его бесед, поэтому Бентли охотно стал объяснять:

— Конечно, мой мальчик! Ведь семейство прыгающих делится на большое число подсемейств, родов и

видов. Первые из них — это вид переходный от древесных сумчатых к прыгающим. Представителем подсемейства прыгающих является повсеместно известный мускусный кенгуру, длина которого не превышает 50 сантиметров, живущий в Квинсленде¹, кенгуровая крыса, или, как ее еще называют, потуру, живущая в Новом Южном Уэльсе, Виктории, Южной Австралии и Тасмании, опоссумовая сумчатая крыса, распространенная по всему нашему континенту, за исключением северной части. Подсемейство настоящих кенгуру насчитывает множество видов, различающихся между собой размерами. Среди сумчатых наряду с великанами можешь встретить виды не превышающие кролика. Ты, по всей вероятности, знаешь, что родина кенгуру — это Австралия и соседние острова и что излюбленное местопребывание их — обширные степи, поросшие травой. Некоторые виды кенгуру обитают в лесах с большими полянами, другие живут в скрэбах, а некоторые в густых, дремучих лесах. Есть также виды, живущие в горах и даже гнездящиеся на деревьях.

Поперечно-полосатый кенгуру и родственный ему заячий кенгуру близки к кенгуровой крысе. Среди каменных кенгуру, на которых мы будем охотиться, есть виды желтых и южноавстралийских горных кенгуру. Лазящие кенгуру, обитающие на деревьях, отличаются от подсемейства настоящих кенгуру по способу передвижения и образу жизни.

Из всего подсемейства лучше других известны прыгающие кенгуру. Они живут в основном в Австралии, а некоторые виды малых кенгуру можно встретить в восточной части Новой Гвинеи и на соседних островах. К числу прыгающих кенгуру мы относим: рыжего гигантского кенгуру — их стадо мы только что встретили, серого исполинского кенгуру, черноголового и кенгуру Беннета. Этот последний вид чрезвычайно ценится за великолепный мех.

За этой интересной беседой время проходило быстро. Наши охотники и не заметили, как подъехали к каменной скале, разрезанной широким ущельем.

---

¹ Квинсленд — провинция на северо-востоке Австралии.

Именно в это ущелье Тони направил свою лошадь. Охотники ехали вслед за ним. Они признавали, что туземец превосходно выполнил порученную ему задачу. Широкое устье ущелья, выходящее в сторону степи, сужалось в глубине и заканчивалось довольно обширной котловиной, окруженной со всех сторон отвесными скалами. Достаточно загнать сюда животных, и они очутятся в естественной ловушке.

— Это превосходное место для ловушки, — удовлетворенно заметил Вильмовский. — Построить забор, тщательно замыкающий устье ущелья, совсем не трудно.

— Если речь идет о выборе места для ловли животных, то лучше Тони никто этого не сделает, — добавил Бенгли. — Несколько крепких столбов и несколько метров проволочной сетки вполне достаточно, чтобы запереть кенгуру в котловине.

Уставшие от многочасовой верховой езды, охотники спешили. Смуга и Тони сразу же занялись приготовлением еды. Вскоре все почувствовали запах горячего кофе. Охотники с аппетитом съели второй завтрак, после чего мужчины закурили трубки. Тони, прежде чем закурить свою, тщательно затоптал костер, чтобы не вызвать пожара в степи.

— Когда мы начнем охоту? — нетерпеливо спросил Томек, которого с момента встречи стада быстрых кенгуру обуяла жажда действия.

— Не раньше чем через два или три дня, — ответил Вильмовский.

— Я не понимаю, зачем откладывать начало охоты, если у нас уже есть великолепное место, куда мы можем загнать кенгуру, — возражал мальчик.

— Охотник, а тем более зверолов, должен быть терпеливым и предусмотрительным, — объяснял Томеку отец. — Будь уверен, что мы не будем терять напрасно времени. Пока мы организуем облаву, наши товарищи, оставшиеся на ферме, займутся устройством клеток для перевозки животных и смонтируют телеги, которые мы привезли с «Аллигатора» в разобранном виде. Мы должны хорошо подготовиться. Транспортировка животных на судно — самое трудное дело.

— Я и забыл об этом, — ответил, успокоившись, Томек и сел на траву рядом с отцом.

Теперь Вильмовский обратился к следопыту:

— Тони, нам надо теперь поехать в деревню туземцев, согласившихся помочь нам на охоте.

— Мы можем через три часа очутиться в кочевье «людей-кенгуру», — ответил Тони.

— Ах, Тони, Тони! — воскликнул Томек с возмущением. — Даже я знаю, что в Австралии нет никаких «людей-кенгуру»!

— А что с ними случилось? — удивился Тони. — Ведь они были на ферме Кларка и беседовали с нами?

Разговор Томека с туземцем рассмешил Бентли. Он улыбнулся и пояснил:

— Австралийские племена делятся на так называемые фратерии, которые принимают название от животного-покровителя. Например, туземцы, занимающиеся охотой на кенгуру, принимают имя «людей-кенгуру», охотники на эму называют себя «людьми-эму»; есть и такие, которые зовут себя «люди-вода». Кенгуру, эму или вода являются символами, то есть тотемами их рода. Туземцы, принадлежащие к данному тотему, считают себя преимущественными распорядителями вещей и животных, имя которых носят. Итак, племя «людей-кенгуру» снабжает мясом и шкурами «людей-эму», «людей-воды» и других и взамен получает от них яйца эму, воду и так далее.

— Теперь я понял, о чем говорил Тони, — заявил Томек. — Мы должны обратиться за помощью к племени туземцев, которые выбрали своим тотемом кенгуру.

— Вот именно это и хотел сказать Тони, когда сказал «племя «людей-кенгуру», — подтвердил Бентли.

— Господин Бентли хорошо говорит, — ответил Тони. — Малая Голова теперь уже знает, что такое «люди-кенгуру».

— Все теперь ясно, и мы можем поехать на поиски племени «людей-кенгуру», — закончил беседу Вильмовский.

Охотники сели на лошадей и выехали из ущелья. Они ехали на север вдоль низкой цепи скалистых холмов. Становилось жарко, поэтому пришлось несколько уменьшить скорость езды.

Спустя два часа Тони повернул в ущелье, глубоко

врезавшееся в цепь холмов. Лошади без понукания двинулись рысью.

— Уже недалеко. Лошади чувствуют воду,— сообщил Тони.

Вскоре они въехали на обширную поляну. Среди кустов акации виднелись примитивные шалаши туземцев, состоявшие из отдельных стенок, сплетенных из веток, покрытых корой и подпертых жердями с подветренной стороны. Скромная стоянка кочевников располагалась рядом с небольшим углублением, заполненным мутной водой. Из круга шалашей поднималась вверх струйка дыма, указывавшая на то, что внутри горел костер. Охотников встретил лай собак.

Тони задержался в нескольких метрах от кочевья и потребовал, чтобы товарищи сделали то же самое. Хотя лошади вытягивали головы в сторону воды, Тони не разрешил их поить. Следуя примеру проводника, охотники сели на землю.

— Почему мы ждем здесь, вместо того, чтобы пойти в деревню? — нетерпеливо спросил Томек.

— Таков обычай австралийских племен,— пояснил Бентли.— В Европе, если хочешь нанести кому-либо визит, ты стучишь в дверь его жилища. Здесь же садишься вблизи кочевья и терпеливо ждешь приглашения.

— Странный обычай, но можно его понять. Однако почему Тони не позволяет напоить наших лошадей? — снова спросил Томек, глядя на лошадей, вытянувших головы в сторону воды.

— Племя туземцев расположилось у ямы, наполненной водой. Этим самым, по здешним обычаям, эта вода стала их собственностью. Вода необходима для сохранения жизни, поэтому надо подождать разрешения удовлетворить жажду и напоить лошадей. Если мы хотим жить с туземцами в мире, мы должны соблюдать их обычай,— ответил Бентли.

Звероловы молча слушали эти объяснения. Ведь успех охоты в значительной степени зависел от успеха переговоров с туземцами. Томек критически наблюдал некоторое время за жизнью кочевья, после чего снова сказал:

— Эти австралийцы чрезвычайно примитивные

люди, они даже не умеют как следует построить шалаши! Ведь эти их «домики» состоят только из одной стенки, напоминающей покосившийся забор.

— Ах, Томек! Никогда нельзя судить людей какой-либо страны, не учитывая условий, в которых они вынуждены жить, — возмутился Бентли. — Ну возьмем, например, тебя, разве ты летом надел бы шубу?

— А зачем мне надевать летом шубу? — пробурчал Томек, пожимая плечами.

— Ага, вот видишь, летом никто из нас не носит шубы. Австралия жаркая и очень сухая страна, поэтому коренные ее жители ходят часто голыми и не обязательно должны строить себе дома, защищающие от холода или дождя. Кроме того, они принадлежат к числу охотничьих племен, питающихся дичью и найденными в земле корнями растений. Если в одном месте они не могут найти достаточно пропитания, они переходят на другое, с обилием пищи. Зачем же им строить прочные дома, если климат и условия быта не требуют этого?

— Все, что вы сказали, кажется мне правильным, но они могли бы строить шалаши поудобнее.

Беседа была на момент прервана. Из круга шалашей вышел старый австралиец со сморщенной кожей на лице. Тони встал с земли и не спеша пошел к посланцу. Они встретились на половине дороги, уселись на землю и начали беседу.

— О чем они так долго говорят? — поинтересовался Томек.

— Племя «людей-кенгуру» через своих представителей согласилось принять участие в охоте. Но вежливость требует официально сообщить старейшине рода о цели нашего прибытия. Сейчас ты увидишь результаты этой беседы, — сообщил Бентли.

Спустя некоторое время туземец вернулся к шалашам, а Тони — к своим товарищам. Он заявил, что старейшины племени прибудут на совет.

Вскоре у ямы с водой появилась немолодая женщина. Она поставила около воды жестяное ведро, приглашая путников красноречивым жестом руки. Тони по очереди напоил лошадей, после чего вернулся к охотникам, выжидательно смотревшим в направ-

лении шалашей. Через некоторое время к ним подошло несколько человек австралийцев. Обсуждение вопроса о вознаграждении туземцев за участие в охоте не заняло много времени. Вильмовский обязался дать им некоторое количество продовольствия, несколько топоров, ножей и других предметов повседневного обихода. Он отказался только дать водку, предлагая взамен живых кенгуру, которые останутся в котловине после отбора животных для экспедиции. Поговорив между собой, туземцы приняли это предложение. Они обещали, что в облаве примут участие 60 мужчин и мальчиков. Одновременно они обязались немедленно выслать разведчиков на поиски крупного стада кенгуру. Охоту решено было начать через два дня.

Возвратившись на ферму, охотники застали там уже готовые длинные легкие телеги, привезенные ими на корабле в разобранном виде. Они были покрыты брезентом, натянутым на бамбуковые жерди. В каждую телегу впрягалась четверка лошадей. В тот же день охотники погрузили на телеги легкие клетки, предназначенные для перевозки кенгуру, и соответствующий запас питания, а также палатки и другие вещи, необходимые для постройки лагеря в степи.

До начала охоты в ущелье, указанном следопытом, надо было устроить ловушку, в которую будут загнаны кенгуру. Уже на другой день после возвращения из разведки караван телег в сопровождении всадников оставил ферму Кларка с таким расчетом, чтобы самый тяжелый участок дороги через степь пройти после заката солнца. Благодаря этому всего лишь после одного короткого привала охотники уже на рассвете оказались вблизи ущелья. Они быстро выбрали место для стоянки и разбили там лагерь. Расположив телеги полукругом, они внутри его поставили палатки, и, спутав лошадей, пустили их в степь пастись.

Вскоре в ущелье закипела работа. В самом узком месте охотники вкопали прочные столбы с крюками для проволоочной сетки. Столбы замаскировали зеленью, что было необходимо ввиду чуткости кенгуру, которые могли бы слишком рано заметить опасность. Наконец все подготовительные работы, включая проверку натяжения сетки между столбами, были закон-

чены. Оставалось только подождать туземцев, обещавших принять участие в охоте. Они не заставили себя ждать. Прибыли большой толпой и расположились вблизи ущелья.

Томек присоединился к группе своих товарищей, пожелавших познакомиться с австралийцами. Ему хотелось ближе узнать великолепных австралийских охотников, от быстрого взгляда которых, по всеобщему мнению, не скроется даже самое маленькое животное, обитающее в пустынной степи.

Первоначально все австралийцы казались Томеку похожими друг на друга как две капли воды. Их землисто-черные тела покрывали широкие шрамы примитивной татуировки. Они были размалеваны белыми полосами в знак готовности к борьбе и охоте. У них были почти одинаковые и несколько удлиненные головы, покрытые черными, блестящими, густыми волосами, узкие у основания носы, широкие ноздри, маленькие глаза и толстые губы. Вся одежда туземцев состояла из связок сухой травы на шнурках, которыми повязаны бедра. Охотники были вооружены длинными копьями, бумерангами и щитами. Выглядели они воинственно и дико, несмотря на дружелюбные улыбки, появлявшиеся на их лицах при встрече с белыми.

Вместе с туземными охотниками пришли несколько пожилых женщин, они, по принятому среди туземцев обычаю, занялись устройством шалашей и приготовлением пищи. Желая задобрить туземцев, Вильмовский подарил им двух баранов, много коробок с консервами и сухарей. Оказалось, что австралийцы прекрасно чувствуют себя в недоступном для человека месте. Известным только им одним способом они быстро нашли воду, которая появилась, как только они выкопали не очень глубокую яму в месте, указанном стариками¹.

Предводитель туземцев сообщил белым охотникам, что он уже разослал воинов на поиски крупного стада

---

¹ Многие австралийские туземцы обладают удивительной способностью находить места, где не очень глубоко находится вода. Обычно они копают там ямы и, пользуясь длинными соломами, высасывают влагу.

кенгуру. Он ожидал, что они еще до заката солнца вернутся с сообщением.

Остаток дня Томек провел в гостях у австралийцев. Многие из них знали о нем по рассказам разведчиков, с которыми он встретился на ферме Кларка. Поэтому он легко знакомился с туземцами. Австралийцы устроили пир, во время которого жрецы показали танец, представляющий охоту на кенгуру. По их верованиям, этот танец должен был умиловать «духа» охоты, который радовался, видя ловкость человека, и за это посылал им стада жирных животных. Конечно, дело не обошлось без показа охотничьей сноровки. Томек стрелял в цель из штуцера, австралийцы бросали бумеранги и копья. Томек удивлялся необыкновенной силе и ловкости этих на первый взгляд слабых мужчин. Их тонкие руки с необыкновенной меткостью на большом расстоянии попадали в цель тяжелыми копьями и бумерангами; на своих ногах, как бы полностью лишенных икр, они умели бегать быстрее ветра. Таким образом, время незаметно подошло к вечеру. Как и предвидел предводитель туземцев, воины вернулись в кочевье еще до заката солнца. По их сообщению, на расстоянии нескольких часов пути, на северо-восток от кочевья, вблизи небольшого источника паслось большое стадо кенгуру; значит, не нужно было опасаться, что они быстро изменят место своей жировки.

Получив такое известие, Вильмовский немедленно созвал совет, чтобы обсудить план охоты. Ущелье-ловушка, куда они намеревались загнать кенгуру, было расположено в цепи скалистых холмов, тянувшихся с севера на юг. К западу от холмов находилась мертвая, лишенная воды пустыня. Там кенгуру не могли искать спасения от облавы, поэтому достаточно было их окружить только с трех сторон: с юга, востока и севера и гнать по направлению к ущелью.

По совету Бентли один отряд туземцев под предводительством Вильмовского должен был окружить кенгуру с юга. В его задачу входило закрыть путь убегающим кенгуру с этой стороны. Остальные верховые и пешие туземцы были разделены на два отряда. Один из них, под командованием Бентли, должен был ши-

рокой дугой окружить место жировки кенгуру и погнать их в южном направлении, тогда как второй отряд, во главе со Смутой, должен был закрыть круг облавы с востока. Таким образом, звероловы, сжимая постепенно кольцо облавы, должны были загнать кенгуру в ущелье.

Томек, к своему удовольствию, был присоединен к отряду Бентли. Этому отряду предстояла самая дальняя дорога, и он должен был первым начать облаву. Поэтому отряд двинулся в путь сразу же после полуночи, чтобы на рассвете очутиться в назначенном месте. В отряд входили 12 верховых и несколько десятков пеших туземцев.

Во главе отряда ехали два следопыта, вслед за которыми двигались верхом Бентли и Томек. Ночь была очень светлая. На чистом небе, усеянном звездами, ярко пылало созвездие Южного Креста. Огромный диск луны заливал всю степь серебристым светом.

— Что-то мы очень медленно едем,— сказал Томек, которому не терпелось как можно скорее очутиться на месте охоты.

— Мы должны ехать медленно, чтобы не измучить лошадей,— ответил Бентли.— Перед нами еще длинная дорога. К началу облавы наши лошади должны быть совершенно свежими.

— Скажите, пожалуйста, кенгуру могут прорвать цепь облавы?

— Это зависит от нас, от нашей ловкости. Почувствовав опасность, кенгуру мчатся быстрее ветра. Нормально они прыгают на расстояние около трех метров, но будучи испуганы, делают прыжки в десять и больше метров.

— А что мы будем делать во время облавы?

— То, что всегда делают в таких случаях,— пояснил Бентли.— Как можно больше шума...

После нескольких часов езды они увидели на фоне ясного неба контуры невысоких холмов. Вскоре проводники, ехавшие впереди, остановили лошадей. Они сообщили, что по их расчету стадо кенгуру уже осталось позади. Бентли распорядился об отдыхе. Спутав ноги лошадей, их пустили пастись. Охотники уселись на землю, чтобы поесть и отдохнуть перед охотой.

Томек не мог дождаться утра. Бентли приглашал его послать немного, но как Томек ни старался, заснуть не мог. Ведь он впервые собирался принять участие в крупной охоте на диких животных. Он никак не мог победить волнение, а кроме того, его злило поведение Бентли. Тот присел на землю и, раскурив самым спокойным образом трубку, вел с туземцами беседу о каком-то празднике, который называл «корробори».

Из их беседы можно было понять, что во время этого праздника туземцы принимали мальчиков в семью мужчин. Это было связано с многочисленными таинственными обрядами, во время которых выбивали, например, юноше зуб, левый верхний клык, в знак того, что он стал взрослым. В торжествах участвовали одни мужчины, которые пировали, танцевали и устраивали игры.

«Удивительный человек, этот Бентли,— с раздражением думал Томек.— Как раз теперь, перед началом охоты, он вздумал вести беседу о песнях и танцах!»

Томек повернулся к Бентли спиной и нетерпеливо смотрел на небо. Но там не было видно никаких признаков наступления дня. Томек совершенно забыл, что на этой географической широте перед восходом солнца царит такая же темь, как и в середине ночи. Поэтому он несказанно обрадовался, когда без предрассветных сумерек на небе показалось огромное солнце и сразу настал день. Охотники оживились. Бентли сейчас же выслал трех всадников в разведку. Разведчики на конях, поскакав легкой рысью, исчезли в степи среди высокой травы. Бентли достал из рюкзака дымовую ракету, при помощи которой он должен был дать знак охотникам «южной» и «восточной» групп о том, что облава началась. Вскоре весь отряд двинулся вслед за разведчиками.

Они медленно шли по степи около трех часов. От разведчиков не поступало никаких сведений. Томек уже начал беспокоиться, не разминулись ли они случайно с ними, как вдруг один из разведчиков вырос перед ними, как из-под земли.

— Нашли кенгуру? — спросил Бентли, подъезжая к нему.

— Да, нашли. Ночью они отошли от воды несколько на север,— ответил туземец на ломаном английском языке.— Они теперь там!

Место, где паслись кенгуру, находилось у подножия каменных холмов.

— Плохо,— заметил Бентли.— Я боюсь, что отряд, который должен был окружить их с востока, находится теперь слишком далеко от нас.

— Вы только не допустите до того, чтобы кенгуру ушли из-под облавы! — воскликнул Томек.

— Постараемся не допустить, но надо сохранять спокойствие,— твердо ответил Бентли.

Он подумал минуту, после чего сказал:

— У нас слишком мало людей, и мы теперь не можем делиться на отряды, но если мы немедленно не начнем облавы, то кенгуру могут уйти еще дальше на север. Поэтому три наших человек должны немедленно поехать на юг, чтобы завернуть стадо, если кенгуру попытаются прорваться между нами и отрядом, идущим с востока.

На минуту Бентли задумался, кому поручить занять позицию на юге. Ему нелегко было принять решение. Наконец он направил испытующий взгляд на мальчика.

— Томек, возьми с собой двух туземцев и медленно двигайся в южном направлении,— приказал он.— Как только увидишь дымовую ракету, скачи вперед так, будто за тобой гонятся сто бенгальских тигров. Держи направление параллельно цепи холмов, пока не встретишь восточный отряд. Тогда соединишься с ним и постарайся замкнуть цепь облавы.

— Ах, нельзя ли послать кого-нибудь другого вместо меня? — жалобно попросил Томек.

— Ты что, боишься, что тебе не удастся принять участие в охоте? — спросил Бентли.— Ничего подобного, дружище, ведь именно ты будешь держать в своих руках всю судьбу охоты. Ты знаешь, почему я выбрал именно тебя?

— Не знаю, но я думаю...

— Я уже по выражению твоего лица вижу, что не знаешь. Сейчас я тебе объясню. Так вот, если кенгуру попытаются проскользнуть между нами и восточным

отрядом, ты должен будешь во что бы то ни стало их задержать. Если им удастся хоть раз прорвать цепь облавы, они разбегутся по степи, и ищи тогда ветра в поле. А ты знаешь, как можно вынудить кенгуру изменить направление бега?

— Не знаю!

— В случае такой необходимости надо убить предводителя стада. Вот почему я выбрал тебя. Из того, что о тебе мне рассказывали, я знаю, что ты лучший стрелок в нашей группе. Если бы с нами здесь был Смуга или боцман Новицкий, я бы послал одного из них.

Томек покраснел от радости и гордости. Длительное время он молчал, чтобы справиться с охватившим его волнением. В конце концов отозвался будто бы совершенно равнодушным тоном:

— Ну, если дело за этим, то я еду на юг. Если мне понадобится, туземцы должны мне показать предводителя стада, чтобы не было ошибки.

Бентли посмотрел на мальчика с тревогой.

«Ого, сколько самонадеянности у этого парня,— подумал он.— Как бы он не испортил всю охоту!»

Но времени на раздумье уже не было. Бентли подзвал двух туземцев и кратко объяснил им задачу. Томек двинулся на юг на своем пони, а Бентли с остальными членами отряда направился на запад.

Едва лишь Томек остался наедине с туземцами, вся его уверенность развеялась, как дым угасающего костра. Что будет, если он ошибется в направлении? Сумеет ли он, в случае необходимости, повернуть кенгуру? Он невзначай взглянул на едущих рядом с ним австралийцев. Встревожился, увидев две пары желтых глаз, испытующие смотрящих на него.

— Мы правильно едем? — обратился Томек к ним, чтобы подбодрить себя.

— Хорошо ехать, только медленнее,— подтвердил один из туземцев.

Томек придержал бег пони. Они ехали шагом. Время тянулось немилосердно. Томек все чаще смотрел на восток, не видны ли случайно верховые из восточного отряда. Однако степь была пуста, никого не было видно.

«Вот дела! — подумал Томек.— Сделали меня командиром группы туземцев, а я и не знаю, что мне с ними делать. Отец или Смуга не поступили бы со мной так! А если эти австралийцы предатели и уведут меня с собой в степь?»

В этот момент бронзовая рука туземца схватила пони под уздцы и осадил его на месте. Томек быстро закрыл глаза, ожидая предательского удара, но вместо этого услышал высокий голос туземца:

— Смотреть, скоро смотреть! Видно знак!

Томек открыл глаза. Австралийцы показывали руками на запад. Там вдали видна была ракета, за которой тянулся темный хвост дыма. Облава двинулась! Томек сразу же забыл о всех своих опасениях. Он в уме повторил приказание Бентли: «Как только увидишь дымовую ракету, выстреленную мной, скачи вперед, будто за тобой гонятся сто бенгальских тигров».

— Вперед, вперед, во всю прыть,— крикнул он туземцам.

Туземцы пятками пришпорили лошадей. С места бросились в карьер. Трава быстро убегала из-под конских копыт. Далеко на западе послышались частые выстрелы и громкий крик облавы.

Томек схватился руками за высокую луку седла и стал погонять пони. Он опередил туземцев на несколько метров, потому что те не очень хорошо ездили. Томек почти забыл о них. Он летел вперед без оглядки. Как вдруг он услышал крик:

— Ружье! Ружье! Ружье!

«Чего они от меня хотят?» — подумал Томек и обернулся.

— Ружье! Ружье! — продолжали кричать австралийцы.

Только теперь Томек услышал, что шум облавы стал значительно ближе. Он взглянул направо. Его охватило волнение. Прямо перед ним, несколько наискосок, по степи огромными, длинными прыжками мчались кенгуру, удаляясь все дальше на восток от цепи холмов. Большое стадо растянулось широким полукругом. Сильнейшие из кенгуру выдвинулись далеко вперед, и только лишь на расстоянии несколь-

ких сот метров за ними галопом неслись верховые, крича как сумасшедшие.

— Ружье! Ружье! — кричали туземцы, показывая на быстро приближавшихся кенгуру.

Томек смерил взглядом расстояние, отделяющее его от ближайшего животного. Кенгуру неслись значительно быстрее, чем его пони. По расчетам Томека, приближаясь наискосок, они могли пронестись около него на расстоянии каких-нибудь трехсот метров.

«На такой дистанции не попаду», — подумал Томек и пришпорил пони.

Сильная, выносливая лошадка вытянула короткую шею и с удвоенной энергией помчалась вперед. Крепко держась одной рукой за гриву пони, Томек осторожно стал готовить штуцер. Пони мчался вперед изо всех сил. В конце концов он стал догонять первых бегущих кенгуру. Туземцы поравнялись с Томеком. Один из них крикнул ему:

— Мы кричать, а ты стрелять! Только быстро, быстро!

Они выехали вперед, а Томек, дернув уздечку, держал пони. Он привстал на стременах, сжимая в руках штуцер. Кенгуру находились уже очень близко. Впереди мчался огромный самец, делая прыжки длиннее, чем остальные. Самец прижал к груди короткие передние лапы, вытянул хвост и всей силой мускулов ударял о землю длинными, стройными, крепкими, как пружины, задними ногами, прыгал вверх и неся среди травы так, что его рыжеватое тело мелькало как молния.

«Это, наверно, предводитель стада», — подумал Томек.

Он начал целиться, но никак не мог поймать на мушку быстродвигающееся тело животного.

«Ничего из этого не выйдет», — печально подумал он, опуская штуцер.

Туземцы опередили Томека на несколько десятков метров. Теперь они повернули лошадей прямо на кенгуру, издавая одновременно пронзительные крики. Предводитель стада на секунду остановился и поднялся на задних лапах во весь рост. Это его и погубило. Томек быстро поднял штуцер, прицелился и нажал

курок. В степи раздался громкий звук выстрела. Пони под Томеком присел на задние ноги. Еще немного, и Томек очутился бы на земле. Пытаясь восстановить равновесие, он на мгновение увидел огромного кенгуру, тяжело падающего на землю.

— Ур-ра-а! — в восторге закричал Томек; он вскинул штуцер на плечо и достал револьвер.

Томек стрелял вверх и изо всех сил кричал вместе с туземцами. Кенгуру, испуганные смертью своего предводителя, повернули на юг. Совершенно неожиданно Томек увидел длинную линию всадников, поднимающихся из высокой травы. Раздались новые выстрелы, и из многих ртов вырвался невообразимый крик. Это Смуга появился со своим отрядом, чтобы с востока замкнуть цепь облавы.

— Ур-ра-а! — еще раз крикнул Томек и помчался за бегущими кенгуру.

Сжимаемое с двух сторон, стадо мчалось на юг. Вскоре им преградили путь пешие туземцы. Животные в страхе бросились обратно на восток. Но отряд Смуги задержал их криками и выстрелами. Путь на север был прегражден отрядом Бентли. Таким образом, перепуганные и потерявшие всякую ориентировку кенгуру бросились на запад, к цепи каменных холмов. Там в ущелье их ждала пока что тихая ловушка.

Охотники без особого труда и неожиданностей загнали кенгуру в ущелье, выход из которого был медленно закрыт высокой проволочной сеткой.

Заперев животных в ущелье, Вильмовский начал поиски Томека. Он никак не мог его найти. Бентли, которого он спросил о сыне, с улыбкой ответил:

— Вы за него не беспокойтесь. Это в самом деле молодчага парень. Только благодаря ему кенгуру не смогли вырваться из кольца облавы. Ночью они отошли далеко на север, и можно было опасаться, что между стадом и моими людьми образуется разрыв, а группа Смуги не подоспеет, чтобы его закрыть. Поэтому я решил выбрать лучшего среди нас стрелка, чтобы тот в случае необходимости застрелил предводителя стада и повернул кенгуру на юг. Я выбрал Томека потому, что, по-моему, парень обладает прекрасными способностями в стрельбе. Он принял мое

предложение. В самый критический момент облавы он оказался на высоте положения. Теперь Томек вместе с туземцами поехал за убитым кенгуру.

— Можешь пожалеть, что ты не видел Томека во время облавы,— вмешался Смуга.— Я был всего лишь в какой-нибудь сотне метров от него. Он повалил предводителя стада одним выстрелом. Это великолепный стрелок.

— Мнение Смути, известного меткостью стрельбы, особенно ценно,— добавил Бентли,— потому, что я... признаюсь... никогда не убил ни одного животного. Я люблю ловить живых представителей фауны, но не могу лишать их жизни.

— Напрасное убийство диких животных, конечно, варварство,— ответил Смуга.— Но это очень хорошо, если охотник метко стреляет.

— Конечно, вы правы! Томек заслужил особой похвалы за то, что во время охоты оказался разумным и отважным стрелком. Он точно выполнил мой приказ,— признал Бентли.

Вильмовский с большим удовольствием слушал их слова. Он с нетерпением ждал возвращения сына. Томек появился в лагере через час. Обняв и поцеловав отца, Томек сразу же спросил о боцмане Новицком. Вильмовский сообщил, что моряк раздаст туземцам продукты.

— Я должен найти боцмана, чтобы вручить ему обещанного кенгуру,— сказал Томек и в окружении шумной толпы туземцев направился в лагерь, ведя на поводу лошадь с навьюченным на нее огромным животным.

ХII

ОХОТА НА ДИКИХ ДИНГО

В течение нескольких дней наши охотники были заняты ловлей кенгуру, предназначенных для отправки на судно. В это время с Томеком случилось забавное происшествие. Он решил лучше присмотреться к огромной самке, у которой в сумке на животе сидел

маленький кенгуренок, время от времени высовывавший оттуда маленькую смешную головку с длинными ушами. Томек уже знал, что рост малыша, только что появившегося на свет, не превышает тринадцати сантиметров. Они рождаются еще не полностью сформированными, всего лишь с зачатками конечностей. Дальнейшее их развитие происходит в сумке матери. Самка кенгуру сразу после появления потомства помещает его в сумку на своем животе, где малыши присасываются тесно замкнутыми и даже сросшимися по бокам губами к молочным соскам матери и длительное время как бы висят на них. Только лишь спустя восемь месяцев полностью уже оформившийся кенгуренок оставляет материнскую сумку.

Звероловы не хотели, чтобы кенгуру-мать слишком долго находилась в тесной клетке, поэтому они отлучили ее от стада и держали в отдельной загородке. Они намеревались запереть ее в большую клетку перед самым отъездом с фермы.

Маленький кенгуренок с любопытством выглядывал наружу. Из сумки матери показывалась его головка, он смешно водил мордочкой и шевелил усами, а когда Томек махал на него рукой, сразу же испуганно исчезал.

Однажды Томек вошел в загородку, где находилась кенгуру. Она остановилась в углу в вертикальном положении, опираясь на две задние ноги и на толстый хвост. Поворачивая голову то влево, то вправо, пронизывающим взглядом смотрела на мальчика. Она держала себя спокойно, и Томек без всяких опасений подошел к ней. Все свое внимание он обратил на маленького кенгуренка, который, выглядывая из сумки матери, с любопытством смотрел на него. Томек вытянул руку, чтобы погладить его по головке. Вдруг он почувствовал сильный удар по шее. Томек немедленно выпрямился, но кенгуру, словно опытный боксер, начала бить его по груди и голове. Томек был удивлен этим нападением, но когда вокруг раздался смех охотников, он сжал кулаки, намереваясь защищаться. И вот в загородке начался настоящий боксерский матч. Сердитая кенгуру била Томека короткими ударами, хватала его лапой за горло и одновременно би-

ла второй, а потом толкнула его задней лапой в колено. В этот момент в загородку вошел огромный боцман Новицкий.

— Не так сильно, сестрица! — крикнул он кенгуру и заслонил собой Томека.

Кенгуру короткой передней лапой ударила его по щеке и одновременно солидно толкнула в колено. Боцман выругался по-матросски. Вокруг них бушевал хохот. Боцман и Томек быстро отступили и вышли из-за загородки.

— Два ноль в пользу кенгуру,— смеясь, кричал Бентли.

— Вы бы так не смеялись, если бы она угостила вас таким тумачком, как меня,— ответил боцман с кислой улыбкой.— Правда, я видел в Гамбурге специально дрессированных для бокса кенгуру. Но кто эту чертовку научил здесь, я, честное слово, не знаю.

— Учить кенгуру боксировать не надо, это их нормальный способ борьбы,— пояснил Бентли.— Именно так они дерутся между собой и так защищаются от людей.

— Значит, вы считаете, что те, которых я видел в Гамбурге, не были дрессированы? — удивился боцман.

— Совершенно в этом уверен,— подтвердил Бентли.— Все дело в том, чтобы приучить их к виду людей и к электричеству.

Томек и боцман, пристыженные происшедшим с ними смешным приключением, перестали интересоваться кенгуру, запертыми в ущелье. Для развлечения они начали поиски страусов. Однажды они вместе с Бентли и Тони забрались далеко в степь.

Стояло жаркое утро. Кучка звероловов медленно двигалась по плоскогорью, поросшему довольно высокой травой. Тони первый увидел стадо пасущихся птиц.

— Эму там, с правой стороны холма! Быстро спешиться и ничего не говорить,— предупредил он вполголоса.

Он первый соскочил с седла. Остальные охотники немедленно последовали его примеру. Тони повел их к холму с округлой вершиной. У подножия холма они

быстро вбили в землю колья, к которым привязали лошадей, и осторожно вползли на вершину холма. Бентли достал полевой бинокль. Выставив голову из травы, он стал искать эму. Вскоре он рукой показал направление.

Боцман и Томек по очереди рассматривали оригинальных птиц в бинокль. Стая их состояла из пяти взрослых особей и четырех молодых. Единственный в стае самец достигал около ста семидесяти сантиметров роста. Самки были немного ниже. Оперение их было желтоватого и чуть коричневатого цвета.

Томек внимательно всматривался в эму. Шея у них короче, чем у знакомых ему по картинкам африканских страусов, и ноги у них, оперенные начиная с коленного сустава, тоже короче, чем у страусов. Чрезвычайно маленькие крылья, тесно прилегающие к туловищу, были совершенно незаметны. Голова по бокам и шея птиц лишены оперения. Бентли, будучи ученым-зоологом, добавил, что на ногах эму по три пальца, из которых самый короткий — наружный, и заканчиваются они крепкими когтями.

Очень большой интерес у Томака возбудили молодые птенцы эму. Должно быть, они чрезвычайно прожорливы, потому что непрерывно носились по траве в поисках пищи. Их оперение было еще оригинальнее, чем у взрослых эму. Они были покрыты еще первым пухом с шестью широкими продольными полосами.

К сожалению, звероловы не могли долго наблюдать за австралийскими эму. Боцман, тоже весьма заинтересованный пестрыми птенцами, желая лучше присмотреться к ним, неосторожно приподнялся. Бдительный самец увидел его, и страусы быстро помчались в степь. Звероловы побежали к лошадям и некоторое время гнались за эму, и хотя птицы бежали медленнее из-за того, что были с птенцами, догнать их не удалось, потому что лошади пугались странного звука, издаваемого перьями мчавшихся эму.

— Ну и растяпа вы, — возмутился Томек неловкостью боцмана. — Если бы вы не напугали эму, нам, может быть, удалось бы подкрасться к ним и поймать хотя бы птенцов.

Боцман с досадой опустил голову, потому что и ему казалось, что они упустили великолепный случай поймать эму, но Бентли успокоил обоих друзей:

— Не печальтесь, мои дорогие. Мы еще не готовы к охоте, а эму, хотя они и не очень пугливы, уже знают, что самым страшным их врагом является человек. Их не так-то легко поймать. Кроме того, эму одним ударом своей мощной ноги может сломать человеку ноги или убить нападающего пса.

— Ну, ну, кто бы мог ожидать такой силы у птицы,— удивился боцман.— Интересно, можно ли есть их яйца и мясо? Должен признаться, что их птенцы выглядели довольно аппетитно.

— Вы только об еде и думаете,— пробормотал еще сердитый Томек.

— Взрослый мужчина это не подросток, который сыт чем попало,— парировал боцман.— Скажите, пожалуйста, Бентли, они пригодны для пищи?

— Мясо молодых эму очень вкусно,— сказал зоолог.— Из жира взрослых птиц готовят масло, которое, говорят, помогает против различных болезней.

— Вы меня не убедите в том, что настоящий ямайский ром не самое лучшее лекарство от всех болезней и забот,— возразил боцман.— Я это на себе проверил уже не один раз!

— Вы снова за свое,— вмешался Томек.— Скажите, пожалуйста, сколько птенцов бывает у эму?

Бентли, как всегда в таких случаях, пустился в обширное объяснение.

— Самец эму делает в земле небольшое углубление, которое выстилает травой и ветками. Самка откладывает туда семь или восемь яиц. Если найдете в гнезде больше яиц, то можете быть уверенными, что их снесли несколько самок. Высиживание длится шестьдесят дней, причем на яйцах сидит самец, который весьма тщательно заботится о потомстве. К вашему сведению, боцман, я добавлю, что яйца эму съедобны, и в одном яйце заключается около пол-литра массы. Скажите, хватило бы одного такого яичка вам на завтрак?

— Не говорите теперь об этом, пожалуйста, потому

что я немного голоден,— жалобно ответил боцман, к удовольствию Томека.

— Если вам хочется яичницы, то я бы вам порекомендовал яйцо мадагаскарского страуса,— продолжал, улыбаясь, Бентли.— Это яичко значительно больше, чем яйцо эму.

— Это, пожалуй, невозможно,— возразил боцман, обливаясь при одной лишь мысли о вкусной яичнице.

— Уверяю вас, что это научно доказано, хотя мадагаскарские страусы уже очень давно вымерли. В одном их яйце помещается почти девять литров, что равно шести яйцам африканского страуса, семнадцати яйцам эму или ста сорока восьми куриным.

— Так это же необыкновенное свинство, чтобы можно было позволить вымереть таким полезным птицам! — воскликнул моряк, возмущенный до глубины души словами зоолога.

Бентли и Томек разразились хохотом. Боцман совсем на это не обиделся. Как человек практичный, он решил еще больше узнать о столь полезных птицах.

— Вы говорите очень интересные вещи,— начал он беседу.— Я считал, что в мире есть только африканские страусы и эму, а от вас слышу о существовании других видов. Кто знает, куда еще меня забросит судьба, если я стал дружить с такими перелетными птицами, как вы? Поэтому полезно знать, какие птицы, несущие яйца и пригодные в пищу, живут на разных континентах. Скажите, пожалуйста, что это за птицы страусы? Как видно, на свете есть еще много чудес, о которых я ничего не слышал!

— Охотно вам расскажу,— ответил Бентли.— Способность птиц к полету столь характерна для них, что виды, лишенные этой способности, кажутся нам странными созданиями. Вот именно такими странными созданиями и кажется людям подотряд бескилевых птиц. Их представители принадлежат к крупнейшим известным нам птицам, а некоторые их виды, по справедливости, могут считаться великанами в мире пернатых. К подотряду бескилевых¹ принадлежат четыре живых вида и два вымерших. Это без исключе-

---

¹ Ratitae.

ния сухопутные птицы. Все они достигают значительной величины, но голова у них маленькая, шея необыкновенно длинная, конечности сильно развиты. Остатки крыльев покрыты у них мягкими, совершенно непригодными для полета перьями, но зато все виды отличаются великолепной способностью быстро бегать. Питаются они в основном мелкими животными и растениями. У них великолепное зрение и лучшие, чем у других птиц, слух и обоняние.

— Пожалуйста, перечислите все виды страусов, — вмешался Томек, который с самого начала внимательно слушал слова Бентли.

— Ну так вот, настоящие страусы¹, или двупалые, составляют только один отряд. Отдельные виды разнятся между собой в основном окраской нагих частей тела и географическим распространением. Обыкновенные страусы обитают в Северной Африке, Южной Палестине и в Аравии, вплоть до реки Евфрата. Другие виды гнездятся исключительно в Африке.

Ко второму отряду бескилевых относятся американские нанду², которых иначе называют страусами пампасов. Эта трехпалая птица обитает в поросших травой степях, расположенных между Атлантическим океаном и Андами, начиная с лесов Бразилии, Боливии и Парагвая, вплоть до Патагонии. Своё название птицы получили от южноамериканских индейцев за громкий крик самцов нанду, издаваемый ими в свадебный период.

Третий отряд, состоящий из большого числа видов, это казуары. Все они принадлежат к одному семейству. Из четырнадцати известных нам видов казуаров три относятся к виду эму³ и одиннадцать — к настоящим казуарам⁴. Родина всех казуаров — это острова Тихого океана начиная от Серама и Амбоины вплоть до Новой Гвинеи, Новой Британии и Австралии.

Надо вам сказать, что у австралийских эму шея и ноги значительно короче, чем у африканских страу-

---

¹ *Struthio*.

² *Rhea americana*.

³ *Dromoeus*.

⁴ *Casuarus*.

сов. Дело в том, что эму пасутся в пустынных, покрытых травой степях, а настоящие казуары, отличающиеся характерным венцом на клюве и голове, состоящим из соединительной ткани, живут в густых лесах, где ведут таинственную и скрытную жизнь. В противоположность эму казуары не бегают рысью, а двигаются мелкой рысцой. Вас, как звероловов, должно заинтересовать то, что, кроме сочных фруктов, казуары охотно поедают рыб, ящериц и лягушек. Находясь в зоологических садах, они питаются главным образом хлебом, зерном и мелко нарезанными яблоками.

Отдельный отряд бескилевых составляют уже полностью вымершие новозеландские моа¹. Жители Новой Зеландии, маори, много мне о них рассказывали. К сожалению, мы знаем птиц моа только по найденным скелетам и яйцам, размеры которых, наверное, понравились бы вам, боцман.

Еще меньше есть у нас сведений о вымерших четырехпалых мадагаскарских страусах. Еще один вид бескилевых — киви², они живут исключительно в Новой Зеландии.

— Следует признать, что память у вас, профессор, превосходная,— похвалил боцман.— Вот, пожалуйста, как быстро проходит время, когда слушаешь интересные вещи о том, что делается на свете! Мы уже подъезжаем к лагерю. Скоро Ват-Сунг угостит нас своими китайскими яствами.

На этот раз уже никто не шутил насчет обеда. Во время поездки по степи все довольно сильно проголодались и поэтому погоняли лошадей, чтобы возможно скорее оказаться в кругу телег, окружающих лагерь.

В течение последующих дней Томек с боцманом неоднократно сами ездили на поиски эму. Однако их поездки не увенчались успехом. Вильмовский, Смуга и Бентли занялись отправкой нескольких кенгуру на ферму. Несмотря на то что облава на кенгуру уже закончилась, они не сняли лагеря вблизи ущелья-ло-

---

¹ Dinornithes.

² Apteryges.

вушки, так как намеревались использовать эту ловушку во время дальнейшей охоты.

Однажды Томек, боцман и Тони вернулись из своей ежедневной утренней прогулки на лошадях. Лишь только они сошли с лошадей, к ним выбежал Ват-Сунг и вручил письмо от Вильмовского, принесенное с фермы нарочным.

Боцман вскрыл конверт и прочитал вслух:

«Мы уже устроили наших кенгуру. Мы попросили Кларка, чтобы он вместе со своими работниками принял участие в охоте на эму. Он уже охотился на них из-за их драгоценных шкурок, и у него есть лошади, освоившиеся со звуками, издаваемыми перьями бегущих птиц. Но мы отложили охоту на эму, потому что сейчас у нас есть возможность поймать динго. Они уже несколько дней нападают на овец, пасущихся на ферме Кларка. Если желаете принять участие в охоте на диких псов, приезжайте немедленно».

— Ну, что ты скажешь на это, братец? — спросил боцман, прочитав письмо.

— Едем сейчас же, — с энтузиазмом ответил Томек. — Ведь мы не можем отказаться от охоты на динго.

— В таком случае сразу же после обеда берем свое барахло и айда, — решил боцман.

— Динго охотятся по ночам, — заметил успокоительно Тони.

Они приехали на ферму как раз к тому времени, когда Кларк уже готовил лошадь в дорогу. Вильмовский, Смуга, Бентли и два работника Кларка с самого утра расставляли капканы на динго. Овцы паслись в степи на участке, огороженном со всех сторон провололочной сеткой. Как раз сегодня в сетке были замечены три повреждения, вблизи которых на земле обнаружены свежие следы диких псов. Охотники расставили капканы около этих повреждений.

Томек, боцман и Кларк поехали на обширное пастбище. До заката солнца было еще много времени, поэтому они ехали медленно, ведя неторопливую беседу.

— Я слышал, вы охотитесь на эму? — спросил боцман.

— Да, если только позволяет время,— ответил Кларк.— Ведь охота здесь — это единственное развлечение.

— Расскажите, пожалуйста, как их здесь ловят? — с любопытством спросил боцман, который помнил свою неудачу.— Мы с Томеком гонялись за этими страусами несколько часов, а пользы от этого было только то, что мы присмотрелись к их хвостам. Наши лошади пугались звука, который издают перья этих странных птиц.

— При охоте на эму самая важная роль выпадает на долю лошади,— пояснил Кларк.— Лошадь должна быть такой же быстрой, как эти птицы, и не бояться дьявольского шелеста перьев, который они издают. У меня есть несколько лошадей, уже привыкших к охоте на эму. Шкурки эму очень ценятся на рынке, и мы охотимся за ними при любом удобном случае.

— Ну, если вы хотите добыть только шкурки, то ведь можно стрелять в эму с некоторого расстояния,— отозвался Томек.

— Шкура, пробитая пулей, потеряла бы ценность,— ответил Кларк.— Кроме того, эму очень живучи. Если его не убить наповал пулей, то, несмотря на раны, он сумеет убежать.

— Ну хорошо, но ведь в конце концов вам придется убивать страуса,— добавил Томек.

— Ты, конечно, прав, но для этого мне только нужна хорошая лошадь и кнут,— рассмеялся Кларк.

— Я вас не понимаю!

— Дело в том, что нужно ехать за страусом и бить его кнутом до тех пор, пока он не упадет от усталости. Это самый лучший способ.

Томек посмотрел на Кларка с возмущением. Кларк, не замечая выражения его лица, продолжал:

— Эму быстро теряет силы и вскоре бежит тяжело, неловко, почти как утка. Несмотря на это, он бежит до тех пор, пока не падает мертвым.

Боцман Новицкий презрительно вытянул губы и сказал:

— Ну, мой дорогой, такая игра не по мне. Пусть эти птички бегают себе вместе со своими шкурками.

— Я тоже не буду охотиться на эму,— добавил Томек.— Бедные птицы...

Беседа прервалась. В молчании они доехали до пастбища. Увидев отца и Смугу, Томек сразу же повеселел. Они радостно поздоровались.

— Вот и Малая Голова,— воскликнул Смуга, увидев мальчика.— Я был уверен, что ты не пропустишь охоту на динго.

— Почему вы были уверены в этом?

— Ты унаследовал от отца жилку к приключениям и путешествиям. Достаточно только шепнуть: охота, как ты пойдешь даже и в страшную жару, только бы не упустить удовольствия.

— Вы и в самом деле уверены, что у меня есть такая жилка? — спросил, волнуясь, Томек.

— Чем больше тебя узнаю, тем больше в этом убеждаюсь.

— Значит, я могу стать таким же известным звероловом, как и вы?! — спросил обрадованный Томек.

— Таким, как я? — удивился Смуга и с любопытством посмотрел на мальчика.

— Да, да! Я должен в будущем стать таким же звероловом, как и вы.

— Кто же это тебе наговорил о том, что я такой большой зверолов? — спросил Смуга, которого расшевелили слова Томека.

— Кто же мог мне об этом сказать, как не дядя Новицкий? Он, пожалуй, лучше всех знает вас! — с энтузиазмом говорил Томек.— Именно боцман сказал мне, что среди нас вы единственный человек, у которого есть жилка к ловле животных. Я хочу быть таким же отважным звероловом, как вы!

— Я ничего об этом не знал,— сказал Смуга прочувствованно.— Я хотел бы иметь такого сына, как ты. Твои слова ко многому меня обязывают. Думаю, что мы, четверо, можем стать неразлучными друзьями.

— Как три мушкетера, о которых я читал в романе Дюма? — воскликнул радостно Томек.

— Что-то в этом роде,— согласился Смуга.

— Ах, это в самом деле великолепная идея! — обрадовался Томек и по очереди обнял тронутых друзей.

— Что здесь происходит? — любопытствовал Кларк, который во время этой беседы расседлывал лошадей.

— Небольшое семейное торжество... только для своих,— неохотно пробурчал боцман Новицкий.— Ну, а что там слышно с нашими динго?

— Пойдемте, покажу вам приготовленные капканы,— сказал Вильмовский и, взяв Томека за руку, первый пошел к капканам.

Увидев неисчислимое множество австралийских мериносов, Томек не мог удержаться от удивленного восклицания. Они производили впечатление больших клубков шерсти, катящихся по траве. Даже кривые рога баранов были закрыты густой, пушистой, курчавой шерстью.

— Их здесь, наверное, тысячи? — воскликнул Томек.

— Несколько десятков тысяч,— поправил его Кларк.— Если в течение ближайших двух или трех лет не будет у нас длительной засухи, стадо мое увеличится до нескольких сот тысяч голов.

— А что бы случилось, если бы была длительная засуха? — спросил Смуга.

— В этом случае вместо нескольких десятков тысяч мериносов у меня было бы несколько десятков тысяч скелетов, белеющих на сожженной адским жаром земле,— ответил Кларк.— Чтобы избежать такого несчастья, я должен построить артезианский колодец. Пока что я довольствуюсь тем, что вблизи пастбищ находится несколько углублений, в которых по утрам всегда можно найти немного воды.

— А у вас есть какие-либо данные, что здесь подходящие места для бурения артезианского колодца? — вмещался Вильмовский.

— Туземцы в этом уверены, а они каким-то чудом, неизвестным нам шестым чувством, умеют находить артезианские воды.

— Папа, что это за артезианские воды? Я из уроков географии знаю, что в Австралии поселенцы роют артезианские колодцы, но ничего не слышал об «артезианских водах», — спросил Томек.

— Видишь, дружище, вода проникает сквозь пористые слои земли. Если в глубине попадается слой непроницаемого грунта, она течет по нему и скапливается в некоторых местах. Случается, что вода попадает между двумя слоями непроницаемого грунта. Легко

догадаться, что, находясь между ними, она испытывает давление, равное разнице уровня дна и поверхности проницаемого слоя. Достаточно пробить непроницаемый верхний слой, чтобы вода сама вытекала, а иногда даже фонтаном брызнула на поверхность.

— У нас вода ценится не меньше золота, — добавил Кларк. — В 1879 году скотовод из Нового Южного Уэльса, строя обыкновенный колодец, случайно попал на обильный источник подземной воды. Это событие стало сенсацией среди всех австралийцев.

— А как у вас происходит стрижка овец? Как я заметил, у вас на ферме вместе с вами и поваром работает всего лишь четыре человека, — перешел Вильмовский на новую тему.

— Конечно, мы одни не сумели бы остричь всех овец, — пояснил Кларк. — В Уилканнии организованы специальные бригады для стрижки. Они в определенное время объезжают фермы и выполняют всю работу. У нас трудно найти рабочих и обходятся они дорого.

Беседуя таким образом, подъехали к проволочному ограждению, отделяющему пастбище от степи. Вильмовский сообщил, что именно здесь поставлен первый капкан. Они задержались у группы кустов. Томек напрасно искал следы ловушки, поставленной на динго. Среди кустов ничего не было видно, кроме травы.

— Не могу понять, как мы поймаем здесь динго? — разочарованно сказал он.

Вильмовский осторожно раздвинул траву руками. Томек увидел искусно сплетенную из тонких веток решетку, а под ней глубокую яму с вертикальными стенами.

— Теперь уже знаю! — воскликнул он радостно. — У сетки находится замаскированная яма.

— Да, мы расширили отверстие в ограждении, поврежденном динго, и выкопали большую яму с внутренней стороны сетки. Если динго захочет пролезть на пастбище, он обязательно попадет в ловушку, — добавил Вильмовский.

— А не лучше ли было выкопать яму с наружной

стороны ограды? — беспокоенно спросил боцман Новицкий.

— Нет, потому что мы оставили бы слишком много следов, которые могли бы испугать даже голодных динго, — ответил Вильмовский.

— А как мы достанем динго из ямы? — попытался Томек.

— На дне ямы мы уложили сетку, которую слегка присыпали землей. К ее концам мы привязали веревки. Мы вытянем динго из ямы, закутанного в сетку, как ребенок в пеленки, — ответил Вильмовский.

— Обдуманно все первоклассно, — похвалил боцман.

— Вечером мы в этих кустах спрячем кусок свежего сырого мяса, — вмешался Кларк. — Для голодных динго это будет превосходной приманкой, и они, надеюсь, забудут об осторожности. Идем дальше!

У третьей ловушки они застали Бентли и Лоренца, работника Кларка. Бентли как раз заканчивал маскировку ямы травой, а Лоренц снимал шкуру с недавно убитого ягненка.

— Алло! Если динго будут так голодны, как я, то на рассвете ямы будут переполнены псами, — с юмором встретил их Бентли.

— Сейчас будет ужин, — утешил его Смуга. — Я вижу, что вы уже подумали о приеме непрошенных гостей.

— Да, Лоренц готовит вкусные куски. Динго почувствуют запах крови. Это уменьшит их бдительность, — ответил Бентли.

Лоренц разрезал мясо ягненка на куски. Один из них он подал Бентли, который положил его на решетку, маскирующую яму. То же самое они сделали в остальных двух ловушках, затем пошли в сторону поставленного вблизи шалаша.

Тони приготовил вкусный ужин. Появились даже две бутылки хорошего вина. В самом прекрасном настроении звероловы улеглись на траву и, покуривая трубки, стали ждать ночи.

ХІІІ

РАССКАЗ О ПАВЛЕ СТШЕЛЕЦКОМ

В тени легкого шалаша Томек с удовольствием расположился на мягкой охапке сена. Он долго смотрел в безоблачное небо, думая о дружбе, которая завязалась у него с участниками экспедиции. Он даже несколько возгордился, тихо говоря про себя: «Никто из моих коллег, оставшихся в Варшаве, не может похвастаться знакомством с настоящим путешественником. А вот такой замечательный зверолов, как Смуга, сам назвал меня своим другом! Да и боцман Новицкий тоже не последний из моряков. Как его уважает экипаж «Аллигатора»! На все его распоряжения матросы, вытянувшись в струнку, отвечают: «Иес, сэр, иес, сэр!»¹ — и бросаются их выполнять. Вот какие у меня теперь друзья! А кроме того, мой отец — начальник звероловной экспедиции...»

Вскоре столь приятные размышления погрузили его в глубокий сон, во время которого на устах Томека блуждала довольная улыбка.

Он спал несколько часов.

Когда проснулся, было уже темно, на небе блестели звезды. До его слуха донеслись голоса охотников, беседующих у костра. Встревоженный Томек вскочил со своей постели и быстро подошел к беседующим.

— Почему вы меня не разбудили? — спросил он с укором. — Еще немного, и я бы проспал всю охоту!

Мужчины улыбнулись. Отец, усаживая Томека рядом с собой, успокоил его:

— Не бойся! У нас еще достаточно времени. Только что зашло солнце. Динго выходят на охоту обыкновенно около полуночи.

Томек уселся рядом с отцом.

— Здесь в степи прекрасные ночи, неплохо было бы, если бы они были немножко прохладней, — продолжал Смуга прерванную беседу.

— Я с вами согласен, но уверяю вас, что и в других местах Австралии немало своеобразной красо-

---

¹ Да, господин! (англ.)

ты,— горячо сказал Бентли.— Если бы вы знали эту страну так, как я, то, возможно, остались бы здесь навсегда.

— Это вы говорите сказки, извиняюсь за выражение! — неожиданно взорвался боцман Новицкий.— Вы бы не говорили такой чепухи, если бы хотя раз в жизни побывали на нашей прекрасной родине! Как чудесны у нас поля и леса! А сколько прекрасных городов по берегам нашей чудесной Вислы! Дорогая Варшава, Краковский Вавель, эх! Просто сердце разрывается, что не могу их увидеть. Что там ваша Австралия против нашей Польши. Здесь у вас адская жара, засуха, наводнения, стада овец и бог еще знает каких животных! Я уже вдоль и поперек проехал по всему миру, и верьте мне, что хотел бы, чтобы мои кости покоились в польской земле...

Бентли умолк, пораженный резкостью речи боцмана. Через некоторое время он возразил:

— Я не хотел никого обидеть. Я только сказал, что полюбил Австралию. Мне известно, что вы не можете вернуться теперь в вашу страну. Зачем же бродить по всему свету? Мне кажется, здесь вы сможете найти приют до наступления лучших времен.

— Нет и речи о какой-нибудь обиде, уважаемый профессор,— быстро возразил взволнованный моряк.— Извините меня за мою горячность. Я простой человек и, по всей вероятности, плохо что-нибудь сказал, но ведь вы никогда не были в Польше. Ах, профессор, как прекрасны варшавские улицы или, к примеру, Краковский рынок, скажем, в сочельник! На землю летят белые хлопья снега, а в окнах домов сияют на елках свечки... Я бы отдал половину жизни, чтобы это теперь увидеть...

Томек вздохнул и придвинулся к взволнованному моряку.

— Мой друг боцман влюблен в нашу Варшаву,— тихо сказал Вильмовский.— Если говорить правду, то и я тоскую по родному городу...

— Вы обязательно должны приехать в Польшу,— порывисто обратился Томек к Бентли.— В Варшаве я поведу вас в парк Лазенки и покажу дворец, в котором раньше жили польские короли. Рядом с дворцом

в пруду плавают красивые белые лебеди. Сколько раз теть Янина наказывала меня за прогулки в Лазенках!

— Я обязательно воспользуюсь твоим приглашением, когда Польша станет независимой,— ответил Бентли.— Варшава, должно быть, действительно красивый город, если вы так любите свою столицу.

— Да, да, вы приедете в Варшаву и организуете там великолепный зоологический сад,— фантазировал Томек.

— А мы организуем специальную звероловную экспедицию, чтобы наловить как можно больше интересных животных для нашего зоосада. Правда, папа?

— Правда, мой милый энтузиаст! — улыбаясь, подтвердил Вильмовский.— Раз ты уже позаботился о должности для Бентли, то нам остается только раздобыть животных.

— Я с большим удовольствием займусь организацией зоосада в Варшаве,— признался Бентли.— Но и вы должны посетить красивейшие места Австралии. Вот когда мы будем охотиться вблизи Австралийских Альп, хорошо будет подняться на гору Косцюшко...

— Гору Косцюшко? — перебил его боцман Новицкий.— Это что, та самая высокая гора в Австралии, которую открыл польский путешественник?

— Вы не ошибаетесь. Поляк Павел Стшелецкий¹

---

¹ Польский исследователь, открыватель новых земель и путешественник, Павел Эдмунд Стшелецкий родился в Глушине близ Познани 24 июня 1797 г.

Он путешествовал свыше 12 лет и побывал почти на всех континентах мира. Он исследовал Северную и Южную Америку, многие острова Тихого океана, Новую Зеландию, откуда попал в Тасманию и в Австралию. На обратном пути из Австралии в Европу посетил Японию, Китай, Индию, Малайский полуостров, Филиппины, Индонезию и Египет. По Австралии и Тасмании он прошел пешком свыше 14 тысяч километров. Все свои путешествия он осуществлял за собственный счет.

В Австралии Стшелецкий находился в 1839—1844 гг. Он особенно тщательно исследовал Новый Южный Уэльс. Будучи по специальности геологом, Стшелецкий установил наличие там многих важных для развития страны минералов, открыл залежи золота и серебра. По просьбе тогдашнего губернатора Австралии Гиппса Стшелецкий сохранил в тайне известие о нахождении им золотых россыпей. Во время своих путешествий Стшелецкий открыл Авст-

открыл, в частности, Австралийские Альпы и самую высокую их вершину назвал горой Косцюшко.

— Ага, вы сами видите, кто чего стоит! — с триумфом говорил моряк. — Даже самую высокую гору у вас должен был открыть поляк! Мы уж такие и есть: мастера на все руки!

— Я бы ни за что не осмелился возразить что-либо против заслуг Стшелецкого, сделавшего здесь множество ценных открытий. Возможно, я о нем знаю больше, чем многие его соотечественники, — говорил Бентли, посылая улыбку в сторону упрянца.

— Неужели вы специально интересовались деятельностью Стшелецкого? — спросил Вильмовский, заинтересованный словами зоолога.

— Я еще в детстве наслушался о нем множество необыкновенных рассказов. В доме моих родителей часто говорили о Стшелецком. Надо вам сказать, что мой дедушка, поляк, после поражения Ноябрьского восстания уехал из Польши и очутился в Новом Южном Уэльсе. Здесь он встретился со Стшелецким. Он даже участвовал в одной из опасных экспедиций Стшелецкого. Моя мама предполагает, что Стшелецкий рассказал дедушке о золотых россыпях. По-видимому, они вместе некоторое время добывали золото. По всей вероятности, Стшелецкий обязал дедушку

ралийские Альпы, самую высокую гору назвал именем Косцюшко. Он первый открыл самую богатую на континенте область и в честь губернатора назвал ее Гипсленд. От Австралийских Альп он прошел на юго-запад до Порта Филипп (нынешний Мельбурн), с опасностью для жизни прошел через густой колючий скрэб, который до сих пор считался непроходимым. Во время исследований Стшелецкий произвел на континенте много различных измерений; после возвращения в Европу он описал свои путешествия и исследования в книге об Австралии и Тасмании под названием «Physical Description of New South Wales and Van Diemen's Land», изданной в Лондоне в 1845 г. На польском языке эта книга была напечатана впервые в 1958 г. в Научном издательстве. За выдающиеся научные достижения в Австралии и за нахождение золота королева Великобритании присвоила Стшелецкому высокую государственную награду. Умер Стшелецкий в Лондоне 6 октября 1873 г. До сих пор в Австралии сохранились польские названия, данные Стшелецким: гора Косцюшко, город и район Чарногора, что в устах англичан превратилось в искаженное «Тарнголла»; название горы Адины не привилось.

сохранить это в тайне, потому что он никогда не хотел говорить на тему о происхождении нашего имущества.

— Ах, это самая настоящая романтическая история! — с удивлением воскликнул Вильмовский. — Еще довольно рано, в степи такая тишина, что слышно, как трава растет. Возможно хитрые динго уже почувствовали наше присутствие. Очень просим, расскажите нам об экспедиции вашего дедушки со Стшелецким. Это нас очень интересует, пожалуйста!

— Расскажите, пожалуйста, расскажите, — присоединился к отцу Томек. — Ведь вы мне еще в поезде обещали рассказать о Стшелецком!

— Расскажите, профессор, это в самом деле нам интересно, — добавил боцман.

Бентли не заставил себя долго просить. Закурил трубку и начал рассказ:

— После открытия Австралийских Альп и горы Косцюшко Стшелецкий двинулся на юго-восток. Кроме моего дедушки, в этой экспедиции ему сопутствовал также Мак-Артур, один из пионеров Нового Южного Уэльса. Они обнаружили между цепью Австралийских Альп и Тасманским морем плодородную и богатую страну, прорезанную многочисленными реками и покрытую большим количеством озер.

Стшелецкий обрадовался красоте и богатству новой земли. В честь губернатора Австралии он дал ей название Гипсленд. Он был убежден, что в будущем это будет самая богатая область континента. Составил точную карту Гипсленда, набросал план будущих мелиоративных работ, после чего, идя вдоль реки Латроб, дошел до ее истоков, расположенных в горах.

Однажды Мак-Артур, исполнявший обязанности администратора экспедиции, заявил, что запасы продуктов у них кончаются и необходимо подумать о возвращении. Стшелецкий не хотел даже слышать об этом. Он решил идти на юго-запад по направлению к недавно заложенному Порт-Филлип, чтобы пробить поселенцам дорогу в Гипсленд.

Не теряя времени, они перешли покрытую лесами горную цепь и очутились в лесостепи. Из глубины материка дул горячий, сухой ветер. До Порт-Филлип

оставалось еще около сотни километров, но с каждым днем марша экспедиция встречала все более дикую и труднопроходимую страну. Все речки и ручьи от страшной жары совершенно высохли. Путешественники не могли пополнить запасы воды.

Редкая лесостепь стала постепенно переходить в скрэб. В конце концов дело дошло до того, что экспедиции пришлось пробивать себе дорогу через чащу карликовых акаций и эвкалиптов и через высокую траву, известную под названием спинифекс. Полное отсутствие четвероногих и птиц лучше всего свидетельствовало о дикости этого района страны.

До цели путешествия оставалось еще около шестидесяти километров, когда на их пути оказалась настоящая естественная колючая изгородь из кустов. Мак-Артур советовал вернуться, но Стшелецкий не соглашался на это из-за нехватки пищи и воды. По его мнению, от гибели среди убийственного скрэба экспедицию может спасти только безостановочный марш на юг. Мой дед присоединился к мнению Стшелецкого, так как безоговорочно верил в его инстинкт путешественника. Недостаток корма и воды вынудил экспедицию зарезать лошадей и бросить ценную коллекцию минералов, собранную польским путешественником во время длительных скитаний по стране.

Путешественники пошли на юг. Почти целых три недели они пробивались через твердый, сухой скрэб, колючий, как иглы терновника. Кроме голода и жажды, их стала мучить неуверенность в правильности избранного ими направления. Несмотря на отчаянные усилия, перед лицом смертельной опасности они проходили не больше трех—пяти километров в сутки, отдыхая всего лишь несколько часов в самое жаркое время дня. Необходимость прорубать себе дорогу через чащу совершенно истощала и без того сильно ослабевших путешественников. Ветки кустарника ранили их тела, рвали одежду. Раны не заживали, от одежды остались только клочья.

На двадцать четвертый день марша они с трудом пробивали себе путь. Низкий кустарник не бросал тени, а сожженная солнцем, покрытая трещинами земля скрывала огромное число ловушек для разбитых

ног скитальцев. Путешественники были так слабы, что многие из них просили оставить их умирать в скрэбе. Стшелецкий своим примером поднимал у всех дух и уверял, что скрэб скоро кончится.

На двадцать шестой день марша, ранним утром, один из туземцев внезапно остановился. Он вытянул свою исхудалую шею и начал открытым ртом хватать сухой, горячий воздух. Стшелецкий подхватил его под руку. Ему показалось, что туземец находится в агонии, но тот прошептал:

— Дыши, сильно дыши...

К большой своей радости, Стшелецкий убедился, что до сих пор горячий и сухой ветер, теперь содержит немного влаги. Они подходили к побережью. Убийственный скрэб кончился. Стшелецкий сразу же сказал об этом спутникам. Надежда спасения вдохнула в них новые силы, и они снова тронулись на юг. Скрэб становился реже, но они были настолько истощены, что не могли прибавить шаг. Когда на землю спустилась ночь, они легли на сожженную жаром землю. Голод и жажда не давали им заснуть. Они лежали друг возле друга в могильной тишине пустыни и затуманенными глазами искали звезды, блескующие на небе. Тогда они впервые за несколько недель услышали вой динго...

Бентли прервал рассказ. В этот момент в степи, где-то вблизи ограды, идущей вокруг пастбища, раздался странный и жуткий звук. Первоначально низкие тона постепенно повышались, а затем перешли в резкий визг. Охотники невольно вздрогнули, а Томек испуганно схватил Бентли за руку.

— Что это? — шепотом спросил Томек. — Что это такое?

— Динго идут, — тихо ответил Тони.

— Да, это воют динго, — добавил Кларк.

— Вот реальное окончание великолепного рассказа! — шепнул Смуга.

— Скажите еще, что произошло с экспедицией Стшелецкого, — попросил Вильмовский.

Бентли вполголоса закончил рассказ:

— Дикае псы находятся там, где можно найти пропитание. Таким образом, вой динго был знаком

для путешественников, что они приближаются к концу убийственного скрэба. Так и было в действительности. Они вскоре, счастливые, хотя и сильно истощенные, добрались до Порт-Филлип.

— Молодчага был этот Стшелецкий. За таким можно и в огонь и в воду,— одобрительно сказал боцман Новицкий.— Когда я неожиданно услышал этот адский вой, у меня мурашки по телу побежали. Да провались такая страна, где дикие собаки воют по ночам, словно ведьмы!

Протяжный вой раздался ближе. Как эхо, ему ответили динго, находившиеся дальше.

На пастбище началось оживленное движение. Овцы стали сбиваться в плотную толпу. Топот копыт мешался с блеянием испуганных животных. Короткое, прерывистое завывание раздавалось уже у самой ограды.

— Обнаглели эти бестии,— пробурчал Кларк.— Их уже давно ждет солидная порция свинца...

— Их, пожалуй, несколько,— прошептал Томек.

— Мне кажется, что на пастбище стараются пробраться три или четыре динго,— ответил Смуга, сосредоточенно вслушиваясь в звуки, доносящиеся из степи.

Они прекратили беседу. Послышался треск ломаемых веток. Находившаяся недалеко группка кустов внезапно провалилась вниз. Почти одновременно с этим раздался визг динго внутри ограды. В нескольких метрах от охотников на пастбище произошло какое-то волнение. Темная масса овец волнами бросилась наутек.

— Проклятые динго! Они прорвались к стаду! — воскликнул Кларк.— Пусть Вильмовский и Томек останутся здесь, а мы побежим спасать овец!

Кларк, Лоренц, Смуга и Тони схватили ружья. Они побежали вдоль ограды, чтобы отрезать путь бующим на пастбище динго.

— Томек, ты на всякий случай приготовь штуцер,— приказал Вильмовский, щелкая затвором винтовки.— Дикие псы пробились на пастбище.

— Мне кажется, что в нашу яму тоже попал динго,— добавил Томек.

— По всей вероятности, хотя он и не издает ни звука,— сказал Вильмовский.

Издали к ним донеслись звуки выстрелов. На пас-
тбище творилось что-то невероятное. Овцы разбегал-
лись по всем направлениям, стараясь убежать как
можно дальше от ограды, а охотники непрерывно
стреляли.

— Внимание! — крикнул Вильмовский.

Прежде чем Томек сообразил что происходит, его
отец три раза выстрелил по направлению тени, пробе-
жавшей рядом с оградой. Второй темный силуэт
мелькнул в нескольких метрах от них. Вильмовский
выстрелил еще раз.

— Попал! — обрадовался Томек.

— Наверное, нет, но динго, пожалуй, попал в ло-
вушку, — сказал Вильмовский.

— Застрелил его? — спросил Смуга, прибежав во
главе группы охотников.

— Я не хотел этого, — ответил Вильмовский. — Ис-
пуганный динго бежал у ограды прямо к нашей ло-
вушке. Я выстрелил вверх, чтобы испугать его. Если
не ошибаюсь, он попал в яму.

— Сейчас мы проверим, — сказал Лоренц.

Он подбежал к шалашу. Через минуту вернулся с
ручным фонариком. Зажег его; все подошли к ловуш-
ке, держа ружья готовыми для выстрела. Лоренц осве-
тил яму фонариком. Среди поломанных веток, остат-
ков плетеной сетки горели две пары злющих глаз.

— Есть! Есть, притом сразу два! — воскликнул То-
мек.

Он схватил отца за руку и, наклонившись над ло-
вушкой, с любопытством смотрел на диких псов. Ос-
лепленные светом фонаря динго втиснулись под вет-
ви, лежащие на дне ямы. Через некоторое время из-
под зеленых листьев показалась светло-желтая морда.
Зловеще блеснули глаза животного. В ночной тишине
раздался пронзительный вой... Томек невольно отпря-
нул к отцу.

«Брр! Не хотел бы я встретиться с ними в степи», —
подумал он.

Конец ночи прошел без всяких сюрпризов. Утром
охотники проверили остальные ловушки. На одной из
них оказались следы динго, но яма была пустой.
Охотники тщательно изучили следы, оставленные

динго вблизи ловушки, и установили, что ловкий хищник сумел обойти замаскированную западню и пролез на пастбище, а потом совершенно случайно попал в другую ловушку, где уже сидел первый динго.

Утром охотники привезли с фермы клетки, чтобы поместить в них пойманных псов. Увидев людей, динго злобно бросились в сторону и еще больше запутались в сети.

Томек удивился, что вся работа была так ловко выполнена. Сперва охотники достали сетку с запутавшимися в ней хищниками. Потом Вильмовский осторожно раздвинул ремни, а Смуга молниеносно набросил аркан на шею животного. Петля затянулась. Несмотря на отчаянное сопротивление, динго посадили в клетку. Достаточно было, чтобы аркан немного ослаб, как ошеломленное животное сбросило его с себя. Так же поступили и с его товарищем по несчастью.

Еще две ночи охотники охотились на диких псов. Поймать удалось только одного. Большинство из них осторожно бегало вокруг ограды, беспокоя овец. По предложению Кларка было решено устроить облаву. По его мнению, появление столь большого числа динго вблизи пастбища предвещало скорое наступление большой засухи. Кенгуру бежали в более влажные места, голодные псы искали легкой добычи на пастбищах. Кларк советовал как можно скорее организовать облаву на страусов эму перед тем, как они тоже уйдут из засушливой местности.

Вильмовский стремился отблагодарить Кларка за гостеприимство. Он вызвал на пастбище большинство своих людей. В течение одной ночи охотники, затаившись в степи, застрелили четырех диких псов. На следующий день они начали спешную подготовку к охоте на эму.

XIV

ПЕСЧАНАЯ БУРЯ

Боцман Новицкий вышел на крыльцо и стал разглядывать двор фермы. Вскоре он заметил Томека, с

интересом рассматривающего динго, сидевших в клетках. Он быстро подошел к мальчику и сказал:

— Послушай-ка, дружище! Все наши собираются ловить эму. Мне эта охота не очень по душе, потому что Кларк будет играть там первую скрипку. Думаю, что и тебя не возьмут с собой. У Кларка всего лишь пять кляч, дрессированных для охоты такого рода. На них поедут Кларк, его два работника, твой отец и Смуга. А что мы с тобой будем делать?

— Можем попытаться приручить динго. Мне бы хотелось иметь такую собаку,— предложил Томек.

— Такая игра не стоит свеч,— ответил неохотно боцман.— Я слышал от Бентли, что туземцы приручают только щенят, которые все равно никуда не годятся. Говорят, что их надо скрещивать с домашними псами, чтобы была польза от их потомства.

— Гм, жаль! Так что же мы будем теперь делать?

— А что бы ты сказал, брат, если б мы выбрались поохотиться на эму вдвоем?

— Как, только вдвоем? — спросил Томек, заинтересованный предложением.

— Два человека, братец ты мой, если они настоящие охотники, иногда лучше, чем сотня. Мы себе сделаем лассо, точно такое же, как сделал Бентли, и попытаем счастья.

— Как же сделать такое лассо?

— Ах, это обыкновенная палка с веревочной петлей на конце, которую легко забросить на шею эму. Что ты скажешь на это?

— Великолепная идея! Мы устроим для всех сюрприз, если нам повезет.

Двое заговорщиков, не говоря никому ни слова, сделали себе два лассо и приготовили небольшой запас продуктов. Как только группа звероловов выехала, они немедленно оседлали своих лошадей. До заката солнца они были уже далеко в степи. В превосходном настроении друзья ехали почти всю ночь, чтобы как можно дальше удалиться от лагеря, где теперь находились их спутники. Томек ничего не сказал отцу о своем намерении поохотиться. Он считал это лишним, потому что перед отъездом отец поручил его опеке боцмана.

По мере того как проходило время, а эму нигде не было видно, настроение у наших друзей начало портиться.

— Ну и жарко же греет солнце,— начал разговор Томек, вглядываясь в горизонт.— Даже кенгуру не видеть в такую жару.

— Да, да, братишка! Только такая сухая мумия, как этот Бентли, может восторгаться Австралией,— жаловался боцман.— Земля растрескалась от жары, трава пожелтела, а деревья здесь... разве это деревья? Уж наши кусты и то лучше...

— Или этот суп из хвоста кенгуру! — добавил Томек, брезгливо морща губы.— Я уверен, что Бентли никогда не ел бигоса из капусты.

— Ни дать ни взять он одичал здесь,— буркнул боцман.— И что только делается с людьми в дальних странах!

— Здесь очень скучно! От жары я уже не могу усидеть в седле,— жаловался Томек.

— Так давай свернем паруса и вернемся в лагерь,— предложил боцман.— Как видно, у этих эму тоже башка неплохо варит. Им не очень-то хочется таскаться по сухой, сожженной степи.

— Значит, мы не будем больше охотиться на эму? — опечалился Томек.— Хорошо хотя бы испытать наши лассо.

— В конце концов, можем и здесь заночевать, но если утром мы не увидим страусовых хвостов, то даем «ход назад» и возвращаемся восвояси,— после некоторого размышления решил моряк.

Они расположились на ночлег у маленькой группы акаций. Нарезали сухой травы, чтобы мягче было спать. Съели коробку консервов и запили чаем несколько сухарей. Чаю они захватили с собой по две полных мерки на каждого. Лошадям выдали скупые порции воды из кожаного мешка, привязали их на ночь к дереву, вокруг которого они могли щипать траву. Утром следующего дня, едва они вскочили в седла, как боцман Новицкий весело вскричал:

— Провалиться мне на этом месте, если перед нами не шагают уважаемые эму. Ты только посмотри!

— Эму, честное слово, эму! — обрадовался Томек.— Вижу две пары!

— Умнее всего было бы погнать их на юг в сторону нашего ущелья-ловушки,— сказал боцман.

— Они на нас совершенно не обращают внимания,— заявил Томек, наблюдая за страусами.

— Давай попытаемся их окружить,— предложил боцман.— Никогда нельзя знать наперед, что сделает такая идиотская птица.

Они пришпорили лошадей.

— Я слышал, что при опасности страусы прячут голову в песок. Может быть, и эти так сделают. А как тогда забросить им на шею петлю? — обеспокоенно спрашивал Томек.

— Ты, брат, забыл, что тут нет песка,— утешил его боцман.

— Это правда, но ведь они могут спрятать голову в траве, что то же самое.

Некоторое время они скакали галопом. Огромные птицы, высотой около двух метров, вытягивали длинные шеи и, выставив маленькие, с перьями на макушке головы, следили за приближающимися верховыми. Наши охотники приготовили лассо. Однако едва лишь они приблизились к страусам на расстояние нескольких десятков метров, как птицы быстро помчались на север.

— Жаль, что мы не взяли с собой соли! — воскликнул боцман.

— А зачем нам соль? — спросил Томек, склонившись к шее пони.

— А мы могли бы посыпать хвосты этим эму! — расхохотался моряк.

— Смотри, как улепетывают!

Страусы, вытянув шеи, быстро мчались на север. Расстояние между ними и охотниками постепенно увеличивалось.

— Давай проедем за ними немного, может быть, они устанут,— предложил Томек.— Ведь недаром Кларк говорил, что эму бегут быстро только в начале погони.

— Да, да, а потом бегут неловко и тяжело, как утки. Хватит хорошего коня и нагайки,— иронически

посмеивался боцман.— Мы их на этих клячах не догоним!

— У нас ведь еще много времени, надо попытаться, может быть, нам удастся их догнать,— убеждал его Томек.

Они еще около двух часов гнались за эму, которые, оглядываясь время от времени, мчались на север.

— Пожалуй, надо вернуться,— разочарованно сказал Томек.— Я устал, становится слишком жарко.

— Жарко, как в бане,— признал боцман,— но и у птичек, пожалуй, вспотели перышки. Видишь? Один из них начал отставать.

— Наконец-то, наконец! — обрадовался Томек.— Это, вероятно, самец. Бентли мне говорил, что самцы у эму слабее. Едем быстрее!

Он пришпорил пони, но лошадка только нетерпеливо встряхнула гривой.

Боцман арканом вынудил свою лошадь ускорить бег. Пони пошел следом. Им снова удалось приблизиться к эму. Птицы, увидев, что преследователи опять очутились близко, панически побежали вперед.

— Вот глупые птицы! Они предпочитают гоняться по степи, пока Кларк не убьет их нагайкой, чем попасть в руки порядочных варшавян,— возмутился боцман.— Однако, если мы на лошадях так устали, то и им, по-видимому, не лучше.

Эму пытались повернуть на восток. Боцман с Томеком легко преградили им дорогу, и эму снова побежали на север.

— Ну и жара! — запыхался Томек.

— Действительно, делается все жарче! — добавил боцман.

— Гм, это неудивительно. Ведь мы приближаемся к экватору.

— Что-то ты путаешь, братец! — нетерпеливо бросил боцман.— Горячий ветер несется на нас с запада.

— Это значит, что он дует с континента.

— Теперь ты попал в самую точку,— похвалил моряк.— Жар пышет, как из раскаленной печи. Даже лошадям это не нравится. Они еле-еле плетутся.

— Эму остановились! — закричал Томек.— Теперь мы их точно поймаем.

— Что-то мне не нравится,— озабоченно сказал боцман.— Смотри-ка, браток, в воздухе появилось марево от жары!

— Да, что-то странное происходит. Попытаемся, однако, подойти к эму. Ведь они, пожалуй, уже не могут бежать долго.

Охотники погнали лошадей, которые побежали быстрее, но в этот момент горячий ветер усилился. На западной стороне горизонта показалось красное облако. Расстояние между охотниками и страусами уменьшилось до нескольких десятков метров.

— Мы их сейчас поймаем! — обрадовался Томек.

Но эму, словно набравшись новых сил, внезапно бросился по направлению к близким уже холмам. Через несколько минут они далеко оторвались от удивленных охотников.

— Оставили нас в дураках,— с гневом сказал боцман.— Мы их никогда не поймаем. Ты знаешь, что это все значит? Эти будто бы глупые птицы бегут от приближающейся песчаной бури.

Боцман не ошибался. С запада к ним несся густой туман. Он теперь с трех сторон быстро приближался к охотникам. Это из глубины континента горячий ветер нес тучу мельчайшей красноватой пыли. Как только песчаная буря захватила двух незадачливых охотников, они сразу почувствовали ужас своего положения. Мелкая пыль слепила лошадей, засыпала ездокам глаза, забивалась в нос, уши, через одежду проникала до тела. Кони начали от ужаса и усилий храпеть. Красноватые тучи пыли затянули все небо. На степь упал мрак. Вдруг стало нечем дышать. Резкий порыв горячего вихря ударил по охотникам и лошадям.

— Бегим за эму, если хочешь выйти отсюда живым! — крикнул боцман и, прильнув к гриве коня, крепко ударил его арканом.

Но это было излишне. Лошади, как бы поняв весь ужас положения, вихрем бросились к холмам, среди которых исчезли быстроногие эму.

Тревога охватила боцмана. На море он чувствовал себя как дома. Знал, что надо делать во время шторма, умел бороться с циклонами и тайфунами, но совершенно не знал, как спасти себя и мальчика от

страшной опасности, которую несла с собой пыль, гонимая ветром из глубины Центральной Австралии.

Тем временем лошади с величайшим трудом приближались к холмам. Горячая пыль крутилась в воздухе, вынуждала людей и животных закрывать глаза, лошади ежеминутно спотыкались на твердой, потрескавшейся от жары земле. Но через некоторое время они стали бежать ровнее и быстрее. Боцман открыл глаза. К своему удовольствию, он установил, что они очутились в небольшом ущелье, несколько защитившем их от вездесущей пыли, которую нес ветер. Боцман стал утешать приятеля:

— Ну, братишка, не унывай! Пожалуй, остановимся здесь под скалой и переждем бурю. Плохо, что нет с нами отца или хотя бы Бентли. Они, по крайней мере, знали бы, что делать в таком положении.

— А Смуга? — спросил Томек дрожащим голосом, вытирая руками покрасневшие глаза.

— Что ты хочешь от Смуги? — нетерпеливо спросил боцман.

— Я только хотел спросить, знал бы Смуга, что теперь надо делать.

— Ах, он, конечно, сразу бы разнюхал, где собака зарыта, — ответил боцман уныло.

— А вы не знали?

— Что ж, браток, о чем говорить! Ей-богу, не знал! Лучше всего мы сделаем, если переждем бурю в этом ущелье.

— Конечно, мы должны переждать эту бурю здесь, — согласился Томек. — Мне приходилось читать, что песчаные бури в Сахаре иногда засыпают целые караваны. Лучше всего найти какую-нибудь пещеру. Я весь обсыпан пылью. Притом, здесь очень жарко и душно. Я думаю, что Стёрт здесь погиб бы от жары и жажды.

Боцман перестал вытирать глаза платком и с тревогой спросил:

— Что это еще за Стёрт?

— Один из австралийских первооткрывателей. Мне о нем рассказывал Бентли. Стёрт даже причесаться не мог, потому что роговые гребни полопались от жары. К счастью, у меня металлический гребешок!

— А что случилось с этим путешественником?

— Ему грозила потеря зрения, и он потом умер от истощения,— пояснил Томек, довольный, что может похвастаться познаниями.

— Тьфу, черт возьми! Хорошее утешение!

— Жалко, что уже нет в живых нашего знаменитого путешественника,— продолжал мальчик.— Он-то, конечно, сумел бы довести нас до лагеря.

— Кого это ты опять выдумал?

— Я говорю о Павле Стшелецком.

— Перестань вспоминать всех этих мертвецов,— сердито сказал суеверный моряк.— Этим ты можешь навлечь на нас несчастье.

— Не бойся, ничего с нами не случится!

— Ты в этом уверен?

— А вы разве забыли о прорицателе из Порт-Саида? Он мне ничего не говорил о песчаной буре, значит, с нами ничего не случится. Мне интересно только, о чем он думал, когда говорил, что я найду то, что другие будут безуспешно искать?

— Это предсказание немного оправдалось,— сказал с улыбкой боцман.— Он тебе предсказывал одного друга, а у тебя теперь целых три.

— Верно! Вижу, что вы помните предсказание. Кроме того, прорицатель говорил, что мой друг никогда не сможет выговорить ни одного слова. Если вы после этой песчаной бури потеряете голос, предсказание исполнится до конца.

— Не всякий сон в руку, брат ты мой. Я помню только хорошие предсказания, а в плохие не верю,— ответил боцман, стараясь казаться бодрым, хотя не был в восторге от слов своего товарища.

Беседуя так, они рассматривали узкое ущелье, пытаясь найти лучшее убежище. Наконец они увидели глубокую нишу в отвесной стене.

— Мы здесь бросим якорь и переждем песчаную бурю,— сказал боцман, останавливая усталую лошадь.

Охотники быстро сняли седла с лошадей и арканами привязали их к росшим вблизи кустам. Потом, раздевшись почти донага, уселись на горячую землю, прильнули к скале, довольно хорошо защищавшей их от горячего вихря и надоедливой грызущей пыли. Страшная жа-

ра и усталость после погони за эму сморили Томека, и он вскоре уснул, положив голову на седло. Теперь, по крайней мере, боцману не надо было скрывать свою тревогу. Он тщательно вытер платочком наболевшие глаза и сорочкой укутал свой карабин и штуцер Томека, чтобы предохранить оружие от красной пыли. Сделав это, боцман улегся на горячую землю. Стал раздумывать над выходом из неприятного положения, в каком он очутился вместе с мальчиком, порученным его опеке.

Время шло. Тучи красноватой пыли, гонимые горячим ветром, покрыли всю степь серым туманом. День клонился к вечеру и постепенно стемнело. Звезды были еле видны сквозь туман и казались маленькими, тлеющими огоньками.

Наступившее утро не принесло перемен. Боцман разделил остатки воды между лошадьми. На некоторое время они успокоились, легли на землю под отвесной стеной ущелья, спрятав головы от надоедливой пыли. Охотников тоже мучила жажда. Манерки Томека были давно уже пусты, а у боцмана осталось не больше стакана чаю с ромом. Время от времени он предлагал мальчику выпить несколько капель, но сам не заглядывал в манерку уже много часов.

Томек оказался хорошим товарищем по несчастью. Сам делил остатки еды, не жаловался на голод и жажду и не соглашался, чтобы опекун отдавал ему свой микроскопический паек.

— Мы — друзья, и я ни за что не соглашусь, чтобы вы страдали от голода и жажды из-за меня, — серьезно говорил Томек. — Ведь я могу есть меньше вас, потому что я намного моложе.

Опять наступила жаркая, изнурительная ночь. Друзья долго не могли уснуть. Лошади, мучившиеся от жажды, были очень беспокойны. Охотники лежали, думая о том, какую тревогу должна вызвать их неудачная поездка. Они были убеждены, что песчаная буря вынудила и Вильмовского прервать охоту. Теперь их друзья, по всей вероятности, знают об отсутствии Томека и Новицкого на ферме. Нет никакого сомнения, что они немедленно начали поиски. Наши охотники, удрученные печальными думами, в конце концов погрузились в тревожную дремоту.

Ржание лошадей и топот копыт внезапно прервали их сон. В ту же минуту они услышали протяжный вой. Охотники моментально вскочили на ноги.

— Динго! Проклятые динго! — крикнул боцман, хватая винтовку.

Но прежде чем они успели освободить оружие, за-вернутое в тряпки, в ущелье разыгралась короткая, но страшная борьба. Лошади, испуганные нападением голодных динго, вырвали из земли кусты, к которым были привязаны арканами. Когда боцман и Томек подбежали к месту, где были привязаны лошади, они увидели, что те панически понеслись в степь. Вдруг сильная молния разорвала черный свод неба. В ее свете боцман увидел длинную тень, несущуюся за лошадьми. Быстро вскинул винтовку и выстрелил. Злобный вой динго несколько раз повторило эхо, отражаясь от каменных стен.

— Попал! Попал! — крикнул Томек.

Они побежали по направлению, откуда слышен был вой динго. Боцман одним выстрелом добил раненое животное. Они пошли на поиски лошадей. После получасовой тяжелой ходьбы очутились в конце ущелья, где начиналась голая степь. Жгучий ветер с удвоенной силой бросил им в лицо тучу острого песка. Лошадей они не видели нигде, даже при свете молний.

— Возвращаемся в ущелье, — хрипло сказал боцман. — Нам здесь нечего делать. Коней и так не найдем, а эти молнии ничего хорошего не предвещают.

В молчании возвращались боцман и Томек в ущелье. Потеря лошадей удручала боцмана. До лагеря было не меньше двух дней хорошей езды верхом. Как же вернуться туда без лошадей, пищи и воды? Что будет с мальчиком? Ведь последние приключения уже лишили его сил. Оба они не выдержат без воды, даже если песчаная буря вскоре утихнет. Боцман был очень удручен и не знал, чем утешить своего молодого товарища.

Но Томек не требовал утешений. В то время как боцман раздумывал над тем, чем бы ободрить Томека, Томек решил ободрить своего опекуна. Поэтому он первый прервал молчание и сказал:

— У меня превосходная идея. Вместо того чтобы печалиться о потере лошадей, давайте будем играть в Стшелецкого.

— Что с тобой, браток? — встревожился боцман, так как подумал, что у мальчика начался бред от жары.

— Со мной ничего, — ответил Томек. — Я думаю, что если мы чем-нибудь займемся, то перестанем думать о нашем положении.

— Как же об этом не думать! — вздохнул боцман.

— Можно, можно, только надо очень захотеть, — твердо сказал Томек. — Будем играть в Стшелецкого!

— Что ж это за игра такая? — спросил боцман, чтобы в этот тяжелый момент не лишать мальчика удовольствия.

— Я буду Стшелецким, а вы дедушкой Бентли. Мы теперь находимся в непроходимом скрэбе, как это рассказывал Бентли. Мы застрелили лошадей, чтобы они не мучились от жажды.

— Порядок, мой Стшелецкий. Клячи уже зарезаны и что дальше?

— Переждем бурю и пойдем на юг в Порт-Филлип. Наш лагерь будет называться тоже Порт-Филлип.

— А мы туда дойдем без пищи и воды? — печально спросил боцман.

— Это очень хорошо, что у нас нет воды. Нас должны мучить и голод и жажда. В противном случае игра ничего не стоит. Я теперь выброшу последнюю небольшую консервную банку, чтобы нас не мучило искушение. Раз голод, так голод!

— Легче на поворотах, браток! — поспешно возразил боцман. — Играть играем, но без выбрасывания банок!

— Ну что ж, в конце концов, ничего. Пусть банка останется, теперь мы пойдем спать. Может быть, скорее пройдет время до конца песчаной бури, — предложил Томек.

— Идет! Кто спит, тот не думает и восстанавливает силы, — похвалил Томека боцман, обрадованный хорошим самочувствием мальчика.

Они легли, положив головы на седла. Закрыли усталые глаза. Моряк был рад, что его молодой друг

не отдает себе отчета в положении, а Томек тем временем, пряча лицо, молча глотал слезы. Он боялся ужасной смерти от голода и жажды, печально вспоминал об отце, который уже, наверно, бросился на поиски, несмотря на разгулявшуюся песчаную бурю.

«Как только утихнет горячий ветер, мы пойдем пешком в лагерь,— решил он про себя.— Ах, если бы тут были отец или Смуга!»

Наконец усталость взяла верх над печальными думами. Сон смежил ему веки, но и во сне его мучила тревога. Ему приснилась страшнейшая буря на море. Ослепительные молнии разрывали небо, гремел гром... «Аллигатор» ежеминутно заливали огромные волны. Томек стоял на верхней площадке. Он давал приказания перепуганному экипажу. Как вдруг огромная волна накрыла палубу и судно скрылось в морской глубине. Он хотел кричать, но вода залила ему рот...

Он проснулся, почувствовал, что его тянут за руку. Ночные видения сразу же пропали. Но шум волн не прекратился. Даже седло, служившее ему подушкой, было мокрым, а по лицу Томека текла вода.

«Боже мой, я с ума сошел от жажды!» — испуганно подумал Томек.

В это время он услышал громкие слова боцмана:

— Вставай, браток! Это проклятая страна! Только что у нас языки высыхали от жажды, а теперь мы готовы утонуть. Мы находимся в русле какой-то высохшей реки. Улепетываем отсюда, а то потонем, как крысы!

Томек проснулся окончательно. Значит, вода шумела наяву! У них теперь целая река воды. Но времени на лишние слова не было, боцман подал ему штуцер и свою винтовку.

— Бери хлопушки! Я возьму седла! — крикнул он.— Давай отсюда скорее! Слышишь, как вода гремит по ущелью?

Томек схватил одежду. Сразу же двинулся за боцманом, несшим на плечах седла. Под их ногами хлюпала вода. Дождевые капли приятно охлаждали разгоряченные тела. Но опасность росла с минуты на ми-

нугу, потому что уровень воды поднимался с удивительной быстротой.

— Ах что б тебя!..— выругался боцман, стараясь перекрычать шум воды.— Мы не успеем выйти из ущелья!

— Попытаемся взобраться на вершину холма,— посоветовал Томек.

Стены ущелья были очень круты, а темнота не давала возможности найти удобное место. Тем временем вода уже достала Томеку по пояс. В конце концов боцману все же удалось найти пологий подъем. Он сначала помог Томеку взобраться на высокое место, а потом подумал о себе. Бросил седла на землю. Уселся рядом с Томеком и спросил:

— Ну, и что же, господин Стшелецкий? Мы готовы были рассохнуться без воды, как старые бочки, а теперь чуть-чуть не утонули в реке.

— Это верно, в Австралии даже играть трудно без препятствий. Здесь все происходит наоборот. Говорят, что здесь недостаточно воды? — пробормотал Томек.— Удивительная страна... На всякий случай не называйте лучше меня именем покойного путешественника.

Суеверный боцман немедленно умолк. Их отчаянное положение усугубляли молнии, разрывавшие черные тучи. По степи перекатывался глухой грохот грома. Дождь лил без остановки, как из ведра. Горячий северо-западный ветер вел отчаянную борьбу с бурей, идущей с юга.

Незадачливые охотники сначала обрадовались дождю. Он облегчал жару и давал возможность вволю напиться. Вскоре, однако, сильный ветер, несущий потоки воды, стал невыносимым. Надо было поискать укрытия.

Они ощупью двинулись вперед. Скользили по размокшей земле, падали и наконец присели за большим камнем, который хоть немного закрыл их от прямых ударов ветра. Буря с молнией и громом продолжалась до утра. Перед самым восходом солнца воцарилась недолгая тишина. Томек и боцман с облегчением и радостью встретили огромное жаркое солнце, вставшее над линией горизонта.

УХОДИТЕ ОТСЮДА НЕМЕДЛЕННО

На смену ночи, полной событий, пришел жаркий, солнечный день. Изнуренные охотники держали генеральный совет. Они решили оставить поиски убежавших лошадей. Ведь нельзя знать, что с ними произошло. Может быть, в степи их сожрали хищные динго, а может быть, лошади сами вернулись в лагерь.

В последнем случае можно было ожидать помощи со стороны друзей, которые, вероятно, сразу же бросятся на поиски пропавших товарищей.

— И так и сяк рассчитывать мы можем только на себя,— говорил боцман.— Лучше всего давай съедем сейчас последнюю банку консервов, а потом перед выходом в путь вздремнем немного, чтобы набраться сил для дальнейшего похода.

— Думаю, что надо последовать вашему совету,— согласился Томек.

— Разложим одежду на солнце, чтобы она высохла, пока мы будем спать. Я ужасно устал...

Они легли в тени, отбрасываемой большой скалой. Проснулись еще до полудня. Несмотря на то что солнце жгло немилосердно, они решили идти. Боцман связал оба седла арканом и взял их на плечи, Томек нес оружие. Не смущаясь тяжестью груза, они быстро вышли из ущелья в открытую степь. Не колеблясь ни минуты, пошли вдоль цепи холмов на юг.

Несколько часов наши путники шли без всякого отдыха. В пути они не встретили ни одного следа своих лошадей или следов каких-либо диких животных. Насколько хватал глаз впереди лежала пожелтевшая степь, а на безоблачном небе солнце совершало свой путь на запад. Томек и боцман, голодные, чувствовали большую усталость. Они с трудом волочили ноги, спотыкались или проваливались в кротовые норы, так, что наконец боцман не выдержал, бросил седла на землю и, усевшись на них, просипел:

— Надо отдохнуть! С меня седьмой пот сходит от этой жары.

— Наши, пожалуй, еще не начали нас искать,—

озабоченно сказал Томек, садясь рядом с боцманом.— Я порезал ноги об острую траву, а здесь ничего — только степь и степь.

— У меня живот подвело от голода, потому и сил не хватает,— ответил боцман.— Кроме того, милое солнышко снова слишком горячо пригревает.

— А далеко еще нам идти?

— По моему расчету, мы находимся на расстоянии полутора дней марша от лагеря. Но натошак мы так скоро не дойдем.

— Где теперь могут быть наши лошади?

— А кто их знает! Ливень смыл всякие следы. Никакие жалобы нам не помогут. До заката солнца отдохнем, а ночью тронемся в дальнейший путь. Южный Крест будет нам путеводной звездой.

— Как хорошо, что вы знаете астрономию,— обрадовался Томек.— По крайней мере, мы не заблудимся. Я сам ни за что не нашел бы дорогу в лагерь.

Боцман стал объяснять ему правила нахождения направления ночью по звездам, а по солнцу — днем. Только лишь перед самым закатом солнца они тронулись в путь. Добрый боцман с тяжелым вздохом снова взял седла на плечи. Он тревожно наблюдал за признаками усталости на лице мальчика. До лагеря было еще далеко. Сумеют ли они пройти этот путь прежде, чем Томек полностью лишится сил?

Они продолжали идти на юг вдоль цепи каменных холмов. Время от времени боцман взбирался на возвышенное место в надежде увидеть отблески костра, пылающего на какой-либо стоянке туземцев. Однако все было напрасно. Темную ночь освещали только звезды, блескующие на небе. Два раза они слышали вблизи вой динго, но теперь боцман и Томек слушали его с чувством облегчения. Сознание того, что в этой пустыне, кроме них, есть еще живые существа, придавало им бодрости.

— Если здесь динго не дохнут с голоду, то и мы найдем еду,— говорил боцман.

— Надо только взобраться днем на высокий холм и хорошенько осмотреться вокруг. Может, нам удастся подстрелить кенгуру? Хоть и волокнистое это жаркое, но все же лучше, чем ничего.

— Жаркое из кенгуру очень хорошо, потому что... его нельзя сразу съесть, — добавил Томек.

Беседуя так, они шли всю ночь. Утром боцман убедился, что Томек уже совсем выбился из сил. Необходимо было немедленно добыть пищу. Боцман стал искать удобную точку для наблюдения. Вскоре он заметил вершину высокого холма. Они сразу же направились туда. Как только они очутились на вершине, Томек радостно закричал:

— Мы спасены! Там туземная деревня!

— Ну что ж, как-то мы добрались до порта, — обрадовался боцман. — Здесь мы, наверное, найдем пищу и отдохнем. Поставим паруса и айда полным ходом.

Надежда утолить голод прибавила им сил. Бодрым шагом они шли к небольшой котловине, в которой стояло несколько шалашей. Внутри круга из нескольких десятков хижин горел костер. Они были уже вблизи лагеря, как вдруг Томек остановился, говоря:

— Мы чуть-чуть не совершили глупость.

— Это почему же? — удивился боцман.

— Сейчас все объясню. Нам нельзя сразу войти в деревню австралийцев, если мы не хотим их обидеть.

— Что же нам делать? — спросил боцман, глядя на Томека.

— Вы бы знали об этом, если бы были с нами, когда мы посетили племя «людей-кенгуру». Бентли тогда нам рассказал об обычаях туземцев. Нам надо остановиться перед деревней и ждать приглашения.

— Слушай, браток, ты в этом уверен?

— Да, да! Я все хорошо помню.

— Бентли тоже так делал? — продолжал спрашивать боцман, потому что знал веселый характер Томека и подозревал, что он хочет разыграть его.

— Конечно! Он тогда сказал, что нельзя нарушать обычаи туземцев, если мы хотим дружить с ними.

Это убедило боцмана. Он вспомнил, что Томек сумел войти в доверие к туземцам, которые сначала отказались от участия в охоте на кенгуру. Чувствуя, что ему не хватает дипломатических способностей, он решил поручить это дело мальчику.

— Говори с ними, брат, сам, а я буду смотреть, чтобы они нам чего-нибудь не подстроили,— решил он.

— Хорошо, но что им сказать?

— Скажи, что у нас сбежали лошади. Попроси продуктов и скажи, что мы хотим отдохнуть у них в деревне.

— Мы сядем здесь и подождем, пока кто-нибудь к нам подойдет,— предложил Томек, усаживаясь на землю недалеко от деревни.

Прошло несколько минут. Боцман Новицкий небрежно положил винтовку на колени. Искося он поглядывал на шалаши туземцев. Он сразу же убедился, что множество глаз рассматривает их. Вскоре из деревни вышла женщина, неся горящую ветку. Она бросила ее рядом с охотниками и вернулась обратно.

— Что это значит, браток? — спросил боцман.

— Не знаю, Бентли ничего не говорил о горящих ветках.

— Гм! Может быть, это значит приглашение развести костер? — задумался моряк.— Давай попытаемся! Возьми эту австралийскую спичку, а я наберу немного хвороста.

Боцман, не выпуская из рук винтовки, наломал немного веток. Вскоре они сидели у горящего костра. Теперь женщина принесла им жестяное ведро с водой, которое поставила на половине пути между деревней и охотниками. Томек немедленно принес ведро. Боцман поставил ведро рядом с собой, говоря:

— Ага, огонь и вода уже есть. Интересно, чем они нас угостят.

Женщина опять вышла из круга шалашей. На этот раз она подала путешественникам два круглых предмета на большом листе. Это были большие яйца, почти круглые с обеих сторон, с шероховатой, зернистого строения, желтовато-белой скорлупой.

— Ставлю бутылку рома, если это не яйца страуса эму,— догадался боцман.— Бентли говорил, что они годятся в еду. Пожалуй, сварим их вкрутую!

— Да, можно их сварить в ведре,— ответил Томек.

Часть воды боцман отлил в манерки, потом положил яйца в ведро, которое поставил на камень

посреди костра. Тем временем женщина опять принесла два листа, а на них, как на тарелках, лежали полоски вяленого мяса кенгуру и съедобные корни растений.

Друзья по-братски разделили между собой одно яйцо эму, съели немного твердого вяленого мяса, а на десерт стали жевать коренья. Когда они наелись, к ним подошел пожилой австралиец. Томек пытался начать разговор, но понять туземца было чрезвычайно трудно. Он знал очень мало английских слов, поэтому беседа, дополняемая жестами, длилась долго, пока в глазах туземца появились признаки того, что он понял Томека. Он с любопытством посмотрел фотографию убитого тигра и Томека, сидящего на слоне, внимательно выслушал рассказ о бегстве лошадей во время бури. В заключение Томек попросил обеспечить их питанием и разрешить отдохнуть в деревне.

Туземец отошел к кучке мужчин, вооруженных копьями, бумерангами и толстыми палицами. Резким голосом он повторил им слова Томека, после чего среди туземцев воцарилась глубокая тишина. Спустя некоторое время старик вернулся к охотникам. Остановился рядом с ними и сказал:

— Белые люди — плохие люди. Даже лошади предпочли уйти к динго, чем оставаться с ними. Мы тоже не хотим вас видеть здесь. Идите отсюда немедленно.

Сказав это, старик сразу же ушел в деревню.

— И что же теперь делать? — грустно сказал Томек. — Он, конечно, меня не понял.

— Понял, не понял, один черт, — ответил боцман. — Мы им не понравились, и они не хотят нас знать.

— Мне не надо было говорить о бегстве лошадей — жалобным тоном сказал Томек. — Ведь если бы не динго, лошади бы не ушли от нас. По-видимому, я плохо вел переговоры.

— Не унывай, браток! И так ничем не поможешь. Они просто не любят белых людей.

— Что же теперь делать?

Боцман украдкой бросил взгляд на деревню австралийцев. Несколько мужчин с оружием в руках вы-

жидательно смотрели на них. Зловещее молчание не сулило ничего хорошего.

— Что делать? — повторил боцман. — Берем барахло и двигаемся в дальнейший путь. Незванный гость хуже татарина. Ты только посмотри, как они к нам присматриваются. Но это неплохие люди. Накормили нас и только после этого выгнали. Бери в сумку остатки завтрака, я погашу огонь. Чем скорее мы отсюда уйдем, тем будет лучше!

Не выпуская из рук винтовки, боцман тщательно затоптал костер, после чего стал копаться в своих карманах. В конце концов добыл оттуда перочинный нож. Держа его перед собой, он несколько раз открывал и закрывал лезвия. Он делал это медленно, чтобы туземцы хорошо присмотрелись к его движениям.

— Что вы делаете? — спросил Томек, удивленный его поведением.

— Надо им что-нибудь оставить на память, — пояснил боцман. — Пусть, по крайней мере, знают, как с этим обходиться.

Боцман завернул ножик в лист и положил в стоящее на земле ведро. Не мешкая больше, он водрузил седла на плечи, и они ушли. Вскоре они снова очутились в степи.

После сытного завтрака путешествие показалось намного легче. От ночного дождя земля стала мягче, сожженная солнцем трава стала зеленеть. Боцман Новицкий приостановился. Он внимательно смотрел на пройденный путь. Ему показалось, что на некотором расстоянии за ними следует несколько черных фигур. Он ускориł шаги и с беспокойством стал думать о приближающейся ночи.

После полудня они сделали привал на небольшом холме, откуда удобнее было наблюдать за окружающей территорией. Боцман обладал прекрасным зрением. Скоро он увидел среди высокой травы несколько притаившихся людей. Не желая тревожить мальчика, боцман до сих пор ничего не говорил о том, что за ними следят туземцы. Теперь он решил, что необходимо подготовить Томека к возможной опасности.

— Послушай-ка, браток, черт его знает, что это та-

кое, но мне кажется, что несколько туземцев следит за нами,— сказал он.

— Вы в этом уверены? — встревожился Томек.

— Я их вижу так же, как тебя. Я нарочно остановился на этом холмике, чтобы высмотреть их в степи.

— Что мы сделаем, если они нападут на нас?

— Днем нам ничего не грозит. У нас ружья, и мы себя не дадим в обиду. Хуже будет ночью. Надо нам покумекать, что сделать.

Томек почувствовал, как мурашки пробежали по спине. Он вспомнил рассказы Бентли о нападениях туземцев на экспедицию Стёрта и работников телеграфа. Он сразу же сказал об этом боцману.

— Это бабы сказки, браток,— ответил моряк, слясь сохранить спокойствие.— Мы им ничего плохого не сделали, и у них не может быть к нам претензий.

— Почему же их присутствие тревожит вас? — спросил Томек.

Чтобы выиграть время, боцман закурил трубку. Он совсем не был уверен в том, что туземцы на них не нападут. Он боялся этого из-за Томека. Мальчик смотрел на него тревожно.

— Гм, братец ты мой! Лучше всегда предполагать худшее,— наконец пробурчал он.

— Я тоже так считаю, но не могу понять, чего вы хотите? Сначала вы сказали, что туземцы следят за нами и надо подумать, что нам делать ночью, потом опять утверждаете, что они на нас не нападут.

— Видишь, браток, я не знаю, чего они от нас хотят. Неужели они следят за нами только из любопытства?

— Мне пришла в голову замечательная идея! — оживленно воскликнул Томек.

— Что за идея?

— Надо выстрелить в воздух, чтобы напугать их.

— Хороший совет лучше сотни монет,— похвалил Томека боцман.

Недолго думая, он вскинул винтовку и выстрелил. Черные фигуры молниеносно спрятались в траве.

— Давайте еще выстрелим вместе,— предложил Томек.

Звук их выстрелов разнесся по широкой степи, как

вдруг вдали, словно эхо, слышались ответные выстрелы.

— Вы слышали, боцман? Может быть, это наши стреляют? Бежим в том направлении! — воскликнул Томек.

— Подожди, браток, сейчас мы убедимся в этом, — быстро ответил боцман. — Дадим еще один залп!

Вдалеке снова слышались звуки выстрелов.

— Это наши! Это наши! — кричал обрадованный Томек.

— Спасательный круг за бортом! Грудь вперед, голове вверх! И в путь! Идем им навстречу!

— Изредка мы будем стрелять, чтобы показать нашим правильное направление! — добавил Томек.

Они забыли об усталости. Бодрым шагом шли на юг. Время от времени они стреляли и слушали, как в ответ все ближе и ближе раздавались выстрелы их друзей. Вскоре они увидели верховых, едущих галопом. Один из них значительно опередил всю группу и летел как ветер.

— Что это за великолепный всадник несется к нам? — удивленно спросил Томек.

— А кто же другой, если это не твой отец или Смуга? — ответил боцман.

Это был Смуга. Он на месте осадил покрытого пеной коня, соскочил на землю и крикнул:

— Куда это вас занесло?

Боцман сбросил седла с плеч, уселся на них и, не говоря ни слова, стал набивать табаком трубку. Томек, видя его смущение, ответил:

— Я и боцман хотели устроить маленькую охоту на эму.

— Ах, теперь я все понимаю, — начал весело Смуга. — С этой целью вы, очевидно, применили древнюю охотничью хитрость североамериканских индейцев.

— О какой хитрости вы говорите? — неуверенно спросил Томек.

— Чтобы незаметно подойти к бизонам, индейцы надевают на себя шкуры животных. А вы, как я вижу, решили охотиться на эму, притворяясь лошадьми. По-видимому, поэтому боцман Новицкий оседлал себя! Ну и как удалась охота?

— Буря помешала нам поймать четырех эму,— печально ответил Томек.— Жаль, что мы ничего не знали об этой индейской хитрости! Боцман нес седла, потому что динго разогнали наших коней. Боцман убил одного из них.

— Кого убил, коня? — удивился Смуга.

— Не коня, а динго, который бежал за лошадьми,— пояснил Томек.— Потом пошел ужасный дождь, и мы чуть не утонули в ущелье.

В это время подъехали остальные товарищи Смуги. Это были матросы с «Аллигатора». Они радостно приветствовали Томека и боцмана. Когда они спешили, Смуга спросил у мальчика:

— Что же было дальше?

— Мы шли по степи очень голодные и измученные. По дороге встретили деревню туземцев. Они дали нам поесть, но не пустили отдохнуть. Потом их воины следили за нами. Мы боялись их и стали стрелять в воздух. Тогда услышали ваши выстрелы.

— Отличились вы, ничего не скажешь,— упрекнул их Смуга.— Посмотрите-ка на себя в зеркало! Ваши лица настолько удивили туземцев, что они шли за вами, по-видимому, из любопытства.

Незадачливые охотники взглянули друг на друга и покатались со смеху. Они были измазаны грязью, а на лице боцмана, кроме того, топорщилась трехдневная щетина.

— А где Вильмовский? — не очень уверенно спросил боцман.

— Вильмовский и Бентли ищут вас на востоке,— успокоил его Смуга и сейчас же приказал одному из матросов выстрелить несколькими дымовыми ракетами. Вскоре вдаль они увидели ответную полосу дыма.

— Они заметили наш сигнал! — заявил Смуга.— Можем возвращаться домой. Наши товарищи приедут туда вслед за нами.

Боцман и Томек уселись на запасных лошадей. Все немедленно тронулись в путь.

— Откуда вы знали, что мы лишились лошадей? — спросил Томек, подъезжая к Смуге.

— Сегодня ночью ваши лошади вернулись в ла-

герь. Мы сразу же узнали твоего пони. Мы послали гонца к Ват-Сунгу с вопросом, почему пони бродит по степи. Только тогда мы узнали, что вы четыре дня тому назад выехали на охоту. Ват-Сунг не беспокоился о вас, потому что был уверен, что вы присоединились к нам. Мы опасались, не случилось ли с вами несчастье во время песчаной бури, которая вынудила нас приостановить охоту. Мы разделились на две группы и начали поиски.

— Скажите, папа сильно сердится на меня? — тревожно спросил Томек.

— Нет, ведь мы знали, что ты находишься под опекой боцмана Новицкого. Мы только боялись, не случилось ли с вами несчастье. Песчаные бури в Австралии приносят множество бед и часто бывают причиной несчастных случаев. Горячий ветер, несший из глубины континента тучи песка, встретился с воздушным течением, которое шло с юга. Это вызвало бурю и сильный ливень.

— Благодаря этому мы могли прополоскать горло, в котором было сухо, как в печи,— вмешался боцман.— Да, да, никто меня не убедит в том, что в Австралии нет развлечений и разного рода сюрпризов.

— Счастье сопутствовало вам,— добавил Смуга.— Песчаные бури часто продолжаются несколько дней и довольно редко кончаются благополучно, как эта.

XVI

ОХОТА В ОКРЕСТНОСТЯХ ФЕРМЫ АЛЛАНА

Лошади бодро бежали по степи. Наши незадачливые охотники на эму, сидя в седлах, с аппетитом уплетали продукты, захваченные их товарищами из лагеря. Утолив первый голод, почувствовали себя лучше. Из слов Смуги они заключили, что Вильмовский не сердится на них за самовольную отлучку. Они весело подтрунивали друг над другом, вспоминая тревогу, которую чувствовали, когда заметили следящих за ними туземцев.

— Вы, боцман, уже еле-еле тащили ноги, но, увидев туземцев, стали маршировать с такой быстротой, что я не мог за вами угнаться,— подшучивал Томек над моряком.

— А ты что думаешь! Я и в самом деле опасался, что ты испортишь Кларку дело,— тихо сказал боцман, бросая искоса взгляд на мальчика.

— Что вы говорите? Вы теперь хотите дешево отделаться,— возмутился Томек, не подозревая подвоха.

— Провалиться мне на этом месте! Я вспомнил историю пяти кроликов, завезенных в Австралию первыми поселенцами.

— Что общего имеет наше приключение с кроликами?

— Много общего! Ведь кролики вопреки желанию поселенцев так расплодились, что стали уничтожать траву, необходимую для овец. Если бы ты, браток, тогда со страху потерял в степи немного «цикории»¹, то опять могло бы произойти подобное несчастье. Ты представляешь, что бы было, если это бы распространилось в степи и погубило всю траву. Овцы бы подыхали с голоду...

— Как вам не стыдно так говорить! — возмутился Томек.— А кого я должен был утешать в ущелье во время бури?

— Ну и ловкач ты, парень, я погляжу! — смеялся боцман.— Да ну, пускай себе! Вертишь языком, как веретеном. Но мы здесь болгаем, а не спросили даже, как нашим товарищам удалась охота на эму.

— Внимание, внимание! Наши друзья берутся теперь за нас! — воскликнул Смуга.— Если вас очень уж интересуют результаты нашей охоты, то успокойтесь, нам тоже сначала не повезло. У нас было слишком мало лошадей, пригодных для преследования эму. Большинство наездников могло участвовать только в облаве. Местные шаманы делали все, чтобы нам помочь. Вы помните их танцы перед охотой на кенгуру, чтобы вымолить содействие духов? Так вот,

---

¹ Непереводимая игра слов: потерять «цикорию» — очень сильно испугаться.

во время охоты на эму самый старый шаман ежедневно перед восходом солнца рисовал на песке фигуру австралийского страуса. Рисунок был освещен первыми лучами солнца только лишь на третий день, что, по его мнению, означало, благоприятное отношение духов к нашей охоте. Как только об этом узнали туземцы, их сразу же обуяла великая радость. Они с таким задором начали охоту, что в тот же день мы поймали одну пару птиц. Гонясь за ними, мы довольно далеко забралась на север. Погрузили пойманных эму на телегу, как вдруг Тони предупредил нас о том, что приближается песчаная буря. Пришлось спешно тронуться в обратный путь, но, несмотря на это, буря застала нас в степи. Мы ехали вдоль цепи каменных холмов, которая несколько защищала нас от ударов горячего ветра. Как вдруг, совершенно неожиданно, из бокового ущелья прямо на нас выбежали четыре страуса. Должно быть, они до этого долго бежали, потому что нам удалось без всякого труда их окружить. Таким образом, наша охота закончилась тем, что мы поймали шесть эму. Теперь они уже в лагере.

— Ставлю бутылку рома, что это были наши страусы, скрывшиеся от преследования среди холмов,— вмешался боцман.

— Что за великолепное стечение обстоятельств,— подтвердил Томек.— Это значит, что мы невольно помогли вашей охоте.

— Как видно, не было бы счастья, да несчастье помогло,— поучительно добавил боцман.

— Возможно, что так и было. По всей вероятности, мы находились вблизи ущелья, в котором вы прятались от песчаной бури,— сказал Смуга.

— Все хорошо, что хорошо кончается,— продолжал боцман.— Давайте подгоним лошадей, а то скоро вечер.

Когда стемнело, лошади замедлили бег. Они шли шагом. От размеренного колыхания в седле Томека стало клонить ко сну. Засыпая временами, он склонялся головой на шею лошади, потом выпрямлялся в седле и опять склонялся, словно бил поклоны восходящей луне.

В лагерь они приехали поздно ночью. Томек, поспав немного в пути, решил не ложиться до возвращения отца. Долго ждать ему не пришлось. Вильмовский и Бентли вернулись в лагерь всего лишь час спустя после приезда наших охотников. Вильмовский был рад счастливому концу опасного приключения Томека. Все охотники уселись вокруг костра, чтобы поужинать. Томек еще раз рассказал о своей неудачной охоте на эму. Слушая остроумные комментарии Смути, охотники весело смеялись, поэтому нет ничего удивительного, что разошлись они уже на рассвете.

Томек проснулся около полудня. Услышав оживленные голоса, он вышел из палатки. Его спутники были заняты погрузкой клеток с эму на телеги. Томек сразу же забыл о всякой усталости. Он подбежал к клеткам, желая хорошенько рассмотреть страусов. Заглянул в одну из клеток. Огромная птица, перебирая ногами, словно танцовщица, взглянула на него большими, выпуклыми глазами.

Вскоре телеги тронулись в путь. Томек утешал себя надеждой, что на судне он еще не раз будет наблюдать за поведением эму. Он с воодушевлением стал помогать при погрузке имущества лагеря.

В тот же день все участники экспедиции вернулись на ферму Кларка. Не теряя времени, они начали подготовку к отправке пойманных животных на корабль. Кенгуру, эму и динго погрузили на телеги и довели до станции в Уилканнии, откуда по железной дороге их направили в Порт-Огаста.

Вернувшись на ферму, Томек с нетерпением стал ожидать отъезда на корабль. Он стремился к новым приключениям. Приказ об отъезде он принял с энтузиазмом. Желая как можно больше узнать о местностях, куда они направлялись, он в пути подъехал к Бентли.

— На каких животных мы будем охотиться теперь? — спросил он.

— Мы постараемся поймать серых кенгуру, которые опаснее пойманных нами гигантских красных кенгуру. Серые кенгуру живут в лесах, по берегам ручьев и рек. Там же, надеюсь, мы найдем медведей коала, сумчатых лисиц, сумчатых ехидн, тигровых

ужей и ящериц молохов, тела которых покрыты кожаными отростками, торчащими на голове подобно рогам. В горах, цепь которых тянется вдоль восточного побережья, мы закончим нашу экспедицию охотой на горных кенгуру, — ответил Бентли.

— Из этого видно, что мы теперь расстанемся со степью, — не без тайного удовлетворения заявил Томек.

— Во всяком случае, полосу степи между Уилканнией и лесами мы проедем на поезде. Таким образом, мы избегнем долговременной мучительной поездки на лошадях. Но через лесостепи и обширное пространство буша¹ мы проедем на подводах.

— А что это такое — буш? — заинтересовался Томек.

— Это своеобразный лес, очень характерный для Австралии. Он не имеет ничего общего с лесами других мест земного шара. В буше среди высоких деревьев растет неисчислимое количество вечнозеленых кустарников и маленьких деревьев. Обыкновенно, к бушу примыкает скрэб, который, как ты уже знаешь, состоит из карликовых акаций и эвкалиптов. Господствующую в буше тишину прерывают только крики попугаев и шорох ползающих пресмыкающихся.

— Такой лес, по-видимому, мне не понравится, — заявил Томек.

— Не думаю. В буше особо очаровательны ночи. Некоторые люди по собственной воле проводят в буше большую часть своей жизни. Мы их называем «людьми буша». Среди них встречаются обманутые в своих надеждах искатели золота и люди, покинувшие города в поисках приключений на лоне природы.

— Чем же они так восхищаются в этом лесу? — спросил Томек.

— Это трудно объяснить. Привыкнуть к бушу тяжело, особенно вначале. Пугает его обширное пространство, безлюдность, трудности и опасности жизни в глухом лесу. Однако через некоторое время бескрайняя пуща начинает привлекать человека, так что без нее ему уже становится трудно жить. Это чувство так и называют — «зов буша».

---

¹ Местное название тропического леса в Австралии.

— Все это мне кажется очень странным,— с сомнением сказал Томек.

— Очарование буша было известно уже первобытным обитателям Австралии. Среди них бытует следующая легенда. Где-то в облаках живет волшебница, которая иногда спускается на землю на листьях, несущихся по ветру. В бескрайнем буше эта волшебница созывает совет духов. Одновременно она ткет невидимую нить, которой привязывает к себе людей. Если человек, опутанный нитью волшебницы, уйдет из буша, его охватит неудовлетворенность и тоска, пока он не вернется в буш. Ты должен следить за тем, Томек, чтобы и тебя волшебница не привязала к бушу. Ты тогда вообще не захочешь уехать из Австралии.

Томек серьезно взглянул на Бентли и тихо сказал:

— Кто знает, может быть, такие волшебницы и в самом деле существуют. И не только в Австралии. Во всяком случае, боцману Новицкому, папе и мне здесь ничто не угрожает. Волшебница, летающая над Варшавой, давно уже опутала нас своей нитью.

Бентли задумался.

— Интересно, встретим ли мы «людей буша»? — прервал молчание Томек.

— Мы будем проходить вблизи золотоносных территорий,— ответил Бентли.— Многие незадачливые золотоискатели превратились в людей буша. Возможно мы с ними встретимся.

— Я хочу найти в Австралии золото, как Стшелецкий,— шепнул Томек.

— А что бы ты с ним сделал? — спросил, улыбаясь, Бентли.

— Я бы основал в Варшаве великолепный зоологический сад,— сказал Томек не задумываясь.

В беседах такого рода время проходило незаметно. Не успела Томеку надоест езда через степь, как он увидел строения Уилканнии.

В следующие два дня животные с сопровождающими их охотниками были отправлены в Порт-Огаста. Остальные участники экспедиции выехали поездом, уходящим на юго-восток.

Томек с удовольствием знакомился с пейзажами, которые становились живописнее по мере продвиже-

ния поезда к югу. На обширной степи изредка были видны небольшие рощи из деревьев и кустарников; растительность здесь была разнообразнее и пышнее, чем в степи. Чаще встречались крупные стада овец и рогатого скота, пасущиеся на равнине.

Путешественники вышли из поезда на вокзале в Форбс, небольшом горнопромышленном городке, расположенном на водоразделе между рекой Маррамбиджи и ее притоком Лаклан. На восток от городка, у подножия высоких, поросших лесом холмов, виднелись зеленые поля; на западе лежала страна миражей¹, страшной засухи и бескрайних пастбищ, ценность которых зависела от дождей. На этих пастбищах австралийские скотоводы пасли свои стада и, если дожди были обильными, богатели в течение нескольких лет, а в случае засухи — разорялись.

Не теряя времени, охотники выехали верхом на юго-запад от Форбс. Вскоре они углубились в степь, которая время от времени прерывалась скрэбом или бушем. Вблизи протекавшего в буше ручейка Тони заметил следы лесных кенгуру. Вильмовский распорядился разбить лагерь на берегу ручья, текущего среди обширного буша, который здесь постепенно переходил в низкий скрэб. Прежде чем поставить палатки, охотники внимательно осмотрели ближние кустарники, чтобы не расположиться рядом с ядовитыми змеями, часто гнездящимися в кустах.

В тот же день Тони нашел место водопоя серых кенгуру. Томек с радостью наблюдал за подготовкой к охоте. Так как кенгуру ведут ночной образ жизни, ловлю решено было начать на рассвете.

Лошадей стали седлать задолго до восхода солнца. При свете луны Вильмовский разделил охотников на две группы. Одна из них должна идти вдоль опушки буша до водопоя, вторая получила приказание переправиться на противоположный берег ручья и устроить засаду на предполагаемом пути бегства кенгуру.

Томек с отцом входили в состав второй группы. Переправившись через ручей, они погнали лошадей

---

¹ В некоторых областях Австралии встречается явление фата-морганы.

галопом, желая дойти до назначенного места одновременно с первой группой. Вскоре Тони, ехавший во главе группы, остановил лошадь.

— Водопой уже близко,— предупредил он.— Я пойду проверить, есть ли там кенгуру.

Прошел час. Тони бесшумно появился из-за кустов и сообщил, что несколько серых кенгуру жирует на берегу ручья.

— Придется подождать восхода солнца, потому что при неверном свете луны нечего и думать об успехе охоты,— сказал Вильмовский и, помолчав минуту, добавил с тревогой: — Как ты думаешь, кенгуру не уйдут от водопоя до рассвета?

— Не уйдут, скоро станет светло,— ответил Тони.

Охотники спешили. Кругом царила невероятная тишина. Казалось, что вся природа погружена в глубокий сон. Как вдруг охотники услышали тихий звук колокольчика.

— Вблизи пасется скот,— шепнул Тони.— У предводителя стада всегда на шею висит колокольчик.

— Странно, что кенгуру не боятся домашнего стада,— заметил Вильмовский.— Ты их видел, наверное?

— Кенгуру любят хорошую, соленую траву,— уверял Тони.— Домашнего скота они не боятся.

В кустарнике раздался вдруг пронзительный, словно предсмертный крик гибнущего животного. Томек машинально прижался к шее своей лошади.

— Это пеликан,— успокоил Тони.— Сейчас наступит день.

Потом до самого восхода солнца ни один звук не нарушил мертвой тишины. Вскоре на горизонте появилась розовая заря. Лишь только блеск дня рассеял темноту ночи, как словно по чьему-то знаку попугаи начали свой ошеломляющий концерт.

— Теперь немедленно по лошадям! — воскликнул Тони.

Охотники с места тронулись по направлению к водопою. Через несколько минут они уже очутились у ручья, на противоположном берегу которого паслись три крупных кенгуру. По сравнению с пойманными в степи они могли считаться великанами. Пораженные видом людей, они в немом удивлении поднялись на

задние лапы. Вильмовский выстрелил вверх, давая знак начать ловлю. Со стороны буша послышался громкий крик. Это вторая группа охотников направилась в сторону животных, которые бросились в паническое бегство. После ночного обильного пира они бежали тяжело, тогда как отдохнувшие лошади мчались подобно стрелам, выпущенным из лука. Звероловы, развернувшись полукругом, отрезали кенгуру путь к отступлению. Вильмовский, Смуга и присланные Гагенбекем рабочие прекрасно умели пользоваться лассо. Во главе погони оказался Смуга. Он быстро приблизился к одному из кенгуру на расстояние нескольких метров, поднял вверх правую руку с лассо, и, кружа им над головой, сильно размахнулся. Лассо блеснуло в воздухе. Петля захватила животное. Сильный рывок чуть не повалил на землю коня и всадника. Оказавшиеся вблизи три человека поспешили на помощь Смуге, остальные помчались вслед за убегающими кенгуру.

Два огромных серых кенгуру, очутившись перед лицом грозной опасности, проявили большую отвагу. Увидев поражение товарища, они бросились в противоположные стороны, вынудив тем самым преследователей разделиться на две группы. Бентли, Вильмовский и Томек погнались за великолепным кенгуру. Охотники начали окружать его с двух сторон, а Томек мчался вслед за ними. Кенгуру понял, что уйти от преследователей ему не удастся. Вильмовский размахнулся и бросил лассо. Чуткое животное наклонилось, сделав огромный прыжок, и предательская петля скользнула по его хребту. Кенгуру промчался перед носом лошади Вильмовского и побежал по направлению к лесу. Остановился у большого каучукового дерева¹, нижняя часть ствола которого обгорела во время давнишнего пожара в буше.

Охотники остановили лошадей рядом с животным. С удивлением они смотрели на великолепного кенгуру, который, несмотря на безнадежное положение, не хотел сдаться без борьбы. Стоя на задних лапах, он оперся спиной о ствол фикуса и бросал на своих пре-

---

¹ *Ficus elastica*.

следователей внимательные взгляды. Его передние, короткие лапы нервно дрожали, готовые к защите.

Томек был восхищен отвагой оригинального бойца. Если бы это зависело от него, он позволил бы кенгуру, в награду за мужество, скрыться в чаще леса. Но Бентли, человек опытный в охоте, не поддался настроению товарищей. С лассо в руке он соскочил с седла и позвал Вильмовского на помощь. Подав ему один конец веревки, он стал бегать кругом дерева, привязывая животное к стволу. Несмотря на попытки освободиться, кенгуру был крепко привязан к дереву.

— Хорошо, что вблизи нет озера или болота, заполненного водой. Спасаясь от преследования, серые кенгуру часто погружаются в воду, выставляя на поверхность только голову и передние лапы. Даже специально натасканные охотничьи собаки бессильны в этом случае. Благодаря своему росту кенгуру погружается на такую глубину, что собакам приходится плавать вокруг, и он легко защищается ударами передних лап,— говорил обрадованный успешной охотой Бентли.

Прежде чем окончательно связать пойманного кенгуру, решили отдохнуть. В это время к ним подъехал незнакомый всадник. Это был высокий мужчина, одетый так, как одевается большинство австралийских поселенцев. Он снял шляпу с широкими полями и вежливо сказал:

— Приветствую вас и поздравляю с успехом. Советую больше не трудиться и просто застрелить этого вредителя.

— Мы не намерены убивать столь великолепный экземпляр кенгуру,— возмутился Вильмовский.— Мы возьмем его с собой в Европу.

— Разве вы занимаетесь ловлей животных? — удивился незнакомец.

— Вы угадали,— подтвердил Вильмовский.— Мы ловим животных для зоологических садов. Мой друг Бентли является директором зоологического сада в Мельбурне.

— Очень приятно познакомиться,— ответил всадник.— Моя фамилия Аллан. Моя ферма отсюда не очень далеко. Нам с женой будет приятно, если вы

посетите нас в нашем уединении. Жена будет очень рада вашему визиту.

Охотники поздоровались с Алланом, а Томск сразу же задал ему вопрос:

— Почему вы назвали вредителем столь отважное животное?

— Я отнюдь не отрицаю, что серые кенгуру весьма воинственны и отважны, но они здесь слишком быстро размножаются. Они поедают траву, которой питаются мои стада. С тех пор как туземцы и динго удалились отсюда на запад, кенгуру появляются здесь, как грибы после дождя. Поэтому между поселенцами и кенгуру идет непрерывная война. Если мы их не уничтожим, они выживут нас отсюда в самый короткий срок,— пояснил Аллан.

— Ну, пойманный нами кенгуру не будет вам больше вредить,— вмешался Вильмовский.

— Кажется, подъезжают остальные охотники из вашей группы,— заметил Аллан.

Это были боцман Новицкий и Смуга. Подъехав, они спешились. Вильмовский представил их Аллану, который сразу же возобновил приглашение.

— Теперь нам придется заняться пойманными кенгуру,— сообщил ему Вильмовский.— Наши друзья тоже поймали одного кенгуру. Нам необходимо доставить их в лагерь, расположенный вблизи. Однако завтра мы с большим удовольствием посетим вас.

— Будем вас ждать. Моя ферма лежит вниз по ручью на опушке леса,— добавил Аллан и направился к дому.

Вскоре подъехала телега с клетками. Кенгуру упорно защищался и ни за что не хотел войти в клетку, но охотники общими усилиями поместили его туда и погрузили на телегу. Такая же судьба ожидала и кенгуру, пойманного Смугой. Звероловы вернулись в лагерь. Остальную часть дня они провели, обсуждая план действий на ближайшие дни.

Вечером, вскоре после того, как они легли спать, охотники слышали топот лошадиных копыт. В Австралии всякого рода визиты весьма редки, поэтому все немедленно сорвалось с постелей. Подбросили хвороста в угасающий костер. Всадник резко осадил коня

рядом с палатками. Это был Аллан. Волнение, написанное на его лице, показывало, что прибыл он с неприятным известием.

— Я вам помешал, но, к сожалению, я вынужден просить вас о помощи,— сказал Аллан, едва переводя дух.— Моя двенадцатилетняя дочь Салли еще утром вышла из дому и до сих пор не вернулась. Она играла на краю скрэба. Вероятно, она заблудилась. Нам придется прочесать обширную территорию, чтобы ее найти.

Не ожидая дальнейших объяснений, охотники стали спешно одеваться; Аллан остановил их:

— Поиски мы начнем только на рассвете. Я разослал своих работников, чтобы уведомить о несчастье ближайших соседей. Только к утру соберется столько людей, сколько нужно, чтобы с успехом прочесать ближайший скрэб. В темноте мы ребенка не найдем. Прошу вас прибыть перед рассветом.

— Тони довольно хорошо знаком с местностью. Я готов вместе с ним помочь вам уведомить соседей,— предложил Смуга.

— Если вы уверены, что не заблудитесь, то хорошо бы уведомить Броунов, ферма которых находится в пятнадцати километрах от моей,— ответил Аллан.— Дорога к ним идет вдоль опушки скрэба. Подробности я вам расскажу по пути на мою ферму. Остальных я прошу прибыть перед рассветом.

Тони и Смуга быстро оделись и оседлали лошадей. Они выехали вместе с Алланом. Боцман Новицкий, удивленный медлительностью фермера, спросил:

— Все ли у него в порядке в башке? Как можно поиски пропавшего ребенка отложить до утра?!

— Поведение Аллана не лишено основания,— возразил Бентли.— Дети, живущие вблизи буша и скрэба, гуляя могут заблудиться, что иногда и случается. Поэтому у поселенцев есть уже некоторый опыт в этом отношении. Вы можете быть уверены, что Аллан сам обыскал все рощи, расположенные вокруг фермы, и только после этого обратился за помощью. Теперь известие о пропаже ребенка передается с фермы на ферму. Все мужчины немедленно прерывают всякие занятия, чтобы принять участие в поисках. Ни один

житель Австралии не осмелится отказать соседу в помощи в таком положении. Еще до рассвета на ферму Аллана приедут фермеры из всей округи и общими силами они обыщут буш и скрэб. Ночью, по всей вероятности, найти девочку не удалось бы. Скорее всего, еще несколько человек заблудились бы в чаще.

— Но ведь эта Салли должна быть испугана своим положением? — волнуясь, спрашивал Томек.

— Конечно, в ее положении ничего приятного нет,— признал Бентли.— Несмотря на это, следует учесть, что дети, живущие вблизи буша, привыкают к нему. А с того времени, как динго отсюда исчезли, провести ночь в лесу не так уж и опасно.

— А что она сделает, если к ней подползет ядовитая змея? — спросил Томек, который сам не любил и боялся змей.

— Это правда, что их здесь множество,— ответил Бентли.— К счастью, случаи укусов бывают не очень часто. Дети поселенцев, впрочем, знают, что в таком случае единственное спасение — вырезать ножом место, зараженное ядом змеи.

— Ах, профессор! Я не спорю, что австралийские пацаны не испугаются в лесу куста или дерева,— резко сказал боцман Новицкий.— Но не говорите, пожалуйста, такой, извиняюсь за выражение, ерунды. Никогда не поверю, чтобы двенадцатилетняя девочка сама себе вырезала кусок тела. Если мы теперь ничем не можем ей помочь, то давайте соснем немножко.

— Боцман прав, болтовней мы ничего не добьемся,— поддержал его Вильмовский.— Лучше отдохнуть и восстановить силы, нужные для поисков.

Охотники вторично в этот вечер легли спать. Томек долго не мог заснуть. Он думал о заблудившейся Салли. Ее приключение напомнило ему рассказ Бентли о знаменитом путешественнике Стшелецком, который чуть не погиб в скрэбе. Одна лишь мысль о несчастной судьбе бедной девочки бросала его в дрожь. Он уснул очень поздно, но сорвался с постели задолго до рассвета вместе с остальными охотниками и сразу же начал седлать своего пони.

— Томек, лучше останься в лагере,— обратился к сыну Вильмовский, видя его волнение.

— Я думаю, отец прав,— поддержал его Бентли.— Ты не знаешь местности, легко можешь потерять дорогу в обширном скрэбе.

Не выпавшись ночью, Томек не очень стремился принять участие в поисках, во время которых надо было бродить по колючему скрэбу, но замечания взрослых задели его самолюбие. Он немедленно ответил:

— В конце концов, я могу и не входить с вами в скрэб, но раз взрослые выйдут на поиски, то я, пожалуй, пригожусь на ферме.

— Возможно, ты прав,— признал Вильмовский.— Но обещай мне, что не сделаешь глупости. У нас и так довольно будет хлопот с поисками маленькой Салли.

— Ах, я, конечно, не сделаю никакой глупости,— неохотно пробурчал Томек, потому что не любил, когда с него брали такие обещания.

Вильмовский оставил двух матросов на страже лагеря, а остальные члены экспедиции уселись на лошадей и поехали на ферму Алланов. Они застали там Смугу, Тони и около двадцати человек, соседей Алланов. Разработав план совместных поисков, они на рассвете, построившись длинной цепью, стали прочесывать чашу скрэба.

XVII

ЗАБЛУДИВШИЕСЯ В СКРЭБЕ

Томек остался на ферме с хлопотавшей на кухне над приготовлением обеда для отзывчивых соседей матерью несчастной девочки. Хозяйка фермы была измучена, взволнована и находилась в отчаянии от пропажи дочери. Томек держался тихо; сидение без дела ему наскучило, и он вышел на крыльцо. Уселся на скамью, стоявшую под раскидистым деревом.

Голоса мужчин, принявших участие в поисках, уже давно стихли в чаще скрэба. Время тянулось медленно. Томек стал думать о заблудившейся Салли. Вскоре его внимание привлекли полугаи, галдеж которых доносился из ближайшей рощи. Они свободно переле-

тали с ветки на ветку, блестя разноцветными перышками. Томек с любопытством смотрел на красочных птиц, летавших среди зелени листвы. Он с неудовольствием думал об обещании, данном отцу. Большие и маленькие попугаи были так веселы, так красивы, что Томеку хотелось увидеть их с близкого расстояния, не нарушая, конечно, данного слова. Оглядываясь вокруг, он совершенно неожиданно увидел у стены одного из зданий собачью будку и молодую собаку, лежавшую перед ней, которая упорно смотрела на него.

«Он очень похож на динго, пойманного нами», — подумал Томек.

Мальчик и собака некоторое время наблюдали друг за другом. Собака поднялась и дружески помахала хвостом. Это подсказало Томеку интересную идею. Ведь они могли бы вместе с собакой погулять по опушке рощи. Он хорошенько рассмотрел бы смешных попугайчиков и не заблудился бы, ведь собака легко найдет дорогу назад. Он побежал в дом, чтобы спросить разрешения у хозяйки. Остановился в нерешительности, увидев, что озабоченная и измученная после бессонной ночи женщина заснула, сидя в кресле.

«Не могу же я теперь ее будить, — подумал Томек. — Она очень измучена. Ничего плохого не случится, если я погуляю с собакой около дома. Ведь мне хватит нескольких минут, чтобы хорошенько разглядеть попугайчиков».

Томек не стал долго думать. Он взял свой штуцер и выбежал на двор. Пес встретил его, как хорошего знакомого, дружески помахивая хвостом. Томек отвязал собаку. Они весело побежали к роще.

Как только они очутились на опушке буша, Томек сразу же забыл об обещании, данном отцу. Пестрые смешные птицы полностью завоевали его внимание.

Сначала ему очень понравились волнистые попугайчики¹, пару которых он видел в Варшаве у Юрека Тымовского. Несомненно, на воле эти птицы обладали еще большим изяществом, чем те, в клетке. Стая попугайчиков состояла из нескольких десятков голов.

---

¹ *Melopsittacus undulatus*.

Они ничуть не боялись мальчика. Склонив набок ярко-желтые головки, они смотрели выпуклыми глазенками, трепетали голубовато-зелеными крылышками и гордо растопыривали свои зеленовато-желтые перышки, окутывавшие их, словно плащом. Томек протянул к ним руки, желая поймать, но попугайчики легко перепрыгнули на соседнюю веточку. Томек очень жалел, что не захватил с собой проса, конопли или сахара, столь любимых птичками Юрека!

«Если бы я взял приманку, наверное, поймал бы теперь одного или даже двух попугайчиков,— жалел Томек.— Вот была бы прекрасная память об этой экспедиции. Потом я подарил бы их зоологическому саду в Варшаве, после того как его организует Бентли».

Красивые птички все еще манили его. Раз ему удалось дотронуться рукой до мягких перьев одной из них. Правда, птичка ловко увернулась, но Томек обрадовался, надеясь, что он не вернется домой с пустыми руками. Со всей страстью Томек стал гоняться за птицами. Во время погони он углубился в чащу леса. Вскоре он заметил другие виды попугаев. На каучуковом дереве попугай размером с голубя сосал нектар из цветка. Это был красный лори¹. Зеленые и красные перья его блестели на солнце, когда он ловко лазил по ветке от цветка к цветку. Иногда лори быстро, как стрела, перелетал на другие деревья, усыпанные красивыми цветами. Гоняясь за ним, Томек заметил несколько пестрых лори² с голубыми головками, таким же ожерельем, зеленой спиной и красной, как киноварь, грудью. Попугаи верещали, словно смеялись над напрасными усилиями Томека.

— Ах, глупец, ты думал, что поймаешь попугая,— громко сказал себе Томек, злясь, что ему не удастся охота.

«Ах, глупец, ты думал, что поймаешь попугая!» — услышал он чей-то голос, раздавшийся сзади.

Томек покраснел, как мальчик, пойманный на глупой шалости. Значит, кто-то подсмотрел его погоню за попугаями и теперь смеется над ним. Пристыжен-

---

¹ Lorina.

² Trichoglossus hollandiae.

ный Томек оглянулся, но никого не увидел. До крайности удивленный, он начал заглядывать за редкие в этом месте кусты, за стволы деревьев, но шутника не нашел. Кроме того, собака, которую он привязал к ветке, чтобы освободить руки, стояла спокойно, наблюдая за ним.

— Мне, пожалуй, послышалось,— пробормотал он.

Как вдруг над его головой снова раздалось слова:

«Ах, глупец, ты думал, что поймашь попугая!»

Томек взглянул вверх. На высоте не больше метра над ним сидел великолепный какаду¹. Наклонив голову, он смешно опускал и поднимал большой венец на голове.

— А это что за чудеса? — воскликнул изумленный Томек.

«Ах, глупец, ты думал, что поймаешь попугая!» — ответил какаду и сразу же добавил: «А это что за чудеса?»

Томек, в восторге от своего открытия, прямо-таки присел до земли. Он глядел на красноголового какаду, который, в свою очередь, присматривался к нему. Какаду тряхнул чубом и опять закричал: «А это что за чудеса?»

— Какая же ты красивая и умная! — отозвался Томек, не веря, что он в самом деле видит говорящую птицу.

«Какая же ты красивая и умная!» — повторил какаду.

Томек забыл обо всем на свете. У него было только одно желание — поймать говорящую птицу! Он осторожно влез на дерево, но какаду в последний момент перелетел на соседнее, с иронией говоря: «Ах, глупец, ты думал, что поймаешь попугая!»

Томек гонялся за птицей от одного дерева к другому. Он вспомнил слова старшего Тымовского, который рассказывал, что некоторые попугаи легко обучаются насвистывать легкие мелодии, а другие виды обладают способностью подражать человеческому голосу. Даже боцман Новицкий как-то упоминал о матросе, у которого был говорящий попугай.

---

¹ Cacatninae.

Томек не жалел трудов, стараясь поймать говорящего какаду. Вот была бы великолепная память об экспедиции!

«Ведь попугаи принадлежат к числу долголетних птиц,— рассуждал он.— Я слышал, что даже в неволе они живут сто лет и больше... Никак не думал, что в Австралии находится столько видов этих птиц»¹. Размышляя так, Томек бегал за какаду от дерева к дереву, держа собаку на поводке. А попугай, словно забавляясь, отлетал все дальше в глубину буша. После многих попыток Томеку удалось схватить великолепного говорящего какаду за хвост, но, получив крепкий удар клювом по руке, он выпустил его. В этот же момент поводок выпал из его руки.

Собака, словно желая отомстить за своего товарища, начала немедленно сумасшедшую погоню за птицей.

«А это что за чудеса?» — трещал попугай, ловко избегая преследователя.

Томек побежал вслед за собакой. Попугай отлетал все дальше в чащу, и Томек в конце концов пришел к выводу, что не поймает птицы. Злой на себя и до крайности усталый, он прекратил безуспешную погоню. Стал звать собаку, но та и не думала возвращаться. Правда, она тоже прекратила погоню за какаду, но теперь бежала в чащу кустарника, что-то вынюхивая носом на земле.

— Назад, противный пес! — кричал Томек, тревожно всматриваясь в чащу кустов.

Он уже потерял направление, в котором находилась ферма. Теперь, пожалуй, только собака могла его выручить. Он испугался не на шутку и удвоил старания в поимке беглеца. А пес, как нарочно, все еще бежал вперед, держа нос у самой земли. Когда Томек останавливался, чтобы отдохнуть, пес тоже останавливался и нетерпеливо смотрел в его сторону. Мальчику начинало казаться, что теперь-то он его пойма-

---

¹ Попугаи встречаются во всех частях света, за исключением Европы. Известно свыше 600 видов попугаев; все они живут в лесах. Особенно много попугаев в Америке и в Австралии, а также на соседних островах. Некоторые виды встречаются в Африке и Южной Азии. Различают два семейства попугаев: щеткоязычные и гладкоязычные.

ет. Он бросался вперед с вытянутыми руками, но собака сразу же продолжала бежать дальше.

«Он с ума сошел, а я... сделал глупость, не сдержав слова,— в отчаянии подумал Томек.— Не найду дороги на ферму и пропаду в скрэбе, как... эта Салли».

Испуганный, уставший от погони, Томек сел на землю и заплакал. Как вдруг он почувствовал теплое, влажное прикосновение к щеке. Открыл глаза. Рядом с ним сидел на задних лапах пес и влажным языком лизал его лицо. Томек вздохнул с облегчением.

— Значит, ты не бросил меня? — растроганно спросил мальчик.

Пес повернул голову, заглядывая мальчику в глаза.

— Хорошо, но я совсем не знаю, как добраться домой,— пожаловался Томек дрожащим голосом.

Розовый язык собаки снова коснулся его щеки. Томек вытянул руку и погладил пса по голове. Собака сразу же вскочила, отбежала на несколько шагов в сторону и выжидательно остановилась.

«Растяпа я,— подумал Томек.— Собака, конечно, не заблудится, а кроме того, у меня ведь есть штуцер. Ничего со мной не случится!»

Быстро встал, перебросил ремень штуцера через плечо, а собака, будто только этого и ждала, сразу бросилась вперед, что-то вынюхивая на земле. День уже клонился к вечеру. Пес, ни на минуту не останавливаясь, вертелся в чаще кустов, но в его поведении видна была уверенность. Как только Томек призывал его к себе, он подбегал, радостно лаял, но сразу же бежал дальше, непрерывно вынюхивая след. У Томека уже не было сомнений, что собака напала на какой-то след, и он начал поощрять его поиски.

«Кого он ищет? — думал Томек.— Возможно, что он напал на следы всадников, прочесывающих скрэб в поисках девочки, а может быть...»

Сердце живет забилося в его груди. Ведь собака могла напасть на след заблудившейся Салли.

— Ищи, собачка, ищи,— обратился Томек к своему спутнику.

Пес махнул хвостом. Уверенно побежал вперед. Томек забыл всякий страх. Если люди, принявшие участие в поисках, до сих пор не нашли Салли, то,

наверное, будут продолжать прочесывать скрэб. Значит, рано или поздно он встретится с ними. Совершенно успокоившись, Томек решил проверить, по чьему следу идет пес. Он быстро шел за уверенно бегущей собакой. Вдруг он радостно вскрикнул. Скрэб становился реже. Между кустарниками просвечивало свободное пространство.

Томек остановился на краю полянки. Где-то близко шумел ручеек, на берегу которого они вчера поймали двух серых кенгуру. Но что это? Собака побежала в сторону довольно большой группы деревьев. Тихо лая, она смотрела на Томека.

«Что она там нашла?» — подумал мальчик.

Осторожно подошел к деревьям. Пес сразу же нырнул в густую зелень.

«Ого, не на такого напал! — подумал Томек. — Я не хочу больше блуждать, останусь лучше на полянке».

Остановился перед рощей. Через некоторое время собака выбежала из чащи. Жалобно скуля, она терлась о ноги мальчика, несколько раз бросалась в чащу, потом возвращалась, как бы приглашая его идти за собой.

Томек задумался. Ведь Салли не могла быть здесь — отсюда легко было попасть на ферму.

Вдруг ему пришла в голову ужасная догадка. Может быть, змея укусила Салли, и бедная девочка теперь лежит мертвая где-нибудь под деревом?

«Лучше всего уйти отсюда скорее, — подумал он. — Если Салли укусила змея, то и меня может ожидать такая же судьба».

Но Томек сразу же устыдился своей трусости. Что о таком поведении сказал бы боцман Новицкий? Разве можно будет смотреть прямо в глаза папе или Смуге? Ни один из них, очутись он в таком положении, не колебался бы ни минуты.

«Ах, хотя бы только поэтому надо мне рискнуть! Я должен проверить, что находится в этих кустах», — принял Томек отважное решение.

Он наклонился к собаке и твердо произнес:

— Хорошо, я пойду с тобой, но даю слово, что больше чем на двадцать шагов в эту чащу не углублюсь.

Умный пес побежал в кусты. Томек пошел за ним, держа в руках штуцер, готовый к выстрелу. Осторожно продвигаясь по чаще, он считал шаги, как вдруг пес исчез за широко раскинувшимся кустом. Томек, наклонив голову, чтобы не мешали ветки, поспешил за ним, считая шаги.

«Семнадцать, восемнадцать...» — он прервал счет на полуслове. Земля под его ногами разверзлась, и Томек, выпустив из рук штуцер, полетел вниз. Кувыркнувшись несколько раз, он упал лицом в траву. Ошеломленный падением, Томек поднял голову и огляделся. Рядом с ним на земле лежала девочка. На ее плечи падали разбросанные в беспорядке длинные волосы.

«Волшебница втянула меня в буш. Вот попался! Сейчас она меня опутает серой нитью...» — молнией пронеслось в голове Томека.

Томек лежал без движения, ожидая своей судьбы, как вдруг опять почувствовал теплое, шершавое прикосновение к щеке.

«Волшебница или... пес?» — подумал Томек, осторожно поднимая голову.

Вздыхнул с облегчением. Это был пес. Он прижался к земле рядом с ним и, когда Томек взглянул на него, жалобно заскулил. Только теперь мальчик внимательно посмотрел на неподвижно лежавшую на земле девочку.

«Это... по всей вероятности, Салли. Почему же она лежит так тихо и без движения? Боже мой, она, наверное, умерла!»

Все его тело покрылось холодным потом. Томек ужасно испугался, но время шло, и ничего необычного не происходило. Это несколько приободрило его. Томек поднялся и стал с близкого расстояния рассматривать девочку. Он увидел, что она легко дышит.

«Салли, это, наверное, Салли,— шепнул он.— Почему же она здесь спит, вместо того, чтобы идти домой?»

Томек встал на колени у изголовья девочки. Пес присел рядом с ним и, склонив голову набок, смотрел на спящую. Томек сначала осторожно, а потом сильнее потряс девочку за руку, пытаясь ее разбудить. Она открыла глаза. Из ее груди вырвался болезненный вздох.

— Кто ты? — слабым голосом спросила она.

Пес радостно залаял.

— Ах, и Динго здесь! — добавила она.

— Это собака, которая привела меня к тебе, а не динго, — возразил Томек.

— Да, но его зовут Динго. Это моя собака, — ответила девочка, пытаясь сесть. Однако не смогла этого сделать и со стоном опустилась на землю.

— Значит, ты и есть Салли, заблудившаяся девочка, которую все ищут со вчерашнего дня? — недоверчиво спросил Томек.

— Да, я Салли Аллан, — ответила девочка. — Неужели все меня ищут? А я думала, что все обо мне забыли.

— Они ищут тебя в скрэбе, а ты, оказывается, лежишь в роще близ ручья, — говорил Томек. — Почему ты не вернулась домой? Ведь откуда на ферму очень легко попасть.

— Я не могла вылезти из этой ужасной ямы. Нога, моя нога, посмотри только на нее! — говорила девочка, и на ее больших глазах показались слезы. — Ах, как больно!

Томек посмотрел на ее левую ногу. Она опухла в щиколотке.

— Может быть, тебя змея укусила? — тревожно спросил Томек.

— Нет, это не змея. Я неожиданно упала в яму, и что-то случилось с моей ногой. Не могу ступить на нее и вообще не могу сделать ни шагу. Если бы не ты, я умерла бы здесь от боли и... голода.

От волнения Томек покраснел.

— Больше тебе нечего бояться, у меня есть штуцер, только... я выпустил его из рук, падая в эту яму.

— Как, ты уже умеешь стрелять? — заинтересовалась Салли, смахивая рукой слезы с глаз.

Томек подал ей свой носовой платок.

— Ах, я даже тигра убил, который вылез из клетки на судне, — ответил Томек с мнимым безразличием.

— Неужели?

— У меня есть его фотография. Кроме того, я застрелил большого кенгуру! Мы с отцом ловим диких животных.

— Ты очень храбрый,— признала Салли.— Мой папа рассказывал мне о вас. Я решила пойти в ваш лагерь. Можешь себе представить, я до сих пор не видела звероловов. Когда я проходила вблизи этих кустов, увидела маленьких землероек¹. Я хотела их поймать, чтобы подарить вам. И вот тогда я попала в эту ужасную ловушку. Я кричала от боли, плакала, но никто не пришел на помощь. Я ждала всю ночь, а потом уснула, и ты пришел. Ты меня здесь не оставишь одну?

— Нет, не беспокойся, не оставлю,— уверял ее Томек.

— Как тебя зовут? — спросила девочка.

— Томек. Моя фамилия Вильмовский, а полное имя Томаш.

— Томек, очень красивое имя. Я буду тебя называть Томми, хорошо?

— Хорошо. Теперь давай я перевяжу тебе ногу.

Томек снял сорочку, разрезал ее ножом на широкие полосы и стал накладывать на ногу Салли повязку.

— Ах, как ужасно болит,— говорила Салли в слезах, но когда Томек закончил перевязку, она почувствовала себя значительно лучше.

— Теперь нам надо попытаться выбраться из этой ямы до наступления ночи,— заявил Томек.

Он немедленно начал готовиться к операции по вытаскиванию Салли из глубокой ямы. Прежде всего он вылез наверх и нашел штуцер. Потом стал ножом проделывать ступеньки в отвесной стене ямы. После часа тяжелого труда ему удалось сделать что-то вроде лестницы, которая должна была помочь Салли выбраться из ямы. Салли не могла ходить. Томек взял ее на руки и стал осторожно подниматься по проделанным ступенькам. Динго, идя за ними, радостно лаял. Салли плакала от боли. К счастью, девочка была худенькой и легкой, так что Томеку удалось поднять ее наверх и взять потом «на барана». Так они добрались до берега ручья.

---

¹ Wallabi — многочисленные мелкие сумчатые животные, по строению похожие на кенгуру. По образу жизни сходны с землеройками.

— Дай мне напиться,— попросила Салли.— От этого у меня восстановятся силы.

Томек нашел в кармане складной стаканчик. Они напились, после чего Салли опустила опухшую ногу в воду ручья.

— В самом деле, я чувствую себя лучше,— сказала она.

— Я побегу на ферму за помощью,— предложил Томек.

— Ах, только не это! Сейчас стемнеет. Не оставляй меня одну,— быстро сказала она и судорожно схватила его за руку.— Пойми, я не могу остаться одна, я боюсь.

— Если так, то я тебя понесу.

— В самом деле, понесешь? — обрадовалась Салли.

— Понесу, даже должен это сделать. Ведь мы не можем так долго оставлять твоих родителей в неизвестности относительно твоей судьбы.

— Томми, ты... очень добрый!

— Конечно, такими должны быть все звероловы.

— Если бы я была мальчиком, тоже стала бы звероловом, как ты,— ответила Салли.

— Ну так давай, садись на «барана» и пойдём.

Сначала все шло хорошо. Но постепенно Салли становилась все тяжелее. Томеку пришлось часто останавливаться на отдых. На землю спустилась ночь. Томек уже почти выбился из сил, как вдруг увидел свет костра, пылающего вблизи фермы.

— Посмотри! Наверное, собрались соседи! Все они сидят у костра,— воскликнула Салли.

— Мы бы раньше добрались до дома, только ты почему-то стала тяжелее. Наверное, ты выпила слишком много воды,— с обидой жаловался Томек.

— Я совсем мало выпила воды,— возмутилась Салли.— Это нога пухнет и становится тяжелее.

— Возможно, ты права. Я об этом не подумал.

Томек, держа Салли на спине, медленно приближался к костру, у которого сидела группа мужчин. Динго шел рядом, шевеля ушами.

— Папа! Мамочка! — крикнула Салли.

Мужчины у костра остолбенели, стали прислушиваться.

— Боже мой, я слышу голос Салли! — воскликнул Аллан, вскакивая с сиденья.

— Салли, милая Салли, где ты? — звала мама.

В это время в круг света вошел полураздетый Томек, согнутый тяжестью девочки, которую нес на спине. Увидев их, все на момент онемело. Не привидение ли это? Мальчик упал на колени. Ссадил Салли на землю. Потом окинул взглядом лица удивленных фермеров.

— Я... нашел... Салли... — прерывисто дыша от усталости, сказал он.

Описать, что было потом, слишком трудно. Фермеры во главе с матерью Салли подбежали к детям. Мама Салли чуть не задушила Томека, прижимая его к груди, а взволнованный Аллан с чувством пожимал ему руки.

Томек с трудом овладел собой. Он чувствовал гордость и радость. Молодые и пожилые фермеры по очереди подходили к нему и с уважением поздравляли с успехом. Они его благодарили, словно он спас их собственного ребенка. Потом к Томеку подошли его друзья. Смуга первый протянул ему руку, говоря:

— Немногие молодые люди в твоём возрасте могут похвастаться успешной охотой на тигра. Но сегодня ты совершил значительно больше. В честь этой твоей победы я приглашаю тебя в следующую экспедицию, в Африку.

Вторым подошел Бентли. С чувством пожимая руку Томека, он сказал:

— У австралийских туземцев есть обычай устраивать торжества, во время которых молодые люди принимаются в общество взрослых. Им сообщают тайны религиозных обрядов, посвящают в дела племени, и каждому вступающему в ряды взрослых выбивают один из передних зубов в знак того, что он стал уже мужчиной. У нас таких обычаев нет. Мы считаем, что мальчик становится мужчиной тогда, когда совершает поступки, достойные мужчины. Сегодня ты доказал, что стал настоящим мужчиной.

Боцман Новицкий речей не произносил. Он с такой силой обнял Томека, что у того затрещали кости, и тихо сказал:

— Варшавянина узнаешь даже в Австралии.

В заключение Вильмовский прижал сына к своей груди, говоря:

— Мне теперь неудобно напомнить тебе о том, что ты не сдержал слова. Но в будущем прошу не делать таких сюрпризов... Ты можешь себе представить, что я думал, когда мы не застали тебя ни здесь, ни в лагере?

— Честное слово, я не хотел нарушить обещания. Это как-то вышло само собой, а потом... я нашел Салли,— тихонько оправдывался Томек.

— Нет сомнения, что ты повел себя в этом случае как настоящий мужчина,— признал отец.— Ты должен нам рассказать, как это произошло.

— Нельзя ли сначала чего-нибудь поесть? Я очень голоден,— попросил Томек.

В то время как звероловы вместе с фермерами мыли, одевали и кормили Томека, супруги Аллан заботливо занялись маленькой Салли. Оказалось, что она вывихнула ногу. Поселенцы знали, что надо делать в таких случаях. Вскоре девочка лежала на своей постели с крепко перевязанной ногой. Ее напоили питательным бульоном, и она сразу же уснула.

Супруги Аллан присоединились к своим гостям, сосредоточенно слушавшим рассказ Томека. Надо признать, что он не утаил заслуги Динго в деле поисков Салли. Томек хвалил ум собаки, которая не отходила от него ни на шаг. Пес лег рядом с ним на землю и, высунув розовый язык, пристально следил за каждым движением Томека.

— Мы сделали глупость, что не взяли Динго на поиски Салли,— сказал Аллан, когда Томек закончил свой рассказ.— Я купил собаку для Салли всего лишь неделю назад. Я думал, что она еще не привыкла к нам. Поэтому мы держали ее на привязи.

— Какой породы эта собака? — спросил Смуга.— По внешнему виду она сильно напоминает австралийскую дикую собаку.

— Вы не ошибаетесь,— ответил Аллан.— Это помесь домашней собаки с чистокровным динго.

Вскоре фермеры попрощались с хозяевами. Дома их ждали встревоженные семьи и срочные работы. Зверо-

ловам тоже надо было возвращаться в лагерь. Перед отъездом они обещали хозяевам посетить их на другой день.

XVIII НЕМОЙ ДРУГ

Необыкновенные переживания этого дня, длительное блуждание по скрэбу так измучили Томека, что по прибытии в лагерь он крепко заснул, едва положил голову на подушку. Проснулся он на следующий день около полудня, почувствовав легкое щекотание на лице. Не открывая глаз, он махнул рукой, чтобы отогнать навязчивое насекомое. Но вскоре он опять почувствовал щекотание. Укрылся одеялом с головой и пытался снова заснуть. Но не тут-то было. Кто-то влез к нему под одеяло. Это было уже слишком. Томек, разозлившись, энергично отбросил одеяло и сел, спустив ноги с койки.

— А ты откуда взялся? — спросил он удивленно, увидев нарушителя своего блаженного сна.

Рядом с ним сидел Динго, любимец Салли. Он весело махал пушистым хвостом, а в умных собачьих глазах таилась радость, будто он знал, что сыграл с мальчиком веселую шутку.

— Откуда ты здесь взялся? — повторил Томек.

Динго встал, коснулся носом груди мальчика, шероховатым языком лизнул его в подбородок и побежал к выходу из палатки. Остановился там выжидательно и оглянулся.

— Ага, ты, по-видимому, хочешь, чтобы я пошел за тобой? — догадался Томек.

Собака ответила лаем. Лай у нее был не такой, как у обычных собак. Он заканчивался тихим, прерывистым скулением.

— Что здесь происходит, Томек? — спросил Вильмовский, заглядывая в палатку.

— Посмотри, папа, Динго пришел за нами с фермы. Он мне лизал лицо. Ах, какой симпатичный пес!

— Ко мне, Динго! — поманил Вильмовский собаку, вытягивая руку.

Пес, по-видимому, не имел желаний расширять знакомства. Он лег на землю, ощерив острые клыки. На заливке шерсть у него стала дыбом.

— Ого-го! Я вижу, что он только тебя признает, — заметил Вильмовский.

— Нельзя же так, Динго, ведь это мой папа, — гневно обратился Томек к собаке.

Томек подбежал к отцу и обнял его. Динго с интересом наблюдал эту сцену. Томек позвал собаку, а когда она подошла, сказал:

— Динго! Такая умная собака, как ты, безусловно, поздоровается с моим папой!

Динго махнул хвостом. Он потерялся о ноги Вильмовского, дружески поглядывая на него.

— Ты сам видишь, папа, какой он умный, — с гордостью говорил Томек. — Без него я, конечно, не нашел бы Салли. Может быть, даже погиб бы в скрэбе!

— Выглядит он умницей, — признал отец.

— Я бы очень хотел иметь такую собаку. Тогда я мог бы везде с ним ходить без опасения заблудиться даже в незнакомой местности.

— Если только появится удобный случай, я куплю тебе собаку, — утешил Вильмовский сына. — А теперь быстро одевайся, потому что мы обещали нанести визит Алланам. Нам следует поинтересоваться здоровьем Салли. Пользуясь случаем, мы отведем Динго на ферму.

Вскоре небольшая группа звероловов верхом поехала на ферму Алланов. Динго бежал рядом с пони, на котором сидел Томек, во время бега Динго время от времени оглядывался на мальчика. Хозяйка фермы радостно встретила гостей. Они повели их в комнату Салли. Девочка чувствовала себя совсем хорошо. Увидев звероловов, она хлопала в ладоши и воскликнула:

— Ах, как хорошо, что вы приехали к нам. Я боялась, что Томми, вернувшись в лагерь, забудет обо мне. Он, конечно, предпочитает охотиться на тигров и кенгуру, чем беседовать со мной.

Томек покраснел, не зная, что ответить.

Отец избавил его от неловкости, обращаясь к Салли:

— Ты теперь видишь, что твои опасения были ли-

шены оснований. Томек оставил все свои занятия, чтобы справиться о твоём здоровье.

— Томми! Ты в самом деле хотел знать, как я себя чувствую? — недоверчиво спросила Салли.

Томек неуверенно посмотрел на отца и ответил:

— Гм, конечно! Не может быть иначе, раз папа так говорит.

— Ты случайно не захватил с собой фотографию убитого тобой тигра? — с любопытством спрашивала девочка.

Как только Салли спросила о его любимой фотографии, Томек сразу почувствовал себя уверенней. Теперь, по крайней мере, была тема для разговоров. Он быстро ответил:

— Да, она со мной. Я принес также тебе мою фотографию на цейлонском слоне, которого мы из Колombo привезли в зоологический сад в Мельбурне.

— Томми, я прямо не могу поверить, что ты хочешь подарить мне такую замечательную фотографию!

— Да, конечно, если ты этого хочешь,— ответил Томек с мнимым равнодушием, хотя на самом деле он чувствовал большую гордость: Салли попросила его подарить фотографию, которую он считал очень интересной.

Не только маленькая Салли была восхищена подарком Томека. Мама Салли все время с волнением наблюдала за отважным мальчиком и теперь вмешалась в беседу:

— Я очень рада, что у нас будет твоя фотография, Томми. Этим подарком ты нам принес большую радость. Большое тебе спасибо. Салли, дорогая! Ты тоже должна подарить Томми что-нибудь на память. Ведь он оказал нам большую услугу!

— Ты права, мамочка! Я что-нибудь подарю Томми, только не знаю что,— задумалась Салли.

— Лучше всего спросить, чего бы Томми желал,— посоветовала мама Салли.

— Ну, скажи, пожалуйста, что бы ты хотел получить от меня на память? — обратилась Салли к Томеку.— К сожалению, у меня нет такой красивой фотографии, как у тебя.

Томек сконфуженно молчал. Он вообще не знал,

удобно ли просить что-нибудь на память. Правда, он хотел похвастаться перед девушкой фотографией, на которой он сидел на настоящем слоне, но не предусмотрел, что такая мелочь доставит ему столько хлопот. Что теперь ответить? Он просительно смотрел на отца, но тот, забавляясь смущением своего всегда столь бойкого сына, совсем не спешил помочь ему. Смотря на Томека, все присутствующие едва скрывали улыбку.

«Вот я и попался,— подумал Томек.— Пожалуй, в будущем никому не подарю свою фотографию».

Он молча стоял, весь красный от смущения. А вот маленькая Салли вовсе не была обескуражена. Было ясно видно, что она наравне со старшими забавляется смущением мальчика, а кроме того, действительно хочет ему что-то подарить на память. Ведь перед ней стоял зверолов, который сам убил тигра и кенгуру! Ни одна из ее подруг не могла похвастаться таким знакомством. Ах, если бы он захотел переписываться с ней...

Взволнованная этой надеждой, Салли села на кровати и сказала решительным тоном:

— Томми, немедленно скажи, что ты хочешь получить от меня в подарок!

Томек тихо вздохнул. Он отчаянно жалел, что в Австралии не бывает землетрясений. Если бы дом закачался от землетрясения, Салли и все другие сразу бы забыли о подарке. Однако дом стоял прочно, а упрямая Салли всматривалась в Томека блестящими от волнения глазами.

Как вдруг Томек почувствовал влажный язык Динго на своей руке. Он отмахнулся, но в тот же момент его что-то осенило. Он посмотрел вниз, чтобы удостовериться. Да, рядом с ним стоял Динго и смотрел на него, махая хвостом.

— Салли, ты в самом деле хочешь мне что-нибудь подарить? — спросил Томек, забывая о присутствующих в комнате.

— Конечно, Томми! Ведь я жду твоего ответа,— подтвердила Салли.

— Я... в самом деле не будешь после жалеть? — все еще пытался удостовериться Томек.

Салли громко рассмеялась и стала от радости бить в ладоши.

— Ах, Томми, Томми! Ты совершенно похож на моего папочку, который всегда думает, что мама не знает, чего он хочет.

Сконфуженный словами дочери, Аллан кашлянул, и все присутствующие покатались со смеху. Томек, совершенно обескураженный, стал было понемногу отступать к двери, но Салли воскликнула:

— Томми! Можешь больше ничего не говорить! Честное слово, никогда не пожалею и... бери ее себе на память от меня. Она твоя!

— Это кто же — моя? — прошептал захваченный врасплох Томек.

— Собака, Динго! Ведь ты ее хотел у меня попросить, — ответила Салли, подавляя улыбку.

— Это правда, я действительно хотел, но как ты об этом узнала? — спросил Томек, обрадованный таким оборотом дела.

— Это только мальчики так недогадливы. Любая девочка, посмотрев на тебя, сразу бы догадалась, о чем ты думаешь, — восторженно кричала Салли.

— Большое спасибо, Салли, — серьезно сказал Томек, хотя был не в восторге от ее слов о мальчиках. — Девочкам всегда кажется, что они все лучше знают. В этом отношении Ирка похожа на тебя.

— Кто это, Ирка? — сразу же спросила Салли.

— Это моя двоюродная сестра из Варшавы, — пояснил Томек.

— Подойди-ка ко мне ближе. Ты должен о ней рассказать мне все, — попросила Салли. — А потом мне интересно, как ты убил тигра.

Настроение у Томека сразу улучшилось. Теперь будет видно, кто из них важнее. Держа Динго за ошейник, он подошел к Салли. Привязал собаку к ножке стула шнурком, добытым из кармана, и сел рядом с кроватью девочки.

— О чем же рассказать сначала: об Ирке или о тигре? — обратился он к Салли.

Салли в самом деле была умной девочкой. Она легко читала в глазах Томека самые сокровенные мысли, поэтому, не колеблясь ни минуты, сказала:

— Сначала я хотела бы услышать рассказ о тигре.

Томек откашлялся и начал говорить:

— В порту Коломбо на Цейлоне мы погрузили на судно...

— Оставим их теперь одних,— предложила хозяйка дома.— Они, конечно, не будут скучать. Пожалуйста, на обед. Для Томека и Салли я принесу обед сюда, в комнату.

— Женщины всегда знают, о чем думают мужчины,— добавил ее муж, подражая голосу Салли.— Она догадалась, что мы голодны. Пожалуйста, к столу.

Томек рассказал Салли приключение с тигром со всеми мельчайшими подробностями. Потом стал рассказывать о Варшаве, о Ирке, о своих двоюродных братьях и закончил воспоминаниями о смешных шалостях в школе.

Салли слушала Томека с большим интересом, расспрашивала подробности. В конце концов заявила, что сразу же после каникул подбросит жука нелюбимой и самонадеянной подруге.

— Вскоре папа отвезет меня в Баттерс в частную школу госпожи Уилсон,— говорила Салли.— Воображаю себе, как мне будут завидовать подруги, когда я им покажу твою фотографию на слоне. Ведь ни одна из них не видела еще настоящего зверолова.

— Если ты и впрямь любишь такие фотографии, то я попрошу папу, чтобы он меня сфотографировал с другими животными, и я пришлю тебе фотографию с письмом,— предложил Томек, которому польстило признание Салли.

— Томми, ты обещаешь мне, что будешь писать письма? — спросила Салли, обрадованная его предложением.

— Я буду, даже обязан писать тебе, потому что ты будешь интересоваться, что происходит с Динго.

— О да, да! Меня это будет очень интересовать! Ты знаешь, Томми, я очень рада, что подарила тебе Динго. Должна тебе сказать, что это я сегодня приказала Динго пойти в лагерь. Я боялась, что ты забудешь к нам прийти. А мне так хотелось поблагодарить тебя!

— Это не может быть, чтобы собака поняла твое «приказание». Это странно, потому что он в самом деле пришел ко мне.

— Не говори так о Динго,— возмутилась Салли.—

Он все, все понимает, что ему говорят. Я ему сейчас скажу, что он должен быть твоим верным другом.

Салли обратилась к собаке с длинной речью; Томек думал о странном совпадении. Ведь прорицатель из Порт-Саида предсказал, что он найдет друга, который никогда не скажет ни слова. Неужели он думал о Динго? Томек сейчас же сказал о своем предположении Салли. Девочка внимательно его выслушала, а когда он окончил рассказ, сказала:

— Госпожа Уилсон часто ворожит себе на картах. Она нам говорила, что иногда карты говорят правду, если человек сам немного помогает своей судьбе.

— Не могу понять, как можно помочь исполниться предсказанию,— с сомнением сказал Томек.

— Делается это очень просто. Надо так поступать, чтобы предсказания исполнились. Если тебе предскажут, что ты получишь в классе двойку, то достаточно не выучить урок, и предсказание исполнится.

— Это действительно очень просто,— с улыбкой сказал Томек.

— Жаль только, что ты не испробуешь этот способ. Ведь такой зверолов, как ты, пожалуй, не ходит в школу?

— Не беспокойся об этом, Салли. Я этот способ обязательно испробую,— сказал Томек.— К сожалению, даже звероловы должны учиться. Когда окончится охота, папа отвезет меня в Англию, в школу. В экспедициях я буду участвовать только во время каникул.

— А я думала, что все школьные неприятности тебя не касаются...

— Как раз зверолов должен обладать большими знаниями, притом во многих отраслях. Ведь невозможно путешествовать по разным странам, не зная географии, или ловить животных, не умея отличить слона от обезьяны.

— Это правда. Я глупая, что иногда так рассуждаю,— рассмеялась Салли.— Куда же ты собираешься во время следующих каникул?

— Смуга пригласил меня в Африку. Не знаю только, будет ли эта экспедиция организована уже в будущем году.

— И ты возьмешь с собой Динго?

— Да, не могу же я расстаться с другом.

— Это великолепно! Значит, ты будешь писать мне из Африки?

— Конечно,— обещал Томек.

В это время в комнату вошел Саллин папа с подносом, на котором стояли тарелки с едой.

— Как это хорошо, милый папочка, что вы подумали о нас,— радостно встретила его Салли.— Томми, наверно, голоден, а я могла бы сейчас проглотить кенгуру! Что ты принес вкусенького?

— Одни лакомства, доченька: суп из мяса молодых попугаев, баранина в соусе с картофелем, пудинг и компот из персиков,— ответил Аллан, ставя поднос на столик около кровати.

— Ого, это настоящий пир! — воскликнул Томек, с охотой присаживаясь к столу.— В лагере я отвык от домашних обедов. Интересно, вкусен ли суп из попугаев? Я не знал, что эти птицы съедобны.

— Мясо попугаев едят, пожалуй, редко. Но суп из них очень питательный и вкусный,— ответил Аллан.— Я лично с удовольствием отказался бы от этого вкусного блюда, если бы эти противные птицы навсегда исчезли отсюда!

— Как вы можете звать «противными птицами» красивых и умных попугаев? — возмутился Томек, вспомнив яркого говорящего какаду.

— Поживи, как мы, рядом с ними и скоро перестанешь восторгаться. Трудно спасти от них зерно в поле. Они, как обезьяны, всегда больше уничтожат, чем съедят. Кроме того, некоторые их виды, например какаду, отличаются странной способностью уничтожать любые предметы. Знаешь ли ты, что они способны перегрызть толстые доски, разбить стекло и пытаются даже пробивать отверстия в каменной стене?

— Ни за что бы этому не поверил,— удивился Томек.— Скажите пожалуйста! А я хотел поймать себе говорящего какаду!

— Я должен сказать, что в клетке какаду так кротки, как ни один другой вид попугаев. Их легко приручить, и они быстро привязываются к своим хозяевам. Кроме того, они чрезвычайно понятливы. Их очень

легко научить говорить и даже показывать различные штучки. Но выпустите какаду из клетки и увидите, что из этого получится!

— Поэтому я не заметил обработанных полей около фермы,— высказал догадку Томек.— Откуда же тогда у вас овощи?

— Овцеводы не занимаются здесь огородами,— ответил Аллан.— Слишком трудно найти рабочие руки. Легче привозить овощи, даже издалека, чем содержать дорогого работника.

— Теперь я вспомнил, что Бентли говорил нам об этом. Если попугаи столь прожорливы, как вы говорите, то надо благодарить природу, что они питаются только растительностью и фруктами. Что бы было в противном случае с вашими овцами?

— Ты только частично прав,— сказал Аллан.— Правда, попугаи питаются в основном семенами и фруктами, но некоторые их виды, особенно обитающие в Новой Зеландии, как их называют маори¹, зеленый нестор, или кака², а также кеа³ едят все что придется. Они хватают даже крупных животных, а в случае голода не брезгают падалью. Особенно кеа пользуется плохой репутацией. Как-то было замечено, что на горных пастбищах кто-то тяжело ранил овец. Из-за раны на спине, величиной с человеческую ладонь, животные нередко гибли. Вообрази себе изумление овцеводов, когда, по наблюдениям пастухов, оказалось, что овец ранили попугаи кеа. Это доказывает умение попугаев приспособляться к новым условиям. Первоначально кеа были растениемядными птицами и никогда не нападали на млекопитающих, хотя бы потому, что последних в Новой Зеландии не было. После того как на острова завезли овец, кеа превратились в типичных плотоядных хищников.

Аллан готов был говорить на эту тему много, но его позвала супруга.

— Мой дорогой, боцман Новицкий провозгласил тост за здоровье хозяев, а ты здесь рассуждаешь о по-

¹ Маори — жители Полинезии, аборигены Новой Зеландии, которая состоит из двух больших островов.

² Кака (*Nestor meridionalis*) — древесный попугай.

³ Кеа (*Nestor notabilis*) — наземный попугай.

пугаях,— сказала она, подмигивая дочери, которая тоже знала неприязнь отца к пестрым пернатым обитателям Австралии.

Салли весело рассмеялась и воскликнула:

— Томми еще не знает, что кенгуру и попугаи не дают нашему папе спать! Иди, папа, иди к гостям. Я расскажу Томми, как ловко туземцы охотятся на попугаев с бумерангами.

Аллан с женой ушли в столовую. Дети опять вернулись к интересующей их беседе. Время текло быстро. Охотники вернулись в лагерь только поздним вечером.

В последующие дни Томек еще два раза посетил Салли, которая его так полюбила, что, когда настало время расставаться, горько расплакалась. Томек тоже был взволнован, но, будучи стойким мальчиком, сумел овладеть собой. Он даже утешил Салли, поклявшись писать ей письма с дороги.

ХІХ

ЗОЛОТОИСКАТЕЛИ И БУШРЕНДЖЕРЫ¹

После охоты на серых кенгуру Бентли повел экспедицию на юго-восток к горной цепи, у подножия которой растянулась широкая полоса буша. Вскоре охотники углубились в зеленую чащу леса, совсем не похожего на лес, встречающийся в других странах света. Из низкорослого кустарника высоко в небеса взвивались прямые, как колонны, стволы эвкалиптов², которые, подобно американским секвойям в Калифорнии, достигают здесь исполинских размеров³. К строгим, серым стволам этих гигантов растительного царства прижимались древовидные папоротники, высота которых не превышала нескольких метров, рядом росли стройные араукарии, пальмы и мимозы, цветы которых распространяли специфический драз-

---

¹ Бушренджеры — местное название австралийских бандитов, грабящих путешественников на дорогах.

² Эвкалипт — дерево семейства миртовых, очень распространенное в Австралии, где насчитывается до 360 видов эвкалиптов.

³ Секвойя американская достигает 150 метров высоты.

нящий запах, дикие оливковые деревья и самшит. Кое-где виднелись величественные кедры, сосны и рядом с ними травяные деревья, различные виды акаций, казуарины с длинным переплетом веток. Тяжелое путешествие через буш длилось уже несколько дней и сильно утомляло путников.

В этом странном лесу, так не похожем на европейские, Томек чувствовал себя плохо. Глядя на огромные эвкалипты, почти не дающие тени, он дивился им, как когда-то дивились первооткрыватели Австралии. Томек скоро понял, почему эвкалипты не дают тени. Под влиянием горячих солнечных лучей листья эвкалиптов поворачиваются к солнцу своими острыми краями, защищаясь таким образом от слишком сильного испарения воды с поверхности. Зимой эвкалипты не теряют листья, но ежегодно меняют кору, свисающую со стволов длинными светлыми языками; когда по лесу пролетает ветер, то кора эвкалиптов издает тревожный и странный шелест. Томек повеселел только тогда, когда среди неизвестных ему растений увидел обыкновенную лесную землянику.

Наконец наши охотники подошли к подножию горной цепи, свернули в неглубокую долину, постепенно поднимающуюся немного наискось в горы. Через несколько часов езды по долине они очутились на краю большой поляны, покрытой буйной травой со множеством разнообразных цветов, среди которых безраздельно царил «варатак», национальный цветок Нового Южного Уэльса. Поляна как нельзя лучше годилась для устройства базы экспедиции. С одной стороны ее окружал буш, с другой — высоко вздымались горные склоны, поросшие гигантскими эвкалиптами и каучуковыми деревьями. Вьющийся среди зелени ручеек в достаточной степени мог снабдить экспедицию пресной водой.

По-видимому, эта поляна была знакома Бентли, потому что он без колебаний остановил караван и объявил:

— Здесь мы встретим чрезвычайно интересных представителей австралийской фауны. Здесь мы устроим лагерь.

Несколько следующих дней охотники деятельно

готовились к ловле мелких зверушек. Пока строились соответствующие клетки и изготовлялись всякого рода ловушки и приманки для зверей, Тони бродил по окружающей местности, выискивая следы разных четвероногих. Австралиец, попав в свою стихию, совершенно преобразился. Он сбросил европейскую одежду, которая, по его словам, мешала движениям, и целыми днями пропадал в буше. Дитя австралийской природы, Тони знал все ее тайны. Подобно всем местным туземцам, Тони прекрасно переносил суровые условия климата Австралии. Но в чем он был непревзойденным мастером, так это в охоте. По едва заметным признакам он находил невидимые следы животных, обнаруживал тропы, по которым они ходили. От его острого глаза не могли укрыться даже следы маленького кускуса¹, оставленные на коре древесного ствола. Кроме того, Тони отличался необыкновенным терпением, благодаря которому преодолевал все препятствия. Участники экспедиции поражались его ловкости. Он умел прыгать не хуже кенгуру и ползти, как змея. Пользуясь веревкой и топориком, он мог взобраться на вершину эвкалипта и умел пальцами ног поднимать с земли любые предметы. Тони превосходно знал обычаи и образ жизни многих животных Австралии. Он знал также, как охотиться на них, как ловушки строить, чтобы их поймать. Он охотно делился своими знаниями со звероловами.

Вильмовский внимательно прислушивался к сообщениям Тони, записывал подробности, касающиеся жизни животных, которых они намерены были вывезти в Европу. Томек поинтересовался, зачем отцу нужны эти подробности. Вильмовский ответил, что знание образа жизни животных необходимо для создания им в неволе условий, близких к природным. С этого дня Томек следовал за Тони всюду, как тень. Он ходил с ним в длительные разведочные походы, учился трудному искусству находить следы животных и пользовался любым случаем, чтобы расспросить Тони о разных чудесах австралийской природы. Тони очень

---

¹ Кускус (*Phalangerinae*) — промысловый сумчатый зверек. Распространен в Юго-Восточной Австралии.

полюбил польских охотников за то, что они относились к австралийским туземцам так, как к белым. А с тех пор как Томеку удалось завоевать доверие «людей-кенгуру», Тони в нем души не чаял. Он не скупился на слова, рассказывая Томеку обо всем, что знал сам, и Томек многому у него научился. Уже после нескольких прогулок с Тони, во время которых они искали логова и гнезда разных птиц и животных, Томек научился ориентироваться в лесу по листве деревьев и даже стал различать следы различных животных. Со дня на день Томек осваивался с австралийским бушем и с улыбкой вспоминал о том, как боялся заблудиться в нем. Томек стал подражать Тони во всем, что очень тому нравилось.

Ловля маленьких зверей не требовала участия большого числа охотников. По совету Бентли охотники разделились на четыре отряда, для которых Тони разрабатывал самостоятельные планы охоты. Некоторые отряды выходили на ловлю ночью, потому что объектами их охоты были животные, ведущие ночной образ жизни. Почти каждая охота заканчивалась успешно, благодаря тщательной подготовке всех деталей. Постепенно приготовленные заблаговременно клетки стали заполняться пойманными представителями австралийской фауны.

Это была охота, которая как нельзя лучше подходила Томеку. Четвероногие, которых они ловили, не встречались на других континентах и были совершенно неопасны для человека. Томек мог охотиться на них в одиночку, что было для него величайшим удовольствием.

Вильмовский с удовлетворением следил за постепенным возмужанием мальчика и за тем, как Томек день ото дня становится опытнее и смелее. Поэтому Вильмовский почти не ограничивал свободу сына. Он позволял ему участвовать в охоте любого отряда, и надо признать, что Томек выбирал самые интересные походы.

Однажды после обеда Томек стал наблюдать за поведением трех ехидн¹, пойманных прошлой ночью и

---

¹ Ехидна австралийская (*Echidna aculeata*).

посаженных в клетку. Эти загадочные первичные млекопитающие, наряду с утконосами¹, принадлежащие к отряду однопроходных, или, как еще их называют, клоачных², были в то время очень мало изучены из-за трудности наблюдения за их образом жизни. Ехидны, подобно родственным утконосам, обитают в Юго-Восточной Австралии и Тасмании. В неволе они живут недолго, в большинстве случаев погибают уже через несколько дней. От Бентли Томек узнал, что лучше всех изучены ехидны, обитающие в Новой Гвинее³ и Тасмании. Уже один только внешний вид животных возбудил у Томека большой интерес.

Они были чрезвычайно неповоротливы. Отличались сравнительно длинным, узким, трубчатым носом из ороговевшей кожи. Мордочка около ушей покрыта гладкой шерстью. На спине торчат жесткие и крепкие иглы, длина которых доходит до шести сантиметров. Иглы у основания бледно-желтые, в середине оранжевые и черные на концах. Прямые ноги и все подбрюшье покрыты темно-коричневым гладким мехом. Длина животного, включая сантиметровый хвостик, редко превышает сорок сантиметров.

Охота на ехидн была организована ночью, когда животные вылезли из своих нор на кормежку. Засаду устроили у найденных заранее муравейников и термитников. Муравьи, термиты и личинки этих насекомых принадлежат к лакомым блюдам ехидн, которые умеют доставать пищу из лабиринта муравейников длинным языком, покрытым липкой слюной.

Томек с большим удовольствием принял участие в охоте на ехидн. Он убедился, что эти животные не так уж беззащитны, как это казалось поначалу. В минуту опасности они свиваются в клубок, подобно тому, как это делают наши ежи, и растопыривают тор-

---

¹ Утконос (*Orynctophagus anomalus*). В 1797 г. оставшийся неизвестным поселенец прислал в Британский музей в Лондоне шкуру утконоса из Нового Южного Уэльса. В зоологическом саду округа Виктория (Австралия) в 1946 г. удалось сохранить живыми пару утконосов и частично изучить их повадки и способ деторождения.

² Однопроходные, или клоачные (*Monotremata*).

³ В Новой Гвинее обитает проехидна черноиглая (*Ptoechidna nigroaculeata*).

чащие из шерсти на спине острые иглы. Они могут, если есть время, пользуясь сильными лапами с острыми когтями, быстро зарыться в землю. Следы укусов иглами ехидны украшали пальцы Томека и нос его верного пса Динго. Несмотря на это, охотничья эскапада Томека закончилась весьма успешно. Многие зоологические сады и ученые-зоологи стремились заполучить себе хотя бы парочку ехидн, для изучения. Они рождались из яйца, а питались молоком матери, появляющимся на поверхности ее живота через два отверстия. Самка ехидны откладывает одно яйцо, которое носит в сумке на животе. Молодая ехидна после появления из яйца некоторое время растет в сумке и выходит из нее тогда, когда появляются иглы на спине.

В числе пойманных трех ехидн была одна самка. Томек раздумывал над тем, как убедиться, сидит ли потомок в ее сумке, как вдруг к нему подошел Тони, только что вернувшийся из буша. Томек взглянул на следопыта. Тот подмигнул ему и кивнул головой, давая понять, что хочет поговорить с ним наедине. Томек сразу же забыл про ехидн. Поведение Тони ясно говорило о том, что ему удалось сделать открытие, о котором он не хочет говорить в лагере.

Как только они отошли на некоторое расстояние, Томек спросил:

— Что за следы ты открыл?

— Я видел двух коала¹, — шепотом сообщил австралиец.

— Ты никому не говорил об этом? — лихорадочно спросил Томек.

— Другим говорить не надо, мы их ловить сами, — на ломаном английском языке успокоил его Тони.

— Когда начнем охоту?

— Еще рано. Днем жарко, они спать, спрятаны в листьях высокий дерево. Они ищут есть только под вечер. Коала умный, не мучится в жара. Почему человек должен быть глупее их?

— Но они могут уйти оттуда, где ты их видел? — беспокоился Томек.

---

¹ Коала (*Phascolarctus cinereus*) — сумчатое животное, единственный вид подсемейства *Phascolarctinae*.

— Не бойся, коала ходит очень медленно, мы их найти легко.

— Хорошо, Тони, сделаем так, как ты советуешь...

До самого вечера Томек избегал встреч и бесед с товарищами по экспедиции. Он боялся, что взволнованное выражение лица выдаст его намерение самостоятельно поохотиться ночью на коала. Вот будет неожиданность, вот будет восторг и удивление, когда он притащит в лагерь коала, или, как его еще называют, сумчатого медведя! Правда, коала встречаются в Восточной Австралии от Квинсленда до Виктории, но до сих пор их поймали очень мало, и ученые столь же мало знают об образе жизни этих симпатичных зверьков. Томек прекрасно знал, как участники экспедиции жаждут поймать настоящего коала.

Вильмовский после ночной охоты, как правило, делал перерыв, чтобы звероловы могли отдохнуть. По его распоряжению вечером этого дня все должны были рано лечь спать. Несмотря на это, никто не удивился, что перед самым закатом солнца Тони заявил, что идет на поиски новых следов. Томек сразу же проявил желание сопутствовать следопыту, и вскоре они очутились вдали от лагеря.

Тони шел уверенно, будто по улицам хорошо знакомого города. Через полчаса они дошли до эвкалиптовой рощи в буше. Тони внимательно осмотрел вершины деревьев и, предложив Томеку посмотреть по направлению, которое он показал рукой, сказал:

— Коала проснулись! Ты видишь их?

— Вижу, вижу, Тони! Ах, какие милые! — воскликнул Томек, с удовольствием разглядывая медвежат.

Один коала сидел на ветви дерева, густо покрытой листвой, второй лез по толстому стволу. Австралийские медвежата, ничего не подозревая, спокойно объедали листья дерева, сидя на задних лапках и придерживая листок передними, как это делают наши белки. Они лазили по дереву так медленно, что название «австралийские ленивцы», которое часто употребляют по отношению к коала, показалось Томеку вполне подходящим.

Мальчик так увлекся наблюдением за поведением оригинальных зверушек, что и не заметил, как на зем-

лю спустилась ночь. Тони первый обратил на это внимание и на своем ломаном английском языке сказал:

— Смотреть будем потом, теперь мы ловить коала. Сейчас настанет вечер, тогда ничего не видеть.

— Ты прав, но как нам поймать этих медвежат?

— Ты лезть на дерево. Забросишь петлю лассо на коала и спустишь его ко мне.

— Ты полагаешь, они не будут защищаться?

— Ничего не бояться. Коала очень добрый. Это не ехидна! — улыбаясь, ответил Тони.

Забросив лассо на плечо, Томек стал быстро подниматься по стволу дерева. Сидевший на ветке коала не обращал на Томека никакого внимания, и тот без всяких приключений подполз к коала на очень близкое расстояние. Томек снял с плеча лассо и одним ловким движением набросил петлю на шею животного. Австралийский медвежонок сначала сопротивлялся, цепляясь когтями за ствол дерева, но когда петля затянулась, он прекратил всякие попытки освободиться. Рука Томека погрузилась в мягкую, пахнущую эвкалиптовым маслом шерсть животного. Томек связал мишку веревкой лассо и медленно спустил его на землю, прямо к ногам Тони. Покончив с одним коала, Тони полез выше по стволу дерева, в погоню за вторым. Вскоре и второй, после короткого и не очень отчаянного сопротивления, был пойман и очутился в компании своего товарища.

Когда наши охотники направились с трофеями в лагерь, было уже совсем темно. Томек в радостном настроении спешил за Тони. Они несли по одному коала. К удивлению Томека, медведи быстро примирились со своей судьбой.

Все участники экспедиции, узнав о поимке коала, выбежали из палаток. Они с любопытством осматривали зверушек, похожих как две капли воды на популярных детских плюшевых мишек.

Туловище коала бывает около шестидесяти сантиметров длины и около тридцати сантиметров ширины. Коала совершенно лишены хвоста. На длинной голове с короткой пастью торчат крупные уши, заросшие пушистой шерстью. Тело коала покрыто мехом рыжевато-серого цвета, переходящего на животе в

желтовато-белый. Каждая из четырех лап коала вооружена пятью пальцами с мощными и острыми когтями. Лапы у него играют роль хватательных органов. Как потом Томек убедился, пальцы коала на двух передних лапах устроены так, что два внутренних противостоят трем наружным, а на двух задних четырем наружным пальцам противостоит один внутренний. Видя гордость и радость на лице Томека, принимавшего поздравления от остальных участников экспедиции, Тони благожелательно улыбался.

В плане экспедиции предусматривалась еще охота на кенгуровых крыс¹, носящих здесь местное название потуру. Кроме того, надо было поймать вомбатов², похожих на наших сусликов, и сумчатых лисиц³, живущих на деревьях.

В перерывах между отдельными походами охотникам приходилось заниматься срочными делами. Надо было подготовить для пойманных животных соответствующие помещения, в которых они могли бы успешно прожить первый, самый тяжелый для них период неволи.

Участники экспедиции были очень довольны успехом охоты и, несмотря на изнурительную жару, находились в превосходном настроении. Жара стояла такая, что даже ночью не чувствовалось облегчения. Неудивительно поэтому, что все охотники с нетерпением ждали похода в горы, где температура воздуха и днем и ночью была значительно ниже. Когда они, наконец, стали готовиться к походу в горы на охоту на скальных кенгуру, Вильмовский был убежден, что Томек обрадуется этому известию наравне с остальными. Каково же было его удивление, когда мальчик заявил, что предпочитает остаться в лагере.

— Я буду ухаживать за животными,— пояснил он

---

¹ Кенгуровые крысы (*Potoronia*) принадлежат к числу самых маленьких видов прыгающих сумчатых.

² Вомбат, или медвежий вомбат (*Phascologyd*), относится к семейству сумчатых. Известны несколько видов вомбатов, мало различающихся образом жизни. Все виды обитают в лесах. В географическом отношении вомбаты распространены в Тасмании, на островах пролива Басса и в Южной Австралии.

³ *Trichosarus vulpecula*; местное название — кузу.

свое решение.— Некоторые из них плохо себя чувствуют в неволе, а ведь они так милы и забавны.

Вильмовский согласился. Ему казалось, что охота на кенгуру в горах, изобилующих отвесными скалами и глубокими пропастями, грозит мальчику различными опасностями, тем более что Томек, как известно, отличается импульсивностью и предприимчивостью. Томек, таким образом, остался в лагере, позволив товарищам взять на охоту Динго. Кроме Томека, ухаживать за животными остались еще два человека.

Если бы Вильмовский внимательнее присмотрелся к выражению лица сына, он, наверно, не так спокойно поехал бы на охоту в горы. Мальчик нетерпеливо поглядывал на всадников и вьючных лошадей, нагруженных клетками для кенгуру. На его устах блуждала многозначительная улыбка.

Два матроса, оставленные в лагере для ухода за животными, были так заняты, что им не оставалось времени следить за поведением мальчика, который, впрочем, всегда пользовался в лагере большой свободой. Поэтому они не возражали, когда Томек заявил, что намерен совершить небольшую прогулку.

Вскоре Томек со штуцером в руках вышел из лагеря. Быстрым шагом он направился вверх по течению ручья, вытекавшего из глубокого ущелья.

Уже много дней Томек лелеял мысль о самостоятельном походе. Опыт, приобретенный во время охоты с Тони в буше, вселил в него уверенность в своих силах, поэтому он ждал только подходящего случая, чтобы осуществить свою мечту. По уверениям Бентли, они находились теперь на территории, исследованной некогда экспедицией Стшелецкого. Томек мечтал пойти по стопам знаменитого путешественника и сделать открытие, которое принесло бы ему славу. По его мнению, завоевать славу проще всего, совершив какой-либо героический поступок. Это и было причиной его решения остаться в лагере и, дождавшись отъезда участников экспедиции в горы для охоты на кенгуру, отправиться в самостоятельный поход.

Без всяких опасений Томек углубился в ущелье, изобиловавшее многочисленными поворотами и поросшее высокими деревьями. Он шел вверх по тече-

нию ручья, который водопадами низвергался с многочисленных уступов скал. Отвесные скалы преградили солнечным лучам доступ на дно ущелья, и здесь царили прохлада и полумрак. К полудню Томек очутился уже довольно далеко от лагеря. Местность вокруг казалась дикой и необитаемой, лишенной даже животных, но мальчик смело шел вперед. Продвигаясь вдоль ручья, он не мог заблудиться. Ущелье становилось все уже и уже. Как вдруг, когда Томек дошел до очередного поворота, дорогу ему преградил крупный обломок скалы. Мрачность места, полное безлюдье и тишина действовали на Томека угнетающе, так что он решил было возвращаться восвояси. Но вдруг ему показалось, что за обломком скалы раздалась человеческая речь.

«Кто может здесь быть, в этой безжизненной, пустынной местности?» — удивился Томек.

Ему казалось, что он должен, не теряя времени, возвратиться в лагерь, но любопытство заставило его изменить решение. Он прислушался. Да, нет сомнения. За скальной стеной находились люди.

«Посмотрю издали, кто это, и вернусь в лагерь», — решил Томек.

Он осторожно поднялся на вершину огромного обломка скалы. По-пластунски подполз к самому краю. Теперь он мог уже и увидеть, что происходило за поворотом ущелья. Томек высунул голову и замер неподвижно. За поворотом ущелье заканчивалось отвесной стеной, замыкавшей его полукругом. Ручей вытекал из глубокой щели в скале, у подножия которой образовался довольно большой водоем. На берегу водоема Томек увидел палатку и костер. У костра сидели два человека и вели между собой резкую беседу или даже спор. Сначала они показались ему очень похожими друг на друга. На грудь им падали длинные светлые бороды, лица их заросли волосами до самых бровей... Однако Томек вскоре заметил, что один из них был значительно моложе.

— Если с нами случится несчастье, то по твоей вине, — говорил младший, и голос его переходил в крик. — Как можно рисковать столь легкомысленным образом?

— В нашем положении риск уже не играет особой роли,— ответил старший.— Есть ли у нас какой-нибудь другой выход?

— Если бы Томсон был на нашем месте, он покончил бы с нами давно,— воскликнул младший.— С первого знакомства я заметил в его глазах подлость.

— Я никогда еще не запачкал рук человеческой кровью. Откуда у тебя уверенность в том, что Томсон хочет лишить нас нашей доли добычи? — спросил старший.

— А почему он так долго не возвращается? — вопросом на вопрос ответил младший.

— Он уже шесть раз ходил в поселок за покупками и все было в порядке. Почему теперь должно быть по-другому? — озабоченно сказал старший.— Мне кажется, что мы слишком долго находимся в этой безлюдной местности. У нас сдают нервы.

— Это правда, пора покончить со всем этим,— уже спокойнее отозвался младший.— Один вид золотого песка плохо действует на умственные способности человека. Надо было нам раньше бежать отсюда, да черт принес этих звероловов.

— По-видимому, это порядочные люди,— успокоил его старший.— Но я с тобой вполне согласен. В наших интересах избегать всякой огласки.

— Вот в этом-то и дело, отец,— согласился младший.— Чем раньше мы расстанемся с Томсоном, тем для нас лучше. То, как он смотрит на золотой песок, заставляет меня опасаться его.

— Как только Томсон вернется, мы разделим золото на три части и разойдемся каждый в свою сторону,— решил старший.

— Мы плохо сделали, позволив ему пойти за покупками.

— Другого выхода у нас не было,— ответил старший.— Нас двое против одного. Ведь отец и сын не поссорятся из-за золота. Но, если бы кто-нибудь из нас остался с Томсоном один на один, дело закончилось бы борьбой и человекоубийством. Ведь только то, что сила на нашей стороне, удерживает Томсона от нападения и грабежа.

Томек слушал эту беседу, затаив дыхание. Он по-

нял, что на дне ущелья разыгрывается драма из-за обладания золотом. По-видимому, два бородача говорили о своем отсутствующем компаньоне. Томек не мог понять, почему трое мужчин не могли покончить дело мирным разделом золота. Почему хладнокровно говорят о борьбе и убийстве? Ведь они должны быть довольны, раз им действительно удалось найти золото в этом диком ущелье.

«Ага, значит, так выглядят люди, нашедшие золото,— раздумывал Томек.— Какое счастье, что у меня нет ничего общего с ними. Надо как можно скорее бежать отсюда, пока не появился третий золотоискатель, которого так опасаются бородачи».

Томек еще раз заглянул в ущелье, желая запомнить расположение стоянки золотоискателей. Рядом с жестяным корытом на берегу ручья лежали в беспорядке какие-то плоские сосуды и решета. Под отвесной скалой стояла небольшая палатка. И это все.

— Брр... как здесь мрачно и печально,— пробормотал Томек, медленно, на четвереньках пробираясь назад.

Вдруг прямо над его головой раздался громкий тягучий смех. Томек ужасно испугался, вообразив, что его обнаружил третий золотоискатель, вернувшийся из отлучки. Томек вскочил, намереваясь бежать, но в этот момент протяжный смех раздался снова. Тоमेка охватило изумление. Вместо мрачного золотоискателя он увидел птицу с мощным клювом, которая, склонив головку набок, издавала звуки, поразительно похожие на протяжный человеческий хохот.

«Это, вероятно, коокабурра¹»,— подумал Томек.

Не успел Томек прийти в себя, как в ущелье раздался громкий крик.

Смех коокабурры обратил внимание бородачей на скалу, послужившую укрытием для Томека. Как только Томек, испугавшись резкого смеха птицы, вскочил на ноги, солнечные лучи отразились от ствола штуце-

---

¹ Коокабурра — местное туземное название крупной птицы вида зимородков (*Daselo gigas*). Похожий на человеческий, смех этой птицы дал повод назвать ее «смеющийся Джонни».

ра. Бородачи заметили Томека. Один из них схватил старое ружье, второй — револьвер. Подбадривая себя воинственными криками, они стали быстро взбираться на скалу.

Крики золотоискателей настолько испугали мальчика, что он не мог сделать ни одного движения и стоял как вкопанный. И только когда он рядом с собой увидел косматые руки и бородастое лицо чужого человека, ужас, охвативший Томека, вывел его из оцепенения.

— Спасите!.. Спасите, бандиты!..— отчаянно закричал Томек и бросился наутек.

Крик Томека о помощи остался без ответа. Только эхо несколько раз повторило его. Бородачи увидели бегущего мальчика. Они начали преследование, делая длинные прыжки. Ведь кто бы ни был этот мальчик, его необходимо обезвредить. Золотоискатели знали, что он слышал их беседу. К счастью, старший золотоискатель быстро овладел собой. Он в последний момент подбил рукой дуло ружья, из которого его сын намеревался выстрелить в мальчика. Правда, ружье выстрелило, но пуля пронзила воздух высоко над головой Томека.

— Дурак, это же не Томсон! — гневно крикнул старший золотоискатель.— Этого достаточно задержать, и хватит.

Младший золотоискатель отбросил ружье и пустился в погоню за мальчиком. Свист пули подействовал на Томека, как удар бича на горячего коня. Он бежал изо всех сил, и ему, пожалуй, удалось бы уйти, если бы он не упал, зацепившись ногой за выступавший из земли корень дерева.

Прежде чем Томек успел вскочить, бородач, сопя, как кузнечный мех, железной рукой схватил Томека за шиворот.

— Спасите! — крикнул Томек.

— Молчать! А то живо прошью тебя ножом! — злобно зашипел золотоискатель.

— Не убивайте меня, я... ничего не слышал,— дрожащим голосом просил Томек.

Это уже совсем убедило золотоискателя, что Томек подслушал его беседу с отцом.

— Ты что здесь делаешь, только говори правду! — грозно сказал он.

— Я вышел поохотиться...

— Не лги! Это Томсон тебя прислал.

— Честное слово, нет! Я не знаю такого страшного человека.

— Значит, ты слышал, что мы говорили о Томсоне, — пробурчал золотоискатель.

Томек только теперь заметил свою ошибку, но отпираться было уже поздно. Он испуганно умолк, а золотоискатель взвалил Томека себе на спину, словно куль муки, и поволок обратно в свое логовище. Вскоре к ним подошел старший золотоискатель.

— Слышал все, что мы говорили, — коротко сообщил младший, посадив Томека на землю.

— Кто ты и как твоя фамилия? — спросил старший мужчина, внимательно рассматривая Томека.

— Я Томаш Вильмовский. Вместе с отцом я занимаюсь ловлей животных для зоологических садов, — ответил Томек.

— Я так и думал. Ты из того лагеря на поляне?

— Да, честное слово. Вы можете мне верить, я не знаю Томсона. Я вышел на охоту. Я уже собирался возвращаться в лагерь, как вдруг услышал ваши голоса.

— Зачем ты стал подслушивать?

— Я заинтересовался и решил узнать, кто может быть здесь в совершенно безлюдной местности. Потом я испугался. Ну и в конце эта птица со своим хохотом...

— Ну что ж? Ничего не поделаешь! Мы должны задержать тебя здесь, пока не придет время уходить отсюда, — решил старший золотоискатель. — Где твой отец?

— Поехал охотиться на горных кенгуру. Пожалуйста, пустите меня в лагерь. Честное слово, я никому ничего не скажу.

— Когда отец возвращается с охоты? — продолжал допрос золотоискатель, пропуская просьбу Томека мимо ушей.

— Через два или три дня. Ведь вы выпустите меня, да?

— Сколько человек осталось в лагере?

Томек подумал, что если он скажет правду, золотоискатели нападут на лагерь. Поэтому он быстро ответил:

— В лагере остались матросы. Несколько человек, и они видели, в какую сторону я пошел.

— Ну, только не пугай нас,— пробормотал младший золотоискатель.

— Нечего долго рассуждать, вернется Томсон или нет. Забираем барахло и уходим,— решительно сказал старший.— Мальчик прав. Они его, конечно, будут искать.

— Я уверен, что будут искать,— быстро подтвердил Томек.

— Привяжи его к дереву,— приказал старший золотоискатель.

Томек не сопротивлялся. Второй бородач не стал терять времени. Он принес из палатки мешок и стал проворно упаковывать вещи. Приборы, служившие им для промывки золота, он бросил в кусты. Вскоре стал снимать и складывать палатку, как вдруг сверху послышался грозный окрик:

— Руки вверх, проклятые крысы!

Золотоискатели замерли на месте, словно пораженные громом, повернув головы к скале, откуда слышалась команда. Томек тоже посмотрел туда. Его охватил ужас. На скале стояли пять здоровенных верзил. В руках у них торчали пистолеты, направленные на золотоискателей.

— Что это значит, Томсон? — спросил старший золотоискатель, недоверчиво поглядывая в сторону бандитов.

— Ты столь же нагл, как и глуп, Джон О'Донелл,— ответил Томсон.— Видите? Голубки приготовились улететь из гнездышка, оставив компаньона, что называется, на бобах? Ну-ну! Папаша вполне достоин своего сыночка! Я сразу заподозрил, что вы захотите оставить меня в дураках. Поработай с нами шесть месяцев, глупый Томсон, а потом мы сами поделим добытое золото. Достаточно было мне поехать за продуктами, как вы сразу стали готовиться к отлету? Ах вы, идиоты! Однако вы попали не на дурака. Вот мои то-

варищи, они проследят за справедливым дележом золота. Приятный сюрприз.

— Лжешь, Томсон! С самого начала ты только о том и думал, чтобы ограбить нас,— возразил О'Донелл.— Мы ликвидируем стоянку только потому, что зероловы выследили нас. А вот доказательство!

Старик протянул руку, указывая на Томека, привязанного к дереву.

— Что я вижу? Вы захватили мальчика? — удивился Томсон.— Это дело вам так не пройдет. Руки вверх!

— Томсон, я вижу, ты ищешь, к чему бы придраться! — вскричал О'Донелл.

— Я всегда найду то, что ищу,— саркастически улыбаясь, ответил Томсон.— То, что вы захватили мальчика, ставит вас в положение преступников.

Томек смотрел на разыгравшуюся перед ним сцену, затаив дыхание. В глазах молодого золотоискателя он заметил искру гнева и отчаянную решимость. О'Донелл молниеносным движением схватил револьвер Томека, лежавший на земле. Томсон без колебаний нажал курок. На лице молодого О'Донелла появилась гримаса боли, несмотря на это, из ствола его револьвера посыпались пули. Томсон упал с уступа скалы. Он остался недвижимо лежать, раскинув руки, почти у самых ног золотоискателя.

— Не стрелять! Золото хорошо спрятано. Без нас не найдете! — крикнул золотоискатель, обращаясь к товарищам Томсона.

Четыре разбойника стояли в нерешительности, держа оружие наготове. Однако победа неожиданно оказалась на стороне разбойников: глаза раненого Томсоном младшего О'Донелла заволкли туманом и он тяжело упал на мертвое тело противника.

— Ты проиграл, старик! — злоратно рассмеялся один из разбойников.— Нас четверо, а ты можешь рассчитывать только на себя. Держи лапы вверх! Мы сходим вниз, к тебе.

ДОЛГОЖДАННАЯ ПОМОЩЬ

Бушренджеры собрали оружие, валявшееся на земле, и сложили его под скалой, после чего позволили старику заняться раненым сыном. У него было навывлет пробито плечо. К счастью, рана оказалась не очень опасной. Он вскоре пришел в сознание. Как только отец закончил перевязку, бушренджеры связали обоих золотоискателей веревками. После этого начались лихорадочные поиски золота. Отец и сын О'Донеллы наблюдали за ними в мрачном молчании. Они были убеждены, что разбойники не найдут их клад, но отдавали себе отчет в безнадежности своего положения. Столько трудов положено ими для добычи горсти золотого песка, случайно обнаруженного на дне горного ручья, а теперь все это приходится отдать или распроститься с жизнью. Если добровольно не отдать золото, бандиты безжалостно убьют их. Впрочем, они не были уверены в том, оставят ли им жизнь за выдачу песка или убьют, чтобы скрыть всякие следы грабежа.

— Ловко вы спрятали золото,— похвалил О'Донеллов один из бандитов, усаживаясь рядом со связанными жертвами.— Жаль времени на поиски. Если выдадите золото добровольно, мы сохраним вам жизнь.

— Чего ты хочешь? — коротко спросил О'Донелл.

— Вы убили нашего товарища. Ну, черт с ним! Он первый нажал на курок. Разделим золото на шесть частей, и пусть каждый из нас получит по одной части. Хорошо?

— Томсону следовала третья часть. Это мы без колебаний отдадим вам, потому что это его собственность. Этот песок он добыл своими руками.

— Легче на поворотах, папаша. Когда поставим тебя голыми пятками на горячий уголь, ты быстро откроешь нам тайну спрятанного сокровища.

— На это ты не пойдешь!

Бандит хрипло захохотал, наклонился к лицу О'Донелла и спросил:

— Ты меня не узнаешь? Посмотри-ка хорошенько.

Лицо бушрэнджера показалось О'Донеллу знакомым. Он напряг память, пытаясь вспомнить, где он его видел. Эти холодные глаза... они ему знакомы. И вдруг О'Донелл вспомнил. Конечно, он видел это лицо, притом не один раз. По всей Австралии были развешаны объявления с портретом разбойника и с обещанием награды за его поимку.

— Картер! — воскликнул О'Донелл.

— Ну, наконец узнал! Теперь ты знаешь, что я без колебаний прижгу тебе пятки на костре? Теперь ты знаешь, что за мою голову можно получить немалую награду от полиции?

О'Донелл потерял всякую надежду. Ведь он был в руках Картера, разбойника, наводившего страх на всех дорогах Нового Южного Уэльса. Да, этот человек ни перед чем не остановится, чтобы добыть себе горсть золота.

— Я вижу, мы с тобой ударим по рукам, — заговорил Картер, наблюдая за своей жертвой. — Надо было разделить банду на малые отряды, чтобы прорваться сквозь полицейские заставы. Томсон — один из моих людей. Я два месяца ждал недалеко отсюда, пока он закончит работу.

— Короче говоря, Томсон был твоим шпионом? — пробормотал О'Донелл.

— В его обязанность входило уведомление нас о сроках отправки золота с россыпью в город. Когда мы забрали последний транспорт, ему пришлось заметить следы. Он пристал к вам. Как раз тогда вы здесь открыли золото. Томсон мертв, и оплакивать его смерть не будем. Я разрешаю вам оставить две части золота из шести, потому что и без того вы скоро будете жариться в аду, — зловеще пообещал Картер.

— Что же делать? Мы в ваших руках. Сегодня я уж не смогу достать золото. Надо подождать до утра, — сказал О'Донелл, видимо покоровшись судьбе.

— Где спрятано золото? — требовательно настаивал Картер, грозно насупив брови.

— Оно закопано на дне озера. На рассвете я его достану, и начнем дележ.

— Я думаю, О'Донелл, что тебе дорога жизнь...

— Будет так, как я сказал. Но что сделать с этим мальчиком? Пожалуй, лучше его выпустить.

— Кто он, откуда? — полюбопытствовал Картер, бросая зоркий взгляд на пленника.

Томек, не выдержав пристального и безжалостного взгляда разбойника, зажмурил глаза. О'Донелл рассказал Картеру, как было дело. Из его рассказа вытекало, что во время одного из переходов, который они совершали вместе с Томсоном, им удалось случайно найти золото в ручье. Впрочем, это не было коренное месторождение. Видимо, золотые россыпи находятся где-то вверху по течению ручья. То, что они нашли, — это песок и самородки, вынесенные водой и осевшие на дно водоема, образовавшегося тогда, когда упавший с лавиной обломок скалы перекрыл русло ручья. Золотоискатели не уведомили власти о своем открытии. В течение шести месяцев они прилежно добывали золотой песок в этом мрачном ущелье. После того как вблизи появились звероловы, пришлось отказаться от дальнейших разработок. Впрочем, на дне ручья и водоема осталось так мало золота, что игра перестала стоить свеч, а риск, связанный с появлением людей, был слишком велик.

На свое несчастье, Томек подслушал беседу отца с сыном, что вынудило их задержать его, а самим, как говорится, смотать удочки и наострить лыжи. Они хотели бежать прежде, чем Томек сумел бы сообщить своим товарищам о нелегальном прииске. Картер выслушал О'Донелла молча, после чего подошел к Томеку.

— Гм, это, значит, вас испугал этот молодой человек? Открой глаза, парень, и скажи, как тебя зовут, — произнес бандит.

Томек медленно открыл глаза. Он почувствовал на лбу холодную испарину. Старался ответить на вопрос, но не мог произнести ни одного слова. Картер склонился к нему, заглядывая в лицо. Из-за пояса он достал длинный кинжал с тонким и острым клинком. Лицо Томека смертельно побледнело. А Картер тем временем перерезал веревки, связывающие Томека, и назидательно сказал:

— Эх, О'Донелл! Взрослому мужчине не годится так поступать с мальчиком. Вы обошлись с ним, как

с дикарем. Ну, парень, теперь ты скажешь, как тебя зовут?

Томек с облегчением вздохнул. Взгляд бандита показался ему не таким уж страшным.

— Моя фамилия Вильмовский, Томаш Вильмовский, — ответил он с дрожью в голосе.

— Ты действительно приехал со звероловами?

— Да, это так. Мы ловим диких животных для зоологических садов в Европе.

— Сегодня утром мы встретили группу всадников, которые сопровождали лошадей с навьюченными на них клетками. Это, наверное, они?

— Они отправились на ловлю горных кенгуру.

— Почему они не взяли тебя с собой?

— Потому, что я... я хотел устроить самостоятельную охоту и остался в лагере.

— Люблю молодцов, стремящихся к самостоятельности. Сам таким был в твоём возрасте.

— Пустите меня домой, в лагерь. Все уже давно обеспокоены моим отсутствием.

— Тем больше обрадуются, когда увидят тебя целым и невредимым завтра утром. Такие малыши, вроде тебя, способны на разные каверзы, которые могут не понравиться взрослым. На некоторое время мне надо исчезнуть отсюда, а для этого мне нужно золото О'Донеллов и лошади. Думаю, что твой папаша не откажется дать мне лошадей за тебя. Ты понял теперь, зачем мне нужен?

— Ах, вы хотите получить выкуп за меня?

— Ты прав, мой друг, деньги лежат на дорогах, надо только уметь их поднять. Меня называют Кровавым Картером, потому что я убил семерых идиотов, наступавших мне на пятки или хватавшихся за пистолеты в ответ на мое предложение отдать мне кое-какую мелочь из их карманов. Я думаю, что твоему отцу жизнь сына дороже нескольких паршивых кляч. Можешь спокойно спать.

Картер присоединился к остальным бандитам, готовящимся к ночлегу. Они насобирали хворост и, как только стемнело, развели костер. Приготовили себе ложа и уселись за ужин. Чтобы дать возможность поест О'Донеллам, им развязали руки. После ужина разбойники опять их связали.

Томек с трудом проглотил несколько кусков вяленого мяса. Картер приказал ему лечь у самого костра. Томек лежал под низким кустом и с ужасом думал о своем положении. Его схватили опасные бандиты. Они, конечно, прикончат О'Донеллов, а за него потребуют выкуп. В лагере остались только два матроса. Что будет, если Картер узнает об этом?

Томек очень боялся Картера, столь равнодушно говорившего об убийствах. Раздумывая об ужасном положении, в каком он очутился, Томек дрожал от страха.

Время тянулось медленно. Бушрэнджеры укладывались спать. Один из них остался сторожить пленников и поддерживать костер. У него было отвратительное лицо, покрытое оспинами. Он уселся на обломок скалы и бдительно вглядывался в темное устье ущелья, время от времени внимательно разглядывая спящих пленников. Томек пристально следил за ним, не делая ни одного движения. Спустя некоторое время стражники сменились. Новый часовой столь же бдительно смотрел за всем происходящим вокруг bivvака. Но когда его, в свою очередь, сменил третий разбойник, положение изменилось: этот, не долго думая, подбросил веток в костер и немедленно завалился спать. Зевая во всю глотку, стражник смотрел на звезды, блесевшие на небе.

Сердце в груди Томека стало биться сильнее, потому что он заметил, как разбойник, стороживший лагерь, приклонил голову к земле и погрузился в сон, время от времени похрапывая.

«Если я до свету не вернусь в лагерь, случится несчастье,— думал Томек.— Ах, если бы мне удалось бежать...»

Томек решил немедленно привести свое намерение в исполнение. Ведь руки у него были свободны. Картер связал только ноги, потому что не считал мальчика опасным противником. У Томека сохранился его охотничий нож. Во время борьбы с О'Донеллом сорочка Томека выпросталась из брюк и прикрыла собой оружие. Нащупав рукоятку ножа, Томек осторожно вытянул лезвие из ножен и перерезал веревку, связывающую ноги.

«Достаточно влезть на скалу, и путь к бегству свободен,— думал Томек.— Но что будет, если кто-нибудь из разбойников проснется? Ах, лучше не думать об этом! Если бы со мной был мой штуцер!»

Томек внимательно осмотрелся вокруг. Ствол его штуцера поблескивал рядом с карабином Картера у самой головы разбойника. Томек поднялся с земли и шаг за шагом стал красться к спящему Картеру, не спуская с него глаз. Томек чувствовал странный холод, пронизывающий все тело; он затаил дыхание, но сердце бешено колотилось в его груди. Всего лишь три шага отделяют его от Картера.

Вдруг...

«Ш-ш-ш-ш!..»

Томек остановился как вкопанный.

«Ш-ш-ш-ш!..» — снова послышался странный звук.

Томек взглянул по направлению, откуда доносилось шипение. Это О'Донелл призывал его, кивая головой. Томек заколебался, не зная, как поступить. Ведь это О'Донелл виноват в его пленении. Но если он не послушает бородача, тот разбудит всех разбойников своим шипением. Поэтому Томек осторожно сделал два шага и очутился рядом со старым О'Донеллом.

— Есть у тебя нож? — шепотом спросил золотоискатель.

Томек кивнул головой.

— Перережь веревки,— шепнул бородач.

Томек в ужасе отпрянул. Он ни под каким видом не освободит человека, втянувшего его в это ужасное положение. Ведь что сделает О'Донелл, освободившись от связывающих его пут? Бросится на Картера. Начнется борьба. Конечно, разбойники убьют О'Донеллов, и весь их гнев обрушится на Томека. Нет, он не может и не должен вмешиваться в дела ужасных людей. О'Донелл заметил его колебание. Кивком головы попросил наклониться к нему. Томек исполнил просьбу.

— Боже мой, неужели ты не понимаешь, что они убьют меня и сына, как только найдут золото? — шепнул он Томеку.

— Я приведу на помощь людей из нашего лагеря,— тихо ответил Томек.

— Не успеешь... Умоляю тебя, не выдавай нас безоружных этим... убийцам... Позволь мне погибнуть, как подобает мужчине.

Томек все еще колебался. Можно ли отказать в помощи золотоискателям, попавшим в тяжелое положение? При блеске угасающего костра Томек прочел в глазах старика мольбу о помощи и увидел, что по его лицу, изрытому морщинами, катятся тяжелые слезы. Томек внезапно понял, что, если он не выполнит просьбу старика, воспоминание об этих слезах будет преследовать его всю жизнь.

Томек быстро принял решение. Приложив палец к губам, он потребовал от старика О'Донелла полной тишины. Достал нож, перерезал узлы на ногах и руках старика и передал ему нож. О'Донелл крепко пожал руку Томека и продолжал неподвижно лежать на земле. Томек понял: О'Донелл оставляет ему время для бегства. Но бегство без оружия... это невозможно.

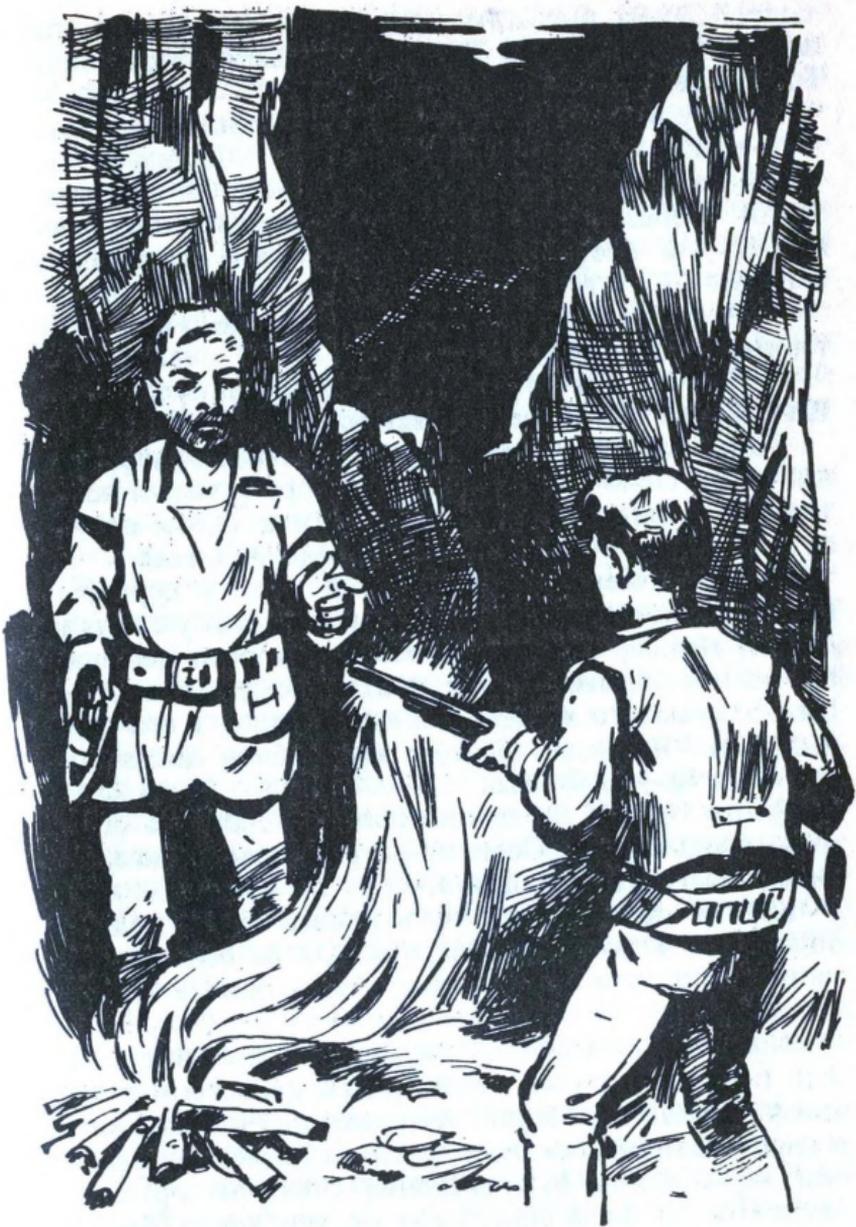
Томек осторожно стал продвигаться в сторону штуцера. Вот он уже совсем рядом. Достаточно протянуть руку. Томек медленно вытягивает правую руку к блестящему стволу, вперив одновременно взор в лицо спящего Картера. Но что это? Рука Томека неподвижно застыла в воздухе. Обман зрения или действительность? Картер смотрит на него? Томек чувствует на себе холодный, безжалостный взгляд бандита...

«Он не спит!» — подумал Томек. Чувствует, как от страха у него на голове волосы встают дыбом. В голове молниеносно проносится: он должен схватить штуцер. Патрон, Томек знает это, уже загнан в ствол, но сумеет ли он выстрелить в спящего? Нет, нет! Он не может этого сделать.

Как вдруг раздался хриплый голос Картера:

— Иди спать, щенок, не то скручу тебе голову, как цыпленку!

Томека пронзила холодная дрожь. Ведь О'Донелл убежден, что грозный бандит не сдержит данного слова. Что будет с Томеком, когда золотоискатели погибнут от руки Картера? Что будет с его товарищами в

лагере? Томек внезапно понял, что Картер хуже того тигра, которого ему, Томеку, пришлось застрелить... Томек схватил штуцер.

Картер вскочил на ноги быстро и ловко, как кот.

— Давай сюда! Надо тебя связать...— буркнул он.

Слова бандита разбудили часового. Он вскочил с земли, разразясь громким ругательством, и подбросил хворосту в костер. Вскочили на ноги и остальные бандиты.

— А ну-ка сюда, немедленно ко мне, ты!..— Картер направился к Томеку.

— Картер! Стой! Ни с места!..— крикнул Томек.— Ни с места! Буду стрелять! Ей-богу, выстрелю!

Томек шаг за шагом отступал и наконец уперся спиной в отвесную каменную стену. Картер медленно шел за ним, вперив в него холодный взгляд. Он не испугался даже металлического щелчка предохранителя.

Палец Томека уже был готов нажать курок, как вдруг он скорее почувствовал, чем увидел у своих ног Динго, глухое, злобное ворчание которого перешло в протяжное завывание. Как только Томек узнал своего Динго, ставшего между ним и бандитом, в его сердце появилась надежда. Присутствие собаки доказывало, что помощь уже близка.

Динго присел на задние лапы. Шерсть на его загривке вздыбилась. Оскалив острые зубы, Динго готовился прыгнуть на бандита.

Картер остановился. Его правая рука медленно опускалась к кобуре револьвера. Он не обращал внимания на то, что ствол штуцера остановился на высоте его груди.

Внезапно они услышали протяжный свист. Темный предмет упал на землю рядом с костром, отскочил и, описав короткую дугу в воздухе, попал Картеру в висок. Бандит тяжело опустился на землю. Прежде чем изумленные бушренджеры схватили оружие, с площадки на скале прыгнули два человека. Томек узнал их сразу. Это были Тони и Смуга. Тони бросился на часового, вынимавшего из кобуры револьвер. В смертельной схватке они покатались по земле. Не колеблясь ни минуты, Смуга бросился на двух остальных бандитов. Левым кулаком Смуга ударил бушренд-

жера в подбородок так, что тот упал, однако он не потерял сознания и выхватил из-за голенища нож. Смуга ударил его еще раз. Бандит тяжело опустился на землю, широко разбросав руки. В этот момент слышался выстрел. Смуга моментально припал к земле; пуля со свистом пронеслась мимо его головы. Смуга как молния вскочил на ноги и бросился на четвертого бандита. Тот не успел выстрелить второй раз, потому что старый О'Донелл бросился ему на спину и всей тяжестью своего тела повалил разбойника на землю. Смуга подбежал к ним и ногой выбил револьвер из рук бандита. На подмогу к нему бросился Тони, который с помощью О'Донелла быстро связал бушрэнджера.

— Как твои дела, Тони, что ты сделал со своим противником? — спросил Смуга.

— Лежит связанный, — коротко ответил Тони.

Вдвоем они подбежали к Томеку. Тот стоял, опираясь спиной о скалу, и судорожно прижимал к груди штуцер. Между Томеком и лежавшим неподвижно Картером прижался к земле Динго, готовый снова броситься на защиту своего хозяина.

— Вот и все, Томек, уже все! — сказал Смуга и, обращаясь к Тони, добавил: — Займись Картером.

— Не надо, — лаконично ответил Тони.

О'Донелл подошел к распростертому главарю шайки. Пощупав пульс, он сказал:

— Черт возьми! Никак не предполагал, что можно куском дерева так ловко попасть в человека. Картер мертв!

— Картер плохой белый человек. Он хотел обидеть моего маленького «паппа»¹. Он уже не поднимет руки против него, — заявил Тони.

— За голову Картера назначена крупная награда, — сообщил О'Донелл.

— Это меня не касается. Томек, что здесь произошло? — спросил Тони, бросая на О'Донелла проницательный взгляд.

Он нежно обнял Томека и повел его к костру. Томек кратко рассказал о событиях истекшего дня. Ког-

---

¹ Паппа — брат на языке туземцев Австралии.

да Томек упомянул, что О'Донелл поймал его, Тони с укоризной взглянул на золотоискателя.

— Мы очень сожалеем, что так с тобой поступили, мальчик,— сказал старший О'Донелл.— Мы не хотели тебя обидеть. Мы бедные люди. Опасение потерять все, что мы с таким трудом добыли, привело нас в отчаяние.

— Нищета погнала нас⁵ в чужую страну, и в поисках работы мы пришли сюда,— добавил младший О'Донелл.— Мы нашли немного золота и хотели вернуться в Ирландию, чтобы начать новую жизнь. Мы чувствовали, что наш случайный товарищ, Томсон, готовит нам какую-то подлость. Но мы не собирались обманывать его.

— Наши предположения оправдались. Томсона подослал Картер, которому золото было нужно, чтобы облегчить бегство от полиции,— говорил старший О'Донелл.— Нет сомнения, вы спасли нам жизнь. Что ж, мы простые люди. Мы не умеем выразить свою благодарность на словах. Скажу кратко: часть золота, принадлежащая Томсону, переходит в вашу собственность...

— Золотой песок только на время лишил нас рассудка,— горячо поддержал отца молодой О'Донелл.

— Что касается меня, то я и слышать не хочу о вашем золоте. Я бы вам помог и без всякой оплаты. Жаль только, что вы не оказали доверия нашему молодому другу, который, несмотря на ваш поступок по отношению к нему и явную опасность освободил вас от уз,— сухо заметил Смуга.

— У Малой Головы большое сердце, поэтому я считаю его своим паппа, то есть братом. Его враги — мои враги,— вмешался Тони.— Мой бумеранг летит, как птица, и поразит всякого, кто обидит Томека.

— Тони, ты в самом деле хочешь быть моим братом? — живо сказал Томек, хватая Тони за руку.

— У Тони только одно слово. Я твой брат,— серьезно ответил туземец, крепко сжимая руку Томека.— Ты не выстрелишь в австралийца, как в дикого динго...

— Ах, Тони! Я не мог бы выстрелить в человека. Даже в Картера. Я целился в него, но не мог спустить курок, хотя боялся его больше, чем тигра.

— Я очень рад, что тебе не пришлось стрелять в Картера,— сказал Смуга.— Я предпочел бы отдать Картера в руки полиции. Он, наверное, понес бы заслуженное наказание, как понесут его компаньоны, которых мы передадим властям.

О'Донеллы молча слушали эту беседу. Они были рады чувству безопасности, которое охватило их. Желая как-то выразить свою благодарность, старший О'Донелл сказал:

— Я вас очень прошу, не обижайтесь на нас. Перед вами, Томми, еще долгая жизнь. Я думаю, что во время путешествия по свету вам пригодятся деньги. Примите от нас часть золота. Утром мы разделим весь золотой песок.

— Нет, нет! Возьмите ваше золото себе! Если бы я взял хоть маленькую горсть, Томсон и Картер снились бы мне по ночам! — воскликнул Томек.— Я только хочу как можно скорее оставить это ужасное ущелье.

— Томми хорошо говорит. Золотой песок приносит горе белым людям,— похвалил Тони.

— Увы, Томек, нам придется здесь переночевать,— заявил Смуга.— Утром мы отправим бушренджеров в лагерь и отдадим их в руки полиции. Они заслужили наказание.

— Стало холодно здесь... и... как-то неприятно. Я, наверное, не смогу уснуть,— ответил Томек, прижимая к себе Динго.

— Скоро рассвет. Мы посидим у костра до рассвета,— утешил его Смуга.

— Вы мне еще не сказали, как вы здесь очутились? — спросил Томек.

— Когда мы ехали охотиться на горных кенгуру, то по дороге встретили пятерых мужчин, показавшихся нам подозрительными. Они выдали себя за стригалей овец и утверждали, что идут на север в поисках работы. Мы расстались с ними и поехали дальше. Когда мы очутились на вершине холма, откуда хорошо были видны окрестности, мы убедились, что вместо того, чтобы ехать на север, они поехали на юг, прямо по направлению к нашему лагерю. Мы наблюдали за ними в бинокль до тех пор, пока они не исчезли в гус-

тых зарослях буша. Твой отец стал беспокоиться о тебе и о людях, оставшихся в лагере. Я сказал, что пойду в лагерь и предупрежу о том, что вблизи находятся подозрительные типы. Тони решил сопровождать меня, чтобы я не сбился с дороги. За нами увязался и Динго. В лагере мы застали двух наших товарищей, обеспокоенных твоим долгим отсутствием. Они предполагали, что ты поехал за нами. Тони пришло в голову пустить по твоим следам Динго, и пес привел нас сюда. Мы влезли на скалу, увидели связанных людей и спящих бродяг. Прежде чем мы пришли в себя от удивления, ты встал и направился к костру. Нам пришлось изо всех сил удерживать Динго, который рвался к тебе. Мы ждали только подходящего момента, чтобы обезвредить твоих преследователей. Мы видели, как ты перерезал веревки, связывающие О'Донелла. Потом один из бродяг проснулся, и ты громко назвал его по фамилии. Тони сразу же пояснил, что это очень грозный бандит. Я опасался стрелять, потому что Картер был рядом с тобой. Динго, услышав твой голос, вырвался к тебе. Нельзя было терять ни мгновения. Тони обезвредил Картера бумерангом. Остальное ты уже знаешь.

— Папа не будет беспокоиться из-за вашего долгого отсутствия? — озабоченно спросил Томек.

— Я его предупредил, что мы можем заночевать в лагере, чтобы уберечь вас от возможного нападения.

— Ах, как хорошо, что вы прибыли вовремя! Я очень боялся и... даже сейчас еще чего-то боюсь...

— Вот лучшее доказательство того, что австралийское безлюдье не совсем безопасно для молодых людей. Советую тебе не устраивать больше самостоятельных экскурсий без предварительного разрешения отца. Ты себе представляешь, сколько горя испытал бы этот человек, если бы тебя здесь ранили или убили? Ты должен быть послушным сыном, дисциплинированным участником нашей экспедиции, ведь отец так доверяет тебе.

— Честное слово, я не хотел совершить плохой поступок. Это как-то само так странно произошло, — оправдывался Томек.

— В том, что ты не хотел ничего плохого, я совер-

шенно уверен. Но ты должен понять, что послушание отнюдь не равнозначно ограничению самостоятельности. Твой отец — руководитель экспедиции, и все ее участники обязаны, в той или иной мере, подчиняться ему. Можем ли мы взять тебя в африканскую экспедицию не будучи уверенными в разумности твоего поведения?

Томек насупил брови, размышляя о словах Смуги. До сих пор он не отдавал себе отчета в том, что своими действиями нарушает оказываемое ему доверие. Ведь Смуга желает ему добра. Нет, ему, Томеку, нельзя допустить, чтобы отец, Смуга и боцман Новицкий перестали ему верить. Посмотрев Смуге в глаза, Томек сказал:

— Даю слово, что с сегодняшнего дня буду сообщать отцу о всех моих планах.

— Конечно, перед тем, как приступить к их осуществлению,— добавил Смуга.

— Да, я решил это бесповоротно. Вы мне верите?

— Верю, Томек. В доказательство возобновляю приглашение принять участие в африканской экспедиции.

— Когда мы туда поедem?

— По-видимому, в будущем году. Я надеюсь, ты будешь прилежно учиться, чтобы заслужить согласие отца.

При мысли о школе Томек тяжело вздохнул, но сразу же утешился, вспомнив приглашение в Африку.

— Что ж, ничего не поделаешь! Я готов превратиться даже в настоящего зубрилу,— сказал Томек.— А на каких животных мы будем охотиться?

— О, это будет охота на крупного зверя. И кенгуру, и даже дикие динго это очень добродушные животные по сравнению с обитателями африканских саванн и джунглей. Мы там встретим слонов, львов, буйволов, гиппопотамов, носорогов, жираф, антилоп, горилл и многих других животных, издавна составляющих мечту каждого настоящего охотника. Для нас Африка может стать крупнейшим источником доходов.

— Скажите, а африканские негры столь же добродушны, как и жители Австралии?

— Африканских туземцев нельзя сравнивать с авс-

тралийцами. Достаточно упомянуть хотя бы о воинственных великанах масаях или о карликах-пигмеях, использующих на войне отравленные стрелы, чтобы убедиться в большом различии.

Томек с интересом слушал рассказ Смути и вскоре забыл о битве с бушренджерами. Перед самым рассветом Томек заснул со штуцером в руках, положив голову на Динго вместо подушки. Во сне ему виделась необыкновенные приключения на Африканском континенте.

Смуга с улыбкой смотрел на спящего юношу. Ему вспомнились молодые годы, когда жажда приключений бросила его в водоворот скитаний по свету. С той поры как-то так получалось, что где бы он, Смуга, ни очутился, перед ним вырастали опасности, как грибы после дождя. Он уже привык к ним и считал их своим повседневным уделом. Ловля диких животных пришлась ему по душе. Он умел подчинить своей воле самых диких зверей, но не жестокостью, а твердостью и лаской. Хотя Смуга был великолепным стрелком, он убивал животных только в случае крайней необходимости. После того как Томеку пришлось застрелить тигра, Смуга заметил в его глазах сожаление. Именно поэтому Смуга почувствовал к Томеку доверие и стал его другом.

Опытный охотник чувствовал в душе Томека жажду приключений. Доказательством могли служить события во время австралийской экспедиции. Смуга сомневался, сдержит ли Томек данное слово. Он потребовал его, руководствуясь соображениями безопасности мальчика. Участники экспедиции считали Томека чем-то вроде амулета, приносящего им счастье и удачу. Ведь это Томек спас Смуту, застрелив тигра, ведь это Томек уговорил туземцев принять участие в облаве на кенгуру и страусов, это, наконец, не кто иной, а Томек нашел маленькую Салли, заблудившуюся в буше, а теперь спас от смерти золотоискателей. Томеку везде сопутствовали приключения, но хорошие, достойные благородного сердца. Недаром Тони, говоря о Томеке, сказал однажды: «У Томека большое сердце, и оно привлекает к нему друзей».

Юноша спал глубоким сном; Смуга прервал свои

размышления. Он решил, что Томеку не следует видеть выдачу и арест бушренджеров, поэтому он решил оставить спящего мальчика в ущелье под опекой молодого золотоискателя и вернуться за ним после сдачи бандитов в ближайшее полицейское управление. Смуга бесшумно встал. В его глазах исчезло прежнее благодушие.

— Тони! Томек наконец заснул,— тихо сказал он.— Теперь мы можем заняться бандитами. Отправим их в ближайший город.

Не теряя времени, они развязали бушренджеров, приказали им сделать из ветвей носилки, необходимые для перенесения тел убитых бандитов в город. Вскоре бушренджеры положили своих мертвых товарищей на носилки и понесли их под конвоем Смуги, Тони и старшего О'Донелла в лагерь, откуда бушренджеров должны были отправить на лошадях в город.

XXI

НА ГОРЕ КОСЦЮШКО

Томек время от времени с нетерпением смотрел на синеющую на горизонте горную цепь. Он ожидал возвращения отца с охоты на горных кенгуру. С того времени, как Тони и Смуга уехали, Томек не выходил из лагеря. Он крепко держал данное слово и, чтобы сократить время ожидания, усердно занимался уходом за животными. В свободное время он смотрел на горы в бинокль, надеясь увидеть отца, возвращающегося с пойманными кенгуру.

Со времени опасного приключения с бушренджерами прошло уже два дня. Смуга лично отвез бандитов в расположенный недалеко городок, где по счастливой случайности встретил отряд конной полиции. Представители закона составили акт о смерти Картера и Томсона и похоронили их тела без излишних церемоний. Бандитов, оставшихся в живых, заковали в цепи и повезли в город, так что можно было надеяться, что они не избегнут заслуженного наказания. После этого Смуга вернулся в ущелье золотоискателей.

О'Донелл стремился возможно скорее уехать оттуда, но не мог это сделать из-за болезни сына. Смуга привез с собой походную аптечку с лекарствами и лично занялся перевязкой раненого. Потом, не теряя больше времени, отвез Томека в лагерь экспедиции, а сам присоединился к отряду охотников на кенгуру. Тони не принимал участия в операции со сдачей бушренджеров полиции. По приказанию Смуги он поехал в горы, где должен был найти Вильмовского и рассказать ему обо всем случившемся.

Таким образом, Томек снова остался в лагере с двумя матросами и с нетерпением ожидал возвращения отца. Однако ожидание затягивалось сверх меры; охотники уже шесть дней находились вне лагеря. Томек первый увидел их, возвращающихся с добычей. Он вскочил на своего пони и выехал навстречу. Вскоре он крепко обнял отца. С виноватым видом он ждал упреков с его стороны, но Вильмовский, зная о переживаниях и поведении мальчика, не сердился на него.

— Как себя чувствует раненый золотоискатель? — спросил Вильмовский после первых приветствий.

— Не знаю, папа, но надеюсь, что ему лучше, — ответил Томек, радуясь, что отец не упрекает его.

— Почему же ты не навестил его? Времени у тебя было достаточно.

— Гм, если говорить правду, то у меня было большое желание посетить золотоискателей в их ущелье, но я обещал Смуге, что без твоего разрешения не покину лагерь. Поэтому в ожидании твоего возвращения я занялся уходом за животными.

— Я считаю, что тебе надо заглянуть к золотоискателям и узнать, не требуется ли им помощь с нашей стороны.

— Может быть, мы пойдем туда вместе? — предложил Томек.

— Я убежден, что они стремятся сохранить в тайне свое пребывание в золотоносном ущелье. Думаю, что будет лучше, если ты навестишь их сам. Только спроси, не требуется ли им наша помощь.

В этот день Томек так и не успел навестить О'Донеллов. До наступления вечера он знакомился с пой-

манными животными. Кроме небольших ловких горных кенгуру, охотники поймали две плащеносные ящерицы¹. У этих пресмыкающихся, принадлежащих к семейству агам, на голове и шее торчала кожаная складка, напоминающая воротник. Эти крупные пресмыкающиеся метровой длины бегали на задних лапках, как кенгуру. Охотники поймали также несколько ящериц-молохов², тела которых покрыты кожаными шипами разной величины, тигровую змею, чешуеную ящерицу и несколько птиц коокабурра. Эти последние живо напомнили Томеку его приключение и О'Донеллов. Ведь это коокабурра своим неприятным хихиканьем обратила внимание золотоискателей на Томека, пытавшегося скрыться от них. Но, к сожалению, уже было поздно для прогулки в ущелье золотоискателей. Томек решил пойти туда с самого утра. Это будет его прощальный визит к О'Донеллам, потому что австралийская экспедиция звероловов уже заканчивалась. Бентли дал обязательство, в обмен на медведей коала и нескольких горных кенгуру, дать звероловам интересных австралийских птиц, которых было много в зоологическом саду Мельбурна.

Утром следующего дня Томек оседлал пони и, взяв с собой Динго, направился в гости к золотоискателям. Он без всяких препятствий добрался до скалы, замыкающей ущелье и преграждающей путь к стоянке золотоискателей. Томек привязал пони к дереву, а сам вместе с Динго взобрался на скалу. О'Донеллы сидели у костра. Они жарили рыбу, пойманную в ручье. Томек спрыгнул со скалы и подбежал к ним.

— Ого, у нас приятный гость! — вскричал старший О'Донелл, увидев Томека. — Я уж думал, что ты обиделся на нас. Я рад, что могу попрощаться с тобой перед отъездом из Австралии.

— Я приехал узнать, не нужна ли вам помощь. Вижу, что ваш сын чувствует себя хорошо, — ответил Томек.

— Рана затянулась и уже заживает. Завтра мы уезжаем в Сидней, откуда суда направляются в Европу.

---

¹ *Chlamidosaurus kingi* — в большинстве живет на деревьях.

² *Moloch horridus*.

Мы возвращаемся на родину, в Ирландию. Благодаря тебе мы вернемся туда с деньгами, нужными для обзаведения всем необходимым.

— Мы тоже вскоре оставим Австралию,— сообщил Томек.

О'Донеллы на каждом шагу выказывали Томеку свою благодарность. Они угостили его завтраком. После завтрака они хорошо провели время в дружеской беседе. Томек собрался в обратный путь, пробыв два часа в гостях у О'Донеллов. Во время прощания старый О'Донелл заволновался. Он придержал руку Томека и сказал:

— Я приготовил тебе маленький подарок на память. Он заинтересует тебя, так как это в своем роде достопримечательность. В ущелье я нашел удивительную глину, которая меняет цвет, если ее опустить в морскую воду. По весу куска этой глины можно заключить, что это не простая земля.

С этими словами О'Донелл достал из заплечного мешка кусок глины величиной с кулак взрослого мужчины и тщательно завернул в клетчатый носовой платок.

— Обещай мне, что ты никому не покажешь подарок до того, как погрузишь его в морскую воду. Это будет тебе сюрприз, а мне доставит большое удовольствие. Хорошо? — попросил О'Донелл.

— Если вы желаете, я осмотрю ваш подарок на корабле, когда у меня будет достаточно морской воды.

— Я убежден, что такой джентльмен, как ты, сумеет сдержать данное слово.

Томек с трудом подавил смех. Что за чудак этот старик! Почему он с такой важностью говорит о куске обыкновенной глины? Но Томек не намеревался лишать старика удовольствия. Взял сверток и с трудом засунул его в карман.

— Только не потеряй, пожалуйста,— напомнил О'Донелл.— Это будет большой сюрприз.

— Большое спасибо. Не потеряю, будьте спокойны,— обещал Томек, прощаясь с золотоискателями.

Томек направился в обратный путь. Тяжелый кусок глины очень мешал ему в дороге. Сразу же по прибытии в лагерь Томек бросил подарок О'Донелла на дно чемодана и немедленно о нем забыл.

На следующий день началась подготовка к отъезду экспедиции. Звероловы готовили клетки для животных и собирали запас корма для них. Наконец подготовка закончилась и настало время отъезда. В один прекрасный день звероловы снялись с места и двинулись на юг. Они ехали довольно медленно, так как везли с собой большое количество пойманных животных. Время от времени они должны были останавливаться на длительный отдых. Им приходилось часто чистить клетки, кормить животных, пополнять запасы кормов, на что требовалось немало времени. Но забота о гигиене животных приносила прекрасные плоды. Четвероногие узники хорошо переносили неволю. Некоторые из них успели даже подружиться со звероловами.

Приближался конец ноября. Жара усиливалась и давала себя чувствовать нашим путешественникам. Вильмовский с тревогой ожидал наступления австралийского лета, разгар которого приходится на декабрь—январь. Уже теперь, в конце ноября, немногочисленные реки и ручьи, стекавшие с гор, стали пересыхать, трава желтела прямо на глазах, земля отвердела и на ней появились трещины. Опасения Бентли, что лето будет сухим, оправдывались.

Но все же после очень мучительного пути экспедиция очутилась на берегу большой реки. Бентли считал, что это один из притоков реки Муррей. По его мнению, в двух днях пути вниз по течению этого притока находилась железнодорожная станция. Теперь экспедиция могла не бояться отсутствия воды. Вильмовский, желая дать отдых людям и лошадям, распорядился сделать привал на несколько дней. Почти весь остаток дня звероловы были заняты разгрузкой клеток с животными и установкой палаток.

Под вечер Томек решил искупаться в реке. Он разделся и вместе с Динго стал с удовольствием барахтаться в теплой воде. Выкупавшись, они стали бродить по воде у самого берега. Вдруг гневное ворчание пса обратило внимание Томека. Динго высмотрел какое-то странное существо и плыл к нему изо всех сил. Томек поплыл вслед за ним. Он увидел спину животного, выступавшую из воды и покрытую шер-

стью; голова странного существа заканчивалась клювом, похожим на клюв утки. Томек сразу же вспомнил, что Смуга по пути из Варшавы в Триест рассказывал ему об этих обитателях Австралии.

— На помощь! Утконос! — на всякий случай крикнул он, так как не был уверен, безопасно ли это странное животное.

Но прежде чем прибежали охотники, утконос нырнул в воду, махнув хвостом у самого носа Динго. Пес нырнул вслед за ним, но вскоре выплыл, чтобы набрать воздуха.

— Что случилось? — с тревогой спросил Вильмовский, остановившись на берегу реки.

— Я видел утконоса! Динго пытался его схватить, но тот нырнул в воду у самого берега, — взволнованно сообщил Томек.

— Опиши мне внешний вид этого животного, — попросил Бентли.

— У него был клюв, как у утки.

— Возможно, что это и впрямь утконос. Эти животные в сумерки выходят из нор в поисках пищи. Куда он спрятался? — расспрашивал Бентли.

— Здесь, у самого берега.

— Пощупай рукой, нет ли там отверстия, ведущего в нору утконоса, — посоветовал Смуга.

Томек приблизился к берегу. Через некоторое время он вскрикнул:

— Да, да! Правильно! Я нащупал отверстие, похожее на вход в нору!

— Прекрасно! Как вы думаете, может быть, стоит поохотиться на утконосов? — спросил Бентли.

— Мне не приходилось слышать, чтобы утконосы выдерживали неволю. Во всяком случае их нет ни в одном из зоологических садов, — заметил Вильмовский.

— Это верно, что утконосы очень плохо переносят неволю. По-видимому, мы не знаем правил их содержания. Туземцы ловят их ради мяса и меха, из которого шьют себе головные уборы, — добавил Бентли.

— Заполучить и привезти в Европу живого утконоса было бы немалой заслугой нашей экспедиции, — вмешался Смуга.

— Попытаемся его поймать, раз уж мы обнаружили это интересное животное,— решил Вильмовский.

— Если так, то я сейчас принесу снаряжение, необходимое для поимки утконоса,— заключил Бентли.

Вскоре он вернулся с сетью, напоминающей длинный рукав, прикрепленный к обручу. Вместе со Смугой они закрыли сетью отверстие, ведущее в нору животного, после чего вернулись на свою стоянку.

Вечером, сидя у костра, Вильмовский обсуждал с Бентли условия обмена пойманных животных на австралийских птиц, множество которых водится в саду Зоологического общества в Мельбурне. Они окончательно договорились, что за нескольких горных кенгуру и двух коала Бентли как директор зоологического сада даст Вильмовскому нескольких пернатых представителей австралийской фауны. Это было выгодно Вильмовскому, так как значительно сокращало сроки пребывания экспедиции в Австралии. Таким образом, последним этапом поездки по Австралии должен стать город Мельбурн, столица штата Виктория. Согласно договору, капитан Мак-Дугал должен был прибыть туда на «Аллигаторе» в течение ближайших дней.

После погрузки судна и обмена животных на птиц экспедиция должна отправиться из Мельбурна в Европу.

Звероловы рассчитывали пожить в Мельбурне, родном городе Бентли. Зоолог был этому рад. Он искренне полюбил своих польских друзей и хотел представить их матери. Бентли упомянул, что в настоящее время они находятся всего лишь в восьмидесяти километрах от горы Косцюшко. Вильмовский, как только услышал об этом, сразу же спросил, сколько времени заняла бы поездка в Австралийские Альпы.

— Я думаю,— ответил Бентли,— что поездка на гору Косцюшко не займет больше пяти дней. Мы можем, пожалуй, позволить себе маленькую прогулку, потому что нам придется простоять здесь около недели.

— Ах, да, да! Мы должны взойти на гору, открытую Стшелецким,— просил Томек.

— Стоит воспользоваться благоприятным случаем,— поддержал его боцман Новицкий.

— Давайте хотя бы так отметим заслуги нашего знаменитого земляка, — добавил Смуга.

— Тони прекрасно знает кратчайший путь к горе Косцюшко, ведь это места, где он родился и провел детство, — сказал Бентли.

— Думать больше не о чем. Завтра в полдень мы едем на прогулку к горе Косцюшко, — согласился Вильмовский, чем привел Томека в восторг.

Охотники сразу же легли спать, чтобы хорошенько отдохнуть перед дорогой. На рассвете Тони стал упаковывать палатки, а Вильмовский, Смуга, Бентли и Томек пошли на берег реки, чтобы проверить поставленную накануне ловушку на утконоса. Когда сеть появилась из воды, они увидели в ней двух странного вида животных, покрытых густой шерстью коричневого цвета. Длина каждого из них не превышала шестидесяти сантиметров, включая короткий хвостик. Томек убедился, что пасть у них заканчивалась, как это утверждал когда-то Смуга, широким, покрытым кожей клювом, похожим на утиный, а между пальцами на ногах была прочная плавательная перепонка. Бентли сказал, что сведения об образе жизни, питании и размножении утконосов до сих пор совершенно недостаточны. В конце девятнадцатого века удалось установить, что утконосы несут яйца с мягкой кожистой скорлупой, похожие на змеиные. Как и у всех млекопитающих, молодые утконосы кормятся молоком матери, выделяющимся из сосков на ее животе.

— Как нам везти утконосов? — спросил Томек, разглядывая оригинальных животных.

— Мы их поместим в корзины, устланные речными водорослями, — ответил ему отец. — На «Аллигаторе» мы им устроим небольшой бассейн.

— Не очень надейтесь, что доvezете их в целостности и сохранности до места назначения, — сказал Бентли. — Они погибнут прежде, чем вы их доvezете до ближайшего зоологического сада.

— А может быть, нам удастся их сберечь, — вмешался Томек.

— Мы сделаем все, что от нас зависит, чтобы сохранить их невредимыми во время путешествия, — сказал Вильмовский.

Они вернулись на стоянку с утконосами на руках и занялись подготовкой соответствующего помещения. Около полудня все уже были готовы к прогулке на гору Косцюшко. До самого заката ехали прямо на восток. На рассвете следующего дня тронулись в дальнейший путь. Жара становилась невыносимой. Путники вздохнули с облегчением, почувствовав живительный, холодный ветер, веющий с видневшихся на горизонте гор. Вскоре они въехали в долину, выходящую между невысокими холмами. Тони прекрасно знал местность и без колебаний вел путешественников по самым крутым и диким тропинкам. Через несколько часов форсированного марша они очутились в глубокой котловине, окруженной со всех сторон высокими вершинами гор. Тони задержал коня на берегу горного ручья, воды которого с пеной неслись по каменистому руслу.

— Вот так сюрприз! В Австралии летом идет снег? — удивился Томек, вглядываясь в белоснежные шапки горных вершин.

— Я был уверен, что один лишь вид снега в этой жаркой стране будет тебе приятен не меньше, чем посещение горы Косцюшко, — сказал Бентли.

— В Австралийских Альпах снега выпадают с мая по ноябрь, что приносит жителям восточного побережья множество радостных минут. Гора Косцюшко — излюбленное место экскурсий жителей австралийских городов.

— Видна ли отсюда гора Косцюшко? — спросил Томек.

— А вот посмотри на острый пик, прямо перед нами, полностью покрытый снегом. Это и есть гора Косцюшко, — сказал Бентли.

Покрытый вечными снегами острый пик господствовал над несколькими окружающими его вершинами. Это была гора Косцюшко, открытая и названная Стшелцким в честь польского национального героя. Группка поляков в молчании смотрела на высокую вершину горы. Они с волнением думали о том, что эту вершину открыл их соотечественник. Бентли, по-видимому, догадался, какие чувства обуревали его спутников. Он положил руку на плечо Томека и сказал:

— Шестьдесят два года назад Стшелецкий начал свою крупнейшую экспедицию. Идя от долины реки Муррей в западном направлении, он дошел до цепи Австралийских Альп. Кто знает, может быть, он смотрел на гору с этого же места, на котором стоим мы? Стшелецкий в обществе только одного проводника совершил трудное и опасное восхождение на самую высокую вершину этих гор, неся на себе измерительные приборы.

— Почему Стшелецкому пришлось самому нести приборы? — спросил Томек.

— Перед экспедицией Стшелецкого поселенцы не знали этой местности. Здесь в то время не было дорог и даже тропинок. Теперь на самую вершину горы¹ можно въехать верхом на лошади, но несколько десятков лет назад Стшелецкому пришлось добираться туда с великим трудом. Ведь он был первым белым человеком, стопа которого коснулась девственной почвы незнакомых гор. Восхождение на гору сопровождалось многими трудностями, тем более что Стшелецкому пришлось самому нести геодезические приборы, чтобы уберечь их от повреждения. Именно острый пик горы Косцюшко показался ему самым удобным местом для измерений. Впрочем, скоро мы сами убедимся, какой обширный вид открывается с вершины этой горы.

Путешественники выбрали место для ночлега на берегу ручья. Они долго сидели у костра, беседуя о великом польском путешественнике — исследователе Нового Южного Уэльса. Укладываясь спать, поздним вечером, они вынуждены были укрыться теплыми одеялами, потому что ночь была холодной.

Ранним утром они снова сели на лошадей. Тони вел их стороной, желая подойти к подножию горы с восточной стороны. Наконец он нашел довольно широкую тропинку, по которой лошади могли без особого труда подниматься вверх. Слезть с лошадей им пришлось только на расстоянии нескольких сот метров от вершины. Путешественники оставили лошадей под наблюдением Тони, а сами под предводительст-

---

¹ Высота горы Косцюшко составляет 2245 м.

вом Бентли взошли на вершину. Они были поражены величию открывшейся картины. С горы можно окинуть взором площадь около восемнадцати тысяч квадратных километров. Вдали на востоке, несмотря на расстояние, превышающее восемьдесят километров, хорошо было видно морское побережье. Непосредственно у ног путешественников виднелись полосы зелени, крутые каньоны долины реки Муррей и ее притока Маррамбиджи.

— Видимо, здесь думал Стшелецкий о Косцюшко, если эту вершину назвал его именем,— прервал молчание Томек, обращаясь к стоявшему рядом Бентли.

— Я должен кое-что уточнить,— ответил Бентли.— Горой Косцюшко Стшелецкий назвал соседнюю вершину, так как считал, что именно она является высочайшей на Австралийском континенте. Только несколько десятков лет позднее австралийский зоолог Ленденфильд, обследуя эти места, установил с помощью более совершенных приборов, чем те, которыми располагал Стшелецкий, что вершина, на которой мы находимся, на несколько метров выше, чем это считал Стшелецкий. В честь австралийского инженера-геодезиста он назвал эту вершину горой Тоунсенда, а гору Косцюшко переименовал, назвав ее горой Мюллера, по имени германского естествоиспытателя. Несмотря на это, жители Австралии, установив, что измерения Ленденфильда точны, высочайшую вершину Австралии назвали горой Косцюшко, а наименование Тоунсенд оставили за соседней вершиной, открытой ранее Стшелецким. Так австралийцы исполнили желание польского первооткрывателя Австралии.

— Вот именно! Этому Ленденфильду не понравилось, что какой-то поляк раньше немца открыл высочайшую гору в этой стране,— с иронией заметил боцман Новицкий.— Австралийцы молодцы, раз они не забыли, что для них сделал наш соотечественник.

— Забыть заслуги Стшелецкого было бы черной неблагодарностью,— горячо подтвердил Бентли.— Не говоря уже о том, что все свои исследования Стшелецкий вел за свой собственный счет, он, кроме того, рисковал жизнью для блага жителей этой страны. Исследование Голубых гор, свыше четверти века пре-

граждавших путь во внутреннюю часть континента, было, пожалуй, еще опаснее, чем переход через Австралийские Альпы и колючий сухой скрэб до Мельбурна.

— Не могу себе представить, что Голубые горы могли оказаться для отважного путешественника опаснее, чем колючий скрэб, о котором вы нам рассказывали во время охоты на динго,— недоверчиво сказал Томек.

Бентли улыбнулся задорному юноше и ответил:

— И все же это так, Томек! Между отдельными хребтами Голубых гор лежат бездонные пропасти, глубокие ущелья, окруженные высокими каменными стенами. Спуск на дно этих ущелий и теперь изобилует опасностями. В доказательство приведу тебе пример с австралийским землемером Диксоном, который хотел взойти на гору Гей, одну из вершин Голубых гор. Для этого он углубился в совершенно неисследованное в то время ущелье реки Гроз. Четыре дня блуждал Диксон по лабиринту ущелий и, совершенно выбившись из сил, благодаря лишь счастливой случайности, выбрался оттуда, не достигнув намеченной цели. Стшелецкий знал об опасностях, с которыми встретился Диксон, но, несмотря на это, без колебаний стал исследовать долину реки Гроз, попутно совершив восхождение на гору Гей, чего не сумел сделать Диксон. Именно тогда Стшелецкий чуть не погиб вместе со своими туземными спутниками. Когда они подошли к подножию горы Гей, внезапно разразилась гроза, сопровождавшаяся сильным градом и дождем. В горах похолодало так сильно, что члены экспедиции едва не замерзли. Даже привычные ко всяким невгодам туземцы падали от истощения сил. Только лишь благодаря безошибочному инстинкту путешественника, которым в совершенстве обладал Стшелецкий, экспедиции удалось избежать гибели. В момент, когда казалось, ничто не спасет путешественников от смерти, они наткнулись на ферму одинокого овцевода.

— Нет сомнения, что Стшелецкий отличался отвагой и самоотверженностью,— сказал Вильмовский.— Я предлагаю почтить его память минутой молчания.

Путешественники обнажили головы. Они в задум-

чивости стояли на покрытой снегом вершине горы. Спустя некоторое время Вильмовский, надев шляпу, медленно пошел вниз. Остальные вместе с Томеком пошли вслед за ним.

Вскоре они присоединились к Тони, сторожившему лошадей, и еще до наступления темноты очутились на берегу ручья, где ночевали накануне.

На рассвете они бодро отправились в обратный путь, в лагерь, куда прибыли без всяких приключений.

XXII

ТАЙНА СТАРОГО О'ДОНЕЛЛА

Динго радостным ласем приветствовал путешественников, вернувшихся на стоянку экспедиции. Как только Томек соскочил с лошади, Динго бросился к нему на грудь и стал ластиться у ног, махая пушистым хвостом. Динго требовал ласки за скуку во время долгой разлуки. Дело в том, что Томек не взял своего любимчика на прогулку к горе Косцюшко. Обрадовавшись встрече с другом, Томек решил поиграть с ним на берегу ручья. Они стали весело бегать наперегонки. Вскоре Томек, разогревшись от бега, бросился вместе с Динго в прохладные волны реки. И только лишь после двух часов игры и забавы Томек и пес, усталые, но довольные, прилегли на землю на опушке рощи, чтобы немного отдохнуть. Томек вынул маленькие серебряные часы, полученные в подарок от Карских в день отъезда из Варшавы. Часы показывали всего лишь три часа после полудня.

«Поспать немного, что ли?» — решил Томек, положив часы рядом с собой на сложенной одежде.

Томек заснул быстро. Как вдруг его разбудил громкий лай Динго. Разгневанный пес бегал близ рощи и, разглядывая что-то вверху, непрерывно лаял. Томек хотел проверить, долго ли он спал, и протянул руку за часами. К своему удивлению, он не нашел часов там, где их оставил, засыпая. Томек ощупал карманы, осмотрел кругом землю, но часы улетучились, словно камфора.

«Наверное, кто-нибудь стащил часы во время моего сна,— подумал Томек.— Вор, по-видимому, скрылся в буше и потому Динго так нервничает».

Томек в испуге побежал к лагерю. Вскоре он вернулся с друзьями.

— Кто украл твои часы в этой безлюдной местности? — задумался Бентли, наблюдая за поведением Динго.— Несомненно, собака видела вора. Почему она позволила ему спокойно уйти?

Тони не терял напрасно времени на разговоры. Он тщательно искал следы вокруг. Через некоторое время он сказал:

— Есть только следы пса и Томми.

— Кто же, в самом деле, взял мои часы? — волновался Томек.— Ведь Динго все время бегает на опушке рощи. Вероятно, там скрывается вор!

— Томек хорошо говорит,— подтвердил Тони.— Вор, конечно, скрылся в буше.

— Тони, ведь тот, кто взял часы, должен был обязательно оставить следы на земле,— сказал Вильмовский.— А ты сам говоришь, что, кроме Томека и Динго, никого здесь не было.

— Если бы вор ходил по земле, Динго не позволил бы ему взять часы,— ответил следопыт.

— Тони, ты уже подозреваешь кого-нибудь? — спрашивал Томек, взволнованный сообщением следопыта.

— Я думаю, у маленького вора были крылья, и Динго его видел,— пояснил Тони.

Звероловы посмотрели на Тони с удивлением; Бентли первый сообразил, в чем дело.

— Ты подозреваешь беседковых птиц¹? — спросил он, обращаясь к Тони.

— Да, я думаю о них,— ответил Тони.

— В самом деле, Динго лает на птиц,— вмешался Вильмовский.— Неужели это они стащили часы?

— Это очень возможно,— сказал Бентли.— Эти птицы строят в чаще леса маленькие садики с бесед-

---

¹ Беседковые птицы, или шалашники (*Ptilonorhynchidae*). В данном случае речь идет об очень распространенном в Австралии фиолетовом шалашнике (*Ptilonorhynchus violaceus*).

ками, украшая их цветами, перышками, раковинками и вообще разными блестящими вещичками. Местные жители прекрасно знают их повадки. Если у кого-нибудь пропадает блестящий предмет, они ищут потерю в шалашах беседковых птиц.

— Мне кажется, что отсутствие следов и поведение Динго подтверждают предположение Тони, — вмешался Смуга.

-- Очень возможно, — добавил Бентли. — Птица схватила часы и села на ветку дерева. Динго потерял след. Он волнуется, потому что не может выследить вора.

— Если это так, то я уж никогда не найду свои часы, к которым так привык, — печально сказал Томек.

— Не теряй надежды, — утешил его Бентли. — Австралийские туземцы могут выследить даже пчел в их полете, а ведь Тони — мастер своего дела. Ты только смотри, что он будет делать.

Тони некоторое время внимательно следил за птицами, летавшими над кустарником, после чего, все время наблюдая за движением птиц, стал медленно углубляться в буш. Он шел вперед, останавливался, поворачивался то влево, то вправо, возвращался назад и, наконец, наклонившись, полез в кусты, где вскоре совершенно пропал. На поляну он вернулся после довольно длительного отсутствия. Он пригласил звероловов идти за ним. Вильмовский крепко взял Динго за ошейник; все двинулись вслед за Тони. Идти им пришлось не больше пятидесяти шагов, потому что следопыт остановился у большой группы кустарников. Движением руки он попросил их сохранять тишину, наклонился и раздвинул руками ветви куста. Томек поспешил заглянуть внутрь чащи. Между корнями кустиков находился небольшой садик, со всех сторон окруженный заборчиком высотой в несколько сантиметров, сплетенным из веток и травы. Внутри палисадника стояли шалаша с двумя входами, построенные из гибких веточек, к которым вели гладкие дорожки. Шалашики и дорожки были украшены красочными перьями попугаев и цветами. В центре палисадника, в окружении разноцветных камешков, косточек и перышек, лежали серебряные часы. Птицы, размер которых был чуть больше воробьев, весело

прыгали по дорожкам. Одни из них скрывались в шалашиках, будто играя в прятки, другие гонялись друг за другом с громким щебетанием.

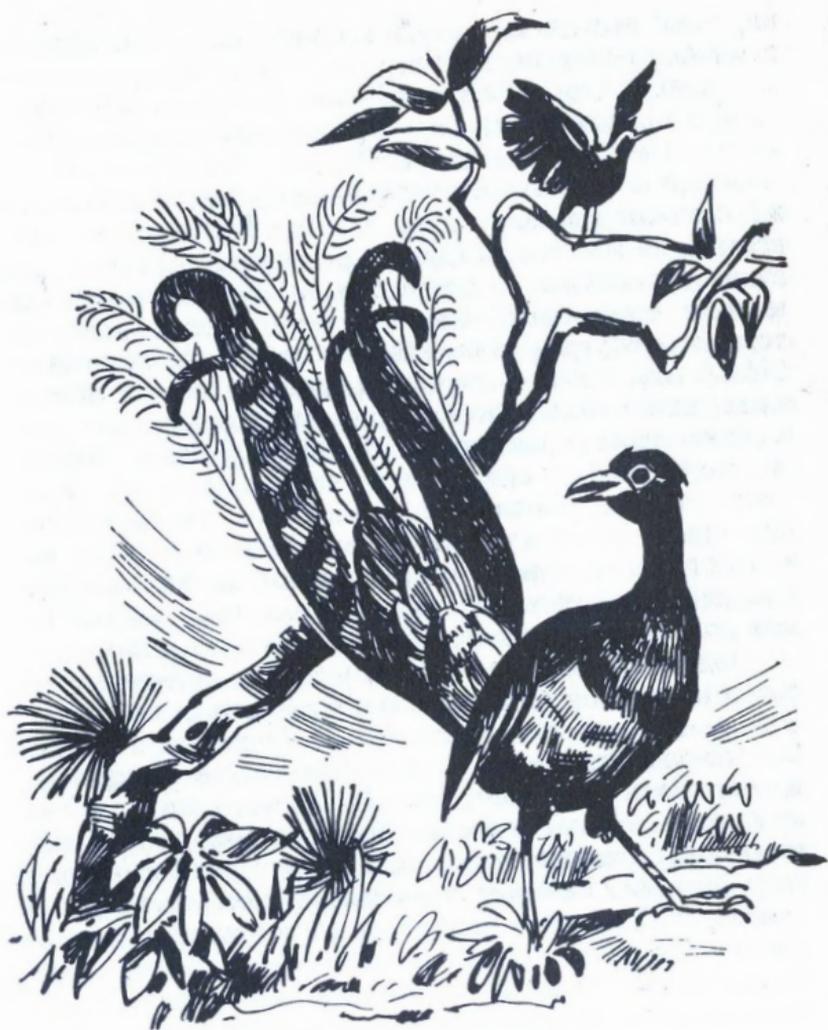
— Видишь, как быстро Тони нашел твои часики, — шепнул Бентли Томеку.

Звероловы с любопытством смотрели на игры пернатых строителей шалашей. Наконец, Томек протянул руку по направлению к часам. Птицы с писком, часто махая крылышками, бросились врассыпную. Тони вручил Томеку часы, и наши путешественники вернулись в лагерь, оживленно обсуждая приключение. Один лишь Динго возвращался с неудовольствием. Он с гневом следил за полетом всех носившихся в воздухе птиц.

Это было последнее приключение Томека на Австралийском континенте. На третий день после возвращения с горы Косцюшко звероловы ликвидировали стоянку и направились к ближайшей железнодорожной станции, расположенной в городке на границе земель Нового Южного Уэльса и Виктории. Здесь они погрузили клетки с животными на поезд, уходящий в Мельбурн, до которого оставалось около трехсот километров.

Поезд шел через места, покрытые бушем, мимо многочисленных овцеводческих ферм, но Томек уже не интересовался видами, открывавшимися из окна вагона. Он сидел в углу и с тоской думал о том, что уже окончились интереснейшие охотничьи приключения. В Порт-Филлипе, морской пристани, расположенной в нескольких километрах от города Мельбурна, их ожидал «Аллигатор», готовый к отплытию.

Возвратившись в Европу, Томек должен был продолжать в Англии обучение в школе. Предстояла новая разлука с отцом и старшими друзьями. Однако характер у Томека был веселый, и он не долго предавался печальным мыслям. Он знал, что разлука не будет длиться вечно. По-видимому, уже в будущем году будет организована экспедиция в глубину Африки. Смута, конечно, сдержит данное слово и постарается взять с собой Томека. Одна лишь мысль о новых приключениях стерла печальное выражение с лица Томе-

ка, и он вышел из вагона на вокзале в Мельбурне в самом хорошем настроении.

Бентли, Тони, Смуга и Томек занялись выгрузкой клеток с животными, предназначенными для обмена на птиц из зоологического сада в Мельбурне. Вильмовский с остальными участниками экспедиции этим же поездом выехал дальше в Порт-Филипп, стремясь возможно быстрее погрузить остальных животных на судно и снабдить их достаточным количеством корма на весь длительный морской путь. Только лишь на другой день утром Вильмовский собирался приехать в Мельбурн, чтобы закончить формальности по обмену животных в зоологическом саду Мельбурна.

Еще перед приездом в Мельбурн Бентли настоятельно просил звероловов остановиться в его доме. Охотники из вежливости отказались, не желая доставлять лишние хлопоты жене и матери Бентли, который в конце концов рекомендовал им остановиться в удобной гостинице на улице Бурке, где Смуга и Томек должны были ждать прибытия Вильмовского.

Под вечер Смуга и Томек, умытые, свежие и одетые в новые костюмы, решили прогуляться по городу, чтобы ознакомиться с ним. Улица Бурке была застроена двухэтажными домами с глубокими галереями, перекрывавшими тротуары. В большинстве случаев дома были заняты увеселительными заведениями всякого рода, а также театрами, цирками, ресторанами и гостиницами. Вечером на улице царил оживленное движение. Как раз в это время в Австралии устраивались популярные скачки, на которые съезжались фермеры, иногда из довольно далеких местностей. В красочной толпе прохожих, одетых по-городскому, фермеров можно было легко отличить по несколько старомодной одежде.

Томек и Смуга не надолго задержались на углу широкой улицы, чтобы полюбоваться белым зданием Парламента и Дворцом Всемирной выставки¹, перекрытым огромным куполом, доминирующим над остальной застройкой города. Потом они быстро прошли малолюдный в это время дня торговый район и

---

¹ Всемирная выставка была организована в Мельбурне в 1880 г.

углубились в улицу Лайтл Бурке, почти сплошь заселенную китайцами. Красочные вывески с китайскими иероглифами на голубых полотнищах призывали посмотреть витрины с экзотическими товарами. Подобно тому как это было в Порт-Саиде, Томек с удовольствием задерживался у витрин.

Во время прогулки по городу наши друзья зашли в кафе, чтобы поужинать. Томек воспользовался свободным временем и написал письмо Салли Аллан, в котором рассказал о поездке на гору Косцюшко и послал ей привет от себя и Динго. Вечер закончился в цирке, после чего друзья вернулись в гостиницу. Утром следующего дня, еще до 9 часов, к ним приехал Бентли, а вскоре в гостиницу прибыл и Вильмовский. Он с удовлетворением сообщил, что капитан Мак-Дугал прекрасно выполнил возложенную на него задачу. Все животные, погруженные на судно в Порт-Огаста, здоровы. Таким образом, достаточно пополнить запасы кормов для них и можно отправляться в обратный путь в Европу. Бентли немедленно согласился помочь в приобретении кормов.

Группа поляков в сопровождении Бентли отправилась в правление Зоологического общества, чтобы присутствовать при обмене животных. По дороге путешественники с восхищением рассматривали красивые строения Мельбурна, широко раскинувшегося по обеим берегам реки Ярра. Торгово-промышленный центр города со всех сторон окружен кольцом великолепных парков, за которыми раскинулись предместья, тоже почти целиком скрытые в яркой зелени. Здесь среди деревьев белели удобные коттеджи богатых жителей Мельбурна. Наши путешественники ехали через весь город с юга на север мимо парка Карлтона, сквера Линкольна и углубились в Королевский парк. Здесь, среди множества аттракционов, расположен зоологический сад, принадлежащий Зоологическому обществу. Бентли был директором этого сада. Публика допускалась в зверинец только в определенные дни недели. Поэтому животные пользовались здесь относительной свободой. Некоторые из них находились вообще на свободе и, по-видимому, не стремились к бегству.

Томек впервые посетил зоологический сад, поэтому можно себе представить, с каким интересом он рассматривал животных, собранных там. Больше всего он обрадовался слону, который прибыл сюда на «Аллигаторе» с Цейлона. Великолепный экземпляр цейлонского слона стал украшением парка. Слон уже, видимо, привык к новым условиям, его доброта и безбидность снискали ему благосклонность многих посетителей зоологического сада. Томек утверждал, что слон его узнал, потому что без всякого приказа протянул ему хобот и легко посадил себе на спину. Вильмовский выбирал птиц, которых он хотел бы взять с собой в Европу взамен горных кенгуру и медведей коала. Бентли не ставил никаких препятствий и, кроме того, приказал доставить птиц на корабль уже в готовых клетках.

Из зоологического сада звероловы направились в Национальный музей, где могли подробно ознакомиться с огромной коллекцией фауны, собранной со всего континента. Вильмовский и Смуга провели здесь много времени, знакомясь с интереснейшими экспонатами. При осмотре музея их сопровождал его директор, который давал им дельные советы в связи с организацией отделения австралийской фауны в зоологическом саду в Европе.

Они вернулись в гостиницу только к вечеру. К их удивлению, коляска задержалась у подъезда красивого коттеджа, стоявшего в довольно обширном парке.

— Прошу прощения, но по желанию матери я решил похитить вас. Вы у порога моего дома. Я вам верну свободу только лишь завтра вечером. Я полагаю, вы не откажетесь сделать нам приятное,— весело объявил Бентли.

— В Австралии меня похищают уже вторично,— воскликнул Томек.

В веселом настроении наши путешественники вошли в дом, где в гостиной застали боцмана Новицкого, занятого оживленной беседой с матерью Бентли.

Оказалось, что гостеприимный зоолог, отсылая на судно птиц, послал боцману Новицкому приглашение, заранее уверив его в согласии руководителя экспедиции на кратковременное пребывание боцмана на

берегу. Таким образом, все поляки, участники экспедиции, очутились в гостях у Бентли.

Вечер и весь следующий день прошли очень быстро. Оказалось, что старшая Бентли — женщина гостеприимная и очень симпатичная. Она расспрашивала соотечественников о Варшаве, интересовалась приключениями Томека во время экспедиции и даже усиленно настаивала на том, чтобы он остался в Австралии навсегда. Прощальный обед превратился в настоящий пир. На обед был приглашен и Тони, который очень любил Малую Голову. При прощании с симпатичными хозяевами Бентли подарил Томеку на память настоящий бумеранг, копье и щит.

— Бумеранг в Австралии дарится со значением, — сказал Бентли, вручая подарок Томеку. — Это значит: вернись к нам, как возвращается бумеранг. Всегда будешь у нас желанным гостем.

Донельзя тронутый Томек обнял Бентли и его маму, обещая обязательно написать им из Англии. Попрощавшись, звероловы сели в Мельбурне на поезд, шедший в Порт-Филлип.

Возвращение на судно обрадовало Томека так, что отец с трудом уговорил его лечь спать. Конечно, Динго поселился в каюте мальчика, потому что Томек ни за что не хотел расстаться со своим любимцем.

Томек вскочил с постели на рассвете. Вместе с Динго они обошли все закоулки на корабле, не исключая, конечно, вольеров, где провели много времени. Все животные чувствовали себя сносно, за исключением утконосов, которые заболели. Забегая вперед, надо сказать, что экспедиция так и не смогла довести их в Европу живыми.

Маленький кенгуренок совсем освоился с присутствием людей. Его даже выпускали из клетки, где он сидел вместе со своей воинственной матерью, и он с охотой принимал пищу из рук. Томек усердно помогал кормить животных, и только протяжный звук судового гудка заставил его выскочить на палубу. Пришел момент отхода. «Аллигатор», подняв якоря, медленно отчаливал от берега. Заработали машины. Через некоторое время корабль вышел из залива в открытое море. Берега Австралии потонули в синей дали...

Томек ушел в каюту, потому что он до сих пор не успел еще распаковать вещи. Прежде всего он повесил на стене у койки, рядом со своим штуцером, подарки Бенгли: копье, бумеранг и щит. Потом разложил на полу ковер из шкуры убитого им тигра и с удовлетворением полюбовался какой-то, приобретшей новый облик. Томеку показалось даже, что если бы Ирка случайно очутилась в его каюте, наверное, могла бы с полным правом сказать, что в ней «пахнет» настоящими джунглями. Теперь можно было открыть чемодан и развесить в шкафу одежду. На самом дне чемодана Томек увидел забытый уже подарок О'Донелла. Тяжелый кусок глины был завернут в клетчатый, довольно грязный платок. Взяв в руки подарок, Томек невольно улыбнулся. Теперь уже можно убедиться, какими таинственными свойствами обладает глина.

«Чудак этот О'Донелл,— подумал Томек.— По всей вероятности, он меня здорово разыграл. Надо, однако, убедиться, в чем тут дело».

Томек поспешил в ванную комнату за морской водой, в которую О'Донелл просил погрузить его подарок. Возвращаясь в каюту, Томек в коридоре встретил отца и Смуту.

— Ты уже распаковал вещи? — спросил отец.

— Я как раз привожу их в порядок. Зайдите на минутку ко мне, я вам покажу кое-что интересное,— ответил Томек.

Они вместе вошли в каюту. Динго приветствовал их вежливым маханием хвоста. Томек поставил таз с морской водой на столе, говоря:

— Ты помнишь, папа, что после возвращения с охоты на горных кенгуру ты приказал мне посетить золотоискателей и узнать, не требуется ли им помощь с нашей стороны. Так вот, во время прощания старый О'Донелл вручил мне странный подарок. Тяжелый кусок глины, найденный им в ущелье. По словам О'Донелла, эта глина обладает способностью приобретать исключительные свойства после погружения ее в морскую воду. О'Донелл просил меня никому не говорить о подарке и требовал, чтобы я распаковал его только на судне. Если говорить правду, то я совсем забыл о подарке О'Донелла. И только теперь, распаковывая чемодан, я нашел пода-

ренный кусок глины на его дне. Я думаю, что О'Донелл подшутил надо мной, говоря, что этот подарок окажется для меня большим сюрпризом. Все же я так, как и советовал О'Донелл, решил искупать глину в морской воде, и мы сейчас узнаем, в чем заключается шутка О'Донелла.

Томек развязал платок и бросил бесформенный кусок глины в таз с морской водой. С любопытством он склонился над тазом. Удивленные странным рассказом мальчика, его отец и Смуга тоже с интересом смотрели на то, что происходило в тазу.

— Эх, еще тогда, в ущелье, я подумал, что О'Донелл хочет меня разыграть,— сказал Томек.— Под влиянием морской воды глина ничуть не изменилась. Лучше всего вылить воду вместе с этой глиной.

— Подожди минутку,— остановил его Смуга.— Может быть, я ошибаюсь, но...

Смуга достал кусок глины из воды. Испытывая в руке тяжесть куска, Смуга добавил:

— Изрядный вес. По-моему, это не простая глина...

Смуга стал обмывать глину в воде. Тонкий слой красной глины быстро сошел. Через минуту, показывая Вильмовскому красновато-желтый кусок, Смуга удивленно произнес:

— Вот, пожалуйста, сюрприз, о котором говорил О'Донелл.

— Черт возьми, это похоже на золотой самородок! — воскликнул Вильмовский, разглядывая подарок.

— Да, это самый настоящий самородок,— подтвердил Смуга.— Мне уже приходилось слышать, что несколько десятков лет тому назад в Австралии часто находили самородное золото. Ну, Томек, надо сказать, что О'Донеллы оказались достойными того, что ты сделал для них. Подлые люди никогда бы не решились дать такой поистине царский подарок.

— Неужели это в самом деле золото? — недоверчиво спросил Томек, пораженный открытием Смуги.

— Нет сомнения, Томек. Это самое настоящее золото,— ответил не менее пораженный отец.

— Что же мне с ним делать? — озабоченно спросил Томек.

— Ну, что же! Можешь продать золото и получен-

ные деньги положить в банк. Когда вырастешь, банк выплатит тебе довольно крупную сумму,— посоветовал отец.

Томек задумался, потом лицо его прояснилось и он радостно сказал:

— Я уже знаю, что мы сделаем с золотом. Мы организуем самостоятельную экспедицию в Африку.

Мужчины обменялись взглядом, удивленные предложением Томека.

— Что скажешь, Смуга, об этом предложении? — спросил Вильмовский.

— Скажу, что Малая Голова не лишена благоразумия,— ответил Смуга.— Над этим проектом стоит подумать.

— Поговорим об этом в другое время,— заключил Вильмовский.

— Все это хорошо, папочка, но я не хочу видеть золота, напоминающего мне трагические события в ущелье,— горячо воскликнул Томек и после некоторого раздумья спросил: — папа, Смуга пригласил меня принять участие в африканской экспедиции. Ты позволишь мне поехать с вами?

— Если будешь хорошо учиться, мы обязательно возьмем тебя в Африку. Как только мы вернемся в Европу, ты поступишь в училище. Надеюсь, ты нагонишь упущенное за время нашей прогулки по Австралии. Мы и так не сможем организовать новую экспедицию раньше, чем в мае следующего года.

— Я могу проходить некоторые предметы здесь, на корабле,— с воодушевлением сказал Томек.— Конечно, я все нагоню.

Вильмовский и Смуга удовлетворенно слушали обещание Томека. Они знали, что Томек умеет держать данное слово. Он никогда еще не обманул их ожиданий.

Уже на следующий день мальчик заперся в каюте на несколько часов с книжками, которыми снабдил его отец. С тех пор Томек ежедневно занимался уроками. Во время его занятий Динго ложился на тигровую шкуру и не спускал верных глаз со своего хозяина.

Дни проходили быстро. Приближались берега Европы. Год учения пролетит, как одна минута, а там Томека ждут уже новые таинственные приключения.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ТОМЕКА
НА ЧЕРНОМ КОНТИНЕНТЕ

роман

Дорогая Салли!

Вчера в Лондон приехал мой дорогой папочка! Ты, конечно, догадываешься, что это значит. Мы едем с ним в новую экспедицию, на этот раз в Кению и Уганду в Африке; будем охотиться на горилл, бегемотов, носорогов, слонов, львов и жираф! Можешь ли ты себе представить что-нибудь подобное? Я, как только об этом услышал, не мог заснуть всю ночь, все думал о тех необыкновенных приключениях, какие нас ожидают на Черном континенте.

Завтра мы выезжаем в Гамбург. Там у отца намечена встреча с Гагенбеком, немецким предпринимателем, занимающимся поставкой диких животных владельцам цирков и в зоологические сады¹. Мой папа, вместе с дядей Смугой, знаменитым путешественником и звероловом, с которым ты познакомилась во время нашего пребывания в Австралии, до сих пор работал в фирме Гагенбека. Но теперь они организуют экспедицию на свой страх и риск. Такую возможность мы получили, продав золотой самородок, подаренный мне в Австралии О'Доннелом за то, что я помог ему и его сыну спастись от разбойников.

Итак, мы едем в Африку. С нами едет также знакомый тебе боцман Новицкий. Конечно, я беру с собой и моего вернейшего друга Динго. С того времени, как ты мне его подарила, Динго очень переменился. Из молодого чудесного щенка он превратился в отважного друга. В Англии мы отдали Динго в специальную школу, в кото-

---

¹ Карл Гагенбек родился в Гамбурге в 1844 г.; занимался торговлей дикими животными.

рой обучают собак охоте на крупного зверя. Если бы ты увидела теперь Динго, то, наверное, гордилась бы им так, как горжусь я. Динго лежит возле стола и, повернув голову, смотрит с таким выражением, точно знает, кому я пишу письмо.

Думал, что перед отъездом в экспедицию мне удастся вместе с папой посетить в Варшаве тетю и дядю Карских. Я очень скучаю по ним, ведь после смерти мамы я долго жил в их семье, и они любили меня как родного сына. Но, увы, это невозможно, по крайней мере, до тех пор, пока не изменятся политические обстоятельства, вынудившие моего папу уехать из Польши. Появись он в Варшаве, его сейчас же арестуют, как заговорщика против российского императора.

Я очень тебе благодарен, дорогая Салли, за твои милые письма. Когда их читаю, то всегда вспоминаю, как благодаря Динго я нашел тебя в буше неподалеку от вашей фермы. Ты видишь, что я свято исполняю обещание и часто пишу тебе как от своего имени, так и от имени Динго. Надеюсь, ты и в самом деле скоро приедешь в Англию, как это обещают твои родители. Здесь я познакомился с твоим дядей, у которого ты будешь жить после приезда в Лондон. Он мне говорил, что ожидает тебя через несколько месяцев. Твой дядя, хотя уже и не молодой, тоже любит путешествия и природу.

Жди моих писем из Африки. Я постараюсь прислать тебе несколько интересных фотографий. Шлю тебе, дорогая Салли, мой сердечный привет, а Динго своим розовым языком лижет твой маленький носик.

ТОМАШ ВИЛЬМОВСКИЙ

Динго и в самом деле полизал твою фотографию. Я купил себе прекрасный охотничий нож.

ТОМЕК

I

НЕОБЫКНОВЕННОЕ САФАРИ¹

Томек беспокойно ворочался на узкой корабельной койке. Он открыл глаза и осмотрелся вокруг. Лучи восходящего солнца ярко освещали каюту, падая через круглый иллюминатор. Со сна мальчик не мог понять, что его разбудило в такую рань. Он стал чутко прислушиваться, и вскоре все сомнения у него рассеялись — сон был прерван внезапной остановкой судовых машин.

Грохот якорных цепей возвестил, что судно вошло в порт Момбасу, расположенный в Экваториальной Африке.

Томек как ужаленный соскочил с койки. Быстро оделся и выбежал на палубу. Корабль бросил якорь в очень живописном заливе. Его голубовато-зеленые воды с трех сторон окружены берегами, поросшими буйной тропической растительностью. С палубы судна можно различить на берегу стройные кокосовые пальмы с султанами листьев на макушках, а рядом с ними раскидистые манговые, широколистные миндальные и стройные дынные деревья, огромные баобабы, и среди их зеленой листвы виднелись белые стены домов, а на вершине холма, в центре города, высились развалины старинной крепости.

Белая пена прибоя на коралловых рифах, тянувшихся вдоль покрытого буйной растительностью берега, придавала Момбасе особое очарование.

На рейде стояло несколько кораблей со свернутыми парусами. Большинство из них отличалось чисты-

---

¹ Сафари (*араб.*) — охотничья экспедиция.

ми формами старинных арабских парусных судов. Кажалось, что время здесь остановилось. Как и столетия тому назад, северо-восточный муссон¹ гнал эти суденышки от берегов Азии в Момбасу, а юго-западный ветер давал им возможность вернуться к родным берегам. И так же, как и столетия тому назад, камбузы этих судов, расположенные под полотняными тентами, дышали запахами пряностей, которыми арабы любят приправлять свои блюда.

Томек с любопытством смотрел вокруг. Ведь порт Момбаса отличается интересной, хотя и не всегда героической историей. В течение нескольких веков этот порт был воротами, ведущими в Восточную Африку. Португальцы, впервые овладев Момбасой, сожгли город дотла, но благодаря его удобному положению на главных морских путях город и порт быстро возродились из пепла. Долгие годы город Момбаса был одним из основных центров торговли рабами. Через этот порт вывезены на далекие континенты мира десятки тысяч черных рабов. Томек задумался об этом. Он никак не мог представить себе, что именно здесь, в таком очаровательном уголке мира, пролилось столько кровавых слез несчастных рабов.

— Ого, как видно, ты ранняя пташка! — сказал Вильмовский, подходя к сыну вместе с боцманом Новицким и Смугой.

— Я проснулся от того, что прекратился шум машин на корабле, — ответил Томек. — Вот и люблюсь пейзажем и старинными суденышками в порту. Думаю, не возили ли на них купленных в Африке невольников.

— Я в этом почти уверен, — вмешался боцман Новицкий и, немного помолчав, добавил: — Я слышал, браток, что в Момбасе еще и теперь существует невольничий рынок, на котором торгуют живым товаром. Если хочешь, то за рулон ситца можешь здесь купить себе негра или негрятинку.

---

¹ Муссоны (*араб.* «мавсим» — время года) — постоянные ветры, направление которых зависит от времени года. Муссоны ясно выражены в Южной и Восточной Азии. Сезон дождей, связанный с появлением муссонов, в значительной степени отражается на ритме хозяйственной жизни тех стран, в которых дуют муссоны. Страны эти так и называют — «муссонные».

— Неужели это в самом деле возможно, папа? — спросил Томек, который не очень доверял словам шутника-боцмана.

— В 1845 году англичане, во исполнение постановлений договора пяти европейских держав, Англии, Австро-Венгрии, Пруссии, России и Франции (хотя последняя не ратифицировала его), потребовали от местного султана прескратить вывоз рабов из Восточной Африки. Заключить договор было, однако, легче, чем принудить работоторговцев из разных стран прекратить их доходную торговлю. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в этой стране до сих пор процветает работоторговля, — ответил Вильмовский.

Дальнейших разъяснений Томек уже не просил, потому что его внимание привлек катер, на котором прибыли английские портовые чиновники. Благодаря рекомендательному письму Гагенбека, хорошо известному англичанам, Вильмовскому удалось быстро закончить все таможенные формальности, и вскоре охотники получили возможность сойти на берег.

В порту царило оживление. Негры и арабы разгружали и нагружали суда; среди множества тюков с товарами играли толпы грязных, взлохмаченных, полунагих ребятишек. Рыбаки выносили на берег корзины, наполненные огромными крабами, неуклюже вращавшимися длинными клешнями. Наблюдения Томека были прерваны подошедшим к ним высоким худым человеком.

— Простите, имею ли я честь приветствовать господ Вильмовского и Смугу? — спросил незнакомец, приподнимая пробковый колониальный шлем.

— Вы, наверное, господин Хантер? Мы ожидали, что вы встретите нас в порту, — вопросом на вопрос ответил Вильмовский, протягивая незнакомцу руку. — Вот остальные наши товарищи: Смуга, боцман Новицкий и мой сын Томек.

Хантер со всеми вежливо поздоровался. Он был профессиональным проводником по Экваториальной Африке и прекрасным звероловом. Его рекомендовал Вильмовскому один из служащих Гагенбека, который уведомил по телеграфу Хантера, указав приблизительный день прибытия экспедиции в Момбасу.

Следует сказать, что организаторы звероловных экспедиций нередко пользовались услугами европейцев, охотников-следопытов, хорошо знакомых с Африкой и ее природой. Без них нечего было и думать о путешествии в глубь страны. Хантер долго жил в Кении и принимал участие во многих экспедициях. С точки зрения наших охотников, Хантер обладал исключительным достоинством: он немного владел польским языком, так как в свое время сопровождал в Конго польского ученого и путешественника Яна Дыбовского¹. В Момбасе Хантер занимал небольшой одноэтажный домик, стоявший вблизи развалин старинной португальской крепости. Он любезно пригласил охотников остановиться у него.

На следующий день Вильмовский созвал своих товарищей на генеральный совет. Хантер первым задал вопрос: на каких животных намерены охотиться звероловы? Ему ответил Ян Смуга, который по поручению Вильмовского разработал план экспедиции.

— Наши, сравнительно скромные, финансовые возможности сразу же ограничивают число видов животных, которых мы хотели бы поймать, — говорил Смуга. — Но мы стремимся заполучить такие экземпляры, за которые в Европе можно выручить значительную сумму. Этот вопрос мы согласовали с Гагенбеком и дирекцией зоологического сада в Нью-Йорке и получили конкретные заказы. Поэтому нас в первую очередь интересуют гориллы.

Хантер с сомнением покачал головой. Немного помолчав, он сказал:

— В Кении вы не найдете человекообразных обезьян.

— Мы это знаем, но в районе озера Киву, то есть на границе между Конго и Угандой, обитают горные гориллы, а в джунглях Итури — гориллы береговые².

---

¹ Ян Дыбовский, поляк, исследовал Южный Алжир, Сахару и Конго в 1889 г. и позднее.

² К числу человекообразных обезьян относят: орангутанга — азиатский вид (*Pongo pygmaeus*); африканского шимпанзе — северо-восточное побережье озера Танганьика и западное побережье континента (*Pan Castomale* и *Pan Marugensis*); два вида горилл, обитающих в африканских джунглях, — береговая горилла (*Gorilla*

Мы намерены охотиться на них в тех краях,— ответил Смуга.

После длительной паузы Хантер сказал:

— Если говорить начистоту, то я до сих пор не участвовал в охоте на горилл. Из того, что вы мне сказали, я заключаю, что вы намерены ловить их живьем. Не знаю, хорошо ли вы продумали поставленную задачу. Это очень сложное предприятие.

— Мы ведь уже не новички, Хантер,— спокойно сказал Вильмовский.

— Знаю, но считаю своим долгом предупредить вас о трудностях и опасностях, связанных с охотой на горилл,— ответил Хантер.— Трудности кроются не только в недоступности территории и дикости животных, но и в том, что в тех местах теперь не очень спокойно. Мы, конечно, встретимся там с негритянскими племенами, которые еще не видели белых людей, или, что еще хуже, с такими, которые вынуждены были уйти с восточного побережья, спасаясь от преследований работорговцев. А они могут нас встретить не очень гостеприимно.

— Да, с этим надо считаться,— согласился Смуга.— Но мы прекрасно вооружены. Кроме того, мы постараемся привлечь в экспедицию людей отважных и достойных доверия, чтобы можно было положиться на них во всех случаях жизни.

— Самое лучшее огнестрельное оружие, даже в руках прекрасного стрелка, не защитит вас от коварной стрелы негритоса...— задумчиво сказал Хантер.

В этот момент боцман Новицкий сделал смешную гримасу.

Томек рассмеялся, но быстро овладел собой и спросил:

— Что это еще за негритосы?

— Пигмеи, живущие в бассейне реки Семлик. Несмотря на то что они самые низкорослые люди в мире, любой из них может повалить отравленной стрелой слона,— говорил Хантер.— Идешь ты, к примеру,

---

gorilla), на побережье Гвинейского залива и в Конго, и горная горилла (*Gorilla beringei*), обитатель берегов озера Киву. Самцы всех трех видов человекообразных обезьян отличаются крупным ростом, который иногда превышает два метра.

через джунгли, казалось бы лишенные всяких следов человеческой жизни, как вдруг над тобой просвистит стрела, пущенная с ближайшего дерева... Достаточно, чтобы она тебя царапнула и... прощай милый свет...

Боцман содрогнулся от негодования и пробурчал что-то очень неслестное по адресу пигмеев. Хантер снова обратился к Смуге:

— Каких животных вы намерены ловить, кроме горилл?

— Вы слышали когда-нибудь об окапи?

Хантер насупился еще больше. Он пожал плечами и неохотно ответил:

— Слышать-то я слышал. Об окапи мне говорил губернатор Уганды сэръ Гарри Джонстон. Он узнал от Стэнли¹, с которым беседовал лично, что, по сведениям, полученным от туземцев, в лесах на запад от озера Альберт обитают крупные животные, похожие на ослов. По строению тела они напоминают жирафа. Туземцы называли это животное окапи².

— А Стэнли или Джонстон сами видели этих окапи? — спросил с любопытством Вильмовский.

— Если я не ошибаюсь, до сих пор ни один белый не видел этого сказочного животного. Я думаю, что его вообще никто не видел. Мне даже начинает казаться, что во время вашего сафари вы намерены гоняться за привидениями,— насупив брови, сказал Хантер.

— Вот видите, я не так уж плохо ориентируюсь в обстановке,— заметил Смуга с дружеской улыбкой на устах.— Об окапи я слышал в Швейцарии от челове-

---

¹ Стэнли Генри Мортон (1841—1904) — американский журналист, один из самых знаменитых путешественников по Африке.

² В 1901 г. в Европе произвело большое впечатление известие об открытии в Конго нового крупного млекопитающего. За этим сказочным животным, известным у туземцев под наименованием окапи, стали снаряжаться экспедиции. В конце концов удалось добыть шкуру и череп животного. Потом в Европу привезли несколько шкур и целый скелет окапи и даже живой экземпляр. Окапи (*Ocavia johnstoni*) распространен в девственных болотистых лесах Северо-Восточного Конго, между озером Альберт и реками Уэле, Конго и Арувими. Окапи относится к семейству жираф, среди которых различают два рода: собственно жирафа и окапи, обитающие только в Африке.

ка, полностью заслуживающего доверия. Говорят, что эти животные встречаются в джунглях Конго, вблизи Уганды.

— Если они не плод человеческой фантазии, будем ловить окапи и, как уже сказано, горилл. Что еще приготовлено в вашей программе охоты? — спросил следопыт.

Смуга улыбнулся и ответил:

— Самое худшее осталось, пожалуй, уже позади. Остальные животные, которых мы намерены поймать, не представляют для вас ничего особенного. Это львы, леопарды, жирафы и шимпанзе. Мы надеемся поймать несколько молодых гиппопотамов, слонов и носорога. Ведь нам надо подумать о рентабельности экспедиции на случай, если не удастся поймать и привезти в Европу живую гориллу или окапи, относительно существования которых вы высказали столько сомнений.

— Этих животных мы можем найти и в Кении¹, и для поимки их нет надобности идти в неисследованные джунгли Уганды. Но вот гориллы и окапи потребуют, ну, скажем, большого риска. Вы все же настаиваете на выполнении всей программы охоты?

— Постараемся осуществить ее во всем объеме, — серьезно ответил Смуга.

— Значит ли это, что, несмотря на угрожающую опасность, вы намерены охотиться в глубине неисследованной Африки? — еще раз переспросил Хантер.

— Совершенно верно, невзирая на любые опасности.

— Даже на опасность, грозящую этому мальчи-

---

¹ Во времена, к которым относится наш рассказ, Кения была британской колонией. Площадь Кении составляет 582,6 тыс. кв. км, число жителей 10 800 тыс. чел., в т.ч. 165 тыс. индийцев, 65 тыс. европейцев и 36 тыс. арабов. Крупнейшие негритянские племена в Кении: кикуйю, луо, масаи. Столица Кении — Найроби. Главные города: Момбаса, Малинди и Ламу. Рельеф — низменный на побережье и гористый в глубине страны. В Кении находится высочайшая вершина Африки — Килиманджаро. Климат тропический, с периодическими дождями. Кения — земледельческая страна. Отсюда вывозятся: хлопок, шерсть, сахар, кофе. Добыча ископаемых и промышленность в последнее время интенсивно развиваются.

ку? — изумленно спросил следопыт, показав глазами на Томека.

— Оставьте-ка нашего пацана в покое, — грубовато вмешался в беседу боцман Новицкий, который, несмотря на многие годы жизни за рубежами страны, не утратил своеобразного жаргона, свойственного варшавскому предместью. — У этого паренька храбрости хоть отбавляй, да и башка у него прекрасно варит. Интересно, умеете ли вы в последний момент влить тигру пулю между глаз? А наш пацан именно так стреляет!¹

— Вы это говорите серьезно? — спросил Хантер, внимательно разглядывая Томека.

— Боцман сказал правду, — ответил Смуга. — Томек застрелил тигра, попав ему между глаз. Тигр вырвался из клетки на корабле, во время нашей последней экспедиции². Этим выстрелом он спас мне жизнь и, пожалуй, себе тоже. Томек отличается храбростью и меткостью стрельбы. Для порядка должен добавить, что стрелять его учил боцман Новицкий.

— Вы за меня, пожалуйста, не бойтесь, — сказал Томек. — Во время охоты боцман мне во всем помогает, а соперничать с ним силой не сможет ни одна горилла.

Боцмана смутило это неожиданное сравнение. Остальные весело рассмеялись. Хантер перестал смеяться и сказал:

— Горилла перегрызает зубами ружейный ствол с такой легкостью, с какой вы ломаете спичку. Вы, безусловно, идете на большой риск.

— Мы не будем легкомысленно подвергать себя опасности, но мы намерены полностью выполнить наш план, — твердо заявил Вильмовский. — Подтверждаете ли вы свое согласие участвовать в нашей экспедиции?

---

¹ Боцман подчеркивает удивительную меткость Томека в стрельбе. Если стрелять в наклонный лоб тигра или льва, можно рисковать рикошетом. Это значит, что пуля может под углом отскочить от твердого черепа животного. В этом случае стрелок может погибнуть, так как разъяренный хищник немедленно бросается на человека.

² Приключения Томека в Австралии описаны в книге «Томек в стране кенгуру».

Хантер внимательно окинул взором четырех охотников. В светлых глазах Вильмовского отражались рассудительность и самообладание. Выражение лица и даже фигура Смуги свидетельствовали о его твердой вере в свои силы, которую можно приобрести только путем преодоления опасностей. Таким образом, и Смуга в качестве участника будущей охоты возбуждал доверие. Блеск нетерпения, горящий в глазах Томека, говорил сам за себя.

Когда Хантер взглянул на сложенного как Геркулес¹ боцмана, он встретил его насмешливый взгляд. Ему показалось, что этот крепкий, словно суковатый ствол дерева, великан смеется над его осторожностью. На лице следопыта вспыхнул румянец.

«Горилла... точно горилла,— подумал он,— но в самом деле похоже на то, что за ним можно идти в огонь и в воду!»

Следопыт не выдержал немой насмешки боцмана. Он на мгновение закрыл глаза, а когда их открыл, в них не было ни тени сомнений.

— Черт с ними, с этими гориллами и окапи. Иду с вами,— сказал он, несколько повысив голос.

— Считаю, что договор заключен окончательно,— с удовольствием сказал Вильмовский.— Принимаем вас на полгода. Мы вам выплатим аванс в размере двухмесячного оклада сейчас, остальное внесем на ваше имя в банк, который вы нам укажете. Согласны?

— Согласен! — подтвердил Хантер и подал Вильмовскому руку.

— Я был уверен, что вы пойдете с нами,— воскликнул Томек.

— Почему?

— Потому что... пожалуй, нет такого охотника, который не захотел бы проверить, существуют ли окапи на самом деле или это лишь плод досужего вымысла. Ведь это очень интересно!

Хантер серьезно посмотрел в глаза мальчику.

— Странно это, сынок, но ты прав. Вопрос существования окапи меня интересует уже много лет.

---

¹ По древнегреческой мифологии, Геркулес отличался необыкновенной физической силой.

Один мой знакомый предлагал организовать экспедицию для решения этой загадки. Мне пришлось ему отказать, несмотря на то, что почти целый год я охотился с ним вблизи озера Виктория. Но в те времена я проявлял больше заботы о собственной жизни, чем теперь...

— Разве с вами случилось какое-либо несчастье? — несмело спросил Томек.

— Год назад умерла моя жена, которую я очень любил.

— Очень сочувствую вам, — шепнул мальчик. — Я знаю, как плохо и тяжело бывает человеку, когда он остается один.

II

ПОДГОТОВКА ЭКСПЕДИЦИИ

После слов, сказанных Томеком, в комнате воцарилось грустное молчание. Некоторые из присутствующих понесли подобную потерю или тосковали по кому-нибудь из близких. Поэтому охотники искренне сочувствовали Хантеру, стоявшему с низко опущенной головой. Первым прервал молчание Смуга:

— Своей судьбы никому не избежать. Вместо того чтобы печалиться по поводу несчастий, встретившихся на нашем жизненном пути, давайте лучше подумаем о том, что нас ждет во время экспедиции. Нам надо хорошенько познакомиться с обстановкой в Кении и Уганде, чтобы позже не столкнуться с какими-либо неожиданностями.

— Должен вам сказать, что Смуга, как и во время наших прошлых экспедиций, будет нести ответственность за безопасность всех ее членов, — сообщил Вильмовский. — Смуга — человек опытный. Он уже несколько раз путешествовал по Африке. Я тоже не новичок в этом деле и много об Африке слышал, но вот боцман и мой сын приехали сюда впервые. А ведь, как говорил уже Смуга, для того, чтобы не встретиться в будущем с неприятными неожиданностями, всем нам надо хорошо знать местные условия

и даже кое-что из истории этого континента. Давайте же поговорим сейчас на интересующие нас темы.

— Что касается меня, то я уже немного знаком с историей Африки,— сказал Томек почти равнодушным тоном, но хитрый огонек в его глазах выдавал, что он давно предвидел возможность удивить отца своими знаниями.

— Гм, ты утверждаешь, что знаешь кое-что о Кении и Уганде? — удивленно сказал Вильмовский.— В таком случае, может быть, ты поделишься с нами своими знаниями?

Томек уселся поудобнее, положил руку на голову Динго, сидевшего рядом с ним, и, зажмурив глаза, произнес:

— Португальцы были первыми из европейцев, которые в конце XIV века заинтересовались восточным побережьем Африки.

— Ого-го! Издалека же ты начинаешь, браток,— воскликнул боцман Новицкий.

Томек укоризненно взглянул на него и продолжал:

— Они вытеснили отсюда арабских и персидских купцов, после чего в разных точках побережья разместили небольшие военные гарнизоны для защиты своих интересов. В первой половине XVIII века арабы из Омана¹, которых позвали на помощь соплеменники, жившие в Восточной Африке, в свою очередь, вытеснили португальцев с северной части побережья. В следующем столетии африканские арабы сами освободились из-под опеки Омана. Под управлением султана Сайеда они создали самостоятельное государство на восточном побережье Африки. Однако в глубину континента они почти не проникали; туда в поисках слоновой кости и рабов ходили лишь отдельные караваны. Позже в исследованиях Африки принимали участие английские и американские миссионеры, распространявшие христианство среди негров и одновременно изучавшие весь континент. Первый белый путешественник Ребманн увидел высочайшую гору Аф-

---

¹ Оман — расположен в юго-восточной части Аравийского полуострова.

рики Килиманджаро только в 1848 году. В следующем году снежные вершины Кении увидел Крапф. В конце XIX века Германия и Англия разделили между собой всю Восточную и Экваториальную Африку. Кения тогда была превращена в английскую колонию, а Уганда стала протекторатом.

Мальчик перевел дух и с триумфом посмотрел на собеседников.

— Браво, Томек! Откуда ты узнал обо всем этом? — спросил Смуга.

— Все эти сведения я почерпнул из энциклопедии в Лондонской библиотеке, — охотно пояснил Томек, не скрывая своего удовольствия.

— Можно тебя поздравить с прилежанием и умением смотреть в будущее, — похвалил его отец. — Я вижу, что ты хорошо подготовился к экспедиции. Может быть, теперь Хантер будет так любезен и сообщит нам о том, что он знает об отношениях между туземцами, с которыми мы встретимся во время охоты.

— Коренное население Кении живет еще в условиях родового строя. Это значит, что отдельные населяющие ее племена не создали государственной власти¹, — сообщил Хантер. — Из-за огромной смертности и распространенной до недавних пор торговли ра-

---

¹ Англичане, захватив власть в Кении, признали за горсточкой европейцев право собственности на самые плодородные земли, приговорив тем самым туземцев к голоду или рабскому труду. Поэтому, в частности, после второй мировой войны в Кении, так же как и во всей остальной Африке, усилилось национально-освободительное движение. Было организовано несколько партий под руководством африканцев. Они требовали изменения законов, лишения негров земли, ликвидации расового неравенства и признания автономии Кении. В 1952 г. англичане расформировали Национальный союз африканцев Кении и арестовали его руководителя Джомо Кениатту под тем предлогом, что эта партия якобы руководит террористической организацией Мау-Мау. В Кении было объявлено чрезвычайное положение. Свыше 87 тыс. туземцев оказались узниками концентрационных лагерей. Разгорелась повстанческая война, в которой принимали участие племена кикуйю, эмью, меру и бакамба. Чрезвычайное положение было отменено англичанами только в 1959 г. Негритянские партии объединились в Кенийский национальный союз африканцев. Благодаря решительной борьбе этого союза, англичане освободили Джомо Кениатту и пошли на уступки африканцам.

бами население Кении не слишком многочисленно. Отдельные племена часто ведут между собой войны, отбирая друг у друга скот, либо сообща защищаются от белых колонизаторов, захватывающих у них лучшие пастбища. В настоящее время больше всего хлопот причиняют им воинственные масаи и нанди¹, которые нападают не только на своих соотечественников, но и на поезда, курсирующие с 1901 года по линии Момбаса—Кисуму. Несмотря на это, путешествие поездом до границы Уганды будет самым безопасным участком нашей экспедиции.

— Насколько я помню, масаи живут вблизи Килиманджаро. А там, в случае неблагоприятного исхода охоты в Уганде, мы намерены охотиться тоже,— озабоченно вмешался Вильмовский.

— Мы постараемся завязать с ними дружбу. Я знаком с одним из их вождей,— успокоил его Хантер.— Хуже будет в Уганде, куда нам необходимо поехать, если мы хотим поймать горилл и окапи. Ведь влияние англичан там еще очень незначительно. Жителей южной и западной части Уганды не так-то легко обуздать. Они сумели создать несколько сильных королевств, чем отличаются от племен, живущих в Кении. Крупную роль играет королевство Буганда, от которого вся страна получила название Уганда.

Вильмовский внимательно выслушал Хантера и развернул на столе карту. Все склонились над ней.

— Мне кажется, что нашу охоту мы будем вести на территории Буганды,— сказал наконец Смуга, отводя взгляд от карты.— Кто вождь тамошних племен²?

---

¹ В 1907 г. английская военная экспедиция вытеснила племя нанди на специально выделенную территорию.

² Уганда — с недавних пор независимое африканское государство, входящее в британское содружество. Во времена, к которым относится наш рассказ, Уганда была британским протекторатом и состояла из ряда небольших государств. Важнейшее из них — Буганда. Царь Буганды, кабака, опираясь на поддержку крупных феодалов, стремился к независимости и объединению всей Уганды под руководством Буганды. В 1960 г. политическая партия Национальный конгресс Уганды выдвинула требования о предоставлении независимости и об ограничении власти кабаки. Английский проект объединения Уганды, Кении и Танганьики в Федерацию Восточной Африки остался неосуществленным. Уганда расположена на

— Кабакой, или царьком, является там теперь совсем еще мальчик, Дауди Хва,— ответил Хантер.

— А как туземцы Буганды относятся к белым? — продолжал свои вопросы Вильмовский.

— Дружелюбно, если это отвечает их интересам,— ответил Хантер.— Когда в 1875 году в Буганду прибыл Стэнли, тогдашний кабака Мутеса заявил ему, что с удовольствием встретит миссионеров в своей стране. Однако он быстро охладел к белым, когда те не предоставили ему помощи, необходимой для защиты от соседей. Его наследник Мванга два раза вел войну с англичанами. Теперь Бугандой управляет его малолетний сын, легко поддающийся чужим влияниям. Но кто знает, не тишина ли это перед грозой? Немногочисленные британские гарнизоны не могут играть большой роли в чащобах джунглей.

Хантер умолк. Вильмовский и Смуга многозначительно переглянулись. Следопыт был прав, когда предостерегал их перед опасностью охоты в Африке. Надо было организовать сильный конвой, чтобы не попасть в трудное положение. Один только боцман Новицкий, казалось, ни о чем не беспокоился. Он весело подмигнул Томеку и сказал:

— Что это вы повесили носы? Бугандцы не любят англичан, и нечего им удивляться. Кто же любит захватчиков? Наша экспедиция — это совсем другой колленкор. Томек поиграет с молодым кабакой и в три счета разъяснит ему, что полякам чужая земля не нужна.

Томек сразу же оживился.

— Вы, боцман, подсказали мне хорошую идею,— воскликнул он.— Если этот царек Буганды в самом деле мальчик, то его, по всей вероятности, можно умиловить, подарив ему красивую игрушку.

— Разве что котел для варки пленных,— пробурчал Хантер.

плато к северу от озера Виктория; площадь страны 243 тыс. кв. км, численность жителей 12 млн. человек (1975 г.), главным образом негров племени банту. Климат влажный, тропический. Население занимается скотоводством и сельским хозяйством. Культивируют арахис, хлопок, сахарный тростник, кофе, табак, перец, какао. В Уганде добывают золото, свинец, вольфрам. Главные города Кампала (столица) и Энтеббе.

— Неужели они людоеды? — тревожно спросил Томек.

— Если говорить правду, то я об этом не слышал, но в глубине Черного континента творятся порой страшные дела, — ответил Хантер.

— Давайте не будем заранее беспокоиться; лучшее лекарство на всякого рода сюрпризы — это подготовка к ним, — вмешался Смуга.

— Первым делом надо подобрать хороший конвой. Кого вы советуете принять в отряд?

— Надо подумать. Мы пойдем в земли, где живут воинственные племена. Поэтому в конвое должны быть храбрые и отважные люди, готовые к бою в любых условиях и могущие служить надежной защитой от любой опасности. Пожалуй, лучше всего нанять для этой цели людей из племени масаев.

— Они в самом деле храбрые люди? — спросил Томек.

— О да, их храбрость известна всем. Это настоящие воины, — подтвердил следопыт. — Представь себе, что масаи уже с колыбели готовят мальчиков к военному ремеслу.

— Как же они это делают?

— А вот, к примеру, младенцам перевязывают икры от косточек до колен шнурком, который снимают только тогда, когда ребенок начинает ходить. Этим они тормозят развитие тех мышц ног, которые — по распространенному среди масаев мнению — мешают человеку быстро бегать и прыгать. Кроме того, они надевают мальчикам на руки металлические браслеты, сжимающие мышцы, работающие при стрельбе из лука. Благодаря этому эти мышцы укрепляются подобно тому, как укрепляются они у лошадей, которым на ноги надевают бинты, крепко сжимающие бабки ног. Эта странная процедура приводит к тому, что масаи достигают великолепных результатов в беге, лазаньи, прыжках, в стрельбе из лука, бросании камней и метании копья.

— В таком случае нам надо постараться нанять масаев, — сказал Томек.

— Согласен. Нанимаем масаев, если так советует Хантер, — добавил Смуга. — Только где их найти?

— В двух днях верховой езды от Найроби живет племя, с которым мне уже приходилось сотрудничать. Их кочевье должно теперь находиться вот здесь,— говоря это, Хантер показал место на карте. Звероловы придвинулись к нему и долго, сосредоточенно изучали маршрут будущей экспедиции. В конце Вильмовский решил:

— Садимся в поезд в Момбасе и едем в Найроби. Там мы найдем нескольких масаев и поедем поездом в Кисуму. Оттуда двинемся в Кампалу и затем без особых трудностей доберемся до Уганды. Охотиться на горилл, окапи и леопардов мы будем на западной границе, вдоль реки Семлик и в лесах Итури. Что касается других животных, то, если понадобится, мы организуем экспедицию в район Килиманджаро.

— Когда мы отправляемся? — спросил Хантер.

— Нам надо пополнить снаряжение. Это займет какое-то время,— заметил Вильмовский.— Мне говорили, что здесь можно дешевле, чем в Европе, приобрести снаряжение для экспедиции.

— Вы правы,— подтвердил Хантер.— Кроме того, это позволяет избежать перевозки морем слишком большого количества багажа. Поезд в Найроби отходит только через три дня. Поэтому спешить некуда.

— Разве здесь поезда ходят так редко? — удивился Томек.

— Поезда на линии Момбаса—Кисуму отправляются два раза в неделю. Последний поезд отошел вчера утром, значит, следующий отправится ровно через три дня.

— Несмотря на это, не станем терять времени и постараемся приготовиться в дорогу как можно скорее,— посоветовал Смуга.

— Прекрасно, лучше всего купить сразу то, что нужно для экспедиции,— поддержал его Вильмовский.— Вы, Хантер, пожалуй, можете указать нам магазин, где можно купить все необходимое.

— С удовольствием,— согласился Хантер.— Если вы желаете, мы можем пойти туда хоть сейчас.

Вскоре звероловы вместе со следопытом очутились в европейском районе города. Белые коттеджи утопали тут в зелени деревьев и цветущих кустарников. То

здесь, то там виднелись столетние огромные баобабы, словно слоны растительного царства. Тысячи кокосовых пальм кивали зелеными веерами листьев, раскинувшихся на самом верху стройных стволов. Путешественники уселись в удобные двуколки-рикши, которые тянули одетые во все белое кули. Они помчались в центр города, расположенный вблизи старого порта.

Через некоторое время рикши очутились в индийском районе. Невысокие светлые дома стояли по обеим сторонам улицы, причем закрытые балконы и эркеры бросали тень на тротуары. В тени балконов, перед лавками, сидели на корточках индийские, арабские и ганские купцы. Они не приглашали прохожих в свои лавки, как это делают торговцы в других восточных городах, но, увидев входящего в лавку клиента, спокойно и важно поднимались ему навстречу. Вдоль узких кривых улочек рикши ехали очень медленно. Томек внимательно рассматривал выставленные товары. Здесь было немало изделий из золота, слоновой кости, страусовых перьев, драгоценных камней; были здесь и оригинальные индийские ткани, главный предмет здешней торговли. Большое внимание в индийском районе привлекали к себе женщины, с необыкновенно правильными чертами лица, красивыми, серьезными глазами, одетые в разноцветные платья и узкие брюки, заканчивавшиеся внизу широкой оборкой. На шее, руках, ногах, в ушах и даже в носу они носили серебряные или золотые кольца, иногда представляющие большую художественную ценность.

Негритянский район выглядел совершенно иначе. Здесь преобладали низенькие хижинки с маленькими оконцами и кровлями из пальмовых листьев. Небелые стены этих хижин были сплетены из ветвей. Горбатые зебу, пасущиеся на одной из площадей, напомнили Томеку Цейлон, где он был в прошлом году; однако у Томека не было времени на воспоминания, потому что рикши вбежали в арабский район города. Здесь путешественников окружила разноязычная толпа всевозможных рас и национальностей. Здесь были арабы, индийцы, европейцы и множество негров с кожей от светло-коричневого до совершенно черного

цвета. Томек с возрастающим интересом наблюдал прохожих, многие из которых по внешнему виду напоминали пиратов и работорговцев, какими их рисуют на картинках. Ознакомившись с городом, путешественники вернулись в индийский район. Хантер приказал кули остановиться у дверей большого магазина. Здесь их любезно встретил хозяин, высокий индеец, пригласивший их в прохладное помещение.

Обширный склад был доверху заполнен грудями различных товаров. Здесь можно было купить все, начиная с иголки и кончая превосходным огнестрельным оружием.

Покупки отняли у путешественников несколько часов. Вильмовский выбрал себе и товарищам две большие брезентовые палатки зеленого цвета и четыре белые для конвоя и носильщиков-негров. Кроме того, он приобрел пять узких, но очень удобных складных коек, над которыми можно было развесить плотно пригнанные москитьеры, то есть муслиновые занавески, защищающие от москитов. В каждой палатке был, кроме того, складной столик и умывальник из непромокаемого брезента. Вильмовский купил также несколько плотно закрывающихся чемоданов. Они должны были предохранять предметы, находящиеся в них, от прожорливых термитов, настоящего бедствия путешественников и жителей страны.

В те времена туземцы не знали и не употребляли денег, поэтому надо было запастись товарами, заменяющими звонкую монету. По совету Хантера путешественники купили несколько рулонов ситца и других хлопчатобумажных тканей, стеклянные цветные бусы, называемые туземцами «саме-саме», и несколько мотков латунной и медной проволоки. Как сказал Томеку отец, стеклянные бусы заменяли неграм медную монету, ткани серебряную, а медная проволока — золотую.

После этих покупок путешественники приобрели еще запас одежды, одеяла, медикаменты, продукты питания, соль, табак и несколько винтовок для членов конвоя. Все покупки сразу же упаковывались в ящики и чемоданы. Томек записывал, куда упрятали тот или иной предмет, чтобы потом, в случае надоб-

ности, его можно было легко найти. Вечером ящики и тюки погрузили на большую телегу, и наши звероловы, уставшие за целый день хлопот, вернулись в дом Хантера.

III

ПО ПУТИ В НАЙРОБИ

Томек посматривал в окно вагона и нетерпеливо вертелся на диване. С самого отправления из Момбасы поезд медленно тянулся вверх, двигаясь в глубь страны. Через несколько часов исчезли обработанные поля и плантации кокосовых пальм и бананов. Вместо них появились кактусы, агавы, раскидистые пальмы и усыпанные белыми цветами дикие кустарники. Чем выше взбирался поезд, тем беднее становилась растительность. К вечеру с обеих сторон пути тянулась лишь сожженная солнцем степь. На ней кое-где торчали колючие деревья; и только вдоль русел высохших рек виднелась зеленая растительность, создававшая характерные для пейзажа Кении зеленые полосы.

Когда на степь опустилась ночь, Томек прикорнул в углу вагонного дивана. Его взгляд остановился на длинном футляре, лежавшем на полке. На лице мальчика появилась довольная улыбка, ведь в этом футляре находился его великолепный штуцер, полученный им в подарок от отца во время экспедиции в Австралию. Выстрелом из этого штуцера Томек убил бенгальского тигра, о чем напомнил Смуга при первой беседе с Хантером. С тех пор отец и его друзья стали относиться к Томеку как к взрослому человеку. Он, конечно, этим очень гордился, потому что не любил когда ему напоминали о возрасте. Чтобы придать себе важности, Томек еще в Момбасе прицепил к поясу револьвер системы «кольт», подаренный ему Смугой после выстрела в тигра, и даже теперь, несмотря на то, что револьвер мешал ему улечься поудобнее, не снимал его с пояса. Томек украдкой посмотрел на Смугу. Тот тоже не снял револьвера, а из кармана

штанов боцмана Новицкого выглядывала рукоятка пистолета. Томек догадался, почему его старшие друзья были так осторожны. Хантер не зря рассказывал о воинах племени нанди, довольно часто нападающих на поезда. Лишь один отец повесил свой пояс с револьвером на крючок и, словно им ничто не угрожало, расспрашивал следопыта об обычаях масаев.

Томек молча сравнивал отца с двумя его друзьями. С самого момента их знакомства Смуга стал для Томека идеалом героя. Даже такой силач и увалень, как боцман Новицкий, был преисполнен уважения к отважному и хладнокровному путешественнику, который о самых необычайных приключениях говорил с полным равнодушием. Холодный стальной блеск в глазах Смуги исчезал только во время беседы с Томеком. Мальчик инстинктивно чувствовал, что Смуга искренне его любит.

Добродушный, непосредственный и несколько грубоватый боцман Новицкий относился к Томеку как к лучшему другу. Он не обращал никакого внимания на большую разницу в годах. Боцман подружился с мальчиком, потому что они оба больше всего любили Варшаву; во всякую удобную минуту они беседовали о своем родном городе. И боцман и Томек одинаково любили приключения. Поэтому Смуга стал для них образцом для подражания.

Томек посмотрел на отца. Этот высокий, широкоплечий мужчина с добродушным выражением лица значительно отличался от своих спутников. Он не жаждал приключений и славы и ко всем людям относился одинаково дружески. Во время охотничьих экспедиций Смуга и боцман готовы были пробивать себе дорогу мужеством или силой. Вильмовский, наоборот, предпочитал налаживать с туземцами дружеские отношения, в чем ему неизменно сопутствовало счастье. Смотри на отца, Томек невольно стал прислушиваться к его беседе с Хантером.

— Среди негров, живущих в Кении, можно выделить две группы, отличающиеся как обычаями, так и образом жизни,— объяснял Хантер.— Первые из них — это многочисленные племена банту. К ним принадлежат также племена кикуйю и вакамба, кото-

рые, будучи земледельцами или скотоводами, ведут оседлую жизнь. Они, в общем, добродушны и немного боязливы. Поэтому банту довольно легко попадают под влияние европейцев. Ко второй группе принадлежат племена хамитского происхождения. Главные из этих племен — масаи, нанди и луо, у них сильно развиты традиции воинов. Они ведут кочевой образ жизни, переходя со своими стадами с одного пастбища на другое. Воинственность, отвага и храбрость, а также нелюбовь ко всему чужому делают их неподатливыми на уговоры колонизаторов. Английской администрации очень трудно справляться с ними.

— Вы полагаете, что нам удастся убедить масаев принять участие в экспедиции в Уганду? — спросил Вильмовский.

— Они, как правило, не очень любят оставлять своих жен на длительное время, а почти у каждого из масаев их несколько. Но в последние годы случившийся падеж скота сильно уменьшил поголовье их стад, поэтому хороший заработок будет им на руку. Ведь их жены все время требуют новых украшений, которыми они обвешивают себя со всей страстью, — ответил Хантер.

— В таком случае мы купим их согласие за бусы «саме-саме», — обрадовался Вильмовский.

— Это будет самый лучший способ, — согласился Хантер.

Вильмовский, несмотря на позднее время, продолжал беседу со следопытом. Его товарищи уже давно спали, да и у Томека начали слипаться глаза. Засыпая, Томек думал: «Папа заботится обо всем, как настоящий вождь перед генеральным сражением. Даже храбрый Смуга и боцман полностью доверяют его опыту. Как это странно — папа снял оружие, но не спит, а мы, вооруженные, спим как младенцы, потому что знаем, что он с нами. Милый папа».

Томек проснулся, когда на дворе уже был день. Его спутники стояли у широкого окна. Томек подумал, что они заметили что-то интересное, сорвался с дивана, подбежал к ним и спросил:

— Что там такое, папочка?

— Посмотри-ка вокруг! — ответил отец.

Томек посмотрел в окно вагона. Вдали, на юге, высоко врезался в небо массив огромной горы. Две из трех вершин, разделенные седловиной, казалось, висели в воздухе, потому что проплывающие ниже облака окружали их словно венком.

— Это, конечно, Килиманджаро¹, высочайшая гора Африки,— догадался мальчик.

— Ты прав,— похвалил его отец.— Высота этого вулкана — шесть тысяч десять метров.

— Удивительное зрелище представляет гора, покрытая вечным снегом в самом центре Африки, при том почти на самом экваторе,— сказал Смуга.

— Ничего удивительного, что некоторые негритянские племена, живущие на склонах Килиманджаро, воздают этой горе божеские почести,— добавил Хантер.— К примеру, ваджагги верят, что в кратерах Кибо и Мавензи, не доступных человеку при жизни, покоятся души усопших. Согласно легенде, в кратере Кибо покоятся души мужчин, а в Мавензи — женщин. На ледниках, по их поверью, живут злые духи «варуму», которые карают смертью любого смельчака, пытающегося проникнуть в тайну вечного упокоения ваджаггов.

— Интересно побывать на Килиманджаро,— сказал Томек.

— Ты хочешь взойти на вершину Килиманджаро, как когда-то взошел на гору Косцюшко? — спросил Смуга.

— Конечно! Только бы папа согласился!

— Сомневаюсь, сумеем ли мы взойти на вершину Килиманджаро,— вмешался Вильмовский, который, будучи географом, лучше всех был знаком с достопримечательностями мира.— Килиманджаро, по крайней мере, в три раза выше горы Косцюшко. Кроме того, подходы к вулкану не очень доступны. С тех пор как Ребманн сообщил о существовании на экваторе высокой горы, покрытой вечным снегом, многие путешественники и альпинисты пытались взойти на

---

¹ Килиманджаро — на местном языке Килима Нджаро — гора духа, посылающего холод. Килиманджаро состоит из трех вершин. Кибо — 5895 м, Мавензи — 5355 м и Шира — 4006 м.

се вершины. Один из них, Джонстон, находился на Килиманджаро около шести месяцев, но сумел добраться только до высоты четырех тысяч девятисот метров. Из многих других экспедиций только одному англичанину Чарлзу Нью удалось дойти до границы вечного снега. Немецкий географ и альпинист Ганс Мейер три раза пытался взойти на вершину вулкана. Он первый в 1889 году, во время третьей экспедиции, взошел на Кибо, одну из вершин Килиманджаро, где изучил угасший кратер и покрывающие его ледники. С этого времени пришлось поверить тому, о чем общал Ребманн. Позднее лишь немногим посчастливилось взойти на вершину Кибо¹. Для этого необходима сила, умение и соответствующее снаряжение, а мы совершенно к этому не подготовлены.

— Послушай-ка, браток! Я лажу по мачтам, как кот, но насчет гор и ледников ты уж оставь меня в покое,— обратился к мальчику боцман Новицкий.— На таком леднике, пожалуй, и ром в животе замерзает.

— Ах, дорогой боцман, ведь мы просто беседуем,— утешил его Томек.

Килиманджаро осталась позади, но теперь пейзаж не казался таким мрачным, как вчера. В степи, даже совсем недалеко от пути, паслись антилопы, большие, светло-желтого цвета. Иногда это были стада в несколько десятков голов. Одни из них паслись спокойно, другие с любопытством смотрели на поезд, выставив свои крутые рога. То здесь, то там среди стада золотистых антилоп белели полосатые зебры или чернели гну, пасущиеся вместе с крупными африканскими страусами. Вид последних напомнил Томеку и боцману об их неудачной охоте на эму в Австралии. Они

---

¹ До 1935 г. на вершину Килиманджаро сумели взойти всего лишь 39 человек. Одним из первых был поляк, доктор Антони Якубский, научный работник Зоологического института Львовского университета, который в 1909—1910 гг. исследовал Танганьiku. Оставив в лагере измученных и испуганных носильщиков, Якубский 13 марта 1910 г. достиг вершины Кибо. В период второй мировой войны его подвиг повторили два поляка, члены Польского высокогорного клуба: в 1944 г. на вершину Кибо взошел Ежи Гольч, а в 1945 г. инженер Виктор Островский вместе со своим спутником, журналистом А. У. Персоном.

весело рассказывали Хантеру о своем опасном приключении.

Время проходило быстро. Хантер тоже стал весело рассказывать о своих приключениях на охоте, и путешественники не заметили, как поезд въехал на равнину Капита Плайнз. Это была почти пустынная степь с пожелтевшей колючей растительностью, кишевшей дичью. По степи бродили целые стада животных, иногда в несколько сот голов. Часто рядом с пасущимися антилопами, словно каменное изваяние, стоял самец антилопы гну, который, по словам следопыта, сторожил стадо. Как правило, страж стоял несколько в стороне от стада, на возвышенном месте, и его можно было видеть даже тогда, когда испуганное стадо исчезало из поля зрения.

Томек был весь поглощен видами, развертывающимися в окне вагона. Он первый увидел красивую, оригинальную птицу, ростом с журавля, со сравнительно длинной шеей и высокими ногами, которая парила над рекой Ати. Томек был до такой степени восхищен султаном из перьев, свисающим с головы птицы, что даже ахнул от удивления.

— Это птица-секретарь¹, — пояснил Смуга. — Она обитает не только здесь, но и в Америке. Это переходный вид между болотной птицей и ястребом; питается земноводными и пресмыкающимися. Как только секретарь увидит добычу, султан на его голове топчется и птица внимательно следит за движением змеи, чтобы одним прыжком бросится на нее, прижать когтями к земле и разорвать на куски. От змеиных укусов секретарь защищается крыльями. Птица-секретарь охотится на ядовитых змей, пожирая их вместе с ядовитыми железами, что не приносит ей, однако, никакого вреда. Эта полезная во всех отношениях птица находится теперь под охраной.

Во время длительной поездки в вагоне Томек развлекался осмотром своего рюкзака. Там лежали разные мелочи. Он показал боцману стеклянный шар с трехмачтовым судном в середине, новый охотничий нож, несколько фотографий Салли и довольно боль-

---

¹ Sagitarius serpentarius.

шой запас блестящих вещичек, столь любимых неграми. Звероловы вели длительные беседы, которые были прерваны только тогда, когда поезд стал приближаться к Найроби. Однако дикие животные в степи не исчезали вплоть до самых пригородов. Это привело Томека в превосходное настроение. Он был теперь уверен, что во время поездки к племени масаев ему не раз удастся поохотиться на африканских зверей.

После двадцати часов пути поезд остановился у вокзала Найроби. Наши звероловы высадились здесь, взяв с собой лишь самые необходимые вещи. Остальной багаж был отправлен далее, в Кисуму. На привокзальной площади их уже поджидала небольшая двуколка, запряженная ослом. Возницей был негр, работающий на плантации англичанина Броуна, одного из первых белых поселенцев Найроби. Хантер дружил с Броуном и во время пребывания в Найроби всегда останавливался у него.

Погрузив багаж на двуколку, охотники тронулись пешком через город. В Найроби только несколько широких улиц. У вокзала находились склады и административные здания железнодорожного управления. Несколько дальше стояли ряды низких белых домов со многими магазинами, наполненными самыми разными товарами.

Это был начальный период колонизации Кении, поэтому на улицах было совсем мало белых людей. Охотники прошли мимо строящегося дворца английского губернатора, потом оставили позади некрасивую католическую церковь и очутились среди садов, окружавших немногочисленные коттеджи европейцев. За садами виднелись маленькие, квадратные, вылепленные из глины негритянские хижины с шатровыми крышами, покрытыми соломенной кровлей.

Имение Броуна находилось на краю города. Англичанин принял охотников очень гостеприимно. Он предоставил им отдельный домик в саду. Однако Вильмовский и Хантер не стали отдыхать. Они пошли к торговцу лошадьми, чтобы приобрести несколько скакунов. По мнению Смуги, лошади были необходимы при поимке некоторых быстроногих животных. Вильмовский, правда, высказал опасение, что в глу-

бине страны им не удастся сохранить лошадей из-за возможных укусов мух цеце, но Хантер и Смуга успокоили его, говоря, что цеце встречаются только в низинах.

Томек и Смуга, не желая терять даром время, пошли на плантацию кофе. Томек с интересом рассматривал кофейные деревья, буйно растущие в тени высоких раскидистых пальм. Дело в том, что вместо кофейных зерен на ветвях висели пурпурно-фиолетовые ягоды, напоминающие по форме маслины или небольшие сливы.

— Но ведь эти ягоды совсем не похожи на кофе? — обратился Томек к Смуге.

— А ты думал, что кофейные зерна растут прямо на ветках? Если так, то ты ошибался, — был ответ. — В середине этих плодов, называемых плантаторами «вишней», находятся два полукруглых, приплюснутых твердых боба, которые превращаются в кофе только после соответствующей обработки.

— Это очень интересно, — сказал Томек. — А почему Броун не прикажет вырубить пальмы, которые заслоняют кофейные деревья от солнца?

— Кофейные деревья очень нежные растения. Они не переносят прямых лучей солнца, поэтому пальмы заменяют им зонтики, — пояснил Смуга. — Сразу видно, что Броун прекрасный специалист. Посмотри только, как буйно обсыпаны плодами ветви деревьев. На одной и той же ветке можно заметить уже зрелые «вишни» и только что распустившиеся цветы... По всей вероятности, Броун вскоре начнет собирать «вишни», потому что перезрелые плоды чернеют и засыхают. Поэтому кофейные бобы надо доставать из свежих плодов.

— Насколько я понял, даже только что снятые с дерева бобы еще не похожи на кофе, находящееся в продаже, — сказал Томек.

— Ты прав. После того как бобы будут освобождены от мягкой оболочки, их очищают щетками, чтобы снять верхнюю, похожую на пергамент кожицу, благодаря чему бобы теряют способность к прорастанию. Только после этого их полируют на специальных машинах. Теперь кофейные зерна можно уже «жарить»,

после чего они получают специфический цвет и запах жареного кофе, идущего в продажу.

— Ого, я и не думал, что неграм приходится столько поработать, прежде чем выпить чашку кофе,— сказал Томек.— Пожалуй, не всякий может купить машины для обработки плодов, их очистки и полировки и всего, что необходимо для приготовления кофе!

— Правильно, Томек, поэтому туземцы добывают зерна из кофейных плодов при помощи брожения. Мякоть плодов при высокой температуре распадается, после чего зерна собирают, сушат на солнце и снимают пергаментную кожицу примитивными способами. Кроме того, негры не пьют кофе. Они жуют мякоть кофейных плодов во время длительных маршей, так же как и орехи кола¹.

— Неужели мякоть кофейных «вишен» питательна?

— Говорят, что она укрепляет силы и возбуждает энергию человека².

— Ах так? Я обязательно должен ее попробовать! Я хочу спросить еще вот о чем. Все ли «вишни» содержат по два кофейных боба?

— Нет, Томек, есть и дикорастущие сорта африканского кофе, «вишни» которых содержат только по одному зернышку, известному под названием «жемчужина».

Смуга с интересом прогуливался между рядами кофейных деревьев. Томек шагал рядом с ним, но не задавал больше вопросов. В конце концов Смуга обратил внимание на молчаливость мальчика. Он взглянул на него. Правда, Томек шел следом за ним, но видно было, что кофейные деревья его перестали интересовать. Томек, насупив брови, следил за летающими вокруг насекомыми.

---

¹ Кола (*Cola Acuminata*) — дерево семейства стеркулиевых, растущее в Западной Африке. Плоды этого дерева содержат зерна, известные под названием орехов кола. Выварка из этих орехов употребляется в медицине как средство против физического и психического истощения. Настойка на орехах кола применяется в прохладительных напитках (например, известный американский напиток кока-кола).

² Мякоть кофейных «вишен» содержит довольно много кофеина, укрепляющего сердце и центральную нервную систему; вызывает психическое возбуждение.

— О чем ты задумался, Томек? — спросил Смуга.

— Я беспокоюсь о Динго, — ответил мальчик.

— А что с ним случилось? Почему ты не взял его с собой?

— Я запер Динго в комнате, чтобы его не укусила муха цеце, — озабоченно сообщил Томек. — Теперь я очень жалею, что взял с собой в Африку собаку.

— Ах, вот в чем дело! Мне кажется, ты беспокоишься совершенно напрасно.

— Правда? Но вы слышали, что говорил папа? Укус мухи цеце смертелен для лошадей, быков, овец и собак.

— Это правда, но не всякая муха цеце разносит сонную болезнь. Кроме того, мы все будем подвержены опасности заболеть. Ты уже знаешь, что укус мухи цеце может и у человека вызвать смертельную болезнь. Будем надеяться, что провидение не даст нам погибнуть. Мне уже приходилось охотиться в районах, где царила эпидемия спячки, но я, к счастью, не заболел.

— Неужели нет способов спастись от укусов этой опасной мухи? — заинтересовался Томек.

— Муха цеце отличается большой осторожностью и летает почти бесшумно. Поэтому на нее трудно обратить заранее внимание. Она не садится на светлые вещи, на которых ее легко обнаружить. Лучшая защита от нее — одежда белого цвета. Туземцы часто отгоняют мух метелками или носят украшения из перьев и хвостов животных, которые при движении отпугивают мух.

Томек тяжело вздохнул и далее шел в молчании. Он не любил ждать опасности сложа руки, поэтому теперь сосредоточенно думал, как спасти Динго от укусов коварной мухи. Скоро он повеселел и, насвистывая веселую мелодию, помчался по направлению к дому.

ВЫСТРЕЛ СРЕДИ НОЧИ

На другой день ранним утром Хантер привел и привязал возле веранды пять верховых лошадей и одну вьючную. Вместе с боцманом Новицким они вынесли подготовленные заранее вьюки с имуществом экспедиции, закрепили их на спине вьючной лошади. Вскоре из дому вышли остальные звероловы, вооруженные ружьями и пистолетами.

— А где же Томек? — спросил Вильмовский, заметив отсутствие сына, который обычно первым был готов в любую поездку.

— Он теперь постоянно куда-то исчезает, улетучивается, словно камфора, — пошутил Смуга, приторачивая ружье к седлу.

— Томек! Томек! Скорее! — звал Вильмовский.

— К чему весь этот шум? Клячи и так не убегут, а Томеку, наверное, повредило то, чем нас кормят у Броуна, — пробурчал боцман Новицкий, пожимая плечами. — Вы, Хантер, могли бы сказать своему приятелю, чтобы он экономил коренья. И дешевле, и человеку спокойнее. Что уж тут удивляться Томеку, когда я сам чувствую...

— А это еще что? Что это за маскарад? Ты, видно, рехнулся, парень? — воскликнул Вильмовский, прерывая речь боцмана о способе приготовления блюд.

Все повернули головы и увидели Томека, тянущего на поводке недовольного Динго. Мужчины словно по команде разразились хохотом. И мальчик, и его собака выглядели странно: на Томеке была белая блуза и длинные брюки, заправленные в сапоги, голенища которых были покрыты белым лаком. На голове торчал пробковый шлем с муслиновым платком, спущенным на плечи. К шлему были прикреплены какие-то хвосты, свободно ниспадающие вокруг головы. Из-под закатанных выше локтей рукавов блузы на голые руки тоже спускались куски меха. Не менее странно выглядел Динго. На нем была надета специальная сбруя с прикрепленными к ней меховыми хвостами, развевающимися при каждом движении, словно флажки. Со-

бака гневно ворчала на них и явно выражала свое неудовольствие, отказываясь повиноваться хозяину.

— Что это такое, Томек? — с гневом спросил отец. — Мы все вынуждены ждать тебя, а ты неизвестно зачем устраиваешь глупые шутки.

— Вы считаете, что я шучу, — ответил Томек, обиженный смехом товарищей. — Ну что ж! Пускай! Хорошо смеется тот, кто смеется последним. Я уверен, что вскоре все вы последуете моему примеру!

— Что за идея пришла тебе в голову, сынок? С какой целью нам надо строить из себя гороховые чучела? — спросил Вильмовский.

— Вы, по-видимому, забыли о мухе цеце, летающей бесшумно, укус которой смертелен для лошадей, рогатого скота, овец, собак и даже для самых сильных людей, таких, как вы, боцман, — саркастически улыбаясь, ответил Томек, подчеркивая каждое слово.

Он на минуту прервал свою речь, чтобы увидеть впечатление, произведенное его словами. Боцман Новицкий, суеверный, как и все моряки, сразу же перестал смеяться. Хантер тоже стал серьезным. Томек удовлетворенно кашлянул и добавил:

— Лучшая защита против мухи цеце — это белый цвет одежды, потому что осторожная муха не любит светлого фона, на котором ее легко заметить. Меховые хвостики прекрасно заменяют веер, которым отгоняют мух. По уверениям дяди Смуги, а он хорошо знает, о чем говорит, туземцы тоже их носят.

— Легко убедиться, что ты наслушался разной чепухи. Ах, Томек, Томек, когда же ты наконец станешь серьезнее? — сказал Вильмовский.

Смуга тактично улыбался, слушая пояснения мальчика, а боцман примирительно сказал:

— В конце концов, смеяться тут нечего. Я еще помню, как нам в школе рассказывали, что над Коперником тоже сначала смеялись. Возможно, парень неплохо соображает. У всякого пацана есть своя смекалка...

— Не будем терять времени на глупые споры, — закончил беседу Вильмовский. — Томек, спусти собаку с поводка и садись на лошадь. Динго скоро забудет о своем убранстве и побежит за нами.

Томек спустил собаку. Спокойно уселся в седле. Охотники шагом тронулись с места. Динго несколько раз пытался стряхнуть с себя украшения, но убедившись, что это невозможно, хрипло залаял и побежал вслед за охотниками.

Вскоре наши путешественники далеко оставили за собой кофейные и банановые плантации и кукурузные поля. Местность приобрела пустынно-степной характер. В полдень, когда солнце достигло зенита, они остановились на привал. В чистой степи негде было спрятаться от палящих лучей солнца, поэтому им пришлось разбить палатки.

Отдохнув, охотники снова вскочили в седла и тронулись в дальнейший путь. Местность постепенно менялась. Появились сначала холмы, потом горы. Вскоре лошади гуськом пошли по тропинке, выходящей вверх, вдоль крутого склона.

Охотники остановились лишь наверху перевала. Перед ними, внизу, раскинулась равнина, со всех сторон окруженная горами. Преобладал серый цвет степи, только местами зеленел кустарник или темнели густые заросли. Вдоль высохших русел рек тянулись полосы высоких деревьев. Позднее оказалось, что не все русла были сухими. В некоторых из них бурлили потоки воды.

Охотники прищипорили лошадей. По горному склону они съехали вниз, высматривая издали удобное место для ночлега. Остановились на берегу ручья. Томек охотно помогал при устройстве бивуака и сборе валежника для костра. Топлива было достаточно: каменистые берега ручья были покрыты густой чащей акаций.

Вечером сильно похолодало, поэтому охотники достали из вьюков толстые шерстяные одеяла. Томек считал, что в Экваториальной Африке смешно укрываться теплыми одеялами, но отец ему возразил:

— Ты, конечно, прав, что мы находимся на экваторе, но надо иметь в виду, что мы поднялись на высоту двух тысяч метров над уровнем моря. Поэтому ночи здесь довольно холодны, в чем ты скоро убедишься.

Решили выставить на ночь часовых. Томек возра-

жал против освобождения его от общей обязанности, и ему назначили первые часы дежурства. Сразу после ужина он ушел в палатку и в ожидании своей очереди крепко уснул. Когда его разбудили, ему показалось, что он и не спал под плотно затянутой москитьерой. Проснувшись, он спросил:

— Что, пришла моя очередь?

— Да, время становится на вахту,— подтвердил Хантер, который во время экспедиции был проводником и старшим по бивуаку.— Уже все легли спать. У тебя есть часы? Прекрасно, скоро будет десять часов. В полночь разбудишь Смугу.

Томек вылез из-под москитьеры; за ним оттуда же выпрыгнул Динго. Мальчик надел пояс с револьвером и взял в руки штуцер.

— Я готов,— заявил он, выходя из палатки.

— Ты замерзнешь,— предупредил его следопыт.— Может быть, оденешься потеплее?

— Согреюсь, когда буду ходить вокруг бивуака. Что входит в мои обязанности?

— Подбрасывай хворост в костер, чтобы не погас, и прислушивайся ко всему, что происходит вокруг. Недалеке отсюда находится место, куда животные приходят на водопой, но они не подойдут к горящему костру. Если же заметишь что-либо подозрительное, буди одного из нас. Ты не будешь бояться одиночества?

— Нет, не буду. Австралиец Тони научил меня не бояться леса. Еще в Австралии я не раз бродил ночью по лесу. Я очень любил охотиться на маленьких медведей коала.

Хантер внимательно посмотрел на Томека. Он дивился тому, что в глазах Томека не было ни страха, ни возбуждения, обычных в его возрасте. Заметив воинственное выражение лица мальчика, Хантер улыбнулся и сказал:

— Спокойной ночи.

— Спокойной ночи,— ответил Томек, внимательно проверяя затвор штуцера.

Хантер исчез в своей палатке, которую он занимал вместе с боцманом Новицким.

— Ну, как ведет себя наш малыш? — спросил моряк.

— Как старый, опытный охотник,— ответил следопыт.

— Мировой паренек, говорю я вам, но будет, пожалуй, лучше, если мы будем стоять на вахте вместе с ним.

— В эту пору ночи в степи обычно ничего не случается, однако я обещал Вильмфовскому, что буду следить за мальчиком. Мы находимся вблизи территории, где живут масаи. Надо держать нос по ветру.

— Прекрасно, спать мы не будем и последим за нашим малышом,— закончил беседу боцман, садясь на складной стульчик у входа в палатку.

А Томек тем временем совсем не догадывался о хитрости своих друзей. Он посмотрел на темную степь и удовлетворенно вздохнул полной грудью. Некоторое время он наслаждался свежим бодрящим воздухом, а потом медленно и осторожно стал ходить вокруг бивуака. В правой руке он держал заряженный штуцер. Рядом с Томеком бесшумно шагал Динго, время от времени пошевеливая ушами. Но вскоре мальчику надоела прогулка вокруг бивуака. Он проверил, хорошо ли привязаны лошади к столбам, вбитым в землю, подбросил валежника в костер и уселся около него. Динго лег рядом с ним, положив на лапы голову. Проходила минута за минутой. Вокруг царил тишина. Но вдруг Динго поднял голову, пошевелил ушами и вопросительно взглянул на Томека. Мальчик успокоил его движением руки. В кустах, росших рядом с бивуаком, раздался стонущий смех. Томек подхватил штуцер, лежащий на коленях, и положил палец на курок.

«Это, наверное, гиена»,— подумал он. Вспомнил охоту на диких собак динго в Австралии. Однако их завывание звучало как жалоба привидения, тогда как голос гиены напоминал неприятный хохот.

Томек решил было разбудить Хантера, но сразу же отказался от этой мысли. Ведь трусливая гиена не отважится броситься на людей. В конце концов ее легко напугать. А если она подойдет слишком близко, то превратится в прекрасную мишень для его штуцера. Гиены по природе очень трусливы, но голод может вынудить их на необыкновенно нахальные поступки.

«Можно ее приманить к костру», — подумал Томек.

Он еще раз приказал Динго не трогаться с места; сам поднялся и достал из котелка кусок мяса, оставшийся от ужина. Сделав несколько шагов по направлению к кустам, откуда послышался стонущий смех гиены, размахнулся и бросил в кусты жирный кусок мяса. Довольный собой, Томек вытер руки о траву, подбросил валежника в костер и спокойно уселся на землю рядом с собакой. Взяв штуцер на изготовку, стал ждать...

Смех гиены раздался вторично, но уже значительно ближе. Лошади, испугавшись, стали громко фыркать. Томек был несколько удивлен, что никто из охотников до сих пор не проснулся. Голодная гиена, почувствовав запах лошадей и слыша их тревогу, высунула из чаши свою серую морду. И вдруг до нее дошел запах приманки. Ее глаза блеснули, и она сделала несколько шагов в сторону костра. Царившая вокруг тишина успокоила ее. Она медленно выставила из кустов свой сутулый хребет и, приседая, стала подкрадываться к куску мяса.

Шерсть на загривке Динго встала дыбом. Дрожа от нетерпения, Динго смотрел то на своего хозяина, то на крадущееся в тишине дикое животное. Не поднимая штуцера с колен, Томек навел его на задние лапы гиены. Спокойно нажал курок. Загремел выстрел. Гиена пронзительно завывла и стала кружиться на месте, поджав подстреленную лапу. Томек моментально привстал на колени, прицелился и выстрелил вторично. Гиена подскочила и, словно сраженная молнией, рухнула на землю.

Томек гладил вздыбленную шерсть Динго, стараясь успокоить собаку. В это время к нему подбежали боцман и Хантер с винтовками в руках.

— Ах, чтоб тебя черти... браток! — воскликнул боцман. — Ловко ты поддел это африканское свинство! А что, Хантер, я же вам говорил, что наш пацан не даст себе плевать в кашу?!

— Поздравляю, поздравляю, в самом деле прекрасный выстрел, да еще ночью, — похвалил Хантер Томека, пожимая ему руку.

К этим поздравлениям вскоре присоединились

Смуга и Вильмовский; Томек смотрел на них с удивлением. Ведь когда он становился на вахту, следопыт ему сказал, что все уже легли спать, а тут оказалось, что все окружили его, одетые так, словно и не ложились.

— Что-то мне начинает казаться, что никто из вас еще не ложился. Видно, вы не доверяете мне? — возмутился Томек.

— Не будь таким мелочным, дружище, — примирительно сказал боцман. — Я побился с Хантером об заклад, что ты будешь вести себя на вахте, как старый ветеран. Поэтому нам пришлось посматривать через отверстие в палатке, чтобы узнать, кому из нас придется ставить бутылку. Разве не так было, скажите, Хантер?

— Конечно, так, — быстро подтвердил следопыт, с благодарностью посмотрев на боцмана, радуясь его ловкому выходу из трудного положения.

— Ну хорошо, а почему не спали папа и дядя Смуга? — спрашивал Томек.

Смуга посмотрел мальчику прямо в глаза и ответил:

— Я тебе скажу правду, Томек. Мы хотели убедиться, что после года пребывания в городе ты не отвык от джунглей. Ведь это могло случиться. Теперь я могу с удовольствием сказать, что ты ничего не забыл. Это нас очень радует, потому что на этот раз мы можем встретиться со многими опасностями. Хорошо знать, что можно полностью положиться на каждого участника экспедиции. С этого момента мы тебе во всем доверяем. Ты мне веришь, правда?

— Верю! — воскликнул Томек с волнением и бросился Смуге на шею.

— Мне кажется, Хантер, что у нас появилась прекрасная okazия осушить бутылку рома, — заметил боцман Новицкий. — Сразу заснуть нам не удастся, поэтому не повредит проглотить рюмочку, другую на сон грядущий, а Томеку, пожалуй, полезно выпить чашечку горячего кофе. Что вы об этом думаете?

— Мне уже давно не приходилось слышать столь делового предложения, — поддержал боцмана Смуга. — Ну а как ты, Андрей?

— Выпьем за успех нашей экспедиции,— охотно согласился Вильмовский.

V

ПРИВЕТСТВУЮ ТЕБЯ, КИРАНГОЗИ!

Восход солнца застал наших охотников вполне готовыми к дальнейшему путешествию. Через некоторое время они прошли горный перевал и очутились на высоком плоскогорье. На обширной равнине то здесь, то там вздымались к небу конусообразные вершины гор.

— Теперь, Томек, смотри внимательно, здесь легко встретить дичь,— сообщил Хантер.

Его слова подтвердились очень скоро. Когда всадники приблизились к роще диких мимоз, Динго, бежавший за лошадью Томека, стал вести себя беспокойно. Ветер дул со стороны редколесья. По-видимому, он нес с собой запах животных, потому что Динго приподнял нос, раздувая ноздри, шевелил ушами и время от времени посматривал на своего хозяина. Томек успокоил собаку и обратил внимание товарищей на ее поведение. Хантер движением руки предупредил, что надо сохранять тишину, и прищипорил лошадь. Охотники стали приближаться к роще. Мягкая почва скрадывала топот лошадиных копыт; они ехали под ветер и могли спокойно подъехать к роще, не обращая на себя внимания пугливых животных. Однако прежде, чем им удалось достичь опушки, из зеленой чащи выскочило животное коричневатого-желтого цвета, блеснуло на солнце рогами, расставленными в виде лиры, на момент пропало в чаще, а потом еще несколько раз показалось из чащи, высоко прыгая над землей.

— Газель! Развернитесь в цепь! Перед нами жаркое на обед! — воскликнул Хантер, увидев животное.

Роща внезапно ожила. Когда охотники приблизились на расстояние нескольких десятков метров, стадо газелей длинными прыжками выбежало на равнину.

Эти животные не превышали ростом наших коз, но были значительно стройнее, нежнее и изящнее их.

Смуга, как только увидел газелей, оставил своих друзей и галопом поскакал вдоль опушки рощи.

Томек помчался вслед за ним. Лошади, почувствовав шпоры, неслись вперед, распластавшись так, что животами касались травы. Динго огромными прыжками летел впереди всадников.

Газели несколько мгновений удивленно смотрели на охотников, а потом бросились наутек. Смуга с винтовкой в правой руке осадил коня на месте. Он выстрелил почти не целясь! Одна из газелей упала на землю. Дальнейшее преследование быстроногих животных оказалось безрезультатным. Они мчались со скоростью ветра, почти не касаясь земли. Некоторые из них время от времени останавливались, оглядывались на своих преследователей и вновь бросались вперед.

Охотники придержали лошадей, отказавшись от бесцельной погони. Смуга и Томек подъехали к убитой газели. Остальные охотники присоединились к ним. Динго уже был на месте. Опираясь передними лапами о шею мертвого животного, собака смотрела в неподвижные, широко открытые темные глаза газели. Увидев своих, Динго замахал хвостом и залаял.

— Да, я считаю себя хорошим стрелком, но вы, пожалуй, настоящий мастер своего дела,— похвалил Хантер, с уважением смотря на Смугу.— Выстрел с лошади в бегущую газель это же почти цирковой номер.

Смуга улыбнулся и ответил:

— У меня были хорошие учителя. Мне приходилось бывать в Техасе¹, который славится своими мастерами стрельбы из револьвера. У ковбоев я научился попадать из револьвера в подброшенную монету.

Хантер соскочил с лошади. Когда следопыт нагнулся над газелью, Динго предупреждающе оскалил острые зубы и заворчал. Томек отозвал собаку. Следопыт внимательно осмотрел мертвое животное. Это

---

¹ Техас — штат на юго-западе США.

был самец, весом около сорока килограммов. Мягкая, шелковистая шерсть животного на спине и по бокам была коричневато-желтого цвета, переходящего на животе и на стройных, будто вырезанных из слоновой кости ногах в снежно-белый. Изящные копыта животного были спереди заострены. На голове самца торчали черные, изогнутые рога длиной около тридцати сантиметров. Спереди они напоминали лиру.

Томек посмотрел в неподвижные добрые глаза газели, в которых сохранилось выражение страха. Как всегда в таких случаях, ему стало жаль убитого животного.

— Вы попали прямо в сердце, — заявил Хантер. — Я сейчас взвалю газель на вьючную лошадь, а вечером, во время постоя, освежую ее. Из шкуры газели выйдет великолепный бурдюк для воды.

Не теряя времени, Хантер положил животное на спину лошади, привязал тушу веревкой, и охотники вскочили в седла, чтобы продолжать путешествие. В поле их зрения начали появляться различные животные. Чаще всего это были антилопы канны с прямыми, спирально скрученными рогами, пасущиеся вместе с антилопами куду спина и бока которых были покрыты белыми полосами. Томеку хотелось приблизиться к антилопам, но вид длинных, метровых, винтообразно скрученных рогов куду, несколько охладил его. Вскоре они увидели антилоп гну, отличающихся строением тела и специфическими движениями, которые очень заинтересовали Томека. Дело в том, что гну представляет из себя нечто среднее между лошадью, буйволом и антилопой. Темно-гнедая шерсть на спине и сивый хвост делают гну похожей на лошадь, но голова с ноздрями, закрытыми кожаными отростками, и пасть, окруженная длинной шерстью, напоминают голову буйвола. Головы антилоп гну украшают рога, маленькие и торчащие вверх у молодняка и разросшиеся в стороны у взрослых особей; у самой головы рога у них плоские и сначала загибаются вниз, а потом вверх. Мрачные глаза закрыты венком волос, а густая грива покрывает всю шею.

Хантеру часто приходилось охотиться на антилоп гну. По опыту он знал, что они, подобно буйволам и

быкам, не переносят красного цвета. Не только внешний вид, но и обычаи этих животных отличаются странностями. В случае опасности они, опустив голову, бросаются на врага, но часто в самый решительный момент битвы внезапно останавливаются, поворачивают назад и бросаются наутек.

Томек внимательно слушал объяснения Хантера, потому что уже по опыту убедился, насколько полезны могут быть для каждого охотника такие рассказы. Меткость стрельбы не всегда может защитить охотника от опасности. Необходимо знание повадок различных животных, что позволяет правильно оценить положение. Опытные охотники знают, что иногда лучше сойти с дороги животного, чем нападать на него. Поэтому Томек расспрашивал следопыта об обычаях многих неизвестных ему ранее четвероногих обитателей Африки.

Перед тем как стать на ночлег, охотники заметили показавшиеся из чащи акаций три головы с большими подвижными ушами и странными рожками. Головы торчали на очень длинных шеях на высоте пяти-шести метров над землей. Это были жирафы. Томек сразу же галопом бросился в их сторону, но напрасно, потому что головы на длинных шеях внезапно заколыхались, словно маятники, и быстро исчезли в зеленой чаще.

— Жаль, что жирафы не выбежали из чащи, в степи я легко догнал бы их на лошади,— говорил сконфуженный Томек, вернувшись к своим товарищам.

— Я не уверен в этом,— снисходительно улыбнулся Смуга.— Жирафы бегают очень быстро, и даже самые быстроногие кони не могут их догнать. Однако не огорчайся. Во время охоты на жираф ты насмотришься на них вдоволь.

На этот раз путешественники остановились на ночлег на опушке рощи раскидистых акаций. Как только были установлены палатки и разведен костер, боцман Новицкий стал готовить ужин, а Хантер взялся за свежевание убитой газели. Охотники с интересом следили за его работой. Дело в том, что снять шкуру с убитого животного так, чтобы получился бурдюк для воды, дело нелегкое, требующее большого

навыка и ловкости. Одно неправильное движение ножа, и можно повредить шкуру, сделав ее совершенно непригодной.

Хантер взялся за свежевание животного с полным знанием дела. Он связал задние ноги газели веревкой и повесил тушку на ветви дерева. Потом острым ножом разрезал шкуру вдоль внутренней поверхности ног вплоть до хвоста, вывернул ее и с большим усилием стянул шкуру до конца, как стягивают обычно чулок. Снятая шкура напоминала теперь мешок с отверстиями.

— А как вы будете ее дубить? — спросил Вильмовский у Хантера.

— Шкуру сначала надо хорошенько очистить, — ответил Хантер. — С этой целью ее надо закопать в землю на двадцать четыре часа, потом вымыть и удалить шерсть. Дубление начинают с того, что шкуру держат четыре дня в воде, к которой добавляют немного мелко нарезанной коры мимозы. Шкуру ежедневно вынимают из воды, растягивают на колышках, скребут острым камнем и натирают свежей молотой корой мимозы. После этого можно зашить отверстия, оставляя только то, которое находится спереди. Хороший бурдюк должен быть пористым, чтобы испаряющаяся вода могла увлажнять его наружную поверхность. Испарение воды с поверхности бурдюка охлаждает его содержимое.

— Вы хотите, чтобы из-за этого бурдюка мы торчали посреди этой пустыни целых четыре дня? — возмутился боцман Новицкий.

— Не бойтесь. Завтра в полдень мы будем уже в деревне масасв. Их жены все сделают как надо, — успокоил его Хантер. — Скоро вы убедитесь в прочности такого бурдюка.

— Может быть, вы правы, но мне сдается, что для рома больше подходит манерка или простая бутылка, — пробурчал боцман.

Охотники поужинали жарким из газели, которое показалось им очень вкусным, несмотря на легкий запах мускуса. Как и в предыдущую ночь, Томек первым стал на вахту. Он с бьющимся сердцем вслушивался в звуки, доносившиеся из темной степи. В две-

надцать часов его сменил Хантер. Томек немедленно направился в палатку, лег в постель и укрылся одеялом, но спокойно уснуть не мог. Дело в том, что по степи бродила целая масса животных и сон Томека ежеминутно прерывался топотом пробежавших стад. На рассвете Томеку показалось, что где-то неподалеку раздался рев льва.

На следующий день, едва лишь охотники тронулись в дальнейший путь, небо покрылось черными тучами. Вдали глухо зарокотал гром. Пошел дождь, но Хантер не разрешил остановиться, чтобы его переждать. Путешественники проехали несколько небольших перевалов и очутились на тропинке, ведущей через густые заросли тальника. Местами приходилось пробираться по небольшим болотам. Всадники заметили по дороге несколько шакалов, пробежавших впереди. Прямо из-под копыт лошадей срывались стаи чаек.

Дождь скоро прошел. На небе снова появилось жаркое солнце. Охотники выехали на равнину, поросшую густой травой. На горизонте темнела полоса леса. Путешественники пришпорили лошадей, которые поскакали галопом. Во время трехчасовой езды Смуга заметил в степи стройные силуэты жираф, но Хантер, чем-то обеспокоенный, торопил всадников, не обращая внимания на животных.

— Мы уже въехали в район пастбищ масаев. Но удивительно, что мы до сих пор не встретили ни одного стада, — с тревогой сказал Хантер.

— Может быть, дружественное вам племя переместилось в другое место? — спросил Вильмовский. — Ведь вы говорили, что они ведут кочевую жизнь.

— Два месяца назад масаи находились еще здесь, — пояснил Хантер. — Зачем же им отсюда уходить, если степь покрыта великолепной травой? Вот это-то и странно.

Вдруг боцман, ехавший рядом с Томеком, воскликнул:

— Я вижу столб дыма над лесом! Не печальтесь, Хантер, скоро ваши черные приятели встретят нас ударами черпака по котлу.

— Смотрите, боцман, чтобы они по ошибке не отправили вас в этот котел, — ответил следопыт. — Сразу

видно, что у вас хорошее зрение! Я тоже заметил столб дыма над лесом.

Боцман насупил брови.

— Я списал бы с корабля такого юнгу, который бы не заметил дыма на горизонте, — гневно сказал он.

Хантер, однако, не обиделся и весело ответил:

— Что же делать, видно, я старею!

Лошади почувствовали близость воды и сами ускорили ход. Через полчаса охотники увидели туземную деревню. Она состояла из нескольких круглых шалашей, издали похожих на большие ульи. Как позже установил Томек, шалашаи эти были построены из хвороста, переплетенного с травой, и стояли на фундаментах из сушеного навоза.

Топот лошадей вызвал оживление в деревне. На площади, вокруг которой стояли шалашаи, появились мужчины, женщины и целая толпа детей. Мужчины отличались правильными чертами лица и были закутаны в большие куски хлопчатобумажной ткани, живописно переброшенные через плечо. Искусно сплетенные и обильно смазанные жиром волосы гармонически сочетались с цветом лиц и тел, слегка подкрашенных красной глиной. На шее у некоторых мужчин висели маленькие коробочки. В руках они держали длинные копья или палки. Большинство женщин совсем не носили одежды; увидев белых гостей, они спрятались в шалашаи, чтобы надеть платки, закрывающие нижнюю часть тела и плечи. Уши у мужчин и женщин были деформированы различного рода украшениями, иногда крупных размеров. Причесок у женщин не было, они брили головы наголо. На шее они носили бусы и металлические обручи. Некоторые из них не снимали этих украшений, даже ложась спать. Некрасивые в общем женщины показались Томеку ходячими складами проволоки и железа, потому что у большинства из них икры ног и руки от плеч до запястий были закованы в металлические трубы и свободными оставались только локти. Эти поковки состояли из браслетов или медных и железных труб. Совершенно нагие дети путались под ногами взрослых. Шумные малыши пальцами показывали друг другу прищельцев.

Из толпы туземцев вышел хорошо сложенный мужчина, вооруженный длинным, острым копьем.

— Ямбо, кирангози!¹ Давно мы тебя не видели у нас! — воскликнул он гортанным голосом.

— Приветствую тебя, Месхерия, я рад, что застал тебя в деревне. Сможем ли мы увидеть и приветствовать вашего вождя Кисумо? — спросил Хантер, протягивая руку туземцу.

— Ты увидишь Кисумо, как только он закончит совещание с шаманом, — ответил Месхерия на ломаном английском языке.

— Меня встревожило отсутствие на пастбищах скота. Я подумал, что вы усхали отсюда. Я опасался, что вы начали войну с каким-либо враждебным племенем, — сказал Хантер.

— В нашу деревню пришло несчастье, белый кирангози, — сообщил туземец печально. — Почти все наши стада пали. Злые духи поразили наш скот. Те животные, что остались, пасутся вблизи гор. Так посоветовал наш шаман.

Охотники соскочили с лошадей и привязали их к деревьям. Томек подошел к Хантеру. Увидев Томека, туземцы заволновались. Масаи показывали пальцами на мальчика и его собаку, что-то взволнованно кричали. Хантер посмотрел на Томека и еле удержался, чтобы не расхохотаться.

— В чем дело? Может быть, они боятся моего Динго? — тихонько спросил Томек у Хантера.

— Нет, собаки они не боятся, ведь масаи с копьями нападают на львов, — успокоил его шепотом Хантер. — Ты их удивил оригинальным убранством. Слышишь, что они говорят? Ах, да, ведь ты не знаешь их языка! Послушай, пожалуйста, что они говорят теперь: «Смотрите, смотрите! Вот белый шаман и злой дух, превращенный в собаку!»

— Что это вы рассказываете Томеку! — встревожился Вильмовский.

— Хантер точно переводит их слова, — подтвердил Смуга, который довольно хорошо знал наречие масаев. — Ведь они не знают, что Томек украсил себя и

---

¹ Добро пожаловать, проводник!

Динго хвостами животных для защиты от мухи це-це.

— Черт возьми, я совершенно забыл об этом! — сказал Вильмовский.— Ты всегда должен сыграть с нами какую-нибудь шутку, Томек! Немедленноними эти хвосты, ведь суеверные негры готовы стать нашими недругами!

— Не вынуждайте Томека снимать эти... украшения,— возразил Хантер.— Туземцы любят все необыкновенное. Они выражают свое восхищение, а не порицание.

— Ха-ха-ха! — захохотал боцман.— Послушай, браток! Они готовы сделать тебя своим шаманом. Покажи им только свой фокус с монетой, помнишь?

— Вам хорошо смеяться, а я, видимо, снова сделал глупость,— ответил Томек, нахмутив брови.— Однако не могу понять, что им не нравится в моем одеянии? Разве мне мешает то, что они надели на себя одеяла?

Охотники прервали беседу, потому что прибежал один из масаев с сообщением, что вождь Кисумо и великий шаман готовы приветствовать гостей. Недоразумение рассмешило Смугу, и он взял Томека под руку, говоря:

— Идем и покажем вождю нашего шамана. Только, дорогой боцман, перестаньте квакать, словно жаба в болоте.

Вождь Кисумо стоял у входа в большую хижину. Через плечо он перекинул яркую цветную ткань. В правой руке держал копье с длинным железным острием. На его шее висела довольно большая коробка. Он как раз вынимал из коробки лакомство, похожее на конфету, которое сразу же отправил в рот. На пальцах его ног блестели кольца. Волосы на голове Кисумо были искусно сплетены, а лоб украшала цветная лента. Рядом с вождем стоял сгорбленный старик с султаном из хвостов антилоп на голове. Хвосты падали ему на лицо и плечи. Пушистый мех колебался от ветра. Время от времени старик потрясал деревянными погремушками, которые держал в руках.

— Посмотри-ка, браток, на своего старшего коллегу,— шепнул боцман Томеку.— Смотри только, чтоб

он тебя не проглотил вместе с Динго, потому что глядит на вас, как кот на сало.

Хантер сурово посмотрел на боцмана и громко сказал:

— Привет тебе, Кисумо, вождь масаев и мой друг. И тебе привет, великий шаман. Мне говорил Месхерия, что вас постигло несчастье.

— Добро пожаловать, белый кирангози и друг,— ответил Кисумо на ломаном английском языке.— Вижу, что ты привел к нам своих друзей. Приветствую вас всех. Прошу войти в мою хижину, где вас ждет холодная простокваша и пиво.

Хижина вождя, которая была по размерам больше остальных, стояла в центре деревни. Кисумо и шаман вошли первыми и пригласили за собой гостей. С правой стороны Кисумо сел важный шаман, продолжая потрясать погремушками, с левой стороны вождь указал места гостям. Напротив вождя расселись старейшины племени во главе с Месхерией. Как только мужчины уселись за стол, несколько женщин внесли сосуды, наполненные простоквашей и пивом.

— В плохую минуту ты прибыл к нам, белый кирангози,— начал беседу Кисумо.— Зависть и злоба проклятых нанди лишила нас многочисленных стад скота. Мы голодаем и бедствуем, а наши сердца жаждут суровой мести.

— Мне уже говорил Месхерия, благородный вождь, что таинственная болезнь поразила ваш скот,— ответил Хантер.— Однако ты говоришь, что в вашем несчастье повинны нанди?

— Послушайте, как было дело, и поймете, что я сказал правду. О таких делах говорят только на совете старейшин, поэтому Месхерия не мог говорить при всех. Однажды у нас появились несколько нанди с самым важным их шаманом. Они уговаривали нас совершить вместе нападение на поезд, идущий по железной дороге. Наши старейшины отказались. Мы теперь не воюем с англичанами, у которых есть ружья и трубы, выбрасывающие большие пули. Ты, конечно, понимаешь, кирангози, что после нападения на поезд нам пришлось бы бежать отсюда и бросить наши стада. Так мы сказали нанди, но их шаман ответил нам,

что мы и без того потеряем скот, потому что белые возьмут его себе, а нас либо выгонят, либо убьют. Мы говорили, что у нас теперь мир с белыми людьми. А шаман нанди смеялся над нами и сказал, что мы вскоре убедимся в собственной глупости. Ну а когда они от нас уезжали, видимо, наслали злые чары на наш скот, потому что вскоре у нас погибли почти все стада.

— Белые люди в Момбасе и Найроби говорят, что болезнь скота свирепствует вдоль всей южной границы Кении,— вмешался Хантер.— Может быть, ты ошибаешься, обвиняя нанди в злых чарах?

— Не защищай их, кирангози. Они чувствовали свою вину, потому что, когда мы пошли на них походом, их уже не было в деревне.

— Кто вам сказал, что это дело нанди? — спросил Смуга.

— Наш великий шаман беседовал со злыми духами. Они открыли ему эту тайну. Они сказали также, что только кровавая месть может приостановить падеж скота.

Смуга сурово посмотрел на шамана, явно обеспокоенного словами вождя. Через некоторое время Смуга твердо сказал:

— Легче посоветовать кровавую месть и войну, во время которой гибнут храбрые войны, чем самому предотвратить колдовство.

Погремушки резко загремели в руках шамана. Хантер бросил Смуге предостерегающий взгляд и обратился к масаям:

— Мы желаем тебе, Кисумо, и твоим людям всего самого лучшего. Мы знаем, что твои воины очень отважны. Поэтому мы пришли к тебе с просьбой отпустить с нами нескольких воинов для поездки в Уганду. Этот белый бана макуба¹ будет ловить там живых зверей, чтобы взять их потом в свою страну.

Говоря это, Хантер показал рукой на Вильмовского. Масай с интересом посмотрели на вождя охотничьей экспедиции.

— Зачем же вам ходить так далеко? — возразил

---

¹ Главнокомандующий.

Кисумо.— В Кении тоже полно диких зверей. В Уганде нехорошо. Там была война с англичанами и другими белыми.

— В Кении мы не найдем обезьян соко¹,— пояснил Хантер.— Бана макуба желает поймать живых горилл.

— Он хочет поймат живого соко? Это тяжелая и опасная задача.

— Бана макуба уже ловил диких животных, и у него есть для этого свой способ.

В этот момент шаман наклонился к вождю. Он долго шептал ему что-то на ухо, одновременно показывая рукой на Томека.

Кисумо кивнул головой и спросил:

— А ваш шаман тоже принимает участие в этой охоте?

— Ты говоришь об этом мальчике? Это сын нашего бана макубы,— ответил Хантер.— Он уже участвовал в охоте в далекой стране.

Вильмовский сделал нетерпеливое движение, но Хантер не дал ему говорить, сказав:

— Бана макуба и его храбрый сын знают разные способы ловли диких животных, поэтому наша охота не так опасна, как это может казаться. Дашь ли ты нам нескольких воинов, Кисумо? Мы хорошо заплатим и дадим оружие людям, которые пойдут с нами.

— Воины нам нужны здесь. Нанди могут на нас напасть,— прохрипел шаман.

— Нам надо взять с собой всего лишь пятерых воинов, которые, по-видимому, не спасут вас от нападения нанди,— вмешался Смуга.

— Мы не боимся нанди, потому что уже дали им хороший урок,— быстро ответил Кисумо.— Однако нам необходимо спросить нашего шамана, что об этой поездке скажут добрые и злые духи.

— Посоветуйся со своим шаманом, но помни, что мы привезли твоим женам великолепные саме-саме,— сказал Хантер.

Кисумо вопросительно посмотрел на шамана, который, потряхивая погремушками, воскликнул:

---

¹ Обезьяны соко — гориллы.

— Я чувствую кровь, много крови! Это плохая охота!

— Ты ошибаешься, никто из них не погибнет, потому что бана макуба и его сын не боятся злых духов,— возразил Смуга.

Кисумо не знал, что ему делать. С одной стороны, он боялся выступить против великого шамана, а с другой — его привлекали подарки, обещанные за согласие на участие воинов в охоте. Он неуверенно посмотрел на шамана, а потом взглянул на Томека. По лицу Кисумо пробежала хитрая улыбка.

— У белых есть различные способы, чтобы отогнать злых духов,— сказал он.— Что говорит ваш шаман о вашей охоте? Пожалуй, вы бы не пошли на нее, если бы он предсказал вам смерть?

Хантер смутился, но, к счастью, спокойный и настороженный Смуга пришел ему на выручку:

— Мы не верим шаманам, но если вы хотите знать, что думает сын бана макубы о результатах охоты, то вам в этом легко убедиться.

— Что надо вождю, Ян? — по-польски спросил Вильмовский.

— По-моему, Кисумо хочет дать нам воинов, но этот старый мошенник шаман пугает масаев, будто им угрожает смерть. Туземцы считают оригинально одетого Томека существом одаренным сверхъестественной силой, поэтому вождю хотелось бы знать, какой результат охоты предвидит Томек.

— Лучше всего скажи им сразу, почему Томек и Динго носят меховые украшения. Нет никакого смысла обманывать легковверных негров,— хмуро сказал Вильмовский.

— Не давайте плохих советов,— предупредил Хантер.— Смуга совершенно напрасно обидел шамана, высказав сомнение в правильности его предсказаний. Вождь любит подарки, но не может позволить воинам участвовать в охоте вопреки предостережениям шамана. Не желая брать на себя всю ответственность, он ищет предлог ослабить плохое впечатление, вызванное неблагоприятным предсказанием. В наших интересах помочь вождю. Пусть Томек скажет, что он будет защищать воинов от опасностей.

— Но ведь это невозможно, чтобы отважные люди верили в такую чушь! — воскликнул Томек.

— Уже многие столетия негры подчиняют свою жизнь различным суевериям и предсказаниям. Они верят в силу шамана и в его предсказания. Если мы хотим привлечь на свою сторону масаев, то Томеку придется сыграть небольшую комедию. Ведь это никому не повредит, — посоветовал Хантер.

— Хороший совет лучше мешка монет, — вмешался боцман Новицкий. — Пошевели мозгами и окрути вокруг пальца этого шамана, похожего на петуха с распушенными перьями. Говорю тебе, браток, покажи им фокус с монетой.

Томек посмотрел на отца и, не заметив на его лице возражения, улыбнулся, подумав о возможности подшутить над злым шаманом.

Приняв серьезное выражение лица, Томек наклонился к масаям и медленно сказал по-английски:

— Великий вождь, я буду следить за тем, чтобы ни с кем из участников нашей охоты не случилось несчастья. Чтобы убедить тебя в правде моих слов, покажу тебе свою чародейскую силу.

Он вынул из кармана стеклянный шар, внутри которого виднелось маленькое трехмачтовое парусное судно. Положил шар на землю перед собой, довольный впечатлением, произведенным на негров. Расстегнув воротник, Томек обнажил шею, достал из кошелька медную монету, показал ее всем в своей левой руке и положил на шею. Затем он накрыл монету левой рукой и стал втирать ее в кожу. Он несколько раз менял руки, показывая туземцам монету, лежащую на покрасневшей от трения шее, так что они начинали хохотать до упаду. Руки мальчика двигались все быстрее и быстрее. На лбу выступил пот. В конце он натирал шею уже только левой рукой, поглядывая исподлобья на масаев. Но вот он перестал тереть шею и показал зрителям левую руку, в которой ничего не было. Масаи подошли к мальчику и внимательно осмотрели покрасневшую шею и руку, в которой не было монеты. Монета исчезла самым удивительным образом. Ее не было ни в руке, ни на шее.

— Смотрите! Смотрите! Ничего нет! — восклицали масаи.

— Чудо! Чудо! — повторяли за ними другие.

— Скажи нам, сын бана макубы, что произошло с монетой? — с любопытством спросил Кисумо.

Томек торжествующе улыбнулся. Значит, масаи не видели того, что весь фокус заключается всего лишь в ловкой манипуляции обеими руками. Меняя быстро руки, Томек ловко спрятал монету между пальцами правой руки, которую положил на правое колено, заканчивая мнимое втирание. Теперь, сохраняя на лице серьезное выражение, Томек поднял с земли стеклянный шар. Всматриваясь в него, он встал и приблизился к шаману. Правой рукой пошарил в его волосах, и к удивлению и радости туземцев, вынул оттуда медную монету.

— Видишь, вождь, кто спрятал монету? — обратился Томек к Кисумо.— Теперь ты, пожалуй, веришь, что с твоими воинами ничего плохого не случится, если они пойдут с нами?

— Мы видели твои чары и верим твоим словам,— признался Кисумо.— Что ты скажешь об этом, шаман?

Все посмотрели на сконфуженного старика, который, побренчав погремушками, подумал и сказал:

— Я должен еще раз посоветоваться с духами. Пойду в хижину и вызову их звуками барабана. Пусть сын бана макубы пойдет со мной. Может быть, в его присутствии духи окажутся добрее.

— Томек, шаман предлагает, чтобы ты пошел с ним в его хижину посоветоваться с духами,— обратился Хантер к мальчику.— Никакая опасность тебе не грозит, если ты не примешь его угощения. Мстительный старик может дать тебе яд. С африканскими шарлатанами надо быть осторожным, потому что они опасаются за свою власть над душами соплеменников.

— Пожалуйста, не беспокойтесь обо мне. Возьму с собой оружие,— успокоил его Томек.— Однако, мне кажется, я знаю, чего хочет от меня шаман.

Вильмовский и Смуга одновременно посмотрели на Кисумо. Видя многозначительную улыбку на его устах, они сразу успокоились. Шаман и Томек вышли

из хижины вождя. Вскоре в глубине деревни раздались глухие звуки там-тама¹.

Путешественникам пришлось долго ждать возвращения Томека. Звуки там-тама то умолкали, то раздавались снова, но шаман и Томек не возвращались. Первым стал беспокоиться боцман Новицкий.

— Что с нашим пацаңом делает эта сухая мумия? — пробормотал он. — У меня руки чешутся, так хочется расправиться с этим мошенником.

— Сидите спокойно, боцман. Ведь шаман знает, что старейшины рода и вождь находятся в наших руках, — перебил его Смуга.

— Нам остается довериться уму и хитрости Томека, — добавил Вильмовский, с беспокойством поглядывая на дверь.

— Во время экспедиции с нами могут случиться вещи похуже. Лучше не выдавать своих опасений. Негры непрерывно следят за нами, — заметил Хантер.

Только через час Томек вернулся в хижину вождя. Вслед за ним с загадочной улыбкой на лице вошел старый шаман.

К нижней части искусственно удлиненной мочки его уха был прикреплен стеклянный шар с трехмачтовым парусником, вместо жестяной коробки, которая находилась там прежде.

— Пусть меня проглотит акула, если малец не сумел подкупить старого мошенника, — прохрипел боцман Новицкий, приглядываясь к стеклянному шару, прикрепленному к уху шамана.

Слушая голоса восхищения своих соотечественников, шаман надулся, как мыльный пузырь. Он важно сел рядом с вождем и стал греметь погремушками. Отгремев, шаман громко сказал:

— Сын бана макубы был свидетелем моей беседы с духами. Злые силы испугались магического шара и замолчали. Воины могут принять участие в охоте, которая закончится успешно, если они будут верны бана макубе и его сыну.

---

¹ Там-там — особый барабан, которым туземцы передают сигналы из деревни в деревню. В данном случае речь идет о бубне шамана.

ОХОТА НА ЛЬВОВ

— Поскольку шаман согласился, скажи мне, белый кирангози, сколько тебе надо воинов? — спросил Кисумо.

— Довольно пятерых. Мы хотели бы взять с собой Месхерию, Мумо, Инуши, Секелета и Мамбо, — предложил Хантер.

— Ого! Ты выбрал самых лучших! Что же я без них сделаю, если на нас нападут нанди? — возразил Кисумо. — Ведь ваша охота будет длиться очень долго.

— Мы высказали наши пожелания, теперь твоя очередь, великий вождь, сказать, что ты требуешь от нас. Мы привезли тебе прекрасные подарки, — искал вождя Хантер.

Начался длинный торг. В конце концов, решено, что Кисумо получит десять метров хлопчатобумажной ткани, десять метров ситца, двадцать связок стеклянных бус и десять метров медной проволоки. Шаман потребовал себе новое одеяло, десять метров ситца, десять связок стеклянных бус и охотничий нож. После оживленного совещания поставили свои условия и воины, принимающие участие в экспедиции. Каждый из них должен был получить месячное вознаграждение, состоявшее из десяти метров ситца, пяти метров хлопчатобумажной ткани, восьми связок стеклянных бус, метра латунной и метра медной проволоки; сверх того, они должны были стать владельцами оружия и одеял, полученных от экспедиции.

В заключение Кисумо попросил охотников, чтобы перед уходом они устроили совместно с его воинами охоту на львов, постоянно угрожавших скоту. Вильмовский принял это условие. Кроме того, он купил у вождя трех быков и несколько куриц для прощального пира.

Сразу же после окончания переговоров в деревне масаев началась лихорадочная подготовка к охоте. Наши путешественники роздали воинам, согласившимся принять участие в экспедиции, товары в качестве аванса и вручили их женам в подарок цветные

саме-саме. Женщины с олотой принялись готовить яства для предстоящего пира. Вскоре огромные куски говядины варились в больших котлах, висевших над кострами. Мужчины готовили оружие, точили длинные ножи и железные накоечники копий.

Кисумо отвел белым гостям отдельную хижину, но Вильмовский, опасаясь клещей, кишевших в негритянских хижинах, предпочел поселиться с товарищами в палатке.

С наступлением темноты в деревне раздались звуки барабанов. В кострах ярко горел хворост, подбрасываемый детьми. Все члены племени собрались на обширную площадь, находившуюся в центре деревни. Там были выставлены котлы с вареным мясом и рыбой, стояли тыквы, наполненные холодным молоком и пивом. Среди масаев царло всеобщее веселье. Даже жены воинов, согласившихся участвовать в экспедиции, были в прекрасном настроении и хлопали в ладоши под громкие звуки барабанов.

Вскоре на площади появился вождь Кисумо в сопровождении старейшин племени. Он был одет в новую, просторную одежду красного цвета, в которой, словно кровавые огоньки, отражалось сияние горящих костров. Блистали смазанные жиром волосы, сплетенные в тонкие косички, искусно уложенные на голове. Лицо вождя было обильно раскрашено красной глиной. Его плечи были покрыты великолепной мягкой шкурой, а в руках он держал копье с блестящим наконечником. Кисумо уселся на львиную шкуру, рядом с ним присел, тоже празднично одетый, шаман. У него на голове торчал высокий веночек, сплетенный из разноцветных пичьих перьев. Спину и грудь шамана украшали пучки пушистых звериных хвостов, лицо было раскрашено еще ярче, чем у вождя, а в левом ухе торчал подренный Томеком стеклянный шар. Все негры натфли свои тела жиром и были полностью вооружены.

Вождь пригласил наших путешественников сесть рядом с ним на раскинутые на земле шкуры. Вереница женщин, позванивая браслетами и ожерельями, поставила перед пирующими тыквы, наполненные молоком и пивом, и положил на банановых листьях

куски вареного мяса. Шум и веселье росли по мере того, как опустошались жбаны, наполненные крепким пивом. Непрерывно гудели барабаны. Воины окружили самый большой костер. Сначала они двигались медленно, потрясая копьями в такт монотонной песни. Потом к ним присоединились женщины, ритмически хлопающие в ладоши. Постепенно мелодия песни стала звучать сильнее, темп ее убыстрялся, ноги танцующих все крепче ударяли о землю, вздымая облака пыли. Силуэты воинов, освещенные блеском горящих костров, отбрасывали фантастические тени. Постепенно танец захватывал всех обитателей деревни; даже мрачный Кисумо стал ударять ладонями по коленям, раскачиваясь вперед и назад в такт мелодии. Наконец шаман встал со своего места. Делая змеиные движения, он втиснулся в круг танцующих воинов. Они расступились, давая ему место в центре круга. Шаман начал танец войны. Теперь мужчины и женщины стали отбивать такт руками и петь крикливыми, высокими голосами. Барабаны гремели все громче и быстрее, а старый шаман, в вихре разноцветных перьев на голове, кружился вокруг костра, как волчок.

Путешественники с любопытством наблюдали за танцами. Интерес проявлял даже Динго.

— Ну и ну, браток, кто бы мог ожидать, что твой старший коллега по специальности умеет так извиваться,— по-польски сказал боцман Новицкий.— Угощение ничего себе, только почему эти женщины так некрасивы? А головы у них бриты, по-видимому, для того, чтобы меньше было хлопот с мытьем и прической.

— Это у них такая мода, боцман,— со смехом ответил Смуга.

— Черт их возьми с такой модой,— с презрением сказал боцман.

А тем временем восторг танцующих негров достиг предела. Теперь все танцоры образовали круг, в центре которого танцевал шаман. Барабаны гремели в сумасшедшем ритме, высокие голоса певцов перешли в крик. Вдруг шаман, покружившись несколько раз, прошелся вокруг костра, прорвал круг танцоров и ос-

тановился рядом с Томеком. Барабаны умолкли. Туземцы прекратили пение. Негры, потрясая копьями, тесным полукругом стояли за спиной великого шамана. Кисумо насупил брови...

Смуга прикрыл веки, чтобы блеск огня не мешал ему видеть; правая его рука медленно опустилась на рукоятку пистолета. Боцман сунул руку в карман, Хантер вскочил на ноги и, выпрямив свою высокую фигуру, прислонился спиной к дереву. Один только Вильмовский не тронулся с места; он смотрел шаману прямо в глаза, в которых таились отзвуки дикого подъема, вызванного танцем войны.

Вдруг шаман бросил на землю деревянный жезл с пучком из хвостов антилоп гну, вслед за этим он сбросил веночек из перьев и накидку из хвостов. Обнаженный до пояса, он достал изо рта медную монету и на глазах всего племени, а также изумленных путешественников безошибочно и быстро повторил фокус Томека с монетой. Когда он вынул монету из уха боцмана Новицкого, черные зрители закричали от восторга. На лице шамана отразилось удовлетворение. Ведь в этот момент он восстановил всю свою колдовскую славу. Шаман спокойно надел на голову веночек из перьев, набросил на плечи накидку из пушистых хвостов и поднял с земли свой жезл. Он наклонился к Вильмовскому и, с трудом подбирая английские слова, медленно сказал:

— Бана макуба, у тебя умный сын. Он есть великий шаман. Масаи слушать тебя и его, как меня!

Шаман приподнял жезл и вручил его Томеку. Опять заговорили барабаны. Негры начали новый танец.

— Ах, черт возьми, я был уверен, что начнется новый спор,— вздохнул Хантер, утирая со лба пот.

— Да, с нами могло быть совсем плохо,— признал Вильмовский.— Мы не справились бы с таким числом воинов, будучи окружены ими на открытом месте.

— Как только Смуга схватился за рукоятку своей пушки, то и я сунул руку в карман. Ручаюсь, что эта сухая мумия не успела бы дотронуться до нашего Томека,— добавил боцман, и никто из путешественников не сомневался, что это была не пустая угроза.

— Я все время ждал, у кого шаман найдет монету,— беззаботно вмешался Томек.— Я сразу же подумал, что на его месте я выбрал бы обязательно боцмана, который сидел мрачный, как градовая туча. Оказалось, я был прав, шаман выбрал именно его.

Охотники посмотрели друг на друга с удивлением. Хорошее настроение мальчика было доказательством того, что в этот трудный момент он совершенно не думал об опасности или не осознавал ее.

— Не говори, браток! Неужели ты хочешь сказать, что не испытывал и тени страха?! — воскликнул боцман.

— Чего же мне было бояться? Ведь я сам научил шамана фокусу с монетой. Он мне тоже по секрету сказал у себя в хижине, что во время военного танца повторит этот фокус при всех зрителях деревни. Это был сюрприз.

— Пропади он пропадом, твой коллега, с его сюрпризами,— сердито сказал боцман.— Надо было нам об этом сказать раньше!

— Возможно, вы правы, но тогда не было бы так интересно...

Томек не закончил фразы, потому что боцман пробурчал сквозь зубы:

— Счастье твое, что я тебе не отец и мне не надо соображать, следует тебе всыпать или нет!

— Нечего сердиться, боцман,— примирительно сказал Смуга и улыбнулся.— У нас, наверное, был очень мрачный вид, и я не удивляюсь Томеку, что, наблюдая за нами, он очень потешался.

— Не надо было тебе учить шамана этому детскому фокусу с монетой. Он использует его для обмана легковверных и суеверных негров,— обратился Вильмовский к сыну.

— Не бойся, папа! Чтобы предотвратить такую возможность, я обещал Кисумо, что расскажу ему о «тайне» исчезновения монеты,— рассмеялся Томек.

— Вот ловкач! Ну, шут с тобой, я уже не сержусь на тебя,— сменил гнев на милость боцман.— Знаешь что, браток? Мне пришла в голову отличная идея! Во время экспедиции мы научим фокусу с монетой всех масаев.

— Это и в самом деле превосходная мысль,— похвалил Томек и сразу же придвинулся к боцману, чтобы обсудить это дело.

Оба приятеля стали вести оживленную беседу. Игры, танцы и пение продолжались. Путешественники лишь поздней ночью вернулись в свои палатки.

Томек проснулся ранним утром. С удивлением он слушал глухие звуки там-тамов.

«Неужели они еще не закончили пира?» — подумал он.

Взглянул на стоявшую рядом койку отца. Она уже была прибрана. Томек выскочил из-под москитьеры, оделся и выбежал из палатки. Смуга и Хантер седлали лошадей, а боцман Новицкий готовил на складном столике завтрак.

— Скажите, боцман, почему все еще гремят там-тамы? Где папа? — спросил Томек, подбегая к моряку, насвистывающему какую-то мелодию.

— Значит, коллега не чувствует нюхом, что происходит? А я думал, что такие хитрые колдуны, как ты, всё знают. Так вот, браток, мы сейчас отправляемся на львов. Масаи там-тамами сзывают всех своих на охоту. Они готовы мертвого поднять из могилы своим шумом. А твой уважаемый папаша пошел к Кисумо согласовать подробности охоты, смекаешь?

— Я понимаю, но почему вы меня не разбудили раньше?

— А зачем такого малыша, как ты, поднимать с постели на рассвете? Штанишки у тебя короткие, пуговиц мало, ты и без того в последний момент успеешь одеться.

— Ах, вы снова смеетесь над моим возрастом,— возмутился Томек.

Боцман весело расхохотался, потрепал мальчика по плечу и примирительно ответил:

— Ты должен признать, браток, что за вчерашнюю шутку с шаманом и монетой, которую он нашел в моем ухе, тебе следовало бы кое-что от меня получить.

— Ну, значит, теперь мы квиты,— заявил Томек.

— Да уж ладно,— согласился боцман.

— Завтрак готов? — спросил Вильмовский, приближаясь к палатке.

— Котелок с кофе уже пятнадцать минут дымит, как пароводная труба,— ответил боцман.— Можно садиться за стол. Умойся, Томек, быстренько, потому что с заспанными глазами не попадешь ложкой в рот!

Томек побежал к ручью умыться. Вскоре он вернулся и сел за стол вместе с товарищами. После завтрака охотники почистили и смазали винтовки и вскочили в седла. В масайской деревне их ждали воины под командованием самого Кисумо.

— Неужели они и в самом деле намерены охотиться на львов с этими копьями? — обратился Томек к Хантеру, с недоверием рассматривая скромное вооружение масаев.

— Будь спокоен. Эти мнимо невинные копия в руках масаев превращаются в страшное оружие,— ответил Хантер.

— Я не отважился бы на охоту с таким вооружением.

— Согласен с тобой. И я бы не отважился тоже. Чтобы метать копьё, надо иметь огромную силу и навык.

Послышалась команда отправляться в путь. Масаи и белые охотники поехали вдоль берега ручья, протекавшего по саванне. Через час они очутились вблизи цепи пологих холмов. Вскоре у их подножия они увидели стадо буйволов с большими, широко расставленными рогами. Несколько полуодетых пастухов выбежали им навстречу. Услышав о предстоящей охоте, они радостно закричали. Из их слов можно было заключить, что обнаглевшие львы почти каждую ночь похищают из стада скот, а два дня назад разорвали и сожрали молодого пастуха.

Охотники спешили к шалашам, в которых жили пастухи. Не теряя времени, они стали советоваться с Кисумо и его воинами. Масаи уверяли, что прекрасно знают, где расположены логовища львов. Поэтому Смута предложил не ждать ночи, когда львы выйдут из своего убежища, а сразу же организовать облаву на них. Он утверждал, что после ночного пира львы целый день отдыхают и их легче будет застичь врасплох. Все согласилось с предложением опытного охотника. Смугу единогласно выбрали старшим по охоте.

Смуга немедленно начал подготовку. Он долго изучал в бинокль степь, поросшую кустами вдоль пересохшего русла реки. По уверениям пастухов, именно там скрывались львы, нападающие на их стада. Смуга разделил масаев на две группы. Одна из них, более многочисленная, вместе с Вильмовским и Хантером должна была рассыпаться в длинную цепь и начать прочесывать чащу со стороны речки. Вторую группу возглавил Смуга. Он должен был окружить саванну так, чтобы преградить путь львам, спасающимся от облавы. Томек попросил у отца разрешения присоединиться к отряду Смуги и боцмана Новицкого. Вильмовский согласился, потому что был уверен в безопасности мальчика под опекой опытного охотника.

Поскольку группе Смуги требовалось время, чтобы дойти до места засады, его отряд тронулся в путь раньше. Впереди отряда ехал Смуга, показывая своим людям дорогу вдоль опушки обширной полосы кустов.

Томек ехал рядом со Смугой. Он внимательно слушал его рассказы о том, как надо себя вести во время охоты на львов.

— В Африке можно встретить пять видов львов: берберийский вид, самый сильный, сенегальский, сомалийский, капский и масайский,— говорил охотник.— Вне Африки живут еще два вида: персидский и индийский. По самому названию можно догадаться, что здесь мы встретимся с масайскими львами. В противоположность другим видам, масайские львы часто нападают на людей и пожирают их. Львы не живут в тропических лесах, они охотнее держатся на открытых местах, в частности в саванне, на равнинах или плоскогорьях. Как правило, они не ведут оседлого образа жизни, но переходят с места на место, проводя дни там, где их застанет восход солнца. Однако бывает и так, что хищники почувствуют возможность легкой добычи домашнего скота или встретят плохо вооруженных, почти беззащитных людей. В таком случае они долго живут в одной местности и производят ужасающее опустошение.

— Я думал, что все львы набрасываются на человека,— вмешался Томек.

— Так думает большинство горожан, но в действительности львы редко нападают на людей. Даже в том случае, если на льва натравят собак, он больше внимания обращает на них, чем на человека. Конечно, если зверя ранить выстрелом из ружья или отрезать ему путь к бегству, лев может броситься и на человека. В этом случае львы бывают бесстрашными и грозными противниками.

— Слышишь, браток? Ты должен хорошо беречь Динго, а то что скажет прелестная Салли, если львы сожрут ее любимчика? — рассмеялся боцман.

— Вы только посмотрите, как спокойно ведет себя Динго, — ответил Томек. — Он либо не почувствовал львов, либо их вообще нет в этом буше.

— Мы теперь подходим с подветренной стороны. Посмотрим, однако, как поведет себя Динго, когда мы очутимся на той стороне буша, — сказал Смуга.

Говоря это, Смуга остановился и стал внимательно рассматривать следы на берегу ручья. В этом месте русло расширилось, образовав у одного из берегов маленький залив. Здесь почти не было течения. Томек жестом остановил боцмана.

— Дядя Смуга, наверно, увидел следы львов?

Месхерия, который остановился рядом с мальчиком, пояснил:

— Здесь львы пить вода ночью. Днем они сидеть в кустах и спать. Львы очень умные, они не бегают днем, когда жарко.

Томек посмотрел на мутную воду в заливчике.

— Мне кажется, что львы не так уж умны. Почему они пьют грязную воду, когда рядом течет чистый ручей?

— Грязный вода лучше. Все звери любить стоячую воду, — возразил Месхерия.

Через некоторое время Смуга поехал дальше. Охотники почти час ехали по тропинке, протоптанной животными к водопою, как вдруг она исчезла в довольно густых зарослях кустарника и редколесья.

— Идти дальше тропинкой, — посоветовал Месхерия. — Буш сейчас кончится.

— Хорошо, теперь веди нас ты, — приказал Смуга.

Месхерия углубился в кусты. Смуга, боцман, Томек и масаи шли за ним на расстоянии нескольких

шагов. Томек держал поводок Динго у самого ошейника. Собака была явно возбуждена, поэтому мальчик обратил на Динго все свое внимание. Вдруг раздался отчаянный крик Месхерии. События стали развиваться так быстро, что Томек действовал уже только машинально. Он посмотрел по направлению, откуда донесся голос Месхерии, и увидел мощную спину животного, мчащегося во всю прыть. Голова животного была вооружена огромными кривыми и острыми рогами. Месхерия в последний момент подскочил так высоко, что, словно мячик, прокатился по широкой спине бегущего буйвола. К счастью, Смуга не растерялся: увидев, что выстрелить он уже не успеет, громко крикнул:

— Прячьтесь за деревья!

Одновременно он сам спрятался за ствол большой акации, спасаясь от грозных копыт взбесившегося животного.

Ближе всех к Томеку находился боцман. Он вырвал поводок Динго из его рук и толкнул Томека за ствол раскидистого фигового дерева. Мальчик, испуганный внезапным появлением африканского буйвола, прыгнул на нижнюю ветку и молниеносно вскарабкался на верхушку дерева. Боцман вместе с Динго спрятался за стволом этого же дерева. Масаи, словно духи, бесшумно исчезли в кустах. Прежде чем Томек сообразил, что случилось, топот сердитого животного утих вдали.

Смуга показался на тропинке, держа винтовку на изготовку.

— Оставайтесь на местах! — предупредил он.— Буйвол может вернуться!

Томек сидел на ветке, обнимая руками ствол дерева. Смуга нашел спрятавшегося в кустах Месхерию. Туземец был слегка ошеломлен падением, но уверял, что с ним ничего не случилось. Сразу же пошел вслед за буйволом, желая проверить, не возвращается ли он. Вернулся с криком:

— Его нет, нет! Он убежал!

Масаи тут же вышли на тропинку. Боцман Новицкий вместе с Динго вышел из-за ствола фигового дерева. Подняв голову вверх, он со смехом сказал:

— Ха-ха-ха! Ты, браток, прыгнул на дерево ловчее обезьяны! Жаль, что у меня не было фотоаппарата. У Салли живот заболел бы от смеха, если бы она увидела тебя скачущим на дерево при встрече с каким-то быком! Правда, Динго? Великолепное зрелище!

Томек слез с дерева и поднял с земли брошенный штуцер. Смуга и масаи скрыто улыбались. Мальчик окинул их мрачным взглядом. Он тяжело вздохнул, потому что ему казалось, что его охотничья слава сильно померкла от этого случая. Мрачный и злой, он двинулся вслед за друзьями.

«Значит, так, вы теперь смеетесь надо мной,— подумал он.— Ну хорошо! Вы еще пожалеете об этом...»

— Наше счастье, что все так хорошо обошлось,— говорил Смуга.— Африканский буйвол бросается на всех, кого встретит на своем пути! Он уступает разве только слону. Не боится даже льва и часто побеждает в единоборстве с ним. Стрелять в него можно лишь тогда, когда есть полная уверенность попадания. Раненый буйвол бывает очень опасным и хитрым противником. Он даже может устроить засаду на своих преследователей.

Разговоры прекратились, когда Месхерия уклонился в сторону, в редколесье. Вскоре охотники очутились на краю небольшой поляны, окруженной деревьями и кустами.

— Здесь остановиться и ждать,— посоветовал Месхерия.

Охотники проверили оружие и расселись на траве среди кустов. Мужчины, взволнованные предстоящей охотой на львов, не обращали внимания на молчаливого мальчика, который, положив на колени штуцер, с дрожью в сердце прислушивался ко всем доносившимся звукам. Через некоторое время вдали послышались выстрелы и крик. Шум облавы приближался. Вдруг из глубины чащи раздалось короткое, гневное рычание.

— Уже поднять львы,— шепнул Месхерия.

Львиный рев послышался значительно ближе. Прежде чем он утих, в той же стороне послышалось еще одно грозное рычание.

— Как видно, облава наткнулась на настоящее ло-

гово львов,— вполголоса сказал Смуга.— Ах, если бы они вышли прямо на нас...

— Выйдут, мусунгу¹, выйдут, потому что за нашей спиной находятся пещеры, где львы прячутся от опасности,— уверенно сказал Месхерия.

Шум облавы, крики, удары копьями о стволы деревьев и винтовочные выстрелы были слышны все яснее. Отрывистое рычание львов послышалось на противоположной стороне поляны. Смуга взглянул на мальчика, приготовившегося стрелять. Он улыбнулся ему и приказал:

— Держи Динго на поводке и не отходи от меня. Целься спокойно, прямо между глаз.

— Хорошо. Динго уже дрожит от нетерпения. Я присмотрю за ним, можете быть совершенно спокойны,— ответил Томек.

Однако держать в руке поводок и одновременно стрелять из штуцера Томек не мог. Подумав немного, он привязал конец поводка к стволу дерева. Став на одно колено, Томек устроил руку со штуцером на втором.

Львов не пришлось долго ждать. Из-за густых кустов внезапно показалась огромная голова животного с могучей гривой. Подозрительно оглядываясь кругом, лев глухо и протяжно зарычал. Ему ответили несколько других львиных голосов.

— Раз, два, три, четыре, пять... Боже мой, сколько же их тут? — прошептал Томек, машинально считая животных, показавшихся почти одновременно на поляне.— А вот и шестой, седьмой, восьмой...

Томек не ошибался. На поляну мягкими, кошачьими прыжками выскочили пять львиц и три самца. Впереди бежал великан с могучей гривой.

Из глубины буша снова послышались крики и выстрелы. Смуга и боцман Новицкий вышли из кустов.

— Ах, черт возьми! Мы упустили великолепный случай поймать живьем такую прекрасную львиную семейку! — воскликнул Смуга.

Удивленный появлением людей, лев, бежавший впереди, внезапно остановился. В него можно было

---

¹ Мусунгу — белый человек.

легко попасть, но Смуга не воспользовался этим. Он, правда, прицелился, но Томек сразу же заметил, что он намерен выстрелить в бегущую длинными прыжками львицу. Однако то, что Томек считал ненужной бравадой, было у Смуги результатом охотничьего опыта. Дело в том, что при встрече льва и львицы надо обязательно сначала стрелять в самку. Царь зверей, как правило, не обращает внимания на несчастье своей супруги, тогда как она, если ранят супруга, немедленно бросается на охотника. Смуга целился недолго и нажал курок. Львица подпрыгнула, но продолжала бежать. Смуга выстрелил еще два раза. Львица зарылась носом в землю и легла неподвижно. Боцман и Томек одновременно выстрелили в великолепного великана, который первым очутился на поляне. Томек по совету Смуги целился в голову, но в момент выстрела он бросил взгляд на рвущегося с привязи пса и пуля ударила в землю впереди льва. Боцман не промахнулся; он спокойно целился в корпус льва. Пуля попала в позвоночник, и лев стал вертеться, как волчок.

Томек и боцман снова одновременно выстрелили. Лев упал на траву. Метким выстрелом Смуга повалил еще одну львицу, а потом льва, который сам попал на мушку его винтовки. Боцман тоже застрелил львицу. Счастье благоприятствовало и Томеку. Тремя выстрелами он положил молодого льва, после чего стал наблюдать за ходом охоты на остальных двух львиц. Попав в ловушку, звери бегали по поляне как сумасшедшие в поисках выхода. Стрелять в них было трудно, так как они метались из стороны в сторону. Боцман и Смуга выбежали на середину поляны. Вдруг одна из львиц, сделав несколько прыжков, метнулась к боцману. Смуга немедленно нажал курок, но винтовка дала осечку. Охотник понял, что в магазине нет больше патронов. Желая предупредить моряка об опасности, Смуга закричал. Боцман выстрелил и промахнулся. Пока боцман нажимал на курок вторично, испуганное животное сбило его с ног и он растянулся на земле, выпустив винтовку из рук. Львица исчезла в кустах; масаи с громкими криками побежали вслед за ней.

Оставшаяся на поляне львица неожиданно бросилась к Томеку.

На загривке привязанного к дереву Динго шерсть стала дыбом. Томек не испугался. Не желая подвергать опасности своего любимца, он сделал несколько шагов вперед. Спокойно прицелился между глаз животного, так как это было единственное место, которое было хорошо видно. Пуля, задев череп львицы, отскочила рикошетом. Оглушенное животное остановилось. Львица смотрела на мальчика налитыми кровью глазами.

Томек почувствовал охвативший его ужас. Он прицелился вторично. Раздался сухой треск затвора. В магазине штуцера тоже не было патронов. Хотя Смуга находился довольно далеко от места трагедии, он сразу же понял, что происходит. Не имея времени зарядить винтовку, он отбросил бесполезное оружие и схватил с земли винтовку боцмана. Но и у боцмана магазин был пуст. Тем временем львица, не отрывая взгляда от мальчика, ползла к нему на брюхе. Она находилась всего в десяти шагах от Томека.

Томек понял, что для него нет спасения. Безоружные Смуга и боцман Новицкий находились слишком далеко, чтобы помочь ему. Всякое резкое движение с их стороны могло только ускорить его смерть. О револьвере нечего было и думать; смертельно поразить льва из револьвера нельзя. Томек ужасно побледнел.

Львица прильнула к земле и учащенно забила хвостом по бокам. Сквозь обнаженные клыки послышалось глухое рычание. Сомнений не было. Львица готовилась к прыжку. Грозное рычание раздалось еще раз. Львица, прищурив глаза, ритмически ударяла хвостом о землю. Томеку казалось, что он уже чувствует, как зубы ужасного зверя вонзаются в его тело. Но вдруг между ним и львицей мелькнула чья-то тень. Томек поднял голову. К нему вернулась надежда. Он увидел перед собой черную спину. Это был Месхерия, который, заметив, что мальчику грозит опасность, не побежал с товарищами за львицей. Теперь, вооруженный копьем, он защищал собой Томека.

Смуга и боцман боялись сделать малейшее движение, чтобы не ускорить прыжка взбешенного хищника. Ведь львица могла разорвать мальчика вместе с его храбрым защитником. Раненый зверь дрожал от нетерпения. Только благодаря появлению Месхерии, львица не бросилась тотчас на Томека. Месхерия обратил внимание львицы на себя, а она уже знала вкус «черного мяса»... Едва львица повернула голову к ма-саю, Смуга не выдержал и крикнул:

— На дерево, Томек! На дерево!

— Прыгай на дерево! — зарычал боцман, словно раненый бизон.

Это был превосходный совет, потому что львица все свое внимание обратила на Месхерию, а Томек стоял рядом с высоким, раскидистым деревом. Однако Томек не двинулся с места, а только облизал языком внезапно пересохшие губы. На дерево? Да, его обуревало желание спрятаться на нем, но он не хотел вторично стать объектом насмешек. Кроме того, если не боится Месхерия...

Громкие голоса испуганных охотников, крик облавы, которая в этот момент высыпала на поляну, подстегнули львицу. Под ее шкурой заиграли мускулы, короткая, толстая шея сжалась, огромное, палевого цвета туловище взвилось в воздухе.

В это же мгновение Месхерия сделал правой рукой короткое, но сильное движение. Копье словно молния вылетело навстречу львице. Месхерия прыгнул в сторону, потянув Томека за собой, а львица рухнула на землю с глубоко вбитым в голову острием копья. Длинное древко копья сломалось как спичка, но острие засело глубоко в черепе животного. Ослепленная кровью и ошеломленная ужасной болью, львица прыгнула на ствол дерева и когтями сорвала кусок коры, но это была уже агония, так как она сразу же упала на землю мертвой.

Смуга и боцман, бледные как полотно, подбежали к Томеку. Боцман обнял его и сказал:

— У меня дух захватило от ужаса! Я не удивляюсь, что у тебя не было силы влезть на дерево, потому что и мы от страха словно окаменели.

Томек обнял боцмана и ответил почти спокойно:

- Я... мог спрятаться на дерево, но... не хотел!
- Почему ты не хотел? — гневно спросил Смуга.— Ведь львица перестала интересоваться тобой. Сразу было видно, что она ненавидит негров. Ты мог легко взобраться на дерево. Ты очутился бы в безопасности, и нам не пришлось бы за тебя опасаться.
- А я совсем не хотел очутиться в безопасности,— заявил мальчик.
- Почему? Что случилось, Томек?
- Да, потом боцман опять стал бы надо мной смеяться, что я от страха влез на дерево!
- Смуга укоризненно взглянул на боцмана.
- С этим упрямым пацаном даже пошутить нельзя,— пробормотал моряк, чувствуя свою вину.
- Я должен признать, Томек, что ты снова держал себя очень хладнокровно,— похвалил Смуга.— Однако следует тебе напомнить, что ты дал обещание вести себя разумно.
- Я помню об этом, но на дерево ни за что и никогда не полезу,— решительно ответил Томек.

VII ЧЕРНОЕ ОКО

Несколько часов назад охотники сели в поезд, идущий из Найроби в Кисуму, откуда намеревались верхом добраться до Уганды. Томек уже устал смотреть из окна вагона на проносящиеся мимо пейзажи; воспользовавшись тем, что остальные участники путешествия задремали, он решил написать письмо Салли. Достав письменные приборы, он начал писать:

«Найроби-Кисуму, 5 августа 1903 года

Дорогая Салли!

Ты, наверно, будешь удивлена, что всего лишь несколько дней после того, как я отослал тебе письмо из Найроби, пишу опять. Дело в том, что теперь я не скоро смогу тебе написать, так как мы приближаемся к Уганде, стране джунглей. Сколько времени займет охо-

та на горилл и окапи, сказать трудно. По всей вероятности, на это потребуется несколько недель, но кто в состоянии предвидеть все, что может случиться? По мнению Хантера, а он в этом специалист, нас ждет трудное дело. Таким образом, я напишу тебе опять лишь после окончания охоты на горилл и окапи.

В последнем письме я тебе писал, как мы наняли превосходных масайских воинов для охраны нашей экспедиции. Ты уже знаешь и то, как мы охотились на львов, пожирающих людей. Прошу тебя, будь спокойна за Динго. Наш общий любимец превосходно пережил приключение со львами и весело машет хвостом, когда видит диких животных, которых мы время от времени наблюдаем из окна мчащегося поезда. Да, я совсем забыл упомянуть, что это письмо пишу тебе в вагоне, по дороге из Найроби в Кисуму. Но раз уж об этом зашла речь, то должен тебе сказать, что постройка железнодорожной линии в этой высокогорной стране совсем не легкое дело. Расстояние между Момбасой и Кисуму, то есть от берегов Индийского океана до озера Виктория, составляет почти пятьсот восемьдесят английских миль¹. Начиная от Момбасы, поезд поднимается вверх на плоскогорье триста сорок шесть миль, достигая в конце долины Рифт, расположенной на территории племени кикуйю, высоты семи тысяч шестисот футов над уровнем моря. Потом поезд спускается вниз по великолепным мостам, переброшенным через пропасти, до высоты шести тысяч футов. Теперь, однако, мы снова начали взбираться вверх и в этот момент проезжаем гору Мау и находимся на высоте восьми тысяч футов над уровнем моря, но вблизи Кисумы спустился на высоту неполных четырех тысяч футов.

Не знаю, интересуют ли тебя эти данные, поэтому заканчиваю описание нашей дороги и перехожу к другому. В Кении масса различных животных. Может быть, ты подумаешь обо мне плохо, но должен признаться, что, стреляя в диких животных, я не чувствую большого удовлетворения. Дядя Смуга и папа довольны этим, но боцман Новицкий смеется надо мной и утверждает, что я «шляпа». Когда я первый раз сказал ему, что мне

---

¹ Английская миля = 1,6 км.

жалко убитых львов, он пожал плечами и сказал: «Ты, браток, помрешь с голоду, глядя на живую жирную курицу!» Месхерия, которого ты знаешь из моего прежнего письма, придерживается того же мнения, что и боцман. Он считает, что если я сам не убью и не съем дикое животное, то оно сожрет меня без всяких колебаний. Я, право, и сам не знаю, что обо всем этом думать. Во всяком случае, предпочитаю ловить живых зверей, чем лишать их жизни.

Должен тебе сказать, что мы все очень полюбили Месхерию. Он командует нашим масайским конвоем. Месхерию ничто не может вывести из себя. Он никогда не расстаётся с оружием и постоянно повторяет: «Иметь виштовку — значит не бояться даже ниам-ниам». Ниам-ниам — это племя людоедов, которое живет в Центральной Африке. Когда думаю о каннибалах, мне становится жарко, но отец не считает их жестокими. Они будто бы верят, что, съедая убитого врага, не только его уничтожают, но приобретают также его отвагу. Я утешаю себя тем, что мы едем к ним с дружескими намерениями...»

В этот момент боцман Новицкий сел на лавку рядом с Томеком. Взглянув на прилежно пишущего мальчика, он спросил:

— Что это ты так прилежно скрипишь пером, браток? Наверное, дневник пишешь, признайся!

Томек поднял голову.

— А кому нужен мой дневник, кто его будет читать? Просто пишу письмо, — пробурчал он в ответ.

— Наверное, в Варшаву, Карским!

— Нет, не Карским! К ним я послал письмо из Найроби.

— Значит, снова корпишь над письмом к своей милой голубушке из Австралии, — рассмеялся боцман.

— Почему вы называете Салли «голубушкой»?

— А ты мне зубы не заговаривай, браток! Ведь ты ей тоже писал письмо из Найроби!

— Ну и что же, что писал, Салли, наверное, беспокоится о Динго. И мне надо ее успокоить.

— А пиши себе, пиши, она очень милая голубушка. Ну-ка, что ты там ей нацарапал в своем письме?

— Прочитать вам?

— Читай, браток, только медленно, чтобы я хорошо понял,— согласился боцман, усаживаясь поудобнее. Он набил трубку табаком и, выпуская клубы голубого дыма, внимательно слушал, как Томек читал свое письмо.

— Ну-ну, совсем неплохо! Ты бы и в газету мог написать,— похвалил боцман, когда Томек окончил чтение.

— Вы и в самом деле считаете, что я хорошо написал?

— Здорово! Письмо как стихи.

— Это хорошо, потому что Салли читает мои письма подругам.

— Обещай ей какой-нибудь подарок. Знаешь что? Есть у меня идея. Подари ей шкуру того льва, которого мы вместе с тобой убили.

— Не знаю, можно ли дарить девушке сувенир такого рода!

— Конечно, можно! Она эту шкуру повесит над койкой и как только на нее посмотрит, то сразу же подумает о тебе. Ведь нельзя же ей подарить такой браслет, какой носят женщины масаев. Как бы она выглядела, закованная в тяжелую трубу?

Томек расхохотался и воскликнул:

— У вас в самом деле множество великолепных идей!

— Эх, дружище! Я уже не одно письмо нацарапал своей милой. Привычка тоже кое-что значит! — похвастался боцман.

— Салли совсем не моя «милая»,— возразил Томек.

— Ах ты, лицемер! А кого это ты, извиняюсь за выражение, называешь «дорогая Салли»?

— Это только вежливое обращение, применяемое во всех письмах,— защищался мальчик.

— Ну да, человек «обращается» и «обращается», пока не попадет в сети,— смеялся боцман.— Ну, что же, кончай свое письмо!

Томек стал писать, а боцман через его плечо читал про себя:

«Я приготовил тебе сувенир. По совету моего друга и опекуна боцмана Новицкого я дарю тебе шкуру убитого нами льва. Ты сможешь повесить ее на стену над своей кроватью. Теперь масаи заняты ее выделкой. После возвращения в Найроби вышлю тебе этот подарок по почте. К сожалению, я уже должен кончать письмо, потому что поезд приближается к Кисуму. Шлю тебе привет от себя и Динго.

Томек Вильмовский»

— Напиши Салли, что я тоже шлю ей привет,— добавил боцман.

— С удовольствием. Она очень обрадуется,— сказал Томек.

Он дописал несколько слов, заклеил письмо и спрятал конверт в карман.

— Через два часа мы будем в Кисуму,— сообщил Вильмовский, входя в купе.— Вы чувствуете дуновение влажного ветра?

— Чего бы стоил нос моряка, который бы не чувствовал близости воды,— ответил боцман.

— Папа, мы из Кисуму сразу же пускаемся в дальнейший путь? — спросил мальчик.

— Да, Томек. Мы должны как можно скорее очутиться в Буганде. В октябре здесь начинается период дождей, когда ухудшаются условия охоты.

Томек выглянул в окно. Вдоль пути тянулись цепи пологих холмов, поросших высокими, раскидистыми деревьями. Мальчик подумал, что скоро они поедут верхом в Уганду, но впервые с момента высадки в Африке не почувствовал радости. Вернее, его охватила неясная тревога. Он стал думать о том, что их ждет в глубине таинственного материка во время охоты на горилл и окапи. Хантер боялся этой охоты. Обвинять в трусости такого опытного охотника невозможно. Если он первоначально отказался участвовать в охоте на окапи, то лишь потому, что эта охота была связана со значительным риском. Томек вспомнил пигмеев с их отравленными стрелами, каннибалов и ужасных диких горилл, но сразу же отогнал от себя неприятные мысли, так как его оптимистический характер не позволял ему долго думать о неприятных вещах.

«Хантер, несмотря на все, едет с нами,— подумал Томек.— Что значат все пигмеи, каннибалы и обезьяны, раз папа и наши друзья их не боятся! И мне нечего бояться...»

Настроение его сразу же улучшилось. Томек погладил Динго по косматой голове и прошептал:

— Я о тебе помню, дружище. Как только мы сойдем с поезда, наденем защитную одежду против мух цеце и с нами ничего не случится.

Поезд подъехал к перрону на станции Кисуму. В то время это был маленький городок, в котором обитали три европейца и полтора десятка индийцев и негров. Кроме ряда маленьких белых домиков, в городке стояло несколько негритянских хижин, построенных на берегу залива Кавирондо, на невысоких склонах зеленых холмов.

Сразу же после выгрузки пришлось получать с железнодорожного склада багаж, прибывший в Кисуму раньше, и поэтому у Томека совсем не было времени, чтобы присмотреться к разноцветным тропическим растениям. Хантер оказался чрезвычайно опытным человеком. Он нашел знакомого индийца, занимающегося перевозкой товаров на бычьих упряжках, и нанял его на два дня. После нескольких часов работы все тюки были погружены на фургоны. Томеку не пришлось даже полюбоваться озером Виктория, потому что они очень спешили с отъездом. Во главе каравана ехали масаи под командованием Месхерии. Вот захлопали длинные бичи возниц, и хорошо отдохнувшие, сильные быки охотно тронулись вперед. Звероловы ехали за фургонами шагом.

До границы Уганды было около ста километров. Индийцы подрядились довести багаж охотников до реки Нзоя. По их уверениям, там можно было нанять негров-носильщиков.

Довольно широкая дорога вилась между холмами, поросшими буйной зеленью. В воздухе чувствовалась влага, хотя за холмами озера не было видно. Охотники удалились от его берегов, потому что дорога, идущая по диагонали через полуостров Кавирондо, давала возможность на один день раньше добраться до устья реки Нзоя. Вечером они задержались на ко-

роткий отдых. На рассвете следующего дня поехали дальше. Желая приехать к цели еще до заката солнца, индийцы не жалели быков. Однако дорога становилась все хуже и хуже, так что измученные животные все время замедляли шаг. Поэтому экспедиция добралась до реки Нзоя, вблизи места, где она впадает в озеро Виктория, только на другой день около полудня.

По обоим берегам реки Нзоя рос папирус. Местами растения образовали непроходимую чащу, среди которой блестели спокойные озера — убежища множества диких уток, гусей, ибисов, журавлей, пеликанов, лебедей и бекасов. Река прорезала обширное плоскогорье с несколькими островками буйной растительности. Невдалеке находился обрывистый берег озера. Кое-где виднелись купы больших деревьев. Кругом росли красивые цветы, издававшие легкий, приятный запах. Великолепная растительность отражалась в прозрачной воде, словно приглашая искупаться.

Как только подводы остановились в тени деревьев, масаи приступили к строительству бомы¹ из толстых, глубоко вбитых в землю свай, между которыми они устроили густой плетень из терновника, оставив несколько бойниц для наблюдения или стрельбы. Внутри этой высокой колючей ограды путешественники разбили палатки и сложили багаж.

Томек с отцом занялся разбивкой их общей двойной палатки. Когда работа была закончена, он, усталый и вспотевший от жары, вместе с Динго выбежал за ограду.

— Ну как, не желалось ли посмотреть на озерцо? — спросил боцман Новицкий, вытирая клетчатым платком пот со лба.

— Ничего себе озерцо! Знаете ли вы, что его площадь составляет шестьдесят девять тысяч квадратных километров? Конечно, я хочу на него посмотреть, ведь в Кисуму на это не было времени.

— Ну так пошли! — предложил моряк.

---

¹ Бомба, камби, или зермба, — круглая ограда диаметром в несколько метров.

Они побежали к озеру и, скатившись вниз с крутого обрыва, задержались у самого берега.

— Да ведь это настоящее море! — воскликнул Томек, увидев широкий простор воды.

— Море не море, но факт, что это вода, в которой можно выкупаться, — просипел боцман, снимая с плеч рубаху.

— Великолепная идея! — похвалил Томек.

Он быстро разделся и, довольный, что опередил боцмана, остановился у края воды. На выбранном ими для купанья участке берега росли раскидистые мимозы; густая трава доходила почти до самой воды. Не долго думая, Томек вошел по пояс в воду. Он вытянул руки, чтобы пуститься вплавь, как вдруг Динго, стоявший еще на берегу, неожиданно заворчал. Томек остановился. Он увидел какое-то огромное тело, похожее издали на бревно, которое пронеслось как стрела и задержалось как раз в том месте, куда он хотел плыть. Томек молниеносно выскочил на берег и только благодаря этому спас свою жизнь. Это было не бревно, а колоссальный крокодил. Он некоторое время смотрел на испуганного мальчика глазами похожими на перископы, после чего медленно, как бы нехотя, удалился.

— Смотрите, смотрите! Скорее! — крикнул Томек, оправившись от испуга.

— Кричишь, браток, будто увидел привидение, — начал было боцман, но сразу же умолк, заметив хребет удаляющегося крокодила.

Без лишних слов наши купальщики стали одеваться. Томека рассмешило печальное выражение лица боцмана, и он спросил:

— Что это вы так загрустили, боцман?

— Акуле в зубы эти ваши охотничьи экспедиции! — ответил разгневанный моряк. — В Австралии человек рассыхался без воды, как старая бочка, а здесь, хотя на каждом шагу воды сколько угодно, крокодилища не дают купаться, а скалят зубы, словно шафера на свадьбе! Да ну всех к дьяволу! Богатому черт детей колышет, а бедному и нянька не хочет.

Томеку стало жаль боцмана, и в утешение ему он сказал:

— Давайте спросим у Хантера, может быть, он знает место, пригодное для купания.

— Отстань от меня со своим Хантером! Он худой как щепка, поэтому не потеет и плюет на купание.

Томек с боцманом вернулись в лагерь, как говорится, не солоно хлебавши. Когда Томек рассказал Хантеру о крокодиле, тот в ужасе воскликнул:

— Боже вас сохрани купаться в африканских реках и озерах, если вы не намерены покончить жизнь самоубийством! Не давайте себя обмануть их спокойным видом. В каждой реке тут полно крокодилов.

— Динго нас вовремя предупредил об опасности, — успокоил его Томек.

— Масаи принесли воду из реки. Вы можете умыться в лагере, — вмешался Смуга.

После ужина Вильмовский начал переговоры о найме носильщиков. Индийцы должны были утром отправиться в обратный путь в Кисуму, поэтому следовало уже теперь нанять носильщиков. Погонщики быков советовали Вильмовскому обратиться за помощью к купцу Кастанедо, мулату, небольшая фактория которого находилась на расстоянии около пяти-сот метров от лагеря.

— Кастанедо поддерживает хорошие отношения с кавирондо, деревни которых находятся на северо-восточном берегу озера Виктория, — говорили индийцы. — Он, конечно, вам поможет.

— Завтра утром мы найдем купца Кастанедо и попросим помощи, — решил Вильмовский. — А теперь идем спать и постараемся хорошенько отдохнуть!

Томек прекрасно спал всю ночь. После того как численность экспедиции увеличилась на пятерых воинов, стоять на страже приходилось только взрослым мужчинам. Утром Томек проснулся от скрипа фургонов и криков погонщиков, уезжающих в Кисуму. Томек быстро оделся и выбежал, желая попрощаться с индийцами. Вскоре их фургоны исчезли за поворотом дороги.

— Кто из вас пойдет со мной к Кастанедо? — спросил Хантер после завтрака.

— Пожалуй, будет лучше всего, если с вами пойдет Смуга, — предложил Вильмовский. — Он знает мест-

ное наречие и сможет вам помочь. Ты не возражаешь, Ян?

— Нисколько, мы можем отправиться хоть сейчас,— согласился Смуга.— Надо только взять с собой подарки для негров.

— Если вы не возражаете, я тоже пойду с вами. Мы с Томеком поможем нести подарки,— сказал боцман Новицкий, который, хотя постоянно жаловался на негостеприимство в чужих странах, всегда стремился все первым увидеть.

— Идите, идите, в лагере будет без вас спокойнее, только не пытайтесь снова купаться в озере,— сказал Вильмовский, который хорошо знал любопытство боцмана и сына.

Томек свистом подозвал Динго. Надел на него постромки с меховыми хвостами; сам тоже взял свой пробковый шлем с оригинальными украшениями. Охотники втайне смеялись над ним, но не мешали мальчику поступать, как он желает, чтобы не портить ему хорошего настроения. Когда они были готовы отправиться в путь, Смуга предложил, чтобы к ним присоединился Месхерия.

— Хорошо, возьмите с собой и Месхерию,— согласился Вильмовский.— Он поможет вам нести подарки.

Хантер повел свою группу к озеру, и они пошли вдоль берега на восток.

— Посмотрите только на это странное дерево, оно выглядит так, будто на нем висят сосиски! — воскликнул Томек, показывая на высокое дерево с широкой кроной, с верхних ветвей которого свисали плоды, напоминающие формой вкусные колбаски.

— Ого, над нами висит закуска! — воскликнул боцман.

— Это кигелия, или, как его называют англичане, колбасное дерево¹,— пояснил Хантер.— По форме и цвету его плоды напоминают сосиски, однако достаточно сорвать плод и разрезать толстую кожу, чтобы потерять всякую охоту полакомиться им.

— А что находится внутри плода? — с любопытством спросил Томек.

---

¹ Kigelia Africana.

— Очень неаппетитная мягкая каша, — рассмеялся Хантер.

— Знает бог, что делает! Если бы в Африке колбасы висели на ветках, то вокруг стояла бы такая толпа, что порядочный человек не мог бы добраться до этой бесплатной елки, — вздохнул боцман, вызвав своими словами всеобщее веселье.

Путешественники пошли дальше. Пройдя около полукилометра, они увидели невдалеке от берега деревянный домишко с верандой. Над дверью, сделанной из проволочной сетки, висела вывеска, на которой было написано по-английски:

ФАКТОРИЯ ГОСПОДИНА КАСТАНЕДО

Охотники поднялись на ступени грязной веранды. Хантер громко хлопнул в ладоши. В дверях показалась негритянка. Вокруг ее бедер висели на шнурке ситцевые переднички. Она подошла к путешественникам, бряцая металлическими браслетами на руках и ногах.

— Что хочет буана¹? — спросила она.

— Где твой хозяин, Кастанедо? — вопросом на вопрос ответил Хантер.

— Вы слишком рано прийти. Буана Кастанедо еще спать, — был ответ.

— Так разбуди его и скажи, что мы желаем с ним говорить, — приказал Хантер.

— Я его разбудить, но он тогда очень злой, — заявила негритянка, с любопытством разглядывая гостей.

— С кем ты там болтаешь, старая чертовка? — раздался хриплый голос изнутри помещения.

— Белые люди прийти сюда, — ответила негритянка, испуганно взглянув на дверь.

— Пусти их ко мне и принеси чего-нибудь выпить, — вторично послышался неприятный голос.

Смуга выразительно посмотрел на Хантера. Сильно толкнув дверь, он вошел внутрь дома. Все остальные пошли за ним. На постели, похожей больше на грязные нары, чем на кровать, лежал рослый, широкоплечий мужчина с черной повязкой на одном глазу.

---

¹ На суахили «буана» значит господин.

Черные, курчавые волосы и лицо цвета мутного кофе с молоком сразу выдавали в нем мулата.

Подозрительно посмотрев на гостей своим здоровым глазом, он проворчал:

— Что вам здесь надо? У меня нет товара на продажу!

— Нам надо поговорить с господином Кастанедо,— спокойно сказал Хантер.

— Говорите, я и есть господин Кастанедо,— самоуверенно ответил мужчина.

— Нам нужны тридцать носильщиков, и, если это возможно, мы хотели бы купить пять ослов. Погонщики быков сказали нам, что вы можете помочь нанять носильщиков.

— По утрам я не занимаюсь делами. Придите после обеда,— проворчал Кастанедо, отворачиваясь к стене.

Смуга насупил брови, но сказал почти равнодушно:

— Если вы настолько пьяны, что не в состоянии вести приличную беседу, мы сами поищем носильщиков.

Он повернулся и пошел к двери, но рассерженный Кастанедо крикнул ему вслед:

— Ни один из жителей Кавирондо не пойдет с вами без моего разрешения.

Смуга подошел к кровати, опустил правую руку на рукоятку револьвера и решительно приказал:

— Если так, то немедленно вставай и иди с нами!

Боцман Новицкий мягким, кошачьим движением придвинулся к Смуге, но это было уже излишним. Кастанедо сел и отозвался совсем другим тоном:

— Если вы так торопитесь, я могу хоть сейчас пойти к этим черным обезьянам.

В этот момент на дворе послышался отчаянный крик. Кастанедо гневно насупил брови и сказал:

— Одну минуточку подождите, пожалуйста. Я сейчас вернусь!

Он встал и нетвердым шагом вышел на веранду. Охотники услышали его хриплый голос, которым он звал негритянку.

— Вот так фрукт! — отозвался боцман, когда Кас-

танедо вышел из дома.— На кой он нам черт, этот пьяный идиот!

— Я удивлен его поведением, потому что мулаты, как правило, относятся презрительно только к неграм,— ответил Хантер.— Не нравится мне этот тип.

— По-видимому, под влиянием паров алкоголя он сам не знает, что говорит,— добавил Смуга.— Протрезвится и будет кланяться в ноги.

— С мулатами надо поступать строго, а то им кажется, что они бог весть какие господа,— закончил боцман.

Кастанедо отсутствовал довольно долго. Путешественникам надоело уже ждать, как вдруг на дворе, позади дома, вторично раздался отчаянный человеческий крик, сопровождаемый глухими ударами.

— Что там происходит, черт возьми? — удивленно спросил Смуга.

Путешественники вышли из дома и, очутившись на дворе, остановились, пораженные ужасной картиной. На земле, прикованный за ногу цепью к толстому столбу, сидел молодой негр. Кастанедо стоял рядом с ним и бил его длинным бичом. Заметив путешественников, он пнул негра ногой и, погрозив ему бичом, подошел к гостям.

— Это мой слуга, негр из племени ниам-ниам. Три дня назад он похитил в деревне Кавирондо маленькую девочку и сожрал ее,— пояснил Кастанедо.— Я передам его английским солдатам, как только они появятся здесь.

— Неужели это людоед?! — недоверчиво воскликнул Томек.

Кастанедо свысока посмотрел на мальчика и добавил:

— Девочка была лишь немного старше тебя. Негры из племени ниам-ниам съедают рабов, врагов, сирот и всех, кто им позволяет себя съесть.

— Если это в самом деле преступник, то передайте его англичанам. Зачем же издеваться над человеком? — сурово сказал Смуга.

Томек с ужасом смотрел на покрытые ранами плечи негра, в глазах которого можно было прочесть мольбу о спасении.

— Пожалуйста, зайдите в мой дом. Мы можем сразу же обсудить вопрос о носильщиках,— предложил Кастанедо, направляясь в свой домишко.

Смуга, Хантер и Месхерия пошли за ним. Боцман Новицкий выразительно посмотрел на Томека и кивнул головой в сторону прикованного к столбу. Томек многозначительно посмотрел на боцмана и остался на веранде, когда тот вошел в дом.

Охотники оставались в доме Кастанедо больше получаса. Томек ожидал их на ступеньках веранды. Когда они вышли, боцман взглянул на молодого друга. Он сразу понял, что с Томеком происходит что-то неладное. Смуга, Хантер и Кастанедо прошли вперед, а Месхерия нес за ними ящик с подарками. Боцман присоединился к Томеку — они очутились в нескольких шагах позади остальных.

— Ну как, узнал ты что-нибудь, браток? — тихо спросил боцман, видя, что на них никто не обращает внимания.

— Ужасные дела, даже поверить трудно,— шепнул взволнованно Томек.— Этот скованный негр немного говорит по-английски. Он совсем не людоед и принадлежит к племени галла. Он не убил и не съел никого. Если бы вы слышали, как он просил: «Купите меня, белый буана, от работорговца! Он меня убить!» Кастанедо бил его за то, что он осмелился звать на помощь.

— А кто же этот работорговец? — удивленно спросил боцман.

— Черное Око,— ответил быстро Томек, потому что хотел поскорее избавиться от тяжелой тайны.

— Какое там Черное Око? Что ты бредишь, браток?

— Ах, правда, я забыл, что вы еще ничего не знаете. Так негры прозвали Кастанедо. Наверное, из-за повязки, которую он носит на глазу. Говорят, что он известен во всей округе как работорговец.

— Ого! — воскликнул боцман.— Так вот в чем дело! Где же он ловит рабов?

— Самбо, так зовут беднягу, прикованного цепью, попал вместе со всей семьей в плен к неграм племени луо, обитающим несколько дальше на запад. Кастане-

до купил его у них, а затем продал арабам вместе с несколькими другими неграми. Они выехали отсюда на больших лодках на юг. Самбо бежал из лодки и спрятался в кустах, растущих на берегу. Вчера негры из Кавирондо нашли его и вернули Кастанедо, который жестоко наказал несчастного. Он обещал содрать с него шкуру, если тот еще раз попытается бежать.

— Ну-ну, этот тип готов и в самом деле привести в исполнение свою угрозу,— задумался боцман.— Не хотел бы я быть на месте Самбо.

VIII

БОЦМАН ПОКАЗЫВАЕТ КОГОТКИ

— Мы должны ему помочь, дядя боцман,— решительно заявил Томек.

Беседу, которую вели боцман и Томек, пришлось прервать, потому что из-за кустарников, росших на берегу, показалась негритянская деревушка. Конусообразные, покрытые соломой хижины стояли полукругом, который замыкался берегом озера как хордой. На самом берегу лежали длинные челны из тяжелых стволов деревьев, рядом с ними сушились развешанные на столбах сети.

Навстречу охотникам высыпала толпа совершенно нагих мужчин, женщин и детей. Их шоколадного цвета тела блестели, так как были обильно смазаны жиром. Мужчины приветствовали путешественников, дружески потрясая копьями. Женщины поднимали руки вверх, низко кланялись, касаясь пальцами земли, потом выпрямлялись и хлопали в ладоши над головой.

— Ну, что же, приветствуют нас совсем неплохо,— похвалил боцман.

Томек мягко улыбался. Встречавшие их негры кричали наперебой:

— Ямбо масунгу!

Кастанедо повел путешественников в хижину вож-

---

¹ Добро пожаловать, белый человек!

дя племени. Боцман, Томек с Динго и Месхерия остались на площади ждать конца переговоров. Негры с восхищением смотрели на Томека и его собаку. Они вполголоса о чем-то между собой спорили, оживленно жестикулируя. Переговоры в хижине продолжались около двух часов; наконец из хижины показался Хантер.

— Ну, переговоры закончены, — сообщил он товарищам. — Помогите мне внести ящик в хижину вождя.

— А что говорил купец, Кастанедо? — спросил боцман.

— Он стал мягче воска. Следует, однако, признать, что он пользуется большим влиянием среди здешних негров. Если говорить правду, то он диктует им условия.

— И за это, конечно, возьмет часть полученного ими вознаграждения, — добавил боцман.

— Сомневаться не приходится, по-видимому, так и будет. Мы тоже должны заплатить ему кое-что от себя.

— Какого черта мы церемонимся с этим негодяем? — возмутился моряк.

— Мне кажется, что ни один из кавирондо не пойдет с нами без его разрешения. Вождь племени не сводил с него глаз и дал свое согласие только тогда, когда Кастанедо снисходительно кивнул головой.

— Хитрая же bestия этот мулат.

Месхерия и боцман подняли ящик. Томек вошел вместе с ними в хижину вождя. Старый, но еще крепкий негр внимательно осмотрел подарки. Потом пересчитал предметы и куски тканей, полученные в качестве платы за пять ослов. Смуга выплатил довольно значительный аванс носильщикам. Они договорились, что носильщики завтра на рассвете явятся в лагерь путешественников. После завершения длительных переговоров звероловы вышли, чтобы осмотреть купленных у негритянского вождя ослов.

Томек не интересовался сильными животными, которые ростом были несколько больше европейских ослов. Стоя в тени дерева, он крепко задумался, не спуская глаз с Кастанедо. Он соображал, как помочь бедному Самбо.

Тем временем боцман, словно совершенно забыв о несчастном рабе, с интересом рассматривал ослон. Он вежливо беседовал с Кастанедо, обмениваясь с ним мнениями о достоинствах этих животных. И Кастанедо, который сначала вел себя несколько грубовато, преобразился вдруг в приятного собеседника.

«А я и не знал, что боцман такой непостоянный человек,— с горечью подумал Томек.— Сперва он называл Кастанедо негодяем, а теперь беседует с ним, как с порядочным».

Сомнения мальчика развеялись только тогда, когда они попрощались с мулатом у его фактории. Как только они оставили позади его домишко, боцман подошел к Томеку и шепнул:

— Пусть меня запихнут в жестяную банку, как сардинку, если я не уснул бдительности этого торговца живым товаром.

— Я вас совершенно не понимаю: только что вы дружески с ним беседовали, а теперь говорите совсем другое,— возмутился Томек.

— Пошевели-ка шариками своей башки, так сразу все поймешь,— ответил боцман, хитро улыбаясь.— Если бы я повесил нос, как ты, то Кастанедо моментально сообразил бы, что мы знаем о нем всю правду. Чтобы не иметь хлопот с англичанами, он сразу всадил бы Самбо нож под седьмое ребро и поминай как звали. А теперь он без всякого опасения потянет из бутылки и завалится спать.

— То, что Кастанедо может спать спокойно, это правда, но бедный Самбо все еще находится в его руках, и кто знает, что его ждет,— тяжело вздохнул Томек.

— Значит, ты решил, что я брошу этого беднягу на произвол судьбы? Эх, браток, браток! Да у меня уже готов план действий.

— В самом деле? Что вы намерены делать?

— Узнаешь все завтра утром, после того, как к нам прибудут носильщики.

— Почему только тогда?

— Потому, что Кастанедо тогда уже не сможет испортить нам дело. Ты слышал, что говорил Хантер? Негры слушаются Кастанедо, как родного батьку, а я

боюсь, что эта свинья не будет в восторге от нашего предложения. Помни, теперь надо держать язык за зубами!

— Даже папе нельзя ничего сказать? — удивился Томек.

— Вот именно как раз ему-то не следует ничего говорить. Твой уважаемый папаша — ходячая доброта. Он никого не может обидеть, а с Кастанедо надо говорить по-матросски.

— Ничего не понимаю. Что, собственно, вы хотите сделать?

— Узнаешь завтра, — закончил беседу боцман, — теперь — молчок!

Они дошли до лагеря. Вильмовский выслушал рапорт Смути. Похвалил всех за успешное окончание дела, осмотрел ослов, привязанных рядом с лошадьми.

— По крайней мере, им ничего не грозит от мухи цеце, — удовлетворенно сказал Вильмовский, погладив осла по спине.

— Разве муха цеце не опасна ослам? — с любопытством спросил Томек.

— Вот именно, поэтому мы их купили. Располагая вьючными животными, мы сможем проникать в места, где трудно нанять носильщиков. Охота на окапи потребует много времени. Впрочем, кто знает, может быть, нам придется разделить на несколько групп, чтобы быстрее прочесать большой кусок джунглей. В таком случае осламы нам очень пригодятся для перевозки тяжестей.

— Все это очень напоминает мне охоту в Австралии, — обрадовался мальчик.

Весь вечер Томек не находил себе места. Он ежеминутно поглядывал на боцмана. А тот, казалось, совершенно перестал думать о том, что должно произойти утром. Он шутил с Хантером, не обращал никакого внимания на мальчика и в конце концов, зевнув во всю глотку, заявил, что пойдет спать. Однако прежде чем исчезнуть в палатке, боцман подошел к Томеку и, воспользовавшись тем, что на них никто не обращал внимания, тихо шепнул:

— Ложись-ка спать, коллега! Завтра у нас будет множество дел. Есть у тебя деньги?

— Около сотни фунтов стерлингов!

— Прекрасно! Носи их с собой, а теперь пойдем вздремнем. Спокойной ночи!

— Спокойной ночи!

Вскоре Томек уже лежал в своей постели. Динго всунул нос под москитьеру, лизнул мальчика в лицо и лег возле его ног. Томек закрыл глаза, но заснуть не мог. Он не был уверен, что поступил правильно, последовав совету боцмана ничего не говорить отцу. Он никак не мог понять, почему моряк так упрямо стремился сохранить тайну. Ведь отец, так же как и Смуга, постарался бы помочь бедному Самбо.

«Что делать? — думал Томек. — Если я ничего не скажу папе, то он подумает, что я ему не доверяю. Если скажу — то же самое подумает боцман. И так плохо, и так не хорошо».

Вдруг ему пришла в голову спасительная мысль:

«Пусть судьба решит, как мне поступить. Если папа придет в палатку прежде, чем я усну, скажу ему все. Если не придет, то это будет знак, что судьба хотела иначе!»

Довольный своим решением, он сразу же успокоился. Закрыл глаза. Из лагеря доносилась монотонная песня масаев. Томек глубоко вздохнул. Вскоре он забылся крепким сном.

Как только на горизонте показался большой, оранжевого цвета солнечный диск, Хантер разбудил товарищей. Они стали завтракать с волчьим аппетитом. Томек с нетерпением ожидал дальнейших событий. Он украдкой бросал взгляды на боцмана, который совершенно спокойно проглатывал целые горы пищи. Но вот боцман отставил в сторону чашку, из которой пил кофе, набил трубку и выпустил из нее несколько клубов дыма. Он незаметно подмигнул мальчику и сказал:

— Пожалуй, кавиронды нас подведут! Они движутся со скоростью черепах. Может быть, выйти к ним навстречу и помочь каким-нибудь морским словечком?

— У них всегда есть время, — пожаловался Хантер.

— Я возьму с собой Томека и пойду им навстречу, — предложил боцман.

— Хорошо, идите, а мы тем временем свернем лагерь,— сказал Вильмовский.— Томек, возьми с собой Динго.

Мальчик надел пояс с револьвером, взял в руки поводок и вместе с боцманом пошел к озеру. Моряк шел молча, делая крупные шаги, но, как только они отошли от лагеря настолько, что скрылись в кустах от взоров товарищей, боцман сошел с дороги и спрятался среди деревьев.

— Дядя боцман, мы не туда идем,— всполошился мальчик.

— Не болтай лишнего, браток, только следуй за мной,— лаконично перебил Токека боцман.

— Негры будут идти по дороге. Здесь мы их не встретим,— упрямылся Томек.

— Вот это-то нам и надо,— пояснил боцман.— Пусть они идут в лагерь, а мы пойдем дальше.

— Но ведь мы должны были встретить кавирондо...

— Эх, это был только предлог,— ответил моряк.— Как только они пройдут мимо нас, мы сразу же помчимся в факторию Кастанедо. Потом скажем, что мы разминулись. Понял?

— Ничего не понял.

— Подожди, я тебе сейчас объясню. Когда мы убедимся, что носильщики пошли в лагерь, мы явимся к Кастанедо, и, чтобы тогда ни случилось, он уже нам не помешает.

— Вижу, что вы детально обдумали весь план,— похвалил Томек.

Вскоре они увидели факторию Кастанедо, а негров-носильщиков все еще не было. Боцман остановился; после краткого раздумья он решил:

— Мы спрячемся здесь в кустах, пока не подойдут носильщики. Проверь-ка свою пушку и молчи!

Томек почувствовал, что ему стало жарко. Боцман вынул из кармана револьвер, внимательно осмотрел его, добыл большой охотничий нож, проверил действие механизма и спокойно растянулся на траве.

— Неужели вы хотите застрелить Кастанедо? — неуверенно спросил Томек.

Боцман презрительно пожал плечами и небрежно ответил:

— Не горячись, браток. Кто там станет стрелять в такую крысу! Однако мы должны быть готовы ко всему. Знаешь, что мы сделаем? Мы вежливо попросим господина Кастанедо, чтобы он продал нам Самбо. Ты взял с собой монету?

— Я сделал так, как вы сказали. Со мной девяносто шесть фунтов,— ответил Томек.

— Прекрасно, у меня тоже около сотни. Должно хватить.

Томек умолк; он внимательно смотрел на лежащего пластом боцмана. Мальчик убедился, что моряк совершенно спокоен. Он даже усмехался, поглядывая на дорогу, идущую вдоль опушки леса. Томек уселся рядом с другом, посадив около себя Динго. Ждать им пришлось полчаса, пока наконец они услышали песню негров.

— Уже идут,— шепнул Томек.

— Молчи и следи за Динго, чтобы он не наделал шума,— приказал боцман.

Негры шли гуськом. Томек их считал, когда они проходили мимо их укрытия. Тридцать голых кавирондо исчезли за поворотом дороги, но боцман продолжал лежать молча на земле. Мальчик дрожал от нетерпения. В конце концов боцман вскочил на ноги, старательно отряхнул брюки и распорядился:

— За дело, мой храбрый друг! Теперь мы можем идти к господину Кастанедо. Только выслушай внимательно, что я тебе скажу. Что бы ни происходило, держись от Кастанедо подальше. Если он станет бунтовать, я его успокою сам. Понял?

— Понял!

Не теряя больше времени, они направились прямо к фактории и вскоре очутились на веранде. Моряк подошел к двери и постучал.

Вокруг царила тишина.

— По-видимому, он снова пьян и дрыхнет,— пробурчал боцман, входя в хижину.

Однако в комнате никого не было. На покосившемся столе лежали остатки еды. На кровати в беспорядке валялась постель.

— Послушай, Томек! Оставь Динго, а сам слетай на двор и посмотри что происходит с Самбо,— об-

ратился боцман к мальчику, принимая от него поводок.

Томек выбежал из дома и через секунду был уже на дворе. Тут он остановился в нерешительности. Кастанедо, вооруженный длинным бичом, снимал со столба цепь, которой был прикован невольник. Прежде чем Томек сумел разобраться в положении, негр заметил его и в отчаянии закричал:

— Спасите, буана, спасите!

Кастанедо быстро обернулся. Увидев мальчика, он успокоился. Бич с треском опустился на спину раба.

— Не бейте его! — закричал Томек, сделав вперед несколько шагов.

— А ну-ка, вон отсюда, мальчишка, а то и ты получишь вместе с ним, — гаркнул мулат. — Что тебе здесь надо?

— Мы пришли побеседовать с вами об одном деле, — заявил Томек.

— У меня теперь нет времени. Я уже дал вам негров! Катитесь ко всем чертям, пока я не раздумал, — с угрозой сказал Кастанедо.

В этот момент в дверях дома появился боцман Новицкий с Динго на поводке. Кастанедо гневно взглянул на него. Моряк передал поводок Томеку. Подошел к мулату, который был почти одного роста с ним. Кастанедо был только несколько тоньше моряка, но под его темной кожей перекатывались узлы твердых мускулов. Несколько секунд они смотрели друг другу в глаза, словно испытывали свои силы.

— Сколько ты возьмешь за этого негра? — прервал молчание боцман.

Кастанедо отступил на два шага. Его правая рука схватила рукоятку ножа, заткнутого за пояс.

— Сколько ты возьмешь за этого негра? — повторил боцман свой вопрос, не спуская с Кастанедо глаз.

— Это людоед, и я его передам англичанам. Я не торгую людьми. Пошли вы ко всем чертям, — ответил мулат.

— Купи меня, буано, купи меня! Он лгать, я — галла и не есть людей! Он есть купец!.. — крикнул Самбо, с мольбой протягивая руки, но крепкий удар бича повалил его на землю.

С пеной на губах Кастанедо молотил негра бичом из кожи гиппопотама. На теле несчастного появились кровавые полосы. Томек забыл о приказании боцмана. Содрогаясь от гнева, он одним прыжком очутился возле Кастанедо и оттолкнул его от негра. Разъяренный Кастанедо поднял бич, намереваясь ударить мальчика, но вдруг в воздухе мелькнул Динго и вцепился зубами в рубашку на груди мулата. Белые клыки собаки грозно щелкнули в опасной близости от горла Кастанедо, который едва не упал.

— Динго, к ноге! — скомандовал боцман.

Собака со вздыбленной на спине шерстью вернулась к Томеку, но не спускала глаз с Кастанедо.

— Довольно забавляться! Я спрашиваю в последний раз, сколько ты хочешь получить за этого негра? — грозно прорычал моряк.

— Я не продаю людей!

— Лжешь, подлец! Все знают, что ты торгуешь рабами. Кого ты продал два дня назад арабам, которые на лодках пошли на юг? — резко спросил боцман, подходя к мулату. — Мы должны заковать тебя в цепи и сдать английскому гарнизону. Ну, да черт с тобой! И без того ты от петли не увернешься. Говори, сколько ты за него хочешь!

Кастанедо немного подумал и успокоился. Он посмотрел на боцмана почти дружески и сказал:

— Если ты его обязательно хочешь купить, пусть будет по-твоему. Однако знай, что англичане сурово наказывают за продажу и покупку людей. Давай поговорим без свидетелей. Идем со мной в дом.

— Хорошо. Иди первым! — согласился боцман. — Послушай, Томек, подожди меня здесь.

Кастанедо шел не оглядываясь. Вскочил на веранду. Моряк шел следом за ним. Он предчувствовал, что мулат задумал недоброе. Едва они очутились в темной комнате, Кастанедо внезапно повернулся всем телом. В его руке блеснул длинный нож.

— Вот тебе, белая собака! — прошипел он, бросившись с ножом на боцмана.

Боцман успел отскочить. Правой рукой он подбил вверх руку Кастанедо, вооруженную ножом, острие которого только слегка поцарапало кожу на груди

боцмана, а левой ударил негодя в подбородок. Под тяжестью упавшего Кастанедо стол рассыпался на куски. Однако мощный удар не лишил мулата сознания. Он вскочил на ноги, готовый к борьбе.

Моряк посмотрел на него с уважением. Он сразу почувствовал в мулате сильного противника, но не потерял присутствия духа. Ведь ему уже не раз приходилось драться в портовых тавернах, и он привык смотреть смерти в глаза. Боцман наклонился и молниеносным движением выхватил из кармана нож. Металлически щелкнула пружина, высвобождая лезвие. Оба противника приготовились прыгнуть друг на друга. Боцман шаг за шагом начал подвигаться к Кастанедо, который стоял, прижавшись спиной к стене. Вдруг моряк отпрянул в сторону, широко размахнулся правой рукой, тяжелый нож блеснул в воздухе. Стальное лезвие впилось в стену рядом с головой Кастанедо, который машинально закрыл лицо руками. Боцману только это и надо было. Как ураган он набросился на мулата. Схватил его руку с ножом, дернул к себе и выкрутил так, что затрещали суставы. Мулат выпустил нож из рук. Боцман короткими ударами мощных кулаков отбросил от себя врага. Но и противник был довольно силен, а боцман не хотел терять времени. Началась борьба. Неизвестно, чем бы она кончилась, если бы боцман не был опытным боксером. Кастанедо метался в бешенстве, а моряк хладнокровно готовил каждый удар. После нескольких минут жестокой схватки боцману удалось поразить мулата в живот. На секунду Кастанедо открыл голову, и боцман, воспользовавшись случаем, твердым как железо кулаком попал ему между глаз. И тут же направил мощный удар в подбородок. Раскинув руки, мулат упал навзничь.

Опершись спиной о стену, боцман некоторое время отдыхал. Он с удовлетворением смотрел на неподвижно распростертого на полу Кастанедо. В обществе Вильмовского и Смуги боцману редко приходилось драться, а он любил такие приключения. В самом лучшем настроении боцман отыскал ведро с водой, которую вылил на голову потерявшего сознание Кас-

танедо. Только теперь боцман вынул свой нож, торчавший в стене, и спрятал его в карман.

Кастанедо медленно приходил в себя. В конце концов боцман помог ему встать на ноги. Он подсунул мулату под нос огромный жилистый кулак и сказал:

— Слушай, подлец! Уходи отсюда подальше, и притом немедленно. Помни, что мы сообщим о тебе первому английскому патрулю, а если ты спрячешься здесь и я тебя найду, возвращаясь из Уганды, то без всяких церемоний влеплю тебе в башку порцию свинца. Теперь иди и освободи Самбо от цепей.

Кастанедо без каких-либо возражений шатаясь вышел на двор. За ним последовал боцман. Томек, увидев своего друга, испугался. Под его левым глазом темнел синяк, из разбитой нижней губы капала кровь, ею же была испачкана рубашка на груди. Кастанедо выглядел еще хуже. Его глаза исчезли среди огромных синяков, а из разбитого носа струей лилась кровь.

— Что случилось, дядя боцман?! — испуганно спросил Томек.

— Да ничего особенного! — рассмеялся моряк. — Просто я попросил господина Кастанедо освободить Самбо, и он любезно согласился. Вот ты и на свободе, парень.

Кастанедо молча снял с негра цепь. Самбо бросился целовать руки великодушного моряка, но тот быстро спрятал их за спину, говоря:

— Я тебе не покойная бабушка и не епископ!

Самбо не понял шутки боцмана; он сконфуженно отступил и горячо стал его убеждать:

— Самбо любить большой и малый буана. Самбо любить и их собака. Очень хороший собака!

— Ладно, иди теперь в лагерь, а вы, господин Кастанедо, не забудьте мой совет! Я не говорю «до свидания», потому что будет лучше, если мы больше никогда не встретимся.

Вскоре боцман со своими спутниками исчез в придорожных зарослях. Кастанедо бессильно прислонился к столбу и, грозя им вслед кулаком, проворчал сквозь разбитые губы:

— Вы еще услышите обо мне!

Между тем в лагере стали уже беспокоиться об отсутствии боцмана и Томека. Кавирондо стояли у тюков с багажом. Навьюченные ослы и оседланные лошади готовы были в путь. Вильмовский и Смуга нетерпеливо поглядывали в сторону озера. Вдруг они увидели Томека, бегущего вместе с Динго. Мальчик, запыхавшись, остановился рядом с отцом.

— Папа, дядя боцман просит, чтобы ты обязательно пришел на берег озера, — сказал он.

Вильмовский насупил брови. Кивнул головой Смуге. Как только они немного отошли от толпы негров, Томек заявил:

— Мы были у Кастанедо. Дядя боцман убедил его освободить Самбо.

— Какого Самбо? — с беспокойством спросил отец.

— Самбо это тот негр, который был прикован цепью к столбу. Ну, тот, о котором Кастанедо говорил, что он людоед.

Томек кратко рассказал, как было дело.

— Если вы освободили Самбо, то почему боцман скрывается с ним на берегу озера? — спросил Вильмовский.

— Но ведь кавирондо слушают Кастанедо, как родного отца, и боцман боится, что если они увидят Самбо и...

— Андрей, посмотри на нашего боцмана и все поймешь, — расхохотался Смуга.

Вильмовский увидел моряка, который сидел на поваленном стволе дерева. Великан как ни в чем не бывало дымил трубкой. Рядом с ним на земле прикорнул негр.

— Что там с тобой случилось? А ну-ка, рассказывай! — тяжело вздохнул Вильмовский, рассматривая синяки моряка. — Вот уж правда, вас вдвоем никуда нельзя отпускать!

— Кастанедо жив? — коротко спросил Смуга.

— Жив, я такого греха не взял бы на душу! — возмутился боцман. — Этот подлец жив, но я его предупредил, что мы обо всем сообщим англичанам.

— Что ты об этом скажешь, Ян? — с тревогой спросил Вильмовский.

Немного подумав, Смуга сказал:

— Я не уверен, будет ли Кастанедо мстить. Судя по виду такого силача, как боцман, работорговец не скоро оправится от полученной трепки. Во всяком случае, помочь бедному негру было нашей прямой обязанностью. Давайте не будем заранее тревожиться и закончим дело, начатое нашими героями.

— Я с тобой согласен,— усмехнулся Вильмовский.— Ян, спроси-ка у этого парня, откуда он родом.

После краткой беседы с негром Смуга сообщил друзьям:

— Самбо принадлежит к племени галла, живущему на северо-западных окраинах Уганды. Я ему сказал, что часть нашего пути будет проходить по его родным местам. Объяснил ему, кто мы и что тут делаем.

— Томек, беги к Хантеру и принеси дяде боцману свежую рубашку. Лучше будет, если кавирондо не все будут знать,— приказал Вильмовский.

Вскоре Томек вернулся с Хантером. Следопыт внимательно выслушал рассказ Вильмовского и лично расспросил Самбо.

— Ну и каналья этот Кастанедо! Жаль, что вы не застрелили его как собаку,— возмущался Хантер, гладя по голове бедного негра.— И все это происходит в двадцатом столетии! Надеюсь, что вы его, по крайней мере, хорошо проучили?

— Не беспокойтесь,— вмешался Томек.— Лицо Кастанедо выглядело как сырой бифштекс. Он еле держался на ногах. Ведь я говорил, что никто не сможет сравниться в силе с боцманом Новицким.

— Ты меня немного успокоил, дорогой,— сказал, повеселев, Хантер.— Надо, однако, теперь подумать, что нам делать с Самбо. Дорога к его дому ведет через территорию негров луо, которые взяли его в плен и продали работорговцу. Поэтому мы не можем оставить беднягу на произвол судьбы.

— Будет лучше всего, если он пойдет с нами через территорию луо, а потом, когда опасность уже минует, направится на север,— посоветовал Вильмовский.

Хантер перевел его слова Самбо. Негр бросился

перед Томеком на колени и стал кричать на ломаном английском языке:

— Самбо любить малый и большой буано и очень хороший собака! Самбо тоже пойти ловить диких животных! Потом Самбо поехать с белый буана за большую воду. Отец и мать Самбо погибли в войне с луо. Сестра и брат взял торговца. Малый буана не прогнать от себя бедный Самбо!

— Мы должны ему помочь. Возьмем его с собой,— обратился к Вильмовскому Томек.

— Кто знает, может быть, это теперь лучший выход? Хорошо, пусть Самбо идет с нами. О его дальнейшей судьбе мы подумаем после,— сказал Вильмовский, очень обрадовав этим сына.

— Значит, все в порядке. Время не ждет,— закончил Хантер.— Появление Самбо в нашем обществе вызовет среди кавирондо разные разговоры. Лучше всего будет, если он при случае скажет, что мы его купили у Кастанедо.

IX

ВОЛНЕНИЯ СРЕДИ КАВИРОНДО

Хантер спешно готовил караван к отходу. Во главе каравана, кроме проводника, должны были ехать Вильмовский, Томек и два масая из конвоя. Вслед за ними — кавирондо с ношей на плечах, а дальше навьюченные ослы. Замыкать колонну должны были Смуга, боцман Новицкий и три воина масаи.

Перед самым началом похода Томек обратился к отцу:

— Папа, нельзя ли сделать так, чтобы Самбо ехал со мной?

Вильмовский вопросительно посмотрел на следопыта.

— Томеку и в самом деле приходят в голову хорошие идеи,— сказал Хантер.— Я советую отдать Самбо в распоряжение Томека. Таким образом, мы удержим раба от слишком большой близости к кавирондо, которые не очень дружелюбно на него посматривают.

— Вы правы, Хантер. Томек, возьми Самбо под свою опеку,— решил Вильмовский.

— Спасибо, папа. Я придумал ему отличную работу. Подождите минутку, я должен кое-что приготовить перед тем, как отправиться в путь.

Томек побежал в лес; вскоре он вернулся оттуда, держа в руках длинную, прямую палку. Из рюкзака мальчик достал бело-красный флаг, который прикрепил к древку.

— Самбо, ты будешь нести польский флаг впереди каравана,— приказал он негру.

Самбо, гордясь столь почетным поручением, взял флаг из рук Томека. Несколько раз он махнул им высоко над головой. Польский национальный флаг гордо развевался в самом центре Африки.

— Как ты додумался до этого? — изумленно спросил Вильмовский, с нежностью глядя на сына.

— В записках Стэнли я прочел, что он всегда приказывал нести флаг Соединенных Штатов впереди своего каравана. Я подумал, что он прав, поэтому еще в Лондоне я приготовил польский флаг, чтобы здесь все знали, кто мы такие,— рассказывал мальчик.— Ты, пожалуй, не станешь возражать, папочка?

— Наоборот, я охотно признаю, что твоя идея мне нравится. Я горжусь, Томек, что ты помнишь о нашей родине,— ответил отец, следя взглядом за развевающимся флагом.

— Вот так сюрприз! — воскликнул боцман Новицкий.— Провалиться мне на месте, браток! У меня чуть сердце не остановилось, когда я увидел наш польский флаг.

Потрепав дружески мальчика по плечу и насвистывая польский национальный гимн, моряк вернулся на свое место.

— Слушай, Томек! Если уж подражать Стэнли, то надо в момент отъезда дать почетный салют,— предложил Смуга.

— Превосходная идея,— обрадовался мальчик, хватая штуцер, висевший на луке седла.

Хантер еще раз проверил расстановку людей, уже готовых двинуться в путь. По его команде раздался залп из десяти ружей. Негры подняли громкий крик,

потрясая копьями. Караван переправился вброд через реку Нзоя. Из-под ног бегущих негров, которые подняли сумасшедший крик, чтобы отогнать крокодилов, во все стороны полетели брызги воды. Преодолев реку, экспедиция очутилась на противоположном берегу.

Томек ехал шагом рядом с отцом и Хантером. Он с удовольствием смотрел на Самбо, прилежно несущего флаг. За ними растянулась длинная цепь носильщиков, в конце которой ехал арьергард каравана. В этот момент Самбо запел песню собственного сочинения; Томек прислушался:

«Малый белый буана быть отважный, как великий лев! Он не бояться злых соко! Он не бояться даже Кастанедо, который бить бедный Самбо. Малый белый буана великий воин. Он никому не позволит бить Самбо. Он приказал нести красивый флаг. Теперь Самбо тоже быть великий человек и иметь много еды, а Кастанедо побит великим белым буана... Самбо любить буана и его добрый собака, который, как леопард, бросаться на злого Кастанедо...»

Ближайшие к Самбо носильщики немедленно передали по шеренге услышанную ими новость. Среди кавирондо воцарилось большое оживление.

— Ах, черт возьми! — выругался Хантер.— Самбо уже выболтал секрет о побоях, нанесенных Кастанедо. Нет, негры совсем не умеют держать язык за зубами!

— Ничего с этим не поделаешь,— заметил Вильмовский.— Ведь мы находимся на материке, на котором все известия разносятся с быстротой молнии.

— Однако надо предупредить Смугу, что кавирондо уже все знают. Мы должны быть бдительны, если не хотим нажить неприятностей,— хмуро заявил Хантер.

— Томек, попроси, чтобы Смуга подъехал к нам,— приказал Вильмовский.

Мальчик осадил коня на месте и свистом подозвал Динго. Негры уже успокоились. Они начали монотонную песнь, но когда проходили мимо мальчика, ускоряли шаг. Томек натянул поводья и подъехал к арьергарду.

— Соскучился за нами, браток? — рассмеялся боцман.— Киту бы в глотку всю эту твою Африку! Она мне напоминает варшавскую баню в Краковском предместье.

— Может быть, после этой парильни вы с удовольствием влезете на ледник Килиманджаро,— пошутил Томек.

— Оставь в покое, браток, эти горы! У меня нет никакого желания растрясти мое боцманское брюхо, прыгая по ледникам. Лучше уж слушать негритянские колыбельные. Хотя, если они не перестанут петь, я могу заснуть и свалиться кляче под ноги.

— Лучше не засыпайте, потому что Хантер сказал, что из-за этих песен могут выйти крупные неприятности,— сообщил Томек.

— О чем ты говоришь? — спросил Смуга.

— Самбо сочинил и спел красивую песенку, но не очень удачную, так как из нее кавирондо узнали о борьбе на фактории и о том, что дядя боцман побил работорговца,— пояснил Томек.

— Зная обычаи негров, я был к этому готов. Они любят хвалить все, что им кажется необычным. Самбо из одной лишь благодарности будет везде воспевать героизм твой и боцмана,— сказал Смуга.

— О чем он там пел? — спросил моряк.

— Я не все понял, но мне кажется, что он очень хвалил вас, меня и Динго.

— Гм, шут с ними, с этими кавирондо, пусть Самбо поет сколько хочет,— пробормотал довольный боцман.

— А папа меня прислал к вам, дядя Смуга,— заявил Томек,— Хантер очень обеспокоен, он опасается каких-то сюрпризов со стороны носильщиков.

— Боцман, следите внимательно за всем, что здесь происходит. Я с Томеком поеду к Андрею,— распорядился Смуга, погоняя плеткой коня.

Лошади быстро догнали авангард каравана.

— Томек тебе уже сказал, что кавирондо узнали о происшествии с Кастанедо,— начал Вильмовский, когда Смуга подъехал к нему.— Хантер считает, что это может кончиться плохо.

— Опасения Хантера могут оказаться справедли-

вами, — признал Смуга. — Кастанедо пользуется большим влиянием среди кавирондо. Будем надеяться, что мы с ними справимся.

— Я хотел, чтобы ты об этом знал, и поэтому пригласил тебя сюда, — добавил Вильмовский.

— Я к такой вести был готов, потому что знаю любопытство и догадливость негров. Я сразу же почувствовал их волнение, когда они передавали друг другу то, что узнали из песенки Самбо. Советую ускорить темп марша.

— Я сейчас дам нужное распоряжение Месхерии. Это интеллигентный человек, он моментально поймет в чем дело, — сказал Хантер. — Чем дальше мы отойдем от фактории Кастанедо, тем лучше будет для нас.

Вскоре раздались гортанные крики масаев, понукавших носильщиков идти быстрее. Дорога вилась между холмами. Растущие на них деревья несколько облегчали жару, лившуюся с безоблачного неба. Время от времени носильщики останавливались, чтобы перевести дыхание, но Хантер даже в самую жаркую пору дня не разрешал сделать привал, обещая неграм хороший обед вечером. Кавирондо принимали все приказания молча, и караван двигался вперед довольно быстро.

Наконец стало вечереть.

— Мы сегодня проделали большой путь, — заметил Вильмовский. — Не кажется ли вам странным, что за все это время мы не встретили ни одной негритянской деревни?

— Мы находимся на рубеже территории кавирондо и негров племени луо, — ответил Хантер. — Вскоре мы должны перейти границу Уганды. Если все пойдет хорошо, то завтра мы сможем нанять новых носильщиков.

— У нас нет причины жаловаться на кавирондо, до сих пор они не причинили нам хлопот, — заметил Вильмовский, который не хотел верить опасениям Хантера.

— Я предпочитаю всегда предполагать самое худшее, — скептически ответил Хантер. — Однако пора уже подумать о ночлеге. Я поеду вперед, чтобы выбрать место под стоянку.

Сказав это, следопыт пришпорил лошадь и исчез среди холмов. Носильщики, которых масаи подгоняли своими хриплыми голосами, шли еще довольно быстро, но было уже видно, что они выбивались из сил. Поэтому, когда Вильмовский услышал издали выстрел, он с облегчением вздохнул.

— Почему Хантер стреляет? — тревожно спросил Томек.

— Я думаю, что он подстрелил что-нибудь на ужин, — высказал предположение Вильмовский. — Надо признать, что носильщики заслужили обильный ужин.

Негры, по-видимому, были согласны с Вильмовским, потому что без понуканий ускорили шаг. Вскоре караван вышел в обширную степь, поросшую пожелтевшей травой. Охотники увидели лошадь Хантера, привязанную к дереву, а в некотором отдалении, в степи, заметили его самого. Кавирондо сгрузили ящики на землю. Некоторые из них побежали к Хантеру, а масаи начали расставлять палатки. Не успели они окончить свою работу, как появился Хантер в сопровождении кавирондо, несших большую зебру. Негры сразу принялись свежевать убитое животное.

— Но мы же не станем есть конину? — возмутился Томек.

— А почему бы нет? — вмешался Смуга. — Мясо молодых зебр очень вкусное. Если я не ошибаюсь, это зебра Гранта.

— Да, это зебра Гранта, — подтвердил Хантер. — Несколько голов паслись здесь вместе с антилопами гну и страусами. Я хотел подстрелить антилопу, но предводитель стада, старый, мощный самец, слишком рано меня заметил. Он стал ржать и бить землю копытами. Животные уже были предупреждены о моем присутствии, поэтому я был вынужден подстрелить ближайшую зебру.

Несколько негров ушли на поиски воды, захватив с собой бурдюки. Охотники решили не строить бомы. Многочисленный караван мог не бояться нападения диких животных. Достаточно было развести несколько костров, которые, впрочем, были нужны для варки пищи.

— Папа, что это за гора виднеется там, на севе-

ре? — спросил Томек, показывая рукой на вершину, черневшую на фоне светлого неба.

— По всей вероятности, это гора Элгон, лежащая на границе Кении и Уганды, — ответил отец.

— Неужели мы так близко подошли к Уганде? — обрадовался Томек. — Я должен посмотреть на карту.

Томек на раскладном столике разложил большую карту Африки. Он быстро нашел гору Элгон, расположенную к северо-востоку от озера Виктория. Высота ее, как значилось на карте, составляла четыре тысячи триста двадцать один метр. Оказалось, что они находятся в нескольких километрах от обозначенной пунктиром границы, которая протянулась на юг от горы Элгон до самого озера Виктория.

— Завтра мы должны пересечь границу Уганды, — заявил Томек, складывая карту.

На степь опустилась ночь. Негры еще занимались приготовлением пищи. Некоторые из них жадно поглощали большие куски слегка поджаренного мяса, другие жарили дольше. Месхерия высасывал мозг из костей зебры, а Самбо внимательно следил за супом, кипящим в котле. Он ловко перемешивал суп, тщательно удаляя пену. Кавирондо собирали топливо, подкладывали его в горящие костры, блики которых отражались на их нагих коричневых телах, краснели на палатках и терялись в глубине чащи растущих вблизи деревьев, отбрасывая фантастические тени. Томек с хрустом грыз сухари и любовался живописной картиной, раскинувшейся перед ним, как вдруг услышал глухие, далекие звуки там-тама.

— Слышите, дядя боцман, заиграли там-тамы, — обратился он к сидевшему рядом боцману.

— Черт с ними, — проворчал боцман. — У меня кишки уже давно играют с голоду марш, и никто этому не удивляется. Наверно, в какой-то негритянской деревне устроили танцы.

— Вы ошибаетесь. Это не те звуки, которые бывают при танцах, — ответил Томек. — Я слышал, как папа говорил, что в Африке все известия разносятся с быстротой молнии. Во всяком случае, быстрее, чем в Европе, где есть и телеграф и телефон. А вы знаете, как это делается? Роль телеграфа тут играют там-та-

мы. Прислушайтесь, не кажется ли вам, что звуки их похожи на азбуку Морзе?

— Знаешь что, браток, возможно, ты и прав. Мне уже говорили, что негры в Африке передают известия с помощью барабанов,— согласился боцман, вслушиваясь в глухие звуки.

Они прекратили беседу. Сперва там-тамы звучали где-то на востоке, но потом к ним присоединились звуки с севера и запада.

— Идите ужинать! — позвал Вильмовский, подходя к двум приятелям, слушающим там-тамы.

— Папа, ты не знаешь, какие вести несут сейчас там-тамы? — спросил мальчик.

— Язык там-тамов понимают в деревнях только немногочисленные «телеграфисты». Они посылают и получают известия, которые затем распространяют среди членов своего племени. Белые люди незнакомы с их шифром и не знают той таинственной роли, которую там-тамы играют в жизни негров. Хантер считает, что там-тамы сейчас передают какие-то известия о нас,— сказал Вильмовский.— Не теряйте же даром времени и идите ужинать.

Ужин тянулся долго. Кавирондо будто совсем забыли о мучительном марше, длившемся целый день; они доставали из котлов все новые куски вареного мяса, собирались в группы и о чем-то оживленно разговаривали.

— Интересно, что за известия передали там-тамы нашим носильщикам,— сказал Хантер, внимательно наблюдая за поведением негров.

— Вы полагаете, что они поняли язык там-тамов? — спросил Вильмовский.

— Что между нашими неграми есть люди, знакомые с негритянским телеграфом, в этом нет никакого сомнения,— ответил следопыт.— Вы заметили, что, услышав звуки там-тамов, носильщики стали собираться в группы и что-то объяснять друг другу?

— Ночью мы будем посменно охранять лагерь,— сказал Смуга.— Мне кажется, что назревают события, которых так опасался Хантер. Я советую всем сейчас лечь спать, чтобы хорошо отдохнуть перед завтрашним походом. Мы должны быть готовы ко всему.

— Эх, если бы можно было знать, о чем гремели там-тамы,— вздохнул Томек.

Смуга задумчиво посмотрел на мальчика.

— Мне пришла в голову хорошая идея, Томек,— сказал он.— Возьми-ка на ночь Самбо в свою палатку.

Встревоженный Вильмовский посмотрел на Смугу, который задумчиво попыхивал своей короткой трубкой. В уме Вильмовского возникла связанная с советом опытного путешественника и словами Томека догадка о том, что его друг может понимать сигналы там-тамов. Ведь он достаточно долго жил в Африке и проник во множество тайн Африканского континента. Однако Смуга не спешил продолжать беседу. Он попросил Хантера установить очередность дежурств и вскоре отправился спать. Вслед за ним удалились в свои палатки и остальные охотники, за исключением Вильмовского, который должен был первым заступить на вахту.

Томек не мог заснуть. Он ворочался на койке с боку на бок, прислушиваясь к гудению там-тамов. Рядом с его раскладной койкой, подстелив одеяло, спал Самбо, очень довольный добротой своего юного друга. Спокойное, глубокое дыхание молодого негра служило лучшим доказательством того, что он не понимал языка там-тамов. Хантер приказал разбудить на рассвете всех находившихся в лагере. Когда Томек вышел из палатки, Самбо уже вертелся возле дымящих котлов. Масаи быстро складывали вещи.

Томек сразу же обратил внимание на мрачное молчание кавирондо, которые завтракали без всякой спешки. Смуга приказал Месхерии распорядиться кончать поскорее завтрак. Однако слова Месхерии не оказали на носильщиков должного впечатления. Белые звероловы уже были готовы к походу, а кавирондо все еще ели.

Хантер подошел к товарищам и шепнул:

— Я думаю, что они нарочно так медлят. Обратите внимание на их мрачные взгляды.

Смуга вторично позвал Месхерию.

— Месхерия, ты им сказал, чтобы они поторапливались?

— Они говорить, что вчерашняя еда им повредила,— ответил Месхерия.— Они не хотят быстро идти.

— Если пища им вредит, то вылей ее из котлов на землю. Мы отправляемся в путь,— приказал Смуга.

— В чем дело, Ян? — встревоженно спросил Вильмовский.— Не лучше ли дать им время окончить завтрак?

— Будь спокоен, после вчерашнего ужина не заболел ни один из кавирондо. Они просто хотят задержать наш поход,— ответил Смуга.

Месхерия дал своим воинам приказ. Едва они опрокинули на землю первый котел, как кавирондо подняли крик и, схватив копья, окружили масаев. Смуга не колебался ни минуты.

— Боцман, вы пойдете со мной,— кратко приказал он.— Хантер, ты, Андрей, и Томек с Самбо оставайтесь здесь и будьте готовы.

Он быстрым шагом направился к орущим кавирондо. Со всей решимостью Хантер приказал им замолчать. Когда они успокоились, Смуга обратился к Месхерии:

— Выливай котлы!

Масаи схватили второй котел, желая вылить его содержимое на землю, как вдруг нагой, высокого роста кавирондо подскочил к Смуге и стал грозить ему обоими кулаками.

— Чего ты хочешь? — холодно спросил Смуга.

— Вы отравить вчера кавирондо. Мы сегодня очень больные, а вы не даете отдохнуть и есть! — нахально ответил носильщик.

Среди кавирондо послышался враждебный шум. Негр сделал шаг по направлению к Смуге, но прежде чем он коснулся путешественника, тот твердым как железо кулаком свалил его на землю.

Носильщик потерял сознание.

— Мы отдадим этого человека английским властям за то, что он подстрекал к бунту,— громко заявил Смуга.— Месхерия, свяжите его и держите под стражей.

Масаи ловко и быстро связали руки носильщика. Двое из них с оружием в руках встали рядом с лежа-

щим пленником. Увидев поражение своего предводителя, кавирондо остановились в нерешительности.

— Взять груз и — в путь, — приказал Смуга.

Кавирондо стали перешептываться. Смуга достал из кобуры револьвер. Он подошел к первому попавшемуся негру.

— Немедленно взять груз! — решительно приказал он.

Кавирондо заколебался, но когда Смуга коснулся концом холодного ствола его груди, схватил лежащий на земле багаж и поднял его на плечи, готовый двинуться в путь. Остальные носильщики не сопротивлялись. Тем временем их предводитель пришел в сознание. Он бросал хмурые взгляды на Смугу, но держал себя спокойно.

Хантер, Томек и один из масайских воинов тронулись вперед вслед за несущим флаг Самбо. За ними гуськом двинулись носильщики. Так же, как и вчера, Смуга и боцман замыкали шествие. Перед ними два воина-масая вели предводителя кавирондо. Вильмовский и Месхерия шли по обшим сторонам цепи носильщиков.

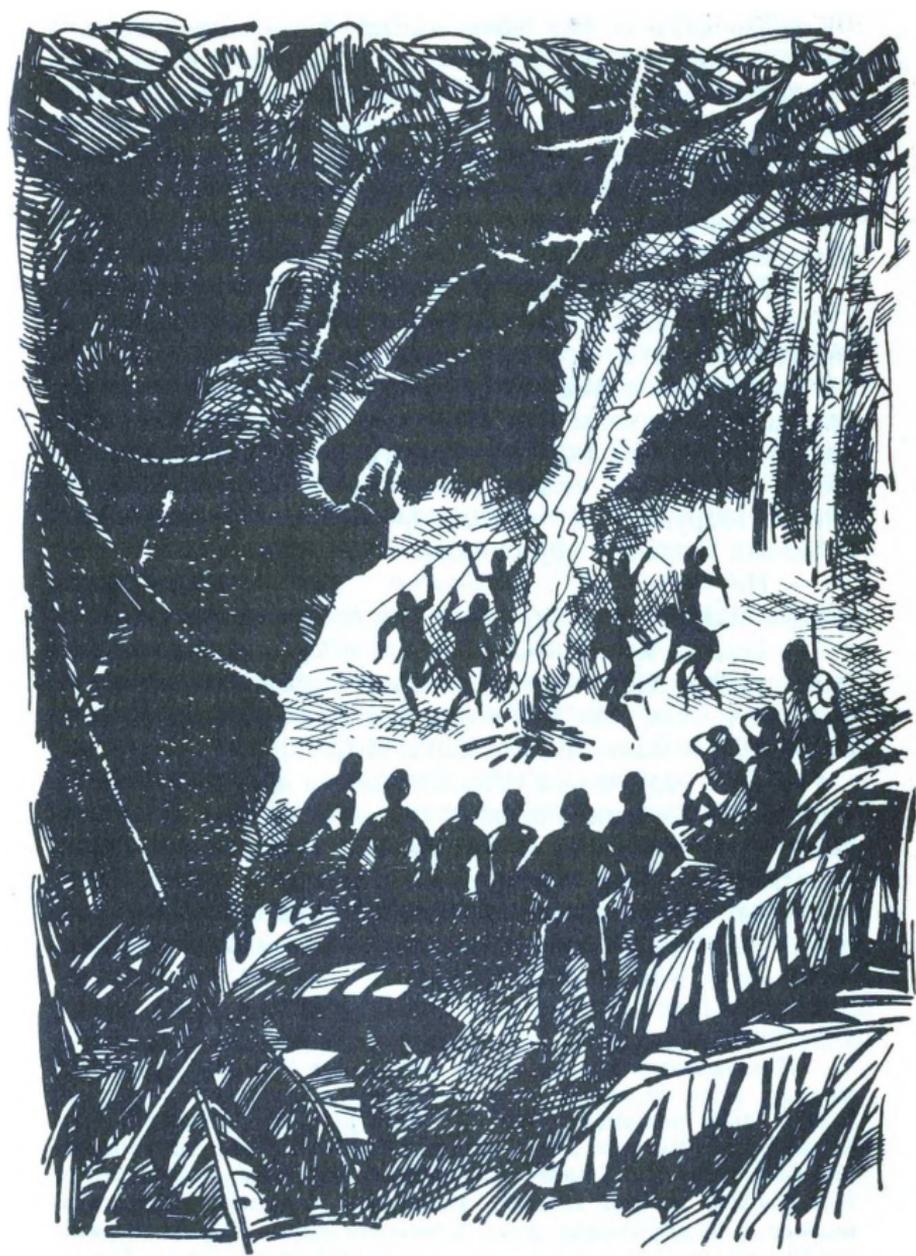
Спустя некоторое время Вильмовский задержался и поравнялся с арьергардом. Он присоединился к Смуге, который был в хорошем настроении, как будто уже забыл о неприятном происшествии с кавирондо.

— Послушай, Ян, я встревожен сегодняшним событием, — начал Вильмовский. — Неужели ты в самом деле решил выдать английскому гарнизону этого глупого кавирондо? Ты знаешь, что я не люблю пользоваться силой в отношениях с туземцами.

— Напрасно беспокоишься, Андрей, — успокоил его Смуга. — Я должен был так поступить, чтобы предотвратить несчастье. Я уверен, что этот молодой негр вскоре попросит у нас прощения, и я с удовольствием исполню его просьбу.

— Мне совершенно непонятно это внезапное выступление носильщиков, — продолжал тревожиться Вильмовский. — Как бы это не повлекло за собой серьезных осложнений.

Смуга задумчиво молчал. Потом посмотрел на своего друга и сказал:

— Несколько лет тому назад я путешествовал в районе южного побережья озера Виктория. В то время племя ватусси воевало с немцами, которые стремились силой удалить их из своей колонии Танганьики¹. В меру моих скромных возможностей я обучал ватусси европейской военной тактике...

— Впервые об этом слышу...— удивленно заметил Вильмовский.

— Разное случалось в моей жизни,— продолжал Смуга.— Я пользовался у ватусси большим доверием. Можно сказать, что мы были друзьями. Отдельным негритянским отрядам иногда приходилось передавать друг другу приказы или сведения о движении отрядов врага. Я был командиром одного из негритянских отрядов. Поэтому специалисты по языку там-тамов много потрудились, чтобы научить меня кое-как разбираться в звуках африканского «телеграфа».

— Неужели это возможно, Ян?— воскликнул Вильмовский, пораженный неожиданным известием.— Ведь даже весьма опытные в африканских делах люди утверждают, что некоторые звуки там-тамов не доступны нам, так как из-за частоты звуковой волны не воспринимаются ухом европейца!

— Я не удивляюсь, что мои слова вызывают недоверие. Но должен сказать, что опытный в африканских делах европеец может свободно различить звуки разных там-тамов и понять их смысл.

— Ба, но это вовсе не значит, что он может понять весь текст передаваемого там-тамом сообщения,— возразил Вильмовский.

---

¹ Танганьика — страна на юге от Кении и Уганды, бывшая германская колония, потерянная Германией после первой мировой войны. Ныне независимая страна. Мало развитый, аграрный край. Важнейшие культуры: сорго, кукуруза, маниока, бататы, земляной орех, сизаль, хлопок, кофе, чай, какао, табак, сахарный тростник. Ископаемые: золото, алмазы, оловянные, железные, свинцовые, медные и вольфрамовые руды, каменный уголь. Климат жаркий, осадки уменьшаются от берегов к внутренней части страны. Преобладают саванны. Большинство населения состоит из негров племени банту. Из 9 миллионов жителей насчитывается: 77 тыс. индийцев, 21 тыс. европейцев и 15 тыс. арабов. Площадь страны — 937 тыс. кв. км. Столица — Дар-эс-Салам. В 1964 году Танганьика объединилась с Занзибаром и приняла название Танзания.

— Ты не ошибаешься,— признал Смуга.— Мне тоже не всегда удается понять язык там-тамов. Однако, когда известия передаются на знакомом мне наречии, я кое-что понимаю¹.

— Ты, Ян, пожалуй, первый европеец, который может похвастаться тем, что понимает язык там-тамов. Неужели ты и в самом деле понял, о чем говорили там-тамы вчера?!

Смуга кивнул головой.

— Что же они передавали?

— Черное Око приказал во что бы то ни стало замедлить движение каравана белых звероловов,— ответил Смуга.

— Не может быть! — воскликнул Вильмовский.

— Теперь ты понимаешь, почему я должен был так энергично сломить сопротивление кавирондо. Я должен помешать осуществлению неизвестных нам планов Кастанедо.

— Значит, наши расчеты с работником еще не окончены,— огорченно сказал Вильмовский.

— Я предполагаю, что он планирует месть,— сказал Смуга.— Особенно тревожиться из-за этого не стоит, но осторожность все же нужна. Я надеюсь, что его влияние не распространяется дальше границы с Угандой, как-никак совсем другим государством, а поэтому, чем быстрее мы будем идти вперед, тем лучше для нас.

— Ты, как всегда, прав, Ян! Думаю, что мы должны рассказать нашим товарищам, о чем вчера говорили там-тамы.

— Ну, нет! Это было бы тактической ошибкой. Никому не говори о том, что я понимаю сигналы там-тамов.

---

¹ Негритянский «телеграфист» может передавать любые известия, даже принятые им на непонятном для него наречии.

Х

ТАИНСТВЕННОЕ НАПАДЕНИЕ

Решительность звероловов заставила кавирондо отказаться от попыток явного бунта. Несмотря на это, поход каравана значительно замедлился. Негры находили десятки причин, чтобы остановиться. То они калечили ноги колючками терновника, то у кого-нибудь из них вдруг начинались боли в животе или невыносимая зубная боль; один из носильщиков ни с того ни с сего вывихнул себе ногу, у второго развязался багаж, который пришлось перевязать заново. Поэтому нет ничего удивительного, что солнце поднялось уже высоко, а караван все еще не дошел до границы Уганды. На одной из таких вынужденных стоянок Смуга подошел к Вильмовскому, игравшему роль санитаря, и сказал:

— Муравьи двигаются, пожалуй, быстрее, чем наш караван. Необходимо что-то предпринять.

— Что же можно поделать? — ответил Вильмовский, подавая одному из носильщиков, жалующемуся на боль в животе, стакан воды с горькой солью.

— Кавирондо симулируют разные болезни, чтобы задержать наше движение. Надо у них отбить охоту жаловаться на болезни. Я советую всем таким больным давать понюхать аммиака, — предложил Смуга. — Может, хоть это прекратит внезапную вспышку эпидемий разных болезней.

Не прошло и пятнадцати минут, как к Вильмовскому подошел прекрасно сложенный негр.

— У меня очень много болеть голова, — жаловался он, хитро поглядывая на Вильмовского.

— Я тебе дам самое верное лекарство, какое только есть у белых людей, — сказал Вильмовский. — Оно лечит все болезни, и я его буду давать всем больным кавирондо.

Хантер немедленно и громко перевел слова Вильмовского на местное негритянское наречие. Носильщики с любопытством окружили пациента и врача, чтобы убедиться в чудодейственной силе великолепного лекарства белых людей. По приказанию Виль-

мовского кавирондо приложил широкий нос к флакону с аммиаком и сильно потянул воздух. Немедленное действие превысило всякие ожидания охотников. Некоторое время кавирондо с широко раскрытым ртом пытался сделать хоть глоток воздуха, но вместо этого зажмурил глаза и, не произнеся ни слова, повалился на землю словно пораженный молнией. На его лбу появились крупные капли пота. Только через некоторое время он отдышался.

— Какой ужасный лекаство! О, мама! Я думал, что в меня вселились злые духи! — пробормотал он посеревшими губами.— О, мой голова перестала болеть и быть всегда здоровый!

Сказав это, он вскочил с земли и исчез в толпе носильщиков. По-видимому, он говорил им о действии лекарства ужасные вещи, потому что все носильщики сразу перестали болеть. Некоторое время караван беспрепятственно двигался вперед, но когда после полудня он дошел до границы Уганды, кавирондо решительно отказались идти дальше. Они неожиданно стали бояться своих соседей из племени луо.

— Это страшные люди,— в волнении говорили они.— Теперь мы идти с вами и все быть хорошо. Но когда мы возвращаться домой, они взять нас в плен. Нет, нет! Кавирондо не могут идти в страну луо!

Вильмовский созвал своих спутников на совет. Смуга предложил наказать зачинщиков сопротивления, но Вильмовский воспротивился этому, сказав рассерженному приятелю:

— Что из того, что мы еще раз принудим их идти вперед? Они пройдут километр или два и снова что-нибудь выдумают, чтобы задержать караван. Лучше всего поискать новых носильщиков.

— Я согласен с вами,— поддержал его Хантер.— Подозреваю, что Кастанедо готовит какое-то темное дело. Нам лучше всего задержаться здесь. Я поеду вперед и попытаюсь нанять новых носильщиков.

— Превосходно! — похвалил его Вильмовский.— Возьмите с собой боцмана и двух масаев и идите на поиски новых людей.

— Это ни к чему! У тебя слишком доброе сердце, Андрей,— возразил Смуга.

— Ты должен признать, что мое поведение никогда не было причиной каких-либо неприятностей,— говорил Вильмовский.— Я знаю, что ты заставил бы их идти вперед, но я не хочу применять суровые меры.

— Конечно, если не применять силы, то нам не остается ничего другого, как только нанять новых носильщиков,— неохотно согласился Смуга.— Плохо, однако, то, что уже в самом начале экспедиции мы позволяем водить себя за нос такому подлецу, как Кастанедо.

— Значит, вы полагаете, что он нам мутит воду? — спросил боцман.

— Так думает Хантер, и я считаю, что он прав,— уклончиво сказал Смуга.— Надо было покончить с ним сразу, боцман.

— Ну, что же, ничего не поделаешь! Знаете, что я вам скажу, Смуга? Давайте вернемся вдвоем в факторию и наведем там порядок. Повесим торговца на том дереве с сосисками, которое так похоже на елку! Ха-ха-ха! Мировая идея, не правда ли?

Смуга улыбнулся, но прежде чем кто-нибудь из старших успел сказать хоть слово, Томек подошел к моряку и возмущенно заявил:

— Стыдно вам, дядя боцман! Нельзя предлагать подобное, пока во главе нашего каравана развевается польский флаг.

— Bravo, Томек! — воскликнул Вильмовский.— У боцмана весь рассудок сидит в кулаке. Зато теперь он услышал правду!

— Извините, уважаемые господа. Ведь я пошутил насчет этой елки,— сказал боцман, покраснев, как мальчишка.— Однако полезно было бы вернуться и затащить этого негодяя к англичанам.

— Вот теперь боцман сделал хорошее предложение,— заметил Смуга.— Если мы отдадим Кастанедо в руки англичан, он больше не будет вести свою дикую торговлю рабами. А заодно кончились бы и все наши беды.

— Что верно, то верно! Работорговец заслужил самое суровое наказание,— согласился Хантер.— Однако я уверен, что он уже не попадется впросак. Его те-

перь врасплох не застанешь. Мы должны помнить о его влиянии на кавирондо. Они могут выступить в защиту Кастанедо, и тогда не обойдется без кровопролития и гибели обманутых, ни в чем не повинных людей.

— Решай ты, Андрей, ведь ты руководитель экспедиции,— нетерпеливо обратился Смуга к Вильмовскому.

— Нам совсем ни к чему враждебное выступление со стороны кавирондо. Мы остановимся здесь; Хантер с боцманом и двумя масаями поедут искать новых носильщиков. О преступной деятельности Кастанедо мы сообщим первому английскому патрулю, который встретится нам на пути. Таким образом, мы избежим возможной стычки с туземцами и освободим несчастных негров от преследований подлеца,— решительно заключил Вильмовский.

— Хороший совет лучше мешка монет! По коням, Хантер! — воскликнул боцман, пытаясь загладить свое предыдущее неловкое выступление.

В то время, когда Хантер и два воина-масая проезжали границу Уганды, Вильмовский с остальными товарищами и носильщиками занялись устройством лагеря. Кавирондо в мрачном молчании сняли вьюки с ослов, расседлали лошадей и быстро развели костер. Как только оставшиеся в лагере охотники уселись в тени раскидистой акации, вдали опять раздались глухие звуки там-тамов.

— Снова бьют там-тамы! — воскликнул взволнованный Томек.

— Нам придется часто слышать звуки там-тамов во время экспедиции,— успокоил сына Вильмовский, переглядываясь со Смугой.

А Смуга, улыбаясь, сидел, опершись спиной о ствол дерева, и спокойно курил трубку. Только после того, как трубка совсем выгорела, Смуга очистил ее от пепла, не спеша поднялся, надел пояс с револьверами и взял в руки винтовку. Увидев это, Томек сразу оживился.

— Вы собрались на охоту? — спросил он.— Я с удовольствием пошел бы с вами!

— Я попытаюсь что-нибудь добыть к обеду, но

предпочитаю пойти сам, потому что в одиночку легче подстрелить дичь,— громко сказал Смуга и, снижая голос, добавил: — Я хочу немного побродить вокруг. Ты, Андрей, останься с Томеком в лагере и постарайся, чтобы наши носильщики не следили за мной. Обращайте также внимание на Самбо.

— Будь спокоен, Ян. Во время твоего отсутствия мы будем бдительно следить за тем, что происходит вокруг,— обещал Вильмовский и сразу же вызвал Месхерию, чтобы дать ему нужные распоряжения.

Смуга направился на север, в сторону величественной вершины горы Элгон. Когда стена леса закрыла его от взглядов людей, находившихся в лагере, он сделал большой крюк и направился на юго-восток. Вскоре он очутился на тропинке, по которой караван двинулся сегодня к границе Уганды, и пошел по ней в противоположную сторону. Он внимательно изучал человеческие следы на лесной тропинке. Вскоре Смуга убедился, что никто не шел по следам каравана.

Он в задумчивости остановился под деревом. Пытался расшифровать таинственные сигналы там-тамов. У Смуги не было сомнений, что там-тамы передавали приказ носильщикам задержать караван. Однако не все сигналы негритянского телеграфа были ему понятны.

Зверолов стал вслушиваться в глухие, далекие звуки там-тамов.

«Люди кавирондо! О! Люди кавирондо! — гудели там-тамы — Вам нельзя войти на землю луо, пока...»

Дальнейшие сигналы были непонятны Смуге. Он напряженно ловил каждый неизвестный сигнал, ища в памяти полузабытый шифр. Наконец Смуга с трудом вспомнил и расшифровал приказание: «...пока не придет к вам из Униамвеси...»

«Что за Униамвеси?» — прошептал Смуга и сразу облегченно вздохнул. Он понял конец таинственного сигнала. Униамвеси, Укевера, или Нианса, все это негритянские названия озера Виктория.

«Черт возьми! — выругался Смуга.— Как я мог об этом забыть!»

Он понял, что напрасно терял время, изучая следы на тропинке. Кавирондо ждали кого-то, кто должен

был к ним прибыть с озера Виктория. Не долго думая, Смуга направился на юг. Он быстро шел в сторону озера, опытным глазом выискивая удобные места, где было легче пройти через чащу. Полчаса спустя кустарники расступились. Смуга очутился на обрывистом берегу. Перед ним, насколько хватало глаз, распростерлось волнующееся зеркало озера. Довольно высокий, обрывистый берег зарос раскидистыми деревьями, среди которых росли сказочно красивые цветы с дурманящим запахом. Смуга посмотрел по направлению ближайшего холма. Взобравшись на его вершину, ему будет удобнее охватить взглядом значительную часть побережья, которое в том месте, где он сейчас стоял, было непригодно для причаливания челна или судна. Смуга не колеблясь стал взбираться на вершину холма. Едва он туда добрался, как увидел длинный челн, быстро удалявшийся на восток. Челн находился примерно в километре от уютного залива, созданного самой природой.

«Опоздал,— подумал Смуга.— Если бы я прибыл на два часа раньше, то, наверное, поймал бы посланца кавирондо».

Он долго смотрел вслед мчавшемуся по озеру челну. Удрученный неудачей, Смуга сел на поваленный ствол дерева. Старался понять, чего добивались негры, стремясь задержать движение каравана. Предчувствие говорило, что здесь не обошлось без участия работорговца Кастанедо. Неужели он попытается напасть на караван? Кто приехал на исчезающем вдали челне?

Смуга глубоко задумался. Как вдруг ему показалось, что за его спиной, в кустах, послышался шорох. Быстрым движением Смуга схватил рукоятку револьвера, но не успел вскочить и повернуться, как сильный удар в затылок чуть не повалил его на землю. У него потемнело в глазах, однако он не потерял сознания. Последним усилием воли Смуга вскочил на ноги и выхватил из кобуры револьвер. В этот момент он почувствовал, как чья-то твердая жилистая рука схватила его сзади за ворот. Одновременно он получил второй удар по голове. Смуга тяжело опустился на землю, выронил револьвер из ослабевшей руки и с

тихим стоном упал навзничь. Перед его глазами в сумасшедшем вихре вертелись вершины деревьев. Ему показалось, что он видит искаженные гневом черные лица негров с острыми, блестящими ножами в зубах. Над ним наклонялись какие-то огромные привидения. В помутившемся сознании Смуги действительность стала мешаться с воспоминаниями, вынесенными из Австралии. Вот бушренджер¹ Картер грозит Томеку длинным, острым как бритва ножом. Смуга заслонил собой мальчика, схватил волосатую лапу бандита, но в этот момент проводник, австралиец Тони, закричал:

«Стой! Не здесь! Англичане сожгут деревню и повесят нас на деревьях!»

Смуга замечает, что Тони кричит на языке африканских негров. На секунду он приходит в сознание и видит блеск стали. Но новый удар по голове и жгучая боль в левой руке снова погрузили его в беспамятство. Ему показалось, что он летит в пропасть. Все мускулы Смуги напряглись, потом внезапно ослабели и он потерял сознание.

* * *

— Папа, почему так долго нет дяди Смуги? — нетерпеливо спрашивал Томек, поглядывая в сторону горы Элгон.— Ведь прошло уже несколько часов, как он вышел из лагеря.

— Я тоже беспокоюсь. Неужели он открыл что-нибудь подозрительное? — шепотом ответил Вильмовский.

— Хантер и боцман тоже канули, как камень в воду,— тихо продолжал Томек.— Папа, ты только посмотри на носильщиков, мне кажется, что они чем-то взволнованы. Почему так долго нет наших?

Вильмовский насупил брови. Смуга, Хантер и боцман не возвращались, а среди кавирондо началось волнение. Они собирались в группы, шептались и бросали недвусмысленные взгляды в сторону белых охотников.

---

¹ Так в Австралии называют разбойников.

— А куда девался Самбо? — спросил Вильмовский у Томека.

— Он не может долго усидеть на месте. Постоянно вертится между кавирондо, — с неудовольствием ответил Томек.

Вильмовский подозвал начальника масайского конвоя.

— Месхерия, хорошо ли следят твои люди за тем, чтобы носильщики не выходили из лагеря? — спросил Вильмовский, когда Месхерия сел рядом с ним.

— Мы хорошо следить, — твердо ответил Месхерия.

— Ты уверен, что никто не вышел из лагеря?

— Они ходят по своим делам, но только по одному на раз. Мы хорошо следить.

— Внимательно следите за ними. Почему среди кавирондо царит такое оживление? Раньше они были молчаливыми и мрачными, а теперь ведут оживленные беседы.

— Негры всегда любить много говорить. Они молчат, когда масаи близко.

Во время беседы Вильмовского с Месхерией Самбо уселся рядом с Томеком. Он потянул Динго за хвост. Быстро отпрянул, потому что пес заворчал, обнажив клыки. Томек успокоил Динго. Некоторое время Томек разговаривал с Самбо, потом вместе с ним подошел к отцу и тихо ему сказал:

— Папа, послушай! Самбо утверждает, что среди наших носильщиков находится чужой кавирондо.

Чтобы скрыть впечатление от этой неожиданной новости, Вильмовский расхохотался, будто услышал смешной анекдот. Он раскурил трубку и только после того, как выпустил несколько клубов дыма, спросил:

— Самбо, ты это точно знаешь?

— Да, да, большой белый буана! Самбо точно знает, — утвердительно кивнул головой негр. — Какой-то кавирондо пришел сюда и что-то сказал носильщикам. Они сейчас придут к белый буана и говорить, что хотят идти дальше.

— Откуда ты это знаешь?

— Самбо бегать среди них и слышать все. Самбо много любить большой белый буана и малый белый буана.

— Что ты на это скажешь, Месхерия? — спросил Вильмовский.

— Мы хорошо следить. Сюда не мог прийти чужой. Может, Самбо ошибся, — возражал Месхерия.

— Нет, Самбо не ошибся. Сюда приходите чужой кавирондо, — уверял молодой негр.

— Я сейчас проверю, сколько носильщиков находится в лагере, — сказал Вильмовский.

По приказу Месхерии кавирондо охотно построились в один ряд. Вильмовский дважды их пересчитал, испытующе вглядываясь в черные лица. Число кавирондо не изменилось. Вильмовский приказал Томеку выдать каждому из носильщиков по порции табака и под веселый шум голосов вернулся с тремя своими спутниками в палатку.

— Ты, пожалуй, ошибся, Самбо, — разочарованно проворчал Вильмовский, закуривая трубку. — Никто чужой не появлялся в лагере. Число носильщиков осталось прежним.

— Это значит, что один ушел, а второй пришел, — ответил Самбо после краткого размышления.

— О, черт возьми! Это совершенно возможно и правдоподобно! — воскликнул Вильмовский. — Месхерия, ты же говорил, что они по одному выходили из лагеря?

— Теперь Самбо говорить, что один кавирондо заменить второй, — в раздумье ответил начальник масайского конвоя. — Это может быть. Они с нами быть коротко, мы их всех не знаем.

— Ах, если бы здесь был Смуга, он наверняка узнал бы чужого. У него великолепная зрительная память, — сказал Вильмовский.

— Почему этот белый буана так долго охотится? — спросил Месхерия.

— Видишь ли, Смуга не пошел на охоту. Он пошел на небольшую разведку, — пояснил Вильмовский.

— Плохо сделать идти без собаки, — прошептал Месхерия. — Пока видно, надо искать белый буана. Потом не видеть след. Ночью может быть дождь. Здесь часто вечером идти дождь.

— Что делать? Ведь я не могу оставить лагерь на

произвол судьбы. Пусть бы уже вернулись боцман и Хантер,— с тревогой сказал Вильмовский.

Как бы в ответ ему послышался топот конских копыт.

— Едут! Едут! — обрадованно вскричал Томек.

Вскоре оба охотника на покрытых пеной конях въехали в лагерь. Боцман тяжело спрыгнул с седла, бросил уздечку одному из негров. Хантер тоже отдал свою лошадь под опеку кавирондо, после чего вместе с боцманом подошел к Вильмовскому.

— Ко всем собачьим чертям эту вашу Африку! — переводя дух, сказал боцман.— Мы посетили пять ближайших деревень, и кроме баб с длинными глиняными трубками в зубах, да еще стариков мы не застали ни одного человека, способного нести груз на плечах.

— Они просто спрятались от нас в джунглях,— добавил Хантер.— Женщины нам говорили, что все мужчины поехали на озеро ловить рыбу.

— Чтоб у них вся эта рыба подохла! — проворчал боцман.

— А где масаи, которые поехали вместе с вами? — встревоженно спросил Вильмовский.

— Сейчас придут. Мы их опередили на лошадях,— ответил Хантер.

— Хорошо, что вы вернулись, потому что я беспокоюсь о Смуте,— начал Вильмовский и сообщил товарищам о положении, создавшемся в лагере.

Хантер нахмурился, но боцман сразу же забыл о всякой усталости.

— Сдается мне, господа хорошие, что дело здесь не чисто! — решительно сказал он.— Раздумывать нечего, надо сразу же начинать поиски. Динго поведет нас по следам Смути.

— Боцман совершенно прав. Мы должны найти Смуту еще до вечера,— нетерпеливо сказал Хантер.— Если Самбо говорит правду, то мы должны остерегаться кавирондо. Не будем терять времени на болтовню. Я с боцманом пойду по следам Смути.

— Без меня Динго не будет вас слушаться, значит, я пойду тоже,— вмешался Томек.— Я сейчас буду готов.

Вильмовский не возражал, потому что действительно в присутствии своего хозяина собака могла лучше выполнить свою задачу.

— Хорошо, Томек. Я думаю, ты будешь послушным и рассудительным,— сказал Вильмовский.— Возьмите с собой двух масаев.

— У меня другой план,— возразил Хантер.— Мы возьмем с собой одного масая и двух кавирондо, хорошо знающих местность.

— По-моему, прекрасная идея,— похвалил боцман.

— Я согласен. Не теряйте времени,— закончил беседе Вильмовский.

Хантер взял с собой аптечку и немного продуктов. Боцман недовольно наблюдал за Хантером, который, как всегда, предполагал самое худшее, но не сказал ни слова. Когда они были готовы двинуться в путь, Томек подсунул Динго рубаху Смуги и сказал:

— Динго ищи, ищи дядю Смугу!

Динго посмотрел на него своими умными глазами. Хрипло залаял и с носом у самой земли стал вынюхивать след. По-видимому, он сразу на него напал, потому что не колеблясь побежал на север. Томек выпустил поводок. Началось путешествие по следам Смуги. Небольшая группа мужчин быстро шла вслед за Томеком.

Динго бежал не поднимая головы. Уверенность собаки обнадеживала охотников.

Вскоре Динго сделал круг, сначала на восток, а потом, на юг. Хантер остановился.

— Томек, дай ему еще раз понюхать рубаху Смуги!

Мальчик выполнил приказание.

— Ищи, Динго! Ищи! — поощрил он пса.

Динго нетерпеливо махнул хвостом и побежал вперед. Только очутившись на тропинке, стал беспокоиться. Он бегал то туда, то сюда, волоча за собой мальчика. По требованию Хантера мужчины остановились в сторонке, чтобы не затоптать следы.

— Не будем мешать Динго! — пояснил следопыт.— Смуга, по-видимому, ходил по тропинке несколько раз, и собака потеряла ориентировку.

Прошло довольно много времени, прежде чем Динго решительно направился на восток. Пес почти

касаясь носом земли, вынюхивая правильный след. Однако вскоре Динго повернул на юг.

— В чем дело? — удивился Хантер.— Почему Смуга направился к озеру?

— Лишь бы Динго не подвел,— обеспокоенно сказал боцман.— Дай ему, браток, еще раз понюхать рубаху!

Динго по-прежнему бежал с носом у самой земли. И только около самого берега озера он снова стал беспокоиться. Неожиданно остановился и стал кружиться среди кустов. Вдруг он сел на землю и, подняв голову вверх, жалобно завыл.

— Боже мой! В чем дело? — встревоженно спросил боцман.

Хладнокровный обычно Хантер вырвал из рук Томека рубаху Смуги и снова поднес ее к носу собаки.

— Ищи, Динго, ищи!

Собака нерешительно поднялась. Долго нюхала рубаху. Затем снова стала бегать в кустах. Сначала направлялась на восток, потом на запад, все время держа нос у самой земли. Но вдруг она, как видно, напала на правильный след, потому что крепко дернула поводок и побежала вперед. Вскоре охотники добрались до берега озера. Динго побежал к ближайшему холму.

— Боже! Вы посмотрите только, что происходит с Динго!

Пес поставил уши торчком и с вздыбившейся на спине шерстью бежал все быстрее и быстрее. Хантер на ходу шелкнул затвором винтовки; боцман огромными прыжками бежал рядом с ним, сжимая в руке револьвер, а масай, готовый немедленно выстрелить, не спускал глаз с обоих кавирондо.

Томек с трудом поспевал за Динго и совсем запыхался на крутом склоне. Тут он споткнулся, собака вырвала поводок из его рук и исчезла среди кустов, росших на вершине холма. Через некоторое время охотники услышали жалобный вой Динго.

— Это плохой знак! Давайте поспешим,— воскликнул Хантер.

Огромный и тяжелый боцман теперь бежал как серна. Он опередил своих товарищей и первый очу-

тился на верхушке холма. Здесь он увидел Динго, воющего над лежащим в траве телом человека.

— Скорее, черт вас возьми! — закричал боцман.

Бледный как полотно Томек подскочил к лежащему на земле Смуге. С ужасом он смотрел на голову Смуги, покрытую засохшей кровью.

— Это ужасно! Они убили дядю Смугу! — зарыдал мальчик.

Хантер ножом разрезал рубаху на груди Смуги. Опытными руками стал исследовать раны на левом плече.

— Кровоточит, но это еще не страшно, — шепнул он и осторожно поднял голову Смуги.

Едва он коснулся опухоли на затылке, из уст охотника послышался тихий стон.

— Жив, дядя Смуга жив! — крикнул Томек, прерывисто дыша.

— Жив, наверняка еще жив, — облегченно сказал Хантер. — Это не ножевая рана на руке лишила его сознания. Кто-то несколько раз ударил его по голове. На голове у него кровоподтек и опухоль... но мне кажется, что кость осталась целой...

Следопыт осторожно положил голову раненого на землю, снял с плеча аптечку и вынул из нее лекарства. Он быстро готовил бинты к перевязке.

— Мумо, дай сюда бурдюк с водой! — обратился он к масаю. Боцман поддерживал голову Смуги, лежащего в беспомощности. Хантер обмыл рану на руке, забинтовал. Потом начал перевязывать голову.

Закончив перевязку, он ватой смыл кровь, покрывавшую лицо Смуги.

— Что там у вас в манерке, боцман? — спросил Хантер.

— Ром, настоящий ямайский ром! — был ответ.

— Это хорошо, влейте ему в рот несколько капель, — сказал следопыт, поддерживая голову раненого.

Боцман приложил манерку к губам охотника.

— Осторожно, не так много, — предостерег его Хантер.

Смуга поперхнулся и глухо застонал.

— Еще немножко! Довольно!

Через некоторое время Смуга открыл глаза.

— Жив, в самом деле жив, мой дорогой дядя Смуга! — взволнованно воскликнул Томек.

Смуга закрыл глаза, а на его устах появилась слабая улыбка. Вскоре его взгляд стал уже более осмысленным.

— Крепко я получил? — спросил он слабым голосом.

— Порядком! Удар ножом в левое предплечье и удар по голове, — ответил Хантер. — Ну как, болит голова?

— Болит, но... могло быть... хуже...

— Дела не так уж плохи, если вы пришли в сознание, — сказал Хантер. — Боцман, займитесь, пожалуйста, устройством носилок. Чем скорее вернемся в лагерь, тем лучше.

Боцман и негры сделали из ветвей удобные носилки, на которые положили раненого. Хантер тщательно изучил следы на холме. Он нашел брошенный Смугой револьвер и винтовку, опертую о поваленный ствол дерева. Отозвав боцмана в сторону, Хантер сказал:

— Нападающих было трое. Негры. Они подошли незаметно сзади. Смуга сидел на этом поваленном стволе, когда получил удар по голове. Вскочил, выхватил револьвер, но они его ударили чем-то твердым еще несколько раз. Ножевую рану он получил уже лежа на земле. Удивительно, что его не убили.

— Откуда вы все это знаете? Ведь Смуга еще ничего не успел сказать, — удивился боцман.

— Следы, оставленные на земле, похожи на буквы в книге. Надо только уметь их прочесть, — пояснил Хантер и добавил: — После нападения негры побежали на запад. Их следы спутались со следами Смуги, поэтому Динго терял ориентировку.

— Если вы уверены в этом, то я возьму собаку и поищу этих негодяев. А вы скорее несите раненого в лагерь.

— Это лишнее. Они, по-видимому, и без того попадут в наши руки. Если Самбо говорит правду, то один из бандитов находится среди наших кавирондо. А может быть, и все трое, — заявил Хантер.

— Как вам угодно, но я хотел бы встретиться с ними.

— Я думаю, что это нетрудно. А теперь идем в лагерь, скоро стемнеет,— скомандовал Хантер.

ХІ

У ИСТОКОВ БЕЛОГО НИЛА

Смуга лежал в горячке двое суток, и Хантер с Вильмовским ни на шаг не отходили от его кровати, ухаживая за ним. На третьи сутки раненый почувствовал себя немного лучше. Вильмовский с удовлетворением заметил, что температура у Смуги понизилась. Он приказал сварить для него питательный бульон. За это дело с охотой взялся боцман Новицкий. Наливая бульон в чашку, он говорил обрадованному Томеку:

— Вот видишь, дружище, что за твердый орешек этот Смуга! Сразу можно узнать, что это поляк! Негры лупили его молотком по голове, как ребята орехи в праздник, а он не только не раскололся, но уже вопит, что голоден.

— Жаль, что дядя Смуга не видел бандитов, напавших на него. Мне бы очень хотелось, чтобы это преступление не сошло им с рук,— озабоченно сказал Томек.

— Ха-ха-ха! — рассмеялся моряк.— Если бы Смуга увидел этих негодяев, то они давно уже были бы на лоне Авраама, и не о чем было бы говорить. А теперь, браток, если только мне повезет, они попадут в мои лапы, ну и тогда...

Боцман сделал руками такое движение, словно сворачивал голову птице.

— Вы их убьете? — испугался Томек.

— Как пить дать! Ну, мы здесь с тобой языки чешем, а там больной ждет. Занесем ему этот бульон, но я полагаю, что ему лучше бы помог приличный глоток рому.

— Раненым нельзя давать алкоголь,— сурово возразил Томек.

— А после чего Смуга пришел в себя, как не после

глотка рому? Нет, браток, ты меня не переубедишь! Пошли!

Смуга с аппетитом выпил бульон, а потом, несмотря на протесты Хантера, закурил трубку, выпустил несколько клубов дыма и сказал:

— Андрей, прикажи сделать для меня носилки. Завтра мы должны снова тронуться в путь. Довольно здесь прохладиться.

— Невозможно, Ян! — возразил Вильмовский. — Ведь под тропиками даже обыкновенный порез плохо заживает. Мы не тронемся с места, пока не затянутся твои раны.

— Мне ничего не будет, Андрей. В свое время, в Бенгалии тигр обошелся со мной хуже, а все кончилось хорошо. Мой организм приспособился к жаркому климату. Я уверен, что во время марша я поправлюсь скорее.

Вильмовский колебался. В беседу вмешался Хантер:

— Череп у Смуги железный, если не треснул от такого удара. Я тоже считаю, что нам надо двигаться в путь, но не завтра, а послезавтра. На это есть две причины. Во-первых, через два дня Смуге станет лучше, а во-вторых... — Тут Хантер наклонился к товарищам, стоявшим у постели раненого, и тихо добавил: — Во-вторых, я хочу задержаться здесь хоть на день, потому что кавирондо вдруг стали проявлять готовность отправиться с нами в дальнейший путь как можно скорее. Не подозрительно ли это?

— Еще до того, как раненый Смуга появился в лагере, носильщики согласились продолжать с нами путешествие. Я тогда их спросил, перестали ли они бояться своих соседей луо. Они ответили, что теперь они ничего не боятся, потому что луо передали своим там-тамами, что встретят их гостеприимно, — ответил Вильмовский.

— Возможно, что посланец Кастанедо, о прибытии которого сообщил нам Самбо, приказал им идти с нами вперед, — высказал догадку Хантер.

— Надо пожелать, чтобы услужливость Самбо не пошла ему во вред, — сказал Вильмовский. — Парень постоянно вертится около кавирондо и мешает им в их тайных беседах.

— Вы проследите за ним, боцман,— обратился Хантер к моряку.

— Не так страшен черт, как его малюют. Я навел среди них кой-какую дисциплину. Кавирондо стали кротче ягнят. Они ему ничего не сделают.

Вильмовский внимательно посмотрел на боцмана. Вместе с Хантером они два дня сидели у постели раненого, оставив лагерь на попечении моряка. Легкомысленный тон боцмана насторожил Вильмовского. Он подумал, наверняка моряк что-то от него скрывает. Вильмовский перевел взгляд на Томека, который после заявления своего сердечного дружка стал улыбаться и ерзать на месте.

— Томек, ты тоже считаешь, что Самбо у нас в полной безопасности? — спросил Вильмовский.

— Со вчерашнего дня носильщики смотрят на Самбо с большим уважением. Ему теперь ничто не грозит,— ответил мальчик.

— Почему же они так внезапно изменили свое отношение к Самбо? — допытывался Вильмовский.

Боцман предостерегающе кашлянул, но Томек, не обращая на него внимания, с триумфом заявил:

— Вчера один из кавирондо ударил Самбо, когда тот подошел к группе беседующих негров. За это боцман здорово отлупил кавирондо и предупредил остальных, что если с Самбо случится что-нибудь плохое, то боцман вернется в их деревню, подожжет их хижины и строго накажет всех жителей.

Вильмовский насупился, но ничего не сказал боцману. Неожиданное нападение на Смуту было прямым доказательством темных замыслов кавирондо.

— Вы правильно поступили, боцман. Негры уважают сильных людей,— вмешался Хантер.— Их надо крепко держать в руках. При первом удобном случае мы постараемся нанять новых носильщиков. По-видимому, только после этого мы перестанем чувствовать влияние Кастанедо, который пытается нас преследовать своей мстью. Судя по всему, это мстительный негодяй.

— Хотел бы я встретить его еще разок,— зловеще пробурчал боцман.

— Я снова предлагаю отложить наше путешествие

до послезавтра,— сказал следопыт.— Таким образом, мы хотя бы частично сорвем планы кавирондо.

— Мне кажется, что Хантер прав. Поэтому мы отдохнем здесь еще день, а послезавтра отправимся дальше,— решил Вильмовский.

— Если это понадобится, то в английской крепости в Кампала мы найдем гарнизонного врача,— добавил Хантер.— Будем, однако, надеяться, что Смуга выздоровеет и без его помощи.

— Хорошо, пусть будет по-вашему,— согласился Смуга.

В лагере царило полное спокойствие. Днем и ночью масаи, вооруженные до зубов, стерегли лагерь. Боцман, Томек и Самбо построили для Смуги удобные носилки; нести их должны были самые сильные из кавирондо.

Когда наступило время отправления каравана, Самбо снова стал впереди со знаменем. По приказанию отца Томек занял место Смуги. Теперь он и боцман ехали в арьергарде каравана. Вскоре они тронулись в путь под звуки монотонного напева носильщиков.

Караван шел через саванну, поросшую купами кустарников и акаций. К вечеру на пути каравана стали встречаться довольно большие болота, поросшие карликовыми мимозами с красной корой. Это затрудняло поход. Спущенный с поводка Динго бушевал в кустах, бегал с поднятым кверху носом, что-то вынюхивая в воздухе. Не было сомнения — местность изобиловала дичью, поэтому Томек и боцман внимательно следили за поведением собаки. Караван проходил мимо кустарников, куда не преминул нырнуть Динго. Неожиданно оттуда послышалось низкое, глухое хрюканье, а потом громкий писк. Хриплый лай Динго и треск ломаемых веток насторожили путешественников. Они услышали глухой топот. Громко лая, Динго выскочил из кустов. За ним бежало огромное, тяжелое и неуклюжее животное. Высота его равнялась среднему росту человека, а длина серовато-черного туловища достигала четырех метров. Низко наклонив мощную голову, на носу которой торчали два рога, расположенные один за другим, огромное животное

со шкурой, собранной на шею в складки, мчалось за собакой.

— Кифару! — крикнул один из негров.

Строй каравана нарушился. Носильщики бросились врассыпную, оставив багаж на тропинке. Испуганные кони встали на дыбы. Кое-какой порядок сохранился только впереди карауна, потому что выключенные ослы с философским спокойствием шли вперед, не обращая внимания на опасность. Динго убежал, что есть силы. Умный пес сосредоточил на себе все внимание животного. Он наискось пересек тропинку и нырнул в кусты на противоположной ее стороне. Томек и боцман не успели даже схватиться за ружья. Прежде чем удалось успокоить лошадей, носорог и Динго исчезли. Вскоре пес вернулся, весело помахивая хвостом. Он остановился перед Томеком, как бы ожидая похвалы; мальчик соскочил с седла и крепко обнял умного друга.

Вечером, на стоянке, встреча с носорогом стала главной темой разговоров. Поводки этого животного лучше всего были известны Хантеру и Смуге, который после дневного путешествия почувствовал себя совсем плохо.

— Как поступит носорог в тот или иной момент — предусмотреть невозможно, — рассказывал Хантер. — Иногда он в панике бежит от одной собаки. Иногда же, при одном только виде человека, впадает в бешенство и сразу бросается в атаку. Опытный охотник отпрыгивает в сторону в последний момент перед падением; в этом случае носорог пронесется дальше. Когда он теряет из глаз настоящего противника, то с гневом бросается на первый попавшийся куст или дерево. Это происходит потому, что носороги плохо видят. Счастье, что когда умный Динго выследил носорога в чаще леса, тот нас не заметил. Если бы он на нас напал неожиданно, нам пришлось бы туго.

— К какому отряду животных принадлежат носороги? — спросил Томек.

— К отряду непарнокопытных, — ответил Смуга. — К этому отряду принадлежат носороги с тремя паль-

---

¹ Кифару — носорог на суахили.

цами на ногах, тапиры с тремя пальцами на передних и четырьмя на задних ногах и лошади с одним пальцем в форме копыта.

— Носороги встречаются только в Африке? — продолжал задавать вопросы Томек, который, желая стать опытным звероловом, стремился как можно больше узнать о повадках животных.

— Нет, носороги обитают также в тропической Азии, — ответил Смуга. — А в Африке живут два вида. Первый из них, называемый бурами¹ «черным»², а на наречии негров «кифару», известен лучше, чем второй — «белый»³, который принадлежит к самому мощному виду всего отряда.

— А чем разнятся эти два вида? — продолжал спрашивать Томек.

— Черный носорог, или кифару, отличается серовато-черным или бурым цветом шкуры. Взрослые самцы достигают почти четырех метров длины при высоте в холке один метр шестьдесят сантиметров. Они встречаются в Центральной и Восточной Африке. Что касается белого носорога, то его высота достигает двух метров, а длина — пяти. На чрезвычайно вытянутой носовой части головы у него торчит передний рог, доходящий иногда до полутора метров длины, окружность которого у основания достигает полуметра, то есть равна длине заднего рога. Оба вида носорогов — травоядные животные, причем белый обитает преимущественно в открытой степи, а кифару предпочитает держаться леса.

— Ого! Как видно, белый носорог это колоссальное животное! — удивился мальчик.

— Конечно, Томек! — подтвердил Смуга. — Если не считать слона, то носорог крупнейшее сухопутное млекопитающее. Тебя, как будущего зверолова, должно заинтересовать то, что до сих пор никому не удалось привезти живого белого носорога в Европу. Черный носорог меньше по размерам, но считается одним из самых опасных африканских животных. Поэ-

---

¹ Буры (галландск.) — голландские поселенцы в Южной Африке.

² Черный, или кифару, — *Diceros bicornis*.

³ Носорог белый — *Ceratotherium simum*.

тому наша встреча с кифару — это очень интересное событие.

— Я хотел бы еще узнать кое-что об образе жизни этих необыкновенных животных, — сказал Томек.

— Послушай, Томек, не мучай больше дядю Смугу, — вмешался в их беседу Вильмовский. — Ты же знаешь, что он еще очень слаб.

— Я с удовольствием продолжу рассказ о носорогах, а раненый пусть немного отдохнет, — сказал Хантер, придвигаясь к Томеку.

— Пожалуйста, я так люблю рассказы о животных, — обрадовался Томек.

— Носороги охотнее всего живут в местах, изобилующих водой, но африканские виды встречаются в сухих степях и даже в горных и бесплодных районах, — начал свой рассказ Хантер. — Все они любят купаться в болотах и громко хрюкают во время купания. Они ведут в основном ночной образ жизни. Днем спят в тени, под вечер купаются, а потом выходят на поиски пищи. Во время жировки они передним рогом упираются в землю и срывают траву толстыми губами, да и с ветками кустарников справляются легко, обламывая их с помощью отростка на морде. Питаются носороги ветками кустарника, твердыми стеблями, травой, корнеплодами, початками и луковицами растений.

— Большие рога бывают, наверное, только у старых животных? — спросил Томек.

— Ты ошибаешься, рога эти периодически отпадают и отрастают снова, поэтому их размеры не свидетельствуют о возрасте животного. Надо еще добавить, что детеныши носорогов сразу рождаются зрячими.

Их интересную беседу прервал боцман Новицкий, поставив на столе дымящийся котелок с супом. Проголодавшиеся охотники с аппетитом принялись за еду. Вскоре после ужина они разошлись по своим палаткам. Как всегда, Хантер поставил на ночь часовых, которые менялись через каждые два часа. Ночь прошла спокойно. На рассвете, едва солнце показалось на горизонте, караван отправился в путь. Вильмовский надеялся в этот день добраться до истоков Белого Нила, на северном конце озера Виктория.

На каждой стоянке Томек доставал из вещевого мешка карту Уганды. Он тщательно измерял расстояние, отделяющее караван от истоков одной из крупнейших и длиннейших рек¹ мира. Томек уже знал, что местонахождение истоков Нила было предметом тысячелетнего спора, решить который стремились многие путешественники. Поэтому он с нетерпением ожидал прибытия на место, с которого англичанин Спик в 1862 году начал свою историческую экспедицию, когда раскрыл тайну истоков Нила. Желание мальчика исполнилось очень скоро. К нему издали донесся шум падающей воды, усиливающийся по мере приближения каравана к какому-то не слишком высокому холму. Но когда они взошли на вершину холма, удивленный неожиданным зрелищем Томек не удержался от восторженного восклицания. Перед его взором во всем величии предстало озеро Виктория. Через край озера, окаймленный с обеих сторон высокими берегами, поросшими пышной растительностью, переливались каскады воды, с пеной и грохотом срываясь в пропасть.

Томек с трудом верил, что находится у истоков Белого Нила. Вместо ручейка, журчащего среди кустов, перед ним текла большая река. Из уроков географии в школе он знал, что Белый Нил после выхода из озера Виктория сотни километров течет через джунгли и саванны Уганды, впадает в озеро Кьога, за водопадом Мурчисона пересекает озеро Альберт и в районе Хартума, далеко на севере, соединяется с Голубым Нилом, стекающим с гор Эфиопии, а после с рекой Адбарой.

— Ну что ж, Томек, таким ли ты представлял место, откуда берет начало Белый Нил? — обратился Вильмовский к сыну.

— Нет, папа! — возразил мальчик, стараясь перекричать шум падающей воды. — Ведь это настоящий водопад.

— Да, это водопад Рипон.

Они долго любовались живописным видом успе-

---

¹ Длина Нила, включая реку Рукарару, составляет 6671 км, а его бассейн — 2,8 млн. кв. км.

ненных вод Рипона, прежде чем направились вдоль Белого Нила, на берегу которого остановились на ночь. Решение устроить ночлег именно здесь принял Вильмовский, который убедился, что состояние здоровья раненого Смуги ухудшилось. Затянувшаяся было рана на предплечье открылась и приобрела нездоровый, фиолетовый цвет. Охотники уложили Смугу в палатке, тщательно очистили и перевязали рану. Измученный Смуга вскоре уснул, а Томек с отцом и друзьями еще долго сидели у входа в палатку.

Томеку очень нравились вечерние беседы у костра. На этот раз он заинтересовался историей поисков легендарных истоков Белого Нила. Он обратился к отцу с просьбой рассказать ему о путешественниках, открывших эти истоки. Вильмовский, увлеченный географ, подчиняясь вечернему настроению, охотно согласился исполнить желание Томека.

— Издавна господствовало убеждение, что река Нил вытекает из больших озер, расположенных у подножия Лунных гор¹. Несмотря на это, до середины XIX века никому не удавалось открыть ни этих гор, ни озер. Арабы из Восточной Африки говорили европейцам, что внутри Африканского материка находятся огромные озера. Поэтому возникло предположение, что там находится море, называемое туземцами Укереве, Униавеси, или Нианса, откуда и берет свое начало Нил. К его истокам пытались добраться с севера, с берегов Средиземного моря, поднимаясь вверх вдоль берега реки. Делались попытки проникнуть к истокам Нила со стороны Индийского океана, пересекая весь материк.

Экспедиции вверх по реке окончились неудачей. Ледгарт умер на краю Ливийской пустыни, Броун дошел только до Дарфура, остальные возвращались с пути из-за многочисленных водопадов, делавших путешествие невозможным.

Верхнее течение Нила удалось изучить венецианцу Джованни Миани, но тайну истоков реки раскрыли только ученые и путешественники, направленные ан-

---

¹ Рувензори — на языке негров банту значит Лунные горы; третья по высоте горная цепь в Африке.

глийским Географическим обществом. Истоки Белого Нила открыл англичанин Джон Спик, который вместе с Ричардом Бёртоном отправился из Багамойо в Восточной Африке к озеру Укереве. В пути Бёртон тяжело заболел, но Спику удалось добраться до южных берегов великого озера, которое, по рассказам арабов, туземцы называли Укереве. Спик был убежден, что Белый Нил вытекает из этого озера. В честь английской королевы он назвал озеро — Виктория-Нил.

В Европе не поверили рассказам Спика. В 1860 году он возглавил новую экспедицию, на этот раз вместе с Грантом. Дойдя до границ мощного негритянского государства в Уганде, путешественники разделились. Грант направился на север, вдоль излучины Нила, а Спик пошел вдоль берега реки. Когда обе части экспедиции соединились, Спик мог с уверенностью сказать, что истоки Нила открыты. В Гондокого путешественники встретились с Самуилом Бекером. Этот последний, узнав об их открытии, направился на юг, обнаружив по пути озеро Мвутан Нзиге, получившее теперь название озеро Альберт, через которое протекает Белый Нил. Позднее выдающийся путешественник и журналист Стэнли подтвердил сообщение и расчеты Спика, а также открыл озеро Эдуард, соединяющееся с озером Альберт и тем самым входящее в систему Нила.

— А кто еще исследовал Экваториальную Африку? — спросил неутомимый Томек.

— Края, расположенные в верхнем течении Белого Нила, исследовали Гордон, Бейкер и Гесси, назначенные египетским хедивом управителями этих земель. Множество интересных данных о флоре, фауне и жителях Африки собрал Эдуард Шнитцлер¹ из Силезии, принявший впоследствии имя Эмин-паша и бывший начиная с 1878 года губернатором экваториальной провинции Судан². Он собрал многочисленную и ценную для науки коллекцию.

---

¹ Э. Шнитцлер (или Шницер) — выдающийся исследователь Судана и Восточной Африки, родился в Силезии в еврейской семье. Принял магометанство и поступил на египетскую службу.

² Экваториальная провинция Судан расположена в верхнем течении Нила.

Место рождения Эмин-паши напомнило Томеку об отчизне. Этот человек со столь экзотическим именем показался Томеку ближе и вызвал интерес к себе.

— Папа, расскажи подробнее о судьбе Эмин-паши,— попросил он.

— Война, вызванная восстанием Махди против Египта и англичан, сделала в то время невозможным исследования районов Верхнего Нила. В 1885 году Гордон погиб, защищая Хартум от махдистов, а Эмин-паша, находившийся тогда в районе озера Виктория, очутился в тяжелом положении. В помощь ему была снаряжена экспедиция во главе со Стэнли. Это была последняя африканская экспедиция бесстрашного Стэнли. На этот раз экспедиции Стэнли пришлось пробиваться через Конго в неустанных битвах с туземцами. Только после целого года странствий, среди непрерывных стычек, ощущая недостаток продовольствия, Стэнли добрался до озера Виктория. Там он встретил Эмин-пашу и Касати. Эмин-паша долго колебался, не желая уйти из провинции, губернатором которой он был назначен египетским хедивом, но после освобождения из вражеского плена присоединился к Стэнли и вместе с его экспедицией направился в Багамойо¹. Здесь он поступил на германскую службу и вскоре отправился в новую экспедицию. На этот раз он дошел до западного побережья озера Виктория, основал станцию Букоба, но когда попытался проникнуть дальше на запад, был убит арабами.

— Дядя Смуга мне как-то говорил, что жители Африки не столь добродушны, как австралийцы, которые совершенно не сопротивлялись европейцам,— сказал Томек.— Меня интересует, принимали ли участие в открытиях Африки поляки?

Вильмовский задумался.

— Среди путешественников и первооткрывателей Африки чаще всего встречаются англичане, французы и немцы. Дело в том, что их страны были наиболее

---

¹ Багамойо — город, находящийся в Танганьике, на побережье Индийского океана.

заинтересованы в освоении этого материка. Большинство исследовательских экспедиций преследовало цель захвата вновь открытых земель и преобразования их в колонии европейских государств. Поляки не могли вести захватнической политики, так как сами уже около сотни лет находятся под чужеземным игом. Однако в разное время поляки появлялись на Черном континенте, побуждаемые к этому жаждой знаний или просто в погоне за необыкновенными приключениями.

— Папа, я очень тебя прошу, расскажи нам еще раз о польских путешественниках по Африке. Я уверен, что дяде боцману это тоже доставит удовольствие.

— Я люблю рассказы о наших хитрецах,— подтвердил моряк, набивая табаком трубку.

Вильмовский тоже закурил и, немного помолчав, продолжал свой рассказ:

— Первым поляком, который появился в Африке, был Маурицы Август Бенёвский. Это был необыкновенно отважный и предприимчивый человек. Будучи полковником Барской конфедерации¹, он сражался против короля Станислава Понятовского и царской России...

— И вероятно, подобно тебе и дяде боцману, он вынужден был бежать из страны,— перебил отца Томек.

Вильмовский улыбнулся и продолжал:

— Бенёвский был взят царскими войсками в плен и сослан на Камчатку. Там ему удалось организовать бунт ссыльных. Во главе бунтовщиков он захватил судно, на котором вместе с товарищами вышел в море. После многих скитаний и приключений Бенёвский, по поручению французского правительства, в 1773—1776 годах высадился на острове Мадагаскар, находящемся у юго-восточного побережья Африки. Ведя непрестанные стычки с туземцами, пробираясь через обширные болота и недоступные горы, Бенёв-

---

¹ Барская конфедерация — вооруженный союз польской шляхты, направленный против короля Станислава Понятовского и царской России; создан 29 февраля 1768 г. в г. Баре (Подоллия).

ский захватил наиболее плодородную часть острова. Годом позже туземцы избрали его королем Мадагаскара. Правление Бенёвского длилось около двух лет, но ему удалось прекратить междоусобную борьбу жителей разных частей острова и ликвидировать варварский обычай убивать увечных детей. Бенёвский основал в здоровых местностях поселения, строил больницы и приюты и стал пользоваться среди туземцев огромным влиянием. Он хотел окончательно освободить Мадагаскар от французского владычества, но погиб в битве с французами.

— Вот это был герой! — воскликнул боцман Новицкий. — А может, и тебя, браток, негры изберут королем, например в Буганде. Думаю, что ты тогда не забудешь своего друга и назначишь хотя бы генералом.

— Зачем вы издеваетесь надо мной? — возмутился Томек.

— И вовсе не издеваюсь! Если в самом начале экспедиции масаи стали считать тебя великим шаманом, то теперь бугандийцы могут их перещеголять и изберут своим королем. В таком случае рассчитывай на меня, я тебе помогу в государственных делах.

— И все-то вы шутите! Продолжай, пожалуйста, папа!

Вильмовский улыбнулся и продолжал свой рассказ:

— На рубеже XVIII и XIX веков важные исследования осуществил Ян Потоцкий. Он посетил Египет, Тунис, Марокко и описал эти страны. Польский врач Игнацы Жегель совершил длительное путешествие по Египту, Судану, Абиссинии и стране Великих Озер, то есть он бывал именно в тех местах, где мы с вами сейчас находимся. Жегель был политическим эмигрантом. Он бежал из Польши после восстания 1863 года и в течение двух лет был придворным врачом египетского хедива.

В это же время второй поляк, естествоиспытатель Антони Вага, собрал в Египте и Нубии большую коллекцию насекомых, птиц, пресмыкающихся, открыл и описал множество новых видов животного мира. Несколькими годами позднее Владислав Качановский

изучал птиц Алжира. В 1874—1875 годах обширные географические и ботанические исследования проводил в Южной Африке ботаник и географ профессор Львовского университета Антони Рехман. Он собрал и привез с собой ценную коллекцию, состоявшую почти из трех тысяч видов различных растений, в том числе ряда ранее неизвестных. Наряду с ботаническими и географическими изысканиями Рехман занимался также этнографией. Возвратившись домой, он написал две очень интересные книги, посвященные Африке. Эти книги хранятся у меня в Гамбурге, и ты сможешь их прочесть.

— Наш Томек тоже умеет великолепно описывать африканские пейзажи в письмах к своей милой австралийской голубке,— вмешался боцман.— Если бы собрать все его письма и напечатать, получилась бы очень интересная книга.

— Вы опять принимаетесь за свое! — рассердился мальчик.— Ведь я же вас просил не называть Салли голубкой.

— Ну хорошо, хорошо. Говори дальше, Андрей,— примирительно попросил боцман.

— В 1822 году Стефан Шольц-Рагозиньский, Леопольд Яниковский и Клеменс Томчак совершили свое знаменитое путешествие на корабле «Луция-Малгожата» в Камерун. Плодом этой научной экспедиции в Африку, единственной польской экспедиции XIX века, были многочисленные коллекции, этнографические и географические материалы. Леопольд Яниковский три года жил среди негров племени фан и собрал там необыкновенно ценную этнографическую коллекцию.

Поляки Мотылинский и Бенедикт Дыбовский, находясь на французской службе, исследовали Северную и Центральную Африку. Таким образом, поляки принимали участие в открытиях на Африканском материке и хотя в скромном объеме, но помогли его изучить.

— Я некоторое время работал с Дыбовским во время его путешествия по Конго,— вздохнул Хантер.— Мы даже стали друзьями. Да, да, это был храбрый человек. Нам довелось пережить с ним одно приключе-

ние... Сегодня уже поздно, об этом я расскажу вам в другое время, а теперь — идем спать. Хуже всего, если на ночь человек начинает вспоминать прошлое. Спокойной ночи!

ХII

ЗАСАДА

Стояло раннее утро. На востоке из-за холмов выглянуло солнце, но на юге, над озером Виктория, скопились свинцово-синие тучи.

— Почему мы не собираемся в путь? Ведь мы должны были сегодня выехать? — воскликнул Томек, подбежав к группе мужчин, беседующих у палатки, которую занимал Смуга.

— Мы как раз думаем, что делать, — огорченно ответил Вильмовский. — Смуга чувствует себя хуже и вот-вот может разразиться гроза.

— Но ведь вчера дядя Смуга был почти здоров, откуда же взялось ухудшение?

— Видишь, браток, это уже не тот богатырь, каким он был три дня назад. Я ему подсунил манерку с ромом, а он даже не понюхал. Это плохой знак... — сказал боцман Новицкий.

— Смуга осунулся и потерял прежнюю бодрость, — добавил Хантер. — Однако я советую не обращать на это внимания и двигаться в путь. Надо, чтобы в Кампала его как можно скорее осмотрел гарнизонный врач.

— Я с вами совершенно согласен. И я бы ничуть не колебался, если бы не эти грозные тучи, — ответил Вильмовский.

— Часто ли здесь бывают грозы? — обратился Томек к Хантеру.

— Вокруг озера Виктория, в полосе от 30 до 50 миль, не бывает сезонов дождей, хотя они идут здесь в основном в январе и феврале, а затем в июне и июле. В это время на западных и северо-западных берегах озера часто бывают по утрам проливные дожди и грозы, — сказал Хантер.

— Значит, папа прав, опасаясь продолжать путь, потому что мы как раз находимся на северо-западном берегу озера,— ответил Томек.

— И все же я советую немедленно отправиться в дальнейший путь,— настаивал Хантер.— Меня очень беспокоит необычный цвет раны на предплечье Смуги. Мы должны как можно скорее добраться до Кампалы. Если разразится гроза, то нет ничего легче, как укрыть носилки брезентом.

— Вы опасаетесь гангрены? — спросил Вильмовский.

Хантер задумчиво посмотрел на мрачные тучи, нависшие над горизонтом. Только спустя некоторое время он тихо высказал свои опасения:

— Меня все время преследует мысль: почему бандиты не убили Смугу? Ведь именно такая месть больше всего подходит к трусливому характеру Кастанедо. Они могли бы легко уничтожить всякие следы преступления.

— Кастанедо не дурак. В любом случае наши подозрения пали бы на него и на кавирондо,— сказал Вильмовский.— Кастанедо об этом прекрасно знает и потому не хотел усложнять обстановку.

— Вы правы,— согласился Хантер.— Если бы он мог устранить нас, не возбуждая подозрений в отношении себя и кавирондо, он, конечно, ни минуты не колебался бы. Ведь если мы донесем англичанам официально о его преступной деятельности, а наше донесение подтвердит свидетельство Самбо, Кастанедо посадят в тюрьму.

— Так оно и будет, провалиться мне сквозь землю! Это вы неплохо придумали,— одобрительно воскликнул боцман.— Нам надо было сразу связать его и сдать англичанам с рук на руки.

— Какие же выводы следуют из ваших подозрений? — кратко спросил Вильмовский.

— Я полагаю, что Кастанедо хочет устранить нас, не возбуждая подозрений,— продолжал Хантер.— Почему же в таком случае бандиты только оглушили Смугу? Небольшая рана на предплечье не должна возбуждать опасений, но именно она не заживает. Не думаете ли вы, что острис ножа могло быть отравлено

медленно действующим ядом? Если бы Смуга умер на территории племени луо, Кастанедо и кавирондо были бы свободны от всяких подозрений.

— Ах, сто дохлых китов им в зубы! — воскликнул боцман. — Я тоже, бродя по свету, слышал, что негры знают разные штуки с отравами.

— Дожить до беды не трудно. Вы, боцман, накройте носилки брезентом, а вы, Хантер, дайте команду к отправлению, — распорядился Вильмовский, выслушав мнение следопыта. — Томек, ты помоги дяде Хантеру, а я займусь нашим ранним другом.

Вильмовский решил не отходить от Смуги ни на шаг. Поэтому Хантеру пришлось возглавить караван. Следопыт начал энергичную подготовку к маршу. Он лично наблюдал за порядком, разделил багаж между носильщиками и распорядился, чтобы хорошо вооруженные масаи охраняли караван с обеих сторон. Вскоре все было готово. Вслед за знаменосцем Самбо четыре кавирондо несли носилки с раненым; за ними шли вьючные животные и носильщики. В конце каравана ехали боцман и Томек.

— Ну и ну! Я и не ожидал, что у этого флегматика столько энергии. Думаю, что на него можно положиться в случае беды, — похвалил Хантера боцман Новицкий.

— Да, это так, но и Месхерия с его людьми тоже неплохо себя ведут, — добавил Томек. — Вы только посмотрите, как прилежно снуют они вдоль каравана, погоняя носильщиков.

— Да, ничего себе парни. Они своего не упустят.

Черные тучи заволокли почти все небо. Несмотря на раннюю пору, воцарился полумрак. С юга ударили первые порывы горячего ветра. Послышались хриплые голоса масаев, погонявших носильщиков. Вдоль тропинки, словно привидения, пронеслись два шакала и скрылись в чаще. Умолкли птицы. Упали первые, крупные капли дождя, вслед за которыми разразился ливень. С неба хлынули потоки воды. В горах то и дело грохотал гром. Караван замедлил ход. Люди и животные стали скользить по мокрой земле. Когда ливень начал хлестать с особой силой, охотникам пришлось задержаться у подножия почти вертикальной

горной стены, которая несколько заслонила их от ветра и дождя.

Масаи спешно ставили палатки, как вдруг послышался крик Томека: «Кавирондо бегут!»

Это была правда. Пользуясь беспорядком, вызванным грозой, носильщики стали по одному и группами убегать в сторону ближайшей чащи леса. Прежде чем охотники смогли предотвратить неожиданное бегство, последний кавирондо исчез в кустах.

— Вот черти, оставили нас на бобах, — воскликнул боцман, с удивлением глядя на брошенную в высокой траве поклажу с багажом экспедиции.

— Что же мы будем делать без носильщиков? — огорченно спросил Томек.

Однако Хантер не терял головы. Он немедленно дал приказ масаям собрать весь багаж к подножию горы, и охотники разбили тут лагерь, окружив его оградой из колючего кустарника. К счастью, гроза скоро прошла. Жаркое солнце снова показалось на чистом небе, поэтому бома была построена еще до обеда. Все это время Смуга лежал в палатке на складной койке. Несмотря на слабость, Смуга внимательно слушал беседу товарищей. Когда Хантер посоветовал оставить багаж и идти дальше с выючными ослами и лошадьми, чтобы быстрее добраться до форта в Кампале, Смуга сказал:

— Почему вы так спешите? Неужели вы считаете, что меня ранили отравленным ножом?

Томек с удивлением посмотрел на догадливого друга, а потом на Хантера, который ответил просто:

— А вы, который так хорошо знаете обычаи африканских негров, не подумали о том же?

Смуга с усилием приподнялся на койке. Достал из кармана трубку, набил ее табаком, закурил, потом ответил:

— Вероятно, острие ножа было отравлено. Со вчерашнего дня я в этом уверен.

— И ты об этом говоришь так спокойно? — возмутился Вильмовский. — Я не ожидал от тебя такого легкомыслия.

— Не сердись, Андрей, и не считай меня легкомысленным, — ответил Смуга. — Я спокоен, потому

что все это обдумал и пришел к выводу, что нет особых причин для тревоги. Ведь если бы это был быстродействующий яд, меня бы ничто не спасло. Правда, рана болит и я чувствую слабость в руке, но я уверен, что благодаря обильному кровотечению не весь яд попал в кровь. Чаще всего так и бывает при ножевых ранениях. В этом я кое-что принимаю. Бывает хуже, если в теле останется наконечник отравленной стрелы.

— Вы и в самом деле считаете, что вам не угрожает опасность? — воскликнул Томек, пожимая Смуге руку.

— Можешь быть уверен, что я совсем не стремлюсь в Страну вечной охоты¹. Ведь я должен поймать окапи, чтобы убедить Хантера в существовании этого животного. Кроме того, европейский врач мне, пожалуй, не поможет. Вот местный шаман, вероятно, дал бы мне хорошо действующее противоядие. Шаманы знакомы с тайнами африканских ядов.

— В таком случае мы должны возможно скорее добраться до двора кабаки Буганды. Уж кто-то, а такой царек должен иметь в своем окружении лучших шаманов, — закричал Томек.

— Я думаю, что кабака Буганды это цивилизованный человек и не верит в силу шаманов, — заметил Вильмовский.

— Нет сомнения, что кабака уже перестал быть дикарем, но, так или иначе, при его дворе и сейчас довольно много шаманов, — сказал Хантер. — Ведь искоренить суеверия у туземцев не так-то легко. Хорошо было бы узнать, какие яды употребляют кавирондо. Жаль, что убийца не потерял свой нож во время борьбы.

— Разве это повлияло бы на состояние больного? — с сомнением спросил Томек.

— Такой нож нам помог бы, — ответил Хантер. — В большинстве случаев у этих ножей на конце лезвия есть углубление, куда попадает яд, находящийся на

---

¹ Североамериканские индейцы верят, что после смерти их дух попадает в Страну вечной охоты, которая соответствует христианскому раю.

дне плотных ножен. Человек, знакомый с местными ядами, изучив содержимое углубления, легко установил бы вид яда. Однако нечего терять время на пустые разговоры. Давайте лучше подумаем, что нам делать без носильщиков?

— Но ведь это совсем безнадежное положение,— сказал Томек с таким тревожным выражением на лице, что присутствующие принялись его утешать.

— Дела обстоят не так уж плохо. Некоторые путешественники попадали иногда в худшее положение,— сказал Вильмовский.

— Ты хочешь сказать, папа, что не нас одних бросали в пути носильщики?

— Именно это я и хотел сказать. Я уже говорил вам о польском путешественнике Рехмане. Так вот, во время одной из его экспедиций в Южной Африке он решил исследовать реку Лимпопо. Его пытались отговорить от экспедиции в летнее время, имея в виду нездоровый климат тех мест, но Рехман, не обращая внимания на предостережения, нанял проводника, подыскал нескольких носильщиков и отправился в путь. Вскоре носильщики стали устраивать Рехману различные фокусы. То они задерживали марш, притворяясь усталыми, то разбивали лагерь там, где им хотелось, то требовали от путешественника добавочного вознаграждения и в конце концов отказались идти во время дождя. Однажды, после сильной грозы, проводник и два носильщика исчезли, прихватив с собой часть вещей Рехмана. Потом с каждой стоянки разбегались и другие носильщики, унося с собой часть багажа.

До Лимпопо оставалось всего десять дней пути, но к этому времени у Рехмана остались только три носильщика. Вскоре и они бежали. Рехман очутился в безлюдной пустыне с нездоровым климатом, где обитали лишь дикие животные.

— Что же предпринял в таком положении Рехман? — нетерпеливо спросил Томек, с любопытством ожидая исхода приключения, столь похожего на их собственное.

— Рехман сел на камень и призадумался над тем, что ему делать. Ему уже были известны случаи, когда

носильщики бросали путешественников. Такая судьба постигла, например, немецкого исследователя Карла Мауха, который во время экспедиции по Трансваалу был ограблен и покинут своими людьми. Но тогда Маух находился в довольно плотно заселенной местности; ему посчастливилось нанять других носильщиков, и с ними он закончил экспедицию. Другой немецкий путешественник, Эдуард Мор, во время экспедиции к берегам Замбези был оставлен носильщиками на расстоянии трех дней пути от водопадов королевы Виктории. Знаменитый охотник спрятал все свои вещи в джунглях, взял ружье с патронами и пошел по пути, проторенному Ливингстоном.

Рехман не был охотником и не мог рассчитывать на чью-либо помощь в безлюдной пустыне. Дожди, словно сжалившись над ним, перестали идти. Поэтому Рехман решил в течение нескольких дней собирать вблизи своей стоянки растения. Но вскоре ливни возобновились. Рехман заболел малярией. Несмотря на слабость, он, воспользовавшись перерывом между двумя припадками болезни, захватил с собой немного продовольствия, одеяло, коробку с ботанической коллекцией и пешком направился в обратный путь. После двух дней тяжелого пути ему удалось добраться до какого-то поселка.

— Это было и в самом деле опасное приключение,— признал Томек.— Я теперь вижу, что наше положение значительно лучше. Нам несколько человек, причем достаточно взобраться на эту гору, у подножия которой мы разбили наш лагерь, чтобы убедиться, нет ли вблизи негритянской деревушки.

— Великолепная идея! — воскликнул боцман.

— Ведь вы не любите взбираться на горы!

— Нужда заставит и не то делать. Вот только глотну немного рома для подкрепления сил — и пойдем!

— Хорошо, идите на разведку вдвоём,— согласился Вильмовский.— Возьмите с собой оружие и подзорную трубу. Будьте осторожны.

— Не бойся за нас, папа. Мы быстро взойдем на вершину горы и вернемся с хорошими вестями. Динго, к ноге!

Боцман и Томек, с бегущей впереди собакой, ис-

чезли в зарослях, окружающих гору. Некоторое время они бродили вдоль ее подножия, пытаясь найти подход к вершине. Там, где они разбили лагерь, гора спускалась почти отвесной стеной. С востока склон горы террасами подходил к самой вершине. В молчании они поднимались с одной террасы на другую, пока не попали на протоптанную дикими животными тропинку среди деревьев. Динго тут же побежал по тропинке, принюхиваясь к следам.

— Ого, Динго почувствовал дичь,— заметил Томек.

— Возьми-ка его лучше на поводок, а то он готов снова поднять в кустах какое-нибудь африканское диво,— посоветовал боцман.— Если на эту узкую тропинку выскочит крупный зверь, нам негде будет даже укрыться. Динго, к ноге!

Собака неохотно подчинилась приказу. Томек взял ее на поводок, и они снова пошли вверх. В нескольких десятках метров от плоско срезанной вершины лес кончался. Тропинка вела через карликовые колючие кусты и пропадала между обломками скал, громящимися на вершине.

Когда боцман и Томек уже выходили из кустов, Динго вдруг остановился, прислушиваясь. Шерсть на его спине вздыбилась. Пес глухо заворчал, оскалив зубы. Томек и боцман удивленно остановились.

— В чем дело? — шепнул боцман, хватаясь за рукоятку револьвера в кармане.

— По-видимому, Динго заметил что-то подозрительное,— шепотом ответил Томек.— Вероятно, среди скал скрывается животное.

— Не говори глупостей, браток,— возразил боцман.— Какая глупая скотина захотела бы скрываться среди голых скал?

— Может быть, горные козы? Но посмотрите, Динго ведет себя не так, как при встрече с дичью!

Собака смотрела умными глазами на охотников и, повернув голову, грозно обнажила острые клыки.

— Динго предупреждает нас об опасности,— шепнул Томек.

Вдруг на самой вершине раздался сдавленный человеческий крик. Охотники услышали шум катящегося камня. Боцман достал из кармана револьвер и зна-

ком приказал мальчику идти за ним. Спрятавшись среди кустов, они затем по-пластунски добрались до первых скал, а дальше перебежали от одного обломка скалы к другому. Теперь у них не было сомнений. Как-ие-то люди перекатывали на вершине горы обломки скал. Ясно были слышны их хриплые голоса и свистящее от усилий дыхание. Бoцман спрятался за выступом скалы. Осторожно высунул голову. Через несколько минут спрятался снова и шепнул Томеку:

— Взгляни-ка, браток, что они там делают.

Мальчик, в свою очередь, высунул голову и изумился. Двое совершенно нагих негров с усилием катили крупный обломок скалы вниз по небольшому уклону на край отвесной стены, где они уложили уже довольно большую кучу крупных и помельче камней. Третий человек находился за обломком скалы. С помощью длинного рычага он толкал тяжелый камень, закрывающий его от взоров разведчиков. Томек смотрел на негров. Под их коричневой, покрытой потом кожей напрягались мускулы. С усилием они толкали перед собой тяжелый камень. Через два или три метра камень сам покатится под уклон, ударит в пирамиду, и каменная лавина понесется вниз с вершины горы. Томек побледнел, ведь пирамида камней была уложена над вертикальной стеной, у подножия которой находился лагерь экспедиции. Как только эта ужасная мысль пришла ему в голову, он схватил бoцмана за руку и шепнул:

— Засада! Они намерены сбросить каменную лавину на наш лагерь!

— Точь-в-точь то же самое я подумал сейчас, — тихо ответил бoцман. — Необходимо это предотвратить. Сколько их там?

— Трое!

— Ну, с ними мы справимся. Я попытаюсь обезвредить подлецов, а ты стой здесь наготове со своей пушкой. Если мне придется туго, нажимай на курок. Только хорошо целясь, потому что речь тут идет о жизни и смерти, — тихо добавил моряк, с тревогой глядя на мальчика.

Томек ужасно побледнел: ему впервые придется стрелять в людей. Он вытер тыльной стороной ладони

пот, выступивший на лбу, и с колебанием приподнял штурцер.

— Это убийцы! Если мы будем шляпами, они нас всех перебьют,— прошептал боцман.

Боцман облегченно вздохнул, видя, что у мальчика перестали дрожать руки. Томек встал с земли и приготовился стрелять.

— Теперь смотри! — коротко приказал боцман, осторожно выглядывая из-за обломка скалы.

В этот момент приподнятый рычагом камень повернулся и из-за него показался скрытый до сих пор от взгляда охотников третий мужчина.

Как только Томек его увидел, он крикнул, забыв об осторожности:

— Кастанедо!

Боцман выругался. Он бросился на негров, которые остановились как вкопанные, увидев неожиданного врага. Динго, услышав крик Томека, вырвал из его рук поводок. Сделав несколько прыжков, он помчался к Кастанедо. Пес прыгнул прямо на него, но работороговец молниеносно присел, и Динго пролетел над ним. Собака сразу же повторила атаку. Кастанедо вырвал из-за пояса длинный нож. Собака присела, грозно обнажив клыки. Боцман как буря бросился на негров; одного ударил по голове рукояткой револьвера, второго хватил кулаком между глаз и сразу же повернулся к Кастанедо, который с ножом в руке отступил по направлению к краю пропасти.

— Динго, к ноге! — скомандовал боцман.

Пес остановился, глухо ворча, а боцман шаг за шагом стал подходить к мулату. Кастанедо присел и весь сжался. Было видно, что он готов броситься на моряка.

— Бросай нож, сволочь! — приказал боцман.

Кастанедо молчал. Он медленно поднимал лезвие ножа вверх, поблескивая глазами, полными ненависти. Динго предостерегающе заворчал.

— Бросай нож на землю! — повторил боцман.

Кастанедо отступил еще на шаг, желая взять разгон.

Боцман не целясь выстрелил прямо с бедра. Лицо Кастанедо болезненно искривилось. Боцман еще не-

сколько раз выстрелил. Мулат сжался, словно его ударили бичом, и свалился в пропасть.

Моряк с револьвером в руке повернулся в сторону, где должны были лежать негры, но сразу же успокоился, увидев, что они ничем не угрожают Томеку. Мальчик стоял, опустив ствол штуцера вниз, и с ужасом смотрел на боцмана.

— Ты цел? — быстро спросил моряк, обеспокоенный видом юного друга.

— Цел...— выдавил из себя Томек.

— А куда девались кавирондо?

Томек молча показал рукой на росший вблизи кустарник.

— Бежали? Ну и черт с ними! Пусть себе бегут, они для нас уже не опасны. Ты смотри, они потеряли даже свои палочки,— расхохотался боцман, подбив ногой лежащее на земле копье.— Да что ты, словно онемел, браток?

— Вы... убили... Кастанедо!

— Поделом вору и мука,— сказал моряк.— По крайней мере, теперь он не будет нам мешать. Ну, ну, Динго — вот это приятель, что надо! Ты видел, как он храбро бросился на этого подлеца? Умная собачка, умная! Не прыгнул на него вслепую, знал, что с ножом нельзя шутить!

Динго отряхнулся, будто только что вышел из воды. Шерсть на его спине улеглась. Он потерся головой о ноги боцмана и подбежал к мальчику. Томек молча приласкал его, стараясь унять дрожь руки.

ХІІІ

ПРИ ДВОРЕ КАБАКИ БУГАНДЫ

— Глян-ка, браток, и у тебя сразу дух взиграет,— воскликнул боцман, вручая мальчику подзорную трубу, в которую он осматривал окружающую местность.

Томек посмотрел в указанном направлении. Вдали он увидел серебряную гладь озера. Над лесом, буйно разросшимся на его берегу, виднелись столбы дыма. Не было сомнения, что там находилась негритянская

деревушка. По ущелью, ведущему к подножию горы, на вершине которой стояли наши разведчики, шагали шесть человек с карабинами на плечах. Их одежда свидетельствовала о том, что это были солдаты. Томек легко догадался, что видит английский патруль. Он радостно закричал:

— К нашему лагерю подходят солдаты!

— Англичанин и туземцы на английской службе,— согласился боцман.— Давай выстрелим вверх, чтобы обратить на себя их внимание!

Прогремел залп. Солдаты услышали выстрелы. Белый командир отряда махнул рукой и ускорил шаг. Боцман обошел все ближайшие кусты, но не нашел и следа бежавших негров. Разведчики решили немедленно возвращаться в лагерь. Они прошли уже половину пути, как вдруг услышали близкие винтовочные выстрелы. Боцман и Томек опять выстрелили вверх.

Вскоре они встретили бегущих к ним на помощь Хантера и троих масаев. Увидев, что Томек и боцман уцелели после встречи с мстительным Кастанедо, следопыт облегченно вздохнул. Оказалось, что выстрелы и падение с вершины горы человека были замечены в лагере. Самбо и Месхерия нашли мертвое тело и узнали работорговца. Увидев его раны, они догадались, что перед падением в пропасть Кастанедо выдержал борьбу. Вильмовский и остальные охотники не сомневались, что именно Томек и боцман встретили работорговца. Однако много ли было на вершине врагов и чем окончилась стычка, никто не знал; Хантер и три масайских воина немедленно бросились на помощь.

Вильмовский и Смуга с тревогой ожидали возвращения товарищей. Увидев их целыми и невредимыми, они обрадовались. Боцман рассказал о происшедших событиях, а когда окончил рассказ, отозвался Смуга:

— Неудачник был этот Кастанедо, не повезло ему с вами. Впрочем, он заслужил суровое наказание. А теперь посмотрите нож, найденный у него.

Боцман взял в руки нож Кастанедо и вынул его из ножен. В углублении на конце острия находилась липкая жидкость.

— Осторожно, боцман. Нож отравлен,— предупредил Хантер.

— Я это заметил. Как вы думаете, Смуга был ранен этим ножом? — спросил боцман.

— Я уверен, что на Смугу напал Кастанедо,— ответил следопыт.

— Если так, то удастся установить, каким ядом воспользовался Кастанедо, и Смуга быстро выздоровеет.

— Хорошо бы было! — вздохнул Вильмовский.

— Вы говорите, что в нашу сторону идет английский патруль? — спросил Смуга.

— Да, да. Мы видели солдат как на ладони,— уверял мальчик.— Боцман утверждает, что во главе туземных солдат находится англичанин. С их помощью мы, конечно, найдем новых носильщиков.

Вскоре появился патруль. Командовал им молодой сержант, англичанин Блэк, который живо заинтересовался путешественниками. Вильмовский рассказал ему о преступной деятельности Кастанедо. Блэк выслушал Самбо как свидетеля и заполнил протокол дознания. После этого, без всяких церемоний, он приказал своим солдатам похоронить работоторговца у подножия горы. Сержант обещал путешественникам, что за помощь, оказанную Кастанедо, виновные кавирондо будут наказаны.

Путешественники узнали у сержанта, что в форте Кампала теперь нет врача, потому что он откомандирован в распоряжение специальной комиссии¹, прибывшей в Уганду для борьбы с сонной болезнью.

— Если так обстоят дела, то мы должны как можно скорее очутиться у кабаки Буганды. Может быть, его знахари помогут Смуге,— заявил Хантер.

— Это единственное, что вы в состоянии теперь сделать,— признал Блэк.— У кабаки неплохие шаманы-знахари, которые, как можно полагать, не один вид яда приготовили сами. Надо думать, что они да-

---

¹ В 1903 г. в Уганду была направлена специальная английская комиссия, в задачу которой входило исследование причин распространения сонной болезни.

дут хорошее противоядие раненому. Я советую отправить больного в Буганду на лодке.

— Что вы об этом думаете, Хантер? — спросил Вильмовский. — Пожалуй, надо воспользоваться этим советом.

— Поездка на лодке будет не так утомительна для Смуги, как путь на носилках, — ответил следопыт. — Я возьму с собой выючных животных и в обществе двух масаев поеду на лошадях вокруг озера, а вы с остальными товарищами и багажом отправитесь на лодках. Встретимся в Буганде.

— Я поеду с вами. Сидя на кляче, можно лучше познакомиться с местностью, чем болтаясь в лодке, — сказал боцман Новицкий.

Вильмовский попросил Блэка помочь нанять лодки. Сержант охотно исполнил просьбу Вильмовского. Он немедленно вызвал нескольких негров из племени луо. С их помощью караван быстро очутился в деревушке, расположенной на берегу озера Виктория. Вильмовский не торговался со старшиной деревни и вскоре четыре лодки из выжженных древесных стволов оказались в его полном распоряжении.

Во время погрузки поклажи на лодки Томек с боцманом знакомились с бытом негритянской деревушки. Жители деревни, негры из племени луо, занимались ловлей рыбы тилапия, которую называли «нгеге». Молодые и пожилые, полунагие женщины либо празднично сидели у входов в свои хижины, раскуривая длинные трубки, либо готовили пищу. Боцман подарил им две горсти табака, поэтому они дружелюбно посматривали на белых охотников. На одной из лодок приготовили удобное место для Смуги; чтобы защитить больного от солнечных лучей, над ним растянули брезентовый тент. Оставшиеся на суше Хантер и боцман попрощались с товарищами, проводив их почетным залпом из револьверов.

Томек занял место рядом с постелью Смуги. Он ежеминутно спрашивал у него названия различных птиц, пролетавших над гладью озера; в воздухе, словно воздушные корабли, спокойно парили большие пеликаны, носились стаи пугливых фламинго, ибисов, бакланов и косяки журавлей.

— Настоящий птичий рай,— дивился Томек, наблюдая за стаями пернатых.— Интересно, можно ли здесь встретить аистов, прилетевших на зиму в Африку из Польши?

— Я уверен, что можно, потому что из одной только Англии сюда прилетает около шестидесяти видов птиц,— сказал Смуга.

— Счастливые птицы, они возвращаются в свои далекие гнезда, когда захотят, и все люди радуются их возвращению. А вот папа и боцман не могут посетить родной край. Сколько же еще несправедливости в мире,— философствовал мальчик.

— Не завидуй перелетным птицам,— ответил Смуга.— Они живут не столь беззаботно, как кажется. Ты, пожалуй, не знаешь, сколько их гибнет во время перелета. Кроме того, не все птицы радуют людей своим возвращением.

— Почему? — удивился Томек.— В Польше все радуются, увидев возвратившихся аистов. Никто не уничтожает их гнезд, построенных на крышах деревенских домов.

— Это правда, что мы любим наших аистов, но есть птицы, приносящие людям вред. Если бы ты был рыбаком, то возвращение некоторых пернатых хищников вовсе тебя не радовало бы. Посмотри на этих больших птиц, которые так ловко охотятся на рыб в озере.

Томек посмотрел в указанном направлении и увидел птиц с блестящими, коричневатого цвета крыльями и спинами. Время от времени они бросались в воду, погружали в нее свои зеленовато-черные головы и белые шеи.

— Да ведь это бакланы! — воскликнул Томек.

— Вот именно. На них-то я и хотел обратить твое внимание.

— Не понимаю, почему возвращение бакланов может тревожить людей. Ведь мне приходилось слышать, что китайцы приучают их ловить рыбу. Даже из одного этого можно заключить, что бакланы очень полезные птицы.

— Одни лишь терпеливые китайцы сумели так использовать бакланов. В других местах они становятся

настоящим бедствием для рыбаков из-за своей прожорливости.

— Мне ничего не приходилось об этом слышать. Может быть, вы расскажете мне что-нибудь об этих птицах?

— По всей вероятности, ты знаешь, что родиной бакланов являются Центральная и Северная Европа, Азия и Северная Америка. Зимой они улетают на юг. Бакланы великолепно плавают и ныряют, но по суше почти не умеют ходить. Гнезда они часто строят на деревьях. На севере, в тундре, они гнездятся в трещинах скал. Бывает, что баклан отбирает гнездо у цапли. Живут бакланы стаями и выводят многочисленное, весьма прожорливое потомство. Поэтому они нередко уничтожают всех рыб в ближайших водоемах. Притом их помет заражает воздух на значительном расстоянии. Это тоже одна из причин, почему люди не любят соседства бакланов.

Путешествие по озеру Виктория проходило в подобных беседах. Когда Смуга отдыхал, Томек беседовал с Самбо. Правда, эти беседы в значительной степени пришлось вести с помощью жестов, потому что Самбо не хватало английских слов, но зато Томек быстро овладел туземным наречием, что могло ему очень пригодиться во время экспедиции. Известие о поездке звероловов в Буганду опередило путешественников, потому что на третий день пути они увидели идущую навстречу лодку, в которой, как оказалось позже, прибыл посланник кабаки, чтобы приветствовать их. Это был высокий молодой человек, одетый в накидку из козьей шкуры, с украшениями из бус и птичьих перьев. От имени царя Дауди Хва он пригласил звероловов к «императорскому» двору.

Путешественники обрадовались гостеприимной встрече. Они подозревали, что сержант Блэк предупредил негритянского владыку об их приезде, чтобы вознаградить за перенесенные неудобства. Конечно, Вильмовский вручил посланнику ценные подарки и уверил его в тех высоких чувствах, которые он испытывает по отношению к молодому кабаке.

Как только лодки пристали к берегу, путешественников окружил отряд вооруженных воинов. Под за-

щитой почетного караула караван под гром барабанов вошел в столицу провинции. Самбо гордо шел впереди каравана, держа в руках польский флаг, а звероловы и масаи сообщили о своем прибытии дружным салютом из винтовок и револьверов.

Толпа мужчин, женщин и детей собралась на обширной площади. Люди тепло приветствовали путешественников, размахивая большими флагами. Представитель Национального совета Буганды¹, премьер-министр, носящий здесь название «катикиро», появившийся со свитой из вождей различных племен, приветствовал гостей от имени царя.

Путешественники были несколько удивлены столь торжественным приемом. Они старались оказать жителям Буганды свое дружеское расположение. Катикиро сопровождал гостей к отведенным им хижинам и подарил им трех откормленных быков, четыре козы, четырех баранов, сто кистей бананов, две дюжины уток и кур, несколько крынок молока и корзину яиц. Одновременно он сообщил, что кабака Дауди Хва даст им аудиенцию, назначенную на завтра.

Вильмовский не преминул воспользоваться гостеприимством бугандцев и попросил катикиро оказать помощь раненому Смуге.

В ответ катикиро заявил, что немедленно пришлет местных врачей, которые сделают все, что от них зависит, чтобы возвратить белому охотнику здоровье.

Когда путешественники остались в хижине одни, Томек хлопнул в ладоши и воскликнул:

— Как жаль, что с нами нет боцмана! Он никогда себе не простит, что не присутствовал при столь великолепной встрече. Дядя Хантер тоже будет удивлен, когда мы ему об этом расскажем.

— Я сам дивлюсь столь торжественному приему, — признался Вильмовский.

— Может быть, мы скоро узнаем причину этого? — добавил Смуга. — Они нас действительно принимают по-царски.

---

¹ Кабака, или царь, Буганды правил страной при помощи Национального совета «лукико»; в состав этого совета входили три министра: катикиро — премьер, омуламузи — министр юстиции, омуваника — министр финансов и вожди отдельных племен.

Догадки на тему торжественного приема в Буганде были прерваны приходом белого мужчины в обществе нескольких старых негров, украшенных бусами из цветного стекла, когтей и клыков леопардов.

— Приветствую вас в самом сердце Африки, дорогие гости! Поистине дорогие и неожиданные гости! Моя фамилия Маккой. Я нахожусь у трона нынешнего кабаки в качестве... секретаря,— сказал белый мужчина.— Мне сообщили о несчастном случае с одним из членов экспедиции, и хотя я сам знаком со здешними ядами, все же привел лучших лекарей кабаки. Вероятно, это вам необходима помощь?

Маккой подошел к койке, на которой лежал Смуга.

— Меня ранили, как я полагаю, отравленным ножом,— ответил путешественник.

— Рана не заживает, а больной теряет силы и им овладевает апатия,— добавил Вильмовский.— Посмотрите, пожалуйста!

Вильмовский обнажил предплечье Смуги. Маккой внимательно осмотрел рану и ощупал опухоль.

— Сколько времени прошло с момента ранения? — спросил он и, получив ответ, буркнул: — Плохо, плохо, яд уже долго находится в крови...

Он кивнул лекарям, которые с серьезным видом исследовали рану, нюхали ее, щупали пальцами, перешептываясь между собой. Оригинальный консилиум продолжался длительное время, пока Томек не воскликнул:

— Папа, почему ты не покажешь врачам нож, которым ранили дядю Смугу?

— Неужели у вас есть этот нож? — спросил Маккой.

— Мой сын не совсем точно выразился,— ответил Вильмовский.— Мы только подозреваем, что нашего друга ранили ножом, который мы отобрали у одного мулата.

— Покажите этот нож,— попросил Маккой.

Он внимательно осмотрел лезвие ножа, потом передал нож старому лекарю, или шаману. Негр отковырнул ногтем немножко темной мази с углубления на лезвии и положил ее себе на язык. Он долго же-

вал, полузакрыв глаза, после чего сплюнул на землю и пробормотал:

— Этот яд делать кавирондо. Он действовать медленно, но верно.

— Я так и думал,— огорченно сказал Маккой.— Вы высосали рану?

— Хантер ее промыл и забинтовал,— сообщил Томек.

— Мой сын присутствовал при оказании первой помощи раненому,— пояснил Вильмовский.

— Надо было крепко высосать рану,— встревожено сказал Маккой.— Сколько крови потерял раненый?

— Мне кажется — очень много,— ответил Смуга.

— Ну что же, я ничем помочь не могу. Мы должны довериться... местным лекарям,— опечаленно сказал Маккой.

— Хорошо, пусть шаманы берутся за дело,— улыбаясь, согласился Смуга.

— От имени кабаки приказываю вам заняться раненым,— обратился Маккой к шаманам.— Постарайтесь вернуть силы белому человеку, народ которого никогда не воевал с черными жителями Африки.

— Откуда вы знаете, что наш народ не воевал с неграми? — с удивлением воскликнул Томек.

— Я поступил на должность секретаря к молодому кабаке по соглашению с английскими властями. Однако сам я ирландец и с уважением отношусь ко всем, кто борется за свою свободу,— ответил Маккой.— Сержант Блэк сообщил мне о вашем приезде. Таким образом, я знал, что к нам в гости едут поляки, а я немного знаком с вашей историей. Узнав из моих слов о вашем приезде, кабака приказал принять вас с почетом, как представителей храброго и дружественного неграм народа.

— Значит, это вас мы должны благодарить за столь гостеприимную встречу,— любезно сказал Вильмовский.

У Томека не было времени прислушиваться к дальнейшей беседе, потому что его внимание поглотили знахари, называемые ирландцем «местными лекарями». Под звуки монотонной песни они сыпали зелье и ко-

ренья в горшок с кипящей водой и, когда настойка была готова, напоили ею раненого. Потом они пропитали губчатые растения этой же настойкой, обложили ими рану на руке и укрыли Смугу теплым одеялом.

Томек с тревожно бьющимся сердцем наблюдал за раненым, на лбу которого показались крупные капли пота. Вскоре Смуга крепко заснул. Знахари обнажили рану, которая под влиянием компресса из губок приобрела красновато-желтый цвет и опухла. Старейший из знахарей разрезал ее острым ножом, который предварительно подержал над огнем. Затем он стал высасывать кровь и гной, выплевывая их на раскаленные угли. Раненый стонал сквозь сон. Негр давил на рану руками и высасывал яд под монотонную песню остальных знахарей.

Процедура длилась довольно долго. Закончив ее, знахари обложили рану листьями, смоченными в еще одном отваре зелья, и приказали оставить Смугу в покое до следующего дня.

— Неужели вы думаете, что этот род... лечения принесет пользу? — спросил Вильмовский у ирландца, когда ушли шаманы.

— Все возможно. До сих пор белые люди не знают многих тайн этого удивительного материка, — ответил Маккой. — Кабака принял христианство. Поэтому его шаманы получили теперь звание врачей. Все они уже не раз готовили яды, помогая врагам кабаки переселиться в лучший мир. Они превосходно знакомы с ядами и умеют готовить противоядия.

— Ах, если бы им удалось вылечить дядю Смугу, — вздохнул Томек.

— Не теряйте надежды, молодой человек, она превосходно исцеляет, — ответил Маккой, после чего стал вести беседу с охотниками о Польше и об их планах на ближайшее будущее.

Путешественники поздно легли спать. Они решили посменно сидеть у постели раненого друга. После странного лечения Смуга спал совершенно спокойно. Утром Вильмовский с удовлетворением убедился, что температура у раненого стала почти нормальной. Вскоре Смуга открыл глаза и обратился к дежурившему у его постели Томеку:

— Уф, наконец-то я выпался! Мне снилось, что бенгальский тигр опять разбередил мою рану.

— Тигр приснился вам, наверное, в то время, когда знахари разрезали рану и один из них высасывал из нее кровь и яд,— оживленно ответил Томек, радуясь заметному улучшению здоровья Смути.

— Они мастера на это,— признал Смуга.— Приехали ли Хантер и боцман Новицкий?

— Папа говорил, что их надо ожидать с часу на час. Я очень хочу, чтобы они вместе с нами присутствовали на аудиенции у кабаки. Боцман ожидал много хорошего от визита к здешнему царю.

— Да и мне тоже хотелось бы пойти с вами.

— Не знаю, это может вам повредить.

Вскоре в хижине снова появился Маккой с лекарями. На этот раз шаманы потребовали, чтобы никто из посторонних не присутствовал во время их процедур. Поэтому Маккой повел Вильмовского и Томека в соседнюю комнату и закрыл соломенной циновкой проем между двумя помещениями.

— Почему они потребовали, чтобы мы ушли? — спросил Вильмовский.

— Негры племени банту верят, что любая болезнь вызывается чарами, насланными кем-либо на больного,— пояснил ирландец.— Они убеждены также в том, что умершие обладают огромной властью, от их будто бы воли зависят выздоровление, наступление дождей и даже урожай. Они считают, что некоторые люди могут творить чудеса, например, превращаться в животных, уничтожать посевы, губить у соседей скот или слезить человека, наслав на него болезнь. Поэтому они намерены снять чары, чтобы раненый выздоровел. Они не допускают, чтобы кто-либо присутствовал при их тайных обрядах.

— Я знаю суеверие негров, но ведь вы утверждаете, что кабака учится в Англии? — изумился Вильмовский.

Ирландец улыбнулся и ответил:

— У меня здесь трудная роль. Чтобы завоевать доверие негров, надо быть снисходительным. Я веду в этой дикой стране пионерскую работу. Кем я тут только не был! Строителем, плотником, столяром, ле-

карем, полеводом, животноводом, плантатором, портным, поваром и даже охотником. Но я убедился, что прежде всего здесь надо уметь привлекать к себе сердца людей. Лучшее средство к этому — снисходительность и доброта. Шаманы знают действие ядов и умеют исцелять отравленных людей. Не будет большой беды, если знахарь, применив подходящие лекарства, начнет совершать над больным древние обряды.

Во время этой странной беседы Томек, обеспокоенный положением раненого друга, проковырял пальцем отверстие в соломенной циновке и время от времени заглядывал в соседнее помещение. Оно было заполнено облаками дыма от сжигаемого на огне зелья. По полу ползала ядовитая змея, выпущенная из корзины; она приподняла голову и качала ею в такт звуков барабана, на котором играл один из знахарей; остальные пели, танцевали и резкими жестами изгоняли злых духов из тела больного. Потом шаманы, склонясь над спящим Смугой, промывали его рану отваром зелья, вливали больному в рот какую-то жидкость, накрывали его одеялом и снова открывали, проделывая все это так быстро и ловко, что у Томека закружилась голова. Через два часа «главный лекарь», старый, худой как скелет негр с покрытым морщинами лицом пригласил их к постели раненого.

— Мы ослабили болезнь. Под влиянием наших лекарств она уснула. Однако надо проследить, чтобы болезнь никогда не проснулась, — заявил шаман.

— Это значит, что вам не удалось изгнать болезнь из тела раненого? — тревожно спросил Маккой.

— Этого никто не в состоянии сделать. Слишком долго яд был в человеке, но мы ослабили его действие. А раненый человек сильный и крепкий, как баобаб.

— А что будет, если болезнь проснется опять? — спросил Маккой.

— Все может быть. Ночь может связать руки или ноги, а может закрыть губы или мысли... Все может быть. Теперь надо семь дней пить лекарство, а потом мы будем смотреть.

Вильмовский одарил знахарей подарками, а когда они ушли обратился к ирландцу:

— Какой же диагноз поставил этот странный лекарь?

Маккой серьезно сказал:

— Яд, который был на конце ножа, действует на нервы человека. Он может вызвать потерю зрения, речи, паралич конечностей и даже мозга. Большой жив, что является лучшим доказательством небольшой дозы яда в крови. Я начинаю думать, не выработался ли у вашего друга иммунитет против местных ядов во время его прежнего пребывания в Африке.

— Мой друг не любит много говорить о своем прошлом, но он упоминал, что длительное время жил среди негров в Экваториальной Африке. Возможно, что тогда он был в дружественных отношениях с шаманами. Смуга принадлежит к числу беспокойных людей.

— Значит, он не только ловит диких животных, но и... любит необыкновенные приключения? Это объясняет многое. Надо думать, что все окончится хорошо.

В этот момент послышались звуки барабанов и выстрелы из винтовок.

— Ваши друзья прибыли в город,— заявил Маккой.

— Ура! — крикнул Томек, который уже тосковал по веселом боцмане.— Идем скорее их встречать!

XIV

ТЕНЬ МУХИ ЦЕЦЕ

Доставая с помощью Томека из чемодана праздничный костюм, боцман Новицкий говорил:

— Когда корабль приходит в порт, экипаж, прежде чем сойти на берег, надевает парадную форму, потому что людей как-никак встречают везде по одежке. Сразу видно, что бугандийцы культурный народ, хотя большинство граждан ходит в хламидах, а то и в козьих шурах. Дикари не приветствовали бы нас так торжественно. Если они это делают, потому что мы поляки, то нам надо показать себя с лучшей стороны.

Самбо, приготовь немедленно воду, чтобы я мог обмыть грешное тело!

— Нам надо спешить, потому что в полдень нас ждет аудиенция у молодого кабаки,— вмешался Томек.

— Спешить — людей смешить! Но ты, браток, не бойся, я буду скоро готов. Взгляни-ка, что делает дядя Смуга.

Томек на цыпочках вошел в соседнее помещение. Быстро вернулся и обрадованно сказал:

— Дядя Смуга все еще спит, но горячки у него нет — лоб совсем холодный. Может быть, эти шаманы действительно помогли? Маккой говорил, что они умеют готовить разные противоядия.

— Чудак этот секретарь кабаки,— заметил моряк.

— Папа считает, что он очень разумный человек. Думаю, папа прав, потому что Маккой много знает о Польше.

— Наверняка разумный, если твой уважаемый батюшка так утверждает, ведь он обо всем рассуждает так, словно читает по книжке.

— Скорее, скорее! Катикиро прийти уже за белый буана,— позвал Самбо, вбегая в хижину.— Белый буана идти к кабака и говорить ему очень много. Они уже ждут.

— Посмотри-ка, браток! У бугандцев нет часов, а пунктуальность не хуже, чем у дежурного трубача Мариацкого костела в Кракове, который с такой точностью трубит каждый час, что по его трубе можно проверить любые, самые лучшие часы.

— Вы говорите, что у них нет часов? — удивился Томек.

— Конечно, ведь нельзя сделать часы из мелких частей такими толстыми пальцами.

— Вы опять шутите, а там нас уже ждут. Идем скорее!

Они вышли из хижины и присоединились к ожидавшим их Вильмовскому и Хантеру, около которых стояли масаи с подарками для кабаки и его министров. Во главе торжественного шествия занял привычное место Самбо с польским флагом, а за ним — охотники в обществе катикиро и Маккоя.

Дворец кабаки был окружен высокой оградой, сплетенной из слоновой травы. У ворот стояла большая печь, сложенная из камней и глины, в которой слуги поддерживали постоянный огонь.

— Видимо, это царская пекарня? — сказал боцман, разглядывая оригинальную печь.

— Ш-ш! — предостерегающе шепнул Маккой. — В этой печи день и ночь горит «святой огонь кабаки», который угасает только в момент смерти царя.

— А Томек говорил, что наш молодой кабака принял христианство, — вполголоса сказал моряк.

— Томек сказал правду, но следует помнить, что в Уганде верующих сзывают на богослужение не колоколами, а звуками там-тамов...

— Черта с два разберешься со всем этим, — пробурчал в сердцах боцман и сконфуженно умолк.

Бугандский царек жил в примитивно построенном деревянном дворце. Кабаке Дауди Хва минуло всего девять лет. Сейчас он сидел на возвышении, покрытом шкурами леопарда, украшенном стеклянными бусами и птичьими перьями. Одежда царя состояла из белой накидки. В правой руке он держал покрытое резьбой копьё. Звероловы подошли к оригинальному трону. Молодой кабака поднялся и протянул им руку для рукопожатия. Когда пришла очередь Томека, тот крепко пожал руку царя, искоса взглянув на пояс из чистого золота, которым была перетянута талия кабаки. После столь любезного знакомства катикиро предложил белым звероловам сесть на железные стулья, стоявшие вокруг трона. Начались торжественные речи, которые чем длинней и напыщенней бывают, тем больше нравятся неграм. После обмена приветственными речами Вильмовский вручил кабаке, министрам и присутствующим на аудиенции вождям подарки. В числе их были два револьвера, несколько стальных ножей, разноцветные ткани, стеклянные бусы, медная проволока, гребни и коробки консервов. Хозяева громко выражали свое удовольствие. Вдруг Томек встал со стула. Ближе всех к нему сидел боцман Новицкий, который, заметив предостерегающий взгляд Вильмовского, пытался посадить Томека на место, потянув его за штаны, но опоздал. Томек, ко-

тому, по его мнению, пришла в голову гениальная идея, быстро подошел к трону кабаки и сказал:

— Ваш секретарь, Маккой, сообщил нам, что вы, ваше величество, симпатизируете полякам, поэтому я хочу преподнести вам дар из Польши. В день моего отъезда из Варшавы в Австралию дядя подарил мне серебряные часы. На крышке виднеется барельеф, представляющий вид Старого города, очень прошу вас принять эти часы в дар от меня.

Говоря это, Томек достал из кармана свои любимые часы и протянул их кабаке. Дауди Хва не совсем понял быструю речь Томека, но Хантер, побуждаемый Вильмовским, помог Томеку. Он перевел слова мальчика на местное наречие. Царь протянул руку за подарком.

— Скажите ему, что если завести часы вторым ключиком, они играют, как куранты,— воскликнул Томек.

Хантер даже крикнул, но как-то перевел слова Томека. Звероловы облегченно вздохнули. Молодой правитель рассматривал часы с большим интересом. Он передал министру свое копье, потом, указав на прикрепленные к часам два ключика, сказал по-английски:

— Покажи мне, как их заводить!

Томек приблизился к кабаке, завел часы, а когда послышался тихий звон, Дауди Хва обрадованно захлопал в ладоши и сказал:

— Большое спасибо! Очень красивые часы. Я возьму их с собой в Англию, когда поеду туда в будущем году в школу.

— Вот интересно, я тоже учусь в Англии. Может быть, мы там встретимся,— ответил Томек.

Боцман Новицкий весело слушал беседу мальчиков, но Вильмовский и Хантер сидели, как на горячих углях. Еще немного, и был бы нарушен торжественный церемониал царской аудиенции. Вероятно, катикиро тоже опасался этого, потому что многозначительно кашлянул. Дауди Хва взглянул на него и сразу же стал серьезным, словно вспомнил вдруг свою важную роль.

— Ты должен прийти ко мне один. Я хочу погово-

рить с тобой о школе,— сказал он, подмигнув Томеку.

— Хорошо, я обязательно приду,— обещал Томек и вернулся к своим товарищам.

Кабака кивком головы подозвал катикиро. Премьер-министр немедленно подошел к нему. Они о чем-то пошептались, после чего катикиро объявил Томеку, что у кабаки есть специальный ловчий, умеющий дрессировать диких животных, кабака дарит Томеку двух молодых ручных гиппопотамов и прикажет своему придворному ловчему принять участие в охоте белых путешественников.

На этом аудиенция закончилась. Возвращаясь к себе, звероловы обменивались впечатлениями от визита.

— Подумать только, как этот мальчуган управляется с неграми,— говорил боцман.— Он только кивнет головой, и министры тут же кланяются ему в пояс. Если бы все царьки африканских племен были так щедры, как этот, то мы вывезли бы половину Африки, не шевельнув даже пальцем. За старые часы Томек в миг выманил у него двух гиппопотамов.

— Во-первых, не выманил, а во-вторых, для меня это была память о Варшаве,— отрезал мальчик.— Вы что, уже забыли, сколько труда потребовалось, чтобы разыскать эти часы в гнезде беседковых птиц в Австралии, которые у меня их стянули?

— Что верно, то верно,— признал моряк.

Вильмовский отчитал боцмана за то, что тот наговорил мальчику, будто бы у бугандцев нет часов, и тем самым подсказал ему идею подарка. Сына он предупредил, чтобы в будущем тот не вмешивался в официальные переговоры с неграми. Оказалось, однако, что своим поступком Томек привлек к себе и к членам экспедиции сердца молодого кабаки и его министров. На следующий день кабака со своей свитой нанес звероловам визит и пригласил Томека к себе. С этого момента Томек стал ежедневным гостем юного царька. Они чрезвычайно подружились и вместе поехали посмотреть на подаренных Томеку гиппопотамов. Томек был очень рад подарку. Он восторженно рассказывал отцу и друзьям о том, как «толстяки»

весь день сидят в воде, а по вечерам выходят на сушу, где царский ловчий готовит для них пищу в большом деревянном корыте. Было решено, что звероловы заберут гиппопотамов на обратном пути, после охоты на горилл и окапи.

Прошла неделя. Смуга почувствовал себя значительно лучше и мог уже самостоятельно ходить на длительные прогулки. Звероловы решили отправиться в дальнейший путь. Вильмовский, Хантер и Смуга тщательно разработали будущий маршрут экспедиции. Они намеревались идти вдоль реки Катонга до озера Джордж и дальше до Катве на берегу озера Эдуард. Между южной оконечностью гор Рувензори и северным побережьем озера Эдуард находилась узкая равнина. Здесь они намеревались перейти границу Конго¹, где в джунглях Итури предполагали организовать охоту на горилл и окапи.

Накануне отъезда путешественники нанесли визит кабаке, чтобы поблагодарить его за гостеприимство. Катикиро, выполняя поручение владельца Буганды, отрядил в распоряжение экспедиции двадцать человек носильщиков. В присутствии белых звероловов он предупредил своих подданных, что в случае непослушания они, после возвращения домой, будут казнены. Вместе с носильщиками в экспедицию отправился царский ловчий Сантуру, который должен был стать советником звероловов.

Томека смутила суровость кабаки, который угрожал носильщикам смертью в случае непослушания,

---

¹ Конго — республика Конго (прежде Бельгийское Конго) объявила независимость в 1960 г. Во главе государства стоит президент, избираемый Национальным собранием. Каждая из шести провинций (Касаи, Катанга, Киву, Киншаса, Экваториальная, Восточная) управляется самостоятельными органами — провинциальными советами. Конго расположено в Центральной Африке. На севере и в центре страны находятся джунгли, на юге саванны. Большинство населения состоит из негров племени банту; в лесах кочуют около 50 тыс. человек пигмеев. В Конго сеют кукурузу, рис, просо, сорго, земляной орех, маниоку, сажают бататы, хлопок, собирают бобы какао и кофе, разводят сахарный тростник, каучуконосы. Из минеральных богатств следует упомянуть алмазы, медные, оловянные, кобальтовые, марганцевые, железные, вольфрамовые руды, уран, золото, серебро. Столица — Киншаса (прежде Леопольдвиль).

но Маккой сказал мальчику, что нынешний кабака очень добр и снисходителен по сравнению со своими предшественниками. Дело в том, что африканские царьки имеют неограниченную власть над своими подданными. Еще совсем недавно во время погребальных церемоний в честь умершего вождя или царя приносили в жертву людей, чтобы после смерти владельца располагали свитой, соответствующей их положению. Во время погребальных торжеств царей Уганды и Лунды в жертву приносили сотни негров.

Под гром прощального салюта караван выехал из столицы Буганды. Негры снова били в барабаны и размахивали большими флагами. А Самбо опять нес впереди каравана польский флаг.

Восхищенный почетом, с которым жители Буганды встретили белых звероловов, Самбо сочинил новый хвалебный гимн в честь Томека. Размахивая флагом, он пел:

«Малый белый буана, сильный, как большая гора! Он убить страшное Черное Око, он не бояться львов и ловить живых горилл, которые служат ему, как собака! Белый буана не бояться даже слона! Все кабаки большие друзья белый буана! Белый буана сам великий кабака белых и черных людей...»

Слушая этот гимн, Томек от гордости надувался, как индюк. Искоса он поглядывал на боцмана, который после приема в Буганде строгим голосом погонял носильщиков.

— Вы что-то стали тверже и безжалостнее по отношению к нашим неграм,— заметил Томек.

— Путешествие по чужим странам многому учит человека,— хвастливо ответил боцман.— Ты видел, как малолетний кабака держит их в руках?

— Стыдно так поступать, дядя боцман! Папа говорит, что человек никогда не должен измываться над другим человеком.

— Я верю всему, что говорит твой уважаемый отец,— ответил боцман, сконфуженный замечанием приятеля, и сейчас же переменял тему беседы.— Посмотри, как тут обработаны поля! Кукуруза, бататы, земляной орех и сахарный тростник. А вот скота маловато.

— Я говорил с катикиро. На Уганду набросились крылатые враги, уничтожающие скот и... людей,— вмешался Смуга.— В стране появилась муха цеце, которой раньше здесь не было. Начался падеж скота, люди стали болеть сонной болезнью. В Уганду прибыла специальная комиссия для разработки мероприятий по борьбе с ней. В состав этой комиссии откомандирован и врач из порта Кампала.

— А чтоб их дохлые киты пожрали! Только этого нам еще не хватало,— встревоженно сказал боцман.

— Здесь мы пока в безопасности, но дальше, на западе придется быть начеку,— добавил Смуга.

— Я не очень-то интересуюсь этими мухами и спячкой. Как говорится, чур меня от беды подальше! — пробормотал боцман и быстро достал манерку с ромом, который, по его мнению, прекрасно предохранял от любых болезней.

Томек тревожно привстал на седле; он искоса посмотрел на Смугу. Серьезное выражение лица путешественника убедило его в том, что настало время надеть на себя и Динго защитную одежду из меховых хвостов.

К вечеру караван подошел к долине реки Катонга. Дорога ухудшилась. Она вела через поросшие травой болота, кишевшие земноводными и пресмыкающимися. Вокруг людей и животных носились тучи насекомых; путешественники то и дело проваливались по колена в болото, но все же караван добрался до берега реки, где и остановился на ночлег.

На рассвете звероловы направились дальше, двигаясь на запад вдоль русла реки. Томек ехал рядом со Смугой во главе каравана, поглядывая на песчаные, раскаленные солнечными лучами дюны и мечтая об освежающем купании. Внезапно Динго предостерегающе заворчал. Лошади отпрянули в сторону, громко фыркая от испуга.

Смуга натянул уздечку. Караван остановился. Песчаные берега реки были покрыты не очень густыми зарослями колючих кустарников. Охотник некоторое время смотрел на песчаные берега.

— Крокодилы! — воскликнул он.

— Где? Где? — допытывался Томек.

Вильмовский, боцман и Хантер подъехали к Смуге, который говорил:

— Ты видишь эти борозды на песке? Это следы хвостов крокодилов. Крокодилы любят дремать на горячем песке.

Томек внимательно смотрел на борозды, проделанные крокодилами на песке. Некоторые из них исчезали среди колючих кустарников, но одна вела прямо к большой дюне. Мальчик вздрогнул, увидев полузасыпанное песком, зеленовато-серое туловище крокодила.

— Вижу, вижу его. Вот он сидит на вершине дюны! — закричал Томек.

— Судя по следам, здесь очень много крокодилов, — ответил Смуга. — Посмотри, вон там, на самом берегу, лежит второй крокодил. Ага, заметил нас и пытается скрыться в реке!

Крокодил медленно поднялся на широко расставленные лапы. Он осторожно полз по земле, волоча брюхом и хвостом, забавно вертя при этом туловищем.

— Ну и ленивое животное! — сказал Томек, наблюдая, с какой смешной важностью крокодил спускался в воду.

— Ты так думаешь? — вмешался Хантер. — Подожди, я тебе покажу, что крокодилы могут двигаться быстрее, чем ты себе представляешь.

Он прицелился из винтовки в крокодила, спящего на вершину дюны, и выстрелил. Перед самым носом бестии брызнул фонтан песка. Крокодил в один миг поднялся на ноги и молниеносно бросился к реке. Туловище он держал высоко над землей, и только хвост его бессильно тянулся по песку. Крокодил прыгнул в воду и сразу же исчез из поля зрения. Звук выстрела разбудил еще нескольких крокодилов, которые бежали теперь к реке. Смуга спрыгнул с лошади, держа в руках винтовку. Он прицелился. Раздался выстрел. Ближайший к охотникам крокодил вдруг захлопнул пасть и зарылся головой в песок. С минуту его хвост дергался, а потом вытянулся неподвижно. Другие животные исчезли в реке. Из воды виднелись только их ноздри и глаза, тупо обшаривающие побережье. Вско-

ре, однако, выяснилось, что они отличаются великолепным зрением и слухом, потому что, как только негры бросились с криком к убитому животному, крокодилы, как духи, погрузились в воду. О присутствии ужасных обитателей реки свидетельствовали только небольшие водяные круги.

Звероловы поспешили вслед за неграми, чтобы рассмотреть убитого крокодила.

— Прекрасный выстрел, — похвалил Хантер. — Пуля пробила висок и попала в мозг.

— Крокодил лежал боком ко мне, поэтому я мог целиться только в место, где кожа, защищающая мозг, тонка, — сказал Смуга. — В противном случае я только даром потерял бы патрон.

— Я себе не представляю, чтобы вы могли промахнуться, — сказал Томек.

— Не в этом дело, мой друг. Если пуля точно попадет в висок, животное погибает мгновенно. В противном случае пуля отскакивает от твердого панциря на голове или пробивает туловище, не задев мозга. Тем самым животное не лишается способности двигаться. В большинстве случаев раненый крокодил успевает скрыться в воде.

Негры копьями перевернули крокодила на спину и стали острыми ножами вырезать куски светло-розового мяса.

— Неужели они будут есть это мясо? — удивился Томек.

Хантер, стоявший рядом с мальчиком, пояснил:

— Только мусульмане не едят мяса крокодилов, гиппопотамов и свиней. Мясо крокодилов отличается замечательным вкусом, нежностью и считается деликатесом тропической кухни. Я лично охотно съем кусок прекрасного жаркого.

Негры завернули мясо в кору и банановые листья, чтобы приготовить себе обед во время стоянки. Караван двинулся дальше вдоль реки, кишевшей крокодилами. Любопытный Томек забрасывал спутников вопросами. Он узнал, что крокодилы питаются в основном рыбой, хотя ни одно животное не может чувствовать себя в безопасности, если очутится вблизи страшной пасти крокодила. Крокодил сидит на дне

реки или озера и внимательно следит за всем, что происходит на берегу. Беда человеку или животному, неосторожно подошедшему к воде, чтобы утолить жажду. Спрятавшаяся на дне бестия молниеносным движением хватает жертву за ногу или голову, затягивает под воду и держит там до тех пор, пока она не захлебнется. Только после этого начинается пир. Множество зубов в пасти крокодила служат только для того, чтобы отрывать крупные куски, которые целиком попадают в желудок крокодила, где у взрослых особей находится по несколько килограммов гранитных камней; с помощью этих камней животное дробит и перемалывает пищу, сжимая и разжимая стенки желудка.

Томек, наслушавшись ужасных рассказов о случаях нападения крокодилов на людей, как только увидел торчашую из воды голову животного, схватил штуцер и выстрелил. Он метко попал в цель, и вокруг животного тут же закипела вода; это другие крокодилы бросились на мертвого товарища, разрывая его тело на части.

Караван задержался на отдых рядом с песчаной косой. Томек и боцман бродили по берегу реки в ожидании обеда. Они с интересом рассматривали огромную массу ракушек, лежавших на песке, и любовались греющимися на солнце юркими, красивыми ящерицами с оранжевой спиной, желтой шеей и фиолетовой головкой. В некотором отдалении от лагеря они вспугнули двух крокодилов, которые быстро побежали к воде. Оставленные ими на песке следы вели прямо к гнезду. По-видимому, они недавно вылупились, так как Томек и боцман нашли в гнезде около тридцати яиц, лежавших под тонким слоем песка. По величине яйца были не больше гусиных, но отличались от них тем, что были совершенно одинаковые с обоих концов.

Рассматривая внимательно крокодильи яйца, охотники убедились, что они покрыты довольно гибкой скорлупой, с малым содержанием извести, но весьма прочной. Поэтому маленькие крокодилы не могут без помощи матери самостоятельно вылупиться из яйца. Любопытный боцман разбил одно яйцо, и оба друга

увидели внутри спирально свернутое маленькое существо. Это был еще недоразвитый крокодиленок. К сожалению, Самбо позвал их на обед, и нашим друзьям пришлось прекратить свои наблюдения, так как сразу же после обеда караван снялся с места.

Через два дня путешественники очутились в западной провинции Уганды. Подходя к озеру Джордж, они стали все чаще встречать крупные стада животных. При виде людей стада антилоп разных видов бросались в степь; в небольшом болотце вблизи реки путешественники заметили сгрудившихся слонов. Великаны на минутку подняли головы, чтобы посмотреть на караван, а потом с совершенным равнодушием повернулись к лесу, не обращая больше внимания на людей. Стремясь лучше рассмотреть стадо слонов, исчезающее в лесу, Томек забрался на высокий термитник.

Когда слоны скрылись, он вернулся обратно, сел в седло и сказал:

— Вот странно, я залез на термитник, но не увидел там ни одного насекомого!

— Термиты¹ строят длинные туннели, соединяющие их жилище с местами, где они добывают себе пищу. Поэтому вне гнезда их нельзя видеть. Кроме того, в термитниках царит особый микроклимат, к которому специально приспособлены термиты,— пояснил Вильмовский.

— Интересно, как выглядит эта странная постройка внутри?

— Гнездо термитов, или термитник, состоит из четырех частей: «царских палат», жилищ для рабочих, детских комнат и помещений, где термиты содержат плантации специальных грибов, которыми они лакомятся. Термиты, подобно муравьям, создают превосходно организованные «общины».

— Ну, поехали дальше! — скомандовал Хантер.

Караван продолжал свой путь.

---

¹ Термиты (Isoptera) — отряд тропических насекомых, состоящий примерно из 1000 видов. Термиты живут крупными организованными «общинами». Некоторые виды строят большие и чрезвычайно прочные гнезда, или термитники. Питаются термиты клетчаткой древесины и потому приносят большой вред.

Когда охотники находились всего в нескольких километрах от озера Джордж, Смуга обратил внимание на деревья, растущие вблизи дороги. Среди листья диких мимоз и светло-пурпурных акаций кишела масса различных насекомых.

— Ах, черт возьми! Вы только посмотрите на вьючных животных, — воскликнул Смуга.

Томек увидел, что над ослами носится туча мух, по величине несколько больших, чем домашние, и с более крупными крыльями.

— Чуфна! Чуфна! — закричали негры.

— Это что за муха? — встревоженно спросил мальчик.

— Это наша первая встреча с мухой цеце, — ответил Смуга.

Вот чуфна села на шею осла. Укус мухи заставил длинноухого взреветь и встать на дыбы. Хантер быстро соскочил с лошади и ударом ладони убил прожорливое насекомое. Путешественники молча разглядывали муху цеце, которая оказалась несколько похожей на пчелу. На коричневом брюшке мухи виднелись три желтые полосы.

XV

ВО МРАКЕ ДЖУНГЛЕЙ

После памятной встречи с мухой цеце Томек опять надел меховые хвостики на свой шлем и принудил Динго носить защитную сбрую. Остальные путешественники закрыли головы марлевыми сетками, которые, ниспадая на плечи, защищали шею от неожиданных, предательских укусов насекомых.

По дороге путешественникам все чаще стали встречаться наглядные последствия широкого распространения мухи цеце. Построенные в низких местах негритянские деревушки совершенно обезлюдели. Их жители перешли на возвышенности, куда не залетала несущая смерть муха. В некоторых деревнях приходилось встречать людей, больных сонной болезнью. Сильно исхудавшие, они были погружены в глубокий

сон, из которого пробуждались только затем, чтобы умереть.

Наши путешественники не на шутку встревожились из-за эпидемии. Ехать пришлось по ночам, выбирая места дневных стоянок на возвышенностях. Хантер и Смуга уверяли, что муха цеце не нападает после заката солнца, но когда караван ночью проходил вблизи болот, путешественники страдали от бесчисленных туч комаров.

Томек ежедневно наблюдал за поведением осла, укушенного мухой цеце. Мальчик опасался, что вопреки заверениям старших у осла появятся признаки болезни. Но осел и не думал болеть. С философским спокойствием он щипал траву и как ни в чем не бывало усердно нес свою долю багажа экспедиции. Томек уже начал успокаиваться, как вдруг боцман заметил странные симптомы у своей лошади. Из ее глаз и носа текла липкая жидкость. Едва взглянув, Хантер заявил, что это последствия укуса мухи цеце. Конь перестал есть и стал худеть. Не желая смотреть на мучения молча страдающего животного, боцман пристрелил его из винтовки. Веселый моряк опечалился не только потерей друга, но и тем, что теперь ему пришлось идти пешком. Однако он быстро успокоился, говоря, что теперь ему удобнее спастись от укусов мухи цеце, так как нет нужды больше заботиться о бедной кляче.

Стремясь как можно скорее пройти территорию, зараженную мухой цеце, охотники совершали длинные и быстрые переходы, благодаря чему вскоре оставили за собой озеро Джордж. Через несколько дней они уже подходили к основной цели своего путешествия. Вдали, между озерами Альберт и Эдуард, виднелась на горизонте горная цепь, за которой текла река Семлик. Она соединяла оба озера и, таким образом, входила в бассейн Белого Нила. На западном берегу этой реки начинались девственные джунгли Итури. Там звероловы решили охотиться на горилл и окапи.

К горной цепи Лунные горы, называемой на языке банту Рувензори, они подошли на закате. Путешественники были совершенно согласны, что нельзя придумать лучшего названия этим горам. Зубчатые очер-

тания их вздымались над горизонтом и как бы плавали среди серо-стальных облаков над вершинами вечнозеленых деревьев. Темно-синяя окраска горных склонов и их острых граней ясно выделяла горную цепь на фоне светлого неба, когда заходящее солнце бросало на нее пылающие лучи из-за узких серебристых облаков. На землю спустилась ночь. На усыпанное звездами небо выплыл полный лик луны, которая медленно двинулась над горными вершинами, названными ее именем, словно хотела увидеть свое отражение в ледниках, сползающих с высоких гор.

Из саванны то и дело доносился глухой топот бегущих антилоп и рычание львов, насыщающихся добычей. Томек до рассвета не мог заснуть; он вслушивался в голоса, долетавшие из джунглей Черного континента, которые наполняли его сердце неизвестной ранее тревогой.

В небольшой негритянской деревушке Катве на берегу озера Эдуард путешественникам пришлось застрелить еще две лошади. Не было смысла ожидать мучительной смерти животных, у которых появились симптомы сонной болезни. В самой деревушке Катве несколько десятков негров умирали, поэтому Хантер немедленно дал сигнал к отъезду. Караван пошел на север вдоль берега озера. Отроги Лунных гор остались на востоке от пути каравана; перед путешественниками распростерлась огромная равнина.

В конце дня Хантер остановил караван на пологом берегу озера. Пугливые фламинго сразу же всполошились и предупредили обитателей джунглей о присутствии людей. Не успели охотники оглянуться, как огромное стадо антилоп с громким топотом умчалось в степь. Бродя среди зарослей папируса, охотники поднимали с земли тучи птиц. Вдруг Хантер остановился и показал рукой в сторону гладкого водного зеркала.

— Стойте тихо и смотрите, — шепнул он.

Сперва они услышали фырканье и звуки, похожие на хрюканье свиней и одновременно на мычание коров, потом увидели мясистые, острые уши, выпуклые глаза и широкие ноздри. Это гиппопотамы осторожно высовывали свои огромные головы из воды. Гневно

фыркающая, они приближались к берегу. Охотники были убеждены, что осторожные и зоркие животные заметили их присутствие, потому что гиппопотамы стали вдруг погружаться все глубже и глубже, так что над водой были видны только их глаза. Однако спустя некоторое время они вновь появились на поверхности озера. Гиппопотамы медленно выходили из воды, желая выбраться на берег.

В ожидании дальнейших событий охотники прятались среди стеблей папируса. Была пора, когда гиппопотамы выходят из воды в поисках пищи. Хантер надеялся, что они выйдут на сушу вблизи убежища охотников. Вскоре послышалось громкое фыркание и хрюканье. Томек осторожно высунул голову.

— Вы только посмотрите,— шепнул он, толкая боцмана в бок.

Животные погружали бесформенные головы в воду у самого берега в поисках водорослей. Они так бушевали, что вода стала мутной от ила. Потом гиппопотамы поднимали головы, держа в пасти охапки вырванных с корнем растений.

Хантер жестом пригласил Смугу следовать за собой. Они тихо вышли из кустов. Бесшумно подошли к самому берегу озера. В этот момент, в метрах пятнадцати от них, из воды вышел гиппопотам. Его выпуклые глаза сразу же заметили людей. Гиппопотам громко фыркнул и стал опускаться под воду, но охотники уже подняли оружие. Первым выстрелил Хантер, секундой позднее нажал спуск Смуга. Мощный корпус бегемота погрузился в воду. Остальные гиппопотамы сразу же скрылись.

Вильмовский, Томек и боцман подбежали к стрелкам.

— Промахнулись, уважаемые господа! — воскликнул боцман, потешаясь над неудачей друзей.— Вы уж, наверно, губы облизывали, мечтая о жарком, а придется обойтись пыстыми мечтами.

— Почему вы так думаете, боцман? — спокойно спросил Хантер.

— Потому что вы оба промазали!

— Бьюсь об заклад на бутылку настоящего ямайского рома, что обе пули попали животному точно

между глаз,— ответил Хантер, подражая образной речи бочмана.

— Вот еще! Легко биться об заклад, когда толстяк канул как камень в воду. Попробуй теперь проверить точность ваших выстрелов.

— Вы ошибаетесь, завтра гиппопотам всплывет на поверхность и мы легко проверим, кому из нас придется поставить бутылку рома,— уверенно ответил следопыт.

— Пожалуй, невозможно, чтобы такая тяжесть сама всплыла наверх,— возразил Томек.

— Невозможно? Я почти уверен, что всплывет. Это зависит лишь от того, был ли бегемот сыт. Корм, которым набит огромный желудок животного, станет бродить и накопившиеся газы выбросят бегемота на поверхность,— сообщил Хантер.

— Достаточно сказать нашим носильщикам, что бегемот лежит на дне озера у самого берега, и вы увидите, что ни один из них не уйдет отсюда прежде, чем туша бегемота всплывет на поверхность,— добавил Смуга.

Томек поспешил сообщить неграм о гиппопотаме. Они от радости стали танцевать вокруг костра. Самбо немедленно сочинил новую песенку:

«Мудрый белый буана иметь хороший карабин и застрелить большой глупый бегемот. Самбо есть и все есть очень много мяса, животы их стать как гора Ру-вензори».

Когда негры заявили, что хотят подождать, пока бегемот покажется на поверхности озера, Вильмовский не возражал. Дело в том, что каравану предстояло путешествие по обширным джунглям, где трудно добыть мясо. Ведь густые тропические леса бедны фауной. В них живут только некоторые виды обезьян. Кроме того, там можно встретить диких кабанов, ну и окапи, относительно существования которых ходили лишь непроверенные вести. Утром, как только на горизонте показалось солнце, все участники экспедиции толпой побежали проверить, что происходит с убитым гиппопотамом. На самом берегу озера, на мягкой земле, виднелись глубокие следы, похожие на ямы, проделанные толстыми столбами. Бросив на них

беглый взгляд, Хантер сообщил, что здесь проходили гиппопотамы на ночную жировку.

— Ставьте бутылку,— захохотал боцман, когда они очутились на берегу озера.

Томек тоже сначала был убежден, что моряк выиграл пари. На спокойном зеркале озера не видно было и следа убитого бегемота. Самбо, забыв все предостережения, бросился в воду.

Смело выплыл на чистое место за линию росшего вдоль берега тростника.

Вскоре все услышали его крик:

— Буана, буана! Он здесь, здесь!

По-видимому, он захлебнулся водой от радости, потому что слышалось его громкое фырканье, после чего он опять закричал:

— О! Мама, сколько же здесь мяса!

В голосе Самбо слышалось такое восхищение, что негры сразу бросились в лагерь, откуда вернулись, волоча толстые веревки. С невообразимым гамом, почти ошалев от радости, они бросились в воду и поплыли к Самбо.

— Вот сумасшедшие, ведь здесь могут быть крокодилы,— возмутился Томек, увидев проявление такого легкомыслия.

— Именно по этой причине наши носильщики подняли такой гам,— со смехом сказал Вильмовский.— Что поделаешь, мой дорогой, на их долю не часто выпадает такая удача. Из-за двух тонн жирного мяса негры без колебаний готовы рискнуть жизнью.

Томек в нетерпении вертелся на берегу, но любопытство превозмогло опасения. Он разделся и плюхнулся в воду.

— Кланяйся там крокодилам! — крикнул боцман вслед ему.

Динго без колебаний бросился в воду за своим хозяином. Вскоре они исчезли за полосой тростника. Через минуту показались негры. Они захлебывались водой, но прилежно тянули веревки, привязанные к ногам животного, которое показалось из воды вслед за ними. На огромном брюхе гиппопотама, всплывшего вверх ногами, сидели Томек, Самбо и Динго.

— Ого! Вместо того чтобы стать царем, наш Томек

стал капитаном! — крикнул боцман.— Э-ге-гей, э-ге-гей! Право руля и полный вперед!

Когда негры вышли на берег, тянуть тяжелую тушу стало легче. Бегемот попался колоссальный. Длина его туловища, не считая хвоста, составляла свыше четырех метров, хотя высота не превышала одного метра. По расчету Хантера вес животного доходил до двух с половиной тонн. Поэтому негры не могли его вытянуть на берег, а оставили у берега до половины погруженным в воду. Они при помощи своих ножей вырезали из мясистых губ животного огромные клыки, весьма похожие на слоновые, после чего начали вырезать куски мяса и жира.

Во время обеда негры съедали огромное количество мяса, потом отдыхали лежа и опять продолжали пиршество. Пир попеременно с танцами и сном продолжался весь день. Вильмовский хотел отправиться в путь к ночи, но носильщики не хотели об этом и слышать. Они не могли расстаться с гиппопотамом, которого только начали есть.

— Соко очень умны и не убегут от нас из лесу,— с воодушевлением говорили они.— У бегемота же нет ума, и он испортится, и есть его будет нельзя. Надо теперь есть сколько можно.

У Самбо живот выглядел как туго натянутый барабан. Поглядывая на него, Томек в шутку утверждал, что если бы пришлось вдруг переслать какое-нибудь сообщение, то живот Самбо с успехом мог бы заменить там-там. Молодой негр не обижался на эти шутки. Он поглощал мясо и в перерывах между едой сочинял песни в честь сытости и лени.

Однако в нашем мире все имеет свое начало и конец. Поэтому на следующий день около полудня Вильмовский категорически приказал готовиться к маршу. Опечаленные негры начали свертывать лагерь. Прежде чем поднять с земли свою ношу, они натерли тела жиром. Караван тронулся вперед, но носильщики еще долго с тоской оглядывались на озеро, где остался недоеденный гиппопотам. Вскоре они запели о глупости белых людей, способных бросить зря столько хорошего мяса.

Только Самбо не печалился долго. На пути каравана

на часто встречались антилопы и буйволы. Один раз охотникам удалось увидеть издали головы жирафа, смешно покачивавшиеся над стеблями высокой травы; поэтому Самбо вполне справедливо считал, что им голод не грозит, ведь у охотников прекрасное оружие и они в любой момент могут начать охоту.

Однако терпение Самбо было подвергнуто тяжело-му испытанию. Хантер непрерывно подгонял носильщиков. Он упорно стремился на север, к небольшому поселку Бени, куда караван должен был подойти к вечеру. Измученные быстрым маршем, негры с трудом разбили лагерь на краю деревушки и как стояли, так и повалились спать на горячую землю.

После длительного отдыха они взялись за приготовление ужина. Вильмовский, Смуга и Хантер ушли в поселок, где кроме негров жили два грека и несколько индийцев. Вильмовский хотел нанять двух или трех проводников, хорошо знакомых с джунглями Итури. Кроме того, надо было пополнить запасы консервов. Если купить консервы оказалось легко, то с проводниками дело обстояло хуже. Как только негры узнали, что звероловы приехали ловить живых горилл, они в один голос отказались от участия в экспедиции. Негры очень боялись горилл и низкорослых жителей леса — пигмеев. Проводники утверждали, что в джунглях Итури им не будет покоя. Однако после долгих уговоров и обещаний щедрого вознаграждения удалось нанять одного проводника. Опасаясь, чтобы тот не передумал, Хантер сразу же отправил его в лагерь и заявил, что караван тронется в путь на рассвете. Вскоре оказалось, что предусмотрительность Хантера сослужила охотникам плохую службу.

Дело в том, что новый проводник, Матомба, своей болтливостью сумел вселить опасения в мужественные сердца носильщиков. Сидя у костра, он много-словно рассказывал об опасностях, ожидающих путешественников в джунглях. По его словам, пигмеи были ужасными людоедами. Он говорил, будто бы в их хижинах не раз находили следы каннибальских пиров. И он сам видел, что пигмеи пьют воду из человеческих черепов. Проводник рассказывал о нападениях карликов на негритянские деревни. Пока пигмеи сра-

жались, пуская в жителей деревни отравленные стрелы, женщины грабили посеы на полях и уносили в джунгли урожай. Жуткие рассказы о нападениях, засадах, отравленных стрелах, жестокости и каннибальстве оказывали на носильщиков гнетущее впечатление.

— О-о! Пигмеи убьют белых буана, а потом съедят нас всех,— скорбели негры.— Кабака приговорил нас к ужасной смерти.

— Возвращайтесь домой,— подговаривал их новый проводник.— Зачем же вам отдавать себя на съедение людоедам?

— Мы не можем вернуться,— стонали бугандцы.— Если мы оставим белых охотников, катикиро нас казнит. О! Мама! Он лично пригрозил нам этим.

— Беда нам, беда нам всем,— повторял проводник.

Самбо слушал слова проводника, затаив дыхание, и от ужаса по его спине бегали мурашки. Полюбив белых звероловов, он решил немедленно предостеречь их от грозящей опасности. Он побежал к Томеку. Дрожа от ужаса, Самбо повторил ему все, что услышал от нового проводника. Загорелое лицо Томека посерело от слов молодого Самбо, однако он мужественно ответил:

— Знаешь что, Самбо? У страха глаза велики. Проводник совсем напрасно пугает наших людей своими жуткими рассказами.

— О, белый буана, ты в самом деле храбрый, как лев, и сильный, как слон,— прошептал Самбо, с восторгом глядя на мальчика.— Они говорят, что в джунглях даже птица-медовед вместо того, чтобы показать мед, приводит людей в засаду.

— Мне не приходилось слышать о таких птицах. Лучше всего будет, если мы все расскажем моему папе.

— Да, да, сказать все и сказать сейчас.

Они немедленно вошли в палатку, где, расстелив на столе карту, держали совет четыре зверолова. Томек одним духом повторил им сообщение Самбо.

— Это правда, так говорить Матомба,— поддакивал молодой негр.

Не обращая внимания на волнение Томека и Самбо, Смута улыбнулся и сказал:

— Мне кажется, что больше всего боится пигмеев наш новый проводник. В своих рассказах негры любят перебарщивать. Пигмеи неохотно встречаются не только с белыми, но даже с другими неграми. Поэтому о них рассказывают всякие небылицы. Я слышал много историй от Стэнли, который, в непрестанных стычках с различными племенами, прошел через Конго на помощь Эмин-паше. Правда, пигмеи недоверчивы, коварны и весьма воинственны, но мне не приходилось слышать о случаях каннибализма среди них. Черепа, из которых они пьют воду, по-видимому, не человеческие, а обезьяньи. Племена, обитающие в джунглях, питаются обезьянами, потому что им трудно охотиться на других животных.

— Один дружок мне говорил, что обезьянье мясо по вкусу похоже на человеческое, — заметил вскользь боцман Новицкий. — Хотя, конечно, сам человеческого мяса я не пробовал.

— Это неважно, каково на вкус обезьянье мясо, — перебил его Хантер. — Будет лучше, если Матомба ляжет спать и перестанет пугать людей.

— А что говорили об этом масаи? — с любопытством спросил Вильмовский.

— Месхерия сразу же расставил своих часовых вокруг лагеря, — ответил Томек.

— Значит, и он опасался возможного бегства носильщиков ночью, — вмешался Хантер. — Однако если Месхерия бодрствует, мы можем спать спокойно, а это нужно, потому что мы должны выехать еще до рассвета.

— Вы считаете, что Месхерия вполне достоин доверия? — спросил Вильмовский.

— Масаи считают себя людьми высшего сорта. Уже из одной гордости они не станут сговариваться с другими неграми. Кроме того, масайский воин никогда не покажет, что он чего-то боится, — заявил Хантер. — Я уже давно знаю Месхерию.

— Ложимся спать, ведь вставать нам придется задолго до рассвета, — закончил беседу Смуга.

— Я пройду по лагерю и поговорю с неграми, — заявил Хантер, надевая пояс с револьвером.

— Подождите, я тоже не хочу спать, мы можем

пройтись вместе,— отозвался боцман.— Откровенно говоря, я люблю рассказы о столь ужасных вещах.

Томек тихонько захихикал и вышел из палатки вслед за Самбо. Как и боцман, Томек любил страшные рассказы. Хантер обошел весь лагерь, поговорил с масаями и ушел в свою палатку. Боцман, Томек и Самбо подошли к носильщикам, сидевшим вокруг костра. Бугандцы предупредительно уступили им удобное место, потому что один лишь вид высокого и всегда веселого моряка возбуждал в них чувство уверенности и безопасности. Друзья приняли приглашение, и веселые рассказы боцмана вскоре привели негров в хорошее настроение. Несмотря на то что было уже очень поздно, носильщики не спешили ложиться спать.

Один из них обратился к боцману:

— Ты, белый буана, силен и мудр, скажи, что это такое: малая, кругая горка, на которую ни один человек не может войти?

Боцман не знал негритянских загадок. После нескольких неудачных попыток дать правильный ответ признался, что он не знает.

Тогда негр воскликнул:

— Яйцо!

Другие негры хохотали, от радости хлопали руками о бедра.

Потом спросил второй негр:

— Может быть, эту загадку ты угадаешь, белый буана: что это такое, что можно делить и никто не узнает места, где это разделили?

Боцман усмехнулся и ответил:

— Вода!

Возгласы похвалы вознаградили боцмана за удачный ответ; игра затянулась бы, если бы не Томек, который посмотрел на небо и заметил:

— Нам не удастся отдохнуть, звезды побледнели, скоро будет рассвет.

— Да, да, звезды гаснут. Они днем не нужны. Маленькая девочка молилась, чтобы они светили только ночью,— сказал Самбо.

— Что ты болтаешь? О какой девочке ты говоришь? — спросил Томек.

— Белый буана не знает, откуда взялись звезды на небе? — вопросом на вопрос ответил Самбо.

— Ты тоже не знаешь!

— Самбо умный, Самбо все знает!

— Так расскажи нам об этом и пойдем спать, — предложил Томек.

Самбо уселся поудобнее и рассказал негритянскую легенду о происхождении звезд:

«В одной деревушке не хватало еды. Маленькая девочка была очень голодна, а ее отец ушел на далекую охоту. Он не возвращался целый день. Наступила черная, темная ночь. Маленькая девочка поджидала в деревне возвращения отца и стала бояться, что тот не найдет дороги домой, потому что ночь была очень темна. Она очень молилась добрым духам, а потом взяла из очага горсть раскаленных углей и бросила их вверх, чтобы они светили отцу во время его похода. Маленькая девочка молилась так искренне, что добрые духи выслушали ее и превратили горячие угольки в блестящие звезды. С той поры они светят над нами. Некоторые из них похожи на разные вещи, например на цветы или животных, и каждую ночь показывают путь путешественникам, блуждающим в темноте».

XVI

ЛЕСНЫЕ ЛЮДИ

На север и запад от Бени тянулась обширная саванна, поросшая высокой травой. За ней, на площади в несколько сот тысяч квадратных метров, раскинулись девственные леса. Сожженная солнечными лучами саванна была огромным естественным зверинцем Африки. По ней наперегонки с ветром носились неисчислимые стада антилоп, слепо набрасывались на препятствия грузные африканские буйволы и носороги, за травоядными животными охотились львы и другие хищники.

Прежде чем из-за крутой цепи искристых гор Рувензори показалось солнце, звероловы успели пройти

узкую полосу саванны. На их потные от быстрого марша лица повеял влажный ветер джунглей.

Томек впервые углублялся на длительное время в девственные африканские джунгли, столь неприступные для белого человека. Новый проводник, Матомба, вел караван по узкой тропинке, вьющейся, словно естественный туннель, среди огромных деревьев, перепутанных лиан, кустов и высокой травы. Несмотря на то что настал день, звероловам казалось, что солнце внезапно зашло: вершины колоссальных деревьев были сплошь увиты лианами, что создавало плотное покрытие, сквозь которое еле-еле пробивались солнечные лучи. Время от времени среди лесного мрака несмело проглядывал кусок голубого неба, освещая темную пуганицу буйной тропической растительности. Словно руки ужасных чудовищ, с ветвей деревьев свисали длинные полосы сухого мха и травы.

Лошадей, уцелевших от укусов мухи цеце, Вильмовский оставил в Бени, потому что в джунглях они только мешали бы звероловам. Поэтому, учитывая слабость Смути, караван продвигался медленно, к вящему удовольствию носильщиков, недоверчиво и со страхом глядевших по сторонам на мрачную чащу. В первое время, попав в джунгли, они невольно снижали голос, словно боялись вызвать из чащи лесных демонов.

Томек быстро освоился с джунглями. Он даже про себя смеялся над прежними страхами, наблюдая за тем, как невозмутимо и спокойно вели себя вьючные ослы.

«Я не знаю, правильно ли судят об ослах, что они самые глупые создания в мире, — думал он. — Почему же я должен быть глупее ослов, которые при любой опасности сохраняют полное спокойствие духа? А кроме того, собственно, чего мне здесь опасаться?»

Но как раз теперь, словно назло, ему стали приходиться на ум все ужасные рассказы о джунглях, услышанные от негров. Тихое ворчание Динго вернуло его к действительности. На тропинку внезапно упал кусок сухой ветки. Если бы собака не отскочила вовремя в сторону, сук ударил бы ее по голове. Томек стал смотреть вверх. Высоко над землей он увидел неболь-

ших зверьков бурого цвета, перескакивавших с ветки на ветку. Обезьяны — это были они, — увидев собаку, оскалившую зубы, подняли веселый крик. Томек угрозил им кулаком, и тогда с деревьев на него посыпались ветки.

— Ты смотри, браток, как нас встречают родственники! — расхохотался боцман.

— Я таких родственников не признаю, — проворчал Томек, но сейчас же сам расхохотался, увидев, что боцман вынужден был отскочить в сторону, потому что обезьяны спустили толстый сук прямо ему на голову.

— Ты прав, черт с ними, с такими родственниками, — возмутился моряк. — Давай идем быстрее, а то мы отстанем от товарищей.

Они побежали вслед за караваном, все еще улыбаясь при воспоминании о забавном приключении. А тем временем пробиваться через джунгли стало труднее. Ясно видимая до того тропинка вдруг потерялась в лесной чаще. Матомба беспомощно остановился.

— Тропинка кончится, — сообщил он звероловам, будто они сами не видели, что дороги нет и дальше придется пробиваться через джунгли, по которым еще не ступал человек.

По совету Матомбы экспедиция должна была идти на северо-запад. По его уверениям, там легче всего можно было встретить лесных людей, как он называл горилл. Два масая достали длинные, острые как бритва ножи и стали пробивать дорогу в чаще джунглей. Время от времени караван выходил на болотистые лужайки, иногда попадались довольно удобные естественные галереи, ведущие в глубь джунглей. Уже давно миновал полдень, а Хантер все еще погонял караван, понуждая носильщиков идти быстрее.

Караван шел через сравнительно молодой лес. Как вдруг масаи, прорезавшие ножами дорогу, остановились в нерешительности.

— Вперед! — потребовал Хантер.

— Хорошо, но скажи нам, буана, в какую сторону надо идти? — спросил один из масаев.

Хантер пошел вперед, за ним направились звероловы во главе с Томеком.

— Ого, мы сейчас наткнемся на какую-то негритянскую деревушку,— сказал мальчик.— Видно, это жители деревушки пробили дорогу через лес.

Мужчины расхохотались.

— Такую дорогу в джунглях могут пробить только цари зверей. Здесь прошло стадо слонов,— сказал Хантер.

Томек с удивлением смотрел на довольно широкий коридор.

— Неужели слоны пробили здесь дорогу? — еще раз спросил он.

— Да, Томек, только лишь стадо слонов может проделать такую дорогу в молодом лесу,— убежденно сказал Смуга.— Деревья в болотистой местности неглубоко запускают корни, поэтому слоны их легко вырывают из земли.

— Куда нам идти, буана? — снова спросил масай.

Хантер исследовал крупные следы животных и решил:

— Слоны прошли здесь на запад, по крайней мере два или три часа назад, и мы можем воспользоваться их дорогой, не опасаясь встречи с ними.

Караван направился по пути, проделанному великанами джунглей; дорогу эту Томек назвал «Аллеей слонов». Хантеру теперь не надо было погонять носильщиков. Они бежали без остановок, с опаской оглядываясь, не появятся ли в чаще леса слоны. После двух часов быстрого марша караван очутился на берегу ручья, протекавшего через лес.

На противоположном берегу лежали на земле мимозы и пальмы, вырванные с корнями. Легко можно было догадаться, что там хозяйничало стадо слонов; они лакомились листьями мимозы и мякотью стволов масляных пальм, разбитых мощными бивнями.

Караван остановился на берегу ручья. Продвигаться дальше по следам слонов Хантер считал опасным. По всей вероятности, огромные животные после сытного обеда отдыхали где-нибудь вблизи, поэтому не стоило рисковать встречей с ними. Одновременно следопыт попросил Томека держать Динго на поводке, потому что слоны, увидев собаку, всегда впадают в бешенство.

После краткого отдыха караван направился вдоль ручья. На ночлег они остановились в лесной чаще только перед самым наступлением темноты. Мечтать об удобном отдыхе не приходилось.

Охотники даже не разбили палаток. Негры наскоро сплели из веток шалаши, а поужинали все сухарями и консервами. Удобную постель приготовили только для Смуги, остальные уселись вокруг костров. На них напали тучи комаров, поэтому охотники то и дело подбрасывали в костер влажные ветки, которые горели медленно и давали много дыма, отпугивающего насекомых.

— Целый день плетемся по джунглям, а горилл слыхом не слышать и видом не видеть, — пожаловался боцман. — В саванне было столько разных животных, а вам обязательно понадобились эти обезьяны!

— Вы уже жалуетесь, боцман? — удивился Хантер. — Насколько я помню, вы когда-то смеялись над моими опасениями относительно ловли горилл и... окапи.

— Дядя боцман всегда ворчит, но это так, по привычке, я, однако, готов биться об заклад... — Томек замолчал, задумавшись, на что бы он мог заключить пари, но улыбнулся и закончил: — Я побился бы об заклад на бутылку ямайского рома, что дядя боцман теперь прямо-таки помирает от любопытства, стремясь увидеть горилл. Разве не правда?

— Поцелуй гориллу в нос! — отрезал боцман. — Если бы я не интересовался обезьянами, то не бродил бы целыми неделями по африканским джунглям.

— Значит, я не ошибся. Я тоже хочу их увидеть. Очень интересно, как мы будем их ловить?

— Ты и боцман — два сапога пара, — весело вмешался в беседу Вильмовский. — Из любопытства вы готовы забраться даже в желудок гиппопотама.

— Возможно, ты прав, папа, но кто, как не мы, выследили работоторговца? А кто потом открыл подготовленную им засаду? — хвастался мальчик. — Поэтому лучше расскажи нам, как ловят горилл.

Хантер, улыбаясь, позвал Сантуру, угостил его табаком и спросил:

— Скажи нам, Сантуру, ты когда-нибудь ловил обезьян?

— Сантуру ловил шимпанзе для кабаки,— ответил негр, раскуривая трубку.

— Малый белый буана спрашивает, как легче всего поймать соко,— спросил Хантер.

— Обезьяны, как и люди, очень любить пиво. Мы только найти жилище соко, сделать крепкое пиво и поставить его близко-близко. Потом будем ждать, пока соко выпить пиво и притворяться пьяный человек,— пояснил Сантуру.

— Смотрите на него, какой хитрец,— воскликнул боцман, с любопытством придвигаясь к негру.— А теперь скажи, брат, как нам найти этих обезьян?

— Они очень любить кушать сладкий фрукты и пить воду. Там надо их искать.

— Ну, ты открыл Америку. Все звери любят есть и пить,— возмутился боцман.

— Это верно, поэтому животные и стремятся находиться там, где для них есть пища,— сказал Хантер.— Гориллы — животные растениеядные. Они питаются ягодами, персиками, бананами, ананасами и кореньями растений, притом поглощают их в огромном количестве. Когда они опустошат лес в одном месте, уходят в другое.

— Значит, чтобы напасть на след горилл, надо найти местность, изобилующую такой пищей,— воскликнул Томек.

— Совершенно верно,— согласился Хантер.

— Эти обезьяны строят жилища на деревьях? — спросил боцман.

— По моим наблюдениям, из всех африканских обезьян только шимпанзе строят своеобразные площадки. Возможно, так же поступают и гориллы,— ответил Хантер.

— Какой образ жизни ведут гориллы? Они живут семьями? — допытывался Томек.

— В основном они кочуют семьями, но иногда объединяются в стада. До сих пор мы мало знаем об их образе жизни. Наблюдать в джунглях жизнь горилл очень трудно.

— Куда вы теперь нас поведете? — спросил Вильмовский.

— Мне кажется, что лучше всего пойти вдоль

ручья. По дороге мы будем смотреть, что делается вокруг, пока не найдем удобное место для лагеря. Только после этого мы разобьемся на группы и начнем поиски.

— Мы поступали так во время экспедиции в Австралию, — с энтузиазмом воскликнул Томек. — Это было прекрасное время!

— Твоя правда, браток, и комаров там было меньше. Вот только из-за отсутствия воды мы рассыхались, как старые бочки, — вздохнул боцман.

Настала душная, влажная ночь. Вокруг стоянки квакали лягушки, стрекотали кузнечики. Белый туман полз по темным джунглям. Время от времени раздавался треск ломаемой ветки, писк внезапно проснувшейся обезьяны или крик попугая. Погруженные во мрак джунгли непрерывно давали знать, что в них кипит жизнь.

Из глубины девственного леса неслись голоса и звуки, словно волнующий стон.

Томек радостно встретил восход солнца. Все ночные страхи и привидения исчезли под его лучами, как по мановению волшебного жезла. Мрачные джунгли опять превратились в путаницу высоких деревьев и лиан. Томек легко отличал крик попугая от писка обезьян, а треск ломаемой ветки уже не вызывал опасения, что к нему подкрадывается лесной хищник.

Звероловы искупались в мелком ручье. Дальше всех плескались в теплой воде Томек и Динго. Мальчик выскочил из воды и позвал собаку только тогда, когда Вильмовский сообщил, что завтрак готов. Динго одним прыжком очутился на берегу. Томек присел на поваленный ствол дерева. Он надевал высокие шнурованные башмаки, как вдруг Динго предостерегающе заворчал. Мальчик посмотрел на него с удивлением, но в тот же момент собака, оскалив зубы, неожиданно бросилась на Томека. Он упал на землю и увидел Динго, хватающего зубами змею, свисавшую с ветви дерева. Он сразу же понял грозящую опасность. Секунду назад голова змеи почти касалась его волос. Только лишь молниеносное нападение собаки избавило его от укуса. Динго сумел вцепиться зубами в блестящее тело змеи у самой ее головы. Со-

бака и змея упали на землю и началась смертельная борьба.

— Спасите! — крикнул Томек, не зная, как помочь собаке.

Из катающегося по траве клубка показался Динго. Он ловко ускользнул из объятий змеи, которая сразу же бросилась в воду.

— Что случилось? Томек, что с тобой? — кричали охотники, несясь к Томеку наперегонки.

— Змея! Змея висела надо мной! Динго бросился на нее!

Томек, волнуясь, рассказал об опасном событии. Смуга и Вильмовский внимательно осмотрели собаку, которая еще не успела остыть после борьбы и гневно скалила зубы.

— Верный, верный, добрый Динго, — сказал Смуга. — Ты теперь доказал, что умеешь жертвовать жизнью, защищая хозяина.

— Почему вы так говорите? — тревожно спросил мальчик. — Неужели змея?..

— Я не хочу тебя огорчать, но мужчина должен смело смотреть правде в глаза, — печально ответил Смуга. — Змея укусила Динго над левым глазом. Верхнее веко уже опухло...

— Динго, мой милый Динго... — прошептал Томек, лаская четвероногого друга.

Дрожащими пальцами он коснулся опухоли над веком собаки и прижал ее голову к своей груди. На глазах Томека появились слезы.

— Неужели нет спасения? — рыдая, спросил мальчик.

Мужчины стояли в глубоком волнении. Они боялись пробудить в сердце мальчика напрасную надежду. Самбо присел рядом с Томеком.

— Жаль, что Самбо здесь не было. Может быть, змея укусила бы его вместо очень хорошей собаки, который защитит Самбо от работорговца, — говорил Самбо, вытирая глаза черным кулаком.

— Пес не всегда умирать, когда его укусила змея, — вмешался Месхерия. — У масаев есть такой собака, что кусает змею и ничего ему не быть.

— Не плачь, браток, над живым другом, хотя у ме-

ня тоже подкатывает комок к горлу,— добавил боцман, обнимая мальчика и собаку.

— Послушай, Томек, я не хочу тебя обнадеживать, но ведь в жилах Динго течет кровь австралийских диких собак, для которых всякого рода пресмыкающиеся и земноводные совсем не новость. Возможно, что укус змеи ему не повредит, даже если это была ядовитая змея,— заметил Смуга.

— Вы помните, что говорил Бентли, будто бы в Австралии даже маленькие дети не боятся змей,— порывисто сказал боцман.

— Давайте не будем печалиться, пока у Динго морда веселая,— добавил Вильмовский, который все время внимательно наблюдал за собакой.

Только теперь Томек обратил внимание на поведение своего любимчика. Динго с большим удовольствием принимал ласку. Правда, опухоль закрыла ему почти весь левый глаз, но собака, повернув голову, весело смотрела вторым глазом на окружающих ее людей. Томек перестал плакать. Динго несколько раз махнул хвостом, розовым языком лизнул Томека в заплаканное лицо, обнюхал всхлипывающего Самбо, влажным носом коснулся его кулаков, прижатых к глазам, хрипло залаял и побежал по берегу, вынюхивая следы змеи, упавшей в воду.

— Как видишь, Динго совершенно не обеспокоен укусом змеи. Будем надеяться, что все окончится хорошо,— сказал Вильмовский.— От всяких забот лучшее лекарство — это движение и труд. Давайте как можно быстрее готовиться в путь.

Томек так боялся за жизнь своего друга, что весь день почти не обращал внимания на джунгли. Остальные охотники тоже то и дело внимательно смотрели на Динго, но, не замечая, кроме опухоли над левым глазом, других последствий укуса, стали надеяться, что ничего плохого с собакой не будет.

К вечеру того же дня охотники подошли к месту, где ручей раздваивался. Один его рукав шел прямо на запад. Быстрая вода пробивалась в глубину зеленого природного туннеля, образованного кронами деревьев, растущих по обоим берегам и связанных между собой лианами.

Хантер долго смотрел в глубину туннеля, уходящего в зеленые джунгли. В конце концов он предложил, чтобы караван остановился на отдых в развилке ручья; он считал необходимым разведать вместе с Сантуру окружающую местность. Ему, конечно, никто не возражал. Следопыт в обществе негра переправился на противоположный берег ручья. Вскоре они исчезли в чаще девственного леса. Вернулись только через два часа.

— Мне кажется, что мы наконец добрались до места, где могут находиться гориллы,— заявил Хантер после возвращения из разведки.— На расстоянии часа пути отсюда, вблизи ручья, растет множество диких фруктовых деревьев. Обилие пищи и воды, а также полное безлюдье делают эту местность очень удобной для обезьян.

— Вы нашли место, пригодное для разбивки лагеря? — озабоченно спросил Вильмовский.

— Да, недалеко есть уютная полянка, расположенная на вершине невысокого холма,— ответил Хантер.

Не теряя времени, караван переправился через ручей и тронулся вдоль западного его рукава. Через лесную чащу приходилось пробиваться с величайшим трудом, потому что Хантер запретил срезать кустарник.

— Чем меньше шума мы наделаем, тем лучше будет для нашей экспедиции,— объяснил он.— Мы должны помнить, что гориллы избегают встреч с людьми, а если их беспокоит, они немедленно перебираются в другое место.

Людям приходилось искать проходы для себя и выючных животных в путаной чаще лиан и деревьев. Иногда они шли прямо по дну ручья. Томек, уже ознакомившийся со змеями, с тревогой обнаружил несколько водяных змей, быстро уплывавших из-под ног.

Брести по джунглям пришлось довольно долго. Только через три часа караван добрался до редколесья необыкновенного цвета. Между длинными аллеями светло-пурпурных акаций росли персиковые деревья и дикие мимозы, усыпанные желтыми цветами.

Невдалеке находилась полянка, выбранная следопытом под устройство лагеря.

Здесь караван должен был задержаться на длительное время. Поэтому негры разбили палатки и окружили лагерь оградой из ветвей и крепких лиан. Томек в лесу срубил стройное деревце, из которого соорудил мачту для флага. Вместе с Самбо они поставили мачту в центре лагеря и подняли на нее польский национальный флаг. До самого вечера охотники занимались устройством лагеря.

Вечером, измученные тяжелым путешествием через джунгли, наши путешественники беседовали не долго. Они хотели спать и уже собирались разойтись по палаткам, как вдруг из глубины джунглей послышался звук, похожий на тот, который появляется при ударе в большой металлический котел.

— Там-тамы! — воскликнул Томек, но сразу же замолчал.

В темном лесу раздалось рычание, которое сначала несколько напоминало лай крупной собаки, а потом глухой рокот, похожий на далекий гром. Повторяемое эхом, ужасное рычание, казалось, доносится со всех сторон. Затаив дыхание, негры и белые путешественники вслушивались в эти странные звуки.

— Лесные люди! — шепнул Матомбо посерелыми от ужаса губами.

— Соко! — тихо повторил Сантуру.

— Ты уверен, что это голос горилл? — спросил Хантер.

— Да, да. Сантуру уже слышать на озере Киву разгневанных соко, — уверенно сказал придворный ловчий.

— Немедленно погасите костер, потому что лесные люди прийти сюда и съесть нас всех, — поспешно закричал Матомбо.

— Успокойся, Матомбо, ты своей болтовней перепугаешь и себя и других, — сделал ему замечание Хантер. — Твои «лесные люди» — это самые обыкновенные животные, которые побоятся напасть на наш лагерь. Однако костер надо погасить, чтобы не вспугнуть горилл.

Негры быстро затоптали костер и сразу же пере-

стали жаловаться на усталость. Некоторые из них сели на землю, держа наготове острые пики, как будто ожидали нападения.

— Почему негры называют горилл «лесными людьми»? — взволнованно спросил Томек.

Вильмовский спокойно ответил:

— Многие негритянские племена считают, что гориллы — это дикие люди. Они думают, что гориллы прячутся в глубине джунглей, опасаясь, чтобы их не заставили работать. Они будто бы нарочно притворяются, что не умеют говорить. Следует принять во внимание, что мы до сих пор очень мало знаем о жизни человекообразных обезьян. По этой причине о них ходит много легенд.

— Интересно, кто первый обнаружил в джунглях горилл? — спросил Томек.

— Если мне не изменяет память, то горилл обнаружил на берегах реки Габон миссионер Саваж. Это было в середине девятнадцатого века. Первоначально горилл считали давно уже известными африканскими «лесными людьми» — шимпанзе. Однако позже путешественник Дюмейко впервые описал горилл, и на этом основании их стали считать отдельным и самым близким человеку видом обезьян.

— Правда ли, что гориллы нападают на людей и отличаются колоссальной силой?

— Трудно мне об этом что-нибудь сказать, потому что я видел только одну умирающую гориллу, да и то... в неволе.

— Может быть, дядя Хантер знает что-нибудь интересное о гориллах? — спросил Томек.

— Мне еще не приходилось видеть этих бестий ни живыми, ни мертвыми. Несмотря на это, для нашей безопасности должен сказать, что одинокая горилла, говорят, уходит с дороги человека, но если их несколько — смело на него бросаются. В таком случае лучше всего сохранить патрон для последнего выстрела, — сказал Хантер.

— Лучше всего это хорошее ружье и... меткий глаз, браток, — пробурчал боцман.

— Ты правду сказал, боцман, — отозвался Смуга. — Чтобы ни говорили о гориллах черные или белые лю-

ди, это действительно не что иное, как хитрое, фальшивое, злое и опасное животное. Если очутишься с ним лицом к лицу, стреляй без всяких сомнений прямо между глаз, и стреляй метко! В противном случае оно тебя разорвет мощными клыками на куски, как всякое другое дикое животное.

Месхерия улыбнулся, показав белые зубы, и сказал:

— Мы сейчас сделать крепкий пиво, как сказал Сантуру, и белый буана закроет в клетке большой обезьяна.

XVII

ОХОТА НА ГОРИЛЛ

На следующий день, утром, Томек с удовольствием установил, что опухоль над глазом у Динго значительно уменьшилась, причем собака чувствует себя великолепно. Участники экспедиции в один голос сказали, что всякая опасность миновала. Поскольку все очень любили Динго, общее настроение улучшилось.

— Ого-го! Наш Динго молодец! — хвалил собаку боцман Новицкий. — Попала коса на камень. Глупый африканский гад не знал, что попал на грозного врага.

— Вы не представляете, какая тяжесть свалилась с моих плеч, — признался Томек. — Что бы сказала Салли, если бы Динго погиб от укуса змеи?

— Ты все еще не можешь забыть своей голубки, — улыбнулся боцман. — Ведь она тебе подарила Динго для того, чтобы он тебе верно служил и защищал в случае опасности.

— Это верно, но я рад, что ему ничто не угрожает.

— Ну, еще бы, мы все этому рады.

В лагере разгорелись подготовительные работы. Негры под руководством Вильмовского собирали большие стальные клетки из принесенных с собой частей. Если охота будет успешной, в эти клетки будут посажены пойманные гориллы. Сантуру лично на-

блюдал за выжиманием кукурузного сока для варки пива. Хантер и Смуга достали из тюков большие сети и связки толстых ремней. Повесив их на колья, вбитые в землю, внимательно проверяли их состояние. Кроме того, Смуга подготовил длинные прочные лассо.

Вильмовский запретил кому-либо выходить из лагеря до тех пор, пока не будет проведена разведка. Он не столько опасался возможного нападения горилл, сколько не хотел преждевременно пугать животных. Поэтому у Томека было довольно свободного времени и он решил поупражняться в бросании лассо. Подвижной целью он избрал Динго. Пользуясь советами Смуги, Томек, с присущим ему упорством, начал трудные упражнения.

Участники экспедиции несколько дней отдыхали в лагере. В это время Хантер, Сантуру и Смуга устраивали походы по ближайшим окрестностям, пытаясь обнаружить горилл. Сначала им это не удавалось. Чтобы тщательнее обследовать местность, они разделились на две группы: Хантер и Сантуру отправились на запад, а Смуга — на юг.

Прошло уже три дня с того времени, как путешественники разбили лагерь на полянке. Негры роскошествовали, ничего не делая. Они жаловались только на скудные порции пищи. Печально вспоминали гиппопотама, оставленного на озере Эдуард. Томек, взволнованный ожиданием опасной охоты, забыл о еде и подшучивал над обжорами. Хантер и Сантуру в этот день отправились в джунгли очень рано. Смуга попросил Томека, чтобы тот отпустил с ним Динго. Конечно, мальчик просил, чтобы Смуга взял и его с собой в поход, но тот ему отказал, чтобы быть свободнее во время поисков.

Сантуру и Хантер вернулись только под вечер. И на этот раз их поход не принес результатов. Хантер даже стал подозревать, что гориллы заметили присутствие людей и ушли. Солнце уже склонилось к закату, а Смуга все еще не возвращался. Только тогда, когда уже почти стемнело, на поляну прибежал пес. Он перепрыгнул через ограду и подбежал к Томеку, радостно махая хвостом. Вскоре на поляне показался

Смуга. Увидев друга целым и невредимым, Вильмовский облегченно вздохнул. Со времени ранения Смуги отравленным ножом Вильмовский постоянно беспокоился о своем друге.

Между тем Смуга, как всегда спокойный, вошел в ограду. Искупавшись в реке, он весело, подражая речи боцмана, спросил:

— Что же это вы, дорогие, спустили носы на квинту? Дайте мне сейчас же поесть, а то я голоден, как прожорливые обезьяны, за которыми я следил почти весь день.

— Ян, скажи, ты и в самом деле выследил горилл? — волнуясь, воскликнул Вильмовский.

— Я наблюдал за ними несколько часов, с небольшого расстояния.

Известие о гориллах молниеносно разнеслось по лагерю. Белые охотники и все без исключения негры окружили Смугу, желая узнать подробности.

Смуга быстро поел, закурил трубку и начал рассказ:

— Я знал, что в этой местности горилл очень много, но нет ничего удивительного в том, что мы не могли их обнаружить. Вы себе не представляете, что это за чуткие и умные животные. Если бы не Динго, я наверняка прошел бы рядом с сидящей на дереве гориллой, не подозревая о ее присутствии. Но у Динго великолепный нюх. Надо только внимательно наблюдать за его поведением. Он стал беспокоиться уже на расстоянии часа пути от нас. Он ежеминутно посматривал на меня, причем на его спине шерсть вставала дыбом. Мы спрятались в кустах и стали ждать. Прошло довольно много времени, пока я заметил крупную гориллу, срывавшую с дерева дикие персики. Объев одно дерево, самец с легкостью, которую трудно подозревать в столь крупном и тяжелом животном, ловко перепрыгнул на соседнее. Горилла наломала целую связку веток вместе с плодами, соскочила на землю и медленно пошла к своему логову.

Мы издали следили за ней, скрываясь за деревьями. Горилла привела нас к небольшому, тенистому и влажному оврагу. На платформе, устроенной на ветвях раскидистого дерева, сидела самка с детенышем.

Это для них самец принес персики, сорванные вместе с ветками.

— А ты видел, как они ведут себя в семье? — спросил Вильмовский.

— Конечно, ведь я не мог не воспользоваться великолепным случаем. Должен сказать, по росту самец оказался выше нашего боцмана.

— Вы, извиняюсь, не сравнивайте меня с обезьянами,— возразил обиженный моряк.

— Извините меня, боцман,— улыбнулся Смуга.— Я употребил это сравнение только для того, чтобы наши друзья смогли полностью представить мощное сложение животного, на которого нам предстоит охотиться.

— Ну, если так, то пожалуйста,— ответил боцман.— Продолжайте рассказ.

— Вообразите себе великана с очень широкими плечами, сильно развитой, выпуклой грудью, длинными руками, достигающими почти до колен, который бесшумно передвигается на сравнительно коротких ногах. Я его ясно видел в подзорную трубу. У гориллы только лицо и ладони пепельного цвета и лишены растительности, а так шерсть покрывает все ее тело. Ходит она слегка наклонив голову вперед. В чаще она ползает на четвереньках, а когда становится на ноги, то качается, причем походка ее, извините меня, боцман, похожа на матросскую. Но самое большое впечатление производит лицо гориллы, с дикими, блестящими глазами.

— Прошу тебя, Ян, опиши тщательно все свои наблюдения. Это очень ценные сведения, не только для нас,— попросил Вильмовский.

— Завтра утром, я думаю, мы отправимся вдвоем, чтобы пополнить мои наблюдения. Я знаю, что в Европе есть много людей, ждущих их с нетерпением.

— А вы сумеете завтра найти логовище горилл? — тревожно спросил Томек.

— Не бойся, дружище. Я по дороге оставил знаки, которые облегчат поиски нужного места.

— Когда же мы начнем облаву на горилл? — спросил Хантер, который поддался всеобщему волнению.

— Вот теперь мы переходим к сути дела,— ответил

Смуга.— Утром я вместе с Вильмовским отправлюсь на разведку, и только после этого можно будет начать охоту. Мы поставим у логовища горилл сосуды с пивом и на месте подождем результата. Если обезьяны действительно так любят пиво, как говорит Сантуру, мы без особого риска сумеем всю семейку посадить в клетку.

— Вы слышите, что говорит Смуга о ваших лесных людях? — с триумфом обратился боцман к носильщикам и Матомбе.— И было вам чего бояться? Теперь вам, пожалуй, стыдно!

— Великий белый буана отважен, как буйвол или слон,— сказал Матомба.— Но пока еще соко не сидят в ваших домах из железных прутьев.

— Смотри, дружище! Вот этими двумя лапами я сам посажу их в клетки,— хвастливо говорил боцман, которому польстило сравнение со слоном и буйволом, самыми сильными животными континента.

— Буана, ты и в самом деле посадишь соко в клетку? — с восхищением спросил Матомба.

— Можешь убедиться в этом, если у тебя хватит храбрости пойти туда с нами,— уверенно сказал боцман.

Матомба долго думал, но, по-видимому, характерное для негра любопытство взяло верх, потому что он заявил:

— Хорошо, буана, Матомба бояться соко, но пойди с тобой, чтобы увидеть, как ты посадишь лесного человека в клетку.

— Ах, чтоб ты провалился! Ты мне нравишься, Матомба, или как тебя там звал уважаемый папаша.

— Значит, завтра начинаем охоту. Слушайте, если поймает гориллу, то устроим пир на весь мир,— обещал, развеселившись, Вильмовский.

Негры, взволнованные предстоящей охотой и обещанием пира, расходились по местам, оживленно беседуя, а тем временем Томек, до странности печальный, подошел к отцу.

— Разве ты не доволен от одной только мысли, что завтра начнется охота? — спросил Вильмовский, внимательно смотря на мальчика.

— Я бы радовался и даже очень, но...— Томек пре-

рвал начатую фразу и замолчал, опустив голову на грудь.

— Что тебя опять угнетает? Почему не скажешь прямо?

Томек посмотрел отцу прямо в глаза.

— Возьми меня завтра утром с собой, когда пойдешь вместе с дядей Смугой, чтобы наблюдать горилл! — одним духом выпалил Томек.

— Гм, я, собственно, хотел тебе это предложить, но думал сначала узнать мнение Смуги, — ответил Вильмовский, подавляя улыбку, потому что он сразу догадался о мечте сына. — Как ты думаешь, Ян?

— Раз мы решили сделать из Томека превосходного зверолова, то, думаю, будет полезно взять его в наш поход. Такой великолепный случай может не скоро повториться. А у нас будет еще один свидетель событий, который подтвердит, что мы наши сведения не высосали из пальца, — ответил Смуга.

Обрадованный Томек сразу же бросился осматривать оружие.

На рассвете следующего дня трое охотников направились к лесному оврагу. Смуга шел впереди. Он легко находил оставленные вчера знаки на деревьях или ветки, уложенные им на земле. Вслед за Смугой, чутко прислушиваясь ко всему, что происходит вокруг, шел Томек со штуцером в руках. Шестивие замыкал Вильмовский. Медленно и осторожно пробираясь сквозь кусты, они подошли к краю густо заросшего деревьями склона оврага. Все трое спрятались в небольшой ямке. Смуга осторожно раздвинул ветки кустов. Достал подзорную трубу. Он долго что-то искал в овраге.

— Сидят, сидят в логовище! — с волнением прошептал он.

Смуга передал подзорную трубу Томеку, который посмотрел в указанном направлении. Между ветвями огромного дерева, не выше пяти метров над землей, он увидел платформу, сплетенную из ветвей и лиан. На платформе сидела самка. Тонкой, покрытой листьями веточкой она отгоняла мух, летавших над спящим детенышем. На земле, опираясь спиной о ствол дерева, сидел огромный самец. Рядом с ним лежала

кучка каких-то растений, вырванных с корнями; он обгрызал их, пережевывая мощными челюстями. Вскоре он окончил завтрак, схватил охапку веток, поднялся на короткие ноги и с акробатической ловкостью взобрался на дерево. Не выпуская из рук ноши, он взошел на платформу и протянул ветки самке, но та его с гневом прогнала. Самец покорно соскочил на землю и направился в лес.

Смута решил, что самка была не довольна пищей, которую принес муж, и отправила его в лес принести фруктов, которые так любят обезьяны. Охотники наблюдали за поведением горилл несколько часов. Самка с детенышем на руках спустилась на землю. Она внимательно следила, чтобы тот не уходил далеко, кормила дитя персиками и листьями, полученными от мужа. В жаркие часы дня она взяла детеныша на руки, влезла с ним назад на дерево и уложила спать. Когда маленькая горилла не слушалась и пыталась вылезти из логовища, самка легонько шлепала ее рукой и снова укладывала спать рядом с собой.

Через некоторое время охотники ушли из оврага. Вернувшись в лагерь, Томек, по просьбе отца, принялся описывать наблюдения, обозначив с помощью Смуги место на карте, где они видели горилл.

Путешественники чрезвычайно тщательно готовились к первой охоте в Африке. Они несколько раз проверяли состояние сетей, прочность ремней и внимательно осмотрели железные клетки. Вильмовский объявил неграм, что добровольцы могут принять участие в опасной охоте, за что получают специальное вознаграждение. К его удивлению, первым вызвался Матомба, который с того времени, как боцман храбро заявил, что собственными руками посадит в клетку гориллу, не отставал от боцмана ни на шаг. Все негры по примеру Матомбы вызвались идти на охоту. Не желая оставить лагерь без наблюдения, Вильмовский выбрал двадцать самых сильных и ловких носильщиков и еще раз обещал устроить им хорошее угощение, если удастся охота. В лагере остались два вооруженных карабинами масая и восемь носильщиков. Все остальные направились на охоту.

На этот раз Смуга повел охотников по кратчайшему пути. Они остановились вблизи лесного оврага и спрятались в чаще. Смуга и Хантер выбрали пять человек, которые должны были нести сосуды с пивом, и вместе с ними стали осторожно подходить к логовищу горилл. Под защитой двух великолепных стрелков негры почти бесшумно шли вдоль оврага. Сантуру жестом попросил охотников, чтобы были начеку, и расставил вблизи дерева, на котором находилась платформа горилл, пять тыкв, наполненных крепким напитком. После этого негры медленно отступили из оврага, в котором остались только Сантуру и два белых охотника. Как только ушли носильщики, Сантуру сломал ветку у дерева. Раздался громкий треск. Царский ловчий быстро пробежал несколько шагов, нарочно продираясь через самые густые кусты. Охотники тоже начали отступление. Они остановились только на расстоянии ста метров от тыкв с пивом. Смуга через подзорную трубу наблюдал за поведением горилл. Огромный самец без колебаний направился к вершине оврага, чтобы проверить, какая опасность угрожает его семье. Он быстро на четвереньках бежал по направлению, откуда минуту назад послышался треск ломаемой ветки. Как вдруг он решительно остановился, увидев странные предметы. Почувствовав незнакомый запах, он осторожно, шаг за шагом, стал подходить к тыквам. Долго и недоверчиво обнюхивал тыквы с пивом, сладковато-кислый запах которого манил его. Через некоторое время он попробовал напиток.

Хитрость удалась. Охотники издали смотрели, как горилла, словно заядлый пьяница, быстро опорожнила две тыквы. Желая, чтобы животные как можно скорее опьянели, Вильмовский добавил в пиво немного спирта, поэтому ждать результатов обезьяньего пьянства долго не пришлось. Колеблющаяся походка гориллы стала теперь совсем уж комичной. Великан валился справа налево, падал, громко рычал и тем обратил внимание своей супруги. Она вскоре очутилась рядом с пьяным мужем и обе обезьяны, громко чавкая, опорожнили оставшиеся сосуды. Когда они убедились, что тыквы пусты, разбили их о деревья и рас-

топтали, после чего на четвереньках полезли к плачущему младенцу.

Это стало сигналом отступления для наших охотников. Они немедленно побежали к поджидавшим их товарищам и рассказали им о виденном. Сейчас же вся группа направилась в овраг, взяв с собой клетки и ремни. Только Томек и Хантер держали наготове ружья, чтобы меткими выстрелами убить животных, если они попытаются напасть на людей. Охотники приблизились к гориллам и увидели поистине жалкое зрелище. В небрежных позах гориллы лежали у подножия дерева, на котором была построена платформа. Детеныш прижался к груди самки и жалобно пищал. Он заметил охотников. Начал тянуть мать за шерсть, пытаясь ее разбудить, но она и ее муж громко храпели, погруженные в глубокий, пьяный сон.

— Тыфу, только скотина может так напиться,— пробурчал боцман, бросая на обезьян взгляд, полный презрения.

— Мне приходилось видеть и людей в таком состоянии,— шепнул Томек.

— Не болтай по-пустому, такие люди тоже не лучше скотов,— возмутился боцман.— Порядочный человек всегда пьет в меру, притом... лучше всего ром.

— Тише! — прошипел Хантер.

Негры, как духи, подошли к неподвижно лежащим гориллам. Они почти в молитвенном настроении поставили на землю клетки рядом с обезьянами. Матомба многозначительно посмотрел боцману в глаза.

Надо сказать, что у веселого моряка всегда хватало храбрости, если нужно было показать свою чрезвычайную силу и отвагу. Как только он почувствовал на себе взгляд Матомбы, он отбросил ружье в сторону.

— Подвиньте-ка ближе открытую клетку,— обратился он к Хантеру и направился к обезьянам.

— Боцман, подходите к ним сзади и держите руки как можно дальше от морды горилл,— предупредил Смуга.

Моряк осторожно, по-кошачьи, подошел к самцу, схватил его за мощные плечи и повернул на живот. Жилистыми руками он обхватил гориллу за талию.

Огромная обезьяна, должно быть, весила порядочно, потому что, когда боцман поднял с земли неподвижное тело, на его лбу жилы налились кровью. Не прошло и минуты, как горилла лежала в железной клетке.

Восторженный шепот негров был для боцмана самой лучшей наградой. Довольный собой, он гордо поглядывал на Матомбу. Негр стоял с широко открытым ртом, а его взгляд, исполненный восторга, выражал больше, чем можно было высказать словами.

Теперь моряк подошел к самке. Однако или потому, что она выпила меньше пива, чем ее супруг, или до ее сознания доходил отчаянный писк малыша, она оскалила зубы, хотя и не открыла сонных глаз. Увидев это, Вильмовский и Хантер бросились боцману на помощь. Как только Хантер отбросил винтовку в сторону, чуткий, как всегда, Смуга немедленно поднял с земли свое ружье и подошел к Томеку, который с интересом наблюдал за боцманом.

Как вдруг сзади охотников, поднимавших с земли упирающуюся самку, в кустах послышался шорох. Из чащи на четвереньках вылезла горилла колоссальных размеров. Увидев людей, она поднялась на задние лапы. Рост животного, безусловно, был больше двух метров, потому что ей приходилось смотреть на людей сверху вниз. Темно-серые, дико блестящие глаза без всякого страха смотрели на кучку людей. Горилла внезапно сжала кулаки и стала молотить себя по груди. Послышался глухой гул. Обезьяна громко рывкнула, а потом издала такой ужасный крик, что люди остолбенели. Глаза обезьяны горели бешенством. Короткая грива на ее низком лбу то приподнималась, то опускалась. Она била себя в грудь огромными, как буханки хлеба, кулаками, непрерывно рычала, как будто звала на помощь злых духов, дремлющих в глубине джунглей. Она сделала два шага, на минутку задержалась, потом наклонила туловище и, не переставая рычать, колеблющимся шагом направилась к группе людей.

Животное появилось столь неожиданно, что, кроме Смуги и Томека, никто не успел схватить оружие. Даже масаи отбросили свои винтовки, на-

блюдая за тем, как боцман сажал самца в клетку. Вильмовский, Хантер и боцман в этот момент находились всего лишь на расстоянии каких-нибудь пяти метров от нападавшей гориллы. Они сразу же поняли, что им грозит. В первый момент Вильмовский и Хантер очень испугались, но неустрашимый боцман не потерял головы. Не поднимаясь с колен, он выхватил из-за пояса острый нож. Он решил хотя на момент задержать разъяренное животное и тем самым дать возможность товарищам подготовиться к защите.

Детеныш неожиданно испугался ужасного рычания чужой гориллы. Он неловко перепрыгнул через тело матери и бросился к Томеку и Смуте. Горилла непрерывно рычала, направляясь вслед за малышом. Смуга прицелился, но еще не отважился нажать на спуск. Левая рука бесстрашного путешественника дрожала, делая невозможной меткую стрельбу. Лицо у Смуги побледнело, на лбу выступили капли пота. Несмотря на это, он остался хладнокровным.

— Томек, стреляй! Целься между глаз! — крикнул он, выдвигаясь несколько вперед.

Это был последний момент. Горилла приближалась. Крик Смуги спас жизнь трем охотникам, стоявшим около неподвижно лежащей самки. Услышав человеческий голос, обезьяна одним движением длинных, суковатых рук отбросила в сторону Вильмовского и Хантера, перескочила через великана боцмана, который мужественно всадил в нее нож, и побежала к мальчику и Смуте. Томек не понимал, почему Смуга не стреляет, но, как только услышал приказ, молниеносно прицелился в гориллу. В его голове пронеслась мысль, что все в этот момент смотрят на него. Он уверенно нажал спуск.

Раздался сухой звук выстрела. Горилла застонала совсем как человек. Она упала вперед. Несколько минут огромное тело животного билось в конвульсиях.

В овраге раздался триумфальный крик негров, несколько раз отразившийся от стены леса. Вильмовский и Хантер, совершенно невредимые, только теперь схватили ружья. Боцман тяжело поднялся; проклиная всех и вся, он стал растирать ушибленные ме-

ста. Смуга, еще совсем бледный, но уже совершенно спокойный, подошел к убитой горилле. Концом ружейного ствола он приподнял ее голову. Маленькое отверстие от пули штуцера виднелось точно между залитыми кровью глазами животного.

Боцман приковывлял к убитой горилле. Спокойно, будто ничего особенного не случилось, сказал:

— Провалиться мне на этом месте, но это силач из силачей! Вы видели, как она без всякого усилия перескочила через меня? Месхерия и вы там, остальные, поверните ее на спину. Выньте нож из ее груди!

Вильмовский подошел к сыну и без слов потрепал его по плечу.

— Томек и боцман сделали все, что было в их силах для нашего спасения. Они сегодня герои,— отозвался Смуга.— Ты, наверное, удивляешься, Андрей, почему я сам не стрелял?

— Я сразу заметил, что с тобой происходит что-то неладное,— признался Вильмовский.— Когда ты опустил ружье без выстрела, я испугался больше, чем от неожиданного нападения гориллы. Что с тобой случилось, Ян?

— Меня преследует тень мстительного Кастанедо,— печально улыбнулся Смуга.— Я теперь не могу от вас скрывать, что иногда чувствую странную слабость в левой руке. Она начинает у меня дрожать, как в лихорадке. Вот и все! Я не был уверен в меткости моего выстрела, а промахнуться нельзя было, потому что это кончилось бы смертью многих из нас. Я тебя поздравляю, Томек.

— Счастье твое, браток! Мне на мушку такая штука никак не попадается. Однако если успех сопутствовал моему другу, то я радуюсь так, как если бы сам отправил гориллу на лоно Авраама пить там пиво,— сказал боцман.

— Не сетуйте, боцман,— серьезно заявил Смуга.— Я, пожалуй, первый и последний раз в жизни видел человека, бросившегося на гориллу с ножом. Я очень ценю людей, не знающих страха.

Боцман кашлянул от смущения, услышав столь большую похвалу.

— Давайте посадим самку в клетку, а то она про-

трезвится и ее придется тоже убить,— заметил Вильмовский.

Пока охотники закрывали самку в клетке, Томек и Самбо нашли детеныша. Несмотря на сопротивление, они вытянули малыша из ближних кустов.

— Посадите его в клетку матери,— посоветовал Хантер.— Детеныш скоро успокоится и будет рад. По-видимому, крик этого пацана привлек сюда третью гориллу. Идемте назад, больше ничего мы здесь не сделаем.

— А что будет с убитой гориллой?

— Ее тоже придется взять в лагерь. Это великолепный экземпляр. За этот скелет и шкуру нам хорошо заплачат,— ответил Смуга.

Если до этого негры дрожали от одной только мысли о встрече с лесными людьми, то теперь они танцевали от радости и громко кричали. Они без всякого страха связали убитое животное по рукам и ногам и, подвесив его к жерди, понесли в лагерь.

Обратный путь длился довольно долго. Негры сгибались под тяжестью клеток с животными. Им приходилось часто отдыхать, но они были чрезвычайно рады и очень болтливы. Они без устали хвалили силу и храбрость боцмана, удивлялись хладнокровию и меткости малого буана и радовались тому, что их ждет пиршество, обещанное Вильмовским.

В лагерь они пришли только к вечеру. Вильмовский приказал поставить клетки на лугу, недалеко от лагеря. Клетки тоже окружили оградой из ветвей. Внутри ограды негры посадили небольшие деревца, которые давали необходимую тень обеим клеткам. Носильщики были недовольны лишней, по их мнению, работой, но Вильмовский был непоколебим. Он прекрасно знал, как трудно везти по морю чувствительных к неволе горилл. И он знал, какую крупную сумму можно будет получить в Европе за живых человекообразных обезьян.

XVIII

НАРОД ЛИЛИПУТОВ

Раздраженные пленением, гориллы успокоились только через четыре дня. В ограду, где стояли их клетки, никому нельзя было входить, кроме Вильмовского и Сантуру; это делалось для того, чтобы животные постепенно привыкли к новым условиям существования. Поимка целой семьи человекообразных обезьян была большим успехом экспедиции. Отдельные экземпляры, пойманные раньше различными звероловами, в большинстве случаев гибли во время морского путешествия. Специалисты, работавшие у Гагенбека, считали, что причиной быстрой гибели горилл в неволе были скорее психические, нежели физические факторы. Поэтому Вильмовский решил окружить семью горилл чрезвычайной заботой и создать им в неволе условия, близкие к природным.

Вильмовский не находил слов благодарности для Сантуру. Царский ловчий умел завоевать доверие животных, к которым в первое время нельзя было подойти. Он начал с того, что старался находиться вблизи клеток, чтобы животные привыкли к его присутствию. Взрослые гориллы в первые дни пребывания в клетках не принимали пищи и не хотели пить. Детеныш горилл оказался стоворчивее. Расстояние между прутьями в клетках давало ему возможность переходить от матери к отцу и обратно, но так как они не могли его накормить, малыш подошел к тихому, ласковому человеку. Сантуру только этого и ждал. Он спокойно подал малышу ветку, сплошь усеянную дикими персиками. Малыш схватил сначала один сочный плод, потом второй, третий, а когда наелся досыта, Сантуру положил ветку с плодами на землю. Хитрый малыш затянул по земле ветку в клетку матери, которая упорно отказывалась от еды. Однако, когда Сантуру на следующий день пришел в ограду, оказалось, что от персиков ничего не осталось. Теперь он ежедневно приносил целые охапки лакомств и оставлял их у клеток. Обезьяны прекратили голодовку.

Уход обоих звероловов за обезьянами приносил хорошие результаты, но Вильмовский не сомневался, что пройдет много времени, пока обезьяны совершенно освоятся со своим положением. А тем временем приближался период дождей, и путешественники должны были как можно скорее закончить охоту. Поэтому Вильмовский не удивился, когда однажды Смуга обратился к нему со следующими словами:

— Твое присутствие в лагере необходимо из-за горилл. Но я здесь не нужен и мог бы отправиться на поиски окапи. Наши запасы продуктов истощаются. Вскоре нам нечем будет кормить людей. Если разбиться на небольшие группы, можно будет добыть пищу охотой.

— Сколько времени тебе надо на поиски окапи? — спросил Вильмовский.

— Я думаю, что приручение горилл займет у тебя три-четыре недели. Мы должны во что бы то ни стало привезти их в Европу живыми. Одновременно ты мог бы попытаться поймать шимпанзе, которых я видел в горных ущельях к югу от лагеря. Это значит, что в моем распоряжении будет от четырех до шести недель.

— Ловле окапи можно посвятить и больше времени. До сих пор вообще неизвестно, есть ли в Африке такое животное. Мы бы обогатили науку об африканской фауне и получили бы значительную премию, которую обещали дать англичане за живого или мертвого окапи. Пренебрегать этим нельзя.

— Я уже об этом думал. Экспедиция поглотила все наши сбережения. Значит, от результатов охоты зависит, будем ли мы людьми богатыми или разоримся вконец. Мы не можем допустить, чтобы Томек потерял свои деньги.

— Будь спокоен, он, конечно, не будет нас винить. Кого же ты хочешь взять с собой на поиски окапи?

Как видно, Смуга заранее продумал весь план самостоятельной экспедиции, потому что без всяких колебаний ответил:

— Если не будешь возражать, то я возьму с собой восьмерых носильщиков, двух масаев, Инуши и Секелету, ну и... Томека с Динго.

— Ты хочешь взять с собой Томека? — удивился Вильмовский.

— У каждого человека свои слабости. Мне нравится твой сын, а кроме того, я думаю, что все, чего он желает, в конце концов исполняется. Ты, вероятно, будешь считать, что я суеверен, но... предчувствие говорит мне, что с Томеком мы поймем окапи.

Вильмовский доверял Смуге, как самому себе, но долго колебался. Никто не мог предвидеть, с какими трудностями и опасностями встретится экспедиция в девственных джунглях. Ведь в этих лесах живут дикие пигмеи, о чем давно уже предупреждал Хантер.

Смуга заметил колебание товарища. После недолгого молчания он тихо добавил:

— Дело в том, Андрей, что я уже не уверен в меткости своей стрельбы. Кто знает, не задрожит ли моя рука в решительный момент. Я бы не принимал этого во внимание, если бы речь шла только о стычке с туземцами. В этом случае достаточно револьвера и моей здоровой правой руки, но если придется стрелять в бегущего по лесу окапи, я предпочитаю, чтобы стрелял Томек. Думаю, ты знаешь, что твой паренек так метко стреляет, как я до случая с Кастанедо?

— Искренне тебя благодарю от своего и Томека имени, — ответил растроганный Вильмовский. — Лучшие стрелки считают тебя непревзойденным мастером!

— Можешь мне верить, потому что я точно знаю, что Томек превзойдет нас всех в стрельбе.

— Если говорить откровенно, то я немного боюсь за Томека. По-моему, он слишком пылок и мало выдержан. Но с тобой я его пущу, если он захочет! Возьми с собой и боцмана Новицкого. Этот добродушный силач никого и ничего не боится. Кто знает, с кем вы встретитесь в джунглях, а негры чересчур суеверны и ручаться за них нельзя.

— Я не хотел лишать тебя помощи боцмана, но если ты считаешь, что обойдешься без него, то я охотно возьму его с собой.

Когда Томек узнал, что Смуга лично просил у отца разрешения взять его с собой в экспедицию за окапи, радости его не было пределов. Боцман тоже был рад,

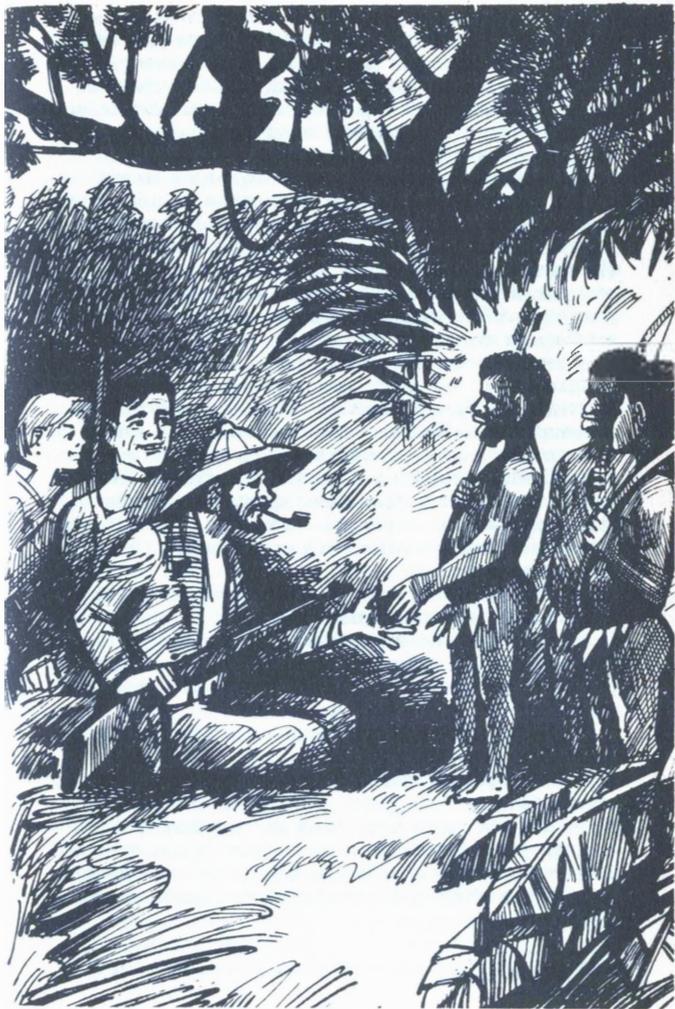
потому что он не любил долго сидеть на одном месте и постоянно тосковал по новым приключениям. Друзья стали охотно помогать Смуте в подготовке к экспедиции. Они выбрали три складные клетки, взяли с собой две большие сетки, лассо и ремни, связав все это в тюки, которыми предполагалось навьючить осла. На второго осла решили догрузить снаряжение и палатки. Носильщики должны были взять с собой запасы продовольствия, рулоны ситца, медную проволоку, стеклянные бусы, соль, табак и много других предметов для обменной торговли с жителями джунглей.

Верный Самбо опечалился предстоящей разлукой с Томёком и побегал к Вильмовскому, надеясь выпросить у него разрешение на участие в экспедиции. Звероловы полюбили молодого негра, и он без труда добился согласия Вильмовского.

На подготовку экспедиции в далекий путь отвели всего лишь один день. Уже на следующее утро энергичный Смуга дал приказ к отъезду. Под дружеские возгласы остающихся небольшой караван вышел из лагеря и вскоре исчез из виду в густых зарослях джунглей.

Караван медленно шел вперед через мрачную путаницу деревьев и кустов. Иногда путникам преграждал дорогу прогнивший ствол дерева, иногда им приходилось обходить обширные участки поваленного леса. Томек догадался, что подобные опустошения были естественного происхождения. Вершины деревьев были так прочно опутаны лианами, что если ураган повалил одно из них, то падало несколько других. Между поваленными стволами деревьев вырастали новые, еще более спутанные и мрачные. Непроходимая чаща скрывала естественные богатства от жадности людей; здесь росли великолепное красное дерево, розовые и коралловые деревья, много было также кокосовых пальм, каучуковых деревьев и бамбука.

Не обращая внимания на препятствия, Смуга обходил поваленные стволы, приказывал пробить просеку и смело двигался вперед. Он внимательно исследовал встречающиеся болота, а в местах, где вечный мрак не позволял видеть происходящее вокруг, он

чутко, в молчании, прислушивался к звукам, доносившимся из джунглей. Бескрайние джунгли кипели жизнью. Миллиарды насекомых привлекали к себе множество разнообразных птиц, питавшихся ими. В чаще дикорастущих персиковых деревьев слышались крики обезьян и попугаев, а на полянах, покрытых буйным ковром цветов, носились тучи пчел.

На короткий отдых караван задержался на небольшой поляне. Негры быстро разложили костер, чтобы приготовить компот из диких персиков. Оглядываясь вокруг, Томек заметил смешную маленькую птичку. По внешнему виду птица походила на воробья; она все время перелетала с ветки на ветку и издавала громкий, мелодичный крик. Мальчику показалось, что она во что бы то ни стало хочет обратить на себя внимание. Птица все время улетала в одном и том же направлении, но сразу же возвращалась и громко кричала, как бы приглашая следовать за собой. Томек с интересом наблюдал странное поведение птицы и, пользуясь случаем, постарался подробно ее рассмотреть. Птица отличалась короткими ногами и хвостом, крепким клювом и длинными крыльями. Негры тоже заинтересовались пернатым нахалом. Носильщики оживленно показывали птицу друг другу, а Смуга обратился к мальчику:

— Я вижу, что у тебя слюнки потекли при одной лишь мысли о свежем меде.

— Я совсем не думаю о меде,— возразил мальчик.— Я только наблюдаю за странной птицей, которая ведет себя так, как если бы приглашала нас куда-то идти.

— Ты в самом деле не знаешь, что это за птица? — удивился Смуга.

— Я впервые обратил на нее внимание сегодня,— ответил Томек.

— Должен похвалить тебя за наблюдательность, потому что эта птица и в самом деле приглашает нас к пчелиному гнезду. Это медовед¹, который отличается тем, что очень любит показывать людям пчелиные дупла с медом.

---

¹ Cuculus indicator.

— Если это правда, то о чем думают наши спутники? — воскликнул Томек.— Я с удовольствием съел бы свежего меда!

— Негры ведут совет, потому что они не уверены, можно ли полностью доверять этой птице. Дело в том, что некоторые из них утверждают, что птица часто обманывает и вместо того, чтобы показать, где находится мед, приводит людей к логовищу диких животных.

— Неужели медоведы и в самом деле увлекают людей в засаду?

— Они принадлежат к очень известным птицам Африки. Кроме того, два их вида обитают в Северо-Восточной Индии и на острове Борнео. В большинстве случаев они приводят людей или животных к пчелиным ульям. Но могут иногда навести путника на место, где находится что-либо иное.

— Давайте рискнем на этот раз,— предложил мальчик.— Бояться нам нечего, а мед очень вкусная и питательная вещь. Консервы мне уже опротивели.

— Правда, браток, правда! — подтвердил боцман.— Негры во всем видят необыкновенное, но нам бояться нечего, а надо идти вперед и тогда окажется, что их страшилище не что иное, как пенъ, заросший мхом. Но я интересуюсь, зачем эти птицы приводят людей к ульям с медом? Что они за это получают? А может быть, они принадлежат к какому-нибудь африканскому благотворительному обществу?

Боцман засмеялся своей шутке, а Смуга ответил:

— Медоведы знают, что после того, как будет разорен улей, для них всегда останутся кусочки сотов или личинки пчел — их излюбленное лакомство.

— Если дело обстоит так, то идем за нашим медоведом! — решил боцман.— Томек, Самбо и кто там еще, умеющий подкуривать пчел, айда за мной!

Пойти добровольно вызвались два носильщика. После удачной охоты на горилл негры без всякого раздумья готовы были сопутствовать моряку во всех его приключениях. Самбо взял с собой большой сосуд для меда, а птица, увидев, что люди поняли ее призыв, радостно закричала.

Птица вела себя умно и дружески. Она отлетала

только на такое расстояние, чтобы людям легко было за ней поспевать; она садилась на ветках, призывая людей громким криком, либо мчалась как стрела, будто стремясь доказать, что превосходно знает дорогу, но сейчас же возвращалась обратно, словно приглашая быстрее идти за ней. Вскоре медовед привел путешественников к старому дереву. Самбо отыскал большое дупло, вокруг которого летали пчелы.

Негры громко хвалили умную птицу и, не долго думая, стали собирать влажные ветки. Пылающий пук из этих веток давал тучу горького дыма. Оказалось, что Самбо весьма ловкий пчеловед. Он сумел быстро отогнать пчел, летавших вокруг дупла, и с помощью дыма избавился от защищавшихся насекомых, сидевших в природном улье. Не прошло и получаса, как он заполнил большой сосуд сотами великолепного желтого меда. Негры набросились на сладкие соты. Они не обращали внимания даже на то, что на них лежало множество мертвых пчел, и ели их вместе с воском. В дупле оказалось так много меда, что взять можно было только небольшую его часть. Сидя на ветви соседнего дерева, птица внимательно наблюдала за действиями людей. Когда они собрались уходить, она начала триумфальную песнь. Потом полетела в дупло, чтобы справить хорошо заслуженный пир.

Вечером у костра основной темой беседы были приключения людей, которые последовали обманчивым призывам медоведов. Внезапно из черного мрака джунглей послышались отдаленные звуки барабанов. Звероловы сразу же умолкли. Там-тамы сообщали о том, что здесь находились люди. Кто они? Неожиданные встречи в джунглях всегда вызывают опасения как одной, так и другой стороны. Может быть, это хитрые пигмеи бамбютты, а может быть, людоеды, зовущие там-тамами на охоту за людьми? Белые охотники и негры сразу же потеряли желание продолжать мирную беседу. Их ждала ночь, полная тревоги и напряжения. Шелест кустарника, треск ломаемой ветки или вообще незнакомый звук, доносящийся из джунглей, сразу же заставляли охотников вскакивать с мест. В такие минуты они с облегчением наблюдали за поведением Динго, который лениво приподнимал

веки и сонно смотрел на бодрствующих людей. На рассвете невыспавшиеся охотники направились в дальнейший путь. Идя друг за другом, они пробирались через чащу. Впереди шел Смуга с Динго, а Томек с боцманом замыкали караван. Они без всяких препятствий прошли около трех километров. Маленький караван вошел в естественную аллею из высоких деревьев. Вдруг Динго стал беспокоиться. В этот же момент вблизи раздался отчаянный крик. Росшие между деревьями густые кусты бесшумно раздвинулись, и в полумраке зелени показались почти нагие, черно-коричневые тела африканских лилипутов. На покрытых белой и красной краской лицах выделялись длинные верхние губы и плоские, вздернутые, широкие носы. В руках пигмеи держали натянутые луки. Острия стрел были направлены прямо в грудь путешественников. Смуга сказал несколько приветственных слов. Он сделал шаг вперед по направлению к пигмеям, но громкий окрик одного из них, как видно старшего, остановил его. Караван был окружен полунагими пигмеями. Острия стрел угрожали со всех сторон.

Томек и боцман плечом к плечу стояли с винтовками, готовыми к выстрелу, однако отдавали себе отчет в том, что огнестрельное оружие не спасет их от отравленных стрел. Тем временем из лесу показывалось все больше и больше пигмеев. Динго обнажил клыки, шерсть у него на спине стала дыбом, но Смуга крепко держал его на поводке.

— Я бы разогнал этих карликов, но их палочки могут быть отравленными, — с гневом прошипел боцман.

Пигмеи словно в ответ на слова боцмана крепче натянули тетивы луков. Длинный ряд маленьких воинов джунглей направил на путешественников острия пик. Положение становилось угрожающим. Обе стороны недоверчиво поглядывали друг на друга.

— Садитесь на землю, — громко приказал Смуга и первый уселся, подвернув под себя ноги.

Носильщики медленно положили багаж на землю. Сели рядом с тюками, беспокойно поблескивая глазами. Тем временем Смуга, словно не видя направленных на себя стрел, спокойно достал из кармана труб-

ку, набил ее табаком и взял в рот. Потом из непромокаемого мешочка вынул коробку спичек. Увидев огонь, пигмеи стали удивленно шептаться. Их лица потеряли дикий, ужасный вид. Они с любопытством первобытных людей наблюдали за каждым движением белого охотника.

— Инуши, подай мне мешочки с солью и табаком, — приказал Смуга.

Огромный масай поднялся с земли. Пигмеи немедленно сжали круг, как бы забыв о том, что держат в руках луки. Чтобы лучше следить за движениями Инуши, они вставали на цыпочки. Они не мешали Инуши подойти к Смуге с двумя мешочками, которые тот приказал ему принести. Смуга вынул из кармана записную книжечку, вырвал из нее два листка. На один насыпал немного соли, на второй — табаку. Обе бумажки он положил впереди себя. После этого он жестом пригласил вождя пигмеев подойти ближе.

Карлик сделал вид, что не замечает приглашения. Смуга спокойно курил трубку, наблюдая исподлобья за поведением пигмеев. В конце концов старый бамбютт не выдержал и, не опуская натянутый лук, шаг за шагом подошел к Смуге. Это был опасный момент. Старик присел и отложил оружие в сторону. Звероловы с облегчением вздохнули. Вождь сначала взял бумажку с табаком. Понюхал его, кивнул головой, покрытой курчавыми волосами, полизал палец, коснулся им соли и стал сосать. По-видимому, проба удовлетворила старика, потому что он сразу же посыпал табак солью и вместе с бумажкой отправил в рот. Видно, это было большое лакомство, потому что на его лице появилась дружеская улыбка. Он что-то стал говорить своим спутникам. Они немедленно сняли стрелы с тетивы луков. Подошли к Смуге, который встал и каждому из них отсыпал по горсти соли и табаку. По всей вероятности, они считали бумагу за неизвестное им лакомство, потому что один из пигмеев жестами показал на карман, в котором Смуга держал записную книжку. Смуга, сохраняя серьезность, достал книжку из кармана и вручил всем пигмеям по одному листочку. Таким образом, лед оказался сломанным. Чтобы укрепить дружеские чувства, Смуга

подарил пигмеям по связке стеклянных бус. Теперь они прониклись доверием к странному человеку с белой кожей. Некоторые из них касались пальцами лица путешественника, желая проверить, не покрасил ли он себя белой краской. Они были явно изумлены, когда убедились, что краски на лице Смуги нет.

— Пожалуй, они впервые увидели белых людей,— сказал Томек, успокоенный мирным поведением карликов.

Пигмеи громко беседовали между собой, делая замечания, рассмешившие негров и Смугу, который немного понимал наречие банту. Один из пигмеев подошел к Томеку и стал сосредоточенно изучать его штуцер.

— Бахни, браток, разок в честь встречи,— тихо сказал Томеку боцман.— Пусть они порадуются!

Томек, не говоря ни слова, отстранил пигмея. Приложился и выстрелил вверх. Словно пораженные громом, пигмеи попадали лицом в землю. Они поднялись только после долгих убеждений, но стали далеко обходить «палку, бросающую молнию».

Смуга рассказал пигмеям, что он со своими друзьями занимается ловлей диких животных, а самые маленькие в мире люди заявили, что направляются в гости к соседнему племени на пир. Им сообщили посредством там-тамов о счастливой охоте на слона, поэтому они спешили принять участие в торжественном пире.

Когда Смуга перевел Томеку и боцману слова пигмеев, моряк нетерпеливо отмахнулся:

— Издеваются над нами эти карлики! Они бы побросали свои палочки и убежали бы куда глаза глядят от одного лишь вида слона!

— А вы почему сажались, боцман, перед ними на землю? — улыбнулся Смуга.— Можете быть уверены, что достаточно одной отравленной стрелы, чтобы повалить крупнейшего слона. А кроме того, нельзя считать пигмеев трусами.

Пигмеи с необыкновенным любопытством рассматривали путешественников, которые, по их мнению, были чрезвычайно смешно одеты и располагали необыкновенным количеством различных предметов.

После короткого совещания со своими воинами старый предводитель пигмеев пригласил охотников на пир, который должен состояться у соседнего племени. Он уверял, что гости будут приняты хорошо. Долго не думая, Смуга принял приглашение. Он надеялся, что первобытные жители джунглей скорее всего могут располагать сведениями об окапи.

Пигмеи оказались великолепными проводниками. Они знали скрытые в чаще тропинки, проходы через болота, а грозные и недоступные другим джунгли были им знакомы, как родной дом.

Бутандцы забыли о своих опасениях. Они громко смеялись и беседовали между собой. Дружба с пигмеями гарантировала каравану безопасность. Совместное путешествие позволило охотникам ближе познакомиться с самыми маленькими людьми мира. Томек то и дело бросал на них испытующие взгляды.

Обращало на себя внимание странное сложение пигмеев. Рост самого высокого из них не превышал одного метра тридцати сантиметров. У них были длинные туловища, короткие шеи и большие, круглые головы. Они ходили на своих коротких ногах несколько покачиваясь, но зато великолепно бегали и умели взбираться на деревья, как коты, пользуясь своими непропорционально длинными руками. Одежда пигмеев состояла из пучков травы, свисавших на шнурке из лиан, повязанном вокруг талии. Густые, курчавые волосы на голове, как и пушок, покрывающий все их тело, были рыжеватого цвета. Бороды на лицах у пигмеев были жесткие и черные. Остро спиленные передние зубы придавали им особенно дикий и неприятный вид. У пигмеев очень часто менялось выражение лица; во время беседы они одновременно двигали мускулами лица, головой, руками и ногами. Кожа у пигмеев выделяла специфический запах, отличный от запаха других негров.

Быстрый и долгий марш через джунгли измучил носильщиков, поэтому они вздохнули с облегчением, когда вблизи, из густой чащи слышались звуки там-тамов. Путешественники были у цели.

XIX

ПО СЛЕДАМ ОКАПИ

— Я думаю, что деревушка пигмеев уже недалеко, потому что там-тамы очень хорошо слышны,— сказал Томек, вытирая платком пот со лба.

— Кто их там знает? Видимо, для бамбюттов всюду «близко»,— пробурчал боцман, сопя, как кузнечный мех.— Эти карлики с самого утра уверяют, что мы вот-вот придем на место. Такой негритянский малец волочит свое брюхо почти по земле и не очень устает. Совсем другое дело, когда изображать из себя легкую газель приходится человеку нормального роста!

— Вы не волнуйтесь. Я уверен, что деревушка скоро покажется,— успокаивал Томек своего друга.— Любопытно, что сейчас передают там-тамы?

— Что передают? Лилипуты зовут соседей на жратву, вот и все! Для них убитый слон как зерно для слепой курицы!

Скоро в лесу показался просвет. Шедшие впереди пигмеи громко закричали. Тропинка заканчивалась на довольно большой поляне, на которой в тени деревьев стояло несколько примитивных шалашей. Навстречу прибывшим выбежали их жители, но, увидев караван, показавшийся из чащи, сразу же остановились в нерешительности. Белые охотники тоже задержались. Тем временем обе группы пигмеев вели между собой оживленную беседу. По-видимому, посредничество случайных проводников оказалось успешным, потому что пигмейские воины толпой подошли к охотникам. Они в изумлении показывали друг другу белых людей. Женщины сначала схватили было детей на руки и убежали в чащу, но когда старейшина деревушки привел караван на середину поляны и разрешил разбить лагерь, они вернулись.

Носильщики сняли багаж, развьючили ослов и приступили к разбивке лагеря. Для себя охотники поставили небольшую палатку, а носильщики построили шалаш и поставили ограду вокруг всей стоянки. Это было необходимо, потому что у пигмеев почти не

было понятия о праве собственности и они, сами того не желая, могли причинить вред. Чтобы отвлечь внимание пигмеев от лагеря, Смуга раздал им подарки. Наблюдая за поведением взрослых пигмеев, которые с важностью делали комичнейшие гримасы, рассматривая себя в подаренных им зеркальцах, охотники пережили много веселых минут. Среди подарков были также стеклянные бусы, перочинные ножики, табак и самое большое лакомство — соль. Старейшины дополнительно подарили коробку спичек, что привело его в немалый восторг. Он с интересом рассматривал необыкновенный подарок, не выпуская из рук длинной трубки, похожей на кусок толстой ветки. Смуга подал ему горящую спичку, пигмей выхватил из костра уголек, всадил его в трубку, после чего взял из рук Смуги спичку и держал ее в пальцах до тех пор, пока она сама не погасла. Таким образом, он сжег несколько спичек подряд, а потом с огромным удовольствием спрятал коробку вместе с содержимым в рот. Томек испугался, думая, что лилипут хочет проглотить спички, но Смуга пояснил, что примитивные люди, живущие в климате, позволяющем ходить нагишом, обыкновенно прячут различные предметы во рту.

Восхищенные подарками, пигмеи стали весьма дружелюбно относиться к путешественникам. Они не мешали им свободно ходить по деревушке. Томек был до крайности удивлен скромными условиями жизни пигмеев. Их хижины, сплетенные из веток и крупных листьев, не достигали роста взрослого человека. У них почти совершенно не было посуды. Питались пигмеи дикими фруктами, ягодами, кореньями растений, несколькими видами съедобных листьев, грибами, медом, одним словом, тем, что можно было найти в джунглях. Особенно они любили мясо.

Пигмейские охотники, вооруженные луками с отравленными стрелами, уходили далеко в лес, где охотились на обезьян, птиц или змей. Иногда храбрые охотники убивали большого слона. Тогда счастливые пигмеи устраивали великолепный пир, на который, как правило, приглашали соседей. Наши путешественники как раз попали к такому торжеству.

Как только пигмеи удовлетворили свое любопытство, вызванное прибытием странных белых людей, они сразу же вспомнили о пире. Героями дня были два неустрашимых охотника на слонов. Последняя их охота была весьма удачна, в доказательство чего они принесли в деревушку охотничий трофей — кусок хобота слона. Почетное и чрезвычайно вкусное блюдо, приготовленное из этого хобота, они съели в обществе вождя и старейшин. После прибытия гостей пигмеи, вместе со своим скромным имуществом, собирались перейти туда, где лежала огромная «гора» свежего мяса.

Белые охотники тоже отправились вместе с пигмеями. Они надеялись, что длительное пребывание в их обществе поможет завоевать доверие. Совместный поход через джунгли облегчал дружеские связи. Поэтому Смуга охотно воспользовался случаем узнать ближе обычаи лесных карликов. Он и раньше знал, что пигмеи хранят в глубокой тайне свои способы охоты на слонов; такая охота при их примитивном вооружении требовала ловкости и отваги. Малейшая неосторожность охотника или неожиданное движение мощного животного могли повлечь за собой гибель. Чтобы ознакомиться с пигмейским способом охоты, Смуга дополнительно преподнес старейшине племени и двум отважным охотникам подарки. Благодаря этому Мтото приоткрыл ему завесу тайны.

Воинов, идущих охотиться на слонов, все племя провожает торжественно — танцами и пением. Во время охоты воины питаются только тем, что находят в лесу.

Поскольку самые маленькие в мире люди, вооруженные только лишь короткими, острыми пиками, не могут охотиться на целое стадо слонов, необходимо выследить в чаще одинокое животное. Найдя его, они следят за ним до тех пор, пока животное не уляжется спать. Тогда охотники выполняют труднейшую и чрезвычайно опасную часть задания. Один из них незаметно подкрадывается к спящему великану и острым как бритва концом копья перерезает ему артерию на задней ноге под коленом. Раненое животное, ли-

шенное возможности защищаться от своих преследователей, пытается бежать. Если же, несмотря на рану, слон нападает на охотников, тогда один из них отвлекает его внимание исключительно на себя. В конце концов животное, ослабленное потерей крови и преследованием, падает, и отважный охотник подрезает артерию на его второй ноге. Этого бывает достаточно для того, чтобы полностью лишить слона возможности защищаться. Охотники отрезают ему хобот, что ускоряет смерть. Второй способ охоты заключается в том, что пигмеи вооружаются длинными копьями с наконечниками, заостренными, как у гарпуна. Охотники вбивают копьё в живот спящего слона. Почувствовав ужасную боль, животное обращается в бегство. Копьё, впившееся острием в тело слона, ударяется о землю, деревья и кусты, углубляясь все больше и больше. Такая охота длится несколько дольше, потому что слон пытается бежать до тех пор, пока боль и потеря крови совсем не обессилят его. Так это выглядело по рассказам Мтото. Смуга напомнил своим друзьям, что есть еще один способ охоты, а именно: поражение слона отравленными стрелами. Попав в слона такой стрелой, пигмеи идут за ним и ждут, пока он упадет от действия яда.

— Это больше подходит этим малышам,— заявил боцман Новицкий, который никак не мог поверить, что пигмеи охотятся на слонов, вооруженные только копьями.

Однако вскоре звероловы убедились, что Мтото говорил правду. У мертвого слона действительно были перерезаны артерии и жилы под коленями обеих задних ног. Кроме того, у него не было хобота, взятого охотниками.

Толпа карликов приступила к свежеванию слона. Сначала они вырезали длинные, белые бивни, каждый из которых весил свыше двадцати пяти килограммов. По обычаю, бивни поступали в собственность старейшины племени. Потом они отрубили у животного ноги и разрезали все туловище на крупные куски. Только проделав эту операцию, они стали строить шалаши для себя. Вблизи пигмейского кочевья разбили лагерь и белые звероловы.

Пир намечался на следующий день. Он должен был продолжаться до тех пор, пока не будет съеден последний кусок мяса. Маленькие люди и еще меньшая детвора, наполняли все кочевье веселым гамом. Ведь не каждый день им удавалось наесться досыта. Только два воина из всей деревушки умели охотиться на слонов, а ведь не всякая охота кончалась успешно.

Поощренный Смугой, Томек внимательно наблюдал за жизнью африканских карликов. Он только теперь убедился, что, вопреки общему мнению, жизнь негров в джунглях далеко не беззаботна. Они находились в совершенно примитивных условиях, а голод и нужда постоянно им сопутствовали. Томек обратил внимание на отношение взрослых к детям. Детишки были окружены заботами не только со стороны своих родителей, но и всех членов племени. Вообще говоря, в негритянских деревнях детей было не так уж много, но у пигмеев их была масса. Подражая взрослым, пигмейские мальчики садились на камни или на поваленные стволы деревьев. Девочки, подобно взрослым женщинам, садились прямо на землю, вытягивая ноги. Поджидая, пока на костре зарумянятся куски слоновьего мяса, путешественники вели беседу о самых маленьких людях мира. Хозяева подарили белым охотникам одну из ног убитого животного. Смуга принял подарок и объяснил товарищам, что считает это проявлением дружеского внимания со стороны пигмеев.

Вскоре под открытым небом началось оригинальнейшее пиршество. Вокруг дымящихся кусков жаркого расселись пигмеи и бугандцы, поглощая мясо с необыкновенной быстротой. Одновременно они с аппетитом поедали дикие фрукты, съедобные растения и корни.

Томек с ужасом смотрел на набухший живот Самбо. Он встревоженно воскликнул:

— Самбо, ты уже стал до того толст, что твой живот вот-вот лопнет! Перестань столько есть, потому что меня тошнит, когда я смотрю на тебя!

— Не бойся, великий буана,— ответил негр.— Самбо любить есть, а хорошее мясо любить Самбо!

Ты только закрой глаза и не смотри, и все будет хорошо.

Участники пира совсем отяжелели. Но вот загремели барабаны «нгома». Начались танцы вперемежку с пением.

Импровизированный танец представлял охоту на слона. Одни танцоры натягивали луки, другие потрясали короткими, острыми копьями и гарпунами, а Мтото, в качестве главного героя дня, подкрадывался, как леопард, наносил воображаемому слону удары, избегал грозных ударов его хобота и бивней и, наконец, побеждал огромное животное. Томек и его товарищи с огромным интересом смотрели на великолепное зрелище.

Оригинальная пантомима закончилась торжественным вручением старейшине бивней убитого слона. Старый пигмей, чрезвычайно довольный подарками, полученными от белых людей, преподнес Смуге тяжелый бивень слона. Смуга благодарил старейшину, но одновременно не мог оторвать взгляда от его ног. Он обратил внимание на кожаные ремешки на его ногах, сделанные из коричневой шкуры с черными и белыми полосками, которые составляли оригинальный узор.

Боцман уже собирался отнести ценный подарок в палатку, как вдруг Смуга подошел к старейшине.

— Из шкуры какого животного сделаны пояски на твоих ногах? — спросил он.

Старейшина с удовольствием посмотрел на кожаные украшения и ответил:

— Окапи...

Томек и боцман не удержались от восклицания. Смуга жестом попросил их молчать и сказал:

— Мне приходилось слышать о таком животном. Это правда, что оно обитает в джунглях?

— Оно жить там, где болото и чаща, — ответил старейшина. — Хорошее мясо, хорошая шкура.

— Я хотел бы поймать окапи. Можешь ли ты, великий вождь, сказать, где можно его найти? — спросил Смуга.

— Это трудно. Окапи умный. Он знает, что человек боится болото. Он там сидеть и прятать крепко свое хорошее мясо и хорошую шкуру. Ты, буана, иди

две луны туда,— ответил старейшина, указывая на запад.— Ты попадешь на очень большое болото. Там искать и, может быть, найти.

После долгих колебаний старейшина уступил Смуте один кожаный поясок в обмен на охотничий нож и три горсти соли.

— Интересно, что бы сказал Хантер, если бы услышал старейшину, который с самым невозмутимым видом рассказывал о несуществующем якобы окапи,— сказал Смуга товарищам, возвратившись в палатку.

— Теперь мы уже не можем сомневаться в существовании странного животного,— воскликнул Томек.— Ведь старейшина утверждает, что ему приходилось есть мясо окапи.

— Конечно, эти прожорливые негры должны знать любое животное, обитающее в джунглях и пригодное для еды,— сказал боцман.— Ну-ну, надо вам сказать, что нюх у вас хороший, если вы обратили внимание на кожаные пояски. Мне бы это никак не пришло в голову.

— Мне бросился в глаза оригинальный узор на шкуре окапи,— ответил Смуга, рассматривая поясок.— Я вам уже говорил, что впервые об окапи я услышал от Стэнли в Швейцарии. Он узнал о существовании этого животного от негров, живущих в джунглях Конго. Стэнли мне говорил, что шкура на ногах окапи покрыта полосами. Поэтому я сразу обратил внимание на браслеты старейшины.

— По его словам, на расстоянии двух дней пути отсюда находится болотистая местность, где обитают окапи. Когда мы тронемся в путь? — взволнованно спросил Томек.

— Завтра на рассвете,— ответил Смуга.

— Прекрасно, но давайте глотнем немного рома за успех охоты,— предложил боцман, вынимая из кармана манерку.

— Мы впервые напали на след этого легендарного животного. Стоит отметить это событие,— согласился Смуга.

XX

ЖЕЛЕЗНЫЕ КОГТИ

С того времени, как охотники, попрощавшись с пигмеями, разбили лагерь на небольшом холмике вблизи болотистых джунглей, прошло три недели. По уверениям старейшины пигмеев, где-то здесь обитали окапи. Смуга вскоре убедился, что болотистые джунгли совершенно не пригодны для большой охоты. Вязкая почва уходила из-под ног, на пути то и дело встречались глубокие, предательские ямы. Тому, кто опрометчиво решил направиться в глубину обширных болот, грозила неизбежная, ужасная смерть.

Но неприступность местности не смущала Смугу. Он сразу же предпринял небольшие походы для того, чтобы разведать трясину, заросшую непроходимым лесом. Конечно, брать с собой одновременно и Томека, и боцмана он не мог. Один из них должен был всякий раз оставаться с неграми и охранять лагерь. Поэтому, когда Смуга уходил на поиски окапи, ему по очереди сопутствовали либо Томек, либо боцман, но Динго принимал участие всегда.

Уже четыре дня Томек оставался полным хозяином лагеря. Смуга в обществе боцмана, двух бугандцев и одного масая ушел в далекую западную часть джунглей. Томек не ожидал их быстрого возвращения. Но непоседливый характер не давал ему долго предаваться бездеятельности. Уже спустя два дня после ухода Смуги Томек стал соображать, какое бы придумать развлечение, чтобы облегчить вынужденное ничегонеделанье.

К северу от лагеря, на расстоянии километра, начиналась широкая полоса саванны. Запасы продовольствия быстро сокращались, и Томеку ужасно хотелось отправиться туда на охоту. Но Смуга категорически запретил ему уходить далеко от лагеря. А тем временем Инуши обнаружил невдалеке следы слонов, нашел логовище носорога и, кроме того, обратил внимание Томека на обезьян, кочующих вдоль опушки джунглей.

— Где быть обезьяна, там могут быть и леопарды.

Великий белый буана хотеть леопарда,— искал Томека Инуши.

Сначала Томек мужественно отказывался от заманчивых предложений, но, сидя у вечернего костра, внимательно прислушивался к беседам, которые вели между собой негры.

— Пигмеи — это умные и отважные люди,— говорил один из бугандцев.— Такой малый человек, а не боится слона.

— Жаль, что с нами нет Мтото. Нам не пришлось бы голодать,— добавил другой.

— Великий белый буана ищет странных животных в болотах, а не заботится об еде,— пробурчал третий.

— Великий белый буана знаменитый охотник, но малый белый буана еще лучше. Кто убить соко? — возмутился Самбо.— Если малый буана захочет, то у нас будут целые горы мяса.

Томек с благодарностью посмотрел на Самбо, который с воодушевлением стал рассказывать, какие великие и необыкновенные подвиги совершил малый белый буана. Негры то и дело с восхищением восклицали: «Ого-го!», или: «О! Мама! Возможно ли такое?»

Отгоняя от себя тучи комаров, Томек надувался от гордости. Чувствительный к лести, он в конце концов поверил, что для него нет ничего невозможного.

Инуши считал масаев высшей породой людей. Он, как правило, не вмешивался в беседы носильщиков, несмотря на то, что часто скучал. Поэтому, когда Самбо замолчал, он рассказал неграм, как малый буана обманул их шамана фокусом с монетой, которую вынул из его уха. Бугандцы хватались за животы от смеха и просили Томека, чтобы он показал им этот фокус. Мальчик не дал себя долго просить. У костра раздавался смех и похвалы.

Негры кричали:

— О! Мама! Это и в самом деле великий колдун!

— Ого-го, он, как только захочет, поймает окапи! Он убил соко, как муху, ни одно животное не спасется от него!

— Он нас накормит!

— Большой белый буана приказал нам слушать

малый белый буана. Мы охотиться, если малый белый буана захотеть,— уверял Самбо.

— Леопарды близко, достаточно выкопать яму, прикрыть ее ветками, а сверху над ловушкой повесить кусок мяса. Леопарды попасть в яму, а мы закрыть их в клетку,— подсказывал Инуши.

Томек еще колебался, хотя, перспектива самостоятельной охоты чрезвычайно его привлекала. Он решил спокойно обдумать все дело. Приказав Инуши, как всегда, назначить очередность ночных дежурств, он ушел в палатку на отдых.

Томек не мог уснуть. Он думал о Смуге и боцмане, которые в это время, по-видимому, спали где-то в шалаше на болотах. Интересно, удастся ли им поймать окапи. Его все более клонило ко сну и он уже закрыл глаза, как в палатку вошел Самбо.

— Буана, буана! Ты слышишь? — шепнул он.

Томек сразу же забыл о всяком сне. Сел на койке. Из глубины джунглей, укрытых темнотой ночи, слышались звуки там-тамов. Томек вскочил на ноги и выбежал из палатки. Далекий, тихий рокот слышался откуда-то с севера. Значит, Смуга ошибался, утверждая, что они находятся в совершенно безлюдной местности!

По всей вероятности, гордый и чувствительный к лестии, но умный паренек не решился бы оставить лагерь, если бы речь шла только о развлечении. Он был уже достаточно опытен, чтобы знать, какие опасности подстерегают человека в джунглях. Но теперь положение в корне изменилось. Смуга был убежден, что вблизи нет человеческих поселений, но раз дело обстоит иначе, необходимо как можно скорее убедиться, не грозит ли что-нибудь лагерю.

Огромный масай Инуши подошел к Томеку и шепнул:

— Говорят там-тамы, буана. Они далеко, но лучше ночью гореть небольшой костер.

— Ты прав, Инуши. Там-тамы играют на севере. Их звук слышен в степи с очень большого расстояния. Я думаю, что нам надо посмотреть, что делается вокруг лагеря.

— Буана говорить хорошо,— согласился масай.

— С нами пойдут три человека. Мы проверим, не грозит ли нам опасность.

— Хорошо, буана, будь по-твоему. Теперь буана идти спать, а Инуши будет бодрствовать.

— В порядке. На рассвете мы устроим небольшую экскурсию на север,— закончил беседу Томек.

Довольный собой, Томек вернулся в палатку. Теперь никто не мог винить его в легкомысленном нарушении приказа Смути.

Из глубокого сна Томека вырвали крики ссорившихся обезьян и гам попугаев. Привыкший к опасностям мальчик, едва открыл глаза, стал бдительно осматриваться вокруг. Через ткань палатки сочился дневной свет. Самбо громко храпел, видимо досматривая последний сон. Томек крепко встряхнул его за руку.

— Самбо, приготовь завтрак. Мы сейчас пойдем на разведку,— приказал Томек.

— Напрасно ты, буана, так быстро разбудить Самбо. Мне снился Мтото и очень большой, большой слон. Мтото убить слона и дать Самбо много есть,— жалобно сказал негр.

— Не печалься, Самбо. Может быть, мы встретим по дороге дичь,— утешил его Томек.

Самбо повеселел и выбежал из палатки. Томек стал деятельно готовиться к походу. Он выбрал несколько длинных, крепких ремней, взял с собой лассо, прочистил и зарядил оружие и только после этого сел завтракать. Черный кофе и банка консервов вполне его насытили, но негры требовали увеличить порции. Томек обещал, что во время похода он постарается подстрелить какое-нибудь животное. Инуши выбрал трех сильных носильщиков и приказал им взять оружие. Томек оставил бугандцам распоряжение о работах по лагерю во время его отсутствия.

Впереди маленькой экспедиции шел Инуши, вооруженный винтовкой. Они шли на север, в сторону саванны. Надо сказать, что Томека распирала гордость за решение, принятое самостоятельно, но он не забыл о необходимой осторожности. Не доверяя способностям Инуши и сопутствовавших ему бугандцев, Томек через каждые несколько десятков шагов остав-

лял хорошо заметные знаки на деревьях, внимательно рассматривал следы на земле, словом, вел себя так, как это пристало опытному следопыту. Расторопность белого мальчика нравилась неграм.

Поэтому они беспрекословно выполняли все его приказы и охотно сообщали ему результаты своих наблюдений.

— Буана, буана! Здесь прошла большая лесная свинья,— сказал ему один из бугандцев.

Томеку уже приходилось слышать о диких кабанах, обитающих в чаще джунглей. Это были парнокопытные животные, по своему строению переходные от кабана к южноафриканскому бородавочнику¹. Встреча с этим животным была опасна. Бородавочники вооружены двумя парами мощных, длинных (до двадцати пяти сантиметров) клыков, грозно торчащих из пасти, с помощью которых они умело защищаются. Томек не хотел подвергаться риску во время встречи с ними. Выстрелы могли привлечь внимание туземцев, находившихся вблизи, что в нынешнем положении было совсем нежелательно. Поэтому Томек внимательно изучил следы бородавочника и приказал идти вперед.

Вскоре они очутились на опушке леса. Здесь, вблизи обезьяньих гнезд, негры наткнулись на следы леопардов. Томек влез на высокое дерево, чтобы осмотреться вокруг. После длительного изучения местности в подозорную трубу он удовлетворенно соскочил на землю. Нигде не было видно следов человеческих поселений. Среди буйной зелени саванны спокойно паслись стада антилоп и жираф. Это было лучшее доказательство того, что здесь никто их не беспокоил.

Сообщив об этом неграм, Томек заявил, что решил устроить несколько ловушек на леопардов. Поимка хищников с помощью глубоких ям не представляла риска, но помогла бы скоротать время до возвращения товарищей. Томеку удалось подстрелить антилопу канну с красивыми, спирально закрученными рогами, которая считается крупнейшей антилопой африканских саванн, что значительно улучшило настроение негров. Вернувшись в лагерь, Томек после обеда

---

¹ *Phacochoerus africanus*, семейство свиней (Suidae).

вновь организовал разведку. На этот раз негры захватили с собой лопаты.

Устройство ловушек на леопардов потребовало целых четыре дня. Ловушки представляли из себя глубокие ямы, размещенные охотниками вблизи обезьяньих гнезд. Поверху ямы маскировались ветками деревьев. В первую неделю удалось поймать двух великолепных леопардов. Томек предложил подождать возвращения Смуги и только после этого достать хищников из ловушки, но Инуши уверил его, что они сами смогут поместить животных в клетки.

Отважный и ловкий масай был опытным охотником. Он приготовил длинные жерди, расщепленные с одного конца, которыми бугандцы прижимали леопардов к земле. Инуши без всяких колебаний вскочил в яму, приблизился к оскалившему пасть хищнику и подсунил ему короткую толстую палку. Хищник немедленно вонзил зубы в дерево; воспользовавшись этим, Инуши набросил ему на пасть ременную петлю. Связать лапы леопардам было минутным делом. Таким образом, не прошло и часа, как оба хищника очутились в клетках в центре лагеря.

Поймка леопардов вынудила Томека охотиться, чтобы добывать мясо для них. Однажды Томек и Самбо направились на опушку джунглей для поисков на деревьях гнезд обезьян. Вдруг они услышали звучный призыв птицы-медоведа.

— Буана, буана! Медовед! — воскликнул Самбо.— Мы сейчас искать очень сладкий мед!

Подражая обычаям туземцев, Томек пронзительно свистнул. Медовед, будто поняв, что его призыв услышан, снялся с дерева и полетел вперед, показывая дорогу.

Томек и Самбо побежали вслед. Сначала Томек беззаботно бежал за умной птицей, но когда немного устал, остановился и обратился к Самбо:

— Нельзя слишком далеко уходить от лагеря. Птица нас приведет к улью, но найдем ли мы дорогу обратно в лагерь, вот вопрос. Нет, мы дальше не пойдем!

— Мы найдем обратную дорогу, буана! Саванна близко, мы пойти вдоль леса, — уверял Самбо.

Томек продолжал колебаться, но медовед настоятельно приглашал идти за ним. Как только он заметил, что люди в нерешительности остановились, стал кружиться над ними, мчаться стрелой в лес, возвращаться обратно, громко при этом крича.

— Улей уже близко, буана! — говорил Самбо.

Птица несколько раз исчезала в лесу и возвращалась обратно, приглашая все настойчивее. Томек внимательно осмотрелся вокруг. Хотя они и углубились в джунгли, Самбо был прав, утверждая, что заблудиться им трудно. Достаточно вернуться на край саванны, просвечивающей сквозь чащу, чтобы, идя вдоль опушки леса, выйти к лагерю.

— Медовед и правда ведет себя так, будто улей близко, — задумчиво заметил Томек. — Пройдем-ка за ним еще немножко.

Как только они тронулись, птица громко закричала и снова повела их в глубину леса. Вскоре они очутились на лесной полянке. Медовед опередил любителей меда, сел на ветку огромного, полусгнившего баобаба и стал радостно кричать.

Томек посмотрел на баобаб, в стволе которого виднелось большое дупло, но пчел вблизи него не заметил.

— Посмотри, Самбо! Кто-то уже здесь был и выбрал мед. Вокруг дупла нет ни одной пчелы. На этот раз птица нас крепко подвела, — сказал он. — Но кто мог взять мед?

Самбо еще не верил этому.

— Буана, я посмотрю в дупло. Может быть, там есть хоть немного меда, — предложил он.

— Загляни, но я думаю, что там ничего нет, — ответил Томек.

Негр быстро взобрался на дерево и заглянул в дупло.

— Пчела нет, мед нет, но что-то есть, буана, — сообщил он. — Кажется, какое-то мелкое животное. Самбо видеть шкуру.

— Береги руку, Самбо! Кто знает, что за животное сидит в дупле прогнившего дерева, — предостерег Томек.

Но Самбо был слишком любопытен и не послушал

хорошего совета. Он стал осторожно шарить рукой в дупле. Спустя некоторое время он достал оттуда какой-то предмет и сразу же спрыгнул на землю.

— Смотри, буана, это быть в дупле,— воскликнул волнуясь Самбо.

— Любопытно, что находится в этом кулке из леопардовой шкуры,— сказал Томек.— Разверни его!

— Нет, нет, буана! Сделай это ты! Инуши говорит, что ты великий шаман,— быстро ответил негр и торопливо всучил Томеку странный кулек.

Суеверие негра позабавило Томека, и он снисходительно улыбнулся. Положив кулек на землю, Томек быстро развязал большой узел. Развернул шкуру. Изумленные мальчики увидели крупный восковой шар. В одном месте сухой воск был надтреснут. Томек всунул палец в трещину, расширил ее и увидел внутри клубок из сухих растений, шерсти животных, зубов и когтей.

— Что это такое? — изумился он.

— Фетиш, великий фетиш¹,— с суеверным страхом прошептал Самбо.— Хотя ты и великий шаман, буана, давай положим это назад в дупло.

Томек не удивился испугу молодого Самбо. Он знал, что многие ученые считают фетишизм древнейшей негритянской религией. Этот культ распространен в Западной Африке. Каждый фетиш представлял собой одного из духов. Поэтому фетишам отдавали божеские почести и обращались к ним с различными просьбами. Фетишем мог быть любой предмет: камень, кусок дерева, кости животных или сами животные.

Томек еще раз внимательно осмотрел восковой шар. Он заметил, что зубы и когти, находившиеся между растениями и шерстью, принадлежали леопарду.

— Буана, Самбо положить это обратно в дупло и бежим отсюда,— прошептал негр, тревожно оглядываясь по сторонам.

Томек не разделял его опасений и не желал расста-

---

¹ Предмет, которому первобытные люди воздают культовые почести. Фетиши в виде животных называют тотемами.

ваться с фетишем. Он решил взять его с собой, чтобы подарить отцу, который собирал интересные предметы, встретившиеся ему во время путешествий по свету. Не долго думая, Томек завернул шар в шкуру леопарда.

— Ты прав, что лучше всего исчезнуть отсюда, как можно быстрее, но фетиш я возьму в подарок отцу,— заявил Томек.

— Буана, не делать это,— посоветовал встревоженный Самбо.— Дух гневаться и будет очень плохо.

— Духи нам ничего не сделают, потому что они существуют только в твоей фантазии.

— Не говори так, буана! Духов есть множество. Есть духи злые и добрые. Самбо всегда приносит жертвы злым духам.

— Ах, Самбо, Самбо! Зачем же ты приносишь жертвы злым духам? Ведь это грех! Молись одному, хорошему и справедливому богу, и злые духи не принесут тебе вреда.

— Нет, буана, Самбо умный и знает, что делать. Добрый бог и без того добрый, а злые духи, если им принести жертву, ничего Самбо не сделать. Мы бежать отсюда!

— Ну хорошо, мне придется поговорить еще с тобой о твоих духах, а теперь и в самом деле пора возвращаться в лагерь.

Они побежали к лагерю, совсем не подозревая, что за ними уже длительное время тщательно наблюдают. Когда медовед прилетел на поляну, к ней с противоположной стороны подходил старый, но сильный и хорошо сложенный негр. Настойчивые призывы птицы сразу насторожили его. Негр спрятался в кусты, с опаской посматривая в ту сторону, откуда прилетел любопытный медовед. Вскоре он увидел двух человек. Когда Самбо влезал на баобаб, негр машинально схватился за рукоятку ножа, но, увидев в руках молодого белого человека штуцер, остался стоять неподвижно. Он ждал, дрожа от гнева и тревоги. Томек и Самбо чутко прислушивались и оглядывались по сторонам, так что незаметно подкрасться к ним было нельзя. Томек спрятал узелок за пазуху и вместе с Самбо спешно вернулся в лагерь. Старый негр шел

следом за ними. Он видел Томека, входившего в палатку, посчитал количество людей в лагере, убедился по их поведению, что они не собираются уходить, после чего, шепча заклинания, быстро побежал на север.

* * *

Как только над джунглями спустилась ночь, на поляне вокруг прогнившего баобаба стали происходить странные события. Несколько десятков негров, хорошо заметных в серебристых лучах луны, собрались там. Каждый из них держал в руке узелок; время от времени на поляну приходили новые негры и садились на корточки, бросая друг на друга недоверчивые взгляды. Один из негров отодвинул камень, лежавший у самого ствола дерева. Из ямки под камнем он достал небольшой железный котелок и человеческий череп. Остальные негры развели костер и повесили над ним котелок, наполненный водой. Когда вода в котелке закипела, старый негр стал сыпать туда мелкий порошок, листья и корни растений, шепча при этом заклинания; потом он накрыл котелок плоским камнем. Негры в молчании сидели на корточках вокруг костра. Старый негр снял с котелка камень-крышку только тогда, когда огонь совершенно погас. Он зачерпнул черепом немного жидкости с дурманящим запахом. Негры поочередно выпили по несколько глотков. По мере того как новые порции исчезали в их глотках, глаза негров приобретали неестественный блеск, движения становились живее. В заключение жрец таинственного обряда спрятал пустой котелок на место, добыл из узла шкуру леопарда, набросил ее себе на голову и плечи, натянул на руки рукавицы из леопардовой шкуры, пальцы которых заканчивались острыми когтями. Все негры последовали его примеру и надели на себя подобные шкуры и рукавицы. Их полусумасшедшие глаза блестели через отверстия, проделанные в шкурах.

— Братья леопарды, я не могу вам сегодня показать наш всемогущий фетиш,— мрачно сказал старик.— Но я вам ручаюсь, что душа леопарда, пребы-

вающая там, жаждет крови. Воск, хранящий фетиш от взглядов непосвященных, раскрылся от жажды. Леопард требует жертв. Мы должны отобрать фетиш и напоить его кровью хитрого белого человека, посмевшегося взять нашего брата-леопарда из дупла священного баобаба.

— О-о-о-о...— глухо застонали негры.

— Поэтому приготовимся, братья-леопарды, принести жертву,— приказал шаман.

Негры окружили баобаб. Они начали странный танец. Ползали на четвереньках, прыгали, подражая леопардам, пока не привели себя в экстаз.

Они скрежетали зубами и кричали:

— Веди нас, брат-леопард!

Шаман вытянул руку вперед. Блеснули когти. Негры побежали за ним. Из их раскрытых ртов вырвался нечеловеческий вой. Затем, ворча и бормоча заклинания, люди-леопарды как сумасшедшие побежали через лес к лагерю белых.

XXI

ПОРАЖЕНИЕ И ПОБЕДА

Томек проснулся со странным ощущением, будто из глубины джунглей послышался хриплый лай Динго. Он долго прислушивался. Поскольку лай не повторялся, Томек предположил, что его разбудили леопарды, сидевшие в клетке рядом с палаткой. Томек успокоился, но заснуть не мог. Он ворочался с боку на бок, думая о товарищах, охотившихся на окапи. Сколько времени еще будет длиться их охота? Удастся ли им поймать странное животное? Потом Томек стал думать об отце. Что он сейчас делает? Наверное, за это время ему уже удалось приручить горилл.

Внезапно ему показалось, что вблизи лагеря послышался сдавленный крик. Внимательно прислушиваясь, Томек некоторое время лежал неподвижно. Правой рукой он нащупал твердую, холодную рукоятку револьвера, всегда лежавшего рядом на постели. За стеной палатки, в клетке беспокойно металась лео-

парды; они били хвостами о железные прутья и гневно рычали. Неожиданно Томек заметил на фоне освещенной лунным светом полотняной стены палатки тень неопределенной формы, не то животное, не то человек.

Томек почувствовал ускоренное биение сердца. Плотно закрытый вход в палатку вдруг широко распахнулся. На четвереньках в палатку влезло странное существо. Оно бесшумно стало подкрадываться к постели Томека. Томек замер; в серебристых лучах он увидел огромного леопарда.

«Леопарды выбрались из клетки»,— подумал он.

В этот момент мнимый леопард стал на дыбы. Ужасные, косматые передние лапы потянулись к испуганному мальчику. Томек увидел кривые когти. Он вспомнил фетиш, взятый из дупла баобаба. Ему показалось, что это леопард пришел за своими останками, спрятанными в восковом шаре. От ужаса на голове у Томека зашевелились волосы. Но тут он увидел блеск глаз прищельца. Не долго думая, Томек выхватил револьвер из-под одеяла, два раза выстрелил, целясь между глаз нападающего, и крикнул: «На помощь!»

Почти одновременно с криком Томека в лагере раздался ужасный вой. Вокруг палаток загорелась отчаянная битва. Перед лицом реальной опасности Томек быстро пришел в себя. Он отбросил испуганного Самбо, пытавшегося задержать его в палатке, и у самого выхода наткнулся на огромного Инуши, который с ножом в зубах бил прикладом винтовки напавшее на него существо в леопардовой шкуре. Пришедшие в ужас носильщики разбежались во все стороны, и только масай, как и положено потомку великого племени воинов, громил врага. Он работал прикладом винтовки как молотом, потому что в огне борьбы не было времени целиться. Под его мощными ударами нападающие валялись на землю. Огромный «леопард» с развевающейся на голове шкурой животного прыгнул Инуши на спину. Инуши упал на колени, но сразу же поднялся на ноги с ужасным грузом на плечах и, резко пригнувшись к земле, перебросил противника через себя. Он отбросил винтовку, подмял под себя мощное тело противника и схватил нож, который де-

ржал в зубах. Странное животное застонало совсем по-человечески.

Целая свора леопардов бросилась на Инуши. Томек до крови закусил губы и раз за разом стал нажимать на курок револьвера, стреляя до тех пор, пока металлический щелчок не дал ему знать, что кончились патроны. Верный Самбо, несмотря на охвативший его ужас, сразу же подбежал к Томеку и подал ему штуцер. Мальчик схватил ружье. Раздались выстрелы. Атака леопардов стала ослабевать. Оправившись от первого страха, к защитникам лагеря присоединились несколько бугандцев. В этот момент в темном лесу послышались винтовочные выстрелы. Томек подумал, что это, пожалуй, подходит неожиданная помощь. Люди-леопарды стали отступать в чащу джунглей. Бугандцы, по-видимому, заметили это, потому что с громким криком бросились преследовать бегущих врагов. На поле боя рядом с Томеком остались только Самбо и неустрашимый Инуши.

Томек облегченно вздохнул, опасность миновала. Он уже не сомневался, что Смуга и боцман в последний момент пришли им на помощь, потому что вблизи послышался хриплый лай Динго. Из лесу время от времени слышались выстрелы и боевой клич бугандцев.

Томек подошел к неподвижно лежавшему на земле существу. Подняв шкуру, он увидел мертвого негра. Теперь он понял все. На лагерь совершили нападение негры, переодетые леопардами. Томек побледнел и в бессилии опустился на землю.

«Я стрелял в людей,— с ужасом подумал он.— Убил того в палатке и... еще многих других...»

Рассудок говорил ему, что другого выхода не было, ведь он должен был защищаться от нападения, но, несмотря на это, Томек дрожал как в лихорадке.

— Боже мой, я убил человека,— прошептал он побледневшими губами и зарыдал.

Таково было боевое крещение юного Томека Вильмовского.

Пока Томек боролся со своими мыслями, Самбо и Инуши подбросили в костер хвороста. Они смотрели на Томека, но не смели к нему подойти. Они были

убеждены, что храбрый белый буана огорчен, увидев, как мало он убил врагов. В конце концов Самбо осмелел. Он подошел к Томеку и стал его утешать:

— Буана, буана! Ты не печалься, тот негр в палатке тоже труп. Ты убить множество, очень много плохие люди. Ты победить. Теперь все негры будут петь о белый буана, который стал великий воин. О! Мама! Самбо тоже хотел быть таким великим воином!

Томек посмотрел на Самбо и ответил:

— Не говори так, Самбо. Честное слово, я не хотел никого убить. Неужели ты этого не понимаешь?

— Самбо понимать, он видеть, как белый буана стрелять. Буана великий воин!

— Но я не знал, что это люди!

— Это ничего, белый буана не бояться ни лев, ни соко, ни человек-леопард.

Самбо никак не мог понять Томека, который тоскующим взглядом смотрел на джунгли, ожидая появления оттуда возвращающихся друзей. Ведь он слышал их выстрелы в джунглях. Только друзья могли его утешить.

Но пока Смуга и боцман, которых так высматривал Томек, показались на поляне в окружении оживленно кричавших негров, прошло довольно много времени. Охотники крепко обняли храброго мальчика и сразу же приступили к перевязке раненых. Выяснилось, что во время короткой, но жестокой схватки пало немало жертв. В кустах они нашли мертвого бугандца, которого люди-леопарды задушили до начала атаки. Два носильщика были серьезно ранены. Правда, потери нападающих были значительно больше — только в лагере погибли шесть из них.

Увидев убитых, боцман воскликнул:

— Ах, чтоб тебя, милый браток! Ты же здесь провел регулярную битву! Нечего говорить, настоящая война. Я и не думал, что ты такой молодец! Но и мы хорошо наложили им в лесу.

— Как это получилось, что вы вовремя пришли на помощь? — спросил Томек, когда прошло первое волнение, вызванное встречей.

— Это, Томек, странная история. Ты выиграл битву, а мы в это время понесли позорное поражение,—

сказал Смуга.— На протяжении многих дней мы не могли обнаружить следов окапи. Но в конце концов счастье нам улыбнулось. В болотистой чаще мы увидели стадо этих редких животных, состоявшее из нескольких голов. С большим трудом нам удалось отбить от стада самку с детенышем. Мы преследовали их две ночи и два дня. Благодаря чуткости Динго, мы могли следить за ними и в темноте. Пугливые животные уже стали терять силы. Преследуя их, мы подошли довольно близко к нашему лагерю. Тогда случилось то, чего мы никак не ожидали. Между нами и животными очутились люди в леопардовых шкурах, которые с ужасным воем бежали по направлению к лагерю. Обеспокоенные этим, мы бросились вслед за ними. Но мы не могли быстро бежать, так как до крайности устали, преследуя окапи. Поэтому люди-леопарды значительно опередили нас. Вскоре мы услышали стрельбу, доносившуюся из лагеря, и обеспокоились еще больше.

— Ах, боже мой! Это значит, по моей вине ваши труды оказались напрасными,— опечалился Томек.— И подумать только, что виновата предательская птица-медвед, которая вместо улья привела нас к таинственному дуплу в баобабе.

Смуга внимательно наблюдал за взволнованным мальчиком. Он был зол на себя, что не мог предупредить нападение. Он предвидел, что Вильмовский будет гневаться за это на него, поэтому придвинулся к Томеку и сказал:

— Не думай теперь об окапи. Эти животные обитают в таких дебрях, что поймать их живыми невозможно. В болотистых джунглях нельзя устроить крупную облаву. Несмотря на то что окапи порядком измучились, убегая от нас, нам никак не удавалось приблизиться к ним на длину лассо. В лучшем случае нам удалось бы их застрелить. Однако я этих животных видел собственными глазами, что тоже кое-что значит. Мне очень неприятно, что я поступил опрометчиво, подвергнув тебя опасности встречи с враждебными племенами туземцев. Впервые тебе пришлось стрелять в людей. Я знаю, что ты сейчас чувствуешь. Помни, что все люди имеют священное право

защищать свою жизнь. Поэтому не печалься напрасно. Лучше расскажи мне, что здесь происходило во время нашего долгого отсутствия. Вижу, что ты не терял времени даром — в клетке сидят два великолепных леопарда.

Слова Смуги принесли Томеку облегчение. Он тяжело вздохнул и стал рассказывать все, что произошло в лагере в отсутствие Смуги. Закончив рассказ, Томек сказал:

— Хантер прав, утверждая, что в глубине Африки есть много необычного. Но я никак не думал, что здесь мы встретим птиц, направляющих людей в засаду, или негров, подражающих диким хищникам.

— Видно, этот медовед птичка умная, но и хитрая вдобавок, — сказал боцман Новицкий. — Но вот зачем негры переодевались леопардами, никак не пойму. Ведь напасть на лагерь они могли без всякого маскарада!

— Ты совершенно уверен, что нападающие подражали леопардам во всем, даже в движениях? — спросил Смуга у Томека.

— Да, я обратил на это внимание, — ответил Томек. — Увидев одного из них, ползущего на четвереньках в палатке, я сначала подумал, что это леопарды вылезли из клетки.

— Все это очень напоминает мне событие, рассказ о котором я слышал от миссионеров из Двала¹. Они говорили, что встречали негров, свято убежденных в том, что могут превращаться в леопардов. Они пытались во всем подражать этим хищникам. Ходили на четвереньках, привязывали к рукам и ногам когти леопардов, чтобы их следы были похожи на следы хищников, своим жертвам они перегрызали вены на шее.

— Если бы я не видел собственными глазами буландца, у которого перегрызено горло, никогда бы не поверил в такие сказки, — вмешался боцман. — Неужели это возможно, чтобы человек вел себя как животное?

— Мне это тоже казалось странным, — ответил

---

¹ Двала — город в Камеруне (Западная Экваториальная Африка).

Смуга.— Я и раньше знал, что на Черном континенте существует множество тайных союзов или кланов¹. Люди-леопарды — один из таких кланов. Самое ужасное в этом то, что нормальные люди превращаются в леопардов отнюдь не добровольно. Миссионеры мне рассказывали, что люди-леопарды пьют из человеческого черепа волшебный напиток, приготовленный из крови убитой человеческой жертвы. Этот напиток они тайно добавляют к пище избранного заранее кандидата. Всеобщая вера в волшебное действие напитка столь велика, что, выпив микстуру и узнав о ее таинственной мощи, новопосвященный член клана без возражений вступает в тайное сообщество. Все новопосвященные получают приказ принести в жертву одного из членов своей семьи, которого доставляют в укромное место, где люди-леопарды совершают ритуал человеческого жертвоприношения. Только после этого новый член клана получает право участвовать в жизни клана, в частности в совершаемых кланом убийствах и грабежах.

Среди охотников воцарилось тяжелое молчание. Первым прервал его Томек:

— Если рассказ миссионеров правдив, то люди-леопарды — это страшнейшие преступники. Давайте как можно скорее вернемся к папе.

— Лучше всего собрать барахло и отправиться восвояси на рассвете,— поддержал друга боцман Новицкий.— Вместо окапи у нас есть пойманные Томеком леопарды. Лучше синица в руках, чем орел в небе!

— Вы правы, нам следует примириться с поражением. Мы не только не поймали окапи, но и потеряли одного из членов экспедиции,— тяжело вздыхая, согласился Смуга.— В обратный путь мы направимся на рассвете.

— Но мы не можем уйти отсюда столь внезапно,— возразил Томек.— Мы должны перед уходом проверить, нет ли леопардов в устроенных мной ловушках.

---

¹ Врач-миссионер Альберт Швейцер в книге «Среди черных на экваторе» описывает преступления людей-леопардов, с которыми он встретился в Ламбарене.

— Хорошо, на это нам хватит нескольких часов,— ответил Смуга.

Участники неудачной охоты на окапи решили пойти спать, а Томек с Инуши должны были весь остаток ночи бодрствовать, чтобы не допустить нового нападения на лагерь.

Несмотря на то что звероловы накануне очень устали, они поднялись с постелей ранним утром. Им хотелось как можно скорее оставить место своего двойного поражения. Они скромно похоронили погибшего бугандца, положили в братскую могилу шесть убитых людей-леопардов. После похорон Томек, Смуга и боцман отправились в джунгли, чтобы проверить ловушки, расставленные Томеком. К своему удивлению, вместо леопарда они обнаружили в ловушке крупного дикого кабана. Это был очень интересный представитель африканской фауны. Однако нечего было и думать о том, чтобы перенести тяжелое животное на основную базу экспедиции. С гибелью бугандца число носильщиков уменьшилось, кроме того, надо было нести не только клетки с пойманными леопардами, но и двух раненых бугандцев. В результате охотники решили до предела навьючить ослов и делать короткие дневные переходы.

Боцман отправился в лагерь за неграми, которые должны были помочь достать кабана из ямы. Смуга и Томек остались у ловушки. От нечего делать они стали наблюдать за обезьянами, резвившимися на окружающих деревьях. Динго бегал по лесу. Охотники заметили его отсутствие только тогда, когда услышали отрывистый лай собаки, доносившийся издалека.

— Ого, Динго обнаружил дичь! — воскликнул мальчик.

— Наверное, обезьяны,— равнодушно ответил Смуга.— Позови собаку сюда!

Но, несмотря на зов, Динго не возвращался. Его хриплый лай становился все ожесточеннее и требовательнее. Встревоженные охотники бегом направились в сторону, откуда слышался лай. Увидев хозяев, Динго радостно залаял и стал носом и лапами разгребать настил на ловушке, о которой Томек совершенно забыл.

— Ну и растяпа же я! — воскликнул Томек, загля-

дывая в яму.— Я совсем забыл об этой ловушке, и попавший сюда дикий ослик погиб бы с голоду! Хорошо, Динго, хорошо! Не волнуйся, мы сейчас выпустим маленького, красивого дикого ослика на волю.

— Вместо окапи мы поймали леопардов, кабана и ослика,— подвел итог Смуга, в свою очередь заглядывая в яму.— Надо его освободить, потому...

Смуга не закончил фразы. В мрачной яме он увидел нечто такое, от чего у него перехватило дыхание... Не говоря ни слова, он прыгнул на дно ямы.

Внимательно рассмотрел животное, принятое Томеком за дикого осла.

Заглядывая в ловушку, Томек говорил:

— Бедный ослик сидит в ловушке уже несколько дней. Он, видимо, еле держится на ногах. Его надо сейчас же накормить.

Смуга подавил волнение, взглянул на Томека и сказал:

— Ты и в самом деле в сорочке родился! Как хорошо, что я тебя не взял на охоту за окапи!

— А в чем дело? — тревожно спросил Томек.

Увидев испуганное выражение лица мальчика, Смуга улыбнулся.

— Знаешь ли ты, что за животное попало в твою ловушку? — спросил он.

Томеку внезапно пришла в голову невероятная мысль. Он одним прыжком очутился внизу, рядом со Смугой. Сначала он внимательно осмотрел испуганное животное, потом обратился к Смуге:

— Неужели... это?

— Да, это окапи!

Томек онемел от радости. Потом покраснел и торжественно крикнул:

— Ура! Победа!

Перепуганный окапи забился в угол ямы.

— Да, это большой успех, но не кричи, пожалуйста, потому что животное готово околоть со страху.

— По-видимому, это один из окапи, которых вы так долго преследовали,— догадался Томек.

— Нет сомнения, что малыш случайно попал в ловушку, а самка, спасаясь от преследования, побежала дальше,— добавил Смуга.

— Помогите мне выбраться из ямы. Я приведу на помощь боцмана и негров. Мы должны доставить окапи в лагерь, — лихорадочно говорил Томек.

— Согласен, полезай ко мне на плечи!

Дрожа от радости, Томек позвал Динго и побежал в лагерь. На полпути он встретил товарищей, несших клетку и сети.

— Победа! Победа! Мы поймали окапи! — воскликнул Томек, еле переводя дух от быстрого бега.

Услышав радостную новость, боцман немедленно глотнул рому из манерки и последовал за Томеком к ловушке.

Все стремились как можно скорее увидеть незнакомое животное. С большими предосторожностями они подняли его из ямы. Молодой окапи был так изможден, что не оказывал сопротивления. Животное походило одновременно на осла и жирафу. Огромные уши делали окапи похожим на осла, а передняя часть туловища, длинная шея и небольшие рожки на конусообразной голове напоминали жирафу. мех был нежным, блестящим, черным, и только голова по бокам и горло были белые. Ноги животного оказались покрыты необыкновенно оригинальным узором, состоявшим из перемежающихся черных и ярко-белых полос.

Охотники посадили окапи в клетку и понесли в лагерь. Смуга приказал построить небольшую загородку, куда и впустили испуганное животное. Опытный зверолов знал, что приручить дикое животное лучше всего, оказывая ему помощь тогда, когда оно изнурено. Заботу о диком кабане он предоставил Томеку и боцману, а сам проводил время в лагере у окапи.

Таким образом, в этот день они не могли отправиться в обратный путь на базу. Чтобы взять с собой всех пойманных животных, надо было подождать выздоровления раненых носильщиков. Поэтому звероловы решили остаться на некоторое время в лагере. Смуга тщательно расставлял вокруг лагеря и проверял часовых, чтобы предупредить возможное вторичное нападение людей-леопардов. Однако все эти предосторожности оказались ненужными.

Три друга часто отправлялись в саванну на охоту.

Негры с удовольствием приносили в лагерь убитых зебр и антилоп; по вечерам вокруг лагеря чувствовался вкусный запах жареного мяса.

Спустя две недели охотники решили, что можно возвращаться на базу экспедиции. Томек усердно помогал в постройке просторной клетки из бамбука для окапи. Животное уже привыкло к людям и принимало пищу из их рук. По-видимому, сказывалось присутствие в лагере родственников окапи — ослов. Смуга на несколько часов ежедневно впускал их в загородку окапи. Вскоре между животными воцарилось полное согласие, что радовало охотников, опасавшихся гибели окапи от тоски по матери.

Наконец, в один прекрасный день, на рассвете, охотники свернули лагерь и направились в обратный путь. Из-за недостатка носильщиков им приходилось часто останавливаться на длительный отдых, во время которого они охотились и собирали корм для животных. Добывать корм в джунглях было нелегко. Для дикого кабана они собирали корни и луковицы растений, хотя он охотно пожирал обезьянье мясо, которым кормили леопардов.

Меньше всего забот доставлял окапи. Его клетку, с широко расставленными бамбуковыми прутьями, ставили прямо в кусты, и добродушное животное с аппетитом объедало листья.

Караван пробирался через джунгли десять дней. Иногда они слышали звуки там-тамов, но встречавшиеся по дороге пигмеи их не беспокоили. Дружественное племя бамбьюттов уже успело сообщить соседям о появлении в лесу странных белых людей, которые ловят животных и раздают ценные подарки. Встречая пигмеев, Смуга дарил им соль, табак и бусы, а пигмеи показывали ему удобные проходы в джунглях и даже помогали нести клетки с животными.

На одиннадцатый день пути, в самый полдень, Смуга обнаружил, что караван находится уже вблизи главной базы. Охотники стали время от времени стрелять вверх из винтовок, чтобы сообщить товарищам о своем возвращении. Легко себе представить волнение и радость Томека, когда около четырех часов пополудни он услышал ответные выстрелы.

Вскоре караван очутился на лесной поляне, над которой на высокой мачте реял польский флаг. Вильмовский, Хантер и негры-рабочие выбежали встретить товарищей. Охотники обнимали друг друга, целовались, а негры танцевали от радости. Даже масаи, забыв о присутствии им чувстве собственного достоинства, шутили и веселились вместе со всеми. Вильмовский радостно обнял сына. Он отстранил его от себя, чтобы лучше видеть. Мальчик возмужал и стал серьезнее.

— Ты уже совсем взрослый мужчина,— шутил Вильмовский.

— Ты разинешь рот от удивления, Андрей, когда узнаешь, что твой сын провел бой с людьми-леопардами. Ого! Это была и в самом деле крупная победа! Я сам насчитал шесть трупов в лагере,— сообщил боцман Новицкий.

Лицо Вильмовского, несмотря на загар, побледнело. Он взглянул на сына, потом обратился к Смуге, который тяжело вздохнул и сказал:

— Да, Андрей, это правда. Томек получил первое боевое крещение и... командовал боем. Несмотря на неожиданное нападение, он потерял всего лишь одного человека, тогда как потери врага составили шесть воинов. Когда мы с боцманом были на охоте, негры, переодетые леопардами, одурманенные каким-то наркотиком, напали на нашу стоянку в джунглях. Дело было ночью. Даже и сейчас мне трудно поверить, что Томек сумел защитить себя и лагерь от целой толпы диких воинов. Мы с Новицким прибыли к концу жестокого боя. Верный Инуши заслуживает особой благодарности, хотя и бугандцы тоже отличились. Однако это длинная история, займемся сначала животными.

Вильмовский подошел к масаю. Он крепко пожал ему мускулистую руку, а потом поблагодарил всех бугандцев. В конце подошел к сконфуженному мальчику и сказал:

— Я поражен известием, которое услышал. Что же сказать тебе? Я рад, что ты вернулся целым и невредимым, и поздравляю тебя, как мужчина мужчину.

Вильмовский крепко пожал руку сыну, который стоял, силясь преодолеть волнение.

ОХОТА НА СЛОНОВ И ЖИРАФ

Трудно описать радость, воцарившуюся в лагере после возвращения Томека и его товарищей. Этой ночью никто не думал о сне. В честь благополучного возвращения друзей Вильмовский роздал всем увеличенные порции продуктов из неприкосновенного запаса, который теперь можно было уже нарушить. Ведь экспедиция должна была в ближайшее время вернуться в Буганду, где не было недостатка в продуктах. Поэтому все участники экспедиции лакомились консервами, сухарями и фруктами, а разговорам не было конца. У всех было что рассказать и все стремились узнать о приключениях других. Оказалось, что Вильмовский и Хантер тоже не теряли времени даром. Благодаря их заботам, гориллы почти привыкли к неволе. Они не только освоились с видом людей, но охотно находились с ними. Это, в частности, касалось молодой гориллы. Она почувствовала в Вильмовском друга. Сновала за ним как тень и в конце концов перешла из клетки родителей в его палатку, где для нее устроили постель с подушкой и одеялом. Молодая горилла стала лучшим посредником между родителями и людьми. Именно благодаря ей гориллы быстро примирились со своим положением.

Впрочем, это был не единственный успех звероловов, оставшихся в лагере. Они поймали и уже почти приручили нескольких африканских мартышек зеленоватого цвета. Из других видов они поймали краснобрюхую мартышку Лаланда и голуболицую мартышку. Кроме того, им удалось схватить пять павианов с длинными мордами, похожими на собачьи.

Успех экспедиции привел охотников в превосходное настроение. Не меньше радовались негры, которые пели, танцевали и ели всю ночь.

Так прошло три дня. Носильщики отдохнули, так что можно было думать о возвращении. Вильмовский предлагал закончить охоту в Буганде, вблизи впадения реки Катонги в озеро Виктория, потому что он хотел нанять там для перевозки животных в Кисуму

английский пароход, курсирующий по озеру. Таким образом, им удалось бы избежать длинного и трудного похода и значительно выиграть во времени. Перевозка животных на пароходе гарантировала удобства и их сохранность.

Все охотно согласилось с предложением Вильмовского. Правда, Томек в глубине души мечтал поохотиться на отрогах Килиманджаро, но против предложения отца не возражал. Он понимал, что надо думать прежде всего об условиях перевозки пойманных животных. Он утешал себя тем, что до конца экспедиции еще довольно далеко. Ведь им еще надо поймать жирафа, слонов, носорогов и львов. Одно лишь приручение слонов потребует не меньше двух или трех месяцев, значит, нечего опасаться, что охота скоро прекратится.

* * *

Вскоре экспедиция направилась в обратный путь через джунгли. Негры-носильщики чуть не падали под тяжестью клеток с животными. Звероловы помогали прорубать дорогу в чаще, добывали корм для животных и питание для людей, заботились о безопасности каравана. Все дни проходили в тяжелой и трудной работе. Поэтому, когда они вышли из необозримых, темных джунглей на озаренную солнечными лучами саванну, Вильмовский распорядился остановиться на длительный отдых, чтобы набраться сил для дальнейшего марша.

После отдыха они шли довольно медленно, так как приходилось часто останавливаться, чтобы добыть корм для животных. В Бени они пришли через несколько дней. Возвращение звероловов вызвало в поселке огромное воодушевление. Жители Бени проявляли особый интерес к боцману и Томску; дело в том, что болтливые носильщики во главе с Матомбой рассказывали об их храбрости самые неправдоподобные истории. Доверчивые негры верили всему, что им говорило. Впрочем, как они могли сомневаться в правдивости необыкновенного боя с людьми-леопардами, если белые охотники живьем поймали страш-

ных горилл и скрывающихся в недоступных джунглях окапи.

Со времени памятного боя с людьми-леопардами Томек стал значительно серьезнее и скромнее, но все же, прогуливаясь по деревне, чувствовал огромное удовлетворение, видя уважение, с которым негры уступают ему дорогу.

— О! Мама, это великий и могучий буана,— шептали между собой негры.— Вы видите, маленький соко держит белого буана за руку, как отца.

Горилла с комической важностью шла рядом с Томеком, держась рукой за его брюки, а устав, протягивала к нему косматые лапки, просясь на руки. Изумленные жители поселка дивились еще больше, когда Томек сажал обезьяну на спину Динго.

Звероловы теперь пользовались такой славой, что когда Вильмовский стал нанимать дополнительных носильщиков, к нему пришли почти все взрослые негры, жители Бени. Вильмовский выбрал из них двадцать самых сильных мужчин, надеясь ускорить ход каравана. К счастью, обе лошади, оставленные здесь, дождались возвращения путешественников. Охотиться на жираф без лошадей было бы очень трудно.

В новый поход караван тронулся в полдень. Делая длинные переходы, скоро подошли к озеру Эдуард. Здесь охотники сделали короткую остановку в Катве, обошли кругом озеро Джордж и вдоль реки Катонги отправились на восток. Путешественники с тревогой посматривали на тучи, застилавшие небо, которые предвещали скорое наступление сезона дождей. Надо было как можно быстрее заканчивать ловлю животных.

На расстоянии двух дней похода от озера Виктория звероловы заметили вблизи реки холм, весьма подходящий для разбивки лагеря. С юга у подножия холма вилась река. К северу от него тянулась саванна, поросшая акациями; с запада к холму примыкала довольно значительная территория, покрытая болотистым лесом. Близость реки и буйная растительность давали надежду на хорошую охоту. Хантер утверждал, что здесь должны быть слоны.

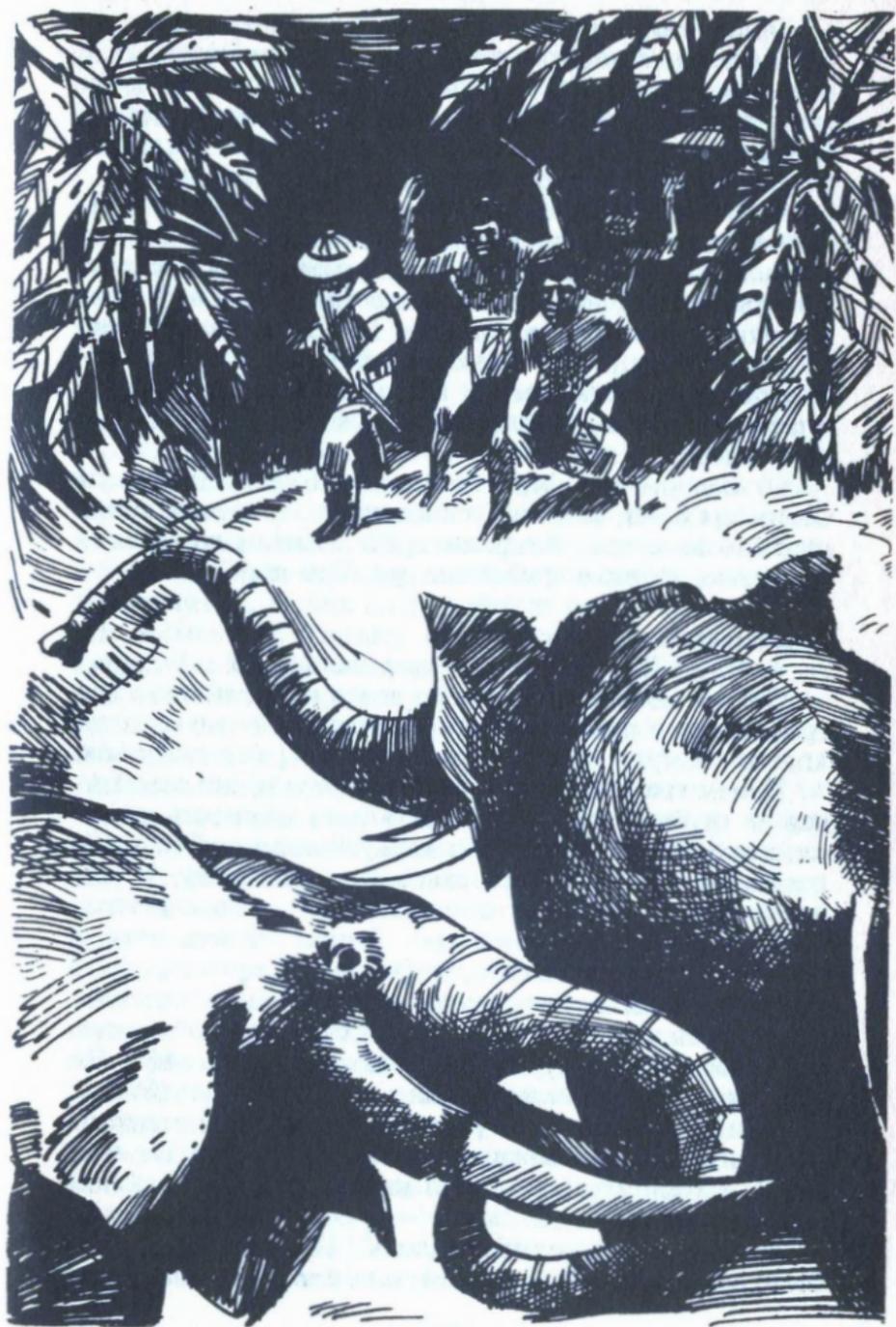
Не теряя времени, путешественники разбили ла-

герь, окружили его колючей оградой и устроили загородки для животных.

Хантер, Смуга и Томек с Динго стали выходить из лагеря в окрестности на поиски слонов и жираф. Найти слонов оказалось не так трудно. В соседнем лесу охотники обнаружили широкую тропу, протоптанную этими великанами. Тропа вела прямо к реке, в которой слоны купались и пили воду. Многочисленные и свежие следы свидетельствовали о том, что животные ходят на водопой ежедневно.

Охотники разработали план поимки слонов. В нескольких метрах, в стороне от тропы, по которой обыкновенно ходили животные, охотники расчистили небольшую площадку и окружили ее высокой оградой из толстых бревен. От слоновьей тропы к этой загородке они прорубили просеку. Конечно, эта работа потребовала многих усилий. Если бы слоны преждевременно заметили людей в лесу и устроенную ими загородку, они ушли бы отсюда и перестали бы ходить к водопою по тропе. Поэтому охотники могли работать только между десятью и тремя часами дня, когда слоны отдыхали и спали. Благодаря такой осторожности во время шествия животных к реке в лесу царила полная тишина; замаскированная кустами просека не возбуждала у слонов подозрений.

После окончания подготовительных работ звероловы, сопровождаемые тридцатью неграми, ранним утром вышли на охоту. Двенадцать негров во главе с Хантером и боцманом укрылись в лесу у самой слоновьей тропы, недалеко от просеки, ведущей к загородке. Другие двенадцать человек, под командованием Смуги и Томека, устроили такую же засаду на противоположной стороне просеки. Вильмовский с остальными неграми притаились там, где просека соединялась со слоновьей тропой, чтобы во время облавы устранить маскировку и открыть проход, ведущий прямо в загородку. Таким образом, группа Вильмовского находилась между двумя отрядами охотников, задачей которых было преградить слонам путь, тогда как Вильмовский должен был завершить облаву. Кроме того, группа Вильмовского должна была закрыть вход в загородку сразу же после того, как туда попадут слоны.

Заняв свои места, охотники стали ждать, когда слоны после кормежки в акациевом лесу отправятся к водопою.

В нетерпении Томек часто выглядывал на тропу. Однако ничто не нарушало тишины леса. Встревоженный Томек обратился к Смуге:

— А что мы сделаем, если слоны вообще не придут? Может быть, они обнаружили загородку?

— Все может быть, но я не думаю, чтобы слоны почувляли наше присутствие, — ответил Смуга. — У этих животных превосходно развиты обоняние, слух и осязание, но зрение у них очень слабое. Если они не почувствовали незнакомого запаха людей, то нечего опасаться, что они обнаружили построенную в стороне загородку.

Оказалось, что Смуга был прав. Прошло не так уж много времени, как они услышали гул тяжелых шагов слоновьего стада. Раздался треск ломаемых веток и короткие, звонкие трубные звуки. Это шли слоны.

Смуга выглянул из кустов, но сейчас же отпрянул и прошептал:

— Идут! Идут! Их ведет огромная самка!

Он дал знак рукой, чтобы все приготовились. Негры, держа в руках связки сухой травы и спички, подошли к Смуге. Масаи щелкнули затворами винтовок.

Томек тревожно вслушивался в звуки, доносившиеся из глубины леса. Он знал, какая опасность связана с охотой на слонов. По знаку Вильмовского группа Смуги должна была выскочить на тропу, чтобы выстрелами, криком и огнем вынудить колоссальных животных повернуть обратно. Вторая группа должна была сделать то же самое, и животные очутились бы в ловушке. Если в этом случае окруженные и потерявшие ориентировку слоны бросятся в прорубленную охотниками просеку, то охота закончится удачно. Но если они попытаются прорваться через цепь облавы, то они, без сомнения, растопчут все, что попадется на их пути. Томек боялся этого больше всего. От волнения на его лбу выступили капли пота, которые падали ему на лицо.

Стадо слонов приближалось. Теперь уже можно было ясно различить глухой топот их ног. Вдруг со-

всем близко от засады послышался короткий, трубный звук. Значит, животные все же почуяли присутствие в лесу неизвестных врагов. Встревоженная предводительница стада этими звуками выражала свои опасения.

Смуга насупил брови. Он исподлобья посмотрел на негров. Многое зависело от того, как они себя поведут в решительный момент. Негры заметно волновались. Но на их лицах отражалось внимание, никто не отступал и не проявлял боязни. Смуга взглянул на Томека.

— Не отходи от меня ни на шаг,— шепотом предупредил он.— Если слоны попытаются пробиться через нашу цепь, мы спрячемся в чаще.

Не отрывая взгляда от тропинки, видневшейся сквозь деревья, Томек утвердительно кивнул головой. Приближался решительный момент охоты. Слоны подошли уже к засаде. От их шагов в лесу раздался грохот и гул. Через секунду они оставят засаду позади, и Вильмовский даст команду начать охоту. Смуга присел, готовясь к прыжку. Слоны уже прошли просеку. Звероловы почувствовали сильный запах, шедший от слонов. Начинать охоту теперь было уже слишком поздно. Смуга медленно отступал в лес, приказав людям хранить молчание.

Когда слоны проходили рядом с засадой, Смуга понял, почему Вильмовский не дал команду начинать облаву. Стадо насчитывало около двадцати пяти голов. Столько слонов не могло поместиться в небольшой загородке, кроме того, животные, разъяренные нападением горсточки людей, могли их растоптать. Теперь, ломая деревья, топчя кусты и издавая громкие, трубные звуки, слоны медленно прошли мимо засады.

— Ну и великаны! Мне кажется, что здешние слоны больше индийских,— прошептал Томек, когда животные исчезли из вида.

— Африканские слоны рослее индийских, но выглядят они неуклюже, потому что при высоком росте туловище у них короче,— сказал Смуга.— Ты заметил, что у них тонкий хобот, длинные бивни и огромные уши, чем они и отличаются от индийских?

— Я обратил внимание только на их уши, похожие на веера. По-видимому, их бивни весьма ценятся?

— Должен тебе сказать, что так называемые «бивни» слона в действительности его верхние резцы. Они очень ценятся на рынке. По этой причине туземцы безжалостно истребляют слонов и продают слоновую кость белым торговцам,— продолжал Смуга.— Однажды в стране Ниам-Ниам я был свидетелем, как толпа негров в несколько сот человек окружила большое стадо слонов в степи, покрытой высокой травой, похожей на просо. Пугая животных барабанным боем и криками, негры, держа в руках зажженные связки травы, стали со всех сторон теснить стадо. Когда слоны очутились в центре облавы, туземцы подожгли траву. Бедные животные, задыхаясь от дыма, пыгались своими телами защитить детенышей, пока все не погибли от огня. Неграм осталось только добить уцелевших животных копьями и вырезать бивни.

Беседу перебил Матомба, который подбежал к Смуге и сообщил:

— Буана, слоны опять идут!

И действительно, они услышали быстрый топот. Смуга сразу же сообразил, что на этот раз животных значительно меньше. Он вместе с неграми выдвинулся на самый край слоновьей тропы. Слоны были уже очень близко. Как только они прошли устье просеки, раздался сигнальный выстрел Вильмовского.

Смуга и Томек выскочили на тропу. За ними толпой сыпались негры. Изумленные животные остановились на расстоянии каких-нибудь пятидесяти шагов от охотников. На фоне темно-серых туш слонов блестели длинные, белые бивни. Раздалось короткое рычание. Слоны двинулись вперед, безостановочно рыча.

— Зажечь траву! — приказал Смуга, продвигаясь вперед на несколько шагов.

Негры подняли адский шум. Одновременно они зажгли связки сухой травы. Охваченные ужасом, слоны заполнили весь лес пронзительным рычанием. Крики негров, звуки выстрелов и факелы вынудили животных отступить. Они медленно повернули и пошли в обратном направлении, но и там перед ними

выросла новая цепь облавы. Потеряв всякую ориентировку, слоны снова повернули.

За это время Смуга, вместе со своей группой, сумел значительно приблизиться к просеке, ведущей в загородку. Видя, что вожак стада галопом мчится мимо просеки, он крикнул Томеку:

— Стреляй в вожака!

Выстрелы Смуги и Томека слились в один. Огромная самка закачалась на столбоподобных ногах. Ее рычание прервалось на самой высокой ноте. Сло尼ха подалась вперед и, глухо застонав, повалилась на землю. Мощная туша почти совсем перегородила тропу. Увидев падение предводительницы стада, негры подняли отчаянный крик, а оставшиеся слоны стали отступать с пронзительным ревом. Хантер и боцман со своими людьми преградили слонам путь с другой стороны, как раз в тот момент, когда они находились напротив замаскированной загородки. Неожиданно увидев удобную просеку, ведущую в глубину леса, одна из самок, рядом с которой метался испуганный детеныш, первая повернула на эту тихую тропинку. За ней побежали остальные слоны. Адские крики людей и звуки выстрелов преследовали их. Едва лишь последний слон исчез в загородке, как группа Вильмовского сразу же бросилась закладывать толстыми бревнами вход в ловушку. Слоны вскоре поняли свое безнадежное положение. Куда бы они ни направлялись, всюду встречали прочную ограду из тяжелых бревен. Обуянные бешенством животные стали биться об ограду всей массой своих тел — а ведь каждый слон весил не меньше четырех тонн. К счастью, на помощь Вильмовскому подоспели остальные охотники. Ограда трещала и дрожала под мощными ударами взбесившихся слонов, так что охотники стали уже опасаться, что разгневанные животные разнесут ее в клочья. Поэтому негры возобновили свой адский концерт; снова раздались выстрелы.

Пойманные животные еще метались внутри загородки, а негры уже свеживали убитого слона. Большинство из них, в сопровождении боцмана и Хантера, вернулось в лагерь с огромным запасом свежего мяса. Остальные белые охотники, вместе с Сантуру,

Матомбой и двумя масаями, остались стеречь слонов, находившихся в загородке. Они должны были предотвратить возможную попытку необыкновенных узников освободиться с помощью других слонов, идущих по тропе к водопою. Прежде чем слоны окончательно убедились в бесплодности своих попыток, прошло несколько тяжелых часов. Только тогда, когда слоны несколько успокоились, Томек мог их рассмотреть с близкого расстояния. С этой целью он взобрался на высокую ограду. Испуганные криками, выстрелами и огнем, слоны сосредоточились в центре загородки. Кроме пяти взрослых слонов в загородке очутились два детеныша, которые прятали головы под животами матерей. Томек жалел испуганных животных, хотя знал, что только ужас, голод, жажда и отсутствие сна могут заставить слонов примириться со своей участью. Необходимо терпеливо ждать, пока слоны выбьются из сил, после чего можно будет их напоить и накормить, то есть сделать первый шаг к приручению. Как правило, на это должно уйти не меньше двух-трех месяцев. Огромных и чрезвычайно сильных животных можно везти в Европу только после приручения, потому что в клетках их перевозить нельзя.

Вильмовский и Сантуру взяли на себя подготовку слонов к далекому путешествию. Это было трудное и опасное задание, требующее непрерывного пребывания среди животных. Поэтому рядом с загородкой пришлось построить удобные шалаши для людей, так как кроме Вильмовского и Сантуру несколько негров должны были собирать корм для слонов и носить воду; следует сказать, что каждый слон выпивал не меньше шестнадцати ведер воды в день.

Пока Вильмовский занимался слонами, его спутники должны были заняться поимкой жираф и носорогов. Томек с большим удовольствием ожидал охоту на этих животных. Во время экспедиции в Австралию он прекрасно научился строить ловушки. Теперь он решил самостоятельно приготовить несколько ловушек на носорогов. Кроме того, он с любопытством ждал охоту на жираф.

В один прекрасный день Смуга и Томек поехали верхом на разведку, надеясь попутно нанять в бли-

жайших деревушках нескольких мужчин для участия в ловле жираф. С ними пешком отправился отряд бугандцев и Самбо. Все они двинулись на север, потому что, по уверениям туземцев, там находилась довольно обжитая территория.

По дороге они встречали в степи только стада зебр и антилоп. Хотя Томек часто рассматривал горизонт в подзорную трубу, ему нигде не удалось заметить жираф. Но он не огорчился, потому что знал, как трудно различимы жирафы на фоне зарослей мимоз из-за защитного цвета шерсти животных.

Продвигаясь таким образом вперед, охотники увидели на северо-востоке столб черного дыма.

— Степь горит! — крикнул Томек, останавливая лошадь.

Смуга немедленно взял у него подзорную трубу. Он долго наблюдал за растущим столбом дыма.

— Это не похоже на стихийный пожар в степи. Несмотря на ветер, огонь не продвигается и не ширится.

— Буана, а может быть, это негры гореть степь? Галла часто так делать, — сказал Самбо.

— Зачем же неграм поджигать траву в степи? Ведь пожар может уничтожить их хижины, — с сомнением возразил Томек.

— Некоторые туземные племена, в особенности галла, умеют при помощи огня, без особого труда и усилий, корчевать и удобрять землю. Они это делают в основном до наступления дождливого периода, когда тропическое солнце высушит буйную траву. Площадку, на которой они намерены развести огонь, окружают широким рвом. Подождав благоприятного ветра, поджигают сухую степь. Ветер гонит огонь по всей площадке, вплоть до самых рвов, через которые, однако, огонь не может переброситься. Таким образом, вся площадка выкорчевывается, а удобренная пеплом земля дает прекрасный урожай.

— Возможно, это и неплохой способ, — признал Томек. — Смотрите, дым уже перестает идти.

— Да, да, этот пожар устроили люди. Значит, где-то вблизи должна быть деревушка. Давайте поедем в том направлении, — сказал Смуга.

Вскоре они подъехали к роще, среди которой виднелись конусообразные, покрытые соломой хижины, окруженные живой изгородью из кактусов. Это был «крал», то есть негритянская деревушка. С реки доносились характерные звуки ударов палками о кору, сорванную с деревьев, из которой туземцы шьют себе одежду.

Охотников встретил лай собак. Томек взял Динго на поводок, потому что собака, увидев негритянских дворняг, стала ворчать и скалить зубы. Навстречу прибывшим вышла толпа обитателей деревушки. К удивлению путешественников, из толпы неожиданно выбежали два негра и с радостным криком бросились обнимать Самбо. Выяснилось, что молодые люди — девушка и мужчина — были братом и сестрой Самбо, вместе с ним схваченные и вывезенные работорговцем после нападения на их родную деревню. К счастью, капитан английского парохода, курсирующего по озеру Виктория, захватил арабские баржи с невольниками. Он арестовал торговцев и освободил пленников. Негры боялись вернуться на родину, потому что там разбойничал безжалостный Кастанедо; они сошли на западный берег озера, где их гостеприимно приняло местное племя.

Томек и Смуга обрадовались необыкновенной встрече. Они обещали Самбо, что помогут ему завести хозяйство, чтобы он мог прокормить родственников. Взволнованный их добротой, Самбо кланялся Томеку в пояс, восклицая:

— Ох, о-о-о!! Малый белый буана — это великий шаман! Он освободит бедный Самбо от злых торговцев людьми и привести к брату и сестре! Только великий, очень великий шаман может так сделать!

Услышав такое заявление, все негры стали громко бить в ладоши, приветствуя «великих» гостей. Используя благоприятное настроение жителей деревушки, Смуга объявил о своем желании нанять людей для охоты на жираф. Почти все мужчины пожелали участвовать в этой охоте, убеждая охотников в том, что окрестности их деревни изобилуют длинношеими животными, мясо которых очень вкусно.

Охотники вошли в деревушку под аккомпанемент радостных приветственных восклицаний. До крайности

взволнованные хозяева рассказали гостям, что одна из молодых жительниц деревушки с часу на час ожидает появления на свет ребенка. Счастливый будущий папаша пригласил охотников на торжества, связанные с рождением младенца. Смуга не мог ему отказать, так как знал, что у некоторых племен день рождения ребенка — это важный праздник не только для матери, но и для всех жителей деревни. Вот и теперь все негры интересовались только тем, что происходит в небольшой хижине, где лежала молодая мать. Надо было терпеливо ждать, пока младенец появится на свет, а потом спокойно нанять людей и назначить день охоты.

Белые охотники с интересом наблюдали за приготовлениями к торжествам. Все работы вели женщины. Одни из них размельчали сухую красную глину, другие готовили оригинальные пеленки и губки. Делали они их из листьев и цветов банановых деревьев. Женщины колотили палками большие листья до тех пор, пока все твердые и острые частицы не отделились от них. После этой операции от листа оставались только мягкие волокна. Лист преобразался в теплую и пористую пеленку. Губки женщины выделявали из банановых цветов, по внешнему виду напоминающих крупную, весом в несколько килограммов еловую шишку. Сначала женщины вынимали мякоть из середины цветка. Потом толкли ее, превращая во влажную массу, накрывали банановыми листьями и дополнительно утапывали ногами. Когда соки, выделяющиеся из листьев, насыщали массу, губка становилась готовой к употреблению.

Этот способ выделки пеленок и губок напомнил Томеку приключения Робинзона Крузо, который, потерпев кораблекрушение, очутился на необитаемом острове и вынужден был заняться изобретательством. Томек бродил по деревушке, посещал негритянские хижины, рассматривал их обстановку, расспрашивал о назначении разных вещей и не заметил, как настал вечер.

Вдруг раздался звук гонга, созывающий всех жителей деревни. Звероловы тоже пошли на площадь, находившуюся вне деревушки.

В центре площади стояли два столба с перекладиной, расположенной довольно высоко над землей. К

перекладине на ремнях была подвешена каменная плита, в которую деревянной колотушкой била старая, седая негритянка, одетая в шкуры животных, украшенные перьями. Рядом с ней на земле лежали фетиши, то есть куклы мужчины и женщины, вылепленные из глины, шкуры животных, когти, чучела птиц, глиняная посуда и коровьи рога, наполненные неизвестными жидкостями и мазями.

Услышав звуки гонга, на площадь пришла толпа коричневых девушек. Они подошли к старой негритянке и, потрясая ритмически бубнами, начали ритуальный танец. Старуха участила удары в гонг. Потом девушки, устав от танца, уселись вокруг костра и стали бить в барабаны. Только теперь из небольшой хижины, стоявшей на краю площади, женщины вынесли на носилках молодую мать. Они медленно подходили к костру. На площади воцарилась тишина.

— Жизнь, жизнь, жизнь! — кричала старая негритянка, и все танцовщицы хором повторяли за ней этот крик.

В том же порядке молодую мать торжественно внесли обратно; там она должна была оставаться вместе с ребенком длительное время. У входа женщины поставили фетиши, чтобы отогнать злых духов. Конечно, Томек не преминул заглянуть вовнутрь. Он был несказанно удивлен, когда вместо черного негритенка увидел совершенно белого новорожденного. Он отвел Смугу в сторону и сообщил ему о своем внезапно возникшем подозрении.

— Они, по-видимому, украли ребенка у белой женщины! А может быть, они убили его мать?

Смуга расхохотался и ответил:

— Успокойся, Томек. Может быть, это тебе покажется странным, но негры приходят на свет белыми. Все негритянские дети чернеют позднее, почернеет и этот малыш¹.

---

¹ Цвет человеческой кожи зависит, в частности, от количества и качества пигмента. У негров пигмента значительно больше, чем у европейцев. Кроме того, у негров в пигменте много зернышек черного цвета. Однако у новорожденных младенцев пигмента так мало, что даже у негров детишки рождаются с розовой кожей, которая только несколько темнее, чем у младенцев белой расы.

Томек был так удивлен этим открытием, что еще раз вернулся в хижину, чтобы хорошенько рассмотреть ребенка, а так как это была девочка, он оставил для нее несколько ниток стеклянных бус.

На следующий день охотники разработали план ловли жирафа. За участие в облаве негры потребовали в качестве вознаграждения нескольких жирафов, которых Смуга обещал застрелить. Начало охоты было намечено на утро два дня спустя.

В полдень Смуга и Томек направились в обратный путь. Самбо не хотел расставаться с охотниками, пока не будет окончена ловля животных. Вместе с братом он бежал рядом с Томеком, ехавшим на лошади, и непрерывно говорил о необыкновенных делах белых буана.

Подъезжая к лагерю, охотники увидели довольно большую рощу карликовых мимоз с корой красного цвета. Беспокойство Динго заставило их заглянуть в рощу, куда они углубились, оставив лошадей под охраной негров. Динго шевелил ушами и, вынюхивая на земле следы, подвел их к логовищу неизвестных животных. Растущие вокруг мимозы были обгрызены так ровно, что, казалось, это была живая изгородь, подстриженная ножницами садовода. Под деревьями валялись объедки, оставленные животными. Как только Смуга бросил взгляд на логовище, он сразу же схватил Динго на поводок, а мальчику жестом приказал хранить молчание. Они осторожно отступили в степь. Только тогда Смуга обратился к Томеку:

— Ты, пожалуй, уже догадался, что за животные обитают в мимозовой роще?

— Нет, хотя, если судить по оставленным на тропинках следам, это, пожалуй, крупные животные, — ответил Томек.

— Да, это носороги. Только они объедают мимозу так, что деревца становятся похожими на живую изгородь. Носороги очень любят карликовую мимозу с красной корой. Мы должны будем разместить здесь несколько ловушек.

— А как делают ловушки на носорогов? — спросил Томек.

— Садись в седло, я тебе расскажу по дороге.

Лошади тронулись мелкой рысцой; Смуга продолжал:

— Носороги, как правило, живут в логовище длительное время. На протоптанных ими тропинках или под деревом, где они привыкли отдыхать, копают круглую яму. У дна ямы прикрепляют обруч, точно подогнанный к ее стенкам, сделанный из упругой древесины. К обручу крепят заостренные деревянные колья, обращенные остриями к центру круга, как спицы у колеса. После этого на обруч кладут толстую ремennую петлю, свободный конец которой привязывают к тяжелому бревну, горизонтально вкопанному в землю. Обруч и бревно тщательно засыпают землей, которую разглаживают с помощью ветки так, чтобы носорог не почувствовал человеческого запаха. На ловушку полезно набросать немного навоза. Если носорог не обнаружит ловушку, то рано или поздно он наступит на обруч, причем его нога попадет в петлю. Пытаясь вытащить ногу, носорог еще больше затянет петлю, а острые колья вопьются в ногу и не дадут ему освободиться. Животное начнет рваться, вырвет обруч с кольями из ямы и потянет его за собой. Однако вскоре оно упадет от усталости, так как большое бревно цепляется за кусты и деревья. В это время носорога легко можно поймать.

— Значит, мы здесь поставим ловушку? — спросил Томек.

— Носорогами мы займемся, как только закончим ловлю жирафа. Сначала мы заготовим обручи. Я уже говорил об этом Матомбе.

— Теперь я понял, что он мастерил из дерева, когда мы уезжали!

— Как видишь, я не теряю даром времени, — улыбнулся Смуга.

Томек улыбнулся тоже, ведь он уже давно лелеял свои планы, о которых пока никому не говорил.

Вскоре охотники вернулись в лагерь. Смуга и боцман отправились к Вильмовскому, находившемуся в лесу у загородки слонов.

Привыкнув к самостоятельности Томека, Хантер не обращал на него внимания. А мальчик тем временем, не ожидая скорого возвращения друзей, расска-

зал о своих планах Самбо и его брату. После короткого совещания они решили сделать сюрприз и немедленно поставить ловушки на носорогов. Томек поступил довольно хитро. Матомба приготовил уже четыре обруча. Томек выменял у него два из них на складную жестяную кружку и предупредил, чтобы он никому об этом не говорил.

Два молодых негра украдкой вынесли и спрятали лопату и связку толстых ремней. Томек с друзьями тайком выбрался из лагеря. Никто не заметил, что трое молодых людей вернулись в лагерь после довольно длительного отсутствия.

На следующий день Томеку не представилось случая заглянуть в мимозовую рощу и проверить ловушки. Смуга, вернувшись из лесу, занялся организацией охоты на жирафа, в которой они вместе с Томеком должны были играть главную роль. Охотники тщательно проверили лассо, соорудили большие деревянные клетки, и мальчик, занятый множеством новых забот, не спешил к ловушкам. Он считал, что если носорог попадет в ловушку, то и так не сможет бежать, а чем больше устанет животное, тем легче будет его поймать. Утром того дня, когда охотники собирались начать охоту на жирафа, Смуга приказал развести на вершине холма костер из сырого дерева. К небу поднялся столб черного дыма. Через некоторое время на севере показался ответный столб. Это был знак, что негры, согласно договоренности, двинулись цепью через степь. Они должны были идти на юг и шумом, а также барабанным боем поднять животных. Охотники устроили засаду среди деревьев, росших вблизи лагеря, и собирались преградить путь преследуемому животным. Можно было ожидать, что перепуганные жирафы, в бегстве от шумной толпы негров, направятся на юг, и тогда можно будет легко поймать нескольких из них. Смуга взял с собой на охоту почти всех носильщиков, которые под командованием боцмана и Хантера должны были преградить путь жирафам с юга и, таким образом, направить их прямо к месту засады.

Облава медленно приближалась. Видно было, как вдали мчались перепуганные антилопы и полосатые

зебры. В подзорную трубу Томек увидел скачущего африканского буйвола и нескольких бегущих антилоп. В это время с места, где находились боцман, Хантер и бугандцы, послышались выстрелы.

— Готовься, Томек! По-видимому, сейчас покажутся жирафы,— сказал Смуга.— Ты слышишь крики наших носильщиков? Их цепь двинулась с юга и гонит животных прямо на нас.

Томек непрерывно смотрел в подзорную трубу. Шум облавы рос. Она приближалась.

— Ого-го! Сколько антилоп мчится прямо к нам! — воскликнул Томек.— Они бегут вместе с зебрами...

Снова послышались выстрелы.

— А жираф не видно? — встревожился Смуга.

— Сейчас, сейчас... есть, есть и жирафы! Ну и скачут! Как смешно колышутся их длинные шеи. Совсем как маятники!

— Они бегут прямо на нас? — спросил Смуга.

Винтовочные выстрелы послышались ближе. Томек покраснел от гнева и воскликнул:

— Они убили самую большую жирафу!

— Дай мне на минутку подзорную трубу,— попросил Смуга.

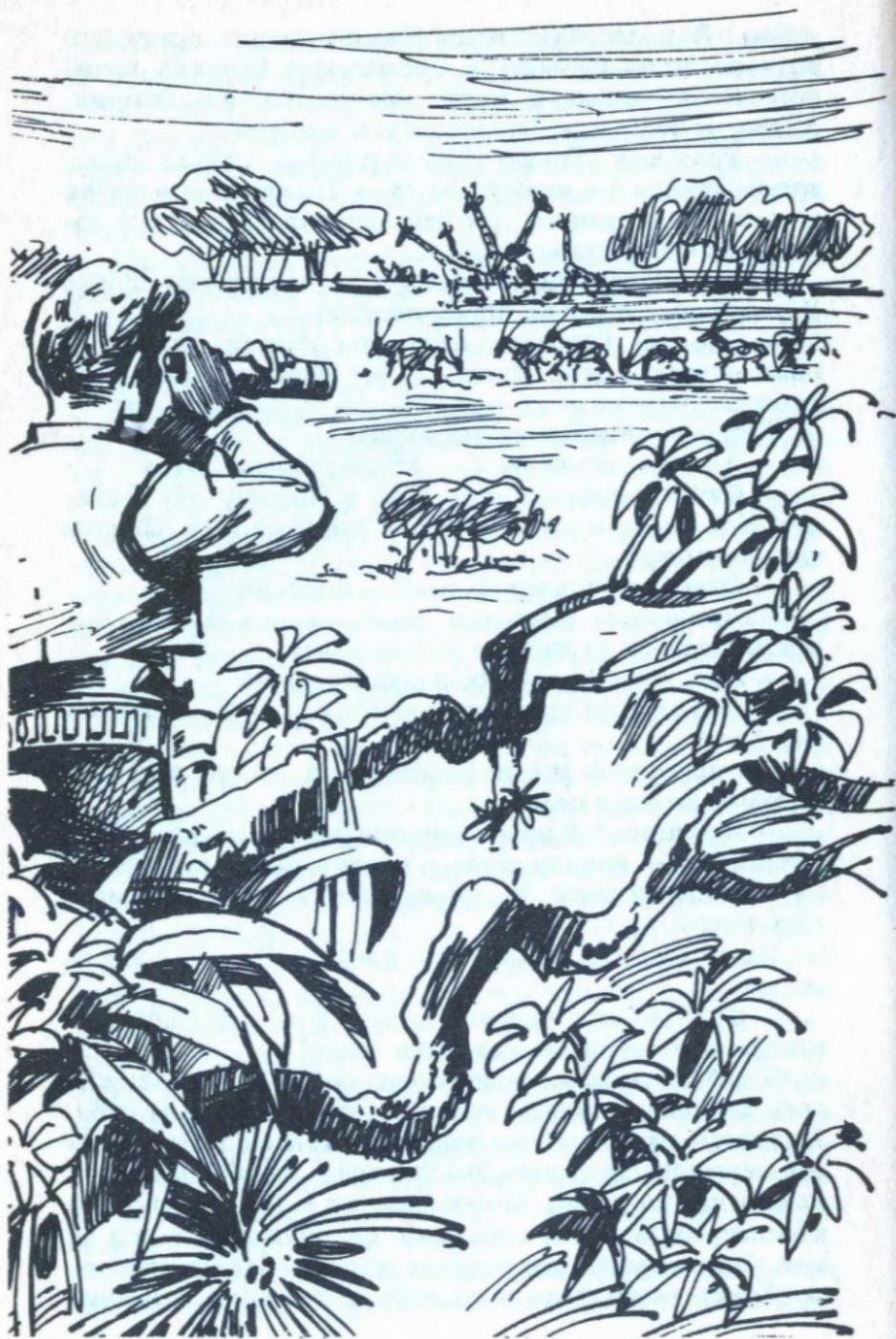
Он некоторое время разглядывал что-то в степи, потом вскочил в седло.

— По коням! Жирафы мчатся прямо на нас. Хантер застрелил вожака стада и правильно сделал. Потому что если ловить, то лучше всего молодых. Приготовь лассо!

Томек не ждал повторения приказа. Вскочил в седло.

— Смотри, как теперь легко поймать жираф! Негритянские дворняги окружают стадо!

И действительно, целая свора собак напала на жираф, которые, лягаясь, пытались отогнать их от себя. Всадники пришпорили лошадей. Увидев новых врагов, жирафы бросились врассыпную, не обращая внимания на лай собак. Томек заметил молодую жирафу, преследуемую двумя собаками. Он бросился вслед за ней. Умные дворняги мешали жирафе бежать, поэтому Томек смог легко подъехать к ней на расстояние

нескольких метров. Он поднял лассо над головой и широко размахнулся. Петля со свистом прорезала воздух и охватила шею животного. Жирафа стала метаться во все стороны. Томек привязал конец лассо к луке седла и осадил лошадь. Петля на шее животного затянулась, и жирафа упала на колени. К Томеку во всю прыть мчались бугандцы, размахивая длинными веревками.

Не прошло и минуты, как на длинной шее животного затянулось еще несколько петель. Жирафа была поймана. Предательские петли вынудили ее к послушанию.

Томек оставил перепуганное животное под надзором негров. Он помог Смуге поймать еще одну жирафу, окруженную собаками во главе с Динго. На этом охота закончилась. Звероловы схватили живьем четыре жирафы, а пять убили. Кроме жираф, Хантер и боцман подстрелили нескольких антилоп и зебр.

Под радостные возгласы негров жирафы, с затянутыми петлями лассо на высоких шеях, были отведены в лагерь. Несколько негров занялись свежеванием дичи.

Томек несколько опередил товарищей. Динго бежал рядом с ним. Мальчик был убежден, что собака чувствует еще запах диких животных, бежавших от облавы в степь, и не обращал внимания на беспокойное поведение четвероногого друга.

Довольный успешной охотой, он ехал вдоль опушки мимозовой рощи. Как вдруг оттуда раздался пронзительный писк. Огромный носорог с шумом выскочил из чащи. Взбешенное животное мчалось прямо на всадника. Томек дернул поводья, но испуганная лошадь стояла как вкопанная. Раздался крик охваченных ужасом охотников. Прежде чем Томек успел поднять штуцер чтобы выстрелить, мощная голова носорога очутилась под брюхом лошади. Конь вместе с всадником был подброшен вверх. Падая с седла, мальчик успел высвободить правую ногу из стремяни. Резкий рывок за левую ногу бросил его на землю. На Томека свалился бьющийся в конвульсиях конь. Ужасная боль на момент привела Томека в чувство. Он хотел позвать на помощь, но из горла полилась

кровь, и Томек в бессилии умолк. Ему показалось, что он падает в бездну. Потом его охватила тишина и ночь.

Что произошло после неожиданной атаки носорога, Томек уже не видел. Разорвав рогом живот лошади, разъяренное животное, как ураган, промчалось вперед, потом вернулось назад к своим жертвам. Верный Динго пытался прыгнуть на шею ужасного животного, но взлетел в воздух, как мячик. Несмотря на разорванный бок, он снова бросился на носорога, пытаясь отвлечь от своего хозяина. Ближе всех к месту событий находился Хантер. Не долго думая, он преградил носорогу путь, когда тот попытался снова броситься на лошадь и лежавшего под ней Томека. Очувшившись на расстоянии не больше пяти метров от носорога, Хантер прицелился и уверенно нажал курок. Животное упало, зарывшись головой в землю.

Боцман и Смуга подбежали, когда все уже было кончено. С помощью Хантера они приподняли лошадь и осторожно вытянули из-под нее Томека.

— Ах, боже мой! — застонал моряк, увидев залитого кровью друга.

Смуга обследовал Томека. Вынув из кармана зеркало, он хотел прижать его к губам мальчика, но руки у него дрожали как в лихорадке.

Увидев это, Хантер взял зеркало из его рук. Через секунду блестящая поверхность помутнела.

— Дышит, значит, жив! Необходимо немедленно перенести его в лагерь и сообщить отцу. Быстро приготовьте носилки! — взволнованно приказал Хантер.

Боцман Новицкий до крови закусил губы. Не говоря ни слова, он отстранил Хантера, стал рядом с Томеком на колени и осторожно взял его на руки.

Моряк медленно шел в лагерь. Время от времени его губы двигались, словно он молился, а по искаженному болью лицу катились слезы.

XXIII ЭПИЛОГ

Небольшой пароход медленно шел вдоль северного побережья озера Виктория, направляясь на восток. На залитой солнечными лучами палубе, в тени полотняного тента, на шезлонге полулежал Томек Вильмовский. Рядом с ним, покуривая короткую трубочку, расположился боцман Новицкий. Томек достал блокнот и стал писать. Боцман догадливо улыбнулся. Заглядывая через плечо Томека, он стал читать фразу за фразой:

«Озеро Виктория, январь 1904 г.

Дорогая Салли!

С того времени, как я послал тебе последнее письмо, прошло уже больше четырех месяцев. Я тогда обещал написать тебе еще раз после окончания охоты на горилл и окапи, но я не предполагал, что экспедиция будет длиться так долго. Хотя нам пришлось пережить множество неожиданных приключений, охота все же закончилась весьма успешно. Теперь мы идем на пароходе по озеру Виктория в Кисуму. Оттуда по железной дороге поедem в Момбасу, где нас уже ждет «Аллигатор», корабль, принадлежащий фирме Гагенбека, приспособленный для перевозки диких животных.

Ты, наверное, интересуешься, каких животных мы поймали? Так вот: у нас есть пять слонов. Правда, мы их поймали семь, но папа двух из них выпустил на свободу, потому что они не поддавались приручению. Кроме того, мы везем с собой четыре молодые жирафы, одного старого и одного молодого носорога, поимка которых чуть не стоила мне жизни. Об этом я напишу тебе позже. Мы поймали также трех львов, дикого кабана, двух леопардов, три гориллы (самка, самец и маленький, милый детеныш), одного окапи, нескольких шимпанзе, мартышек и других обезьян. В подарок от кабаки, то есть царя Буганды, я получил двух молодых гиппопотамов.

Из этого перечня ты можешь заключить, что наш

пароход очень напоминает Ноев ковчег. Если только нам удастся всех животных доставить в Европу целыми и невредимыми, мы будем богаты как крезды. Наш проводник и следопыт Хантер согласился сопровождать нас до самого Гамбурга. Это стало необходимым из-за несчастья, случившегося со мной во время охоты на жирафа. За животными надо тщательно ухаживать, а я вот уже целых три месяца стал обузой для тяжело работающих товарищей.

Должен тебе написать, что случилось со мной. Я хотел, втайне от всех, самостоятельно поймать носорога. Ничего никому не говоря, я поставил две ловушки. Оказалось, что в логовище, у которого я поставил ловушки, жила семья носорогов, состоявшая из самца, самки и детеныша. Самец и детеныш попали в ловушки, а самка, не имея возможности их освободить, совершенно взбесилась. Когда мы возвращались с охоты на жирафа, она неожиданно выскочила из роуци. Моя лошадь испугалась, остановилась и, пробитая огромным рогом носорога, упала, прижав меня к земле своей тяжестью. Верный Динго бросился на разъяренное животное, пытаясь отвлечь его внимание на себя. Носорог ранил его и, пожалуй, растоптал бы насмерть, если бы не Хантер, который метким выстрелом убил носорога.

Я долго находился при смерти. По словам моего друга, боцмана Новицкого, «смерть тянула меня за одну ногу, а он с товарищами за другую». Только через четыре недели я почувствовал себя несколько лучше. Конечно, о моем участии в охоте или даже в уходе за животными не могло быть и речи. Еще и теперь мне нельзя много работать, поэтому большую часть времени я провожу в шезлонге.

Динго тоже был окружен заботой. Уже через неделю он совершенно забыл о случае с носорогом и принимал участие в охоте. Мой папа нанял английский пароход, курсирующий по озеру Виктория. Это позволило нам избежать длительной и тяжелой перевозки животных по суше. Путешествие на пароходе дает мне возможность отдохнуть.

В письме невозможно описать все наши приключения в Африке. Это удивительная страна, полная контрастов. Рядом с великанами ваттуси здесь живут са-

мые маленькие люди в мире. В джунглях Конго мы встретили людей-леопардов, жестокость которых опустошила всю окрестность. Когда-нибудь я при случае расскажу тебе о них, ты с трудом поверишь в эту неправдоподобную историю. Здесь даже маленькие муравьи ведут войну с термитами.

Вообще здешняя природа устраивает людям различные сюрпризы. В степи, на экваторе ты страдаешь от жары и одновременно видишь горы, покрытые вечным снегом и льдом. Сюрпризы на каждом шагу.

Я многое тебе расскажу после возвращения в Лондон. На пути нашей экспедиции лежало множество трудностей и опасностей. Однако с такими товарищами, как боцман Новицкий, дядя Смуга, Хантер и папа, можно ничего не бояться. Много отдал бы я за то, чтобы стать таким храбрым и отважным, как они!

Я ничего не хотел тебе писать об этом событии, но боцман Новицкий, который заглядывает в письмо через мое плечо, требует, чтобы я написал о битве с людьми-леопардами. К сожалению, вопреки желанию, мне пришлось вести настоящий бой с людьми. Я утешаюсь только тем, что это были фанатики и убийцы.

Письмо получается слишком длинным, хотя о наших неправдоподобных приключениях можно писать без конца. Хотел бы я знать, когда ты поедешь в Англию. Напиши мне все о себе и своих родителях, которым я шлю искренний привет от нас всех. Жду твоего ответа.

ТОМАШ ВИЛЬМОВСКИЙ

P.S. Динго с нетерпением ждет ТЕБЯ — Томек».

Содержание

ТОМЕК В СТРАНЕ КЕНГУРУ

5

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ТОМЕКА НА ЧЕРНОМ КОНТИНЕНТЕ

279

Альфред Шклярский СОЧИНЕНИЯ В ЧЕТЫРЕХ ТОМАХ ТОМ 1

Редактор *И. Шурыгина*
Художественный редактор *И. Сайко*
Технический редактор *Н. Привезенцева*
Корректор *Н. Кузнецова*
Компьютерная верстка *И. Полятых*

ЛР № 030129 от 02.10.91 г.
Подписано в печать 15.06.95 г. Усл. печ. л. 29,4.
Уч.-изд. л. 28,16.

Издательский центр «ТЕРРА». 109280,
Москва, Автозаводская, 10, а/я 73.